

Институт нового индустриального развития
имени С.Ю. Витте

Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека

Сборник докладов
Санкт-Петербургского Международного
Экономического Конгресса (СПЭК–2019)

Том 2

Под общей редакцией Бодрунова С.Д.

Санкт-Петербург, 2019

ББК 65.04 65.050 65.23 65.9(2)

Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека. Том 2 / Сборник докладов V Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК–2019) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб: ИНИР, 2019. 860 с.

В апреле 2019 года в Санкт-Петербурге состоялся V Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК–2019) «Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека», организованный Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте при поддержке Вольного экономического общества (ВЭО) России.

В работе конгресса приняли участие около 700 участников, среди них ведущие ученые-экономисты Российской академии наук, специалисты ведущих университетов и научно-образовательных центров России, представители государственных структур, руководители предприятий реального сектора экономики, представители гражданского общества из более чем 50 регионов Российской Федерации, а также зарубежные коллеги из Франции, Великобритании, Греции, Венгрии, Эстонии, Беларуси, Киргизии.

Во втором томе сборника материалов публикуются тексты на основе докладов участников конгресса СПЭК–2019.

Тексты, графики и таблицы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-6043669-0-5

© Коллектив авторов, 2019

© ИНИР им. С.Ю. Витте, 2019

Содержание

9 **раздел 1. Вызовы глобальной экономики в новую технологическую эру: системный взгляд**

<i>Александрова О.А.</i> Парадоксы доверия и недоверия в финансовой сфере как факторы социально-экономического развития России.....	11
<i>Букреев В.В., Рудык Э.Н.</i> Развитие социального предпринимательства в России – новый паллиатив решения проблемы бедности (программа – минимум)	19
<i>Десаи Р.</i> Прошлое и будущее международной валютной системы	30
<i>Карасёва Л.А.</i> Механизм реализации социально-экономических отношений и трансформация хозяйственной системы.....	65
<i>Лейн Д.</i> Неолиберализм: доктрина и критика	74
<i>Окрепилов В.В.</i> Организующая роль экономики качества в эпоху цифровизации.....	106
<i>Фриман А.</i> Планирование в век интернета.....	113
<i>Эпштейн Д.Б.</i> Уроки 2017–2018 годов: какие производственные отношения мешают нашему росту ..	140

157 **раздел 2. Классическая политическая экономия: новая теория для новых практик**

<i>Абрамов С.Г.</i> Развитие теории риска в экономике и праве.....	159
<i>Амосов А.И.</i> Закономерности эволюции отношений собственности и революционные бифуркации	169
<i>Болдырев О.Ю.</i> «Конституционная политическая экономия» как институционально-политэкономическая альтернатива неоклассической «конституционной экономике»	181
<i>Борзых А.А.</i> Парадигмы пост-рациональной экономики	193

<i>Ванькевич А.И.</i> Проблема взаимодействия в исследовании форм производства и собственности.....	202
<i>Гераськина И.Н., Петров А.А.</i> Сбалансированное инновационное развитие социально-экономических систем: концептуальные и методологические основания	212
<i>Горюнов И.А.</i> Постмодерн как порождение контрмодернизма, ультралиберализма и ультраэкономизма.....	223
<i>Гусева Н.В.</i> Развитие экономической науки как методологическая проблема	233
<i>Гусева В.И., Бровко Н.А.</i> К вопросу о ренессансе политэкономии в Киргизии	241
<i>Егоров Д.Г., Егорова А.В.</i> Неоклассика vs классика: есть ли в экономической теории третий путь? (или почему проблемы неоклассической экономической теории принципиально неразрешимы)	250
<i>Козлов В.В.</i> Модернизация модели социально-экономической системы: эволюция и революция	259
<i>Огородников В.П.</i> Технологический детерминизм и современные глобальные проблемы	274
<i>Толкаченко О.Ю.</i> Уточнение экономической категории инноваций с целью активизации инновационной деятельности в РФ	284
<i>Ширман М.Б.</i> Проектирование социального хозяйства как самокритика политэкономии.....	293

303 **раздел 3. Российская экономика: трансформационный потенциал**

<i>Артюшенко М.Д.</i> Российский АПК и инновации: проблемы и перспективы развития	305
<i>Белоброва Н.В., Холковская О.А.</i> Цифровизация химических предприятий как основной вектор стратегии развития при переходе к экономике знаний	315
<i>Божко Л.М.</i> Оценка развития малых, средних и крупных предприятий: тенденции и влияние на экономику РФ.....	325

<i>Дектерёв В.И.</i> Особенности российской налоговой системы	337
<i>Кантор В.Е., Кантор А.В.</i> Проблемы управления эффективностью инвестиций в добывающей промышленности	347
<i>Красильников О.Ю.</i> Реструктуризация экономики России в условиях цифровой революции	360
<i>Николаева Е.Е.</i> Развитие обрабатывающей промышленности как основа для обеспечения роста благосостояния страны...	367
<i>Смирнов С.Н.</i> Некоторые аспекты аграрной реформы П.А. Столыпина как фактора экономического развития России: организационно-правовой механизм, финансовая основа, социально-экономические последствия (1906–1911 гг.).....	377
<i>Соловьева С.В.</i> Экология и природопользование в целях устойчивого развития для России	386
<i>Тишин И.В.</i> Циклический характер становления государственного долга в России.....	398
<i>Третьяк В.П., Сагина О.А.</i> Подрыв товарного производства и Форсайт отечественной экономики.....	407
<i>Фуртатова А.С., Каменик Л.Л.</i> Проблемы и пути трансформации инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях системы водно-промышленного комплекса.....	418
<i>Харламов А.В.</i> Государственная политика повышения конкурентоспособности национальной экономики и развитие хозяйственной системы.....	427
<i>Шабалина Л.В., Черноиваненко А.В.</i> Оценка перспектив развития цифровой экономики Российской Федерации	438

449 **раздел 4. Социально-трудовая сфера России: современные проблемы и вызовы будущего**

<i>Блюм В.С., Заиченко В.И.</i> Технология распределенного реестра для цифрового контура здравоохранения	451
---	-----

<i>Вередюк О.В.</i> Тенденции в фактических часах работы в России: предварительные результаты анализа микроданных	466
<i>Дейнека Л.Н.</i> Реиндустриализация национальной экономики усилит или ослабит неравенство в распределении доходов населения?	475
<i>Должикова А.М.</i> «Страхование от неравенства»: механизмы минимизации рисков и перераспределения богатства для снижения неравенства населения в эпоху НИО.2.....	489
<i>Забелина О.В., Мирзабалаева Ф.И.</i> Готовность российских работников к изменениям в сфере занятости: ожидание бедности или трудовая мобильность?	503
<i>Зайцева В.Р.</i> Как социальное неравенство влияет на экономический рост в России?	514
<i>Зверева А.А.</i> Причины низкой безработицы в России в условиях экономической рецессии	524
<i>Климченко Л.В., Ермишина А.В.</i> Экономические аспекты социальной сплоченности в контексте общего Будущего	534
<i>Лаврова З.И., Шишкина Е.В.</i> Цифровизация нормирования труда как инструмент повышения эффективности процессов.....	542
<i>Новикова И.В.</i> Стратегическое управление трудовыми ресурсами предприятия в Индустрии 4.0	551
<i>Павлов Р.Н.</i> Основные факторы, сдерживающие процесс развития социального предпринимательства в России	559
<i>Снимщикова И.В.</i> Феномен бедности в России как следствие деструкции социально-экономического развития	570
<i>Соболев Э.Н.</i> Динамика заработной платы и перспективы забастовочного движения в России.....	580
<i>Харчевников А.Т.</i> От товаризации «рабочей силы» к демографизации «работника».....	590
<i>Чурилова К.И.</i> Институциональные преобразования российского общества в 1990-х гг. и их влияние на социально-экономическое развитие современной России.....	601

609 **раздел 5. Технологические трансформации:
будущее государственного управления
и планирования**

<i>Бабкина Л.Н., Чубинская-Надеждина С.В.</i> Особенности функционирования региональных инновационных систем.....	611
<i>Войтехов М.Я.</i> Тупик экономического прогресса. Поиск выхода с опорой на экологические аналогии.....	620
<i>Ганичев Н.А.</i> О двойственной природе государственных программ развития цифровой экономики в развитых и развивающихся странах	629
<i>Джабборов Д.Б.</i> Монополизация рынков транснациональными корпорациями и политика государства.....	638
<i>Доржиева В.В.</i> Стратегическое планирование как инструмент обеспечения научно-технологического развития: региональный и отраслевой аспекты.....	647
<i>Дроздов Б.В.</i> Направления трансформации оргуправленческой сферы на этапе новой технологической революции.....	659
<i>Куц Л.И.</i> Правовое обеспечение долгосрочного государственного прогнозирования и планирования экономического и социального развития Донецкой Народной Республики	670
<i>Ленков Д.А.</i> Влияние монополизации рынка на экономическое развитие государства (на примере электроэнергетической отрасли)	680
<i>Минина М.В.</i> Информационные модели управления государством в ретроспективе технологических укладов циркумполярных стран	688
<i>Половян А.В., Синицына К.И.</i> Цифровое планирование развития экономики Донецкой Народной Республики	700
<i>Рассадина А.К.</i> Государственная стратегия развития цифровой экономики. Южнокорейский опыт	710
<i>Скоков Р.Ю.</i> Рынки аддиктивных товаров в условиях цифровизации экономики: состав, структура, регулирование.....	721

<i>Фирсов Е.И.</i> Государственные закупки: гармонизация правил и цифровая трансформация.....	732
<i>Черкасская Н.В.</i> Проблемы правового обеспечения осуществления публичных закупок в условиях цифровизации	740
<i>Шаулова Т.В.</i> Цифровизация и эффективность государственного управления.....	747

759 **раздел 6. Глобализация:**
социально-экономические дисконтенты

<i>Айвазов А.Э.</i> Эволюции мировой валютной системы: проблемы и перспективы.....	761
<i>Анисимова Г.В.</i> Российское государство в условиях глобального неравенства.....	771
<i>Борисенко Н.А.</i> Цифровая промышленность: возможности сотрудничества и технологического прорыва стран ЕАЭС	783
<i>Елецкий Н.Д.</i> Влияние геоэкономических и геополитических противоречий на развитие международных транспортных коридоров	792
<i>Кисаров И.В.</i> Глобализация и кредитно-денежная политика.....	802
<i>Коптева Л.А.</i> Этапы цифровой трансформации организаций – участников внешнеэкономической деятельности.....	809
<i>Немцов Ю.И.</i> Экономические санкции как элемент гибридной войны.....	818
<i>Новикова Н.В., Козлова Т.М.</i> Стратегии диверсификации деятельности ТНК в регионах в условиях санкционного режима	830
<i>Сорокина Н.Ю.</i> Государственная поддержка старопромышленных регионов: приложение парадигмы «мир-системного анализа» к региональному развитию	838
<i>Шемякина Н.В., Похилько В.И.</i> Теоретико-методологические основы перспектив инновационного развития промышленности непризнанных территорий	846

раздел I
Вызовы
глобальной экономики
в новую технологическую
эру: системный взгляд

Александрова О.А.,

доктор экономических наук,

заместитель директора по научной работе

*Института социально-экономических проблем
народонаселения РАН;*

профессор Департамента социологии

Финансового университета при Правительстве РФ

**Парадоксы доверия и недоверия
в финансовой сфере как факторы социально-
экономического развития России**

Аннотация. Статья посвящена парадоксам доверия и недоверия, оказывающим влияние на поведение населения и бизнеса в финансовой сфере. Доверие населения имеет два полюса: верят ближнему кругу и главе государства, но не загадывают дальше одного года. Недоверие со стороны бизнеса проявляется в краткосрочных горизонтах планирования, оффшоризации, слабой реакции на провозглашенную государством амнистию капиталов. В отличие от развитых экономик, в России не создана сложная система институтов, призванных создавать атмосферу доверия путем создания у населения твердой уверенности в невозможности безнаказанного злоупотребления его доверием. В результате преобладает иррациональное доверие, приводящее, в силу естественности злоупотребления подобным доверием, к росту общего уровня недоверия и соответствующим социальным и экономическим потерям.

Ключевые слова: доверие, население, бизнес, институты, социальная ловушка, финансы

Aleksandrova O.A.,

*Doctor of Science (Economics), Deputy Director for Research
of the Institute of Social and Economic Problems of Population*

*of the Russian Academy of Sciences; Professor,
Department of Sociology, Financial University
under the Government of the Russian Federation*

**Paradoxes of Trust and Distrust
in the Financial Sphere
as Factors of Socio-Economic Development of Russia**

Abstract. The article is devoted to the paradoxes of trust and distrust that influence the behavior of the population and business in the financial sphere. The trust of the population has two poles: they trust their near circle and the head of state, but they do not think beyond one year. Mistrust on the part of the business is manifested in the short-term horizons of planning, offshores, weak reaction to the amnesty of capital proclaimed by the state. In contrast to the developed economies, in Russia has not been created a complex system of institutions designed to create an atmosphere of trust by creating firm confidence among the population that it is impossible to abuse their trust with impunity. As a result, irrational trust prevails, leading, by virtue of the naturalness of the abuse of such trust, to an increase in the general level of mistrust and corresponding social and economic losses.

Keywords: trust, population, business, institutions, social trap, finance

Общеизвестно значение фактора социального доверия для развития экономики, работы государственного механизма, атмосферы в обществе¹. Отсутствие доверия оборачивается дороговизной экономических транзакций и многочисленными социальными ловушками² – ситуациями, когда из-за всеобщего недоверия социум и на локальном, и на общенациональном уровне оказывается не в состоянии решать общественно значимые задачи³.

¹ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.

² Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М.: Ad Marginem, 1996.

³ Fukuyama F. Social capital, civil society and development // Third World Quarterly, 2001. vol. 22, № 1. P. 7–20.

При этом очевидно, что социальное доверие – не данность, но продукт работы разнообразных социальных институтов. В тех экономиках и обществах, где уровень доверия как к государственно-политической системе, так и на межличностном уровне действительно достаточно высок, и на этой основе генерируются важные социальные и экономические эффекты, обнаруживается сложная система институтов, призванных создавать и поддерживать атмосферу доверия. Очевидно, что главной задачей такой системы является создание у индивидов и социума в целом твердой уверенности в том, что безнаказанно злоупотребить их доверием невозможно¹.

Наблюдение за российской реальностью позволяет говорить о наличии явных парадоксов доверия и недоверия. Например, социологические опросы показывают высокую степень доверия руководителю страны и, одновременно, заметное недоверие сформированной им же исполнительной власти и правоохранительной системе².

Если же иметь в виду то, что уровень доверия проявляется не только и не столько в его артикуляции, сколько в экономическом поведении, то обнаруживается разнообразие проявлений, свидетельствующих о явном недоверии.

Так, согласно экспертам, бизнес слабо реагирует на объявленную государством и уже в третий раз продлеваемую амнистию капитала. Деньги, если и возвращаются, то, в основном, «мутные», не соответствующие ужесточившимся за рубежом требованиям к прозрачности истории происхождения средств³. Как выразился на последовавшей за недавним форумом «Деловой России» пресс-конференции «Новая финансовая стратегия России: какое место достанется биз-

¹ Rothstein B. Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State. Cambridge University Press, 1998.

² Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий: Пресс-выпуск ВЦИОМ №3693, 22 июня 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9174> (дата обращения 02.09.2018)

³ Провал амнистии капитала. В Россию возвращаются только «мутные деньги». URL: <https://nsn.fm/hots/hots-ekonomist-tot-kto-ne-mozhet-dokazat-istochniki-dokhoda-vozvrashhaetsya-v-rossiyu> (дата обращения 09.02.2019)

несу в экономике страны?» финансовый омбудсмен П.Медведев, «не в России стало лучше, а за границей стало хуже»¹. Для бизнеса же, находящегося в России, одним из проявлений доверия либо недоверия к проводимому экономическому курсу является горизонт планирования. Полученные нами данные свидетельствуют: руководство предприятий различных отраслей экономики исходит из того, что надежный горизонт планирования – всего один год². На аналогичный срок предпочитают размещать свои средства на депозиты банков высокодоходные (по меркам Агентства по страхованию вкладов) группы населения; они же принципиально не вкладывают имеющиеся у них средства в инструменты фондового рынка, в накопительные схемы и т.п., не доверяя институтам, находящимся вне их непосредственного контроля³.

Что касается основной массы россиян, то здесь выявляемый в опросах примечательно короткий радиус межличностного доверия⁴ сочетается с совершенно необоснованной высокой степенью доверия к коммерческим структурам, масс-медиа⁵ и т.д., проявляемой в повседневной практике. Граждане, массово участвуя в постсоветский период в деятельности, связанной со злоупотреблением доверием в своей области (изготовление и реализация фальсифицированной продукции,

¹ Финансовый омбудсмен: не в России стало лучше, а за границей стало хуже. URL: <https://nsn.fm/hots/hots-finansovyy-ombudsmen-ne-v-rossii-stalo-luchshe-a-za-granicey-stalo-khuzhe> (дата обращения 09.02.2019)

² Александрова О.А. Проблемы долгосрочного планирования кадровых потребностей приоритетных отраслей экономики // Экономическое возрождение России, 2019. № 1. С. 53–57.

³ Инвестиционно-сберегательные стратегии высокодоходных групп населения / О.А. Александрова, Н.В. Аликиперова, Ю.В. Бурдастова, Ю.С. Ненахова, А.В. Ярашева / под науч. ред. О.А. Александровой, А.В. Ярашевой. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016.

⁴ Кертман Г. Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006, № 4.

⁵ Социологи зафиксировали снижение доверия россиян к государственным СМИ. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2018/5bfd31189a79475d5dae5a51> (дата обращения: 28.11.2018).

намеренное нарушение договорных обязательств и т.п.)¹, одновременно проявляют удивительную доверчивость в других областях, подтверждением чему служит многочисленность жертв финансовых пирамид и других недобросовестных финансовых практик²; «обманутых дольщиков»³; готовность указывать в договорах, связанных с куплей-продажей недвижимости, существенно заниженные суммы и т.д. Местные жители, не готовые делегировать право защищать свои интересы в муниципальном парламенте соседям, легко голосуют за облагодетельствовавших их перед самыми выборами руководителей строительных компаний, не задумываясь о будущем конфликте интересов при распределении бюджетных средств и т.д.⁴ Аналогично население, заявляющее о недоверии СМИ в рамках ответа на прямой вопрос, в то же время демонстрирует чрезвычайную подверженность импринтингу со стороны СМИ, что проявляется при ответах на содержательные вопросы⁵.

¹ Сапунцева Е.Г. Криминализация экономической сферы столичного мегаполиса // Общество на пути к прогрессу и социально-профессиональная интеграция молодежи в цифровую экономику: Сборник научных трудов по материалам IX Международного научного студенческого конгресса «Цифровая экономика: новая парадигма развития» / под редакцией Н.А. Ореховской, С.В. Назаренко, Л.Б. Омаровой. – М.: Отечество, 2018. С. 2014–2018.

² Борисяк Д. Почему финансовые пирамиды в России не теряют популярности // Ведомости. 14 ноября 2018 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2018/11/13/786337-pochemu-finansovie-piramidi-teryayut-populyarnosti> (дата обращения: 20 ноября 2018 г.).

³ Колочинский А. Проблемная стройка: почему число обманутых дольщиков в России будет расти // Forbes, 19.03.2018. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/358835-problemnaya-stroyka-pochemu-chislo-obmanutyh-dolshchikov-v-rossii-budet-rasti> (дата обращения: 25.03.2018).

⁴ Александрова О., Кутеева М. Контур социальной политики в условиях субрегиональной дифференциации и реформы местного самоуправления // Социальная политика: реалии XXI века. Вып. 3. – М.: НИСП, 2007.

⁵ Александрова О.А. Российский средний класс: идейный контекст становления // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 25–33.

Таким образом, можно говорить о двух типах социального доверия:

1) доверия иррационального, в конечном итоге неизбежно приводящего к росту общего уровня недоверия (в силу естественности злоупотребления подобным доверием) и социальным и экономическим потерям, и 2) доверия рационального (институционально обусловленного) и, в силу этого, созидательного – повышающего общий уровень обоснованного социального доверия.

Какой же тип социального доверия, продуцирует и культивирует сложившаяся в России институциональная матрица?

Представляется, что весь комплекс регулируемых законодательством и складывающихся под его влиянием обычаев и традиций (и наоборот) не способствует выстраиванию системы созидательного институционального недоверия в системе вертикальных отношений и создания атмосферы доверия в системе отношений горизонтальных. А с учетом того, что общество представляет собой множество вложенных и пересекающихся систем вертикальных и горизонтальных отношений, степень созидательности недоверия в вертикальных системах отношений зависит от способности социума к выстраиванию доверия в системах горизонтальных взаимоотношений. С этим же, как было показано выше, дела пока что обстоят неважно.

Литература

1. Александрова О.А. Российский средний класс: идейный контекст становления // *Общественные науки и современность*. 2002. № 1. С. 25–33.

2. Александрова О., Кутеева М. Контур социальной политики в условиях субрегиональной дифференциации и реформы местного самоуправления // *Социальная политика: реалии XXI века*. Вып. 3. – М.: НИСП, 2007.

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

3. Александрова О.А. Проблемы долгосрочного планирования кадровых потребностей приоритетных отраслей экономики // Экономическое возрождение России, 2019. № 1. С.53–57.

4. Борисьяк Д. Почему финансовые пирамиды в России не теряют популярности // Ведомости. 14 ноября 2018 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2018/11/13/786337-pochemu-finansovie-piramidi-teryayut-populyarnosti> (дата обращения: 20 ноября 2018 г.).

5. Инвестиционно-сберегательные стратегии высокодоходных групп населения / О.А. Александрова, Н.В. Аликперова, Ю.В. Бурдастова, Ю.С. Ненахова, А.В. Ярашева / под науч. ред. О.А. Александровой, А.В. Ярашевой. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016.

6. Кертман Г. Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006, № 4.

7. Колочинский А. Проблемная стройка: почему число обманутых дольщиков в России будет расти // Forbes, 19.03.2018. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/358835-problemnaya-stroyka-pochemu-chislobobmanutyh-dolshchikov-v-rossii-budet-rasti> (дата обращения: 25.03.2018).

8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

9. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М.: Ad Marginem, 1996.

10. Провал амнистии капитала. В Россию возвращаются только «мутные деньги». URL: <https://nsn.fm/hots/hots-ekonomist-tot-kto-ne-mozhet-dokazat-istochniki-dokhoda-vozvrashhaetsya-v-rossiyu> (дата обращения 09.02.2019)

11. Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий: Пресс-выпуск ВЦИОМ №3693, 22 июня 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9174> (дата обращения 02.09.2018)

12. Сапунцова Е.Г. Криминализация экономической сферы столичного мегаполиса // Общество на пути к прогрессу и социально-профессиональная интеграция молодежи в цифровую экономику: Сборник научных трудов по материалам IX Международного научного студенческого конгресса «Цифровая экономика: новая парадигма развития» / под редакцией Н.А. Ореховской, С.В. Назаренко, Л.Б. Омаровой. – М. – Отечество, 2018. С. 2014–2018.

13. Социологи зафиксировали снижение доверия россиян к государственным СМИ. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2018/5bfd31189a79475d5dae5a51> (дата обращения: 28.11.2018).

14. Финансовый омбудсмен: не в России стало лучше, а за границей стало хуже. URL: <https://nsn.fm/hots/hots-finansovyy-ombudsmen-ne-v-rossii-stalo-luchshe-a-za-granicey-stalo-khuzhe> (дата обращения 09.02.2019)

15. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004 – 730 с.

16. *Fukuyama F.* Social capital, civil society and development // *Third World Quarterly*, 2001. vol. 22, № 1. P. 7–20.

17. *Rothstein B.* Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State. Cambridge University Press, 1998

Букреев В.В.,

доктор экономических наук,
профессор кафедры экономики МСК
Российского государственного геологоразведочного
университета имени Серго Орджоникидзе

Рудык Э.Н.,

доктор экономических наук,
профессор кафедры цифровой экономики и управления
Государственного университета «Дубна»,
главный научный сотрудник

Института социэкономике Московского финансово-
юридического университета (МФЮА)

**Развитие социального предпринимательства
в России – новый паллиатив решения
проблемы бедности (программа – минимум)**

Аннотация. Раскрывается понятие социального предпринимательства на микроэкономическом уровне. Дается характеристика социального и социально-ориентированного предприятия, показывается их роль в качестве паллиатива в смягчении бедности, нищеты в России. Определяются основные преграды становления и развития социального предпринимательства в России. Предлагаются меры по их преодолению и оцениваются перспективы предпринимательства данного типа.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальное предприятие, социально-ориентированное предприятие, социальное государство, субсидиарное государство

Bukreev V.V.

Doctor of Economics, Professor of the Department

*of Economics MSK, Russian State Geological Prospecting
University named after Sergo Ordzhonikidze,*

Rudyk E.N.,

Doctor of Economics,

*Professor of the Department of Digital Economics
and Management of the State University «Dubna»,
Chief Researcher of the Institute of Socioeconomics
of the Moscow Financial and Law University (MFUA).*

**Development of Social Entrepreneurship in Russia –
a New Palliative Solution to Poverty
(a Program – Minimum)**

Abstract. Reveals the concept of social entrepreneurship at the microeconomic level. The characteristic of the social and socially-oriented enterprise is given, their role as a palliative in poverty alleviation, poverty in Russia is shown. The main obstacles of formation and development of social entrepreneurship in Russia are determined. Measures for their overcoming are offered and prospects of business of this type are estimated.

Keywords: social entrepreneurship, social enterprise, socially-oriented enterprise, social state, subsidiary state

Бедность, нищета большей части населения России стала одной из первоочередных проблем на современном этапе развития страны. По данным Росстата в 2000 году за чертой бедности находилось более 40 миллионов человек, а в 2018, используя новые методики определения бедности, он понизил их число до 21,4 млн¹. Эту цифру следует увеличить в разы. Дело в том, что все большему числу россиян из-за падения реальных доходов в течение последних пяти лет приходится переходить на режим жесткой экономии, который, в частности, проявляется в сокращении количества и качества продуктов питания, непродовольственных товаров, других средств жизнеобеспечения. В этой связи, негативным фактором выступает исчисление властью

¹ Черта бедности в России 2018: что говорит Росстат. – Режим доступа: advokat-tmy.ru...i...bednosti-v-rossii-2018...govorit... (обращение: 25.03.2019).

прожиточного минимума граждан в зависимости от величины потребительской корзины. Заметим, что она неизменна с 2015 года. Половину этой корзины составляют затраты человека на приобретение продуктов питания (в западных странах – в диапазоне от 20% до 25%). Другую половину – траты на предметы непродовольственного характера и услуги. Они не включают в себя затраты на средства коммуникации и иные информационные ресурсы, в частности, на компьютер с доступом в интернет – нонсенс в условиях объявленной властью цифровизации российского общества. Также в состав потребительской корзины не входят расходы граждан на культуру, образование и медицину. В нарастающих масштабах они стали платными в процессе коммерциализации этих сфер в явной или теневой формах. Наконец, в потребительскую корзину не включены расходы на социальное страхование и сбережения граждан на «черный день». Сохранение нынешней убогой потребительской корзины, служащей официальной базой определения прожиточного минимума фактически в границах физиологического выживания человека, приводит к резкому увеличению числа бедных в стране и стоящих ниже их по имущественной лестнице нищих.

На увеличение числа «обездоленных» влияют и такие факторы, как: рост налогов, а также неналоговых платежей и сборов, которые не включены в Налоговый кодекс РФ; постоянный рост стоимости услуг коммерциализированных естественных монополий; потеря работы; перевод значительной части лиц наёмного труда на неполную занятость; утрата в ходе пенсионной реформы права выхода на пенсию и, соответственно, на ее получение: мужчинами, дожившими до 60 лет на 5 лет, женщинами, дожившими до 55 лет на 8 лет. Число бедных и нищих в России может еще больше возрасти при материализации законодательной идеи возложить бремя содержания указанных категорий граждан на их родственников, многие из которых в этом случае сами превратятся в бедных.

Рост числа бедных, нищих и бомжей в России чреват нарастанием социальной неустойчивости и напряженности социума, его физической и нравственной деградации, люмпенизации, атомизации общества. При этом неизбежен рост протестных настроений и акций, направленных против существующей власти, подогреваемых извне и/или инициируемых изнутри представителями пресловутой «пятой

колонны», а также неминуема угроза социально-экономической безопасности страны¹.

В качестве одной из мер, которая не решает проблему бедности (программа-максимум), но существенно её демпфирует (программа-минимум), может стать развитие *социального предпринимательства – нового типа предпринимательства, которое функционирует сегодня в мире в двух главных формах.*

Первая представлена новым феноменом – «социальной экономикой», в которой преобладают нерыночные, солидаристские, коллективистские начала. Социальная экономика в мире представлена т.н. **социальными предприятиями (СП)**. Главная цель их деятельности – не извлечение прибыли, а исполнение миссии – удовлетворение жизненно важных экономико-социальных нужд и потребностей социума, как внутреннего, так и внешнего. Внутренний социум – это работники СП, главной целью которого является получение ими справедливого и достаточного уровня заработной платы, а также дохода от их паёв/долей в СП, на котором они трудятся, сохранение рациональной занятости, безопасности труда, повышение профессионального и карьерного роста. *Внешний социум* – это, в первую очередь, потребители товаров и услуг СП, владельцы используемого предприятием заёмного капитала. СП отвечает перед ними, главным образом, за его сохранение и получение владельцами доходов от его использования. Кроме того, СП ответственно перед гражданами территорий, на которых оно расположено. Например, за уровень здравоохранения, образования, честную и своевременную уплату налогов, охрану природных ресурсов. Наконец, перед населением страны и мира в целом, а также будущими поколениями.

В СП по экспертной оценке в ЕС занято более 10% рабочей силы. Оценить масштабы деятельности СП в общемировом масштабе затруднительно, преимущественно, по причине отсутствия единого понимания сущности СП. Так, В США преобладает широкая трактовка СП. В этой стране к ним относят зачастую, как неприбыльные, так

¹ Букреев В.В, Рудык Э.Н. Роль социального предпринимательства в обеспечении социально-экономической безопасности России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века, 2019, № 1, с. 76–85.

и прибыльные предприятия «двойного назначения», «деятельность которых одновременно приносит доходы и соответствует их основной социальной миссии в рамках корпоративной социальной ответственности». Подобное понимание СП не характерно для большинства стран мира, в первую очередь, западноевропейских¹.

В современном мире к СП, обычно, относят предприятие:

Во-первых, не ставящее извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности.

Во-вторых, основанное на реальном участии работников и/или их представителей в принятии управленческих решений в различных формах, вплоть до самоуправления. В последнем случае управление осуществляется работниками СП по главным вопросам его деятельности. В малом СП, либо в бригаде, участке СП – по всем вопросам в рамках его стратегии. Решения принимаются работниками непосредственно по принципу «один человек – один голос» или опосредовано – через избранных ими и подконтрольных им представителей в органах управления СП. Оперативное управление СП, за исключением малого СП, осуществляют менеджеры. Они нанимаются и контролируются органом работников СП.

В-третьих, обладающее широкой автономией в управлении, в первую очередь, когда это касается государственных и муниципальных СП.

В-четвёртых, находящееся под общественным контролем целевого использования государственных и иных средств, выделяемых СП в рамках различного рода экономических, социальных и иных программ, заказов и т.п.

Главной целью СП, отражающей его миссию, является максимизация социальной эффективности его деятельности в расчете на одного работника. На минимизацию рыночных затрат СП влияют, прежде всего, государственные и муниципальные гарантии, прямые субсидии, льготные кредиты, налоговые льготы, льготы по таможенным сборам и другие преференции, приоритет в размещении государствен-

¹ Керлин Д.А. Социальные предприятия в США и Европе. Понять различия и извлечь уроки... – Режим доступа: nb-forum.ru...Социальные предприятия...Европе...США.pdf (обращение 25.03.2019).

ных и муниципальных заказов социального назначения. *Главным индикатором* результативности СП является его вклад в решение конкретных социальных проблем внутреннего и внешнего социумов на всех уровнях.

К основным *организационно-правовым формам* СП, действующим в мире, следует отнести:

1. Государственное или муниципальное бюджетное предприятие.
2. Производственный кооператив (ПК). В мире 90% ПК являются неприбыльными, а 10% – предоставлено право выбора: быть прибыльным или неприбыльным. Решения принимаются на общем собрании членов ПК по принципу: один член – один голос.
3. Частное неприбыльное, нередко благотворительное предприятие, основанное на участии работников в принятии управленческих решений в различных формах.
5. Добровольное объединение граждан без образования юридического лица. Например, «предприятие самопомощи граждан».

Представительным примером успешных СП за рубежом, является знаменитая *Мондрагонская кооперативная корпорация* (Страна басков, Испания). В России наиболее успешным примером деятельности СП, не по форме, а по сути, являлось созданное в экспериментальном режиме ещё на последнем этапе советского периода нашей истории с согласия Минздрава России государственное самоуправляемое арендное учреждение – *МНТК «Микрохирургия глаза»* в период, когда им руководил академик С.Н. Фёдоров¹.

Другая форма социального предпринимательства представлена прибыльными социально-ориентированными предприятиями (СОП). Они направляют значительную часть своей прибыли на решение или смягчение социальных проблем внутреннего и внешнего социумов. Это позволяет квалифицировать СОП как *прибыльные, но выполняющие социально-значимые функции.* По этой причине СОП имеют или должны иметь: гранты, субсидии, налоговые льготы, льготы по кредитам, приоритет в получении заказов, инвестиций и др.²

¹ Букреев В.В., Рудык Э.Н. Социальные предприятия: феномен, проблемы, перспективы // *Альтернативы*, 2017, № 4, с. 45–47.

² *Социальная экономика: теория и практика.* Под ред. Бузгалина А.В., Маркаряна К.В. – Москва: ТЭИС. – 2009. – с. 166–168.

Учет нужд и интересов внутреннего социума – работников СОП, помимо выплаты справедливой заработной платы и поддержания рациональной занятости, достигается в мире:

1. Разделением хозяйственной власти на предприятии путем перехода от старой авторитарной системы управления к новой. Она характеризуется участием работников в различных формах и объемах в управлении предприятием и распределении результатов труда от консультативно-совещательных функций, *соуправления предприятием* трудом и капиталом на принципах социального партнерства, которые предполагают равноправие, а, в идеале, равновесность сторон до *самоуправления работников*.

2. Участием наемных работников в капитале СОП в договорном либо законодательном порядке, что дает им возможность участвовать в управлении предприятием в качестве его акционеров или пайщиков.

3. Все большим осознанием в обществе того, что обладание собственностью дает ее владельцам не только определенные права, отнюдь не абсолютные, но и налагает на них обязательства. Суть этих обязательств можно выразить формулой: «собственность должна служить благу социума», включая, естественно, работников – непосредственных производителей всех товаров и услуг. Такой подход может быть реализован, как в добровольном порядке, так и в договорном либо принудительном.

4. Использованием различных форм и инструментов воздействия государства, муниципальных образования, общества, граждан и их объединений на политику СОП посредством:

– установления адресных «социальных показателей» обязательного характера для предприятий государственного сектора;

– определения на договорной основе «социальных целей» для частных предприятий, например, в рамках общенациональных среднесрочных планов экономического и социального развития;

– предоставления государственных и муниципальных заказов, льготных кредитов;

– целевого инвестирования. Этим занимаются не только государственные, но и многочисленные негосударственные институты. Например, Международная ассоциация инвесторов в социальную экономику. Данная организация предоставляет «социальные займы», а также направляет «социальные инвестиции» в объеме до 10 млн

евро в расчете на один «социальный проект». Инвестирование в социальные проекты также осуществляет Институт развития социальной экономики. Он предоставляет целевые займы или инвестиции социального назначения в размере от 80 до 500 тыс. евро в каждом случае¹;

– использования специального права – т.н. «золотой акции», дающей её владельцу право заблокировать неугодные решения;

– ограничения прав «титულных» собственников имущества СОП, включая различного рода обременения: сохранение производственного профиля предприятия, его персонала в течение определённого времени, фиксация предельного уровня рентабельности согласно формуле: «собственность должна служить нации, территории, гражданам».

Созданию и развитию СП и СОП в России препятствует **ряд обстоятельств**. Наиболее значимыми из них, по мнению авторов, следует считать:

1. Отнесение к субъектам социального предпринимательства *только малых и средних коммерческих организаций* при выполнении ими ряда условий. А именно: обеспечение занятости социально уязвимых групп населения (их численность должна составлять не менее 30% работников организации, а доля в фонде оплаты труда – не менее 25%); ведение предпринимательства, направленного на улучшение условий жизнедеятельности граждан (доля доходов организаций от ведения такой деятельности должна составлять не менее 70% в их общем объеме доходов)².

2. Фактическая реализация в стране модели субсидиарного государства. Это предполагает минимизацию его социальных функций, сведение их к оказанию совместно с институтами *частной добровольной благотворительности* помощи не всем членам социума, а исключительно или преимущественно неимущим и малоимущим слоям населения – «новым нищим», включая работающих. Между тем, согласно ст. 7 Конституции РФ, «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание

¹ Социальная экономика: теория и практика. Под ред. Бузгалина А.В., Маркаряна К.В. – Москва. – ТЭИС. – 2009 -с. 167.

² Ст. 2 правительственного законопроекта о социальном предпринимательстве.

условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека», а не только «новым нищим».

3. Сохранение, а во многих случаях усиление, в немалой степени по причине односторонней поддержки государством работодателей, архаичной системы принятия решений авторитарного типа. Такое положение приводит к блокированию продекларированного в официальных документах перехода от конфронтационного типа отношений на предприятии к партнерскому, обеспечивающему учет и согласование основных интересов наемных работников и работодателей на основе равноправного и более или менее равновесного сотрудничества.

4. Отсутствие в федеральном законодательстве термина СП, как организационно-правовой формы, в преобладающей в мире трактовке. Близким по содержанию к СП является такая форма юридического лица как «некоммерческая организация». Термин СП можно найти в региональных и местных нормативных правовых актах, главным образом, применительно к предприятиям, предоставляющим товары и услуги социально незащищенному, уязвимому и бедствующему населению по более низким ценам по сравнению с рыночными. Главным образом, в рамках различных программ благотворительности.

5. Отнесение производственных кооперативов, а также казенных предприятий, которые должны финансироваться из бюджетов различных уровней, к прибыльным организациям.

6. Отсутствие программ развития социального предпринимательства на федеральном уровне и их дефицит на региональном и местном.

7. Кризисное состояние российской экономики, усиленное западными санкциями. Это не позволяет населению, значительная часть которого находится в ситуации абсолютного обнищания, создавать СП в массовом масштабе за счет собственных средств – «пустых карманов», тем более в условиях недоступности банковских кредитов на эти цели в силу запредельных процентных ставок.

8. Избыточное администрирование при создании и ведения бизнеса в стране, усугубленное коррупцией, принявшее в России системный характер, а также «лукавой» государственной статистикой.

9. Низкий, как правило, уровень компетентности менеджмента, во многом производный от практического отсутствия в системе про-

фобразования учебных программ ведения хозяйства в форме социального предпринимательства, а также невысокая степень экономической и правовой грамотности части населения, которое может быть вовлечено в этот вид хозяйствования.

10. Слабость опорных структур субъектов социального предпринимательства: собственных банков, центров по оказанию правовых и экономических услуг и т.п.

11. Импотентность и разобщённость зарождающихся институтов гражданского общества, призванных содействовать становлению и развитию социального предпринимательства во многом по причине высокой степени атомизации современного российского социума.

Перспективы развития социального предпринимательства в России, как паллиатива решения проблемы бедности, зависят от ряда обстоятельств первостепенной важности.

1. Изменение сущностных характеристик российского государства: от нынешнего антисоциального, компрадорского, олигархически-бюрократического, коррумпированного к государству демократическому, правовому, национально и социально ориентированному на защиту прав и интересов своих граждан, а не привилегированного меньшинства.

2. Осознание хотя бы частью российской «элиты» необходимости действенного учета интересов большинства граждан при решении проблемы бедности.

3. Способность зарождающегося гражданского общества побудить или заставить сильных мира сего, вынужденных учитывать нарастание, хотя и в латентной форме ощущения в российском обществе недовольства несправедливостью его устройства и того, что дальше так жить нельзя, проводить необходимые реформы, не дожидаясь крупномасштабного взрыва «снизу».

Литература

1. Букреев В.В, Рудык Э.Н. Роль социального предпринимательства в обеспечении социально-экономической безопасности России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. – 2019. – № 1. – С. 76–85.

2. Букреев В.В., Рудык Э.Н. Социальные предприятия: феномен, проблемы, перспективы // Альтернативы. – 2017. – № 4. – С. 45–47.

3. Керлин Д.А. Социальные предприятия в США и Европе. Понять различия и извлечь уроки... – Режим доступа: nb-forum.ru...Социальные предприятия...Европе...США.pdf.

4. Социальная экономика: теория и практика. Под ред. Бузгалина А.В., Маркаряна К.В. – Москва. – ТЭИС. – 2009. – 315 с.

5. Черта бедности в России 2018: что говорит Росстат. – Режим доступа: advokat-tmy.ru...i...bednosti-v-rossii-2018...govorit...

Десаи Р.,

*профессор факультета политических исследований,
руководитель исследовательской группы
по геополитической экономике,*

Научно-исследовательский университет Манитобы

**Прошлое и будущее
международной валютной системы**

Аннотация. Статья анализирует тесную взаимосвязь между финансиализацией западных экономик и давлением, которое они оказывают на остальной мир, а также механизмы формирования опасной финансовой и валютной нестабильности в мире, которая возникает вследствие действий западных экономик в своих экономических и политических интересах.

Ключевые слова: международная валютная система, финансиализация, неолиберализм, накопление капитала, геополитическая экономия

Desai R.,

professor, Department of Political Studies,

Head of the Research Group on Geopolitical Economics,

University of Manitoba

**The Past and Future
of the International Monetary System**

Abstract. The article analyzes the close relationship between the financialization of Western economies and the pressure they exert on the rest of the world, as well as the mechanisms of creating dangerous financial and monetary instability in the world that arises as a result of the actions of Western economies in their economic and political interests.

Keywords: international monetary system, financialization, neoliberalism, capital accumulation, geopolitical economy

Когда на рубеже 1970–1980-х годов в англо-американском «центре Локка» (51) была впервые инициирована неолиберальная программа, ее целью называли возрождение капитализма западного образца. Тогда он находился в тяжелом положении уже десять лет, с самого начала «затяжного спада» (4). Теперь, спустя почти четыре десятилетия всем, разве что кроме самых идейных неолибералов и самых невнимательных наблюдателей, ясно, что все пошло не по плану.

Неолиберализм не смог омолодить западный капитализм (несмотря на господствующее мнение, разделяемое некоторыми марксистами, такими как Думенил и Леви (22), которые, вопреки всем свидетельствам, настаивают на обратном). Зато он смог обеспечить деньгами капитализм и, что было неизбежно, опустошил его. В связи с увеличением в экономике доли финансовой деятельности, которая оттеснила производственную и еще более ограничила последнюю, западный капитализм в стимулировании своего роста стал зависеть от раздувания цен на активы. Такой рост может быть не более чем анемичным. Когда единственным стимулом спроса было растущее потребление узкой элиты, подпитываемое «эффектом богатства» от раздутых активов, а правительство начало играть в жесткую экономию, наступил спад инвестиций. Такой анемичный рост, неспособный обеспечить всеобщее процветание, и есть все, на что способен западный капитализм, что признают и «левые» и «правые» обозреватели (33, 48).

И если выгоды от этого финансиализированного капитализма были скудными, то затраты – огромными. Среди них – более высокий уровень безработицы, ограниченный рост заработной платы и исторически беспрецедентный уровень неравенства. Кроме того, периодически возникали финансовые кризисы. Изначально их очаги были разбросаны по всему миру, но в 1997 году разразился Азиатский финансовый кризис, достигший невиданных ранее масштабов. После этого кризисные ситуации стали все чаще гнездиться на родине западного капитализма: сначала пришел крах доткомов 2000 года, а затем – «мать всех финансовых кризисов» (на данный момент) – финансовый кризис 2008 года. Эпицентром обоих были США и, в более общем смысле, англо-американский центр капитализма, хотя благо-

даря либерализации финансового сектора еврозоны, обусловленной монетарной интеграцией, сама еврозона начала активно вкладываться в жилищные и кредитные пузыри США, в чем она даже превзошла своего американского коллегу (36). Как следствие, кризис 2008 года заложил основу для кризиса еврозоны 2010 года.

Эта разорительная финансиализированная схема накопления не могла не привести к политическим и геополитическим последствиям. Помимо нерешаемых проблем низкой занятости, сокращения реальных доходов рабочего класса, растущего неравенства, разложения левого крыла, что также было характерно для долгих десятилетий неолиберализма, на национальном уровне западные страны начали испытывать подъем угрожающе авторитарной политики правого крыла. Если взять международный уровень, то медленный рост Запада (Япония – главный центр накопления капитала за пределами западного мира уже давно пребывала в «затяжной стагнации») сочетался с более быстрым ростом в других регионах. Надо отметить, что основной жертвой неолиберализма были страны третьего мира, которые в 1980-х и 1990-х годах испытывали торможение экономического развития. Финансиализация затронула и остальные регионы мира: достаточно взглянуть на ряд финансовых кризисов, пережитых многими странами за пределами западного мира в 1990-х годах, или на более поздние валютные кризисы. Тем не менее, многие страны либо практически полностью отказались от неолиберализма (как Китай), либо адаптировали его (как Индия), либо отвергли после первых тяжелых попыток следования его принципам (как Россия и многие латиноамериканские страны), и показывали гораздо более устойчивые темпы роста на протяжении десятилетий господства неолиберализма в мире. За счет этого они начали набирать обороты, догоняя Запад с точки зрения экономического веса в мировой экономике, пусть и не с точки зрения доходов на душу населения (37) привлек внимание общественности к этому вопросу). «Подъем остальных регионов мира» впервые в современной истории, или, иначе говоря, впервые с момента возникновения капитализма начал смещать центр силы тяжести мировой экономики, которым до этого были западные страны (12). Данное явление стали называть «многополярностью» (хотя, как будет показано ниже, к концу девятнадцатого века мир уже был многополярным, а с тех пор полюсов силы стало еще больше).

Подобное развитие событий неизбежно привело к дискуссиям о возможности прекращения западного и, в частности, американского доминирования в мировой экономике, а также, учитывая, что это доминирование действует главным образом через валютную систему, – о возможности прекращения доминирования международной валютной системы, основой которой является доллар. Как бы то ни было, эти дискуссии оказались весьма любопытными. С одной стороны, направление, поддерживающее долларовую систему, которое сосредоточено преимущественно в США, продолжает настаивать на своей устойчивости. С другой стороны, те, кто не согласен и указывает на противоположные факты и тенденции, делают это на удивление антитеоретично и антиисторично. Неупорядоченный массив фактов, каким бы огромным он ни был, не может сравниться с аргументацией. Судя по всему, эта интеллектуальная ответственность очень тяжела, и поэтому господствующие установки США продолжают править бал. Это можно было бы оставить без внимания, если бы преобладающая часть мира не платила высокую цену за подобное отсутствие понимания вот уже много лет, как минимум с 1980-х.

Цель настоящей статьи – прояснить заблуждения путем изучения тесной, неизбежной, но при этом, как правило, замалчиваемой взаимосвязи между финансиализацией западных экономик и давлением, которое они оказывают на остальной мир, добиваясь того, чтобы мир следовал их примеру, и подвергая его опасной финансовой и валютной нестабильности, с одной стороны, и долларовой международной валютной системой, с другой.

Литература, касающаяся как международной валютной системы, основанной на долларе, так и финансиализации, обширна. Она восходит к началу 1970-х годов, когда Никсон закрыл т.н. золотое окно. Это было в те времена, когда возникли «теории гегемонистской стабильности», призванные нормализовать сложившуюся ситуацию. Они провозглашали, что доллар может, должен и будет оставаться мировой валютой (родоначальником этих теорий традиционно считается Киндлбергер (30), хотя он формировал свои представления по этому вопросу за более чем десять лет до этого, как отмечает Десаи (11) в своем анализе теорий гегемонистской стабильности). Эта литература сформировала господствующее понимание всемирного значения доллара. Она исходит из простого допущения о том, что деньги всего

мира выражаются и всегда выражались в валюте доминирующей экономики, в силу чего за этой валютой закрепляется «чрезвычайная привилегия», как ее называл Валери Жискард д'Эстен (Valéry Giscard d'Estaing). К обсуждению предлагаются лишь детали: более широкий вопрос о действительности, желательности и долговечности роли доллара как мировой валюты сомнению не подвергается никогда. В самом деле такая литература достигла мастерства в перемалывании противоположных фактов в доказательства. Возьмем наиболее очевидные примеры: сила доллара рассматривается в качестве доказательства устойчивости долларовой системы («Посмотрите, как силен доллар!»), но о том же свидетельствует и слабость доллара («Посмотрите: долларовая система устойчива, несмотря на слабость доллара»).

Современная финансиализация западных экономик началась еще при неолиберализме, хотя литература о ней стала распространяться лишь в новом тысячелетии (с появлением таких работ, как (23) и (32)), а развиваться особенно бурно – с наступлением финансового кризиса 2008 года, который рассматривался как кульминация финансиализации. При этом важно отметить, что осознание противопоставления чрезмерной спекулятивной финансовой деятельности и производства было постоянным направлением исследования политэкономии, начиная с XIX века (включая вклад в нее Маркса: см. превосходный анализ по данному вопросу в публикации (26)); важные работы по этой теме стали появляться задолго до наступления 2000-х годов (28) и (Dore 2000), а Ален Липец обратил на нее внимание уже в 1980-х годах (35), поскольку с появлением неолиберализма после послевоенных десятилетий «финансовых репрессий» через контроль над капиталом проблема финансиализации возникла вновь. Очень важен широкий охват литературы по финансиализации, подчеркивающей негативные последствия этого явления, в том числе эпизодические, но при этом чрезвычайно разрушительные и опасные финансовые кризисы, усиливающие неравенство, бедность и незащищенность, а также снижающие спрос и занятость. Хотя причины финансиализации и выносятся на рассмотрение – является ли она причиной или следствием перечисленных проблем? – ее связь с международной валютной системой рассматривается редко, если вообще когда-либо затрагивается. Этот вопрос мы и рассмотрим в данной статье.

*Переосмысление отношений между государствами
в капиталистическом мире*

Чтобы разобраться в значительной теоретической путанице, которая создает массу неудобств для нашего понимания того, что обычно называют международной или глобальной политической экономией, необходимо теоретическое введение в дисциплину, которую я назвала геополитической экономией. В этой области исследований доминируют американские и западные ученые и научные социологические подходы (в отличие от исторического, см. (16)). Следовательно, ее цель – отвлекать внимание от любых идей, которые могут поставить под сомнение идею доминирования США и доллара США. Несколько лет назад я предложила альтернативный подход, изложенный в публикации Геополитическая экономика: после глобализации, американской гегемонии и империи (*Geopolitical Economy: After Globalization, US Hegemony, and Empire*, (13)), работа будет переведена на русский язык Вольным экономическим обществом России. Для краткого ознакомления с геополитической экономикой см. работу (13), а на русском языке – (14)). Этот подход позволяет обдумать по сути сомнительную основу обеих концепций как теоретически, так и исторически, и понять, как возникла нынешняя многополярность. С помощью этого подхода мы можем оценить нынешнее критическое положение США и Запада, растущую многополярность и новые международные валютно-финансовые реалии и перспективы, сосредоточенные в Китае. Это подход, который уходит корнями в классическую политическую экономию (а не в область неоклассической экономики, которую называют то международной политической экономией, или МПЭ, то глобальной политической экономией, или ГПЭ), результатом которой стал труд Маркса и Энгельса. Геополитическая экономия также опирается на таких критиков неоклассической экономики, как Джон Мейнард Кейнс, Карл Поланьи, а также на более поздних теоретиков государства развития, таких как Алиса Амсен, Роберт Уэйд, Илин Грабель и Ха-Джун Чанг (Maynard Keynes, Karl Polanyi, Alice Amsden, Robert Wade, Ilene Grabel и Ha-Joon Chang). Геополитическая экономия также оспаривает доминирующую интерпретацию марксизма в так называемой «марксистской экономике». Маркс не был «экономистом»; скорее, разре-

шив антиномии классической политической экономии, он сыграл ее заключительный аккорд. Неоклассическая экономика возникла с целью поставить под сомнение наследие классической политической экономии и марксизма, который вызвал слишком много вопросов о капитализме для того, чтобы оставаться им легитимизированным. Вот уже более века марксистские экономисты стремятся вписать марксизм в антитетические теоретические и методологические рамки неоклассической экономики. Это неизбежно привело их к оспариванию фундаментальных основ самого марксистского взгляда на капитализм и его противоречиям (это вопрос я рассматриваю в работах (9), (10), (16), (17)). Последние две переведены на русский язык, см. (19), (20)). Геополитическая экономия возвращается к анализу, который проводил сам Маркс, и ставит противоречия капитализма в центр своего понимания. Она также оздоравливает другое значительное наследие Маркса – его понимание наций как исторических акторов, столь же важных, как и классы.

Более того, как следует из цитаты на, взятой из замечаний Маркса об американском теоретике системы меркантилизма Генри Кэри (Henry Carey) на заключительной странице «Экономических рукописей», Маркс понимал отношения между нациями и борьбу между ними в капиталистическом мире как обусловленные главным образом противоречиями капитализма, что можно сказать и об отношениях и борьбе между классами:

«...гармония буржуазных производственных отношений кончается у Кэри полнейшей дисгармонией этих отношений там, где они выступают на наиболее грандиозной арене, на мировом рынке, достигнув наиболее грандиозного развития в качестве отношений производящих наций... Кэри не понял того, что эти дисгармонии мирового рынка являются лишь последним адекватным выражением тех дисгармоний, которые фиксируются как абстрактные отношения, в экономических категориях и которые в своем минимальном масштабе обладают тем или иным локальным существованием».

Согласно геополитической экономии, многочисленные меж- и внутриклассовые противоречия и кризисные тенденции капитализма представляют собой первостепенные задачи для капиталистических государств. Они приведены на рис. 2 (взято из (16), перевод на русский язык, (20)). Противоречия капитализма возникают из раз-

личных источников или областей, которые логически необходимы для любой формы капитализма: это производство, реализация, деньги, финансы, политика и геополитика. И они могут принимать одну из двух форм. Во-первых, эти противоречия могут возникать в горизонтальной плоскости, например, в отношениях между классами капиталистов, то есть в результате их конкуренции. Во-вторых, это могут быть вертикальные противоречия, происходящие из отношений между капиталом и эксплуатируемыми им классами и нациями. Так, например, источником пресловутой тенденции нормы прибыли к понижению в сфере производства является горизонтальное противоречие, возникающее в результате конкуренции между капиталами. Она снижает уровень прибыли, если ей не противодействуют другие факторы. Вертикальное противоречие в производстве – это ограничение прибыли, которое возникает, когда организованные работники добиваются повышения заработной платы, а прибыль снижается, если такое сжатие не компенсируется другими факторами, например, ростом производительности или цен. В таблице приведены основные межклассовые и внутриклассовые противоречия, возникающие в основных сферах капитализма. Конечно, помимо противоречий, возникающих из-за противоречивой динамики накопления капитала, капитализм также страдает от политических и геополитических проблем, таких как войны и трудности в легитимизации принципиально неравного и нестабильного общества.

Таблица 1. Кризисы капитализма по своему источнику и форме

Источник / Форма	Производство	Реализация	Деньги	Финансирование	Политический	Гео-политический
Внутри-классовая	Тенденция нормы прибыли к понижению	Дисбаланс	Дефляция	Кризис системы кредитования / спекулятивные пузыри	Налогово-бюджетный кризис	Неравномерное развитие в противоположность комплексному капиталистическому развитию

Меж- классовая	Сохранение прибыли	Перепроизводство/ недостаточное потребление Инфляция Ипотечный кризис	Кризис узаконивания	Неравномерное развитие в противоположность общественному или социалистическому комплексному развитию
-------------------	--------------------	--	------------------------	--

Источник: Desai 2016 (16).

Все эти противоречия требуют разрешения, и из всех институтов самую большую роль в этом играет государство. Поэтому основополагающим принципом геополитической экономики является материальность наций: вопреки большинству экономических объяснений, среди которых, к сожалению, встречаются и марксистские, государство не является случайным субъектом капитализма: оно необходимо как системная основа на протяжении всей его жизни. Конечно, нет никаких гарантий, что государства будут всегда успешны в своих действиях.

Существует обширная общественно-научная и историческая литература о внутренних действиях государств по управлению накоплением, противоречиями и вытекающей из этого классовой борьбой. Однако с тех времен, когда были построены классические теории империализма Гильфердинга, Люксембург (Hilferding, Luxemburg), Бухарина и Ленина, а также создана работа Джона А. Гобсона (John A. Hobson), которую очень хвалил Ленин, предпринималось лишь несколько попыток понять международные отношения капиталистического мира посредством хоть со сколько-нибудь значимого и достоверного анализа капитализма. Несмотря на активную деятельность в том, что называют «марксистскими международными отношениями», эти усилия сталкивались со многими трудностями, в том числе со склонностью принимать точку зрения неоклассической или «марксистской экономики» и, соответственно, отделять «экономическое» от «политического». (Эти трудности и тенденции рассматриваются в работах (9), (11), (42), (45) и (53)).

К пониманию классовой борьбы и роли государств в управлении ею на внутреннем уровне геополитическая экономия добавляет на-

стойчиво подавляемое в марксистской науке понимание наций и их исторического влияния в той форме, в какой они были развиты классической политической экономией, Марксом, поздними марксистами в их теориях империализма и критике неоклассической экономики. В соответствии с этим пониманием, «материальность наций» обусловлена существенной ролью государства в управлении противоречиями капитализма посредством как внутренних, так и международных мер. Чтобы восстановить это историческое понимание классов и наций как акторов, геополитическая экономия, в частности, возвращается к классическим марксистским теориям империализма, которые были также первыми теориями капиталистических международных отношений и сопряженной с ними идее неравномерного и комплексного развития.

В результате получается понимание межгосударственных отношений в капиталистическом мире, движимых противоречиями, источником которых является капитал. Капиталистические государства конкурируют друг с другом, чтобы вывести вонне последствия противоречий и кризисов и переложить их на колонии и более слабые государства. Чтобы добиться характера неравномерного и комбинированного развития, доминирующие государства стремятся поддерживать неравномерность и взаимодополняемость между своими более производительными структурами и менее производительными структурами подчиненных наций. Однако некоторые страны могут и хотят противостоять такому подчинению, будь то неизбежному или реальному, через обеспечение развития под управлением государства или смешанного развития, направленного на установление сходства производственных структур. Только диалектика капиталистических международных отношений между доминирующими и конкурирующими нациями ответственна за распространение производственных мощностей по всему миру. Она уже превратила мир в многополярный к тому моменту, когда в 1870-х годах произошла индустриализация первых стран, бросивших вызов первоначальному промышленному и имперскому господству Соединенного Королевства – это были Германия, США и Япония. С тех пор многополярность развилась еще больше, в том числе благодаря индустриализации СССР, нынешнему росту Китая, возрождению России и появлению других экономик.

*Геополитическая экономия
международной валютной системы*

Таким образом, геополитическая экономия выводит на поверхность определенные спорные моменты в нашем понимании капиталистического мирового порядка. Теперь мы можем увидеть, что эти проблемы дестабилизируют все международное имперское господство. Исторически сложилось так, что фунту стерлингов было трудно, а доллару – невозможно служить мировыми деньгами. Причины в обоих случаях были одинаковыми: валюты принадлежат нации, а национальные государства не бывают мировыми государствами. Национальные валюты не могли стабильно служить мировыми валютами и теряли эту роль по мере того, как соперники бросали вызов необходимому, но неизбежно краткому доминированию первой страны, прошедшей индустриализацию.

Стабильность и нейтральность золотого и серебряного стандарта – это миф. На самом деле, как давно говорил Марсель де Чекко (7), чтобы понять это, нам нужен не Давид Рикардо (David Ricardo) с его панглоссианским взглядом на взаимные выгоды свободной торговли, а Фридрих Лист (Friedrich List) с его честной оценкой реалий международного господства и конкуренции. Золотой и серебряный стандарт опирался не на предполагаемую надежность золота, а на авторитарные и имперские догмы. Авторитарная политика внутри страны позволила Великобритании и другим странам-членам содружества переложить издержки перестройки производства на рабочий класс. На международном уровне Британская империя обеспечивала избыточный капитал, снабжая мир ликвидностью через экспорт капитала.

Широко признано, что этот экспорт капитала обеспечивался за счет «колоний». Классические теоретики империализма были правы, отмечая это, хотя их больше интересовало влияние империализма на саму Европу, а главным образом то, как конкуренция за колонии могла была привести и привела к войнам. Таким образом, они не делали беспрецедентно решительного различия между колониями белых поселенцев, такими как (бывшие колонии) Соединенные Штаты, Канада и Австралия, и колониями местных жителей, такими как Индия, страны Карибского бассейна или Африка. Мы поймем, на-

сколько решительным было это различие, когда примем во внимание тот факт, что капитал был доступен для экспорта благодаря профициту, полученному за счет колоний местных жителей, будь то прямо или косвенно. Прямым источником добавочного капитала служило налогообложение. Косвенным – профицит баланса торговли, которую вели колонии с остальным миром, экспортируя главным образом дешевое сырье. Британская валютная выручка от этих торговых профицитов присваивалась Великобританией, и она более чем компенсировала дефицит торгового баланса. Великобритания, возможно, когда-то и была первым промышленником и «мастерской мира», но к концу девятнадцатого века, в период расцвета так называемого золотого стандарта, она столкнулась с конкуренцией со стороны других промышленных игроков, таких как США, Германия и Япония, которые следовали путем государственного, протекционистского, разностороннего развития.

Рис. 2. Прибыль, получаемая из колоний, не заселенных выходцами из Европы. Экспорт капитала в колонии, заселенные выходцами из Европы

В отличие от них Британия, несмотря на промышленный спад, влияние которого она начала испытывать перед лицом этой конкуренции, предпочла придерживаться более свободной торговой политики вместо того, чтобы отдать приоритет решению проблемы промышленного спада через возрождение своей промышленности под руководством государства. Иной образ ее действий поставил бы

под угрозу интересы аристократического землевладельческого и финансового класса, который продолжал править страной, несмотря на то, что Британия стала родиной промышленной революции (этот вопрос был предметом широких дискуссий, изначально возникшей среди левых исследователей, но впоследствии вошедшей в русло мейн-стрима. См. (1), (29)). Для наших же целей важно, что такой подход позволил Великобритании не вкладывать капитал в свою страну, а экспортировать его и вкладывать в колонии белых поселенцев, в том числе Соединенные Штаты, благодаря чему они все начали или ускорили свою индустриализацию в конце девятнадцатого века (подробные цифры доступны в работе (24)). На рис. 3 показаны потоки от колоний с коренным населением через Соединенное Королевство к колониям белых поселенцев.

Эти факты, необходимые для понимания прошлого и будущего международной валютной системы, отмечаются редко, в значительной степени из желания попросту скрыть существенный вклад колоний в индустриализацию капиталистического ядра и тот вред, который им нанес колониализм; и с тем, чтобы активно отрицать эти последствия, когда интеллектуалы из колоний, таких как Индия, обращали на них внимание. Как отмечает Утса Патнаик (Utsa Patnaik), которая проделала отличную работу по раскрытию данной темы (см., в частности, (39)): «литература по экономическому империализму... обнаруживает слабое понимание самого факта существования трансфертов, не говоря уже о масштабах переданных богатств или конкретных реальных и финансовых механизмах, посредством которых эти трансферты осуществлялись. В Индии, крупнейшей колонии первого в мире капиталистического лидера, Британии, активная дискуссия, посвященная трансфертам, которые называют «утечкой богатства», ведется вот уже более десяти лет с того момента, когда на нее указали Дадабхай Наороджи и Р.С. Датт (Dadabhai Naoroji and R.C. Dutt). Литература по переходу центральных стран к индустриальному развитию в восемнадцатом-девятнадцатом веках практически полностью игнорирует этот актуальный вопрос об утечке богатства или выводе из колоний капитала. Основная интерпретация предполагает внутреннюю динамику роста капиталистической индустриализации, основанную на чисто внутренних факторах, а некоторые авторы даже утверждают, что колонии были бременем для

метрополии, которой жилось бы лучше, если бы эти колонии кому-нибудь “отдали”» (41).

Преднамеренное молчание по данному вопросу хранится настолько эффективно, что ни один сторонник распространенной школы Кейнса, высоко оценивая проницательность первой книги Джона Мейнарда Кейнса «Индийская валюта и финансы» (*Indian Currency and Finance* 1913), не задался вопросом о том, как исследование темы денежного оборота в Индии могло стать учебником по применению золотого стандарта. Это могло произойти только потому, что колонии в целом и Индия, жемчужина Британской короны, в частности, играли центральную роль в его функционировании. Центральная роль колоний была такова, что золотой стандарт правильнее было бы назвать колониальным стандартом, настолько мало имело золото отношение к самому стандарту и колониям.

Даже с учетом преимуществ, которыми обладала Британская империя, положение Британии в международной валютной системе не было недостижимым. Здесь важно понять, что так называемая система золотого стандарта не была единой, а формировалась совершенно разными странами с совершенно разными целями и функциями. Британия, конечно, была центром системы, а Банк Англии играл, как метко выразился Кейнс, роль дирижера международного оркестра. Но музыканты этого оркестра были гораздо более упрямыми, а сам оркестр звучал в целом гораздо более какофонично, чем предполагает поверхностная аналогия Кейнса.

Моггридж абсолютно справедливо отметил, что «работы Кейнса об Индии можно было бы назвать отражением представлений Министерства по делам Индии» (Moggridge 1992, с. 203); более того, Министерство по делам Индии в то время было ключевым звеном цепи, впоследствии получившей название «Сити-Банк-Казначейство» (29). Индия играла важную роль в обеспечении золотого стандарта, а Министерство по делам Индии служило своего рода машинным отделением, которое обеспечивало подачу топлива и приводило в движение маховики кредитных операций, Кейнс же был протезе главных инженеров этой системы, таких как Лайонел Абрамс. В «Денежном обращении и финансах Индии» Кейнс просто изложил министерское понимание того, как работает золотой стандарт и как Министерство управляет деньгами и экономит на золоте, а также внес ряд мелких

предложений о том, как можно улучшить золотой стандарт, чтобы он способствовал более эффективному достижению тех же целей. У этого четкого и информативного синтеза были свои интеллектуальные достоинства, но не более того.

Вопреки идее золотого стандарта как некоего шаблонного и нейтрального международного показателя конкурентоспособности, ни одна из тех стран, которые присоединились к золотому стандарту, оставив используемый ранее серебряный стандарт, не имела

...ни малейшего намерения подключиться к международной валютной системе, которая автоматически создавала бы своего рода международную экономическую меритократию, основанную на различиях в ценах и процентных ставках между разными странами. ...Правительства приняли такую экономическую политику потому, что она, по их мнению, наилучшим образом отвечала интересам *правящих классов*. (7, 60–61)

Золото дорожало, однако некоторые страны, такие как олигархические экспортеры сырьевых товаров – Австро-Венгрия и Россия, по-прежнему оставались со своим обесценивающимся серебром (там же, с. 51–2). Более того, страны, которые принимали золотой стандарт, делали это по разным причинам: чтобы избежать обесценивания серебра или получить кредит. Более того, система золотого стандарта могла быть и была поставлена под сомнение. Такие страны, как Германия, присоединились к золотому стандарту не для того, чтобы подчинить себе стерлинг, а чтобы бросить ему вызов своей обеспеченной золотом маркой. Как претендент на роль лидера индустриализации, Германия хотела добиться международной приемлемости своей собственной валюты, что было частью ее стремления к расширению доли рынка (там же, гл. 3).

Результатом стала международная валютная нестабильность. В конечном счете «стабильный золотовалютный стандарт может существовать лишь до тех пор, пока остается неизменным политический суверенитет центральных стран по отношению к периферии» (там же, с. 57). Таким образом, «система была стабильной, пока она оставалась в рамках серебряного стандарта, и... начала все больше и больше расшатываться до своего окончательного краха в июле 1914 года, когда Британия пришла в упадок, а прочие крупные индустриальные страны заняли более видное положение и приняли золотой

стандарт [т.е. в стремлении стать странами с ключевой валютой] как форму денежного национализма, с тем чтобы лишить Великобританию последнего оплота ее власти – контроля над международными финансовыми потоками» (там же, с. vii-viii).

Вслед за проблемами на международном уровне возникли внутренние проблемы. Как мы видели, золотой стандарт мог работать лишь до тех пор, пока рабочие классы оставались неорганизованными и не могли противостоять режиму регулирования экономики, который обычно выражался в снижении цен и заработной платы всякий раз при возникновении торгового дефицита. Отчет Эйхенгрена (Eichengreen 1992) получил известность именно благодаря тому, что он указал на роль организованного труда в подрыве золотого стандарта. Однако автор, судя по всему, полагает, что процесс начался в межвоенные годы, хотя знаменитая приверженность Великобритании золотому стандарту ослабла еще задолго до 1914 года, подталкивая страну к тому, чтобы уйти от «режима» и «регулирования» и отказаться от того, чтобы, как и раньше, «принимать жертву безработицы в стране» (3, с. 14; 34, с. 74–5) перед лицом все более организованного рабочего класса.

По этим двум причинам, – как международной, так и внутренней, – приверженность Англии золотому стандарту колебалась еще задолго до Первой мировой войны, а не после нее, как утверждал Эйхенгрин.

Джон Мейнард Кейнс, возможно, относился к золотому стандарту в 1913 году чрезмерно оптимистично, безоговорочно им восхищаясь (*Indian Currency and Finance*) и радуясь идеям о небольших изменениях, которые могли бы улучшить его функционирование. Как бы то ни было, но в те времена Британия все еще была руководящим и направляющим центром международной валютной системы. Однако этому суждено было резко измениться. Тридцатилетний кризис (1914–1945 гг.), в ходе которого Британия пережила самый тяжелый упадок, какой когда-либо переживала нация, прошедшая путь от ведущей имперской державы до слабой национальной экономики, неизбежно теряющей свои колонии, оставил Кейнса в долгих размышлениях, лейтмотивом которых стали международные валютные проблемы. Критика в отношении золотого стандарта росла, а в tandem с упадком Британии и растущей озабоченностью вопросом о стремлении США обрести международную валютную роль, которую когда-то играла Британия,

она вызывала все больше вопросов в отношении британской экономической политики. К 1940-м годам, возглавляя британскую делегацию в Бреттон-Вудсе, Кейнс предложил такой радикальный пересмотр международной валютной системы, что она практически по всем основным аспектам должна была стать противоположностью системе золотого стерлинга. (Эта тема более полно развита в работе (13), а в (18) более глубоко раскрывается один из ее компонентов)

В предложениях Кейнса признавалось, что в отсутствие мирового государства мировых денег быть не может; он четко осознавал, что с нарастанием силы доллара США Британия столкнулась с необходимостью подчинения своей денежно-кредитной политики иностранной державе; и принимал во внимание плачевное состояние британской промышленности, остро нуждающейся в продуктивных государственных инвестициях, которые были обязательны для того, чтобы Британия могла поддерживать свой уровень жизни и экспорта, а также зарабатывать достаточно иностранной валюты, необходимой для финансирования своих исторически больших потребностей в импорте. Причина, по которой эти предложения нашли широкую поддержку, заключалась в том, что, выступая за страну, которая неумолимо превращалась из могущественного имперского государства в слабую национальную экономику, Кейнс предлагал подходы, близкие к тем, в которых нуждалось большинство стран мира (как я утверждаю в работе (5)).

Вместо системы, управляемой наиболее могущественной страной, в Бреттон-Вудсе Кейнс изначально предложил систему, которая стала бы действительно многосторонней и не допускала бы доминирования какой-либо из стран или национальных валют. В предлагаемой системе национальные валюты были бы привязаны не к золоту, а к валюте, созданной на основе общей заинтересованности и названной Кейнсом «банкор». Она должна была использоваться для урегулирования дисбаланса только между центральными банками, и ее стоимость зависела бы не от цены золота, отражающего финансовые интересы узкой богатой элиты, а от корзины сырьевых товаров, играющих системную роль в мировой торговле. За счет этого население было бы более заинтересовано в расширении производства и обеспечении стабильности денежной массы. Такая привязка к сырьевым товарам основывалась на признании Кейнсом того факта,

что инфляцию и обесценивание денег вызывают именно растущие цены на сырье (наряду со стоимостью рабочей силы). Эту мысль развили Прабхат и Утса Патнаик в своей блестящей новейшей работе «Теория империализма» (41). Кроме того, такая привязка тоже не может быть постоянной: она должна поддаваться изменению при возникновении соответствующих обстоятельств.

В своих предложениях Кейнс также признавал необходимость подчинения финансовой системы производству и предлагал меры контроля операций с капиталом, ограничивающие свободу действий финансового капитала соответствующей нуждами национальной экономики. Эти меры позволили бы эффективнее регулировать финансовый сектор на национальном уровне, позволяя направлять средства на финансирование долгосрочных производительных инвестиций вместо непроизводительных и даже антипроизводительных краткосрочных спекуляций, а также управлять национальной экономикой для обеспечения полной занятости без необходимости беспокоиться о последствиях изменения обменного курса.

Наконец, признавая ущерб, который более сильные страны могут нанести более слабым, главным образом через механизм корректировки дефицита платежного баланса, Кейнс предлагал, чтобы Международная расчетная палата (International Clearing Union, ICU), – учреждение, призванное регулировать банковскую деятельность, – принимала меры против сохранения торгового дисбаланса, излишков торгового оборота, а также дефицита торговли и потоков капитала. Он также предлагал странам-кредиторам и странам с профицитом баланса проводить совместную корректировку торговых и финансовых дисбалансов таким образом, чтобы страна с профицитом торгового баланса была обязана принимать больше импорта, а страна с дефицитом торгового баланса – больше экспортировать (и меньше потреблять), признавая солидарную ответственность как кредиторов, так и должников в любых кредитных / долговых отношениях. Эта совокупность функций была призвана направить привычно дефляционный процесс корректировки торговых балансов на стимулирование роста. Он также мог предотвращать накопление сил на одних полюсах и усугубление неблагоприятного положения на других. Таким образом, экономическое развитие более слабых стран стало бы задачей системы в целом и ряда сильнейших стран в частности.

*Долларовая антисистема:
общемировая цена тщеславия*

В конце Второй мировой войны стало очевидно, насколько безумна идея выдвигания национальных валют на роль мировой валюты. Авторитарный и имперский мир, который лежал в основе системы стерлинга, подошел к своему концу. Силы трудящихся в различных странах мира достаточно окрепли для того, чтобы не позволять переключаться на свои плечи бремя корректировки финансового дефицита, а национальные освободительные движения слишком расширились для того, чтобы позволять и дальше извлекать из своих стран прибавочный капитал, который до тех пор обеспечивал приток ликвидности. Итак, как же доллар, который был всего лишь очередной национальной валютой, стал мировой валютой? Был ли он устойчивым? Два коротких ответа на эти два вопроса таковы: он был навязан силой и не является устойчивым.

Международную валютную систему окружает масса неясностей, что неизбежно, поскольку в ней замешаны интересы влиятельных лиц. Эти неясности усугубляются доминирующими научными течениями, которые, как мы отмечали, работали одновременно и в направлении мистификации, и в направлении нормализации долларовой системы, вдвойне энергичнее взявшись за это после 1971 года, когда валютная система стала еще более изменчивой, непрозрачной и сомнительной.

Предложения Кейнса были отвергнуты в Бреттон-Вудсе не Уайтом, как это часто допускается в большей части Теории гегемонистской стабильности. Предложения Уайта были простой вариацией предложений Кейнса (48). Несмотря на свое стремление к созданию международной валютной системы, которая была бы более справедливой и отражала бы интересы более широкие, нежели одних только США, творцы американской политики настаивали на том, чтобы сделать доллар мировой валютой (здесь также полезно ознакомиться с работой (3)), тщетно пытаясь подражать золотому стандарту стерлинга (8 и 11). Действительно, политика США и их политическая элита пытались подражать британскому господству и стать «руководящим сегментом мировой экономики» (38) с тех пор, как почувствовали угасание этого господства в первые годы двадцатого столетия. Они

осознавали, конечно, что это должно быть своего рода «ограниченное доминирование». В конце концов, в эпоху, когда другие крупные капиталистические страны уже заявили о своих правах на значительную часть территории мира, доступную для колонизации, и на фоне усиления национализма США вряд ли могли надеяться на создание империи, хотя бы отдаленно напоминающей Британскую.

Однако даже такое «ограниченное доминирование» теперь было невозможно. Во-первых, как мы видели, даже будучи валютой самой большой империи в мире, британский стандарт золотого фунта стерлингов никогда не был стабильным или нейтральным. Во-вторых, он подпитывался топливом колониального прибавочного капитала, а у США его не было. США могли обеспечить мир ликвидностью только за счет дефицита, а этот метод попадал под действие известного парадокса Триффина (50): чем больше дефицит, тем сильнее его давление на доллар и, как следствие, напряжение в привязке доллара к золоту. До 1971 года возникавшие таким образом проблемы проявлялись в виде оттока золота, пока доллар был к нему привязан, но и в дальнейшем они никуда не исчезли. Они стали проявляться лишь в понижающем давлении на доллар.

Таким образом, хотя кажется, что после окончания Второй мировой войны доллар остался мировой валютой, несмотря на закрытие золотого окна, в действительности он никогда не выступал в качестве стабильной мировой валюты, а с 1971 года подвергает мир ненужной финансиализации и финансовой нестабильности.

В течение 1950-х годов излишки экспорта США создали дефицит мировой ликвидности, который не смог исправить достаточно хилый и в значительной степени корыстный план Маршалла (31, 429–35). К 1960-м годам, когда европейские экономики восстановились, дефицит платежного баланса США все больше и больше усугублялся из-за войны во Вьетнаме, поэтому, как только европейские валюты стали конвертируемыми, долларовый дефицит за одну ночь превратился в долларовое перенасыщение. Золото утекало, и в 1960-е годы мы наблюдаем одну уловку за другой, применяемые с целью поддержать золотую основу доллара: тут и золотой пул, и отмена внутренней обратимости доллара в золото, и убеждение европейцев в необходимости отказаться от требований золота, и т.д. Как только уловки себя исчерпали, альтернативы закрытию золотого окна не

стало. Обоснование его закрытия было подкреплено снижением собственной конкурентоспособности США.

Преобладающую повестку о том, что происходило дальше, а в особенности ту, что была предложена появившимися в тот период теориями гегемонистской стабильности, (относительно своевременности появления этих теорий см. II, гл. 5), можно описать как некоторое демонстративное восхищение тем, как нахально США закрыли золотое окно. Многие опасались, что это приведет к концу мирового значения доллара. Конец, однако, не наступил, и, согласно доминирующей интерпретации, доллар не только выжил, но даже и процветает, одновременно освобождая США от бремени обеспечения его золотом. Некоторые даже говорят о «Бреттон-Вудсе II». Большинство теорий гегемонистской стабильности, таких как теория Чарльза Киндлбергера (Charles Kindleberger), ограничивается одним и тем же утверждением времен конца 1960-х годов (21) о том, что дефицит США не влияет на приемлемость доллара, потому что США – не «просто страна»: это мировой банкир, эксклюзивно уполномоченный создавать свои деньги. Частные инвесторы, как утверждалось, понимают такое положение дел и испытывают уверенность в долларе, и только центральные банки являются для доллара бременем. Конечно, это немного лучше, чем фиговый листок разглагольствований, который Майкл Хадсон назвал «Законом Сэя о международных финансах» (26, 325; II, 113–119). В конце концов, избыток долларов США в обращении не был никакой инвестицией, и ни один мировой центральный банк не санкционировал и не регулировал их обращение.

Более того, никакие интеллектуальные потуги не могут повлиять на реальность того, что США являются единым национальным государством, экономика которого страдает от серьезных проблем с конкурентоспособностью. Понижающее давление на доллар, которого следовало ожидать согласно парадоксу Триффина, никогда не прекращалось. Сразу же после закрытия золотого окна Федеральная резервная система вынуждена была ввести рыночные интервенции, чтобы поддержать стоимость доллара на фоне неготовности частного сектора выразить свою уверенность в нем достаточным образом. С 1971 года устойчивой тенденцией стоимости доллара является его снижение. Он бы падал еще быстрее, если бы не финансиализация. И несмотря на то, что за прошедшие десятилетия возникло множе-

ство различных теорий гегемонистской стабильности, на разный манер вещающих о естественности мировой роли доллара, сомнения в нем никогда не исчезали, регулярно всплывая на поверхность и выражаясь в каждом кризисе, который непременно сопровождается и порождается финансиализацией.

Финансиализация и долларова антисистема

Если доллару и удалось сохранить важную роль в мировой финансовой политике с 1971 года, то это произошло только благодаря безмерному расширению финансовой деятельности (тезисы данного раздела опираются на работу II, 239–41). Это породило искусственный спрос на доллары, который едва ли соответствует потребностям производства, торговли и даже ограничивает последние, нейтрализуя понижающее давление на доллар США, которое было предсказано дилеммой Триффина. Такая финансиализация возникла в 1970-х годах вместе с ростом цен на нефть. США удалось не только повысить спрос на доллары, пользуясь тем, нефть была деноминирована в долларах. Они также способствовали отклонению европейских и японских предложений по переработке излишков нефти ОПЕК таким образом, чтобы эти излишки были депонированы в западных, в основном англо-американских, банках в долларах, что привело к раздуванию небольшого и только зарождающегося рынка евродолларов за счет нефтедолларов. Эти нефтедоллары нужно было кому-то одолжить, и поскольку западный мир уже вступил тогда в период долгого спада и, таким образом, обладал небольшими инвестиционными возможностями, они перетекли в третий мир, подогревая всплеск кредитования, который заложил основы долгового кризиса третьего мира 1980-х годов. Кризис разразился, когда, несмотря на такую поддержку, доллар вновь начал падать, и Пол Волкер (Paul Volcker) применил «ядерное оружие», позволив повысить процентные ставки до любого уровня, необходимого для прекращения девальвации доллара, пусть даже это привело бы к глубокой рецессии.

Так называемая «Шоковая терапия» Волкера привела к такому масштабному и, учитывая реалии экономики США и ее проблемы с конкурентоспособностью, опасному завышению курса доллара, что это по-

требовало обесценивания доллара путем соглашения «Глаза», но это произошло не раньше, чем на фондовом рынке США возник первый из современных пузырей, лопнувший в 1987 году. 1980-е годы прошли бурно. Доллар бесконтрольно колебался. Двойной дефицит США раздулся как воздушный шарик, поскольку Рейган сократил налоги и увеличил (главным образом оборонные) расходы. Японцы инвестировали туда свои экспортные излишки, финансируя эти расходы. В третьем мире разразился долговой кризис, который выкачивал деньги из стран этого региона и перенаправлял их на западные и англо-американские финансовые рынки, позволяя последним и дальше пускаться во все тяжкие. Собственный кризис сбережений и займов в США способствовал концентрации в финансовом секторе США, уничтожившей множество мелких локальных финансовых учреждений, которые до той поры осуществляли эффективные инвестиции, но теперь оказались в ловушке жесткого регулирования и инфляции 1970-х годов. А крупнейшие финансовые институты США перед лицом долгового кризиса в странах третьего мира, такие как Continental Illinois, едва не потерпели крах, но их спасло правительство США (что привело к появлению концепции «слишком большой, чтобы позволить ему обанкротиться», как объясняется в работе Угартече (Ugarteche), готовящейся к публикации). Несмотря на все это, финансиализация продолжалась, но с одним важным отличием: в масштабах всего сектора прямое кредитование было заменено кредитованием в форме ценных бумаг.

Конверсия кредитования была осуществлена самим финансовым сектором США, и она явилась одним из трех столпов, на которые стала опираться финансиализация, сосредоточенная в США. Два других были возведены Аланом Гринспеном, председателем Федеральной резервной системы с августа 1987 года, заменившим на этом посту Пола Волкера всего за несколько недель до того, как лопнул пузырь на фондовом рынке, надувавшийся с 1987 по 2006 г., когда впервые начали появляться проблемы на рынке жилья и кредитном рынке США. Волкер оказался слишком старомодным для финансового сектора, который уже силился вырваться из пут эпохи Великой депрессии, все еще сдерживавших его. Гринспен инициировал процесс дерегулирования, который завершился отменой в 1999 году закона Гласса-Стигалла. Это ослабление контроля стало вторым столпом. В-третьих, в течение нескольких недель после вступления в должность Гринспен

возвел последний столп современной финансиализации – «пут-опцион Гринспена», или обещание вливать необходимую ликвидность в финансовые рынки при каждом кризисе с целью обеспечить защиту их командных высот, даже если это приведет к уничтожению сбережений частных инвесторов и наемных работников, вложенных в пенсионные и паевые инвестиционные фонды. С тех пор кредитование, обеспеченное ценными бумагами, дерегулирование и гарантии (или «пут») Федеральной резервной системы служат мерами финансовой поддержки, подпитывающими систему доллара США и подпирющими доллар, противодействуя дилемме Триффина (25, интересное, но вызывающая тревогу работа).

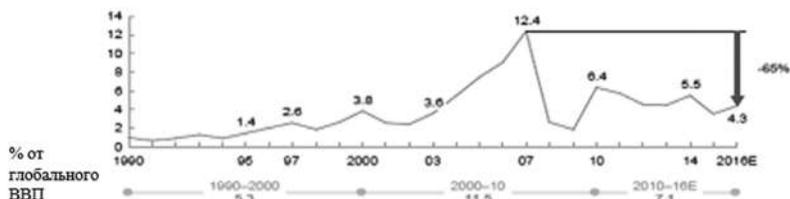
Доллар, резко упавший в связи с рецессией в начале 1990-х годов, вырос при Клинтоне, поскольку ФРС поддерживала высокие процентные ставки, а правительство следовало жесткой долларовой политике и провело кампанию, обращенную главным образом к крупным развивающимся восточноазиатским рынкам, с призывом отменить контроль над капиталом. Несмотря на то, что ее доводы были сформулированы с точки зрения выгод с точки зрения долгосрочных производительных инвестиций, в которых так остро нуждаются развивающиеся страны, этим рынкам разрешалось участвовать в долларовой финансовой системе и получать прибыль только от краткосрочных инвестиций в финансовые рынки и рынки активов США. Такие движения капитала привели к восточноазиатскому финансовому кризису (см. две лучших работы по этой теме – 2 и 56, причем в работе 46 кризис был предсказан заранее), а затем, когда доллары вернулись домой, они раздули пузыри фондового рынка и «доткомов», лопнувшие в 2000 году.

На их место, как известно, пришли ипотечный и кредитный пузыри, лопнувшие в 2008 году. На Рис. 3 показан рост и уменьшение трансграничных потоков капитала, один из показателей степени финансиализации. В этой связи стоит обратить внимание на несколько моментов. Первый – это масштаб роста потоков до первоначального пика в конце 1990-х годов, обозначающего кризис в Восточной Азии, и второй пик, близкий к 2000 году, обозначающий пузыри доткомов и фондового рынка, лопнувшие в том же году. Второй момент, на который следует обратить внимание, – это порядок величины, отличающий эти более ранние пики от самого крупного из них – кредитного и жилищного пузыря, лопнувшего в 2008 году.

Источник: McKinsey Global Institute, 'A Decade After the Global Financial Crisis: What has (and hasn't) Changed', Briefing Note, September 2018.

Глобальное трансграничное движение капитала¹ снизилось на 65% с пикового значения, достигнутого в 2007 г.

Триллионы долларов США

¹ Валовой приток капитала, в т.ч. прямые иностранные инвестиции, долговые ценные бумаги, акционерный капитал, кредитные инструменты и прочие инвестиции.

ИСТОЧНИК: внешнеторговое сальдо Международного валютного фонда; анализ McKinsey Global Institute

1 World Trade Organization, *Report on G20 trade measures*, June 21, 2016.

2 Анализ, представленный в данном отчете, основан на данных, полученных из большого количества источников, однако основными источниками послужили: валовой трансграничный приток и отток капитала и чистое движение капитала, отраженное в национальных платежных балансах; национальные запасы иностранных инвестиционных активов и обязательств, данные по которым также взяты из национальных платежных балансов; банковские претензии иностранных государств, данные по которым доступны через Банк международных расчетов. Данные по платежным балансам получены из Международного валютного фонда. Более подробная информация по определениям и источникам данных представлена в графе 1 Главы 1.

Рис. 3. Рост и падение трансграничного движения капитала

Этот пузырь достиг таких размеров в силу трех событий. Первым была отмена Закона Гласса Стигала в 1999 году. Вторым – политика низких процентных ставок, которой ФРС придерживалась со времени взрыва фондового рынка и пузырей доткомов в 2000 году и до середины 2000-х годов, когда понижающее давление на доллар стало чрезмерно сильным. В результате рост процентных ставок привел к взрыву ипотечного и кредитного пузырей, оба из которых опирались на низкие процентные ставки в период своего роста. Третьим было введение в обращение евро и дерегулирование финансового сектора еврозоны, которое сопровождало это введение. Все это привело к тому, что финансовые институты еврозоны стали вкладывать значительные средства в ценные бумаги, оказавшиеся впоследствии «токсичными», поскольку они обеспечивались пузырями на рынке недвижимости и кредитов (работа 4 – один из лучших кратких отчетов о пузырях на рынке недвижимости и кредитов, а публикация (36) документально описывает участие в них еврозоны – тему, которую освещают очень редко).

Как комментировали Клаудио Борियो и Пити Дисьятат (Claudio Borio and Piti Disyatat) из Банка международных расчетов в связи с крахом 2008 года, общераспространенное объяснение кризиса, которое пропагандировалось столь же простым президентом США, сколь эрудированным управляющим Федеральной резервной системы тех лет, состояло главным образом в роли чистых потоков капитала и якобы чрезмерно больших «азиатских» сбережений в создании того избытка ликвидности, который раздул эти двойные пузыри. В действительности цифры чистых потоков были слишком ничтожны, чтобы соответствовать объяснению «азиатского избытка сбережений» (см. также 6); а валовые потоки капитала четко указывали на то, что Азия, в том числе Китай, играла лишь небольшую роль в драме большего масштаба, основными игроками в которой были инвесторы и финансовые институты из стран с развитой экономикой, главным образом из Европы. Это также стало ясно при изучении распределения пострадавших игроков: основная зона оказалась сосредоточена в США, Великобритании и еврозоне, а остальной мир, хотя и пострадал от острого, но кратковременного торгового шока, остался относительно невредимым. Вот почему крах 2008 года лучше назвать Североатлантическим, а не мировым финансовым кризисом.

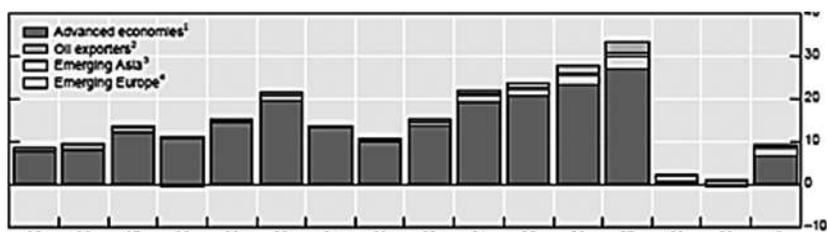

Рисунок 4. Европейские инвестиции

в «ядовитые ценные бумаги» США

Источник: Borio, Claudio and Piti Disyatat, 2011.

“Global Imbalances and the Financial Crisis: Link or no link?”

Bank for International Settlements. Working Paper No. 346. May.

Валовое движение капитала¹ в процентах от глобального ВВП

¹ Валовое движение капитала рассчитывается как сумма притока и оттока прямых, портфельных и прочих инвестиций.

*Пояснение к графику: Развитые страны¹, экспортеры нефти², развивающиеся страны Азии³, развивающиеся страны Европы⁴
Источники: МВФ, расчеты автора.*

Вторым важным моментом является то, что, хотя ранние менее высокие пики и совпадали с ростом доллара, рост трансграничных потоков в 2000-х годах не препятствовал устойчивому и резкому падению стоимости доллара, даже при том что эти потоки увеличились в объеме, что бы ни говорили об экономике США и ее финансовом секторе американские политики, а также Гринспен с Бернанке как представители Федеральной резервной системы. Это означает, что без такого огромного роста финансовой активности доллар упал бы еще ниже.

*Заключение:
2008 год и будущее долларовой антисистемы*

Третий важный вопрос заключается в том, что, хотя международные потоки капитала и восстановились после краха 2008 года, их уровень остается значительно ниже пикового уровня 2007 года – примерно на 65% по состоянию на 2016 г. Этот факт и сопутствующие события указывают на ускоряющийся уход мира от доллара. В этом процессе можно отметить ряд моментов.

¹ Австралия, Канада, Дания, Еврозона, Япония, Новая Зеландия, Швеция, Великобритания и США.

² Алжир, Ангола, Азербайджан, Бахрейн, Демократическая Республика Конго, Эквадор, Экваториальная Гвинея, Габон, Иран, Казахстан, Кувейт, Ливия, Нигерия, Норвегия, Оман, Катар, Россия, Саудовская Аравия, Судан, Сирийская Арабская Республика, Тринидад и Тобаго, Объединенные Арабские Эмираты, Венесуэла и Йемен.

³ Китай, Китайский Тайбэй, Индия, Индонезия, Корея, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд и 20 более мелких стран Азии.

⁴ Болгария, Чешская Республика, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия и Словения.

Сами по себе более низкие уровни международных потоков капитала означают, что мир вкладывает меньше денег в ту финансовую систему, в которой преобладают доллары США, и это ограничивает объем финансирования, деноминированной в долларах, от которой зависит международная роль доллара и его стоимость. Финансовые ресурсы, необходимые для того, чтобы питать финансирование для обеспечения поддержки стоимости доллара, поступают и должны теперь поступать из американских источников. Основным таким источником является, безусловно, Федеральная резервная система с ее возвратом к мягкой денежно-кредитной политике (низкие процентные ставки и количественное смягчение до октября 2014 года, которые раздули ее баланс до исторически беспрецедентного уровня). Реальная функция денежно-кредитной политики Федеральной резервной системы, будучи оправданной с точки зрения уровней инфляции и занятости, заключалась в предоставлении финансовым учреждениям США ликвидности, необходимой для продолжения спекулятивных операций, которые стали основным источником доходов этого наиболее прибыльного из секторов экономики США, а также в том, чтобы служить главной поддержкой доллара США. Тем не менее, после выхода европейских финансовых учреждений из этой игры в нее играют в основном финансовые институты США, и неизбежный кризис, когда он произойдет, на них в основном и повлияет.

Во-вторых, Федеральная резервная система находится в подвешенном состоянии из-за другой дилеммы: с одной стороны, необходимо вливать в систему ликвидность, чтобы поддерживать динамику финансирования, деноминированной в долларах, а с другой такая денежная политика оказывает прямое понижающее давление на доллар США. Об этом лучше всего свидетельствует влияние денежной политики США на валюты некоторых стран, которые настаивают на сохранении своих счетов операций с капиталом открытыми. В этих странах, таких как Россия или Турция, при мягкой денежной политике США денежные средства, деноминированные в долларах, притекают в страну, раздувая инфляцию рубля или лиры. При малейшем же намеке на ужесточение курса Федеральной резервной системы эти средства вытекают, что приводит к падению стоимости этих валют. Эти страны держат счета своих операций с капиталом открытыми в интересах собственных богатых классов, позволяя им вывозить свои

деньги из страны и участвовать в совершенно непродуктивной и спекулятивной деятельности финансовой системы, деноминированной в долларах США. Открытые счета капитала, безусловно, не оздоравливают национальную экономику и не способствуют ее производительному росту. Открытые счета операций с капиталом также требуют накопления резервов в качестве меры благоразумной осторожности, обычно в долларах США, которые могут быть использованы в случае неожиданного, серьезного и неоправданного понижающего давления на их валюты. Такие резервы представляют собой средства, которые могли бы быть продуктивно инвестированы, но остаются в вынужденном бездействии (44). Выгоды из подобного распределения выгоду извлекают финансовый сектор и сверхбогатые круги США, владеющие этими средствами, а также сверхбогатые из стран, с которыми они так дурно обходятся.

В-третьих, по мере того, как всецело спекулятивная и финансиализированная природа финансовой системы, основанная на долларах США, становится все более очевидной, политики США начинают использовать ее в качестве оружия. Все чаще применяются финансовые санкции, которые эффективно и незаконно блокируют самые разные страны, такие как Венесуэла, Иран и Россия, не допуская их к использованию платежной системы, деноминированной в долларах США, или к получению финансирования через нее, а также секвестрируют активы этих стран и их граждан, что приводит к утрате последними репутации и положения в международной финансовой и торговой системе. В результате эти страны начинают искать альтернативные платежные системы и финансовые механизмы.

Вопреки многим, кто считает, что доллар США может быть заменен только другой валютой, мы в своих доводах подчеркиваем, что эту роль было трудно играть даже стерлингу, когда через Британскую империю проходил поток прибавочного капитала. С этой ролью не мог справиться и доллар. Любые попытки в этом направлении могут привести разве что к формированию антисистемы. Ее можно заменить лишь многосторонними соглашениями, подобными предложенным Кейнсом 75 лет назад, или, учитывая, что столь широкого соглашения, нужного для этого, вряд ли удастся достичь, хотя бы потому, что элита США и политики, как несущие наибольшие потери, будут, безусловно, самыми яркими его противниками, – более

широким набором двусторонних, мини- и многосторонних соглашений между двумя или более странами. Важно напомнить, что не враги США, а их ближайшие союзники, страны Европейского союза, начали отход от доллара почти 5 десятилетий тому назад. Они начали процесс европейской валютной интеграции вскоре после закрытия «золотого окна» в 1971 году, и он стал, несмотря на все нынешние проблемы, которые указывают на критические ошибки планирования этого проекта, первой, самой крупной и самой уверенной попыткой отказаться от долларовой системы.

Ключевым моментом является то, что такой сценарий рождался в течение некоторого времени, а сегодня, похоже, все больше внимания в этом смысле приковывает к себе Китай, в частности – его Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и программа «Один пояс, один путь». Эта альтернатива кардинально отличается от американской. В таблице 2 перечислены их ключевые различия.

Таблица 2. Международные финансовые системы:
старое против нового

• США	• Китай
• Краткосрочный капитал	• Долгосрочный капитал
• Спекулятивные инвестиции	• Продуктивные инвестиции
• Финансовые кризисы	• Финансовая стабильность
• Неустойчивый капитал	• Стабильный капитал
• Либерализация движения капитала	• Регулирование движения капитала
• Неэффективное накопление резервов	• Эффективное размещение капитала
• Войны	• Сотрудничество

С одной стороны, основанная на долларах США система, зависящая от финансиализации, ориентирована на краткосрочные, спекулятивные и волатильные инвестиции, которые стали причиной многочисленных финансовых пузырей и кризисов. Эти инвестиции также требуют опасной либерализации счетов операций с капиталом и неэффективного накопления резервов. Наконец, система, основанная на долларах США, является причиной войн, которые ведутся с целью помешать странам выйти из нее, как это проявилось, в частности, в отношении Ирака или Ливии. В отличие от этого формиру-

ющаяся валютно-финансовая система, сосредоточенная на Китае, обеспечивает наличие долгосрочного, стабильного и, как его все чаще называют, «терпеливого» капитала для продуктивных инвестиций. Она позволяет управлять операциями с капиталом и контролировать его состояние, обеспечивая финансовую стабильность и эффективное распределение средств с точки зрения роста производительности и занятости. Таким образом, эта система способствует не войнам, а международному сотрудничеству.

Теперь с точки зрения геополитической экономики становится ясно, как формирующаяся многополярность, которая сама явилась результатом неравномерного и разностороннего развития, послужила тому, чтобы отбить атаку имперской власти первых стран, вступивших на путь индустриализации, и еще шире распространить производительные силы, тогда как «золотой», или, точнее, колониальный стандарт, сосредоточенный на стерлинге, характеризовался нестабильностью, как внутренней, так и международной. Также должно быть понятно, почему доллар мог председательствовать только над антисистемой. Она никогда не работала, даже когда доллар был привязан к золоту, и для того, чтобы он продолжал расти после закрытия золотого окна в 1971 году, требовалась постоянная финансиализация в долларах. Неудивительно, что прошедшие с тех пор пять десятилетий регулярно перемежаются разрушительными финансовыми кризисами. Первоначально перекадываемые на остальной мир, а в 1980-х годах – на многие страны третьего мира, эти кризисы медленно приближались к родине долларовой системы – англо-американской финансовой системе. Она уже приняла на себя много ударов, и последний из них в 2008 году привел к значительному сокращению международных финансовых потоков, уменьшив способность системы привлекать средства извне. Следующий кризис, неизбежный, как и предыдущие, и неминуемый, по мнению многих, только лишь ускорит этот процесс, раскрывая истинную затратность участия в долларовой системе.

На месте доллара появится не другая национальная валюта, которая будет служить мировыми деньгами, а более сложный набор договоренностей: чем больше они будут напоминать первоначальные Бреттон-Вудские предложения Кейнса, тем лучше будет для большинства людей во всем мире.

Литература

1. *Anderson Perry*. 1987. "Figures of Descent." *New Left Review* I/161 (January-February).
2. *Bagchi Amiya Kumar*. 1998. "Growth Miracle and Its Unravelling in East and South-East Asia: Unregulated Competitiveness and Denouement of Manipulation by International Financial Community." *Economic and Political Weekly* 33 (18) (May 2): 1025–1042.
3. *Block F*. 1977. *The Origins of International Economic Disorder: A Study of United States International Monetary Policy from World War II to the Present*, Berkeley: University of California Press.
4. *Brenner Robert*. 1998. "The Economics of Global Turbulence." *New Left Review* I/229, May-June: 1–265.
5. "What is Good for Goldman Sach is Good for America: The Origins of the Current Crisis". 2009. <http://www.sscnet.ucla.edu/issr/cstch/papers/BrennerCrisisTodayOctober2009.pdf>
6. *Chandrashekhkar C.P. and Jayati Ghosh*. 2005. "The Myth of the Global Savings Glut" http://www.networkideas.org/focus/Sep2005/f030_Bernanke.htm
7. *De Cecco Marcello*. 1984. *The International Gold Standard: Money and Empire*. 2nd ed. London: Pinter.
8. *Desai Radhika*. 2009. "Keynes Redux: From World Money to International Money at Last?" Wayne Anthony and Julie Guard eds. *Bailouts and Bankruptcies*. Halifax: Fernwood Books.
9. 'The Absent Geopolitics of Pure Capitalism', *World Review of Political Economy*, Vol. 1, No. 3 (Fall 2010), 2010 pp. 463–484.
10. 'Consumption Demand in Marx and in the Current Crisis', *Research in Political Economy*, Volume 26, pp. 101–41. 2010
11. *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*. London: Pluto Press. 2013
12. 'The BRICS are building a challenge to Western Economic Supremacy', *The Guardian*, 2 April. 2013
13. *Geopolitical Economy: The Discipline of Multipolarity*, *Valdai Club Paper #24*, 22 July 2015. <http://valdaiclub.com/publication/79640.html>
14. Геополитическая экономия – предмет для изучения многополярного мира, Валдайская записка №24, 22 July, 2015. <http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-24/>

15. 'Keynes's intellectual journey from gold to bancor', presentation at the 2nd World Keynes Conference, 'New Economic Thinking – A better way forward!', in memoriam Fred Lee, September 9–12, 2015. Denizli, Turkey.

16. 'The Value of History and the History of Value' in Turan Subasat (ed) *The Great Meltdown of 2008: Systemic, Conjunctural or Policy-created?*, Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing. 2016

17. 'Capital at 150' Red Pepper, September 2017, pp. 48–49.

18. 'John Maynard Pangloss: Indian Currency and Finance in Imperial Context' in Sheila Dow, Jesper Jespersen & Geoff Tily (eds), *The General Theory and Keynes for the 21st Century*, Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd. 2018

19. К 150-летию «Капитала»: историзм в «капитале» и «капитал» в истории // Вопросы политической экономики, № 2, 2018, р.112–115.

20. Ценность истории и история стоимости // Вопросы политической экономики, № 4, 2018, р.104–125

21. *Despres Emile, Charles P. Kindleberger and Walter S. Salant.* 1966. "The Dollar and World Liquidity: A Minority View" *The Economist* (5 February).

22. *Duménil G., and D. Lévy.* 2004. *Capital Resurgent: Roots of the Neoliberal Revolution.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

23. Epstein G. (ed.) 2005. *Financialization and the World Economy.* Northampton, MA: Edward Elgar.

24. *Feis Herbert.* 1964. *Europe, the World's Banker, 1870–1914.* New York: A. M. Kelley.

25. Fleckenstein, William A. 2008. *Greenspan's Bubbles: The Age of Ignorance at the Federal Reserve.* New York: McGraw-Hill.

26. *Hudson Michael.* 1972. *Super Imperialism: The Origin and Fundamentals of U.S. World Dominance.* 2nd ed. London: Pluto Press.

27. "From Marx to Goldman Sachs: The Fictions of Fictitious Capital and the Financialization of Industry". *Critique* 38/3, July, 2010.

28. *Hutton W.* 1995 *The State We're In.* London: Jonathan Cape.

29. *Ingham Geoffrey K.* 1984. *Capitalism Divided?: The City and Industry in British Social Development.* Basingstoke: Macmillan.

30. *Kindleberger Charles P.* 1973. *The World in Depression, 1929–1939.* Berkeley: University of California Press.

31. *Kolko Joyce and Gabriel Kolko*. 1972. *The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945–1954*. New York: Harper & Row, Publishers, Inc.

32. *Krippner G*. 2005 “The Financialization of the American Economy,” *Socio-Economic Review* 3: 173–208.

33. *Krugman Paul*. 2012. *New York Times*, blog, November 16, 2012. http://krugman.blogs.nytimes.com/2013/11/16/secular-stagnation-coal-mines-bubbles-and-larry-summers/?_php=true&_type=blogs&_r=0 Accessed 18 March 2014.

34. *Lindert P.H.* 1969. *Key Currencies and Gold 1900–1913*, Princeton Studies in International Finance, no. 24, International Finance Section, Department of Economics, Princeton University.

35. *Lipietz A*. 1985. *The Enchanted World: Inflation, Credit and the World Crisis*. London: Verso.

36. *Nesvetailova Anastasia and Ronen Palan*. 2008. *A Very North Atlantic Credit Crunch: Geopolitical implications of the Global Liquidity Crisis?*. *Journal of International Affairs*: Fall, 62/1, 165–185.

37. *O’Neill Jim*. 2001. “Building Better Global Economic BRICs.” *Global Economics Paper No. 66*.

38. *Parrini Carl P.* 1969. *Heir to Empire: United States Economic Diplomacy, 1916–1923*. Pittsburgh: University of Pittsburg Press.

39. *Patnaik Utsa*. 2006. ‘The Free Lunch: Transfers from the Tropical Colonies and their Role in Capital Formation in Britain during the Industrial Revolution’, in K.S. Jomo, ed., *Globalization under Hegemony: The Changing World Economy*, Delhi: Oxford University Press, 2006, pp. 30–70.

40. ‘Revisiting the “Drain”, or Transfers from India to Britain in the Context of Global Diffusion of Capitalism’, in. Shubhra Chakrabarti and Utsa Patnaik (eds), *Agrarian and Other Histories: Essays for Binay Bhushan Chaudhuri*. New Delhi: Tulika. 2017

41. *Patnaik Prabhat and Utsa Patnaik*. 2016. *A Theory of Imperialism*. New York: Columbia University Press.

42. *Rioux Sébastien*. 2015. ‘The Collapse of ‘The International Imagination’: A Critique of the Transhistorical Approach to Uneven and Combined Development’ in Radhika Desai (ed) *Theoretical Engagements in Geopolitical Economy*, Volume 30-Part A, *Research in Political Economy*, Bingley: Emerald, 2015.

43. *Rodrik Dani*. 2006. 'The Social Cost of Foreign Exchange Reserves'. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research Working Paper 11952. January.

44. *Rohatyn Felix*. 1994. "World Capital: The Needs and the Risks". New York Review of Books (July 14).

45. *Rolf Steve*. 2015. 'Locating the State: Uneven and Combined Development, the States System and the Political' in Radhika Desai (ed) *Theoretical Engagements in Geopolitical Economy*, Volume 30-Part A, Research in Political Economy, Bingley: Emerald, 2015.

46. *Skidelsky Robert*. 2002. *John Maynard Keynes: Fighting for Britain, 1937–1946*. London: Penguin.

47. *Summers Larry*. 2013. Speech at the IMF's Fourteenth Annual Research Conference in Honor of Stanley Fischer. 8 November. <http://larrysummers.com/imf-fourteenth-annual-research-conference-in-honor-of-stanley-fischer/>. Accessed on 18 March 2014.

48. *Triffin Robert*. 1961. *Gold and the Dollar Crisis; the Future of Convertibility*. Rev. ed. A Yale paperbound Y-39. New Haven: Yale University Press.

49. *Ugarteche Oscar*. Forthcoming. 'Double Movement, Embeddedness and the Transformation of the Financial System' in Radhika Desai and Kari Polanyi Levitt (eds) *Karl Polanyi for the Twenty-First Century*. Manchester: Manchester University Press.

50. *Van der Pijl Kees*. 2006. "A Lockean Europe." *New Left Review* 31. January-February.

51. *The Discipline of Western Supremacy*. London: Pluto. 2014

52. 'The Uneven and Combined Development of International Historical Sociology' in Radhika Desai (ed) *Theoretical Engagements in Geopolitical Economy*, Volume 30-Part A, Research in Political Economy, Bingley: Emerald, 2015.

53. *Wade Robert and Frank Veneroso*. 1998. "The Asian Crisis: The High Debt Model Versus the Wall Street-Treasury-IMF Complex". *New Left Review* 1/228: 2–23.

Карасёва Л.А.,

*доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой экономической теории
Тверского государственного университета*

**Механизм реализации
социально-экономических отношений
и трансформация хозяйственной системы**

Аннотация. В рамках относительно самостоятельного исследования функционирования хозяйственной системы предлагается методология анализа реализации её социально-экономической природы как нелинейного процесса, в которой исследуется механизм перехода объективного в субъективное, и обратное влияние субъективной деятельности хозяйствующих субъектов на сущностные основания хозяйственной системы, на ее разноуровневые социальные геномы. Обосновывается, что подход принципиален для систематизации и углубления представлений о трансформационных процессах, зарождающихся под влиянием креативного труда в современной экономике; о воздействии институциональной структуры на реализацию новых технико-экономических и социально-экономических отношений. На этой основе можно разобраться в субординированности отношений плана и рынка, в процессе экономизации человеческих отношений, в феномене понятия «человеческий капитал», в реализации цифровизации, криптовалют в нормах и формах, соответствующих господствующим экономическим интересам.

Ключевые слова: трансформация хозяйственной системы, механизм реализации социально-экономических отношений, разноуровневые социальные геномы системы

Karaseva L.A.,

*Doctor of Economics, Professor, head of the Economic theory
Department of The Tver State University*

**The Mechanism of Implementation of Socio-Economic
Relations and Transformation of the Economic System**

Abstract. Within the framework of a relatively independent research of the economic system functioning, a methodology for analyzing the implementation of its socio-economic nature as a nonlinear process is proposed. In this methodology the transition mechanism from the objective into the subjective, and the reverse effect of the subjective activity of economic entities on the essential foundations of the economic system, on its different level social genomes, are investigated. It is proved that the approach is fundamental for the systematization and deepening of ideas about the transformation processes arising under the influence of creative work in the modern economy; about the impact of the institutional structure on the implementation of new technical, economic and socio-economic relations. On this basis, it is possible to understand the subordination of relations between the plan and the market, in the process of economization of human relations, in the phenomenon of the concept of “human capital”, in the implementation of digitalization, of cryptocurrencies in the norms and forms corresponding to the prevailing economic interests.

Keywords: transformation of economic system, realization mechanism of social and economic relations, multi-level social genomes of the system

Обращение к данной теме определяется рядом обстоятельств. Во-первых, противоречием провозглашенной цели прорыва в технологическом и производственном развитии страны и экономико-теоретическими основаниями предлагаемых технологических решений, которые ограничиваются рыночными представлениями и носят узко конъюнктурный характер. В частности, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, профессор А. Широу подчеркивает, что «текущие меры регулярной экономической политики – денежно-кредитные, налоговые, бюджетные и так далее – не соответствуют тем задачам экономического развития, которые мы перед собой поставили» (11, с.13). Разрешение этого про-

творчества лежит в необходимости интеграционного подхода¹ (4) к исследованию системных проблем современной экономики и экономической политики, проводимой российским правительством. На системность проблем было обращено внимание в выступлениях ученых на Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (СПЭК–2019). Об отсутствии долгосрочной стратегии социально-экономического развития говорила директор Института экономики РАН Е.Б. Ленчук, которая невозможна без четкого определения целей этого развития, на что обратил внимание проф. А.В. Бузгалин и др.

Во-вторых, – имеющие место экономизация человеческих отношений, экономизация неэкономических по своей сути деятельностей. Эти процессы требуют теоретического осмысления социально-экономической природы экономизации и перспектив ее воспроизводства, понимания необходимости замены такого рода экономизации стимулированием соответствующих видов деятельности.

Наконец, в-третьих, – недооценка проблемы институционализации экономических интересов в трансформации хозяйственной системы на основе технологического прорыва. Без исследования *обобществления мотивов поведения хозяйствующих субъектов* как становления их общественной формы бытия (тех или иных экономических интересов), невозможно изучить структуру сложившихся интересов, ее динамику, предложить адекватный механизм их институционализации для формирования мотивационной направленности деятельности хозяйствующих субъектов на прогрессивную трансформацию российской хозяйственной системы.

Поясню на примере Стратегии пространственного развития, утвержденной правительством в этом году. Подробно можно ее анализ прочесть в журнале «Огонек» №10 от 18.03.2019 (10). Остановлюсь только на ключевой проблеме, обозначенной Владимиром Квинтом, руководителем Центра стратегических исследований МГУ: *«При разработке любой стратегии, но особенно общегосударственного и ре-*

¹ Об интеграционном подходе подробнее см. Карасёва Л.А. Путь к интеграционному знанию: к вопросу о практичности методологии марксизма / Вопросы политической экономии. 2018. № 4. С. 29–35.

гионального уровня, должны учитываться три важнейших постулата: любая стратегия может предлагать к реализации только приоритеты, отражающие национальные и региональные интересы, и при этом они должны быть полностью обеспечены всеми видами трудовых, материальных, финансовых, а также инфраструктурных ресурсов... Ничего этого нет в стратегии. Я назвал бы представленный документ набором пожеланий, и не всегда полезных для страны и ее субъектов» (10, с. 8).

И первое, и второе, и третье объединены единой методологической основой – включением в анализ механизма реализации социально-экономических отношений.

Прежде всего, уточним, что понимаем под механизмом реализации социально-экономических отношений. С одной стороны, субординированное опосредование в ходе реализации отношений глубинного уровня организационно-экономическими, институциональными отношениями и выход их на поверхностный собственно хозяйственный уровень (трансформация в субъективные отношения). А с другой, – обратное воздействие деятельности субъектов экономики на базисные экономические отношения (переход субъективного в объективное). Почему данный подход представляется важным? Потому, что он позволяет ответить на вопрос, как объективное переходит в субъективное, и как субъективная деятельность хозяйствующих субъектов оказывает обратное влияние на сущностные основания хозяйственной системы, на ее разнородные социальные геномы¹ (5).

Уточню, что в социологии под социальным геномом понимают основную гипотетическую частицу культуры (культ, инструкция, идея и т. д.), которая подобно гену в биологии является единицей информации, передаваемой другим поколениям² (9).

¹ См. подробнее: Карасёва Л.А. Проблема практичности методологии и теории современной экономической науки и становление новой социально-экономической парадигмы / Вестник Тверского государственного университета. Серия: «Экономика и управление». 2019. № 1. С. 147.

² Режим доступа: -https://universal_ru_de.academic.ru/949291/%D1%81%Do%BE%D1%86%Do%B8%Do%Bo%Do%BB%D1%8C%Do%BD%D1%8B%D0%B9_%Do%B3%Do%B5%Do%BD

Недооценка влияния субъективной деятельности хозяйствующих субъектов, их субъективного восприятия окружающего мира, мотивационной направленности на глубинные процессы, уточняющие, развивающие социальные (в том числе, социально-экономический) геномы приводит к упрощенному пониманию механизма прорыва в технологическом и производственном развитии страны. История развития разных хозяйственных систем показывает, что прорывы в производительных силах осуществлялись, но, во-первых, часто не приводя к соответствующему цивилизационному в широком смысле слова развитию хозяйственной системы. И, во-вторых, через механизм «насилия» в прямом и переносном смысле этого слова (в зависимости от инструмента насилия). Это тем более важно для современной России с ее многоукладностью, неравномерностью протекания социально-экономических и социальных процессов. В этом отношении справедливым, на наш взгляд, является тезис профессора Я. Миркина о том, что «модель роста через бюджет, крупные национальные проекты, максимум концентрации средств и ресурсов в столице, зависимость регионов, прежде всего, от федеральных денег, – это тупиковая и не инновационная модель» (6, с. 12). Академик РАН, профессор С. Глазьев видит новую модель, позволяющую сделать рынок, как интегральную, «когда государство сочетает стратегическое индикативное планирование и механизмы рыночной самоорганизации, контроль над движением денег и поощрение частного предпринимательства, а власть выступает как интегратор разнообразных социальных интересов, поощряющий частный бизнес в той степени, в которой он работает на подъем экономики» (3).

Однако методологически важно теоретически осмыслить процесс трансформации хозяйственной системы, когда внутри социально-экономической системы одного качества зарождается новое качество социально-экономических отношений, понять механизм соподчиненности (субординации) собственно социально-экономических отношений. Методологически всякое новое, зарождающееся должно быть сначала рассмотрено само по себе, чтобы уяснить его природу, необходимые и достаточные условия, внутренний механизм жизни. А затем понять, как это новое может быть встроено в ту или иную хозяйственную систему, то есть смоделировать механизм функционирования, реализации его потенциала, этапность становления (если

оно незрелое), развития – в случае ставшего отношения. Но здесь принципиальное значение имеет тот факт, что новое отношение может осуществиться, только подчинившись *господствующим* социально-экономическим отношениям, принимая адекватные им организационно-экономические, институциональные формы своего осуществления.

Тогда можно разобраться в субординированности отношений *плана и рынка, в феномене понятия «человеческий капитал»*, в реализации цифровизации, криптовалют в нормах и формах, соответствующих господствующим экономическим интересам, в частности – олигархического и глобального капитала.

Поясню на примере трансформационных отношений, зарождающихся под влиянием креативного труда в современной экономике. В творческой деятельности как функции самореализации человека взаимодействует множество людей, находящихся на различных уровнях социальной иерархии, теперь уже и глобальной. Это процесс исторический и нацеленный в будущее, в котором всегда действуют плановые механизмы и стимулы, естественные и сознательно формируемые потребности и ограничения (7, с. 220).

Опыт исследования творческой деятельности в нашей литературе имеется. Достаточно сослаться на материалы А.В. Бузгалина, его соавтора по многим работам А.И. Колганова. Но остановлюсь на одном материале профессора А.В. Бузгалина «Человек или человеческий капитал?». Так, ученый утверждает, что «... в экономике XXI века Человек все более выступает как (1) субъект творческой деятельности, который при этом (2) целостно подчинен **тотальному** рынку и капиталу и в силу этого (3) обретает видимостную форму «человеческого «капитала» (2, с.91). Подчеркнем *подчинение* не просто труда, а человека в целом капиталу.

Но разобраться в механизме этого подчинения невозможно, не разворачивая специфическую социально-экономическую природу современного корпоративного капитала через механизм ее осуществления. И снова сошлемся на работу А.В. Бузгалина, где анализируются «переходные отношения, нацеленные на частичное реальное подчинение творческой деятельности капиталу» ... с использованием новых механизмов формального подчинения человека капиталу» (2, с. 107, 107–121).

Поддерживая автора, хочу лишь обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, данный процесс происходит через экономизацию субъекта творческой деятельности на разных уровнях функционирования отношений корпоративного капитала. И, во-вторых, мера целостности подчинения человека корпоративному капиталу зависит от степени зрелости капитала и может принимать формы феодализации и даже рабских отношений. Если капитал встраивается в хозяйственную систему, которая генетически еще не имеет соответствующего институционального иммунитета, то объективно он начнет в ходе функционирования воспроизводить отнюдь не капиталистические отношения.

Теоретическое осмысление этого процесса требует развертывание механизма включения субъекта творческой деятельности в социально-экономические, организационно-экономические, институциональные отношения и в хозяйственную практику. При этом меняются соответствующие статусные формы и функциональные роли субъекта деятельности на каждом витке опосредования.

На рисунке представлена модификация отношений экономических субъектов при переходе с одного уровня на другой (рис. 1).

Рис. 1. Уровни реализации экономических отношений в рамках субъектного подхода

Но самое важное, что экономизация неэкономических по сути форм и видов деятельности приводит к разрушению самой деятельности по сути. Примеров тому множество (деятельность врача, педагогическая деятельность, исследовательская деятельность и др.).

Сложность современной российской экономики в том, что навязанные ей в 90-е годы институциональные, организационно-экономические формы и нормы, взятые из развитых экономик, не могли работать в рамках исторически сложившейся хозяйственной системы, были чужды ей, рождая *еще большую деформацию экономических отношений*. Одновременно концентрация в руках господствующей элиты основной массы ресурсов и власти не дает возможность оформиться институционально другим экономическим интересам для их реализации, углубляя институциональное отчуждение, в том числе представителей креативного труда. Политический аналитик В. Соловей справедливо замечает: «Главное, что сейчас происходит – мы достигли состояния, когда никак не можем шагнуть в будущее» (8).

В России движение вперед возможно только в состоянии достижения необходимой глубины понимания целей, смысла этого движения, осуществляя перемены *ради человека и общества*. Таков наш генетический код. Но это проблема формирования элиты, развернутой не на личное обогащение и самовоспроизводство политической и экономической власти, а на деятельность в интересах всего общества. Зададимся вопросом вместе с профессором А. Аузаном: «Найдутся ли штурманы корабля, которые смогут решить эту проблему? Сейчас наши элиты – короткохваты, с коротким взглядом. Сиюминутное у них преобладает над длинным. Они не знают не только, как решить проблемы на будущее, но часто – куда вести страну [прямо сейчас]...» (1). Соглашусь с Аузаном, «сейчас самый актуальный вопрос у нас – восстановление коллективного контроля над инструментами насилия» (1), постепенный переход к *действительным* механизмам гражданского общества.

Литература

1. Аузан А. «Хочется раскола в элитах. Чтобы часть элит осознала, куда и почему надо двигаться». Режим доступа: – <https://philologist.livejournal.com/10501874.html>.

2. Бузгалин А.В. Человек или «человеческий капитал» /А.В. Бузгалин //Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала. – Москва, 2011. – 556 с.

3. Глазьев С.Ю. Российская экономика разрывается между двумя центрами. Режим доступа: – <https://zen.yandex.ru/media/freeconomy/rossiiskaia-ekonomika-razryvaetsia-mejdu-dvumia-centrami-5be988030b9cadooaa10a2f5?&from=feed>

4. Карасёва Л.А. Путь к интеграционному знанию: к вопросу о практической методологии марксизма /Л.А. Карасёва // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 4. – С. 29–35.

5. Карасёва Л.А. Проблема практической методологии и теории современной экономической науки и становление новой социально-экономической парадигмы. /Л.А. Карасёва // Вестник Тверского государственного университета. Серия: «Экономика и управление». – 2019. – № 1. –С. 246–250.

6. Миркин Я. Нельзя надеяться только на бюджет /Я. Миркин // Широков // Вольная экономика. – 2019. – Январь-март. – С. 13.

7. Петрищев В.А. О необходимости углубления содержания политической экономии / В.А. Петрищев //«Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление». – 2018. – № 4. –С. 220–222.

8. Соловей В. Масштабный политический кризис в России неизбежен. В сущности, он уже начался. Режим доступа: – <https://ekb.dk.ru/news/masshtabnyu-politicheskiy-krizis-v-rossii-neizbezhen-v-suschnosti-op-uzhe-nachalsya-237120357>

9. Тергулов Ф.Ш. Об общественном наследовании или социальный геном. Режим доступа: – <https://elibrary.ru/item.asp?id=26022151>

10. Трушин А. Территория полуприцепов. Нужна ли России стратегия пространственного развития? Режим доступа: – <https://www.kommersant.ru/doc/3908584>

11. Широков А. Проблема внутренних цен / А. Широков // Вольная экономика. – 2019. – Январь-март. –С. 13.

Лейн Д.,

*профессор, Академия общественных наук,
Кембриджский университет*

Неолиберализм: доктрина и критика

Аннотация. В статье рассматриваются экономические и социально-психологические основы неолиберализма. Автор исследует неолиберальный капитализм, отвечая на вопросы о том, какие предпосылки инициируют его формирование, чьи интересы он поддерживает в большей мере, к каким экономическим и социальным последствиям ведет, а также как проявляет себя государство в данной экономической системе.

Ключевые слова: неолиберализм, неолиберальный капитализм, рыночная конкуренция, капитал, государственное регулирование

Lane D.,

professor, Academy of Social Sciences, University of Cambridge

The Neo-liberalism: the Doctrine and a Critique

Abstract. The article discusses the economic and socio-psychological foundations of neoliberalism. The author explores neoliberal capitalism, answering questions about what prerequisites initiate its formation, whose interests he supports to a greater extent, what economic and social consequences it leads, and how the state manifests itself in this economic system.

Keywords: neoliberalism, neoliberal capitalism, market competition, capital, government regulation

Неолиберальная экономика предусматривает допущение, которое принимается без доказательств и служит базовым политическим

принципом. В наши дни таким допущением является «здравый смысл»: он лежит в основе экономической и социальной политики крупнейших правительств мира. Как доктрина неолиберализм придает приоритетное значение экономическим, а не социально-политическим аспектам. Доктрина неолиберализма возникла из экономической философии либерализма девятнадцатого века, выступавшей за свободу деятельности индивидов в продвижении своих предпочтений посредством рыночных механизмов, что в результате способствовало национальному благосостоянию. Руководящие принципы философии включали в себя частную собственность, отсутствие ограничений на торговлю и производственную деятельность фирм в целях максимизации своей прибыли. Ее политика выступала за свободную торговлю на международном уровне. Важная роль отводилась государству: гарантировать обороноспособность, эмитировать деньги, обеспечивать соблюдение контрактов, поддерживать базовые принципы коммерческой деятельности и выполнять инфраструктурные проекты; оно также устанавливало условия ведения торговли. Либералы признавали, что свободе личности могут препятствовать социально-бытовые условия, и что государство должно предпринимать шаги по сокращению бедности, оздоровлению населения и обеспечению начального образования. В либерализме был элемент некоторого чело-веколюбия. Однако неолиберализм распространяет экономический расчет и стимулы и на многие другие сферы жизни; неизменным остается решающий акцент на необходимости индивида заботиться о себе самому.

Неолиберализм – это неоднозначная концепция, используемая многими для критики той политики, которую они не одобряют. Один из рецензентов данной концепции приходит к выводу о том, что в настоящее время неолиберализм «широко признается в литературе как противоречивый и непоследовательный термин, испытывающий глубокий кризис...»¹. Опираясь на работы ведущих теоретиков неолиберализма и практику его применения, я составляю из компонентов философии единую модель. В данной статье я утверждаю, во-первых, что нео-

¹ *Rajesh Venugopal*. Neoliberalism as concept, Economy and Society (Неолиберализм как концепция экономики и общества), том 44, № 2 (май 2015 г.): с. 165–187, цитата с. 165.

либерализм является тотальной идеологией; во-вторых, что неолиберальная политика не способна обеспечить общественное благосостояние; и, в-третьих, я выделяю некоторые изъяны неолиберализации.

Основным теоретиком неолиберализма является Фридрих фон Хайек¹, который популяризировал и развил теории Людвиг фон Мизеса². В США последователем данной концепции был Милтон Фридман³, который рассматривал ее в более узком, экономическом смысле. Аргументы этих теоретиков привели к принятию мнения об отсутствии экономической альтернативы рынку: что иерархические формы плановой координации не просто нежелательны, но и недоступны для эффективной реализации с технической точки зрения. Хайек подготовил идеологическую основу не только для неолиберальных экономик, но и для фундаментальной критики социализма и плановой экономики. Эти идеи применены в основных доминирующих экономиках; они встроены в часть процессов Европейского союза и оказали непосредственное влияние на переход к капитализму бывших социалистических стран. Некоторые основополагающие принципы приняты в Китае. Идеи неолиберализма впитались в ткань идеологии традиционных социал-демократических политических партий.

Неолиберализм⁴ расширяет границы экономического либерализма в трех направлениях. Во-первых, область свободных отношений

¹ Его основные труды – *The Constitution of Liberty* (Конституция свободы), 1960; *The Individual and Economic Order* (Индивид и экономический порядок), 1948; и *The Road to Serfdom* (Путь к крепостному праву), 1944.

² *Ludwig von Mises. Liberalism* (Либерализм). Indianapolis, IN: Liberty Fund, 2005.

³ *Milton Friedman. Essays in Positive Economics* (Очерки позитивной экономики). Chicago: Chicago University Press. 1953.

⁴ Неолиберализму посвящена обширная литература. Для ознакомления см.: *David Harvey, A Brief History of Neo-Liberalism* (Краткая история неолиберализма). Oxford: Oxford University Press, 2005. A. Saad-Filho and D. Johnston (Eds), *Neoliberalism: A Critical Reader* (Неолиберализм: критический читатель). London: Pluto Press, 2005. *G. Duménil. The Crisis of Neoliberalism* (Кризис неолиберализма). Harvard: Harvard University Press, 2010. см. на след. странице

распространяется с собственно экономической деятельности на многие другие аспекты человеческой жизни. Во-вторых, область его действия скорее глобальная, чем международная. При неолиберальной глобализации государство теряет свое прежнее право контроля собственных границ и, следовательно, многих аспектов национальной политики; на смену государственной власти в области политической координации приходят рынки и сети. При этом государства поддерживают и обеспечивают соблюдение правил социально-экономического уклада. В-третьих, неолибералы поставили понятие т.н. финансиализации как монетизации экономических отношений в основу многих отношений социального обмена, которые, как они утверждают, способствуют эффективной работе экономического механизма капитализма.

Неолиберализм как всеобъемлющая идеология

Для надлежащего функционирования неолиберального экономического механизма необходима согласованность политических, правовых и социальных институтов. Следовательно, неолиберализм – не просто экономическая теория; он трансформировался в тотальную идеологию. Неолиберализм – это всеобъемлющая идеология, теория общества. Его можно определить как доктрину, утверждающую, что развитие человеческого общества может быть наилучшим образом достигнуто путем *рыночной конкуренции*, способствующей *беспрепятственному движению* капитала, труда, товаров, услуг и права на создание структур¹, которые, в свою очередь, стимулируют развитие рыночной конкуренции; это развитие обеспечивается гарантией *частной собственности* и поддерживается минимальным государ-

см. на предыдущей странице *Matthew Eagleton-Pierce. Neoliberalism: the Key Concepts (Неолиберализм: ключевые понятия). Routledge, 2016. Huw Macartney (Ed.), Variegated Neoliberalism (Пестрый неолиберализм). Routledge, 2011. A. Burkin. The Great Persuasion (Великое убеждение), Cambridge, MA. Harvard University Press, 2012.*

¹ Право на создание структур дает неограниченную возможность географического перемещения средств производства (труда, капитала, менеджмента) независимо от государственных границ.

ственным регулированием. Теория неолиберализма утверждает, что его процессы и структуры могут удовлетворить человеческие потребности за счет того, что они отвечают психологическим потребностям индивидов. Компоненты неолиберализма представлены на рис. 1. Правительство, социальная сфера (гражданское общество), структуры деловой жизни и координации, сфера экономической и политической деятельности дополняют друг друга, образуя своего рода неолиберальное общество. Конечно, ни одно «реально существующее» общество не вписывается в эту картину полностью. Теоретические рекомендации, которые я здесь описываю, должны быть встроены в уже сформированные институты. Таким образом, неолиберализация принимает форму процесса, который направляется политической и экономической элитой.

Таблица 1. Неолиберализм: всеобъемлющая идеология

Психологическая – заинтересованность в личной выгоде как движущий фактор. «Дает людям то, что [по их мнению] они заслуживают»

Правовая – верховенство закона: демократическое государство регламентировано законом. Свобода, защищенная законом, стоит выше демократии

Политическая – государство осуществляет правоохранительные функции, узаконенные избирательной демократией; обеспечивает соблюдение прав собственности и продвигает институты рыночного обмена

Социальная – права на частную собственность, автономное гражданское общество, антидискриминация, продвижение разнообразия, финансовализация жизни.

Экономическая – неограниченная рыночная координация через конкуренцию;

Монетизация и финансовализация обмена для содействия эффективному распределению

Координация – рынок – это форма обмена, которому способствует финансовализация.

Каталактика – процесс приспособления субъектов друг к другу.

Границы – глобальная система продвигает идеал свободного географического движения капитала, труда, товаров и услуг, а также права на создание структур.

Неолиберализм исходит из интересов индивидов, которые можно свести в единое целое только в рамках конкурентного рынка.

Фундаментальное допущение состоит в том, что удовлетворение личных интересов индивида обеспечивает «прирост населения и благосостояния»¹. Как говорил Хайек, самое главное – «обеспечить наилучшее использование ресурсов, известных каждому члену общества, для целей, чья относительная важность известна только этим индивидам»². Поведение человека, по сути, определяется экономикой³. «Все... открывается для рыночных форм выбора»⁴. Финансиализация деятельности и процессов способствует большей «рыночности» выбора и, таким образом, расширяет свободу (это гораздо более широкое понятие, чем простой процесс перевода долга в торгуемые активы.)

Частная собственность обеспечивает индивидам право на самореализацию. Свобода предпринимательства должна быть «обязательно основана на частной собственности и... ее наследовании». Хотя Хайек признает, что частная собственность ограничивает равенство возможностей, но оправдывает ее тем, что она способствует свободе, а ее альтернатива – государственная или коллективная собственность – еще хуже⁵. Люди «получают то, что заслуживают», потому что это отчасти зависит от их «способностей и предприимчивости», а также от случайных обстоятельств⁶. В этой связи целесообразно уменьше-

¹ F.A. Hayek. *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism* (Пагубная самонадеянность: ошибки социализма). Edited by W.W. Bartley III. Volume 1 of the collected works of Friedrich A. Hayek. London: Routledge, 1988. с. 6.

² F.A. Hayek. *Individualism and the Economic Order* (Индивидуализм и экономический порядок). University of Chicago Press, Chicago and London. 1980: с. 78.

³ См. обсуждение того, как мысль Мизеса повлияла на формирование неолиберальной социологической теории, в работе N. Gane. *Sociology and Neoliberalism: A Missing History* (Социология и неолиберализм: потерянная история), *Sociology*, том 48, № 6 (декабрь 2014 г.), с. 1092–1101, см., в частности, с. 1094–5.

⁴ Gane, с. 1095.

⁵ F. A Hayek. *The Road to Serfdom* (Дорога к рабству). London: Routledge, 1944, см. Главу 8, с. 76–77

⁶ *Road to Serfdom* (Дорога к рабству), с. 76.

ние «неравенства возможностей»¹, поскольку это расширит «свободу предпринимательства» и, таким образом, будет способствовать прогрессу. Равенство возможностей – один из аргументов неолиберализма, неумышленно просочившийся в социал-демократическую политику и фактически потеснивший традиционную социалистическую озабоченность обеспечением социального равенства.

«Общество», как утверждается, не может объединить все интересы в единое целое, потому что нет такого всемогущего органа, который бы понимал природу предпочтений людей, составляющих общество. Изучение таких целостных социальных систем, как «общество» или «коллектив», абстрактно по своей сути; что касается социальных наук, то их предметом изучения являются отдельные субъекты. Не существует коллективного сознания, превосходящего совокупность интересов индивидов (о которых могут знать только сами индивиды). Следовательно, невозможно осуществлять планирование экономики в целом, потому что информация, необходимая для удовлетворения индивидуальных потребностей, не может быть известна агрегирующей ее сущности (которой на практике является государство)².

В основе неолиберальной мысли лежит методологический индивидуализм: действия совершаются индивидами. Коллективы (правительства, нации) являются абстракциями³. Хайек считает, что только рыночные механизмы, действующие на основе конкуренции, могут привести к оптимальным результатам, то есть удовлетворению желаний индивидов в любой экономике⁴. На первой странице первого

¹ Road to Serfdom (Дорога к рабству), с. 76. Принцип частной собственности существенно важен, поскольку он «является основной гарантией свободы», с. 78.

² См., в частности, статью Economics and Knowledge (Экономика и знания), переизданную в монографии F.A. Hayek. Individualism and Economic Order (Индивидуализм и экономический порядок), University of Chicago Press, Chicago and London, 1948 (33–56)

³ Обзор см. в работе Andrew Gamble. Hayek: The Iron Cage of Liberty (Железная клетка свободы), Cambridge: Polity Press, с. 53–56.

⁴ Individualism and the Economic Order (Индивидуализм и экономический порядок), там же, с. 79

тома собрания своих работ Хайек утверждает: «Для понимания нашей цивилизации необходимо уяснить, что этот расширенный порядок сложился не в результате воплощения сознательного замысла или намерения человека, а спонтанно: он возник из непреднамеренного следования определенным традиционным, и, главным образом, моральным (курсивом в оригинале) практикам. Ко многим из них люди испытывают неприязнь, осознать их важность они обычно не в состоянии, доказать их ценность неспособны. Тем не менее, эти обычаи довольно быстро распространились благодаря действию эволюционного отбора, обеспечивающего, как оказалось, опережающий рост численности и богатства именно тех групп, что следовали им»¹.

Спонтанность, а не сознательный замысел – вот концепция, лежащая в основе неолиберального мышления. Основой сотрудничества между людьми является рыночная конкуренция. Для неолибералов капиталистические общества движимы предпринимателями, которые стремятся получить прибыль от продажи товаров и услуг, и потребителями, охваченными этикой потребления. Потребление непрерывно и постоянно. В экономике преобладают сделки, связанные с обменом товаров и услуг на деньги. Такие сделки подразумевают непрерывный процесс взаимодействия, при котором осуществляется экономически целесообразный обмен товаров и услуг. Для обеспечения обмена необходима информационная сеть, позволяющая рассчитать «полезность» товаров и услуг. Финансализация расширяет сферу применения экономических обменов. Координация в рамках экономики достигается посредством совершения сделок на основе механизма ценообразования, запускаемого государственным регулированием в режиме постфактум (то есть решения в отношении будущего принимаются исходя из того, что, как известно, происходило в прошлом). Действует принцип взаимной замены, позволяющий совершать ценностный обмен: капитала – на труд, товаров или услуг – на другие товары или услуги. Действия индивидов и фирм обуславливаются «рационалистичной оценкой» личной заинтересованности. Рыночное общество плюралистично: единого центра контроля не существует. Такой сущности, как «общество», быть не может, поскольку никакой коллектив не может знать желаний индивидов:

¹ The Fatal Conceit (Пагубная самонадеянность), с. 6.

правительства не могут защищать настоящие «интересы общества»¹. Приоритизация государства как функции выражения интересов общества ведет к тоталитаризму. В институциональном смысле неолибералы призывают политическую и экономическую власть стать самостоятельными автономными компонентами гражданского общества. Рынок – это «невидимая рука», координирующая многочисленные сектора через процесс каталлактики.

Плюралистические измерения

В политике параллелью такой модели можно назвать конкурентные выборы. Они устанавливают рациональный политический механизм защиты личных интересов посредством конкуренции и рационального выбора. Что касается рыночной системы, то ее границы защищены капиталистическими ценностями, которые узаконивают рыночные отношения и обеспечивают их интеграцию через правовую систему. Фундаментальные черты капитализма закреплены властью закона и не могут быть изменены даже принятием мажоритарного демократического решения.

Следовательно, капиталистическое рыночное общество – не просто форма экономического обмена на основе рыночного ценообразования. Оно включает в себя широкий спектр норм, плюралистических политических институтов, рационалистических ценностей и конкуренции, форм психологического удовольствия от потребления и реализации предпринимательских инноваций. Конкуренция между индивидами ведется в политической и экономической сферах параллельно.

Конкуренция на рынке порождает новые экономические знания о способах объединения средств производства, которые невозможно получить в условиях централизованного планирования². Она лежит

¹ *F. von Hayek. Individualism: True and False (Индивидуализм: истинный и ложный). 1945. Можно найти на сайте: <http://econdse.org/wp-content/uploads/2014/09/hayek.pdf>. Дата просмотра 30 января 2019 г. См. с. 19.*

² Эту точку зрения отстаивает Дон Лавуа (*Don Lavoie. Rivalry and Central Planning (Соперничество и централизованное планирование)*, Cambridge University Press 1985. с. 24.

в основе информационных сетей, которые формируют «бесплатные» новостные рекламные СМИ. Рыночная конкуренция зиждется на частной собственности, которая в условиях развитого капитализма принимает корпоративную форму. Экономисты, такие как Фрэнк Х. Найт, Ф.А. Хайек и Людвиг фон Мизес, подчеркивают, что фундаментальным принципом капитализма является частная собственность на производственные ресурсы, которые составляют основу самостоятельности экономического предприятия. Частная собственность играет важнейшую роль в формировании рынков и капитализма. По словам Хайека, развитие торговли в процессе становления капитализма, которое привело к созданию ценовой системы, зависело от уровня защищенности частной собственности¹. Собственность и (в меньшей степени) права наследования являются гарантией свободы индивида. Преобладают ценности, поддающиеся рационалистичному расчету. Хайек считает, что «финансовая выгода» является и должна быть главной движущей силой развития, поскольку она составляет «причину повышения общего благосостояния, которое выгодно для каждого»². При таком подходе частная собственность представляется неотъемлемым компонентом рыночного общества, а для неоллибералов – фундаментальным институтом современной цивилизации.

По мнению Адама Смита и классической экономики, координация обеспечивается скрытой, «невидимой рукой» рынка. По мнению Хайека, существует процесс «каталактики», способствующий «...взаимному согласованию множества отдельных экономик на рынке»³. Хайек видит общество как совокупность отдельных самостоятельных мотивированных единиц: «Таким образом, каталактика – это особый вид стихийного порядка, созданного рынком посредством людей, действующих в рамках положений права собственности, деликта и контракта»⁴.

¹ См. обсуждение в работе *The Fatal Conceit* (Роковая самонадеянность), с. 31.

² См. обсуждение в публикации N. Gane, 2014, с. 1101

³ F.A. Hayek. *Law, Legislation, and Liberty* (Право, законодательство и свобода), том 2, London: Routledge 1976, с. 108–109. Для ознакомления см. *Andrew Gamble*. Hayek and the Left (Эндрю Гэмбл, Хайек и левые), *Political quarterly* 67 1996, № 1 46–53.

⁴ F. von Hayek. *Law, Legislation and Liberty* (Право, законодательство и свобода), с. 109.

Именно благодаря такому взаимному согласованию осуществляется координация экономики. Хотя координация не идеальна и, как процесс требует, чтобы субъекты постоянно менялись, подстраиваясь друг под друга, она гораздо более эффективна и действенна, чем любая форма государственного планирования. Рынок обеспечивает равновесие между автономными бизнес-единицами, конкурирующими друг с другом. «Экономический расчет», координирующий индивидуальные предпочтения, опирается на «ценовую систему», встроенную в экономический рынок¹.

Политические и правовые институты обеспечивают рамки, в которых может функционировать неолиберализм. Неолибералы способствуют формированию «промежуточных структур и ассоциаций», которые рассматриваются как «неотъемлемые факторы сохранения упорядоченной работы человеческого общества»². Человек, участвующий в социальных процессах, «должен хотеть и быть готовым приспосабливаться к переменам и подчиняться обычаям»³, направленным на обеспечение свободы человека. Основываясь на автономности гражданского общества и избирательной демократии, теоретики неолиберализма утверждают, что экономические и политические институты являются результатом свободного демократического выбора. Однако демократия (понимаемая как власть большинства) не должна ущемлять свободу. Все государства, в том числе демократические, руководствуются законом. Хайек настаивает на том, что власть большинства должна соответствовать общим убеждениям или прин-

¹ *F. von Hayek. The Use of Knowledge in Society* (Использование знаний в обществе), *American Economic Review*. 1945, том 35, № 4: 519–30, цитируется по с. 525. Также доступно на сайте: <https://www.aeaweb.org/aer/top20/35.4.519-530.pdf>. Также опубликовано в монографии F.A. Hayek, *Individualism and Economic Order* (Индивидуализм и экономический порядок). University of Chicago Press: London and Chicago, издание 1980 г., с. 77–91, цитируется по с. 84–5.

² *Individualism: True and False* (Индивидуализм: истинный и ложный), с. 22.

³ *Individualism: True and False* (Индивидуализм: истинный и ложный), с. 22.

ципам сообщества и не препятствовать им: «необходимо, чтобы большинство подчинялось этим общим принципам, даже если, возможно, их непосредственным интересом является их нарушение». «Власть большинства ограничена разделяемыми всеми принципами, и за их пределами легитимная власть невозможна»¹.

Каталлактические обмены должны применяться ко всем формам человеческого поведения. Они формируют отношения между социальными, экономическими, политическими и юридическими институтами (показано на Рис. 2). Это серьезное отступление от классической экономики, которая ограничивает поле деятельности рынков экономической сферой. Финансализация деятельности (процесс обмена посредством денежного расчета) способствует повышению эффективности и расширяет возможности выбора. Вместо того, чтобы принимать за единицы анализа целостные социальные системы, такие как «общества», нелибералы рассматривают в качестве структурных элементов ассоциации и сети, сформированные индивидами. Необходимую основу для реализации свободы обеспечивают правовые и общественные институты. Основой нелиберального мировоззрения, сформированного в таких рамках, является методологический индивидуализм. Все, что делается, делается индивидами. Коллективы (общества и нации) – не более, чем абстракции². Хайек считает, что только рыночные механизмы, основанные на конкуренции, могут достичь оптимальных результатов, имея в виду удовлетворение потребностей людей в любой экономике³. Нелиберальная парадигма отрицает понимание общества как единого целого. Хайек отвергает коллективизм как «по сути авторитарный»; для либералов свобода – это то, что достигается посредством «спонтанных процессов

¹ *F. von Hayek. The Constitution of Liberty (Конституция свободы) (1960) с. 106–107. Доступно на сайте: <http://iea.org.uk/sites/default/files/publications/files/Hayek's%20Constitution%20of%20Liberty.pdf>*

² Для получения общего представления см. работы Эндрю Гэмбла и Хайека: *Andrew Gamble, F. von Hayek: The Iron Cage of Liberty (Железная клетка свободы), Cambridge 196. Polity Press. с. 53–56.*

³ *Individualism and the Economic Order (Индивидуализм и экономический порядок), там же, с. 79.*

упорядочения, которые возникают в результате действий индивидов и находят конкретное выражение в актах рыночного обмена и конкуренции»¹. Таким образом, свобода достигается через рыночную конкуренцию, которая является основой любого сотрудничества между людьми. Здесь нет ни государственного планирования, ни анархии: свободные автономные социальные институты взаимодействуют друг с другом посредством процесса каталактики, способствуя таким образом благосостоянию человечества.

Рис. 1. Каталактический обмен между секторами

Финансовая система играет важнейшую роль в распределении активов, координации экономики и повседневной жизни. Финан-

¹ Gane, 2014, с. 1102.

совые стимулы и критерии, финансовые субъекты и институты являются посредниками между отдельным человеком и социальной жизнью. Финансиализация отношений имеет решающее значение для эффективного распределения активов. У финансиализации три существенных аспекта: она обуславливает метод накопления – инвестиции распределяются согласно финансовым критериям; корпорации подлежат финансовому контролю; повседневная жизнь финансиализируется посредством монетизации отношений¹.

В политическом плане ожидается, что поддерживать эффективную правовую базу для контроля применения систем права частной собственности и рыночного обмена будет государство, и что оно будет обеспечивать непреходящую ценность денег. Как отмечал Милтон Фридман: «[Неолиберализм] должен отводить важное место жесткому ограничению способности государства вмешиваться в частные действия отдельных лиц; в то же время он должен четко признавать, что существует ряд важных положительных функций, которые государство призвано выполнять»². Оно должно не просто обеспечивать функционирование системы применения права в рыночном обществе, но и активно содействовать реализации целей отдельных лиц. Конкурентная избирательная демократия узаконивает гегемонию доминирующих экономических и политических элит. В социальном плане гражданское общество в форме свободных самостоятельных объединений освобождает человека от контроля со стороны государства и способствует процессу каталлактики. Частный бизнес, движи-

¹ *N. van der Zwan*. State of the Art: Making sense of financialisation (Новейшие веяния: осмысление финансиализации). *Socio-Economic Review*, 2014, том 12, с. 99–129. *O. Orhangazi*, Financialisation and Capital Accumulation in the Non-Financial Corporate Sector: A Theoretical and Empirical Investigation on the US Economy: 1973–2003 (Финансиализация и накопление капитала в нефинансовом корпоративном секторе: теоретическое и эмпирическое исследование экономики США: 1973–2003 гг.). *Cambridge Journal of Economics*, 2008, том 32, с. 863–886.

² *Milton Friedman*. Neoliberalism and its Prospects (Неолиберализм и его перспективы). Farmand: 1951. Доступно на сайте: https://miltonfriedman.hoover.org/friedman_images/Collections/2016c21/Farmand_02_17_1951.pdf. Цитируется по с. 3.

мый личной инициативой, а не коллективным обязательством государственного обеспечения, считается наиболее эффективным способом предоставления услуг в таких областях, как здравоохранение и образование.

Исключаются альтернативные принципы организации, основанные на целостной концепции общественного благосостояния, координируемой правительствами. Действительно, роль правительства в предоставлении услуг считается вредоносной, поскольку политики и государственные служащие руководствуются собственными интересами и способствуют только их продвижению; однако правительства должны обеспечивать соблюдение закона и стимулировать развитие рыночного капитализма. Предполагается, что личную и общественную пользу может приносить только спонтанное удовлетворение личных интересов в процессе каталлактики.

В соответствии с неолиберальной концепцией целью правительства является поддержка надлежащих институтов и законов, которые обеспечивают свободу действий индивидов в рамках рынков. Законы поддерживают силу контрактов, а государство обеспечивает соблюдение прав на частную собственность¹. Государственное регулирование рынка и искажения, вызываемые коррупцией и неадекватностью институтов защиты собственности, препятствуют формированию равновесия и должны быть ликвидированы, чтобы предпринимательство могло процветать, создавая богатство и обеспечивая благополучие.

Многие из принципов неолиберализма являются полезными методическими указаниями. Сквозная идея каталлактики превосходит неопределенную концепцию «невидимой руки» Адама Смита. Рыночные общества породили богатства и стимулировали предпринимательство. Государственная бюрократия и управление проявили себя как недостаточные. На практике продвижение интересов «общества» зачастую является продвижением интересов политиков и элит. Политики считаются корыстными и коррумпированными, а иногда и являются таковыми. В условиях собственнического индивидуализма ши-

¹ Современное описание данной системы см. в работе Дарона Аджемоглу и Джеймса А. Робинсона (*Daron Acemoglu and James A. Robinson. Why Nations Fail (Почему нации приходят в упадок)*. London: Profile books 2012.

роко распространены понятия личной свободы (как отсутствие ограничений со стороны государства) и представления о том, что люди получают «то, что они заслуживают». Неoliberalизм пользуется широкой поддержкой. Когда дела идут плохо, «практические специалисты» осознают, что применение этих принципов было ошибочным. Они пытаются «заштопать пузырь» экономических кризисов. И здесь нам нужно поставить под сомнение не просто применение neoliberalной парадигмы, но и ее основополагающие допущения.

Критика: Семь недостатков neoliberalизма

Я выделяю семь аспектов, в которых экономический neoliberalизм ошибочен. Они касаются следующих вопросов: стремления индивидов являются неприемлемой основой для экономической политики; каталлактические обмены не могут гармонично и прогрессивно удовлетворять потребности коллективов; противостояние экономических сил не способно преодолеть инерцию или стабилизировать экономические циклы; финансовализация экономических отношений – это извращение, которое может привести к спекуляции; частная собственность разрушает экономические стимулы, душит предпринимательство и приводит к бездействию; neoliberalная политика игнорирует классовые и статусные социальные ограничения, которые ведут к несправедливости; политика не дает людям «того, что они заслуживают».

Психологический субъективизм

Во-первых, neoliberalная методология зиждется на субъективных склонностях индивидов, которые узакониваются ею и узаконивают самостоятельность личного выбора. Такое экономическое мышление основано на психологическом субъективизме, то есть на предположениях и побуждениях в умах людей, определяющих их поведение. Достоинством данного подхода является то, что он ставит индивида в центр экономики, однако при этом он игнорирует периодические взаимодействия индивидов в форме социальных классов и вытекающее из этого неравное распределение экономической и политической власти. Это психологический, а не социологический

подход. Он сводит экономику к исследованию результатов поведения отдельных лиц, а не анализу политических и социальных детерминант экономического поведения. Такими детерминантами являются институциональные структуры и классы.

Для обеспечения коллективного благополучия и оптимального благосостояния необходимо учитывать социальное распределение материальных и финансовых активов. Спрос, выраженный через рынок, удовлетворяет стремления индивидов; однако при этом те, у кого активов больше, оказывают непропорциональное влияние на рынок, обделяя таким образом тех, у кого таких активов меньше всего. Такой подход игнорирует потребности человека. По этой причине акцентируется аспект «выбора»: в экономике он находит выражение в концепции рынка, в политике – в концепции выборов. При этом институциональная структура и неравное распределение богатства ограничивают выбор бедных слоев населения.

Частная собственность не только является основой личной свободы, но и ведет к формированию социальных классов. Экономика в целом и неолиберализм в частности не рассматривают социальные классы и корпоративные экономические интересы, которые движут рынками. Следовательно, анализ проводится с точки зрения максимизации индивидуальной полезности. Поскольку трудовая теория стоимости утратила свою популярность в экономике, проблема экономической эксплуатации замалчивается.

Рынок мог бы стать механизмом, способствующим общественному благосостоянию, если бы распределение активов было равным, но это скомпрометировало бы фундаментальный принцип неолиберального капитализма: свободу владения собственностью. Снижение барьеров на пути обеспечения равных возможностей обогащения бедных слоев населения не решает проблемы институционально обусловленного неравенства. Понятие «общество», однако, включает в себя все потребности человека. Демократии могут совершенно справедливо ограничивать свободу, продвигая реальное равенство, а не равенство возможностей.

Каталлактика и исполнение желаний

Во-вторых, утверждается, что процесс каталлактики не способствует наилучшему удовлетворению социальных потребностей. Хайек

и другие теоретики неоллиберализма не принимают во внимание и даже не признают, что знание несовершенно. Поскольку равновесие зависит от совместимости субъективных планов всех взаимодействующих лиц, мы не можем предполагать, что все люди будут корректировать свои собственные планы, чтобы сделать их совместимыми с планами других. Получается, что без совместимости рынок не может эффективно функционировать. Каталлактика выражается в постоянной корректировке и перенастройке, что может не обеспечивать равновесия. Несовместимость каталлактического обмена может привести к рыночным сбоям, спадам и кризисам.

Неолибералы предполагают, что со временем такая совместимость будет достигнута и приведет к равновесию в экономике, удовлетворяющему потребности всех субъектов. Однако экономики могут поддерживать разные рыночные структуры, каждая из которых нуждается в равновесии. В этом случае мы видим «множественное равновесие», вызванное информационной асимметрией и косностью общественных институтов. Гегемонистская экономическая власть в лице глобальных корпораций может придавать форму результатам, а не автономным и анонимным процессам, сопровождающим каталлактику в индивидуалистическом понимании¹.

Все капиталистические страны сталкиваются с проблемами жестких региональных различий и дисбалансов с точки зрения доходов, а также материальных и человеческих активов. «Рынок» не создает единого равновесия за счет дополнительных потоков инвестиций и рабочей силы. Каждый регион по инерции поддерживает свое собственное равновесие. Арканзас (США), Тайнсайд (Великобритания) и Иваново (Россия) не достигают равновесных уровней процветающих районов, которые простираются за их пределами, а остаются на своем, более низком уровне. Понятие «общество» учитывает такие дисбалансы, и для их устранения государства могут применять политические меры.

Поскольку страны имеют разные уровни жизни, аутсорсинг производства на глобальном рынке приводит к тому, что бедные страны

¹ См. *Andrew Gamble. The New Political Economy, Political Studies* (Новая политическая экономия, политические исследования), том XLIII, 516–530, особенно см. с. 526–7.

с дешевой рабочей силой предлагают свой труд за определенную долю от стоимости такой силы в развитых странах. Как следствие, формируются потоки капитала в бедные страны, но одновременно возникает безработица в странах развитых. Свободный рынок труда стимулирует межнациональную миграцию, которая приводит к разрушению семей, депопуляции депрессивных районов (и бедности для тех, кто там остается), а также к дополнительной нагрузке на ресурсы в районах, куда направлена миграция. Идеология неолиберализма узаконивает миграцию как общественное благо, содействующее социальному благосостоянию и созданию материальных ценностей, но ее обратная сторона – это социальный стресс не только в регионах, которые принимают мигрантов, но и в тех, откуда они приезжают.

Рынок работает в ущерб наемным работникам в целом, поскольку они обладают значительно меньшей переговорной силой по сравнению с работодателями, а в бедных странах у работников еще меньше прав и еще более слабая защита труда¹. Неолиберальная политика со временем привела к росту уровня доходов, что является позитивным фактором, но при этом и к значительному увеличению неравенства как внутри стран, так и между ними, что не только неоправданно, но и пагубно. С экономической точки зрения такой результат не самый благоприятный.

Неоптимальное равновесие

В-третьих, состояние равновесия не может быть оптимальным с точки зрения использования ресурсов на уровне общества. Хайек подчеркивает тенденцию к достижению такого равновесия, его установление может занять много времени. В экономической истории капитализма циклические изменения перемежаются длительными периодами спадов, а также экономическими кризисами, поэтому катаклитическое движение к неоптимальному равновесию, дости-

¹ См. обсуждение этого вопроса в работе Д. Родрика (*D. Rodrik. The Globalisation Paradox: Why Global Markets, States and Democracy Can't Coexist* (Парадокс глобализации: почему глобальные рынки, государства и демократия не могут сосуществовать). New York: Norton 2011, в особенности см. гл. 9.

гаемое посредством адаптации периферийных областей, может быть неблагоприятным с экономической точки зрения. Саморегулирующиеся или уравнивающие силы рынка могут быть слабыми или вообще отсутствовать, что может привести к частичной безработице, возникающей при неоптимальном использовании капитала и рабочей силы.

Рынок может достигнуть равновесия, которое не будет оптимальным для экономики. Как формулировал это Кейнс, экономическая система «может пребывать в состоянии хронически пониженной активности в течение длительного времени, не проявляя заметных тенденций ни в сторону оздоровления, ни в сторону окончательного краха»¹. Равновесие может установиться на уровне ниже оптимального, но рыночные механизмы не позволят скорректировать его до оптимального². Экономической противодействующей силы в этом случае не существует. Такая уравнивающая сила есть у правительств, которые находятся за пределами каталактической формы рыночной адаптации. Правительства могут действовать и действуют в интересах общества.

«Желания», отображенные на шкале спроса, не совпадают с социальными потребностями. Богатые могут приобрести медицинские услуги по любой цене, используя ограниченные медицинские ресурсы для удовлетворения своих тривиальных потребностей, например, в области косметической хирургии, при том, что потребности действительно больных, которые могут быть еще и бедными, останутся без внимания. Цель оценки равновесия – эффективное удовлетворение текущих потребностей индивидов. Целостного знания (с учетом экономики в целом) не существует, есть лишь сумма восприятий свободных индивидов, совершающих свой «выбор» среди предлагаемых товаров и услуг. «Желания» могут также создаваться искусственно, вызывая рост спроса на товары, истощающие природные ресурсы.

Маргарет Тэтчер всегда подчеркивала: общества как такового или политики в интересах общества, которые не зависели бы от суммы субъективных желаний людей, не существует. Здесь она вторила

¹ General Theory (Общая теория занятости, процента и денег), с. 249.

² См. обсуждение в публикации Кейнса, 249–254.

Хайеку: «...кроме распределения продуктов с помощью рыночной конкуренции, мы не знаем никакого иного способа информировать индивидов о том, куда каждый из них должен направить свои усилия, чтобы его вклад в создание совокупного продукта оказался максимальным»¹. Однако этот акцент экономическом росте игнорирует экономические выгоды от распределения благосостояния, которые рынок принести не может. Исследования показали, что сдвиги в политике от коллективного предоставления, например, медицинских услуг, приводят не только к более высоким затратам, но и к ухудшению качества таких услуг в целом². Люди обладают несовершенными знаниями и не могут знать, как использовать ресурсы наиболее эффективным образом. Транзакционные издержки маркетизации часто нейтрализуют потенциальные выгоды. Регулируемое государством медицинское обслуживание, как в Соединенном Королевстве, позволяет предоставлять более широкий спектр услуг по более низким ценам, чем медицинское обслуживание, ориентированное на максимизацию прибыли, как в США. Кроме того, все государства ввели всеобщее образование, рассматривая его как общественное благо.

Финансиализация и спекуляция

В-четвертых, современные капиталистические рынки работают на основе денежного механизма, однако операции на фондовой бирже не обязательно ведут к экономическому развитию и созданию материальных благ, хотя и могут увеличивать прибыль. Финансиализация повышает транзакционные издержки, не добавляя к национальному продукту реальной ценности. Неолиберальная экономика не делает различий между спекуляцией и предпринимательством. Обычные предприниматели, ориентирующиеся прежде всего на извлечение прибыли, необязательно переводят свою прибыль в новые инвестиции. Они могут фокусироваться на краткосрочной прибыли, накапливать денежные средства, приобретать иностранную собственность или предаваться демонстративному потреблению – как, например, лорд

¹ F.A. Hayek. The Fatal Conceit (Пагубная самонадеянность), с. 7.

² P. Watson (Editor). Health Care Reform and Globalisation (П. Ватсон (редактор). Реформа здравоохранения и глобализация), London: Routledge, 2013.

Докер, который на прибыль от компании BSA купил позолоченный автомобиль при том, что сама компания закрылась из-за недостаточного инвестирования. Таким образом, финансиализация не способствует развитию (и прогрессу) в долгосрочной перспективе.

Мейнард Кейнс отмечал, что «риск преобладания спекуляций» будет возрастать по мере совершенствования организационной структуры инвестиционных рынков¹. Именно этого и добивается финансиализация. Что мотивирует инвесторов, так это не предполагаемая доходность инвестиций в реальную экономику (которая может быть низкой), а надежда на «изменение стандартной основы определения стоимости в благоприятную сторону» – иными словами, на спекулятивный выигрыш². На финансовых рынках действительно происходят спонтанные обмены, но это не те «добродетельные» обмены в представлении каталактики, которые привели бы к рациональным инвестициям, а компьютерная торговля, в которой спекулянты совершают покупки и продажи на основе взлетов и падений цен на фондовом рынке.

Таким образом, реальной причиной дефицита инвестиций в некоторых странах зачастую выступает системная особенность рыночной координации, а не «плохой инвестиционный климат». Такие структурные недостатки неolibеpальная парадигма игнорирует. Кейнс привел четкое обоснование социализации инвестиций, которые, по его мнению, должны быть ориентированы на долгосрочную перспективу: «достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к

¹ General Theory (Общая теория занятости, процента и денег), с. 158.

² «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дома, трудно ожидать хороших результатов. Если смотреть на Уолл-стрит как на институт, социальное назначение которого заключается в том, чтобы направлять новые инвестиции по каналам, обеспечивающим наибольший доход в смысле будущей выгоды, то его достижения никак нельзя отнести к разряду выдающихся триумфов капитализма, основанного на *laissez-faire*...» General Theory (Общая теория занятости, процента и денег), с. 159.

полной занятости»¹. Как пишет Уильям Джейнуэй (William Janeway): «... неоклассическая экономика не способна объяснить то, как происходило историческое развитие инновационной экономики, поскольку ее основная цель состоит в выявлении условий, при которых конкурентная рыночная экономика достигнет эффективного, неизменного равновесия в распределении ресурсов»².

Не существует сил, способных уравновесить неолиберальную теорию в плане ограничения экономической ренты, возникающей в результате спекуляций. Отсутствие какой-либо экономической согласованности стало очевидным в 2007 году, когда произошел серьезный сбой финансовой системы. В реальной экономической жизни противоядием от взлетов и падений, а также от финансового кризиса выступает политика, проводимая государством, которое вмешивается, чтобы преодолеть провал рынка. Кейнс предложил обоснование вмешательства государства для обеспечения инвестиций. Он выступал за то, что мы сейчас называем индикативным планированием, которое осуществляет правительство для обеспечения долгосрочных инвестиций. Опять же – это политика, основанная на коллективных и социальных, а не на индивидуальных потребностях.

Разделение собственности и контроля

В-пятых, чего не хватает в неолиберальном подходе, – это какой бы то ни было оценки чудовищно неравномерного распределения экономической и политической власти. Фон Мизес и фон Хайек рассматривают право частной собственности как необходимое условие подъема и развития капитализма. Но при этом игнорируют даже работы 1930-х годов о современных корпорациях и отделении собственности от контроля³.

¹ General Theory (Общая теория занятости, процента и денег), с. 378.

² Janeway, с. 8.

³ Следует отметить работу Берли и Минза (*A. Berle and G. Means. The Modern Corporation and Private Property* (Современная корпорация и частная собственность). New York: Commerce Clearing House, 1932; и более позднюю работу Марриса (*R.K. Marris. The Economic Theory of Managerial Capitalism* (Экономическая теория управленческого капитализма). New York: Free Press, 1964

Это разделение, характеризующее современную корпорацию, ставит вопрос о том, является ли частная собственность пусть не благоприятным, но хотя бы необходимым признаком современного рыночного общества. Суть состоит в том, что государство, представляющее общественные интересы (как в случае с национализированными компаниями), может действовать так же, как тысячи отдельных акционеров, утративших свою власть в современной корпорации, и даже лучше. В таких случаях в условиях свободного предпринимательства управленческий контроль может оказаться совершенно неконтролируемым и приводить к колоссальным необоснованным финансовым расходам.

Неолибералы воспринимают право собственности как условие свободы, но игнорируют «несвободу» тех, у кого нет собственности. Антитезис, поставленный Хайеком, заключается в замене государственной собственности частной собственностью. Это ставит государство в положение, при котором «от его действий будут фактически зависеть все иные доходы». Хайек задается вопросом, что лучше: «мир, в котором сила у богатых, или мир, в котором богатство могут приобретать только те, у кого есть власть»¹. На самом деле, в современном капитализме теми, «у кого есть власть», являются богатые, и именно они определяют, кто подходит для накопления большего богатства.

Хайек признает, что государственное планирование может обеспечить «более справедливое и равноправное распределение богатства... Бесспорно, что, если мы хотим обеспечить распределение богатства в соответствии с неким заранее определенным стандартом..., то мы должны спланировать всю экономическую систему»². Тем не менее, продолжает Хайек, это не стоит «той цены, которую придется заплатить» за давление, создаваемое такой системой». Он делает акцент на повышении производительности в целях увеличения национального богатства, а не на его перераспределении³. При этом Хайек признает, что не следует «угнетать большие классы, превращая

¹ The Road to Serfdom (Дорога к рабству), обсуждение и цитаты взяты со с. 77 и 78 соответственно.

² The Road to Serfdom (Дорога к рабству), с. 74.

³ The Road to Serfdom (Дорога к рабству), с. 155.

их в решительных врагов существующего порядка» – в таких случаях, по-видимому, перераспределение богатства будет оправдано¹.

Само по себе предоставление людям возможности большего неравенства (свободы возможностей) не решает проблему власти частного капитала. Современные правительства подотчетны (или должны быть подотчетны) обществу, тогда как частные корпорации несут ответственность перед своими акционерами, которые ожидают прибыли, и контролируются директорами, которые получают доходы.

Неолибералы рисуют образ отдельного инновационного предпринимателя, создающего капитал, и не принимают в расчет ленивых богачей, которые живут на доходы с наследства. Логика неолиберальной позиции заключается в том, что для содействия личным стремлениям к развитию и инновациям следует ограничить права наследования. Получив состояние, наследники не спешат браться за какую-либо работу; таким образом, механизм наследования поощряет праздность и не способствует предпринимательству. Глобальный экономический кризис привел к дестабилизации мирового экономического порядка, особенно в основных гегемонистских странах. Мировое финансовое равновесие поддерживается государствами, а не частным капиталом. Степень экономической разрухи невозможно недооценить: американские банки потеряли капитал в размере 3,6 триллиона долларов²; по оценкам, безработица возросла на 50 миллионов человек, и более 200 миллионов человек оказались в нищете³. Если конкуренция и рынок настолько эффективны, то почему прибыль финансовых компаний так высока, а безработных настолько много? Объяснение можно найти в природе политической и эко-

¹ *The Road to Serfdom* (Дорога к рабству), с. 155.

² M. Richardson and N. Roubini, *Washington Post*, 15 февраля 2009 г. Цитируется по работе Дж. Кротти (*J. Crotty. Structural causes of the global financial crisis: a critical assessment of the 'new financial architecture'* (Структурные причины мирового финансового кризиса: критическая оценка «новой финансовой архитектуры»). *CJE* 2009, 33: 563–580, ссылка на с. 569.

³ Данные цитируются по работе Бланкенбурга и Пальмы (*S. Blankenburg and J. G. Palma. Introduction: the global financial crisis* (Введение: мировой финансовый кризис). *CJE* 2009: 531–38. С. 532.

номической власти, которая легитимизирована доктриной неолиберального капитализма. Государственная политика по обузданию этих излишеств необходима и желательна.

Политическая власть и собственнический индивидуализм

В-шестых, фундаментальные методологические принципы неолиберализма основаны на предполагаемой психологической мотивации индивида. Краеугольным камнем неолиберализма является собственнический индивидуализм¹. Любая социология власти, основанная на понятиях социальных классов или правящих экономических и политических элит, из неолиберального консенсуса исключается.

Психология индивида социально обусловлена. В сфере потребления «самостоятельные» индивиды подвержены социализации, которая определяет их предпочтения. Представители экономической элиты преследуют цели, которые усиливают одни экономические интересы и ослабляют другие. Доминирующим корпорациям, расположенным в гегемонистских государствах, выгодны слияния и поглощения. С их помощью эти корпорации могут использовать свою экономическую и политическую власть для покупки и контроля менее влиятельных компаний в более слабых государствах. Здесь их задача (как, например, в случае поглощения компании Cadbury Schweppes) состоит в увеличении доли рынка, а не в повышении экономической эффективности. Совершенно неверно отрицать, как это делает Хайек, что конкуренция не ведет к олигополии и монополии². Свободный рынок, свободная торговля и неограниченная мобильность капитала привели к росту глобальных олигополий. Финансализация значительно повысила эффективность рынков капитала и предоставила финансовые инструменты для облегчения слияний. Конверсия (процесс покупки денежных потоков, например долговых, таких как ипотека), также в значительной степени способствовала спекуляциям в финансовых секторах. Побочными эффектами стали деиндустриализация и перевод промышленного про-

¹ См. *Andrew Gamble*. Hayek, The Iron Cage of Liberty (Железная клетка свободы). Cambridge: Polity Press, 1996, глава 3.

² См. обсуждение в *The Road to Serfdom* (Путь к крепостному праву), с. 32–3

изводства в более дешевые географические районы, что обычно сопряжено с большими экономическими трудностями для уволенного персонала и экономически зависимого от производства населения.

Конкуренция и иерархия

Наконец, неолиберализм отрицает, что коллективное сотрудничество индивидов может приводить к развитию человечества. Неолибералы утверждают, что «социалистические цели и программы фактически недостижимы и невыполнимы... Порядок, созданный без предварительного проекта, может значительно превзойти тот, который построен по продуманному плану»¹. Они утверждают, что планирование не только невозможно, но и нежелательно. «Экономический либерализм... рассматривает конкуренцию как наилучший из всех других методов не только потому, что в большинстве случаев он самый эффективный из известных, но и потому, что это единственный метод взаимной координации наших индивидуальных действий без принуждения или произвольного вмешательства со стороны властей»². Данный вывод можно теоретически и эмпирически оспорить. Механизмы планирования, которые применяют крупные капиталистические корпорации, могут использоваться и в рамках государственного планирования.

Выводы

Психологическая основа неолиберализма заключается в том, что стремление к удовлетворению личных интересов (осуществляемое институтами неолиберализма) дает людям то, что [по их мнению] они заслуживают. В его основе лежат утверждения о том, что беспрепятственные капиталистические рыночные отношения формируют наилучшую из возможных экономическую систему, способствующую росту богатства и благосостояния людей. «Общество», с другой стороны, является ментальной конструкцией, не имеющей

¹ F.A. Hayek. The Fatal Conceit (Роковая самонадеянность), с. 7–8.

² F.A. Hayek. The Road to Serfdom (Путь к крепостному праву). London: Routledge, 1944, с. 27

под собой реальной основы. Неoliberalизм как форма координации капитализма может работать на микроуровне, но на уровне общества он либо не работает, либо действует неэффективно. Когда он терпит неудачу, вмешивается государство, чтобы исправить дисбаланс, созданный действием рыночных сил.

«Экономический аспект» действительно является важной движущей силой общества, однако экономические предпочтения и интересы необходимо рассматривать в связи с политическими и социальными. Удовлетворение психологических потребностей не касается проблемы неравенства социальных результатов, которое является следствием неравного распределения богатства, власти и доходов. «Выбор» всегда социально обусловлен. Владение собственностью, возможно, сыграло свою позитивную роль в развитии торговли и капитализма, но отделение собственности от контроля в современной корпорации привело к появлению бесправной массы акционеров. Более того, неравномерное распределение частной собственности в современных обществах не способствует экономическому развитию, а рецепты по уравниванию возможностей не приводят к социальной справедливости. Следовательно, неoliberalный капитализм служит интересам одних людей лучше, чем интересам других. Неoliberalный подход не учитывает социальные потребности. Каталлактика может привести к равновесию, которое будет оптимальным в одних случаях, но не будет таковым в других, и такое положение вещей может сохраняться в течение длительного времени. При переходе от индустриальной к постиндустриальной экономике это равновесие привело к разрушению ресурсов, а также к их недостаточному и неправильному использованию. Финансовое дерегулирование усугубило тенденцию биржевого капитализма к развитию финансовых кризисов. Уравновешивающие экономические силы не создали нового равновесия, и эта функция была воспринята государством. Неoliberalная политика привела к тому, что государство отошло от решения задачи обеспечить благосостояние в целом, что привело к ослаблению общественной солидарности. В результате свободной миграции рабочей силы и капитала возникли локальные очаги безработицы, неполной занятости рабочей силы и недоиспользования капитала с открытой временной перспективой. Каталлактики не выравнивают эти дисбалансы. Свокорыстные субъекты способ-

ствуют формированию круговой и совокупной причинности, ведущей к социальной и политической поляризации. Эффективность форм координации свободных нерегулируемых рынков может быть поставлена под сомнение, они должны быть подчинены планированию.

Обращаясь к «реально существующим» обществам, отметим, что разрушения, вызванные экономическим кризисом 2007 года и последствиями программ жесткой экономии, не привели к скольконибудь существенному изменению неолиберальной политики правящих элит. Эти неолиберальные допущения являются основой консенсуса элит. Средства массовой информации, основные политические партии, академические круги в области экономических и социальных наук поддерживают основные концепции неолиберализма и их применение в экономической, политической и социальной сферах. Теперь, когда неолиберализм принят региональными организациями (такими, как Европейский союз), продвигается военными союзами (например, НАТО) и международными организациями (такими как ВТО и МВФ), он стал бесспорной идеологией глобального масштаба.

Какие же есть варианты: альтернативная форма капитализма или альтернатива капитализму? Такие альтернативы должны учитывать «социальный» и «политический» аспекты и отстаивать интересы «общества». Государство – это инструмент, который может, будучи сформирован должным образом, действовать для удовлетворения потребностей людей. Основных доступных вариантов шесть. Они не обязательно должны быть взаимоисключающими, поскольку одна форма капитализма может перерасти в другую экономическую формацию. Во-первых, есть те, кто выступает за возвращение к децентрализованной «автономии». В таком случае происходит возврат к самодостаточному развитию, росту бартерного и сетевого взаимодействия. Другие пять альтернатив исходят из общего суждения о том, что общество все же существует, и оно стоит выше отдельного человека. При этом допускается, что общество и государство должны содействовать решению вопросов политической и экономической повестки дня в общественных интересах. Эти альтернативы: государственный социализм (государственная собственность и национальное социалистическое планирование), социал-демократический корпоративизм (триада – профсоюзные политические партии, частный бизнес и правительство), государственный капитализм

(государственная собственность при корпоративном контроле собственности и управляемом рынке), национальный капитализм (национальный политический контроль над рынком с частной или общественной собственностью на экономические активы) и рыночный социализм (государственная собственность, действующая через рыночные механизмы). В большей или меньшей степени эти государственно-капиталистические формы выступают за замену стихийности рыночных каталлактик коллективными формами управления или планирования. Они основаны на допущениях о том, что понятие общества имеет смысл. Они допускают различные виды государственного вмешательства, не все из которых могут быть желательными с экономической и социальной точек зрения. Государственное вмешательство не всегда приносит нужный результат.

Государство должно занимать видное место в экономической теории и государственной политике, причем не просто как институт, обеспечивающий функционирование рынков и защиту прав собственности, как утверждает неолберализм, но как основной субъект в обществе. Вопросы, которые в этой связи необходимо решить, следующие: какой должна быть государственная координация, кто будет эту координацию осуществлять и перед кем нести за нее ответственность?

Литература

1. *Acemoglu D. and Robinson J.A.* Why Nations Fail (Почему нации приходят в упадок). London: Profile books 2012.
2. *Berle A. and Means G.* The Modern Corporation and Private Property (Современная корпорация и частная собственность). New York: Commerce Clearing House, 1932;
3. *Burkin A.* The Great Persuasion (Великое убеждение), Cambridge, MA. Harvard University Press, 2012.
4. *Dumenil G.* The Crisis of Neoliberalism (Кризис неолберализма). Harvard: Harvard University Press, 2010.
5. *Eagleton-Pierce M.* Neoliberalism: the Key Concepts (Неолберализм: ключевые понятия). Routledge, 2016.
6. *Gamble A. Hayek F. A.*: The Iron Cage of Liberty (Железная клетка свободы), Cambridge 196. Polity Press.

7. *Gane N. Sociology and Neoliberalism: A Missing History* (Социология и неолиберализм: потерянная история), *Sociology*, том 48, № 6, 2014.

8. *General Theory* (Общая теория занятости, процента и денег).

9. *Harvey D. A Brief History of Neo-Liberalism* (Краткая история неолиберализма). Oxford: Oxford University Press, 2005.

10. *Hayek F. A. Individualism and the Economic Order* (Индивидуализм и экономический порядок). University of Chicago Press, Chicago and London. 1980.

11. *Hayek F. A. Individualism: True and False* (Индивидуализм: истинный и ложный). 1945.

12. *Hayek F. A. Law, Legislation, and Liberty* (Право, законодательство и свобода), том 2, London: Routledge 1976.

13. *Hayek F. A. The Constitution of Liberty* (Конституция свободы). 1960.

14. *Hayek F. A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism* (Пагубная самонадеянность: ошибки социализма). Edited by W.W. Bartley III. Volume 1 of the collected works of Friedrich A. Hayek. London: Routledge, 1988.

15. *Hayek F. A. The Road to Serfdom* (Дорога к рабству). London: Routledge, 1944.

16. *Hayek F. A. The Use of Knowledge in Society* (Использование знаний в обществе), *American Economic Review*. 1945.

17. *Lavoie D. Rivalry and Central Planning* (Соперничество и централизованное планирование), Cambridge University Press 1985.

18. *Ludwig von Mises. Liberalism* (Либерализм). Indianapolis, IN: Liberty Fund, 2005.

19. *M. Richardson and N. Roubini*. Washington Post, 2009.

20. *Macartney H. Variegated Neoliberalism* (Пестрый неолиберализм). Routledge, 2011.

21. *Marris R. K. The Economic Theory of Managerial Capitalism* (Экономическая теория управленческого капитализма). New York: Free Press, 1964.

22. *Milton Friedman. Essays in Positive Economics* (Очерки позитивной экономики). Chicago: Chicago University Press. 1953.

23. *Milton Friedman. Neoliberalism and its Prospects* (Неолиберализм и его перспективы). Farmand: 1951.

24. *Orhangazi O.* Financialisation and Capital Accumulation in the Non-Financial Corporate Sector: A Theoretical and Empirical Investigation on the US Economy: 1973–2003 (Финансиализация и накопление капитала в нефинансовом корпоративном секторе: теоретическое и эмпирическое исследование экономики США: 1973–2003 гг.). Cambridge Journal of Economics, 2008.

25. *Rodrik D.* The Globalisation Paradox: Why Global Markets, States and Democracy Can't Coexist (Парадокс глобализации: почему глобальные рынки, государства и демократия не могут сосуществовать). New York: Norton, 2011.

26. *Saad-Filho A. and Johnston D.* Neoliberalism: A Critical Reader (Неoliberalизм: критический читатель). London: Pluto Press, 2005.

27. *Venugopal R.* Neoliberalism as concept, Economy and Society (Неoliberalизм как концепция экономики и общества), том 44, № 2, 2015.

28. *Watson P.* Health Care Reform and Globalisation (П. Ватсон (редактор) Реформа здравоохранения и глобализация), London: Routledge, 2013.

29. *Zwan N.* State of the Art: Making sense of financialisation (Новейшие веяния: осмысление финансиализации). Socio-Economic Review, 2014.

Окрепилов В.В.,

*академик РАН, доктор экономических наук,
профессор, руководитель*

*Центра региональных проблем экономики качества
Института проблем региональной экономики
Российской академии наук*

**Организирующая роль экономики качества
в эпоху цифровизации¹**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы применения составляющих экономики качества для решения проблем, связанных с цифровизацией экономики. Подчеркнута роль стандартизации на современном этапе экономического развития. Особое внимание уделяется анализу применения составляющих экономики качества в процессе создания и спецификации соответствующих цифровых активов.

Ключевые слова: экономика качества, стандартизация, цифровая экономика

Okrepilov V.V.,

*Grand PhD in Economic sciences, Professor,
Doctor of economics, full member (academician)
of the Russian Academy of Sciences (RAS) Institute
for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences*

**The Organizing Role of Economics of Quality
in the Era of Digitalization**

¹ Статья подготовлена по результатам ФНИ по Программе Президиума РАН № 27 «Фундаментальные проблемы решения сложных практических задач с помощью суперкомпьютеров».

Abstract. The article considers the Economics of Quality components application issues to solve problems related to the digitalization of the economy. The role of standardization at the present stage of economic development is emphasized. Special attention is paid to the analysis in the use of the Economics of Quality components in the process of creation and specification of the corresponding digital assets.

Keywords: Economics of Quality, standardization, digital economy

Высокий уровень развития информационных технологий в современной экономике обусловил изменение институциональных условий создания цифровых активов. На фоне безусловного повышения результативности практически всех сфер экономики, в которых цифровые активы находят все более широкое применение, поэтому возникает ряд проблем, требующих своевременного решения. Сегодня экономические агенты имеют возможность создавать системы (платформы), в которых представлены все существенные условия отношений между субъектами.

При реализации определенного алгоритма система создает новую запись, порождающую новые права и обязанности не только субъектов этих отношений, но в ряде случаев права и обязанности третьих лиц. При этом реализация технического алгоритма становится средством производства нового актива и фактически порождает юридическое действие, а новый актив (или переход прав на существующий актив) образуется без прямого волеизъявления сторон (пример – «смарт-контракты»). Проблема состоит в том, что размытость прав собственности, прав владения, слабая защищенность этих прав свидетельствует о высоком уровне неопределенности среды, в которой происходит экономическое взаимодействие. Соответственно, повышаются риски осуществления хозяйственной и предпринимательской деятельности. Решение обозначенной проблемы возможно лишь в рамках комплексного подхода, с учетом всех необходимых экономических, юридических, социальных и прочих аспектов. В таких условиях особого внимания заслуживает применение инструментов экономики качества.

Результаты проведенных нами ранее научных исследований убедительно доказали универсальность инструментов экономики качества, что позволяет предложить их применение для решения проблем

цифровой экономики¹²³. Объектом влияния может выступать как цифровая экономика в целом, так и регион, территория, а также отдельные составляющие цифровой экономики, например, цифровые активы. Инструменты экономики качества впервые в мире нашли широкое применение в решении проблем цифровой экономики. Стандартизация определяет возможность нормирования и оценки показателей цифровой экономики. Метрология предоставляет единые методы измерения этих показателей. В ходе измерения мы получаем информацию, на основе которой в дальнейшем будут приниматься важнейшие стратегические и другие управленческие решения. Принципы принятия решений, способы их реализации, контроль исполнения, планирование возможных улучшений – все это входит в сферу управления качеством.

Федеральный закон «О стандартизации в Российской Федерации» определяет стандартизацию, один из инструментов экономики качества, как «деятельность по разработке (ведению), утверждению, изменению (актуализации), отмене, опубликованию и применению документов по стандартизации и иной деятельности, направленной на достижение упорядоченности в отношении объектов стандартизации». Целями и задачами стандартизации являются:

- 1) содействие социально-экономическому развитию Российской Федерации;
- 2) содействие интеграции Российской Федерации в мировую экономику и международные системы стандартизации в качестве равноправного партнера;

¹ *Окрепилов В.В.* Основы стандартизации и управления качеством продукции. Монография // В.В. Окрепилов. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1995.

² *Okrepilov V., Chudinovskikh I.* Application of Standardization Methods for Environmental Improvement as an Element of Quality of Life Through the Development of a Company's Business Potential, *Studies on Russian Economic Development*, 2018, Vol. 29, No. 5, pp. 490–496.

³ *Окрепилов В.В.* Применение суперкомпьютерных технологий для прогнозирования параметров качества жизни населения / В.В. Окрепилов. Научно-технические ведомости СПбГПУ. – № 3 (221), 2015.

- 3) улучшение качества жизни населения страны;
- 4) обеспечение обороны страны и безопасности государства;
- 5) техническое перевооружение промышленности;
- 6) повышение качества продукции, выполнения работ, оказания услуг и повышение конкурентоспособности продукции российского производства.

На основании этого стандартизацию можно определить, как установление норм, правил и характеристик в целях обеспечения безопасности, технической и информационной совместимости, безопасности и взаимозаменяемости продукции, экономии всех видов ресурсов, обеспечения экономической стабильности и обороноспособности страны.

Развитие стандартизации оказывает непосредственное влияние на технический прогресс, безопасность жизни и здоровья людей, устранение технических барьеров в торговле, становление очередного технологического уклада¹. Стандарт на всем протяжении развития стандартизации являлся нормой, которой необходимо следовать. В условиях цифровой экономики, когда так велика неопределенность содержания цифровых активов и технологий управления ими, стандарт обретает новое, во многом определяющее, значение для экономики. Достижения в сфере российской стандартизации, востребованные на международных площадках, значительно усилят позиции России в области высоких технологий, упрочат ее конкурентоспособность.

В числе мер по совершенствованию механизмов стандартизации для обеспечения соответствия существующей системы технического регулирования целям развития цифровой экономики, можно перечислить:

- работу в партнерстве с отраслевыми, корпоративными, международными и иностранными системами стандартизации;

¹ Гагулина Н.Л. Применение инструментов экономики качества в решении проблем устойчивого развития / Н.Л. Гагулина // Многофакторные вызовы и риски в условиях реализации стратегии научно-технологического и экономического развития макрорегиона «Северо-Запад»: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 23–24 октября 2018, ИПРЭ РАН. – СПб.: ГУАП, 2018. С. 370–375.

- ускоренное принятие национальных стандартов на основе отраслевых (корпоративных) и международных документов;
- обеспечение возможности применения документов по стандартизации на английском языке, обеспечивающих максимально комфортное развитие современных технологий;
- формирование библиотеки национальных стандартов по приоритетным направлениям в машиночитаемом формате.

Таким образом, в связи с ускоренными темпами развития цифровой экономики и ее растущими потребностями, за сравнительно небольшой промежуток времени предстоит выполнить колоссальный объем работы. Например, только перевод информационных стандартов в XML-формат охватывает весь фонд стандартов, а это порядка 32 000 документов. Этого невозможно достичь без применения систем менеджмента.

Наиболее распространенными и востребованными сегодня являются системы менеджмента качества, созданные в соответствии с требованиями стандартов ИСО серии 9000. В условиях цифровой трансформации велик уровень риска, что обусловило применение таких стандартов, как ГОСТ Р 51897–2011/Руководство ИСО 73:2009 «Менеджмент риска. Термины и определения», ГОСТ Р ИСО 31000–2010 «Менеджмент риска. Принципы и руководство». Интегрирование процесса менеджмента риска в общее управление, стратегию и планирование, процессы отчетности, политику, ценности и культуру позволит сделать управление более гибким, целенаправленно достигать поставленных целей.

Основываясь на допущении о цифровой трансформации современной экономики в цифровую социо-эколого-экономическую систему, можно с уверенностью утверждать, что построение систем экологического менеджмента в соответствии с требованиями стандартов ИСО серии 14 000 (ISO 14000) не только не потеряет своей актуальности, но и найдет новое, более широкое применение. Это стандарты ГОСТ Р ИСО 14001–2016 «Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по применению», ГОСТ Р ИСО 14004–2007 «Системы экологического менеджмента. Общее руководство по принципам, системам и методам обеспечения функционирования», Стандарт ГОСТ Р ИСО 14001–2016 полностью совместим со стандартами ГОСТ Р ИСО 9001–2015 (система менеджмента качества)

и стандартом ГОСТ 12.0.230–2007 «Система стандартов безопасности труда. Система управления охраной труда. Общие требования».

В условиях цифровой трансформации усилятся следующие преимущества, образующиеся при внедрении стандартов на системы экологического менеджмента:

- экономия финансов, ранее расходовавшихся на штрафы;
- экономия ресурсов после внедрения энергосберегающих технологий;
- улучшение имиджа организации, рост доверия к ней со стороны потребителей.

Процесс создания и спецификации соответствующих цифровых активов организаций значительно облегчается в условиях интегрированной системы менеджмента, удовлетворяющей требованиям не только стандартов на систему менеджмента качества, но и экологического менеджмента. При этом целесообразно обратиться к стандарту ГОСТ Р ИСО 19011–2012, который посвящен практике объединения аудитов систем менеджмента качества и окружающей среды.

Особого внимания в условиях цифровой трансформации заслуживает социальное развитие. Декларация о том, что предприятие в своей деятельности руководствуется общепринятым и социально приемлемым набором ценностей, проистекает из применения ГОСТ Р ИСО 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности». В данном стандарте нашли отражение такие принципы, как подотчетность, прозрачность, этичное поведение, уважение интересов заинтересованных сторон, соблюдение верховенства закона, соблюдение международных норм поведения и соблюдение прав человека. Необходимость использования стандарта ГОСТ Р ИСО 26000–2012 особенно актуальна при работе с разными видами цифровых активов.

Анализ существующих стандартов позволяет сделать вывод о положительном влиянии на качество управления существующих стандартов. В связи с масштабным развертыванием беспроводных сетей пятого поколения (5G), которые обеспечат более быстрое соединение для потребителей и предприятий, необходим комплекс мер по совершенствованию механизмов стандартизации, направленных на обеспечение соответствия системы технического регулирования и единства измерений целям развития цифровой экономики. Дальнейшая востребованность инструментов экономики качества опре-

делена не только их положительным вкладом в управление системами, но и их организующей ролью для цифровой экономики.

Расширенное применение метрологии и стандартизации будет способствовать универсализации величин, понятий и процессов, а применение методов управления качеством повысит эффективность работы с информацией. Использование инструментов экономики качества при проведении моделирования цифровой экономики целесообразно практически на каждом этапе и имеет смысл, особенно при решении сложных практических задач.

Литература

1. Применение инструментов экономики качества в решении проблем устойчивого развития/ Н.Л. Гагулина // Многофакторные вызовы и риски в условиях реализации стратегии научно-технологического и экономического развития макрорегиона «Северо-Запад»: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 23–24 октября 2018, ИПРЭ РАН. – СПб.: ГУАП, 2018. С. 370–375.

2. *Окрепилов В.В.* Основы стандартизации и управления качеством продукции. Монография // В.В. Окрепилов. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1995.

3. *Окрепилов В.В.* Применение суперкомпьютерных технологий для прогнозирования параметров качества жизни населения/ В.В. Окрепилов. Научно-технические ведомости СПбГПУ. – № 3(221), 2015

4. *Okrepilov V., Chudinovskikh I.* Application of Standardization Methods for Environmental Improvement as an Element of Quality of Life Through the Development of a Company's Business Potential, Studies on Russian Economic Development, 2018, Vol. 29, No. 5, pp. 490–496.

Фриман А.,

*профессор, группа по исследованию
геополитической экономики,
Университет Манитобы*

Планирование в век интернета

Аннотация. В статье проводится анализ формирования, осуществления и последствий механизма планирования в современной реальности, рассматриваются исторические примеры. Также автор раскрывает основные позиции критики плановой экономики сторонниками рыночной экономической системы и объясняет преимущества первой.

Ключевые слова: планирование, плановая экономика, рыночная экономика, уровень жизни, человеческий потенциал

Freeman A.,

*professor at Geopolitical Economy Research Group,
University of Manitoba*

Planning in the Internet Age

Abstract. The article analyzes the formation, implementation and consequences of the planning mechanism in modern reality, considers historical examples. The author also reveals the main positions of criticism of a planned economy by supporters of a market economic system and explains the advantages of the former.

Keywords: planning, planned economy, market economy, standard of living, human potential

«Лучший способ предсказать будущее – это спланировать его»
Бакминстер Фуллер

В тексте утверждается, что экономистам необходимо начать надлежащее обсуждение теории планирования, а также предлагается добавить в теорию некоторые элементы. Это предложение основано на практическом опыте, полученном автором в результате работы в государственном департаменте планирования администрации Большого Лондона и в ходе консультаций по анализу данных в целях осуществления корпоративного планирования.

Обсуждение теории планирования актуально по целому ряду причин.

Во-первых, необходимо развеять многочисленные широко распространенные мифы о планировании, порождаемые в основном неоклассическими экономистами, целью которых является его дискредитация.

Во-вторых, с конца прошлого века технологии претерпели огромные изменения: качественно улучшились вычислительные мощности, скорость передачи данных и объемы их хранения, что привело к неслыханным в советское время инновациям, таким как Интернет, бизнес-аналитика и искусственный интеллект. Благодаря этим изменениям стали возможны инновации в «технологии администрирования», которые трансформируют ее природу.

В-третьих, появляется все больше доказательств того, что в России рынок не позволяет достичь желаемого эффекта в ключевых областях, особенно в сфере инвестиций; фактический рост в объеме 1,8% значительно отстает от потенциального роста, который составляет 4,8%.

В-четвертых, хотя это и это спорно, должным образом организованная система планирования расширяет демократию и способствует увеличению свободы, при условии что в рамках такой системы основные решения принимаются на уровне обычных граждан.

Наконец, планирование снова начинают воспринимать как инструмент экономической политики. Так, на пленарном заседании МАЭФ–2019 был проведен опрос о том, что нужно сделать для достижения целей российской экономики, и 38% участников проголосовали за то, что важнейшую роль должно играть планирование – это был самый популярный ответ.

Если мы хотим, чтобы планирование работало, и к нему относились со всей серьезностью, нам нужна правильная теория, и мы должны приступить к обсуждению вопросов планирования без предубеждений.

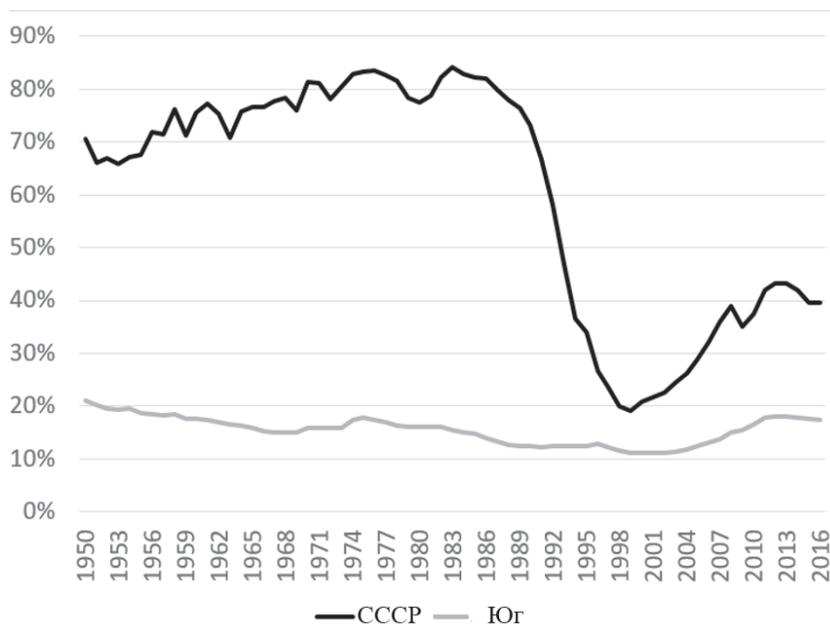
Планирование и его критики

Планирование является рутинной мишенью неолиберальных экономистов, которые считают, что оно неэффективно и авторитарно, в отличие от рынка, который, как они утверждают, эффективен и позволяет достичь реальной свободы, поскольку координирует индивидуальные желания. Хайек (9) является наиболее известным представителем этих взглядов. Еще одним противником планирования являлся фон Мизес (11), положивший начало «дебатам о социалистическом вычислении» (10) и утверждавший, что планирование математически невозможно.

Доказательство Хайека, как представляется, основано на элементарном непонимании того, из чего на самом деле состоит планирование. Надлежащим образом организованное планирование практически более эффективно, в принципе оно может быть более демократичным и обеспечивать большую свободу, чем рынок. Конечно, существуют «разновидности планирования», как и разновидности рыночной системы. Возможна разработка демократической системы планирования, и точно так же можно создать авторитарную рыночную экономику. Поэтому нам нужна теория планирования, поскольку для того, чтобы получить на выходе правильный вид планирования, мы должны понять, что такое планирование, как оно работает и как его улучшить.

В частности, городское планирование является практически универсальным, и почти у каждого крупного города капиталистического мира есть свой план. Кроме того, работа крупных капиталистических предприятий, особенно тех, для которых имеют большое значение логистические соображения, скрупулезно планируется внутри организации. Такие компании, как «Toyota», которая в 1990-х годах произвела революцию в автомобилестроении, создав «машину, которая изменила мир», смогли достичь успеха именно потому, что ввели такие технологии, как Just-In-Time production, которые зависят от самого тщательного планирования на каждом этапе производства автомобиля.

Примечательно, что залогом успеха стало сочетание новых технологий, в первую очередь автоматизации, управления базами данных и электронной связи.

*График 1. ВВП на душу населения в СССР и странах третьего мира по отношению к промышленно развитым капиталистическим странам.
Примечание: подробный анализ источников приведен в (6)*

Поскольку планирование – это факт жизни, сначала проанализируем высказывания противников планирования, а затем составим более полное и объективное представление о планировании и его месте в современном мире. Лучше всего начать с развенчания самых ярких мифов о планировании, что относительно легко сделать.

Миф 1. Планирование неэффективно

На графике 2 показан ВВП на душу населения Советского Союза и «Глобального Юга» (всех остальных стран, за исключением промышленно развитых капиталистических экономик и Китая). В нем используются данные по паритету покупательной способности, предо-

ставленные широко известным проектом Мэддисон (GGDC2018)¹. Эти данные представлены по отношению к «Глобальному Северу».

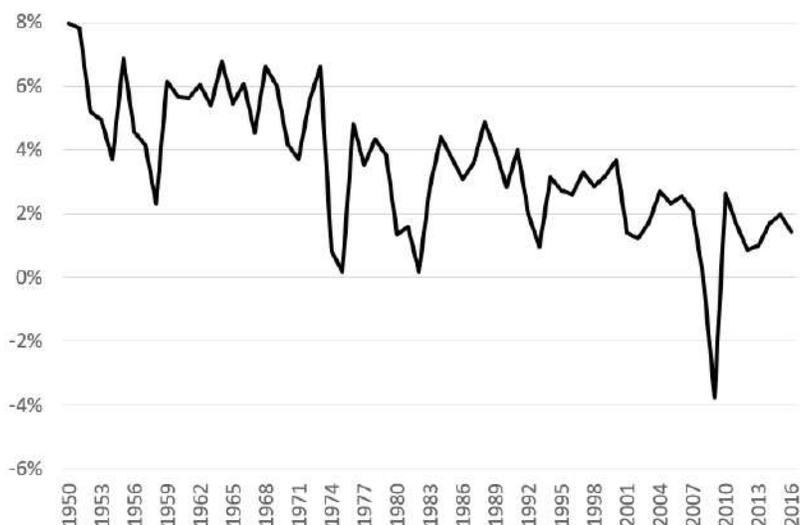

График 2. Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в промышленно развитых странах

Примечание: подробный анализ источников приведен в (8).

На графике показаны средневзвешенные темпы роста ВВП в постоянных местных валютах за 2010 год, рассчитанные с учетом численности населения.

Первое, что нужно отметить, это то, что к 1982 году в СССР ВВП на душу населения составлял 80% от ВВП Севера и в четыре раза превышал ВВП Юга. То есть средний уровень жизни в Советском Союзе повысился чуть более чем за шестьдесят лет от разорения и бедности царских времен до уровня, в целом сопоставимого с раз-

¹ Центр роста и развития Грёнингена (GGDC 2018) дополнил первоначальный набор данных Мэддисон новым показателем паритета покупательной способности валового внутреннего продукта (см. Bolt et al. 2018), – наиболее точным способом сравнения уровня жизни в разных странах в хронологическом аспекте.

витыми капиталистическими странами, несмотря на разрушительные последствия Второй мировой войны. Более того, уровень жизни в СССР по отношению к развитым странам непрерывно рос с 1950 по 1986 год, в то время как уровень жизни стран третьего мира падал. Таким образом, какими бы ни были недостатки советской экономики, она при планировании работала значительно лучше, чем ее конкуренты с рыночной экономикой.

Второй момент – это эффект от введения рынка, который пришел с проведением «шоковой терапии» в 1987 году. За десять лет средний доход бывших советских экономик упал до одной четверти от уровня 1987 года, всего в два раза превысив средний уровень стран третьего мира и значительно уступая передовым странам третьего мира. Наконец, после прихода Путина к власти экономика бывших советских республик несколько восстановилась, но этот (относительный) подъем на пике все равно был в два раза ниже уровня 1987 года.

Этот пример вряд ли служит убедительным доказательством того, что планирование – это экономический провал по сравнению с рынком.

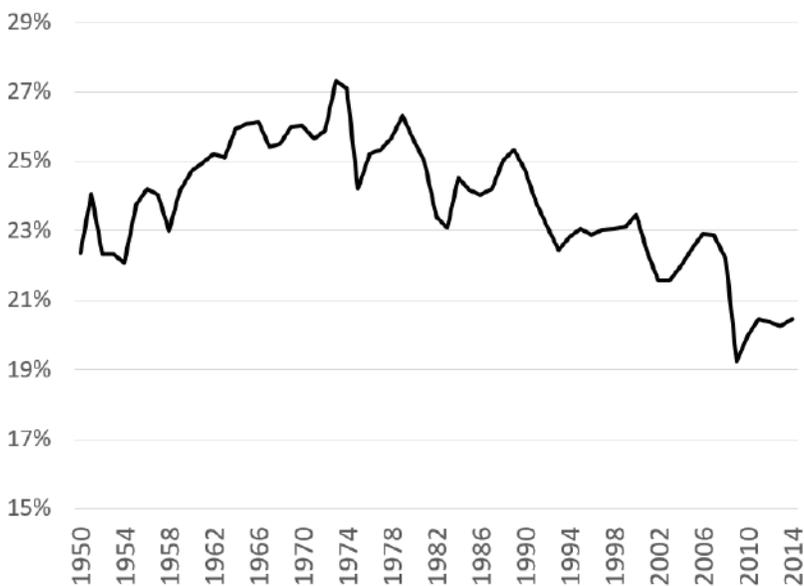

График 3. Инвестиции в процентах от ВВП,
все промышленно развитые страны

*Примечание: подробный анализ источников приведен в (8).
График показывает общее накопление основного капитала, деленное на ВВП, в текущих ценах, пересчитанных в доллары США по рыночным обменным курсам.*

Теперь остановимся на ситуации в России. Улучшилось ли ее положение в результате перехода к рыночной экономике? Хотя потенциальные темпы роста в России составляют 4,8%, реальные темпы роста ниже из-за масштабного недоиспользования мощностей и накопления средств вместо их инвестирования. Однако с этой проблемой столкнулась не только Россия. График 2 отображает динамику средних темпов роста в промышленно развитых странах, которые непрерывно снижались с пиковых уровней 1950-х годов и в настоящее время составляют не более 2%. Это совпадает с данными развитых стран, свидетельствующими о том, что основной причиной нынешнего замедления темпов роста является недостаток инвестиций, что показано на графике 3.

Миф 2. Богатые страны не занимаются планированием

У неолибералов есть две «козырные карты», к которым они прибегают, чтобы выиграть спор после развенчания мифа об эффективности рынка. Первый козырь – это аргумент о том, что самыми богатыми странами в мире являются все страны с рыночной экономикой. Это, по мнению неолибералов, доказывает, что рынок работает, а планирование – нет.

Единственная проблема заключается в том, что, по сути, планирование широко распространено в богатых странах. Прежде всего, как отмечают Ха-Чжун Чанг (2002) и Радика Десаи (4), в прошлом практически все эти страны активно занимались планированием. Например, закладывая основы будущего процветания национальных экономик, Гамильтон в США, Кольбер во Франции, Лист и Шахт в Германии продвигали национальное планирование, как и российский экономист С.Ю. Витте. Представители развитых экономик начали выступать против планирования не потому, что оно подвело их, а потому, что они не хотели, чтобы их же методы использовали против них.

Чанг для описания этого процесса использует выражение «поднять трап»: богатые страны обеспечили свое развитие с помощью достаточно широкого контроля и регулирования, а затем подняли трап, продвигая так называемую «свободную торговлю» и дерегулирование, дабы не позволить другим странам последовать за ними. Показательно, что небольшое количество присоединившихся к клубу богатых стран со времен окончания последней войны, например Южная Корея или Япония, добились успеха, введя очень строгий контроль над торговлей, движением капитала и инвестициями.

Во-вторых, планирование широко практикуется в странах с рыночной экономикой. Внутри крупных капиталистических фирм, особенно наиболее успешных, применяются тщательные механизмы планирования.

Кроме того, с появлением компьютерных технологий в этой области произошел качественный скачок. Я сам работал программистом и разработчиком компьютерных баз данных в таких компаниях как «Sony», которая в конце 1980-х годов внедрила систему, ставшую одной из первых международных систем «Just-in-Time». Каждый раз, когда в любой стране мира приобретался продукт «Sony», компания доводила до сведения поставщиков, число которых достигало сотни, если не тысячи, запросы на замену каждого отдельного компонента продукта. Это было бы невозможно без трех технологий: электронной связи, массивов данных и автоматизированной обработки заказов. Данный пример служит иллюстрацией к одному из ключевых тезисов этой статьи, который заключается в том, что новые технологии изменили характер планирования, а также способ его применения.

По сути автоматизированная логистика – это новая «движущая сила производства». Следовательно, мы должны по-новому взглянуть на планирование и понять, какие изменения сопряжены с внедрением новых технологий. С моей точки зрения, они позволяют иначе подойти к вопросу планирования и рассматривать его как демократический контроль над средствами управления. Такое толкование ставит во главу угла контроль за исполнением правил или следованием алгоритмам, на основе которых осуществляется управление, причем применение планирования зависит от уровня автоматизации процессов управления.

Кроме того, практически у всех крупных городов и большого количества регионов есть детальные планы, охватывающие такие вопросы как транспорт, управление дорожным движением, строительство, сбор мусора, работа полиции и многое другое. Автор данных строк лично отвечал за сбор данных в поддержку плана мэра Лондона на 2000–2010 годы в рамках созданной Группы экономического анализа администрации Большого Лондона (GLA). Более того, идея сформировать план для города не была прихотью мэра-социалиста: правительство Великобритании законодательно предписало GLA предоставлять такой план ежегодно.

На самом деле планирование – это синоним демократического контроля. Вопрос не в том, «нужно ли планирование в принципе», а в том, «что планировать» и «как планировать». Экономические либералы на самом деле не возражают против «планирования», однако их не устраивает установление демократического контроля над инвестициями.

Тем не менее, как показано на графике 3, в корне текущих проблем лежит именно недостаток инвестиций. Плановые инвестиции стали экзистенциальной проблемой и вопросом национального выживания.

Миф 3. Планирование мешает свободе

Второй «козырной» аргумент экономических либералов, у истоков которого стоял Хайек, гласит, что планирование мешает свободе. Особый резонанс это вызывает в бывшем Советском Союзе, поскольку планирование связано, во-первых, с бюрократией и «получением указаний» от мелких чиновников, во-вторых, с дискреционными полномочиями, которые используются в коррупционных целях и не контролируются гражданами. Конечно, этот опыт не ограничивается постсоветским пространством, но противникам планирования крайне удобно поддерживать иллюзию того, что коррупционная составляющая была присуща исключительно советскому обществу.

Рациональное ядро этой точки зрения заключается в том, что планирование, если оно осуществляется людьми, дает администратору (бюрократу) власть над другим человеком. Мы все не раз испытывали раздражение, разочарование, а иногда сталкивались с реальным

ущербом и болью, которые может причинить неподконтрольный нам мелкий чиновник, наделенный полномочиями. Малый бизнес бесконечно жалуется на «бюрократию»; представители рабочего класса вынуждены мириться с разрушительной силой полиции, мелких чиновников, отвечающих за назначение социальных пособий, или (например, в Америке времен Трампа) фашистски и расистски настроенных сотрудников иммиграционной и печально известного пограничной службы. Налоговиков, не говоря уже о дорожной полиции, в едином порыве ненавидят представители всех классов общества.

Но как только мы ставим вопрос таким образом, обнажается корень проблемы: дело не в планировании, а в способе реализации, во власти, которую планирование дает одному человеку над другим, создавая возможности для коррупции, злоупотреблений и мелких привилегий.

Более того, произвол мелких чиновников в равной степени присущ и рыночной экономике, и создает там ничуть не меньшие проблемы, потому что возможности злоупотребления властью в целях извлечения личной выгоды гораздо шире, если на этом можно зарабатывать деньги. Органы городского планирования в муниципалитетах богатых стран зачастую становятся очагами скандалов и коррупции не из-за планирования как такового, а потому, что в результате злоупотребления полномочиями можно заработать целое состояние, если бюрократ имеет власть не только над тем, будет ли построен дом, но и над тем, кто получит контракт на его строительство. Фильм «Левиафан» прекрасно показывает, как мелкие чиновники ради наживы могут жестоко попирать права тех, кто находится в их власти. Но давайте не будем забывать, что действие «Левиафана» происходит в современной России, то есть в системе рыночной экономики.

Таким образом, фундаментальная проблема заключается в следующем: чиновники, осуществляющие управление, могут извлекать личную выгоду, особенно материальную, в результате дискретного отправления властных функций. Следовательно, проблема не в планировании, а во взаимодействии между системами планирования и рыночной экономикой. В частности, именно токсичное сочетание власти бюрократов и возможности накопления богатства приводит к тому, что планирование как таковое ошибочно называется корнем всех зол.

Ярким примером тому может служить работа системы железных дорог, которая тщательно спланирована, но не предоставляет воз-

возможности для извлечения личной выгоды. Никто не упрекнет водителя поезда или координатора движения за стремление своевременно прибыть в пункт назначения, поскольку они не могут извлечь никакой выгоды из задержки одного поезда и ускорения прибытия другого. Напротив, недовольство вызывает невыполнение координатором его работы, которое выражается в том, что поезда ходят не по расписанию.

Как же тогда ограничить произвол чиновников? Ответ подскажет пример системы железных дорог: мы хотим и испытываем потребность в том, чтобы административная система функционировала по правилам. Какие требования мы предъявляем координаторам железнодорожного движения? Поезда должны ходить предсказуемо, то есть соответствовать опубликованному расписанию, которое является всего лишь набором правил, позволяющих нам планировать свои действия. Это повышает свободу; чем больше уверенности в том, что мы сможем покинуть пункт А в определенное время и достичь пункта Б в другое определенное время, тем меньше мы переживаем о рутинной задаче перемещения из пункта А в пункт Б, и тем больше у нас времени для решения важных вопросов.

Этот пример наглядно демонстрирует, из чего на самом деле состоит планирование, и показывает, насколько оно далеко от мифа Хайека о системе, в которой каждая отдельная сделка должна быть предметом посредничества какого-то мелкого человека, который решает, кому достанется апельсин, а кому – яблоко. На самом деле планирование состоит из набора правил, которые определяют, кто получает апельсины, кто получает яблоки и сколько. Тогда на первый план выходят действительно важные вопросы:

1. Кто устанавливает правила?
2. Кто внедряет правила?
3. Кто контролирует соблюдение правил?

В демократической, эмансипационной системе именно граждане должны решать, какие устанавливать правила и кто контролирует их соблюдение. На вопрос «кто внедряет правила?» следует найти такой ответ, который предусматривал бы гарантии демократичности процессов управления. Для разъяснения этой идеи я предлагаю концепцию, предусматривающую «демократический контроль над средствами управления».

Такая постановка проблемы позволяет рассмотреть различные имеющиеся в нашем распоряжении системы планирования и избежать бессмысленных (и идеологически направленных) дискуссий о том, что лучше – планирование или рынок, и обсудить оптимальный метод планирования. Никому и в голову не придет предлагать создание рынка пассажирских перевозок как эффективную альтернативу созданию расписания и найму профессионалов, призванных наладить и обеспечить своевременное курсирование поездов и автобусов. Вопрос в том, как удостовериться, что это будет сделано.

Позвольте привести пример, который поможет ответить на ключевой вопрос: «Кто внедряет план?». Возьмем безобидный вопрос: «Кто устанавливает правила дорожного движения: правостороннее оно или левостороннее?» Это вопрос планирования: в некоторых странах мы едем по левой стороне, а в других по правой. Но как только оно установлено, все ездят по определенной стороне дороги. Кто отвечает за соблюдение этого правила?

Вообще-то, никто. Тот или иной водитель может ошибиться, но наказание лежит в социальной плоскости: если вы едете не по той стороне дороги, то можете попасть в аварию, и в любом случае многие недовольные водители будут призывать вас к ответу, ругаться и так далее. Для этого не нужна армия бюрократов. Конечно, существует госавтоинспекция, и некоторые правонарушения, такие как проезд на красный свет, требуют применения некоего механизма принуждения: вас могут лишиться прав, если вы постоянно нарушаете ПДД, однако вам не нужно получать разрешение каждый раз, когда вы захотите повернуть направо.

Насколько мне известно, ни последователи Хайека, ни адепты фон Мизеса никогда не предлагали водителям выбирать, по какой стороне дороги им лучше ехать, исходя из конъюнктуры рынка. Ни один сторонник Хайека никогда не называл правило, согласно которому мы все едем по одной стороне дороги, фундаментальным нарушением прав и свобод. Это простое правило выживания, правило планирования, которое применяется обществом в целом. По большому счету, ни один человек, наделенный бюрократическими полномочиями, не отвечает за его соблюдение.

Тогда возникает следующий вопрос: можем ли мы распространить этот принцип, согласно которому общество само должно отвечать

за применение установленных функций планирования, на другие области и, в конечном счете, на управление самим обществом? И не станет ли это «дорогой к рабству»?

Сразу же возникает второй вопрос: может ли правило быть навязано не человеком, а автоматическим процессом? Разумеется: именно поэтому, например, большинство крупных транспортных развязок контролируется светофорами, а не полицейскими. Кроме того, все чаще бюрократы выполняют работу с помощью автоматических систем – так, например, в Лондоне система разгрузки дорожной обстановки была реализована с помощью программного обеспечения искусственного интеллекта, который распознает номерные знаки каждого транспортного средства, пересекающего границу платной зоны, и автоматически определяет сумму, которую надлежит списать со счета водителя.

Конечно, многие выступают против введения платы за проезд в зоне напряженного движения и не стесняются в выражениях. Обращаю ваше внимание на то, что они возражают против самого закона о планировании движения, а не против того, как он применяется. Закон они могут изменить демократическим путем, проголосовав за кандидатов в правительство Большого Лондона, которые изменят закон о планировании. Однако процесс взимания платы автоматизирован, поэтому у мелких коррумпированных полицейских просто нет возможности вымогать взятку за то, что они «не заметили» правонарушение, осуществлять дискриминацию по расовому признаку при принятии решения о наложении штрафа на людей и т.д. Проблема заключается не в том, что система управления дорожным движением является результатом планирования, а в применении механизма для обеспечения нашего демократического контроля за соблюдением правил, которые заносятся в компьютеры, и, при необходимости, за функционированием самих машин.

Другими словами, автоматизация, а не рынок, позволяет снизить бюрократизацию и сохранить свободу при условии внедрения системы адекватного контроля над правилами и механизмами. Поэтому одной из главных задач современной теории планирования, как представляется, является поиск правильного соотношения людей и машин в рамках обеспечения демократического контроля над средствами управления.

Рассмотрим эти вопросы на конкретном примере: организации управления Лондоном. Это хороший пример: мы можем сравнить

периоды, когда в Лондоне не было централизованного муниципального управления, с периодами, когда такая власть была. С точки зрения статистики, это классический лабораторный эксперимент. Итак: с 1965 по 1986 год Лондоном управлял выборный орган под названием Большой Лондонский совет (GLC). Он был упразднен правительством Тэтчер в 1986 году, и в течение четырнадцати лет в Лондоне не было общего органа управления; каждый из 33 округов принимал местные решения по таким вопросам, как утилизация отходов или жилое строительство, в то время как неподотчетный орган «Лондонский транспорт» управлял сетью метро. Более того, в результате политики, поощрявшей приватизацию, многие госуслуги были переданы в частные руки, как при Тэтчер, так и при лейбористском правительстве Тони Блэра (а затем Гордона Брауна), впервые избранном в 1997 году.

Иллюстрация: Планирование роста Лондона

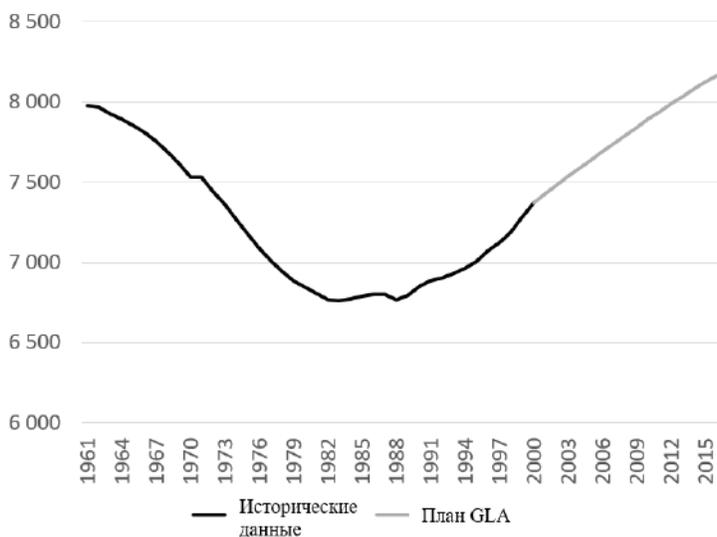

График 4. Население Лондона в 1961–2015 гг. Источник: GLA (8)

Лейбористское правительство создало новый орган для управления Лондоном под названием администрация Большого Лондона

(GLA) во главе с мэром, избираемым в результате прямых выборов. У GLA было меньше полномочий, чем у GLC, однако в зону ответственности GLA (либо напрямую, либо через назначения и установление бюджета) входили: транспорт, сбор мусора, полиция и различные другие аспекты, посредством которых GLA могла осуществлять планирование. Следует отметить, что по закону GLA была обязана ежегодно составлять «План экономического развития», который стал важным инструментом управления, несмотря на то, что GLA обладала относительно небольшими полномочиями в области планирования. Важный момент: план представлял собой не набор подробных указаний, а общий комплекс задач, что позволяло как государственным органам, так и частным лицам координировать свои действия. Иными словами, он выполнял ту функцию, которую, по мнению Хайека и его последователей, мог выполнять только рынок.

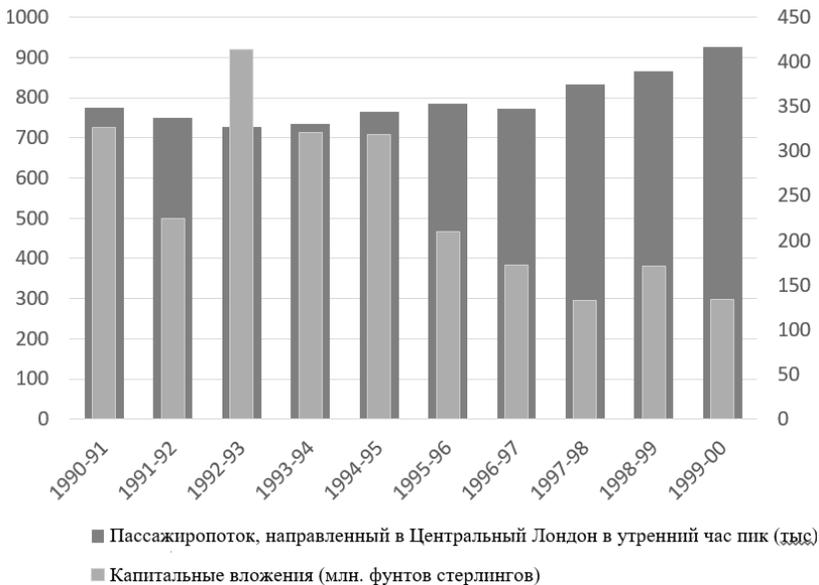

График 5. Пассажиропоток и инвестиции в транспортную систему Лондона. Источник: GLA (8)

Вскоре стала очевидной самая серьезная проблема, стоявшая перед GLA. С 1991 года население Лондона беспрецедентно выросло.

В период с 1983 по 2000 год численность населения города увеличилась на 700 тысяч человек. Это больше, чем население Бристоля, пятого по величине города Великобритании. Такой рост численности населения создал огромную нагрузку на инфраструктуру Лондона. На протяжении многих лет никому в голову не приходило беспокоиться о предоставлении дополнительного жилого фонда, заняться привлечением крупных инвестиций в транспортную систему, в городе наблюдался серьезный дефицит школ и больниц. Движение на дорогах было настолько интенсивным, что средняя скорость движения была ниже, чем в 1912 году. Загрязнение окружающей среды достигло рекордно высокого уровня.

Тэтчер утверждала, что «рынок» урегулирует эти проблемы. Этого не случилось.

График 5 наглядно отражает сложившуюся ситуацию. В 1994–2000 годах число людей, въезжающих в Лондон на общественном транспорте в утренний час пик, увеличилось с 750 000 до 950 000 человек. Если бы рынок включился в процесс регулирования данной проблемы, мы бы увидели рост инвестиций в новые транспортные системы и решения, однако на деле объем инвестиций снизился с пикового значения в 400 миллионов фунтов стерлингов в 1992 году до минимального значения в 150 миллионов фунтов стерлингов в 1997 году – катастрофическое падение, имевшее вполне предсказуемые последствия.

На графике 6 наглядно показаны дефицит жилья и его причины. Трудно найти более яркое подтверждение провала рынка. К 1990 году население Лондона начало расти со скоростью один миллион человек в десять лет, однако к 1999 году строительство нового жилья сократилось до 15 000 домов в год и составило один дом на семь человек. Результат дефицита был полностью предсказуем и отражен на графике 7: цены на жилье резко подскочили.

Проблема заключалась в том, что рынок на самом деле функционировал не так, как хотелось бы Хайеку. Рынок не координировал спрос и предложение. Конечно, если бы стремительно растущие цены на жилье побудили частный сектор вкладывать средства в строительство новых домов, это было бы прекрасно. И если бы увеличение спроса на услуги общественного транспорта позволило Лондонскому метрополитену вкладывать средства в строительство дополнитель-

ных линий, вагоны и составы, это тоже было бы замечательно. Но в обоих случаях рынок дал неверные сигналы и спровоцировал инвестиционные спекуляции на рынке недвижимости. Что касается транспортных олигархов, то они просто подняли цены – стандартная реакция любого монополиста.

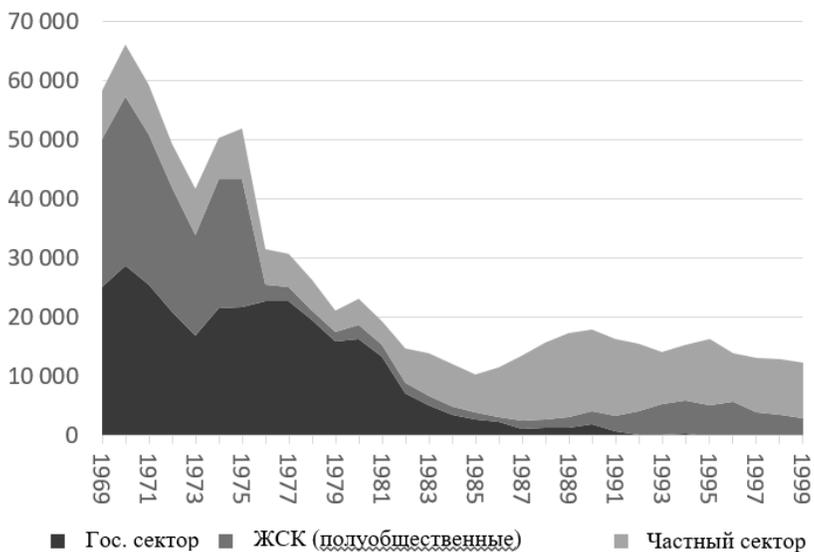

График 6. Новое жилищное строительство в Лондоне по секторам. Источник: GLA (8)

Инвестировать в растущий рынок недвижимости было выгоднее, чем строить новые дома. Доходы, которые можно было бы использовать для улучшения жилищных условий и удовлетворения потребностей приезжих в жилье, были направлены на приобретение недвижимости, что привело к спекулятивному буму, который вылился в финансовый кризис 2008 года.

План GLA стал ответом – на всех уровнях и во всех секторах – на масштабное расхождение между потребностью в жилье и небольшим объемом объектов, который был введен в эксплуатацию за счет частных инвестиций.

Вот что на самом деле представляет собой планирование: реакцию на общественный запрос.

Для решения транспортной проблемы был реализован новый амбициозный инвестиционный план: было закуплено много автобусов, введена выделенная полоса для общественного транспорта и привлечены инвестиции в размере 30 млрд фунтов стерлингов для строительства первой в Лондоне скоростной железнодорожной системы Crossrail. Был введен сбор за въезд в центральную часть Лондона, чтобы уменьшить количество машин, упрощена оплата проезда за счет внедрения революционной системы Oyster card, ставшей прототипом для большинства современных систем оплаты проезда, включая московскую карту «Тройка».

График 7. Индекс цен на недвижимость в Лондоне.
Источник: GLA (8)

В отношении жилищного строительства возможности GLA были весьма ограничены, поскольку в отличие от своего предшественника (GLC) у нее не было полномочий в этой сфере, а при Тэтчер государственный сектор попросту перестал строить жилье. Поэтому GLA использовала непрямые методы воздействия, которые, тем не менее, возымели некий эффект. GLA наладила партнерские отношения с предприятиями, вполне закономерно обеспокоенными тем, что высо-

кие цены на жилье могут вытеснить из Лондона менее высокооплачиваемых «ключевых работников». Администрация использовала свои полномочия по утверждению всех предложений о строительстве новых зданий, таких как торговые центры или офисы, и настаивала на том, чтобы каждый проект предусматривал строительство доступного жилья. Самое важное достижение администрации – то, что она приступила к осуществлению крупных проектов по модернизации города, самым значимым из которых стала реконструкция крупного бедного района Лондона в северо-восточном Стратфорде. Была построена большая железнодорожная развязка, которая связала пересекающиеся Ла-Манш поезда Eurostar с метро и новым проектом Crossrail. Администрация участвовала в конкурсе на проведение Олимпиады–2012 и выиграла его, а также осуществляла надзор за строительством огромного нового комплекса вокруг Олимпийского стадиона и парка.

Эти инициативы были бы невозможны без планирования, поскольку они требовали координированных действий. Приведем лишь один пример: новая железнодорожная линия Crossrail органично влилась в проект реконструкции Стратфорда в результате строительства новой железнодорожной развязки и Олимпийского парка. Это было бы невозможно без скрупулезного анализа возможных последствий осуществления проекта для жилищного сектора, общественного транспорта и сферы занятости, а также без установления ориентировочных целевых показателей для широкого круга заинтересованных сторон.

Новая концепция планирования

Надеюсь, приведенные выше общие сведения служат достаточным доказательством того, что стандартная концепция централизованного планирования, на которую нацелили критические стрелы фон Мизес, Хайек и неоклассические доктрины в целом, является бесплодной и устаревшей. Примененное GLA планирование не подразумевало тотальный контроль за каждым закупленным автобусом, маршрутом и построенным домом. Оно предусматривало установление ряда предельно конкретных целей в области транспорта, занятости, жилья и т.д., а затем администрация использовала комбинацию из четырех тактик для достижения этих целей:

(1) Администрация запустила «мегапроекты», такие как Crossrail и «Восстановление Стратфорда», которые привлекли значительные объемы капитальных вложений. Они привлекли дополнительные инвестиции и генерировали ряд стимулов, подтолкнувших партнеров к работе с администрацией.

(2) Администрация установила или согласовала правила работы для организаций и строительных проектов в целях обеспечения достижения целей плана. Она также установила новые правила в сфере транспорта и дорожного движения, такие как сбор за перегруженность дорог, чем еще больше мотивировала компании сотрудничать в рамках плана и сделала так, что оставаться в стороне стало невыгодно.

(3) Администрация использовала метод кнута и пряника, чтобы перезагрузить систему общественных приоритетов. С одной стороны, сделав общественный транспорт быстрее, доступнее и проще, GLA стимулировала водителей отказаться от личного транспорта, а с другой стороны, пользоваться им стало дороже в результате введения сбора на перегруженность дорог.

(4) Для реализации проектов и внедрения правил администрация установила разного рода партнерские отношения как с общественными организациями, такими как профсоюзы и местные НКО, так и с представителями деловых кругов.

Достижение поставленных целей потребовало детального планирования для четкой координации действий в полном смысле этого слова – той самой координации, которую, по Хайеку, должен был, но не смог обеспечить рынок в годы, предшествовавшие внедрению Лондонского плана. Требовалось, чтобы предложенные правила заработали: транспортная доступность и предложение жилья должны были соответствовать темпам роста и географическому распределению населения и рабочих мест. Очевидно, без этих правил, например, в отсутствие транспортных связей между центрами роста, этот план не сработал бы. Задача тех, кто осуществлял планирование, состояла не в том, чтобы указывать людям, где им жить и на каком автобусе ездить, а в том, чтобы убедиться в наличии мест проживания и ведущих к ним автобусных маршрутов.

С этой точки зрения становится очевидно, насколько необоснована позиция фон Мизеса и Хайека. В их критике присутствуют два ошибочных посыла. Первый – за внедрение плана будет отвечать

бюрократ. Фон Мизес и Хайек предполагают, что те, кто занимается планированием, будут скрупулезно контролировать все элементы плана. Но на самом деле внедрением плана может заниматься кто или что угодно. План – это не более чем осознанное согласие на достижение определенных целей путем принятия определенных мер; в некотором роде любое координированное действие – это план, поэтому когда семья отправляется в отпуск на море, эта поездка – сама по себе тоже небольшой план.

Дополнительное требование, предусматривающее введение системы правил и методов, обеспечивающих их соблюдение, возникает тогда, когда сложность координации достигает определенного уровня, и в каком-то смысле связано с числом задействованных лиц и количеством подлежащих согласованию переменных. Рациональное ядро критики централизованного планирования фон Мизеса заключается в том, что если бы планирование действительно осуществлялось сообразно его представлениям, сложность координирования увеличивалась бы в зависимости от количества вовлеченных людей, товаров и услуг, причем она возрастала бы более высокими темпами, чем количество участников, и вскоре стала бы очень большой.

Но механизм работает таким образом только в том случае, если каждое взаимодействие между людьми и каждой переменной регулируется тем, кто осуществляет планирование. Фон Мизес не разделяет разработку правил с их внедрением.

Разница между ними становится наиболее наглядной, если мы рассмотрим пример, в котором внедрением правил занимается отдельный человек. Если бы мы попытались применить модель фон Мизеса к вождению автомобиля, то, скорее всего, мы бы пришли к выводу, что это невозможно. Однако в действительности водители просто делают то, что хотят, в рамках таких очевидных и согласованных правил, как например вождение по правой стороне дороги.

Внедрением правил может заниматься и юридическое лицо: такие крупные инженерные проекты как строительство Crossrail или Олимпийского парка требуют колоссального объема координации. Координацию также может осуществлять кооперативное образование, в котором члены кооператива принимают общие решения.

И, что немаловажно, в роли координирующего органа может выступать автоматическая система, как в случае со светофорами или

(более амбициозный пример) взиманием сбора за перегруженность дорог. И здесь вступают в игру современные технологии, способные взять на себя функции, которые ранее выполнялись бюрократами или чиновниками, – например, управление системой Oyster Card.

Таким образом, следует дать новое определение планированию: это метод преобразования общих социальных и экономических целей в правила, регулирующие социальное поведение. Поэтому в рамках современной теории планирования необходимо установить, как трансформировать социальные цели в правила и обеспечить их выполнение. Система эмансипационного планирования сделала бы это таким образом, чтобы цели, правила и осуществление находились под контролем граждан.

Отталкиваясь от вышесказанного, мы переходим к следующим вопросам: что в современном обществе на самом деле надлежит планировать? что должно быть включено в список социальных и экономических целей, которые должны быть поставлены правительствами для дальнейшего повышения благосостояния? что должно подлежать социальному регулированию, а что должно быть оставлено на усмотрение каждого отдельного человека?

*Системная несостоятельность рынка
и потребность в плановых инвестициях*

На приведенные выше аргументы можно ответить, что планирование хорошо работает на уровне города или для ограниченных систем, таких как транспортное сообщение. Как только доктринальные элементы неоклассической критики устранены, мы видим, что реальный вопрос заключается не в том, стоит ли планировать, а в том, что планировать. Неоклассическая теория в первую очередь постулирует, что фундаментальной «свободой», которую необходимо предоставить человеку, является рыночная свобода – свобода покупать и продавать.

При рассмотрении этого момента надлежит сделать отсылку к принципиальной аксиоме неоклассического подхода: вере в то, что рынок работает. Эта вера опровергается многими недавними событиями, такими как финансовый кризис 2008 года, увеличение

неравенства, массовая нищета, наблюдающаяся по всему миру, растущая угроза войны, вызванная жадностью корпораций и их борьбой за такие ресурсы как нефть, и, разумеется, возникновение необратимых климатических изменений, угрожающих самому существованию жизни на планете.

Радикальное утверждение, что «рынок всегда работает», явно неверно, и мы доказали это применительно к городскому планированию Лондона. Кроме того, по мнению многих экономистов (см., например, 3), кризис 2008 года дал основания полагать, что в современных индустриальных экономиках наблюдается системный сбой.

Что такое системный сбой? На мой взгляд, он подразумевает две вещи. Во-первых, что проблемы не носят локальный характер. В 2008 году рынок обвалился не только в отдельно взятом секторе, каком-то одном городе или даже в одной стране, а по всей финансовой системе. Во-вторых, причиной неудачи является сама система, а не какая-то внешняя причина, будь то неудачная политика, стихийные бедствия, терроризм и т.д.

Если мы признаем, что рыночная система способна давать системные сбои, особенно в масштабах 2008 года, мы должны отказаться от следования какой-либо доктрине и просто задаться вопросом: что работает, а что нет? Затем нужно спланировать, как исправить то, что дает сбой. Это вовсе не реакция доктринера, а исключительно прагматичная и практическая позиция. Планирование, безусловно, необходимо, например в случае если рынок угрожает жизни людей. В качестве примера можно привести стоящую перед нами экологическую угрозу нанесения необратимого ущерба планете, пожар в Гренфелл-Тауэр в Лондоне и наводнение в Иркутске, причем в двух последних случаях причиной является безответственное стремление частных инвесторов и компаний получить дополнительную прибыль даже ценой человеческой жизни.

Хорошим примером необходимости планирования и регулирования являются правила пожарной безопасности. Их введение – это не бездумное бюрократическое препятствие для рынка, а необходимое и сознательное вытеснение рыночных отношений из этого сегмента. Рассмотрим анекдотический пример из ранней истории Соединенных Штатов. В ряде городов пожарные бригады были организованы частными службами и соревновались друг с другом. След-

ствием стало, во-первых, то, что когда на место пожара приезжали две конкурирующие пожарные бригады, они начинали драться между собой вместо того, чтобы тушить пожар. Во-вторых, они сами устраивали пожары для получения дополнительного заработка. Этот пример – комический и трагической одновременно – наглядно показывает, что в некоторых случаях планирование и регулирование абсолютно необходимы, а рынок явно «не работает». Однако зачем останавливаться на борьбе со стихийными бедствиями? Кризис 2008 года был системной катастрофой, охватившей весь мир. Неспособность российских инвестиций показать рост в размере 4,8%, на которые способна российская экономика, и фактический показатель роста в 1,8% являются системной национальной катастрофой. Поэтому российские органы власти должны вмешаться и сделать все необходимое для защиты граждан от обвалов как мирового, так и национального рынка, а также распределить ресурсы таким образом, чтобы достичь тех показателей, которые не смог обеспечить рынок. Прежде всего государство должно жестко контролировать инвестиции, определить (и демократически принять) приоритеты национальной экономики и обеспечить их выполнение.

Элементы демократической экономики

Последний вопрос, который необходимо рассмотреть в рамках данной статьи, – это миф Хайека о том, что планирование является посягательством на свободу. В действительности сам рынок находится в фундаментальном конфликте с основным принципом свободы, потому что результаты работы рынка скрыты. Следовательно, утверждение о том, что рынок «обеспечивает то, чего хотят люди», некорректно. Приобретая дом или квартиру, люди хотят получить жилье, в котором они смогут жить по приемлемой для них цене. На практике они сталкиваются с нехваткой жилья или невозможностью купить объект недвижимости ввиду его высокой цены, потому что рынок способствует повышению цен, создавая безудержно растущие пузыри недвижимости вместо того, чтобы мотивировать застройщиков строить больше домов. Откладывая средства в накопительную часть пенсии, люди хотят обеспечить себе финансовую стабильность

в старости и достойный уровень жизни. А что они получают? Крах фондового рынка, который девальвирует их сбережения.

Систему, которая разбивает надежды и чаяния людей, ни в коем случае нельзя назвать «свободной», так как основным требованием свободной системы является недопустимость обмана по отношению к ее участникам. Разве это свобода, когда люди предпринимая конкретные действия, рассчитывая на определенный результат, а получают совершенно другой результат, который их не устраивает? Но рынок делает именно это.

Еще одна крайне важная проблема заключается в том, что и рыночная, и плановая системы должны каким-то образом реагировать на социальные конфликты. Хайек ничего не пишет об урегулировании конфликтов и вообще делает вид, что их не существует. Однако в действительности потребности олигарха или богатого американского топ-менеджера не только сильно отличаются от потребностей бедняка, но и вступают с ним в конфликт. Бедность – очень распространенное явление как раз по причине того, что богатые не позволяют бедным достичь достойного уровня жизни. В мире в среднем достаточно ресурсов для всех, поэтому не существует никакого реального оправдания мерам жесткой экономии. Таким образом, рыночная система обеспечивает свободу для меньшинства за счет дискриминации против большинства. Рынок никогда не предоставляет тотальной свободы и фактически не способен на это именно потому, что при рыночной системе богатства аккумулируются в руках ограниченного круга людей, и нет никаких гарантий, что накопленные ими средства будут использоваться рационально или перераспределяться в соответствии с принципами социальной справедливости.

Таким образом, планирование необходимо как средство обеспечения равных прав и свобод граждан, включая основные права человека, такие как право на получение пропитания, жилья, образования, услуг здравоохранения, устойчивую и комфортную окружающую среду и планомерное раскрытие человеческого потенциала.

Но этот вывод позволяет определить, какие системы планирования хороши, а какие нет, и возвращает нас к вопросу, заданному в начале статьи. Теория планирования нужна нам именно для того, чтобы мы могли осуществлять правильное планирование – то есть планирование, обеспечивающее достойный уровень жизни и свободы граждан.

Литература

1. Bolt J., R. Inklaar, J. van Zanden and H. de Jong. 2018. 'Rebasing 'Maddison': New Income Comparisons and the Shape of Long-Run Economic Development.' GGDC Research Memorandum 174. Groningen: Groningen Growth and Development Centre.

2. Chang H.-J. 2002. *Kicking Away The Ladder*, 1st ed. London: Anthem Press.

3. David Colander, Hans Foellmer, Armin Haas, Michael Goldberg, Katarina Juselius, Alan Kirman, et al. (2009). *The Financial Crisis and the Systemic Failure of Academic Economics*. Retrieved March 3, 2009, from http://www.debtdeflation.com/blogs/wp-content/uploads/papers/Dahlem_Report_EconCrisis021809.pdf.

4. Desai R. 2013. *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*. London: Pluto Press.

5. Freeman A. 2019a. 'The sixty-year downward trend of economic growth in the industrialised countries of the world'. Geopolitical Economy Research Group Data Project Working Paper #2, January 2019. https://www.academia.edu/38192121/The_sixty-year_downward_trend_of_economic_growth_in_the_industrialised_countries_of_the_world. Accessed 29 June 2019

6. Freeman A. 2019b. 'Divergence, Bigger Time: The unexplained persistence, growth, and scale of postwar international inequality'. Geopolitical Economy Research Group Data Project Working Paper #2, March 2019. https://www.academia.edu/39074969/Divergence_Bigger_Time_The_unexplained_persistence_growth_and_scale_of_postwar_international_inequality. Accessed 29 June 2019.

7. GGDC (Groningen Growth and Development Centre). 2018. *Maddison Historical Statistics*. <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/>

8. GLA (Greater London Authority). 2002. *Planning for London's Growth*.

9. Hayek F.A.D., 2005 [1944]. *The Road to Serfdom*. Institute Of Economic Affairs, London.

10. Levy David M. and Sandra J. Peart. "socialist calculation debate." *The New Palgrave Dictionary of Economics*. Second Edition. Eds. Steven N. Durlauf and Lawrence E. Blume. Palgrave Macmillan, 2008.

11. *Mises L.V.* 1920 [1990]. *Economic Calculation in the Socialist Commonwealth*, Reprint edition. ed. Ludwig Von Mises Inst, Auburn, Ala.

Эпштейн Д.Б.,

*доктор экономических наук, профессор,
доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Северо-Западного НИИ экономики сельского хозяйства*

**Уроки 2017–2018 годов: какие производственные
отношения мешают нашему росту**

Аннотация. Показано, что одной из основных причин низких темпов роста экономики России является денежно-кредитная политика правительства и Центробанка, удерживающих стоимость кредитов на уровне, в 2–2,5 раза превышающем рентабельность экономики. Вместо создания отечественной инновационной системы на основе получения и применения достижений науки руководство страны с 2013 году проводит бюрократическую реформу РАН, которая фактически уничтожает отечественную фундаментальную и прикладную науку. В связи с этим поставлен вопрос о влиянии производственных отношений, к которым автор относит и государственную экономическую политику, на производительные силы в рамках одного способа производства. В России это влияние носит негативный характер. Показано, что имеют место противоречия между текущими и долгосрочными интересами господствующих классов и между различными группами собственников средств производства.

Ключевые слова: экономические итоги, влияние производственных отношений на производительные силы, реформа Российской академии наук, экономическая политика

Epstein D.B.,

*professor, doctor of Economics, chief researcher of the
North-Western Research Institute of Agricultural Economics*

**Lessons from 2017–2018: What Kind of Production
Relationships Hinder our Growth**

Abstract. It is shown that one of the main reasons for the low growth rate of the Russian economy is the monetary policy of the government and the Central Bank, which keeps the cost of loans at a level 2–2.5 times higher than the profitability of the economy. Instead of creating a domestic innovation system on the basis of obtaining and applying the achievements of science, the country's leadership since 2013 has been pursuing a bureaucratic reform of the Russian Academy of Sciences, which effectively destroys domestic fundamental and applied science. In connection with this, the question has been raised about the influence of production relations, to which the author relates state economic policy, to the productive forces in the framework of one mode of production. In Russia, this influence is negative. It is shown that there are contradictions between the current and long-term interests of the ruling classes and between different groups of owners of the means of production.

Keywords: economic results, the impact of production relations on the productive forces, the reform of the Russian Academy of Sciences, economic policy

Ниже мы опираемся на данные Росстата о темпах роста ВВП, а также некоторые другие показатели, позволяющие в совокупности судить об экономическом развитии страны за последние 10 лет, начиная с 2008 года.

Если судить по этим данным, то в 2017 году наш ВВП прибавил наконец-то 1,5% после двух лет уменьшения. И промышленное производство прибавило 1%, а сельское хозяйство показало 2,4%-й рост. И даже реальная начисленная зарплата выросла, говорит статистика, на 3,5%. И размер пенсий – тоже вырос! Но... все эти показатели роста находятся в явном противоречии со снижением реальных доходов населения на 1,7%, ведь они состоят в основном из заработной платы и пенсий!

Обращают на себя внимание также большие приросты финансового результата организаций в 2015 и 2016 годах на фоне снижения роста ВВП и, наоборот, его (результата) падение в условиях роста в 2017 году. Ведь рост прибыли предприятий должен (в нормально работающей экономике) давать рост инвестиций, а мы имеем их снижение с 2014 года и, наоборот, якобы рост инвестиций на 4,4% в 2017 году при снижении прибыли на 8,5%.

Но нельзя забывать, что 2013–2014 годы были ознаменованы колоссальным удорожанием доллара, то есть девальвацией рубля. В 2013 году доллар вырос в среднем на 20%, а в 2014 году, в декабре, еще почти в два раза. Эта девальвация привела к росту цен на импортную продукцию, которая быстро потянула за собой вверх цены на российскую продукцию. Однако заработная плата и номинальные доходы населения росли значительно меньше, а реальные доходы населения в 2015 и 2016 годах даже падали. А с ними отставала от роста цен себестоимость продукции. Вот откуда появился скачок прибыли предприятий и организаций в 2015–2016 годах! И при этом российские товары стали были на внутреннем рынке намного дешевле аналогичных зарубежных товаров (в силу удорожания доллара). Если бы в декабре 2014 года Центробанк не повысил ключевую ставку до заоблачных 17% годовых, не умея иными способами регулировать валютный рынок и опасаясь, что кредиты утекут на покупку долларов, то предприятия могли бы, используя выросшую собственную прибыль и недорогие кредиты, вложить эти средства в расширение и удешевление производства. И мы получили бы реальный, а не мифический рост экономики в 2015–2017 годах.

Но немыслимая ставка за кредит, намного превышающая рентабельность экономики, в условиях падения спроса населения не позволяла бизнесу получить кредит по приемлемым для экономики ценам и говорила предприятиям, что власть не стремится к реальному росту, поддержки не будет... Отсюда – не рост, а падение инвестиций в 2015–2016 годах. И это в условиях скачка прибыли у предприятий. Также мы видим, что ВВП и в 2017 году фактически не достиг уровня 2013 года, доходы населения ниже этого уровня на 11%, реальная зарплата – на 4%, реальный размер пенсий – на 3%, розничная торговля (то есть, суммарный спрос населения) – на 11%, а инвестиции – на 7,3%. В целом все это означает, что и в 2017 году кризис в России продолжался, выбраться из ямы в 2015–2017 годах не получилось.

Толчком к провалу и дальнейшей стагнации стали действия Центробанка, не способного регулировать курс валюты иначе, как подъемом ключевой ставки на недосягаемую для экономики высоту, хотя, разумеется, он действовал в соответствии с принятой в руководстве страны стратегией.

Обратимся с учетом сказанного к данным за 2018 год¹. Согласно этим данным, за три квартала ВВП страны вырос на 1,6%. Промышленное производство выросло за январь – ноябрь на 2,9%, хотя за январь – сентябрь Роскомстат показывал рост 3,3%. Сельское хозяйство демонстрирует снижение на 0,8%, хотя отчет за три квартала говорил о плюсе 3,5%, что объясняется снижением урожая и темпов уборки зерновых. Рост ВВП за три квартала к аналогичному периоду 2017 года трудно назвать, с учетом низких темпов предыдущего года, впечатляющим, так как он лишь на 0,1 процента превышает рост 2017 года. Правда, плюс промышленного производства заметен на фоне 1% роста в 2017 году. Однако надо учитывать, что, как правило, годовой отчет вносит существенные изменения в годовую динамику.

Наиболее важный показатель для роста в следующем году – инвестиции в основной капитал – они в ноябре 2018 года превысили уровень ноября 2017 г. на 3%. На первый взгляд, неплохой рост для уже привычных низких темпов. Но вспомним, что показываемый статистикой рост инвестиций в 2017 году был 4,4%, а прирост ВВП оказался на следующий год лишь 1,6%. Не слишком ли мал этот прирост ВВП в сопоставлении с ростом инвестиций, даже если учесть несомненное наличие лага между инвестициями и выпуском продукции? Какого же роста можно в этом случае ждать в 2019 году?!

Что действительно могло бы порадовать – это рост реальной (!) заработной платы на 7,4%. Но почему тогда реальные денежные доходы населения выросли лишь на 0,4%, а оборот розничной торговли – лишь на 2,6%? Ведь оплата труда составляет в структуре доходов населения порядка 65%². При таком соотношении рост реальной зарплаты на 7,4% гарантирует рост доходов на 4,8%, даже если остальные виды реальных доходов (социальные выплаты, доходы от предпринимательской деятельности и от собственности) не изменились. Или реальные пенсии упали? Цитируемый сборник показывает рост реального уровня пенсий за эти 11 месяцев по сравнению с 2017 годом на 0,9%. Но если учесть, что все социальные выплаты составляют

¹ Здесь мы опираемся на данные сборника «Социально-экономическое положение России. Январь-ноябрь 2018 года». Москва. Росстат. 2018, опубликованный на сайте www.gks.ru.

² См. с. 196 указанного выше издания за январь-сентябрь 2018 г.

лишь 20% от реальных доходов населения, то указанный рост составит вклад плюс 0,18% ($0,9\% \times 0,2$). То есть, вопрос, почему столь малым оказался рост реальных доходов, остается.

Все это вместе означает, что не только рост в 2018 г микроскопически минимален, но и он, и ряд других важнейших показателей не вполне достоверны.

Ключевая ставка ЦБ в 2018 году находилась в основном в интервале от 7,5% до 7,75%. Следовательно кредиты предприятия могли брать в лучшем случае по 11–13%, что превышает рентабельность активов (не выше 6% последние годы с тенденцией к понижению), примерно в два раза.

В целом уроки 2017–2018 годов состоят в том, что, если некоторый, очень небольшой экономический рост в России в эти годы и имеет место, то он никак не свидетельствует о выходе России на траекторию экономического роста, сопоставимого со всем миром. Ведь мировая экономика довольно быстро растет с 2009 года, причем как при снижении, так и росте цен на топливо.

В среднем, по сравнению с 2008 годом, рост ВВП к 2017 году составил в мире 35%, у развитых стран – 13%, у развивающихся – 55%, а в России – 6%. Это своего рода негативный рекорд. Для сравнения: за эти годы Белоруссия выросла на 12,2%, Азербайджан – на 21%, Казахстан – на 43,2%. Из развивающихся стран: Турция – на 58,1%, Индия – на 90%, Китай – на 101%. Из развитых стран: Япония – рост на 6%, Франция – на 6,9%, Германия – на 10,8%, Чехия – на 12,4%, США – на 15,2%, Канада – на 16,4%¹.

Для избавления от «голландской болезни», которая, собственно, и является одним из основных экономических факторов торможения для России, необходимо существенно увеличить инвестиции, используя валютный избыток, получаемый от превышения экспорта над импортом, сведя резервы к разумному минимуму. Иначе мы будем систематически получать девальвации рубля с трудно предсказуемыми последствиями для роста.

¹ *Титов Б.* Экономический рост в мире и России: «новая нормальность». // <http://stolypin.institute/institute/issledovanie-instituta-ekonomiki-rosta-im-stolypina-p-a-ekonomicheskij-rost-v-mire-i-rossii-novaya-normalnost/>

Для стабильного и существенного роста нужен переход к активной инвестиционной политике с помощью снижения процента за кредит, в том числе, с помощью государственных инвестиций и государственного субсидирования кредитов для отраслей, где лаг между вложением и достижением рентабельности относительно высок. В целом – необходимо увеличение государственных расходов на экономику, способное создать стимулы роста и привлечь частный бизнес к более масштабному инвестированию¹.

Деньги для проведения активной экономической политики у государства есть, это становится ясно, если взглянуть на фактические расходы бюджета на экономику. Расходы консолидированного бюджета на национальную экономику составили в 2017 году 4,33 трлн руб. (расходы федерального бюджета – 2,6 трлн руб.), зато на оборону и правоохранительную систему расходы они составили 6,3 трлн руб. (федерального – 5,1). Валютно-финансовые резервы составили 424 млрд долл., или 27 трлн руб., или порядка 27–28% ВВП страны. Эти 27 трлн руб., превышающие в 6,2 раза расходы бюджета на экономику, не просто лежат, а тают в силу того, что проценты по ним не покрывают инфляции.

Есть средства и у бизнеса: вклады на счетах в банках составили в 2017 году 11,4 трлн руб., причем они почти не используются для финансирования инвестиций. Общий же объем привлеченных средств кредитными организациями на конец 2016 года составлял 32,6 трлн руб.² Прибыль российских организаций – составила 10,5 трлн руб.³, накопленная амортизация коммерческих организаций – 5,8 трлн руб.⁴ А весь объем инвестиций в основные фонды составил в 2016 г. лишь 14,6 трлн руб.⁵

¹ Подробно мы рассматриваем соответствующие меры в работе *Эпштейн Д.Б. О переходе экономики России к новой индустриализации и импортозамещению. // Экономическое возрождение России. 2015. № 4 (46). С. 60–68.*

² *Инвестиции в Российской Федерации. 2017 г. Росстат. 2018. См. www.gks.ru*

³ Там же, с. 124.

⁴ Там же, с. 133.

⁵ Там же, с. 11.

Можно сказать, что российская экономика сидит..., точнее «лежит на мешках с деньгами», но не использует их в необходимой степени, хотя удельный вес полностью изношенных основных фондов растет с 13,5% в 2010 году до 16,9% в 2016 году¹.

Коэффициент обновления основных фондов составил в среднем за 2013–2016 годы 4,3%, а коэффициент выбытия – 0,8%, что в сумме дает 3,5% полного обновления. Это означает полное обновление основных фондов за 28,6 лет. О каком инновационном развитии можно говорить при таких низких темпах обновлении основных фондов?!

*Почему у нас тормозится рост производительных сил,
не работает регулируемая рыночная экономика?*

Возникает вопрос, почему в подавляющем большинстве стран мира регулируемая рыночная экономика работает (при всех известных проблемах и кризисах², но в целом обеспечивает экономический рост и рост эффективности производства, – основу роста благосостояния населения), а в России – не работает. А это значит, что рост производительных сил у нас тормозится. Почему в России, которая отстает от развитых стран по уровню развития экономики, по производительности труда и благосостоянию граждан в разы, т.е. имеет колоссальный потенциал и очевидную необходимость экономического роста, темпы экономического роста ниже темпов роста большинства развитых стран? Ведь, казалось бы, уже во второй половине XX века выработаны принципы государственного регулирования рыночной экономики, которые позволяют поддерживать экономический рост и рост производительности труда в долгосрочном периоде, прерываемые на относительно краткосрочные кризисы, которых взаимозависимые экономики капиталистических стран избегать не в состоянии.

Даже если рассматривать не весь период существования современной Российской Федерации с 1992 года, чтобы отделить период

¹ Там же, с. 116.

² Интересный взгляд на историю кризисов и перспективы капитализма содержится в книге Мейсон П. Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

тяжелой и по сути катастрофической трансформации 90-х догов, а ограничиться 2000-ми годами, то остаются те же вопросы. Можно, разумеется, вспомнить, что с 2015 года началось действие санкций и снижение цен на нефть, но явное снижение темпов роста началось задолго до санкций, когда цены на нефть оставались высокими. Может быть, экономика России настолько уникальна, что стандартные рецепты и опыт других стран, в том числе и стран, богатых ресурсами, для России не подходит?! Можно было бы говорить о том, что экономику России «умом не понять и аршином общим не измерить», что она не поддается мерам государственного регулирования, выработанным наукой..., но лишь в том случае, если бы российское государство эти меры применяло. То есть, если бы оно обеспечивало экономику недорогими деньгами, субсидировало эффективные инвестиционные проекты, в том числе проекты развития инфраструктуры, само вкладывало бы средства в развитие, активно поддерживало науку и высшее образование и т.д. Тогда можно было бы говорить об особой уникальности российской экономики. А в нашем случае вопрос должен стоять иначе: почему оно их не применяет. И ответов на этот вопрос может быть несколько: 1) государственные органы не знают, как применить те общие правила, которые должны быть приспособлены к конкретной ситуации в стране (какие-то органы, может быть, и знают, какие-то – нет, но их система устроена так, что в целом получается незнание, так сказать, «когнитивная недостаточность»); 2) есть знания, но так как задача регулирования экономики большой страны является достаточно сложной, то не хватает умения их применить на практике, не хватает организационных навыков, каких-то структурных элементов, есть внутренние организационные и структурные трения и т.д. («организационно-структурная недостаточность»); 3) есть знания, есть необходимая структура, но нет уверенности, что выделяемые государством средства дойдут до цели, не будут разворованы или не утекут на валютный рынок вместо того, чтобы быть использованными на инвестиции (эти причины, вероятно, можно свести к первым двум, но ввиду того, что неуверенность порождает определенный негативный поведенческий комплекс, целесообразно обозначить как «поведенческая недостаточность»; и, наконец, 4) у каких-то государственных органов и/или слоев и лиц отсутствует заинтересованность в применении соответ-

ствующих мер регулирования или, наоборот, имеется интерес в сохранении статус-кво, а именно, в сохранении низких темпов развития экономики всей страны при, вероятно, достаточно высоких темпах роста частного благосостояния. На наш взгляд, ни одна из названных причин не может быть отброшена и, более того, все они действуют и оказывают свое влияние. Соответствующие знания, организационные структуры, компетенции и уверенность, поведенческие навыки появляются и закрепляются только в процессе деятельности, в определенной степени, конечно же, методом проб и ошибок, накоплением опыта, когда есть интерес и общественная необходимость проведения выработанной обществом политики. И, наоборот, если такого интереса нет, то нарабатываться будет, очевидно, негативный опыт.

Мы утверждаем, что в условиях авторитарного, полупериферийного олигархического капитализма имеет место и воспроизводится частный интерес «процветания» на экспорте ресурсов с их минимальной переработкой, последующим присвоением ресурсной ренты и в росте импорта с присвоением части доходов от него. В пользу того, что такой интерес имеет место в России, говорит по-прежнему высокая доля поступлений от продажи ресурсов в госбюджет в сочетании с опережающим ростом числа долларовых миллиардеров, ростом коэффициента Джини, ростом концентрации богатства у небольшой части населения¹. Как свидетельствует РБК, за 2017 год «Количество обладателей состояний, равных или превышающих \$1 млрд, выросло за это время с 77 до 106 человек... Совокупное состояние всех 200 богатейших российских предпринимателей за год выросло на 5,4%»².

¹ Доля доходов пятой группы населения с высшими доходами колеблется в 2000–2017 годах между 46 и 48% и выросла в 2018 году до 46,2% против 46,0% за аналогичный период 2017 года.

² В России за два года появилось 29 новых долларовых миллиардеров. <https://www.rbc.ru/business/19/04/2018/5ad82b929a7945a053b96f5>. «В 2018 году общее число долларовых миллионеров в России увеличилось на 30% – до 172 тыс. человек, что на 40 тыс. больше, чем в прошлом году... На 10% самых богатых россиян в 2018 году приходится 82% всего личного богатства в России, хотя еще годом ранее у них в руках находилось 77% богатств, следует из отчета. По показателю концентрации богатства Россия заметно опережает многие крупные страны. см. на след. странице

При таких условиях у государственной власти, зависящей от интересов и влияния наиболее состоятельной части граждан, остается интерес сохранения статус-кво и поддержания высокого уровня резервов для погашения социального недовольства в кризисные периоды. Государственные органы в такие периоды не могут не опасаться ситуации, когда массы стихийно выходят на улицы, подобно 2005 году (протесты против монетизации льгот). Резервы позволяют надеяться на погашение таких ситуаций, так же как и ситуаций, вызванных резким подорожанием доллара и т.п.

Таким образом, государственные инвестиции тормозятся высокими рисками вложений при данной экономической политике и данном уровне коррупции. Частные инвестиции тормозятся пассивностью государства в этом вопросе, сложившей низкой рентабельностью бизнеса и дороговизной кредитов.

В целом, вот еще один принципиальный, политэкономический урок 2017–2018 годов: рыночная экономика требует институтов, способных корректировать ошибочные правительственные решения. Демократические механизмы, должны привести или к отказу от ошибочных решений, или к замене правительства, не работают в условиях авторитарного, полупериферийного олигархического капитализма. Лишь явно выраженное массовое недовольство граждан имеет шанс изменить государственную политику.

Влияние производственных отношений в России на производительные силы

Для марксистов, да и не только для них, почти аксиомой является утверждение, что производственные отношения влияют на развитие производительных сил. Почти аксиомой, а не аксиомой это

см. на предыдущей странице Например, в США 10% самых состоятельных граждан владеют 76% богатства страны, что на 1 процентный пункт меньше, чем годом ранее. Уровень концентрации богатства в Китае за год и вовсе снизился на целых 10 процентных пунктов – с 72% до 62%». См. Число долларовых миллионеров в России выросло на 30% – до 172 тыс. <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=10713742>

утверждение является лишь потому, что оно доказывается обычно рассуждениями о том, как один способ производства сменяет другой, когда производственные отношения вступают в непримиримое противоречие с развитием производительных сил. Это противоречие проявляет себя в многочисленных социально-классовых конфликтах, экономических и политических, которые разрешаются революционным установлением новых производственных отношений, которые обеспечивают на определенный исторический период простор для развития производительных сил. Под производственными отношениями при таких рассуждениях в советский период обычно прямо понимались, прежде всего, отношения собственности на средства производства или такие отношения, которые в итоге сводятся к отношениям собственности. Вот, например, как писали об этом авторы наиболее глубокого университетского учебника по политической экономии советского периода под редакцией Н.А. Цаголова: «Производственные, или экономические, отношения отличаются тем, что во всех своих звеньях они связаны с характером и формой присвоения средств производства и продуктов труда, или собственностью на средства производства и продукты труда. Характер и формы присвоения специфичны на различных ступенях развития общества. Следует различать право собственности, которое регулируется юридическими законами, определяющими порядок распоряжения, владения и пользования движимым и недвижимым имуществом в той или иной стране, и экономическое содержание собственности, которое выражает внутреннюю связь и в этом смысле экономическую основу всей совокупности производственных отношений как экономических отношений определенного социально-исторического типа»¹.

Н.А. Цаголов и др. выделяют в этом учебнике технические и собственно экономические отношения², но при этом, вслед за Марксом, уделяют существенное внимание такому экономическому явлению как кооперация и ее формы, например, простая кооперация, мануфактура, фабрика и т.д., хотя отношения кооперации не есть непосредственно отношения собственности. Более поздние учебники выделяли,

¹ Курс политической экономии. В двух томах. Под ред. Н.А. Цаголова. Т. 1. М.: «Экономика». 1973. С. 58.

² Там же.

как правило, в структуре производственных отношений, технико-экономические, организационно – экономические и социально-экономические отношения. Однако это деление весьма условно. На наш взгляд, для понимания реальной структуры производственных отношений при капитализме более продуктивно было бы сначала определить основных действующих лиц, субъектов производственных отношений определенной стадии капитализма, в частности, например: 1) государство, 2) государственные предприятия, 3) частные предприниматели, 4) владельцы частных предприятий, использующих в значительных количествах рабочую силу, 5) наемные работники, относящиеся к менеджменту крупных частных предприятий, 6) прочие наемные работники, 7) сельскохозяйственные производители, не использующие в значительных количествах рабочую силу и т.д. А затем описать основные производственные отношения между парами (или несколькими) основными действующими лицами экономики.

Для нас вопрос о структуре производственных отношений возникает в связи с тем, что мы видим совершенно разные по уровню развития и темпам развития страны среди всего множества капиталистических государств. И даже если взять существенно более узкую группу государств, например, развитые государства Запада, то и тут имеют место очень большие различия в уровне и динамике развития, например, различия США, Японии, Великобритании и Германии. То есть, динамика развития отнюдь не определяется однозначно типом отношений собственности. Есть нечто не менее существенное, влияющее на конкретные решения экономических субъектов, а тем самым и на производительные силы, и не сводимое к отношениям собственности. Это «нечто» можно охарактеризовать также как производственные отношения, но отношения иного, «более низкого уровня», то есть уровня, более близкого к сети конкретных экономических отношений агентов экономики.

Г. Лукач, критикуя не вполне диалектичную позицию Н. Бухарина по вопросу о влиянии техники (как части производительных сил) на производственные отношения, писал: «Было бы недопустимо, неправильно по существу и не по-марксистски изымать технику из ряда идеологических форм и приписывать ей самостоятельное существование, независимое от экономической структуры общества. Это

неправильно по существу, ибо вследствие этого становятся необъяснимыми очень важные изменения в направленности техники...»¹. И далее Лукач привел примеры, демонстрирующие влияние производственных отношений на технику, на производительные силы, причем не только в сторону их прогресса, но и регресса, как, например, при переходе от античности к средневековью и даже в ряде случаев «от средневекового производства к современному капитализму»². Он пишет: «Основой такого решающего изменения направленности техники явилось изменение экономической структуры общества – изменение возможностей труда и условий труда»³.

Обычно соображения о влиянии производственных отношений на производительные силы приводятся в связи с рассуждениями о назревании необходимости перехода к новому способу производства, к кардинальной смене отношений собственности. Но на самом деле это влияние можно проследить и в рамках одного и того же способа производства. Вспомним, как чрезмерная централизация и чрезмерная жесткость директивного планирования в СССР и других странах, относящихся к социалистическим, с определенного периода негативно влияла на темпы научно-технического прогресса, эффективности и качества производства, а затем и на динамику показателей объемов производства. Но органам власти СССР слишком долго не удавалось, да по существу так и не удалось найти оптимальный путь реформ, что в итоге привело к крушению страны и ее социально-экономического строя. Такова роль влияния текущей государственной политики и определяемых ею производственных отношений (в рамках одного и того же способа производства) на развитие производительных сил и на судьбу государства.

Да и странно было бы, если бы этого текущего влияния производственных отношений на развитие производительных сил не было, ибо отношения собственности не исчерпывают всех производ-

¹ Г. Лукач. Ленин и классовая борьба. М.: Алгоритм, 2008. С. 438. Как следует из контекста, термином «экономическая структура общества» Лукач обозначает систему производственных отношений.

² Там же, с. 438–439.

³ Там же, с. 439.

ственных отношениях, это скорее их фундамент, причем также отнюдь не неизменный. Можно было бы говорить отдельно об организационно – экономических производственных отношениях, а также о том, какую большую роль в успехах и неудачах экономического развития играет экономическая политика государства. Правда, государство марксистская политэкономия обычно относила к надстройке, а не к базису. Но на самом деле сегодня уже трудно оспаривать тот факт, что государство практически всегда, начиная с древних рабовладельческих обществ и обществ, которые можно отнести к азиатскому способу производства, играло огромную роль в экономике, в том числе, и в производстве. Оно устанавливало (и устанавливает) правила поведения в экономике, а также непосредственно участвовало (и участвует), как минимум, своей деятельностью и политикой по налогообложению, субсидированием ряда экономических субъектов, а нередко и выступая в роли производителя материальных благ и услуг. То есть, по существу государство экономическими функциями погружено в базис и является одной из сторон, одним из субъектов производственных отношений. Поэтому и отношения государства как экономического субъекта (особого рода) с иными субъектами вполне корректно отнести к производственным отношениям.

Именно это влияние экономической политики государства и иллюстрирует негативная картина стагнации российской экономики: сложившиеся отношения между государством, между его органами (в том числе, правительством, Центробанком, министерствами) и предпринимателями, между государством и научными учреждениями, между предпринимателями и научными учреждениями, между руководством предприятий и работниками... и т.д. не способствуют инвестициям в расширение производства на новой технической основе, выработке новых эффективных технологий, созданию и внедрению высокопроизводительной техники, применению научных открытий и их результатов в производстве, подъему производительности труда и росту производства. Наоборот, они тормозят все названное выше. Выработку новых технологий и доведение их до внедрения и широкого распространения тормозит слабое развитие прикладной науки, разрушенной в 90е годы и не восстановленной из-за длительного отсутствия поддержки и внимания со стороны государства. Раз-

витие фундаментальной науки, необходимое для роста производительности труда и эффективности экономики, до 2013–2014 годов тормозилось чрезвычайно низким уровнем ее финансирования, а с 2014 года – ее бюрократическим реформированием. Остановимся на этой реформе несколько подробнее как на важном примере влияния производственных отношений на производительные силы.

Можно ли вообще считать реформой Российской академии наук (РАН), то, что научно-исследовательские организации (НИО) были выведены из ее подчинения и были переданы под управление ФАНО (Федеральному агентству научных организаций) – вновь созданной бюрократической структуре? Вместо проведения комплексной научно-технической политики, в рамках которой осуществлялось бы и необходимое государственное целеполагание для РАН, ФАНО сделало упор на формальный, чисто бюрократический подсчет числа журнальных публикаций и стимулирование их роста. Со стороны государства такая политика по отношению к отечественной науке очень напоминает «выстрел в собственную ногу». Количество научных работников, сокращавшееся и до 2014 года, стало сокращаться еще быстрее, в особенности в связи с проводимым бюрократическим укрупнением НИО.

Объяснить сложившуюся государственную экономическую политику и политику по отношению к отечественной фундаментальной науке с позиций логики непросто, ведь от них зависят реальные успехи страны в переходе к устойчивому росту, основанному на инновациях, к которому вынуждают и геостратегические интересы и действия государства. Такое отношение, очевидно, противоречит долгосрочным интересам всех классов и слоев общества и, прежде всего, интересам господствующих слоев. Но оно объяснимо, если учесть, что политика государства формируется не абстрактными идеальными выразителями общественных интересов, а государственными служащими, у которых также есть долгосрочные и краткосрочные интересы и предпочтения. Краткосрочный интерес может состоять в том, чтобы экономить на финансировании организации, которая длительный период критиковала проводимую экономическую политику государства, показать, кто в доме хозяин, добиться при этом роста формальных показателей вроде количества научных публикаций. А интерес сохранения статус-кво, позволяющего получать не-

плохие дивиденды при существующей экономической политике и крайне медленном и неустойчивом росте и накапливать резервы на случай возникновения социально-экономических кризисов, это тоже вполне «осязаемый» долгосрочный интерес для аппарата. Да, этот интерес противоречит долгосрочным интересам другой части правящего класса, которая требует поддержки реального развития промышленности и всей отечественной экономики. Но пока эта другая часть и все общество удовлетворяются обещаниями и программами, приоритет будут получать интересы сохранения статус-кво.

Литература

1. В России за два года появилось 29 новых долларовых миллиардеров. <https://www.rbc.ru/business/19/04/2018/5ad82b929a79475a053b96f5>.
2. Инвестиции в Российской Федерации. 2017 г. Росстат. 2018.
3. Лукач Г. Ленин и классовая борьба. М.: «Алгоритм», 2008. 440 с.
4. Мейсон П. Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему. М.: «Ад Маргинем Пресс». 2016. 416 с.
5. Российский статистический ежегодник. 2018. М. Росстат. 2018.
6. Социально-экономическое положение России. Январь-ноябрь 2018 года. Москва. Росстат. 2018.
7. Цаголов Н.А. Курс политической экономии. В двух томах. Под ред. Н.А. Цаголова. Т. 1. М.: «Экономика». 1973. 833 с.
8. Титов Б. Экономический рост в мире и России: «новая нормальность». // <http://stolypin.institute/institute/issledovanie-institutaeconomiki-rosta-im-stolypina-p-a-ekonomicheskij-rost-v-mire-i-rossiipovaaya-normalnost/>
9. Число долларовых миллионеров в России выросло на 30% – до 172 тыс. <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=10713742>
10. Эпштейн Д.Б. О переходе экономики России к новой индустриализации и импортозамещению. // Экономическое возрождение России. 2015. № 4 (46). С. 60–68

раздел 2

Классическая
политическая экономия:
новая теория
для новых практик

Абрамов С.Г.,

*кандидат юридических наук, доцент
Департамента правового регулирования
экономической деятельности Финансового Университета
при Правительстве Российской Федерации*

Развитие теории риска в экономике и праве

Аннотация. Автором сформулированы предложения по совершенствованию теории риска, которая используется в экономике и праве. Результаты могут влиять на повышение эффективности применения юридических норм, снижения издержек при осуществлении экономических операций.

Ключевые слова: теория риска, юридическая ответственность, возмещение ущерба, волеобразование, волеизъявление

Abramov S.G.,

*PhD (Law), Associate Professor of the Department
of Legal Regulation of Economic Operations of the Financial
University under the Government of the Russian Federation*

Development of Risk Theory in Economics and Law

Abstract. The author formulates proposals for improving the theory of risk, which is used in economics and law. The results can influence the increase in the effectiveness of the application of legal norms, reducing costs in the implementation of economic transactions.

Keywords: theory of risk, legal responsibility, indemnification, will formation, will expression

В связи с развитием технологий общество переходит на следующий экономический уклад (1, с. 333). Для обеспечения экономиче-

ского, финансового развития государства начинают применять новые технологии на базе ЭВМ, систем искусственного интеллекта, создают беспроводные системы «мозг-мозг» между субъектами права (такие системы могут использоваться при возникновении, изменении, прекращении правоотношений) (2). При вступлении в социальные связи субъекты могут использовать средства электроэнцефалограммы (ЭЭГ) и транскраниальной магнитной стимуляции (ТМС). В результате изменяется содержание правоотношения, моменты волеобразования, механизм волеизъявления. Могут изменяться элементы правоотношений, которые приводят к наличию пороков в сделке, возникновению оснований для применения мер юридической ответственности. При применении таких систем изменяется содержание признаков риска, правоспособности (3, с. 41). Для применения новых концепций в сфере теории риска, юридической ответственности необходимо провести исследование на основе имеющихся новых эмпирических данных.

Для этого необходимо затронуть такое научное направление как бихевиоризм. В этой парадигме взглядов на человека и его действия есть вопросы, которые требуют разрешения – соотношения осознаваемых и неосознаваемых действий личности, а также правосубъектности человека с правосубъектностью общества, публично-правового образования (приоритет частных или коллективных, общественных интересов). В результате возникают следующие теоретические проблемы:

1) Правового регулирования психических процессов и деяний субъектов – физических лиц (внутренних психических процессов волеобразования и волеизъявления).

2) Экономической деятельности агентов (физических лиц, юридических лиц, публично-правовых образований) в условиях невозможности получения объективной информации о своих психических процессах (внешних объективированных процессов формирования воли и проявления волеобразования) и о возможных отрицательных последствиях от такой деятельности¹. Для их предупреждения необходимо исследовать категорию «риск».

¹ Исходя из посылки, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, см. на след. странице

Если вероятность выпадения события (наступления юридических фактов, с которыми стороны связывают возникновение, изменение, прекращение правоотношения – отрицательных последствий) равна 0,

$$\lim P_t = 0, \text{ где } t - \text{ время,}$$

то это означает полную неопределенность. Для отношения полной неопределенности характерна стремящаяся к нулю прогнозируемость наступления события. В этом случае можно констатировать высокую степень неопределенности риска¹. В науке и праве используется термин катастрофический риск, который обязательно проявится в виде потерь, происшествий. В страховом праве такие отношения могут не страховаться. Нет двух существенных условий, признаков – вероятности, случайности. В анализируемой ситуации есть фактор вероятности, но случайности нет. Вывод: возможные «случайные» отрицательные последствия просто не выявлены обычно применяемыми средствами (волеизъявление в ходе преддоговорных отношений в форме конклюдентных действий по современному законодательству). Современные технологии позволяют осуществлять выявление намерений, процесса волеобразования с помощью средств ЭВМ. В связи с этим необходимо затронуть и вопросы ответственности.

3) Перераспределения между субъектами мер ответственности или разработки новых механизмов компенсации убытков (например, компенсация за счёт общественных финансов, общественных фондов потребления или резервных фондов, фондов консолидации секторов экономической деятельности).

Остановимся на исследовании представленных теоретических проблем с использованием междисциплинарного подхода.

В 2012 году в России состоялось обсуждение вопросов, связанных с изменением нейронных процессов в коре головного мозга. Анализ опубликованных тезисов работ, позволил их авторам прийти к разным

см. на предыдущей странице

направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

¹ Степень риска – величина вероятности наступления определенного случая (события), которая существует в данной ситуации.

заклучениям, что существует и детерминизм действий (иллюзия свободы при принятии решения), и свободное проявление человеческой воли. На основе приёмов и способов нейробиологии, а также психологии, учёные и пришли к таким неоднозначным и неокончательным выводам. Такая научная парадигма взглядов может влиять на разработку теоретических положений политэкономии, институтов и отраслей права. В связи с этими обстоятельствами требуется провести анализ категории «риск», которая используется в экономической теории и юриспруденции.

И в классической теории риска (Дж. С. Милль, У.И. Сениор), и в неоклассической теории (А. Маршалл, А. Пигу) используются подходы, которые обусловлены психологическими ожиданиями и внешними активными действиями субъекта. В первой теории предпринимательский риск отождествляется с вероятностью потерь, которые могут произойти в результате выбранного решения. Во второй – поведение предпринимателя базируется на концепции предельной полезности, оно детерминируется посредством выбора варианта, в котором колебания ожидаемой прибыли меньше. Но, исходя из достижений нейрофизиологических процессов, остается не ясным, на основе чего субъект – предприниматель принимает данное решение, а также его обоснованность, разумность и легитимность.

В этом случае необходимо поставить вопросы: – о механизмах гарантии разумности, правомерности поведения субъектов; – об обязательном страховании различных трансакций, актов предпринимательской деятельности; – введении мер ответственности третьих лиц (например, саморегулируемых организаций, государства) за действия предпринимателя по аналогии с п. 3 ст. 28 ГК РФ (имущественная ответственность по сделкам малолетнего), ввиду факта невозможности полностью контролировать психическую деятельность при осуществлении сделок.

В данном аспекте социальных и экономических отношений всегда присутствует категория «риск».

Профессор Я.М. Магазинер исследовал указанную категорию и пришёл к обобщению сферы её распространения на всё право: «... право есть не что иное, как система распределения рисков, которая изменяет и направляет стихийно складывающееся их распределение на основе естественных законов экономики...» (4, с. 136).

Как свидетельствуют собранные данные, категория риска используется и в законодательстве, и в теоретической научной дефиниции права. Вся социальная, экономическая, политическая деятельность связана с уменьшением негативных проявлений внешней среды природы, с системой перераспределения риска на основе выработанных правил. Остаётся открытым вопрос – следует ли из этой теории вывод о том, что все факты отношений, связей должны предусматривать механизм компенсации потерь, возложения мер ответственности?

Предлагается провести анализ теории риска в праве и экономике, категории «юридическая ответственность».

В цивилистике были разработаны три концепции теории риска:

1. объективная,
2. субъективная,
3. дуалистическая, объединяющая оба подхода.

Можно отметить тот факт, что субъективная концепция риска в первоначальной посылке строится на субъекте отношения, учитывает его осознанное психическое отношение к вероятным последствиям, в связи с этим и происходит выбор соответствующего варианта поведения. Последние достижения в нейробиологии могут дополнить субъективную теорию новыми данными и подходами, а в дальнейшем появляется возможность модифицировать позитивное право. Объективная концепция не придаёт значения мнению субъекта, не связывает риск с его сознанием и процессом волеобразования и волеизъявления. В рамках данной концепции исследуются предпосылки и следствия объективных деяний рискованных поступков.

Рассмотрим субъективную теорию, так как основанием ее возникновения считается вина, воля, казус. Субъективная концепция риска разрабатывалась в трудах В.А. Ойгензихта, С.Н. Братуся, О.А. Красавчикова, В.А. Копылова, А.А. Арямова. В рамках их работ риск рассматривался как психическое отношение субъекта к случайным последствиям своего поведения, допущение этих последствий и возможностей волевого регулирования поведения в определенных ситуациях. Все дефиниции связывают категорию «риск» с сознанием и волей лица, которое предвидит и допускает отрицательные последствия. Именно такой риск имеется в виду в том случае, когда говорится о риске субъекта, действующего в условиях, при которых возможно причинение или несение ущерба.

Данный подход в юриспруденции не совсем полно использует эмпирические данные, а используемая логическая посылка входит в противоречие с современными результатами исследований в области нейробиологии (момент возникновения сигнала “W”, причины начала волеобразования и осознания лицом внутреннего убеждения). Нейробиологический механизм волеобразования и волеизъявления содержит последовательность трех фактов: 1) возникновение и фиксация прибором потенциала W; 2) временной интервал 350 мс – осознание субъектом потребности, формирование воли; 3) временной интервал 200 мс – волеизъявление в виде действия. Итоговое время физиологической реакции на факты окружающей действительности – 550 мс (5). В современном праве основания ответственности устанавливаются на основе волевого элемента сознания и внешнего волеизъявления, но они не являются первым фактом в действительности (пока не в правоотношении). Мы полагаем, что W – первый и обязательный факт в сложном юридическом составе правоотношения.

На основании вышеперечисленного можно сформулировать проблему, требующую разрешения: если субъект не может контролировать внутренние психические процессы волеобразования (первый факт) и, в дополнение к этому, допускает отрицательные последствия при возникновении социально-экономических отношений (второй факт), то как необходимо моделировать нормы права для восстановления, компенсирования имущественной составляющей членов общества?

Рассмотрим возможные варианты. Допустим, что мы инкорпировали в современное законодательство данный подход. Последствием может быть признание того факта, что субъект не может полностью отвечать за свою деятельность, даже если он полностью дееспособен. Если субъект не может полностью контролировать процесс волеобразования, то почему и на основании какой *causa* он должен нести ответственность? Даже в том случае, когда нет нарушения правоотношения, действие правомерное положительное. В подобном случае, когда субъект осуществляет меру возможного поведения и не нарушает субъективные права контрагента, он не может быть признан полностью дееспособным (не может контролировать процесс волеобразования, осуществлять действия на основе точной оценки и прогнозирования развития правоотношения, руководить ими).

В предпринимательских правоотношениях такая ситуация сводится к противоречивым выводам.

Будут признаваться действительными только такие сделки, которые направлены к выгоде (получено встречное возмещение, которое повышает имущественное состояние). Но в то же время, контрагент может оспаривать сделку на основании уменьшения имущественного состояния, выгоды, даже если сделка без пороков формы, субъекта, содержания и полностью соответствует законодательству. Провести грань эквивалентности имущества (по аналогии договора мены), которое переходит, возможно, но в сделке могут быть условия, которые нельзя выразить в материальной форме. И такие условия могут также ограничивать имущественное положение, быть невыгодными для другой стороны. Для юридических лиц ситуация усложняется, так как могут затрагиваться интересы и сособственников (например, корпоративные права), и кредиторов, третьих лиц (права собственности или обязательственные права). Такие субъекты, продолжая логические посылки, должны быть наделены правом по оспариванию легитимных сделок, которым они всегда будут пользоваться, что нарушит стабильность экономического планирования, правового регулирования и правопорядка.

При отрицательном результате (отсутствии выгоды) сделки, на наш взгляд, возможно привлекать к долевой, субсидиарной, солидарной форме ответственности (при недостаточности средств у стороны договора) третьи лица (СРО, резервные, компенсационные фонды и т.п.). Аналог механизма гарантирования имущественного возмещения. Однако в этом случае возникают теоретические трудности. Гарантируется выплата не за казусы при осуществлении рискованной предпринимательской деятельности, а по любому субъективному поводу, основанному на мнении об ущемлении имущественных прав (при начале исполнения сделки такого мнения может и не быть). Такое волеизъявление – решение может быть оформлено в ходе исполнения или после исполнения сделки, что будет придавать незащищённость добросовестной стороне и также приводить к нарушению правопорядка. Вероятно, подобный механизм может быть задействован только при других производственных отношениях.

Для устранения проблем данного подхода при регулировании правоотношений необходимо провести верификацию, установить

соответствие, тождество момента W (*causa causarum*) и внутреннего психического волеобразования. Признать юридическую зависимость этого факта от природной первопричины (на данный момент процесс её возникновения полностью не изучен). Полагаем, что решением (установление психического волеобразовательного момента, соответствия воли цели сделки, отношения к возможным последствиям) является возможность использования новых технологических аппаратных средств. В будущем документальным подтверждением отсутствия отрицательных субъективных элементов, элемента психического отношения к содержанию сделки и ее результатам можно признавать заключение программы, алгоритма ЭВМ. Процедуру обследования целесообразно предусмотреть на стадии заключения (предварительного) договора. Разработанный механизм будет выполнять охранительную функцию права при осуществлении правового регулирования общественных отношений, предупредительно-воспитательные (превентивные) задачи по обеспечению и защите субъективных прав граждан, субъектов хозяйственной деятельности при вступлении в правоотношения.

Выводы. Проанализировав проблемы соотношения различных форм взаимодействия человека и общества, можно прийти к заключению, что субъект не может полностью контролировать причины своего волеобразования и волеизъявления. Мы разработали теорию и механизм перераспределения, несения юридической ответственности.

Предложены следующие варианты решения:

1. Выявление пороков содержания правоотношения возможно обеспечить с помощью современных средств электронно-вычислительных машин (алгоритм, программа). В момент заключения соглашения по желанию сторон исследуется состояние внутренних психических процессов, выявляется их соответствие внешнему волеизъявлению. Этими процедурами придаётся легитимность возникающему экономическому контракту, правоотношению. Из будущего временного отрезка действия соглашения устраняется порок, по которому возможно было бы его оспорить. В результате достигается стабильность правопорядка и экономической деятельности.

2. Возможно создание механизма гарантирования возмещения убытков за счёт отчислений на погашение отрицательных последствий правоотношения: – переложение ответственности на бюдже-

ты саморегулируемых организаций, которые создаются в различных секторах экономики; введение макропруденциального надзора и регулирования, консолидированного надзора за группами и холдингами всех направлений экономической деятельности; создание фондов возмещения по примеру банковской и страховой деятельности (для отношений с участием предпринимателей); – переложения мер ответственности на публично-правовое образование, на территории которого осуществляется экономическая трансакция и происходит юридическое оформление правоотношения. В будущем при ином экономическом базисе возможно предусмотреть механизм компенсации за счёт общественных финансов, общественных фондов потребления или резервных фондов, фондов консолидации секторов экономической деятельности (для отношений с участием граждан-потребителей).

3. Разработка и инкорпорирование новых организационно-правовых форм юридических лиц в законодательство. В действующем экономическом порядке можно внести изменения в законодательство о народных предприятиях. В будущем новом правопорядке при осуществлении ассоциированного способа хозяйственной деятельности предлагается предусмотреть формы коллективной ответственности членов трудового коллектива за счёт финансовых взносов от трудовой деятельности в корпоративные фонды.

Данные мероприятия экономико-правового характера направлены на решение проблемы отчуждения человека при осуществлении экономической деятельности. Человек не будет отчуждаться от труда и не будет терять себя в предмете – предпринимательской деятельности, в том случае, если предмет станет человеческим предметом. Для этого необходимо, чтобы социальная, предпринимательская деятельность стала общественным предметом. В итоге общество будет для субъекта сущностью в данном предмете (в социальной, экономической деятельности).

Литература

1. *Абрамов С.Г.* Онтологические основания социальных норм и экономического базиса при осуществлении стратегического госу-

дарственного управления (теоретические гипотезы развития социальных систем) / С.Г. Абрамов // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 1. – С. 333–336.

2. *Jiang L., Stocco A., Losey D.M., Abernethy J.A., Prat, C.S., Rao R. P. N.* BrainNet: A Multi-Person Brain-to-Brain Interface for Direct Collaboration Between Brains / L. Jiang, A. Stocco, D. M. Losey, J. A. Abernethy, C. S. Prat, R. P. N. Rao // Cornell University Library. – 2018. URL: <http://www.arxiv.org/abs/1809.08632>.

3. *Абрамов С.Г.* Развитие теории риска и категории «юридическая ответственность» в гражданском, предпринимательском, страховом праве: современное состояние проблемы / С. Г. Абрамов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 6. – С. 40–47.

4. *Магазинер Я.М.* Общая теория права на основе советского законодательства / Я.М. Магазинер // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 128–138.

5. *Libet B., Gleason C. A., Wright E.W., Pearl D.K.* Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential). The unconscious initiation of a freely voluntary act / B. Libet, C.A. Gleason, E.W. Wright, D.K. Pearl // Brain. – 1983. – Vol. 106. Issue 3. P. 623–642.

Амосов А.И.,

доктор экономических наук,

*действительный член РАН, главный научный сотрудник
Института экономики РАН, Москва*

**Закономерности эволюции отношений
собственности и революционные бифуркации¹**

Аннотация. Согласно закону развития по спирали Гегеля институты собственности и управления, единожды возникнув, на следующих витках спирали эволюции не уходят с исторической сцены, а лишь принимают новые формы и переходят на иной уровень общественных отношений в усложняющейся структуре управления. Выявление закономерностей эволюции семейной, частной и государственной собственности позволяет обнаружить не только антагонистические противоречия, но и общие смыслы сосуществования разных форм собственности.

Ключевые слова: эволюционное развитие революция семейная частная коммунальная государственная собственность

Amosov A.I.,

*Doctor of Economics, full member of the Russian Academy
of Natural Sciences, chief researcher of the Institute
of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

**Patterns of Evolution of Property Relations
and Revolutionary Bifurcations**

Abstract. According to Hegel's law of development, the institutes of property and management, once having arisen, on the next turns of

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-010

the evolution spiral do not leave the historical scene, but only take on new forms and transfer to a different level of social relations in the increasingly complex governance structure. The identification of patterns in the evolution of family, private and state property allows one to detect not only antagonistic contradictions, but also the general meanings of the coexistence of different forms of ownership.

Keywords: evolutionary development revolution family private communal state property

В России в течение одного XX века были произведены две противоположные по содержанию революции собственности. В 1918–1920 гг. во время военного коммунизма частная собственность была полностью экспроприирована революционной властью. Затем во время НЭПа пришлось пойти на «отступление» в виде разрешения трудовой частной собственности и некоторых других форм мелкой частной собственности. С окончанием НЭПа и лишением крестьян семейной собственности на коров и лошадей во время насильственной коллективизацией сельского хозяйства в начале 1930-х годов революция по ликвидации частной собственности в СССР завершилась.

После распада СССР в 1990 – годы произошла противоположная по содержанию революция по приватизации и разгосударствлению собственности. Приватизация и разгосударствление собственности в 1990-х годах происходили мирным путем. К тому же реальные масштабы разгосударствления крупнейших предприятий, корпораций и банков не афишировались и не афишируются до сих пор. В политическом контексте отказ от государственной и коммунальной собственности у нас не принято называть революцией. В рамках научного анализа мы абстрагируемся от текущей политики и употребляем термины эволюция и революция в их первоначальном смысле. Эволюция – движение вперед по заданной орбите или траектории. Революция – движение в обратном направлении.

После ухода с исторической сцены СССР и стран социалистического содружества, социально-экономическое положение в США и в других странах Запада отнюдь не улучшилось. Напротив, в условиях однополярного глобализма вместо продвижения вперед по пути прогресса усилились негативные тенденции, ведущие к прекращению эволюционного развития базовых отраслей производства в самих

США, в странах ЕС и т.д. Основной причиной этого явления стало ослабление позиций промышленного капитала и перераспределение собственности в пользу финансового капитала. Последний, взяв реванш за его ограничения в период индустриального развития, переродился в «нечто» виртуальное, что уже перестало выполнять функции созидательного приумножения богатств, свойственные производительному капиталу.

Финансовый капитал в отличие от крупного промышленного капитала не нацелен на решение долгосрочных задач развития человечества. Выход на первый план приоритетов финансового обогащения ведет к прекращению эволюционного развития не только в отраслях материального производства, но и в духовной, культурной, научно-технической и социальной сферах. К сожалению, приходится констатировать: Российская Федерация и Украина стали мировыми лидерами по деиндустриализации практически сразу после распада СССР. В частности, Россию официально, по мировой статистике исключили из списка развитых государств и включили в число отстающих стран в 1993 г.¹

Движение в сторону деградации человечества, в авангарде которого оказалась Россия, происходит уже в течение трех десятилетий. По сравнению с десятками тысяч лет эволюционного развития человечества это, на первый взгляд, небольшой срок. Но в последние столетия произошло не имевшее аналогов в истории сверхускорение эволюции экономики и общества. Подробнее об этом говорится в монографии автора (1). Здесь же мы лишь отметим: с учетом сверхускорения изменений общественных отношений, три десятилетия деградации в стране, на которую приходится одна шестая часть суши планеты, наводят на следующую мысль. За исторически короткий срок деградация может стать общемировой тенденцией подобно

¹ Летом 1993 г. автор получил письмо от организаторов конференции в Париже по тематике системы национальных счетов. В нем содержались извинения за то, что мой доклад переносится из секции для развитых стран в секцию даже не развивающихся, а отстающих африканских стран, в соответствии с решением статистических органов ООН об изменении статуса Российской Федерации.

тому, как индустриализация стала общемировой тенденцией за полтора столетия, а социализация экономики и государства за полстолетия.

При выявлении закономерностей эволюции отношений собственности автор исходит из закона общественной эволюции по спирали, открытого Гегелем (1770–1831). Применительно к исторической практике смысл развития по спирали Гегеля формулируется нами следующим образом. Институты собственности и управления, единожды возникнув, на следующих витках спирали эволюции не уходят с исторической сцены, а лишь принимают новые формы и переходят на иной уровень общественных отношений в усложняющейся структуре управления.

Подобно тому, как в организме человека сохраняется и развивается до определенного предела то, что было заложено в его генах, в истории человечества сохраняется и развивается до высшей фазы эволюции то, что было заложено в генезисе человечества. Это обстоятельство обуславливает наше повышенное внимание к правильному пониманию первобытных отношений, являющихся исходной фазой для всех стадий истории человечества. При обращении к генезису человечества помимо множества иных проблем возникают серьезные терминологические трудности, связанные с принципиальными различиями современных и первобытных смыслов терминов семья, община, коммуна и т.д. В краткой статье я сделаю лишь некоторые уточнения по этому поводу, важные для современности. Прежде всего, следует уточнить: отношения собственности в первобытных полигамных семьях не были «общинными» («коммунистическими» по латыни) в современном понимании и толковании этих терминов. Соблюдая требования научной строгости употребляемых терминов, мы классифицируем первобытные отношения собственности не как коммунистические, а как семейные.

Права собственности внутри первобытных семей базировались не на гуманистических коммунистических принципах в современном понимании этого выражения, а на известном в животном мире праве силы доминантного главы семейства. В то же время первобытные семьи содержали в себе генетические начала не только последующей семейной, но также и всех других форм собственности, включая коммунальную, государственную собственность. Отношения

коммунальной и государственной собственности, как и первобытные семейные отношения изначально строились на праве силы. На каждом новом витке спирали право силы облагораживалось и развивалось путем сочетания права силы с коммунальными и социалистическими нормами религиозной нравственности и морали.

Как известно, К. Маркс довольно пренебрежительно отзывался о религиозном социализме монистических религий. Между тем различия между религиозным и научным социализмом не так велики, как кажется на первый взгляд, поскольку общественные науки вышли из религии и в определенной степени сохраняют характер религиозного учения. Научные методы познания используются, в основном, в прикладных общественных исследованиях. Что же касается социально-экономических теорий, то они формулируются по абстрактным религиозным принципам, основанным на вере в те или иные учения и на «отлучении от веры» тех, кто осмеливается мыслить самостоятельно.

Практика показала: в чистом виде абстрактного социализма или коммунизма нельзя «построить». Даже в разгар военного коммунизма в 1919 г. Ленин, будучи инициатором безумной войны с трудовой семейной частной собственностью, вынужден был посылать на места «агитпоезда» во главе с членами коммунистического правительства, уполномоченными отменять реквизиции и «признавать», вопреки принятым в 1918 г. декретам, семейную частную собственность крестьян, составлявших абсолютное большинство трудящегося населения.

Так же далеки от жизни и абстрактные рассуждения о частной собственности. Изначально частная собственность сформировалась как часть общей семейной собственности молодых семей, выделявшихся из больших семей на стадии патриархата. Понятия патриархата и матриархата нередко увязываются с доминантной властью мужчин или женщин в семье. На самом деле при первобытном матриархате власть в семье всегда принадлежала одному из мужчин по животному праву силы. Матриархат и патриархат – это две различных формы брачных связей. При первобытном матриархате женщины вступали в случайные брачные связи за пределами своей семьи. Поэтому дети не знали своих отцов, а отцы не знали своих детей. В патриархальных (традиционных по русски) семьях отцы знают своих детей, а дети знают отцов.

Прогрессивная роль патриархата состоит в установлении равенства между мужчинами и женщинами в ответственности за рождение детей в семье. В современном российском обществе юридически женщины имеют равные права с мужчинами в управлении на уровнях семьи и в другой деятельности. В подобных условиях гендерная политика по замене полюбовного разделения функций между мужем и женой чуждыми природе гендерными юридическими спорами ведет лишь к ускорению распада семей. Другими словами гендерная политика – признак деградации семьи.

Уже в генезисе частной собственности она разделилась на две неравные части. Первая – это большинство населения, обладавшее трудовой семейной частной собственностью традиционных семей земледельцев и представителей других профессий. Вторая крупная семейная частная собственность узкого правящего привилегированного слоя. При этом крупная частная собственность изначально переплеталась с городской (коммунальной) и государственной (казенной) собственностью. Государь становился главой царской семьи. Государственная собственность при этом делилась на две части: собственность царского двора (царской семьи) и общая (коммунальная) собственность всех остальных семей. На современных витках общественной эволюции формы власти усложнились, тем не менее, семейная или клановая наследственность на верхних этажах управления по-прежнему играет важную роль. Согласно религиозной морали глава государства должен был восприниматься подданными как глава большой семьи. Власть государя воспринималась, в случае хорошего царя, как власть «царя-батюшки», при плохом государе его терпели, как терпят неудачного отца семейства.

Марксистское определение рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической формаций представляет собой шаг вперед в по отношению к более примитивной социологии того времени. Вместе с тем, отрицание Марксом положительной роли государственной собственности в общественном развитии приводит к тому, что общественные отношения сводятся к классовой борьбе. В этом случае движущей силой всего исторического процесса становится борьба класса собственников средств производства и класса эксплуатируемых масс. Признание классовой борьбы движущей силой истории автоматически принижает роль легитимных институтов

управления. Но если легитимная государственная власть ослабевает, то власть захватывают нелегитимные и откровенно преступные группировки.

Субъектом социального действия в марксизме-ленинизме признается революционер. По теории пролетарской революции «профессиональные революционеры» призваны преобразовывать мир. Проблема заключается в том, что для преобразования мира недостаточно революционным путем уничтожить прежние общественные отношения. После этого требуется решить более сложную задачу построения новых отношений. И здесь обнаруживается, что профессия революционера несовместима с профессией управления государством. «Горлопан» революции должен либо трансформироваться в представителя власти, несущей ответственность за управление страной, либо уйти со сцены. После установления революционной власти, в рядах вождей революции разворачивается ожесточенная борьба за власть. В результате формируется новый правящий слой. В коммунистической идеологии вопрос о правилах формирования «номенклатуры» не подлежал обсуждению. Между тем внутри «номенклатуры» выделялось большое количество «разрядов», причем на верхнем этаже власти правила разделения и смены власти оказались крайне запутанными и нуждались в публичном обсуждении. В целом, отношения внутри «номенклатуры» далеко не всегда являлись коммунистическими или социалистическими.

Советскому Союзу понадобились десятилетия, чтобы на смену поколениям дорвавшихся до власти «пролетарских» кадров, пришли компетентные руководители и специалисты. В партийной верхушке этот процесс так и не был завершен. На высокие партийные и государственные посты сознательно не допускались одаренные, интеллектуально развитые и творческие личности, а тех, кто туда пробивался, держали в подчиненном положении. Несмотря на ликвидацию класса крупных частных собственников, кругооборота элит практически не было.

В процессе строительства социализма не удалось решить вопросы смены поколений номенклатуры и наследственности коммунистической власти. Даже не стремившийся к личному обогащению Сталин не смог привить своим детям коммунистические принципы. Дети и внуки других высокопоставленных коммунистов были, тем

более, равнодушны к интересам трудового народа. Среди новых поколений советской бюрократии увеличивалось число безыдейных карьеристов, враждебно относящихся к принципам коммунизма.

Вырождение номенклатуры нельзя признать следствием искажения марксизма-ленинизма. Напротив, причина «переформатирования» номенклатуры в ориентации на ложную идею отмирания государства при социализме. Эта идея порождала малограмотную самонадеянность вождей революции и членов их команд в том, что они умнее компетентных «имперских» и «буржуазных» специалистов и экспертов государственного управления. Отрицательную роль сыграло и пренебрежение альтернативной марксизму концепцией обеспечения социальной справедливости, предложенной В. Парето (1848–1923 гг.). Суть концепции Парето в создании условий для обновления правящего слоя на основе механизма «круговорота» элит. По В. Парето правящая элита наилучшим образом выполняет свои функции служения общественным интересам, если она открыта для выдвижения способных и честных граждан из других слоев. Соответственно неспособным к управлению членам правящей элиты следует создать условия для реализации своих способностей в деятельности, не связанной с выполнением управленческих функций. Круговорот элит по В. Парето обеспечивает социальную справедливость при условии, что он не связан непосредственно с революционным переделом наследственной собственности (2, с.323).

В странах Запада частная собственность не ликвидировалась, а трансформировалась в соответствии с требованиями индустриализации. После кризиса 1929–1933г.г. представители промышленного капитала в США и ряда других ведущих стран приняли радикальные меры по обузданию финансового, спекулятивного, монополистического, криминального частного капитала. Фондовый рынок в США был законодательно отделен от финансовых потоков реального сектора экономики. Холдинги как форма собственности были запрещены. Одновременно в законодательство США взамен статей о правах частной собственности ввели комплекс прав и ответственности эффективного собственника. Стержневая идея указанного комплекса прав – собственник несет ответственность за ее эффективное использование независимо от того, о какой форме собственности идет речь: частной, государственной, коммунальной и т.д.

Теоретической базой для подобных преобразований отношений собственности послужил институционализм Веблена и его последователей Дж. Коммонса, Дж. Кейнса, Г. Мюрдаля и других. Институционалисты, придерживаясь гуманистической идеологии, обосновали политику социального компромисса между наемными работниками и работодателями, «политического коллективного договора», консолидации нации и т.п. Политика социального компромисса позволила осуществить в 1930–1950 гг. в США и в других западных странах, так называемую «революцию управления». На самом деле это правильнее называть эволюционным обновлением институтов собственности, поскольку оно происходило без революционной экспроприации частной собственности и без массовых репрессий.

В законодательстве об эффективном собственнике содержались и статьи о наследовании частной собственности на промышленные предприятия и фермерские хозяйства. Поскольку наследники собственников предприятий и ферм далеко не всегда обладают способностями для эффективного управления производством, в законодательство о правах и ответственности эффективных собственников были введены достаточно жесткие ограничения на наследование предприятий. Наследников обязали доказывать свою способность к управлению производительным капиталом наследодателя. Если способностей не было, то наследник получал лишь финансовую компенсацию, передавая права управления лицам обладающим необходимым опытом и образованием.

Государственное управление собственностью в США осуществлялось на базе централизованного планирования. Официально США не имели централизованного планирования. На практике в США централизованно планировалось «все и вся», начиная от холодной войны с СССР и заканчивая послевоенной научно-технической революцией, знаменовавшей завершение индустриального развития.

В США не разрабатывалась некоей федеральной Программы научно-технического развития. Плановый орган США в лице Конгресса выбрал более прагматичный способ разработки научно-технических и технологических инноваций. После второй мировой войны по всем возможным направлениям научно-технического прогресса в военной и в гражданской сферах были организованы мощные «Центры исследования будущего». Указанные Центры финансировались из фе-

дерального бюджета без ограничений и установления каких-либо приоритетов со стороны чиновников госдепартаментов. Порядок финансирования «бюджетной» науки «без ограничений и приоритетов» сохранялся вплоть до начала 1970-х годов.

Осуществление научно-технической революции в военных и гражданских отраслях на высшей стадии индустриального развития стало одновременно и завершением процессов эволюционного развития человечества. Автор выделил подчеркиванием тезис о завершении эволюционного развития человечества, поскольку осмысление этого тезиса требует повышенного внимания к каждому слову. В данном случае революция понимается в первоначальном смысле слова как движение в обратном развитии человечества направлении.

Если оценивать достижения послевоенной научно-технической революции в США, абстрагируясь от рекламных штампов и шаблонов, то вырисовывается следующая картина. При неограниченном финансировании исследований и технологических разработок, впервые в истории человечества, наука и техника вышли на границы нашего мира, дальше которых получение новых знаний и умений не содержат в себе ничего прогрессивного. На последнем рубеже развития науки и техники появилась возможность и необходимость подвести итоги тысячелетнего накопления знаний и умений человечества. При подведении этих итогов обнаруживается, что ничего принципиально нового прогрессивного по сравнению с изобретением дубины, первобытного земледелия и приручения диких животных человечество не познало.

В результате послевоенной научно-технической революции физики и инженеры создали ядерное оружие и баллистические ракеты, способные уничтожить жизнь на планете за несколько минут. С помощью первобытной дубины человек не в состоянии был уничтожить человечество и окружающий его животный мир. Следовательно, ничего хорошего и прогрессивного в военной технике по сравнению с первобытным человечеством не изобретено. При создании ядерного оружия физики клялись, что они раскроют секрет получения «холодной» термоядерной энергии. После семи десятилетий ожиданий можно подвести неутешительные итоги расходования десятков миллиардов долларов на всевозможные «коллайдеры». Несмотря на то, что в организме каждого живого существа электричество выра-

батовывается по неизвестным физике законам, ни одному физическому или химическому не дано познать, что скрывается за абстрактными понятиями атом, электрон, позитрон и термоядерная энергия.

Одним из достижений научно-технической революции считается «покорение космоса человеком». На самом деле в СССР отвлекались огромные ненужные затраты на пилотируемый космос, в то время как из пятилетки в пятилетку откладывалось выделение капитальных вложений в развитие сельского хозяйства. Уже во время запуска первых космонавтов даже нам студентам-экономистам университета было ясно: космос нужен лишь для решения военных задач. Еще Циолковский провел расчеты, показывающие, что в космосе нет места для человека. По его расчетам пилотируемые полеты станут целесообразными не раньше, чем через миллион лет, когда на смену человеку придут мыслящие существа, физиология которых будет существенно отличаться от человеческой.

Первые советские космонавты были замечательными личностями – героями. Но их жизнью не нужно было рисковать. Спутники без человека стоили в сотни раз дешевле и установленная на них аппаратура управлялась с земли лучше, чем на пилотируемом космическом корабле. Поэтому США легко отдали СССР первенство по пилотируемым полетам, а сами за счет бюджетных проектов по космосу решали военные задачи и создавали персональную электронику. В настоящее время ситуация осталась прежней: космос используется далеко не в прогрессивных целях.

В середине 1950-х годов произошла революция в биологии, связанная с якобы «открытием» генов. За прошедшие десятилетия обнаружилось, что наука о генах знает не больше, чем об электронах. Генная инженерия действует таким же методом «тыка», как и ядерная физика. Генно-модифицированные продукты, как правило, не содержат отравляющие вещества. Они опасны в отношении наследственности. В природе известно перекрестное опыление у растений. Подобное «перекрестное опыление» генномодифицированными продуктами может привести к нежелательным изменениям наследственных генов человека.

Одним из масштабных направлений научно-технической революции стала разработка искусственных продуктов питания. В США первыми изобрели маргарин, неотличимый по вкусу от сливочного

масла. Замена сливочного масла маргарином и создание других искусственных заменителей молока, молочных и мясных продуктов с коммерческой точки зрения было очень прибыльно. Однако это стало началом тренда на окончание развития фермерского сельского хозяйства США. В дальнейшем технологии производства искусственных продуктов питания получили широкое распространение для производства фальсифицированных и экологически вредных для здоровья изделий.

Чтобы отвлечь внимание от негативных последствий научно-технической революции «футуристы» разработали теории постиндустриального развития. К сожалению, признаков эволюционного развития на постиндустриальной стадии не обнаруживается. С окончанием индустриализации во всех странах наблюдается тренд на деградацию «всего и вся». В политэкономическом смысле поворот к постиндустриальной деградации наступил в результате финансовой революции 1971 г. В августе 1971 г. был подписан Указ президента США об увеличении импортных пошлин и о прекращении размена доллара на золото. Промышленный капитал США «нокаутировали» снятием ограничений на рост цен. В 1972 г. спровоцировали рост цен на нефть и т.д. Одновременно сняли ограничения на обращение деривативов. Отменили закон о запрете использования фиктивных финансовых средств фондового рынка в реальном денежном обращении. Расширили использование негативных схем «слияний и поглощений» предприятий и фирм.

В 1992 г. финансовый капитал приступил к поглощению промышленного капитала России. Дальнейший ход событий заслуживает отдельного рассмотрения и выходит за рамки краткой статьи.

Литература

1. Амосов А.И. Последствия сверхускорения эволюции экономики и общества в последние столетия: закономерности социального и экономического развития. – М.: Издательство ЛКИ, 2009. – 312 с.

2. История буржуазной социологии XIX – начала XX века. – М.: Наука, 1979.

Болдырев О.Ю.

кандидат юридических наук,
ассистент кафедры конституционного
и муниципального права юридического факультета
МГУ имени М.В.Ломоносова

**«Конституционная политическая экономия»
как институционально-политэкономическая
альтернатива неоклассической
«конституционной экономике»**

Аннотация. В условиях развития междисциплинарных направлений на стыке экономической и юридической наук возникает вопрос, какую методологию использовать. Юристы, обращающиеся к экономической методологии, упускают из вида многообразие существующих экономических школ. В результате, такие популярные междисциплинарные направления, как «экономический анализ права» и «конституционная экономика» редуцируют понятие экономической методологии до методологии «mainstream». «Классический» институционализм подменен «неоинституционализмом», а «конституционная экономика» подменила классическую политэкономия т.н. «новой политэкономией» Дж. Бьюкенена. В статье, в том числе, на примере проблематики экономического суверенитета государства рассказано о потенциале «конституционной политэкономии» и иных альтернативных течений.

Ключевые слова: конституционная политическая экономия; конституционная экономика; институциональная политическая экономия, экономический суверенитет, политико-экономический анализ права

Boldyrev Oleg Yu.,

Doctor of Philosophy (Ph.D) in Law,

*Assistant of the Department of Constitutional and Municipal
Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University*

“Constitutional Political Economy”

**as an Institutional Political Economy Alternative
to Neoclassical “Constitutional Economics”**

Abstract. Lawyers who use economic methodology often forget that there is a large variety of economic schools. As a result, such popular interdisciplinary areas as the “economic analysis of law” (“law and economics”) and “constitutional economics” reduce the concept of economic methodology to the methodology of “mainstream”. “Classical” institutionalism has been replaced by “neo-institutionalism”, and “constitutional economics” has replaced classical political economy with the so-called “New political economy” of J. Buchanan. The article describes the potential of “constitutional political economy” and other alternative trends. As an example the problem of state economic sovereignty is mentioned.

Keywords: constitutional political economy; constitutional economics; institutional political economy, economic sovereignty, political and economic analysis of law

В настоящее время получают распространение междисциплинарные направления на стыке экономической науки с юриспруденцией («экономический анализ права»¹, «law and economics»², «экономическое право»³), в том числе, на стыке с наукой конституционного

¹ См.: Познер Р. Экономический анализ права / Пер. с англ.; под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа, 2004 и др.

² См., например: Cooter R., Ulen T. Law and Economics, 6th edition. Berkeley Law Books, 2016. URL: <http://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1001&context=books> (дата обращения: 21.02.2018).

³ См., например: Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право как наука // Государство и право. 2016. № 3. С. 54–65.

права («конституционная экономика»¹, «экономическая конституция»², «экономический конституционализм»³).

Однако у юристов, занимающихся смежной с экономикой проблематикой, возникает вопрос, продолжать ли использовать «свою», юридическую методологию (этой позиции придерживаются «юристы-отраслевники» (цивилисты, коммерциалисты, финансисты и т.д.) и исследователи в области «экономического права», «экономического конституционализма», «конституционных основ экономики»⁴, а также последователи т.н. «классического» институционализма⁵, в

¹ См., например: Конституционная экономика / Отв. ред. Г.А. Гаджиев. М.: Юстицинформ, 2010.

² См., например: Концепция экономической конституции: Современные исследования: Сб. научн. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных научн.-информ. исслед. Отдел правоведения; Отв. ред. Андреева Г.Н. М., 2008.

³ См.: Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма; ИНФРА-М, 2017.

⁴ В качестве синонимичных используются термины «конституционные основы экономической системы / экономической жизни / социально-экономических отношений» и т.п. Указанные направления получили подробную разработку в работах советских авторов и иногда рассматриваются в качестве подотрасли конституционно-правовой науки – см., например: Чиркин В.Е. О терминах «экономическая конституция» и «конституционная экономика», а также о российской и западной науке (отклик на статью Г. Н. Андреевой) // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 11–13.

⁵ Т.н. «классический» («старый», «оригинальный», «исходный») институционализм был возрожден Дж.К. Гэлбрейтом и сегодня развивается некоторыми исследователями, например, английским профессором Дж. Ходжсоном, доктором экономических наук В.М. Ефимовым или доцентом кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова А.И. Московским – см., например: Ефимов В.М. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики: монография. М.: КУРС; ИНФРА-М, 2016; Московский А.И. Институционализм: теория, основа

том числе, «правового институционализма» Дж. Коммонса¹) или обратиться к экономической методологии (подход представителей «экономического анализа права» – «law and economics», «конституционной экономики»², неинституциональной экономики и т.н. «экономического империализма»³). В последнем случае возникает вопрос, методологию какой из экономических школ принять за основу.

Такие активно развиваемые сегодня направления на стыке экономической и юридической наук, как «экономический анализ права» и «конституционная экономика», апеллируя к использованию «экономической методологии», фактически редуцируют это понятие до методологии т.н. экономического mainstream⁴, далеко не всеми

см. на предыдущей странице принятия решений, метод критики // Вопросы экономики. 2009. № 3, С. 110–124. Интересно, что Д. Норт, удостоенный Нобелевской премии за работы в области нового институционализма, позже фактически вернулся к «классическому» (см.: *Ефимов В.М.*, С. 274–277).

¹ «Отцы-основатели» т.н. «классического» институционализма искали опору в методологии различных наук. Так, если Т. Веблен шел от социологии, то Дж. Коммонс уделял большее внимание праву.

² В особенности речь идет о создателях «конституционной экономики», в том числе, Дж. Бьюкенене и его последователях. В то же время в современной России есть исследователи, которые рассматривают «конституционную экономику» как междисциплинарное направление, не сводя его к методологии экономической школы, которую представлял Дж. Бьюкенен.

³ 24 октября 2012 г. на экономическом факультете МГУ состоялась открытая академическая дискуссия ««Экономический империализм» в общественных науках: pro et contra». Основными докладчиками с проти-воположных позиций выступили д.э.н., профессор экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.В. Бузгалин и ректор Российской экономической школы д.э.н. С.М. Гуриев – см.: <http://www.alternativy.ru/ru/node/9623> (дата обращения: 23.02.2018).

⁴ *Сухарев О.С.* Новая программа исследований в экономике: традиция «старого» институционализма и современность // Журнал экономической теории. 2013. № 4.

исследователями и экономическими школами разделяемого¹. Таким образом, по сути, используется неоклассическая методология, и вместо полноценных «экономического анализа права» и «конституционной экономики» мы имеем «неоклассический анализ права» и «конституционную неоклассическую теорию». И хотя в качестве методологической базы выступает и институционализм, однако, в основном лишь в его неоинституциональной ипостаси.

В отличие же от «классического» институционализма, возникшего как альтернатива неоклассической теории, «неоинституционализм» во многом впитал в себя неоклассическую методологию² – в результате на Западе «новый институционализм» еще в 1970-е годы получил определение «неоклассический институционализм», а А.И. Московский даже говорит об «институциональном шарлатанстве»³.

Так, представители экономического анализа права сами признают эту редукцию (хотя и не рассматривают ее в качестве недостатка): «Основное назначение экономического анализа права – анализ правовых норм с точки зрения экономической эффективности, общественного благосостояния и оптимального распределения ресурсов. <...> Для решения этой задачи принимаются базовые предпосылки

¹ Среди т.н. «неортодоксальных школ» – неомарксизм, кейнсианство (особенно в форме т.н. «посткейнсианства» или «левого кейнсианства»), институционализм (в первую очередь, последователи т.н. «классического институционализма»), «историческая школа», «эволюционная экономика» и др. Существуют предложения по объединению неортодоксальных школ, например, в рамках «постклассического синтеза», противопоставляемого «неоклассическому синтезу» (в России эту теорию развивал бывший зав. кафедрой экономической теории РАН профессор С.С. Дзарасов – см., например: *Дзарасов С.С. Мэйнстрим в России: провал и альтернатива. Доклад. М.: РАН, 2005. С.7*) или в рамках «институциональной политической экономии», о которой подробнее говорится ниже.

² Говоря о неоинституционализме, А.И. Московский пишет: «Перед нами не язык экономической науки в целом, а специальный язык неоклассики» – см.: *Московский А.И. Указ. соч. С. 110–124.*

³ См.: *Московский А.И. Указ. соч. С. 110–124.*

неоинституциональной экономической теории, среди которых – рациональность индивида»¹.

Представляется, что еще более тонкая манипуляция была произведена с введением терминов «конституционная экономика» и «конституционная политическая экономия». Отметим, что хотя Дж. Бьюкенен, которого часто называют «отцом» соответствующих направлений, и его единомышленники использовали оба эти термина, термин «политическая экономия» понимался ими не в классическом понимании «политической экономии», а в понимании т.н. «новой политической экономии», которую развивал сам Дж. Бьюкенен, где, по сути, политическим был лишь объект исследования, а в качестве методологии использовалась методология не политической экономии в ее традиционном понимании, а «economics»². Таким образом, представляется, что «конституционная политическая экономия» в понимании Дж. Бьюкенена подменила подход классической политической экономии т.н. «новой политической экономией» Дж. Бьюкенена, а потому логичнее ее называть не «конституционной политической экономией», а «конституционной экономикой» (обычно исследователи рассматривают эти термины как синонимы).

В то же время, представляется важным развивать именно «конституционную политическую экономию», но не в понимании Дж. Бьюкенена, не как синоним «конституционной экономики» (во всяком случае, если термин «экономика» отождествлять с «economics», а термин «конституционная политическая экономия» – с т.н. «новой политической экономией» Дж. Бьюкенена), а как содержательно близкое, но методологически альтернативное направление (далее, чтобы не путаться, будем называть предлагаемое направление «конституционной политической экономией», а получившее наибольшую известность – «конституционной экономикой»). Аналогично, представляется целесообразным развитие «политико-экономического анализа права», как методологической альтернативы «экономиче-

¹ Шмаков А.В. Экономический анализ права. М.: Магистр, 2011

² О соотношении политической экономии и «economics» – см., например: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Открытость политэкономии и империализм mainstream'a: economics как прошлое // Горизонты экономики. 2012. № 2

скому анализу права». При этом, подчеркнем, что автор не ставит задачу противопоставить одну методологию другой; не призывает отвергнуть методологию «economics», но призывает не редуцировать междисциплинарное направление, потенциально таящее в себе большие возможности, до методологии лишь одной группы экономических школ (неоклассической парадигмы, лежащей в основе *mainstream* современного *economics*).

Начало XX века ознаменовалось манифестом группы французских профессоров, представляющих т.н. «неортодоксальные» экономические школы, к созданию «институциональной политической экономии»¹. Представляется, что ученые-правоведы могут включиться в развитие данной междисциплинарной области, отдельными направлениями в рамках которой могут стать «политико-экономический анализ права» и «конституционная политическая экономия» – как направления, использующие методологию и наработки не только неоинституционализма, но и классического институционализма (предполагающего органичное включение методологии других общественных наук, включая юридическую – как это делал Дж.Коммонс) и не только т.н. «новой политической экономии», но и политической экономии в ее «классических» пониманиях (в данном случае речь не должна идти и о редукации до методологии марксистской политэкономии – напротив, предлагается поиск оптимального сочетания методологии различных школ, включая и неомарксистскую, и «национальную политэкономия производителей сил» Ф.Листа и др.).

К сожалению, большинство юристов, обращаясь к использованию экономической методологии, оказываются в плену популярных в конкретный период экономических школ, не учитывают их многообразие. Задачей же видится расширение возможностей исследователей.

Так, представляется, что «политико-экономический анализ права» мог бы претендовать на то, чтобы не просто «измерять экономи-

¹ Данный манифест был переведен на русский язык и опубликован в журнале «Экономическая социология» – см.: Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии // Экономическая социология. Т. 9. № 3. 2008. С. 17–18. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204978/ecsoc_t9_n3.pdf (дата обращения: 02.03.2017).

ческую эффективность правовых норм» (на что претендует «экономический анализ права»), но и изучать влияние на правовую политику экономических интересов и анализировать вектор экономической политики на основе изменений в законодательстве, а также отвечать на вопрос древнеримских юристов «*qui prodest?*», то есть, применительно к рассматриваемой тематике – в чьих экономических интересах осуществляется то или иное правовое регулирование. Стоит отметить, что подобная постановка вопроса имеет место в марксистской политической экономии, хотя спектр возможных ответов на данный вопрос может выходить за рамки марксистской концепции.

Есть и ряд проблем, осмысление которых можно было бы осуществлять в рамках «конституционной политической экономии», но которые практически игнорируются «конституционной экономикой». Так, даже те современные российские исследователи, которые предлагают рассматривать «конституционную экономику» как междисциплинарное направление на стыке экономической и юридической наук, не сводя его лишь к теории Дж. Бьюкенена, в основном фокусируют внимание на экономических правах и свободах, формах собственности и тому подобных вопросах, практически не уделяя внимания таким актуализированным в условиях глобализации, интеграционных и дезинтеграционных процессов и мирового финансового кризиса проблемам, как защита экономического суверенитета государства, обеспечение экономической безопасности государства и т.д.¹ В то же время, хотя многие угрозы экономическому суверенитету и экономической безопасности государства носят экономический и политический характер, ряд механизмов его обеспечения и защиты лежат в правовой плоскости, закрепляются в законодательстве различных государств (ограничения допуска иностранного капитала в стратегические отрасли; тонкие, в том числе, скрытые механизмы протекционизма, антиофшорное регулирование и т.д.), в

¹ В качестве редкого исключения можно отметить статью: *Петрова Г.В.* Конституционные основы защиты валютного и бюджетного суверенитета Российской Федерации в контексте обеспечения валютной и бюджетной безопасности // Ежегодник конституционной экономики. 2018 / Ответственные редакторы С.А. Авакьян, П.Д. Баренбойм, В.В. Комарова. Составитель П.Д. Баренбойм. – М. : ЛУМ, 2018. С. 216–229.

том числе, в конституционном законодательстве (например, ограничения иностранного финансирования партий и избирательных кампаний), а также на высшем конституционном уровне (включая усложненные процедуры принятия ограничивающих экономической суверенитет государства международных обязательств, установление лимита финансовых обязательств государства, установление подконтрольности Центрального банка, ограничение на приватизацию природных ресурсов и других стратегических объектов и ряд иных)¹. Конституционно-правовые механизмы используются в практике ряда государств при принятии решений, способных повлечь финансовое обременение для государства, либо налагающих на него экономические обязательства, ограничивающие его экономической суверенитет. Так, в ряде государств вступление в международные организации и наднациональные объединения осуществлялось на основании референдума; в Ирландии на референдум выносился вопрос о принятии обязательств по Бюджетному пакту 2012 г., в России была попытка проведения референдума по вопросу о присоединении к ВТО (хотя и с отказом ЦИК РФ).

Соответственно, требуется комплексный анализ проблематики обеспечения экономического суверенитета государства со стороны экономистов (в том числе, специалистов по экономической безопасности, геоэкономике, иным направлениям экономической науки, включая развиваемую членом-корреспондентом РАН Г.Б.Клейнером «системную экономику»), политологов-международников и юристов. К сожалению, некоторые теории, получившие развитие в рамках «конституционной экономики», не только не содействуют решению этой задачи, но, представляется, сами несут угрозу экономическому суверенитету государства. Яркий пример – концепция «независимости центральных банков» – идея, «которая была “продавлена” самими банками»²,

¹ Подробнее – см.: *Болдырев О.Ю. Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты: монография / научн. ред. С.А. Авакьян. – М.: Проспект, 2018.*

² *Андреева Г.Н. Размышления об особенностях становления российской теории конституционного регулирования экономических отношений // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 9. С. 6.*

обосновывающая выведение центральных банков из системы разделения властей¹ и фактически, под предлогом необходимости их независимости, выводящая их из числа подконтрольных народу органов власти². Как отмечает академик РАН С.Ю.Глазьев, МВФ всегда настаивал и продолжает настаивать на независимости Центрального банка от России, «в сегодняшнем отстаивании Центробанком независимости от государства мы сталкиваемся с внешними интересами»³. Стоит отметить, что и в целом положенное Дж. Бьюкененом в основу «конституционной экономики» рассмотрение государства как аналога рынка несет угрозы его экономическому суверенитету: в настоящее время наблюдаются опасные тенденции перевода государственных функций (образование, здравоохранение) в квази-рыночные «услуги» с их коммерциализацией⁴ и закреплением через международные обязательства (в том числе, в рамках ВТО) требований либерализации рынка услуг и предоставления равных условий для поставщиков⁵.

Представляется, что подобный комплексный анализ может проводиться в рамках «институциональной политической экономии» и, в частности «конституционной политической экономии».

¹ См.: Конституционная экономика / отв. ред. Г. А. Гаджиев. М.: Юстициформ, 2010. С. 23.

² См., например: Багдасарян В. Экономический суверенитет: проблемы и вызовы. URL: <http://rusrand.ru/docconf/ekonomicheskij-suverenitet-problemy-i-vyzovu> (дата обращения: 5 марта 2018 г.).

³ См.: Ликбез в защиту рубля и национальной финансовой политики. Беседа академика РАН Сергея Глазьева и главного редактора газеты «Промышленные ведомости» М. Гельмана // URL: http://www.glazev.ru/econom_polit/417/ (дата обращения: 12.01.2019).

⁴ Батчиков С.А., Карамурза С.Г. От здравоохранения к продаже медицинских услуг // Экономические стратегии. 2013. Т. 15, № 3(III). С. 14–19

⁵ Александрова О.А. Социальная политика в условиях социально-экономической и идейной десуверенизации // Народонаселение. 2015. № 4.

Литература

1. *Александрова О.А.* Социальная политика в условиях социально-экономической и идейной десоверенизации // *Народонаселение.* 2015. № 4.

2. *Андреева Г.Н.* Размышления об особенностях становления российской теории конституционного регулирования экономических отношений // *Конституционное и муниципальное право.* 2015. № 9.

3. *Багдасарян В.* Экономический суверенитет: проблемы и вызовы. URL: <http://rusrand.ru/docconf/ekonomicheskij-suverenitet-problemy-i-vyzovu> (дата обращения: 5 марта 2018 г.)

4. *Батчиков С.А., Карамурза С.Г.* От здравоохранения к продаже медицинских услуг // *Экономические стратегии.* 2013. Т. 15, № 3(III). С. 14–19

5. *Болдырев О.Ю.* Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты: монография / научн. ред. С.А. Авакьян. – Москва: Проспект, 2018

6. *Бондарь Н.С.* Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма; ИНФРА-М, 2017.

7. *Буайе Р., Бруссо Э., Каёе А., Фавро О.* К созданию институциональной политической экономии // *Экономическая социология.* Т. 9. № 3. 2008. С. 17–18. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204978/ecsoc_t9_n3.pdf (дата обращения: 02.03.2017)

8. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Открытость политэкономии и империализм mainstream'a: economics как прошлое // *Горизонты экономики.* 2012. № 2

9. *Дзарасов С.С.* Мэйнстрим в России: провал и альтернатива. Доклад. М.: РАН, 2005.

10. *Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н.* Экономическое право как наука // *Государство и право.* 2016. № 3. С. 54–65.

11. *Ефимов В.М.* Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики: монография. М.: КУРС; ИНФРА-М, 2016

12. *Конституционная экономика* / Отв. ред. Г.А. Гаджиев. М.: Юстицинформ, 2010.

13. *Концепция экономической конституции: Современные исследования: Сб. научн. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных научн.-*

информ. исслед. Отдел правоведения; Отв. ред. Андреева Г.Н. М., 2008.

14. Ликбез в защиту рубля и национальной финансовой политики. Беседа академика РАН Сергея Глазьева и главного редактора газеты «Промышленные ведомости» М. Гельмана // URL: http://www.glazev.ru/econom_polit/417/ (дата обращения: 12.01.2019).

15. *Московский А.И.* Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики // Вопросы экономики. 2009. № 3, С. 110–124.

16. *Петрова Г.В.* Конституционные основы защиты валютного и бюджетного суверенитета Российской Федерации в контексте обеспечения валютной и бюджетной безопасности // Ежегодник конституционной экономики. 2018 / Ответственные редакторы С.А. Авакьян, П.Д. Баренбойм, В.В. Комарова. Составитель П.Д. Баренбойм. – М. : ЛУМ, 2018. С. 216–229.

17. *Познер Р.* Экономический анализ права / Пер. с англ.; под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа, 2004 и др.

18. Сухарев О.С. Новая программа исследований в экономике: традиция «старого» институционализма и современность // Журнал экономической теории. 2013. № 4.

19. *Чиркин В. Е.* О терминах «экономическая конституция» и «конституционная экономика», а также о российской и западной науке (отклик на статью Г. Н. Андреевой) // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 11–13.

20. *Шмаков А.В.* Экономический анализ права. М.: Магистр, 2011

21. *Cooter R., Ulen T.* Law and Economics, 6th edition. Berkeley Law Books, 2016. URL: <http://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1001&context=books> (дата обращения: 21.02.2018).

Борzych А.А.,

*кандидат физико-математических наук,
член академического сообщества*

*Афинского института образования и исследований
ATINER (Греция), приглашенный профессор*

Парадигмы пост-рациональной экономики

Аннотация. В статье раскрываются подходы к рассмотрению в современной социально-экономической теории вечной проблемы экономической мысли – рациональность собственно экономики и хозяйства. Каждой эпохе были свойственны поиски общих теорий политической экономии для обоснования лучших методов хозяйствования в государстве, империи, в фирме, на рынках, для глобальных компаний и, наконец, глобального общества. Наш взгляд, через выделение скрытых социально-экономических парадигм и классификацию позиций исследователя, приводит к пониманию принципиальной ограниченности «больших» экономических теорий в вопросе о рациональности хозяйствования. Всегда экономическая система в многом нерациональна, если рассматривать их с разных позиций.

Ключевые слова: экономическая теория, исторический базис этапов политэкономии, подход к рациональности, социально-экономические феномены информационной эры, тоталитаризм, предвидение для глобальной цивилизации

Borzykh A.A.,

*Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Academic member of Athens Institute*

*for Education and Research ATINER (Greece),
Visiting professor*

The Paradigm of Post-Rational Economy

Abstract. The article is touched to eternal problem of economic thought, i.e. a rationality of economy and economics. At each century we had search a common theory of political economy for better results in a state, imperias, firms, markets, global companies and global society.

Our view is lead to a understanding of a principial limiting for all big theories of rationality in theoretical economy thru analysis of latent paradigms and basic positions od researchers. Always, any economy is non-rational systems, if we see from different positions.

Keywords: theoretical economy, historic basis for political economy, rationality approach, social-economic. phenomena of informational era, totalitarianism, foreseen for global civilization

Проблематика нерациональности в обществе и в теории

Первые десятилетия 21 века воспринимаются как время глубоких изменений в обществе и экономике, причины и формы которых непривычны.

В бурной стадии преобразований (не всегда это можно называть развитием) происходит деградация традиционных сфер и достижений науки и культуры, и выделение «нового». У общества потеряны привычные цели, у человека резко смещаются интересы, в том числе, в нематериальную суб-ауру. Это признаки такого мира, который называется виртуализованным или информационным. Но причины изменений, кроме технологических, имеют и глубокие социально-исторические корни.

Представлена попытка дать емкий образ и привлечь внимание к взгляду на экономику, как сегодняшнего, так и прошедших экономических формаций, через осознание важности нерационального экономического поведения для общества. Термин пост-рациональная экономика уже появился в литературе, в основном – в англоязычной, и чаще всего – в популярной ¹.

¹ Можно отметить несколько характерных работ:

1) Colic-Peisker V. The Age of Post-Rationality: Limits of economic reasoning in the 21st century / Colic-Peisker V., Flitney A. см. на след. странице

Что под этим термином подразумевается? Каждый автор пока говорит о своем, но о тенденциях, свойственных 21 веку. Здесь мы в рамках термина «пост-рациональная экономика и хозяйство» выделяем как неизбежную для общей экономической теории, объективно выявляемую характеристику любой человеческой деятельности в социуме и на планете.

Через выделяемые акценты в оценках глобального преобразования автором делается попытка некоторого предвидения ближайших неизбежностей развития и его тенденций с позиций политической экономии. Что ждет нас, когда большая часть традиционных сфер деятельности и огромные сообщества уйдут за пределы общественной актуальности? В работе в первую очередь, в сократовском стиле, задаются вопросы, которые опровергают привычные штампы, но еще не имеют точных ответов.

В какой-то мере статья вспоминает о масштабном пред-исследовании и оценке начинавшейся вовлеченности разных структур и сообществ в новую коммуникационную эру в первой половине 2000-х годов¹. Тогда выявлялись первые сигналы по ломке отдельных сфер деятельности. Сегодня нужно уже задуматься о глобальных последствиях.

21 век – век доминирующей нерациональности?

В профессиональном восприятии нашего мира мы привыкли говорить об экономической рациональности, целесообразности, оптималь-

см. на предыдущей странице – Palgrave Macmillan Pub., 2018. – Режим доступа: <https://www.palgrave.com/gp/book/9789811062582> ;

2) *Rodrik Dani*. When economics works and when it doesn't / Rodrik D. // Prospect (Oxford University Press). – Dec 2015. – Режим доступа: <https://www.prospectmagazine.co.uk/blogs/jonathan-derbyshire/dani-rodrik-when-economics-works-and-when-it-doesnt>;

3) *Ariely Dan*. When economics works and when it doesn't / Ariely D. // Harvard Business Review Magazine, July–August 2009. – Режим доступа: <https://hbr.org/2009/07/the-end-of-rational-economics>.

¹ Информатика сообществ и формирование сетей / под ред. М. Гурштейн. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

ности решений. Но множество социально-экономических явлений и тенденций в их развитии сегодня явно не укладываются в понятие рациональности. Нерационально поведение потребителя и социального человека, затратно нерациональны домохозяйства, которые столь активно исследуются сегодня экономической наукой, экономически нерациональны хозяйства территорий. Компании, государства постоянно обнаруживают такие провальные экономические решения, что их характеризуют уже в терминах большой человеческой психики. Глобальная нерациональность хозяйствования близка к катастрофе (и как бы не относиться к термину «глобальное потепление», но роль человеческой хозяйственной нерациональности в нем велика).

Основной сигнал бурных нерациональных изменений – революция в коммуникациях и виртуализация многих видов деятельности (стоит только упомянуть рекламу, таргетированный маркетинг, рынки вторичных финансовых инструментов и т.п. – слишком дорогие для человечества пути в никуда). Но сигнал еще не есть причина.

В философии изучения общества стал доминировать акцент в изучении генезиса и коммуникации сообществ, как главного в социально-экономическом тренде информационной эры. Да, цифровизация и виртуализация быстро проникают везде, но цели их непонятны, а методы нерациональны.

Но, оказывается экономика, рассматриваемая «в большом», тоже нерациональна.

Пока рассмотрим этот тезис на уровне рассуждения, не заглядывая вперед до уровня понимания и объяснения.

Экономика, не только сейчас, а всегда – нерациональна. Оптимум для кого-то – это проигрыш для множества других. И теоретическая экономика знает «внешние эффекты рынка» и многочисленные формы неэкономической эксплуатации.

Нужно констатировать, что в обществе мы живем в абсолютно нерациональном мире экономики и хозяйства, как с позиции отдельного человека, так и общества.

Конечно, часто о 21 веке мы говорим и как о веке глобализации и информатизации, при этом регулярно сталкиваясь с их негативными последствиями, то есть нерациональностью. Мы уже загадили всю планету, и это не общие слова; – просто оглядитесь вокруг.

Но информационная эпоха только высветила значимость явления нерациональности, которое никогда не исследовалось теорией как всеобъемлющий фактор, а оставлялось в дополнениях как некоторый эффект несовершенства.

Сегодня эта вечная проблема просто обострена и высвечена двумя мощными технологическими тенденциями – глобализацией, и информационной революцией. И общество увидело связи и эффекты, которые еще недавно были где-то в «ином мире» (увидеть воочию каждому океан с островами мусора, узнать подноготную президентов, выявить криминальные схемы в компьютерных сетях и т.д и т.п. – в 20 веке могли единицы).

В каждой из очень условно выделяемых, страт непрерывно меняющегося экономико-социального устройства существуют формы деятельности не имеющие признаков кратко- и даже долговременных рациональных мотивов. Это свойственно стратам разных уровней, то есть даже сообщества с вековыми традициями уходят от рационализма хозяйства. А как нерациональны экономическое поведение быстро формирующихся социальных групп мы наблюдаем ежедневно: в обществе, в обособливающих системах управления, в сообществах (от примитивных до виртуальных) и на уровне человека.

И обществу (которое все чаще называемо – общество потребления) и постоянно обособливающимся системам управления и влияния, и сообществам (от традиционных и примитивных до виртуальных) и на уровне человека, вовлеченного как песчинка во все предыдущее.

Очевидно, что изменения в обществе уже скоро не оставят почти ничего от привычного мироустройства, от прямого управления-манипулирования обществом «большим братом», несмотря на беспрецедентные усилия по самосохранению «структур»: от государственных машин, до отраслей деятельности и квази-клановых сообществ (к которым относится и сферы науки, образования, культуры и т.п.). Можно, конечно, назвать это остатками тоталитаризма общества, но человечество никогда еще не жило в неиерархической форме (менялись формы: церкви, идеологии и «звезды», цари и президенты, деньги, карточки и криптовалюты) , и тоталитаризм очень долго будет ему свойственен.

Исторические замечания

Глобальный взгляд на общество, по сути, не может дать никаких моделей или оценить тенденции. Обычно такой взгляд поверхностен и путан в деталях, но, судя по великим именам мыслителей, никогда он не был бесполезен. Поэтому постараемся понять, почему проблема нерациональности хозяйства не была актуальна до настоящего времени. Конечно, у каждого времени свои большие (глобальные) экономические теории, но причины просты: время определяет базовую позицию¹ исследователя, а она не позволяет видеть за горизонт времени и общественного устройства. Впрочем, емко и ярко об этом сказал И. Гете:

«Теория, мой друг, суха,
лишь древо жизни пышно зеленеет...»

Мысль исследователя выражается в схемах, которые он приписывает условиям реализации явлений. И мы, оценивая тезис о нерациональности экономического развития, так наметим ключ к анализу тезиса через исторические особенности политэкономии – позиция исследователя. Не вдаваясь в историю экономической мысли, отметим, что теории политэкономии начинались от меркантилизма государственного хозяйства – обоснование налоговой и кредитно-денежной политики, спускаемой населению сверху – позиции власти.

И сразу становится очевидным, что особенности развития политэкономии – это изменение позиции исследователя, что хорошо видно в ретроспективе принципов У. Петти, А. Смита и Д. Рикардо до, скажем, Дж. Кейнса и Дж. Гэлбрейта. Исходные позиции (1) у первых это выявление эффектов буржуазности в сочетании с вниманием к роли собственного государства и методам эксплуатации труда и ресурсов.

Революционность похода К. Маркса была в выходе за национальные рамки, детализировке простейших экономических переходов на парадоксальной основе всеупрощающей гегелевской логики и простейшей математики.

¹ Принцип доминирования исходной позиции для результатов исследования, описан в монографии Борзых А.А. Принципы стратегического и структурного моделирования явлений и управляющих процессов / А. А. Борзых. – Курск : КИСО МГСУ, 2002.

Формальное усложнение моделей экономики в 20 веке (теория оптимумов, дифференциальные зависимости факторов) все меньше являлись общими теориями – из анализа выбрасывалось все мешающее, то есть внешние изменения и последствия.

И Дж. Кейнс так и не создал рациональных экономических прогнозов, но обосновал мощную мировую систему финансового доминирования, о рациональности которой за пределами США можно забыть. А вот экономист-публицист Дж. Гэлбрейт в своих работах фактически приходил к термину пост-рациональная экономика, правда, так его и не произнеся.

То есть общие экономические теории или шли по пути некоего понимания принципов с опасностью ненаучной поверхности и хаоса контента, или шли по пути объяснения, но на шаткой основе допущений модели. И каждый подход оставлял иррациональность где-то за горизонтом пространства или времени.

Российская академическая политэкономическая школа всегда тяготела к «большим теориям», в отличии от мейнстрима разнообразия частных формализованных методов (большим методологиям) западных экономистов, которые что-то объясняли в реальной экономической жизни. Но идеологические шоры запрещали даже задумываться о иррациональности социалистического хозяйства, и закрывали проблему общей иррациональности в марксистских исследованиях капитализма, как побочный эффект ¹.

Прогнозы, или «камо грядеши»?

Переходя к вопросу о главной задаче любой науки – прогнозу, или в данном случае к социально – экономическому предвидению для экономики, вспоминается мысль из стихов Б.Окуджавы:

«Не верьте пехоте, когда она бодрые песни поет...

Идет она шагом неверным, по лестничке шаткой, – спасения нет...».

¹ Бочко В.С. Судьба политической экономии в условиях современных исторических вызовов: продолжение кризиса, или начало возрождения? / В.С Бочко, А.И. Татаркин, В.Л. Берсенев // Журнал экономической теории / – 2015. – №3.- С. 28–41.

Экономическая теория, замененная моделями, дает предсказания, но противоречие их в том, что модель, созданная на основе сегодняшнего, должна сработать на будущее, а возможность изменений при реализации модели выпадает из рассмотрения. Не развивая эту мысль, отметим ее глубокий анализ О.В. Иншаковым¹.

Критикуя выше катастрофическую слабость прогнозируемости экономики, надо признать, что для предвидения нужно понимание работающих сегодня и в будущем причин. А задача понимания причин на уровне масштабных неуловимых сдвигов видится неразрешимой, примерно такой же, как возможность понять и предсказать лавину, находясь песчинкой в глубине ее массы.

Многообразные методы системной экономики, с которыми мы привыкли подходить к исследованиям, направлены на анализ и выявление связей и мотивов, но сложно искать их там, где эти мотивы не опознаются, как рациональные для анализа, хотя они иррациональны для общества. Глобальные изменения в обществе, кажется, уже скоро не оставят почти ничего от привычного мироустройства, от управления-манипулирования обществом «большим братом», несмотря на беспрецедентные усилия по самосохранению «структур»: от государственных машин, до отраслей деятельности и квази-клановых сообществ (к которым относится и сферы науки, образования, культуры и т.п.). Но тоталитаризм как самая иррациональная для отдельного человека система, для управления миллиардами людей с миллиардами миллиардов интересов и связей становится единственным механизмом эффективного влияния с иррациональностью «человейника» (термин философа и публициста А. Зиновьева).

Заключение

Желание заглянуть в будущее, понять его неизбежные черты свойственно человеку со времен первых сообществ современного человека и зарождения культуры и религии – цивилизаций. Кажется, что обществ должно руководствоваться лучшим и идти к прогрессу. Здесь

¹ Экономическая теория: истоки и перспективы. / Под ред. А.А Пороховского. – М.: ТЭИС, 2006. – Глава 7, с. 77–90.

мы видели, что изменения в обществе всегда сопровождаются даже не эффектом, а тенденцией нерациональности.

Затрагивая выше тему соревнования информационной свободы общества и тоталитарных методов манипуляции обществом (уже не управления), нужно высказать прогноз и по тому, что преобладает. Ответ, видимо, таков: тоталитаризм еще долго будет доминировать в обществе, мимикрируя под некоторые неформальные процедуры модерации, медиации и «экспертные» сообщества и институты.

А тезис настоящей работы о признаках пост-рациональной экономики, скорее всего может быть усилен: можно ожидать пост-цивилизационного общества.

Литература

1. Борзых А.А. Принципы стратегического и структурного моделирования явлений и управляющих процессов / А. А. Борзых. – Курск: КИСО МГСУ, 2002.

2. Бочко В.С. Судьба политической экономии в условиях современных исторических вызовов: продолжение кризиса, или начало возрождения? / В.С. Бочко, А.И. Татаркин, В.Л. Берсенева // Журнал экономической теории / – 2015. – №3.- С. 28–41.

3. Информатика сообществ и формирование сетей / под ред. М. Гурстейн. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

4. Экономическая теория: истоки и перспективы. / Под ред. А.А. Пороховского. – М.: ТЭИС, 2006. – Глава 7, с. 77–90.

5. Ariely Dan. When economics works and when it doesn't / Ariely, D. // Harvard Business Review Magazine, July–August 2009.– Режим доступа: <https://hbr.org/2009/07/the-end-of-rational-economics> .

6. Colic-Peisker V. The Age of Post-Rationality: Limits of economic reasoning in the 21st century / Colic-Peisker V., Flitney A. – Palgrave Macmillan Pub., 2018. – Режим доступа: <https://www.palgrave.com/gp/book/9789811062582> ;

7. Rodrik Dani. When economics works and when it doesn't / Rodrik D. // Prospect (Oxford University Press). – Dec 2015. – Режим доступа: <https://www.prospectmagazine.co.uk/blogs/jonathan-derbyshire/dani-rodrik-when-economics-works-and-when-it-doesnt>

Ванькевич А.И.,

*кандидат экономических наук, доцент,
доцент Белорусского государственного университета*

**Проблема взаимодействия
в исследовании форм производства
и собственности**

Аннотация. Рассмотрено взаимодействие рабочей силы со средствами производства, их взаимная обусловленность, порождение одним объектом другого, обоснованы предпосылки и законы их развития, возможность дальнейшего более глубокого исследования проблемы производства и собственности.

Ключевые слова: характер и способ соединения рабочей силы со средствами производства, взаимодействие, тенденция, опредмечивание, распредмечивание, самодвижение, генезис, преемственность, противоречие, закономерность

Vankevich A.I.,

*Ph. D. in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Economic Faculty of the Belarusian
State University*

**The Problem of Interaction
in the Analysis of Forms of Production and Ownership**

Abstract. Consideration of interaction between the labour force and production means, their mutual dependence, creation by one object of another one, substantiation of prerequisites and laws of their development, possibility of the further more profound analysis of the problem of production and ownership.

Keywords: character and method of labour force connection with production means, interaction, tendency, objectification, desobjectification, self-motion, genesis, continuity, contradiction, regularity

Производству и собственности принадлежит главная роль в жизнедеятельности людей. В течение исторически длительного времени объяснение их сущности выражалось в выяснении отдельных особенностей этих понятий. К. Маркс создал учение о производстве как процессе воздействия человека на вещество природы с целью создания материальных благ, сформулировал законы, определяющие его развитие, важнейшим среди которых является основной экономический закон способа производства. Главную роль в присвоении этих благ играет собственность на средства производства, ее теорию разработал К. Маркс. Она выражает исторически определенные общественно-экономические отношения между людьми по поводу присвоения материальных благ, прежде всего, средств производства.

Проблема сущности и природы происхождения собственности находится в центре внимания ученых.

В.П. Шкредов обращает внимание на то, что «...решение вопроса о месте собственности в системе политико-экономических категорий требует дальнейших научных исследований, основанных на анализе реальных экономических и связанных с ними правовых явлений и проведении четкого различия между собственностью как предметом политической экономии и собственностью как предметом других социальных наук».¹ В.Н. Черковец отметил недостаточную теоретическую разработанность проблемы собственности в политической экономии, отсутствие в экономических исследованиях признаков присвоения средств производства – основной формы собственности, что без этих признаков никакой собственности быть не может и не выяснено, чем обусловлена сущность данной исторической формы присвоения.²

¹ Шкредов В.П. Собственность / В. П. Шкредов // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия: в 4 т. / гл. ред. А.М. Румянцев. – М., 1979. – Т. 3. – С. 573.

² Черковец В.Н. Социализм как экономическая система / В.Н. Черковец. – М.: Экономика, 1982. – 296 с.

Анализ развития производства и собственности ограничивается общими рассуждениями о росте производительных сил и качественных изменениях производственных отношений. Конечно, данные отношения имеют место в общественном производстве. Задача исследования, на наш взгляд, предполагает изучение единой основы развития производства и собственности. Всякое производство предполагает наличие рабочей силы и средств производства. В процессе труда эти элементы соединяются друг с другом в определенной форме и в определенном способе их соединения. Если такого соединения нет, то не могут возникнуть отношения производства и собственности.

Одной из важнейших категорий познания природы общественного производства, отражающей генезис и развитие явлений, их обусловленность и взаимопереход в друг друга выступает взаимодействие. Ее применение способствует установлению изменений в отношениях, связях, структуре, качественной определенности рассматриваемых объектов. Она носит универсальный характер на различных уровнях организаций материи.

Внутренне присущее производству и собственности единство и взаимная обусловленность проявляются во взаимодействии рабочей силы со средствами производства. Решение проблемы взаимодействия как объективного и универсального характера процессов воздействия различных объектов друг на друга используется в естествознании, философии и отраслевых исследованиях. Что касается рассмотрения отдельных аспектов взаимодействия науки и производства, то, в данном случае большая часть работ посвящена взаимодействию научных направлений с развитием производства, роли технического прогресса во взаимодействии науки с материальным производством, практическом познании науки в техническом изобретательстве и другим вопросам развития производства.

Обстоятельный анализ содержания, закономерности развития взаимодействия в группе антологических категорий связи и обоснования необходимости использования этой категории в объяснении социально-экономических отношений дан И.И. Жбанковой.¹

¹ Жбанкова И.И. Проблема взаимодействия / И.И. Жбанкова. – Мн.: Наука и техника. 1971.

Однако работ об исследовании категории «взаимодействие», принципах формируемых на ее основе, к сожалению, мало. Несмотря на то, что по проблеме взаимодействия написаны работы о различных аспектах познания действительности, она является недостаточно разработанной. Остается нерассмотренной ее роль как выражение всеобщих связей, соединяющих их воедино в непосредственном производстве, во взаимодействии рабочей силы со средствами производства в характере и способе их соединения и обусловленности генезиса собственности на средства производства.

Эти отношения непосредственного производства выражаются категорией К. Маркса «характер и способ соединения рабочей силы со средствами производства»: «Непосредственное отношение собственников условия производства к непосредственным производителям – отношение, – заметил К. Маркс, – всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, – вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства».¹

Характер и способ соединения рабочей силы со средствами производства имеет свои связи, свою сущность. Они не содержат в себе ни вещества, ни других видов многообразного мира. Специфическую основу социальных связей составляет живой и овеществлённый труд, который нельзя отождествлять с физическими и нервными затратами работника. Обмен рабочей силы и средств производства, порождаемые ими связи взаимодействия выражаются как социальная активность субъектов в их общественной деятельности. Ее объективное содержание характеризуется опредмечиванием и распределением. В процессе производственной деятельности человека его трудовые функции, навыки, опыт и знания, то есть способности переходят, воплощаются, опредмечиваются в средствах производства.

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М., 1962. – Т. 25, ч. 2. – С. 354.

При этом опредмечивание сказывается не только в повышении качественного состояния средств производства, но и в прогрессивном развитии рабочей силы, так как человек изменяя мир изменяет и сам себя. Второй стороной человеческой деятельности, связанной с опредмечиванием, является распредмечивание. Это процесс материального проявления отражения в человеческом сознании существенного содержания предметов и явлений, становящихся собственным достоянием знаний человека, его способностей. В процессе распредмечивания средств производства их сущность, предметное содержание становится достоянием человека. Благодаря познанию овеществленных в средствах производства знаний происходит развитие рабочей силы.

Опредмечивание и распредмечивание в характере и способе соединения рабочей силы со средствами производства это их взаимопроникновение и взаимопревращение, диалектическое тождество. В этих процессах выражается самосуществование и самореализация человека в трудовой деятельности. Внутренняя природа развития средств производства и рабочей силы обусловлена их взаимодействием. Определяющим в этих отношениях является историческое и логическое соотношение средств производства с уровнем развития рабочей силы, с работающими органами непосредственного работника. В историческом процессе опредмечивания и распредмечивания, осуществляемом во взаимодействии рабочей силы и средств производства, раскрывается внутренний динамизм непрерывного возобновления и развития непосредственного производства как живого целого общественного производства.

Таким образом, в рабочей силе и средствах производства происходит прогрессивный процесс совершенствования их самих и взаимодействия между ними. Непрерывное взаимодействие сторон приводит к изменчивости, саморазвитию содержания. Способ существования и реализации содержания выступает как внутренняя его организация и раскрывается в совокупности связей и отношений между работниками.

Связующим звеном между содержанием и формой способа соединения рабочей силы со средствами производства выступает общественное разделение труда. Оно, взятое с вещественной стороны, предстает как «совокупность всех особенностей видов производствен-

ной деятельности», как «общее состояние общественного труда»¹ и образует вещественную форму существования производительных сил, отражая прогрессивные изменения в развитии средств производства. «Труд организуется и разделяется различно, в зависимости от того, какими орудиями он располагает».²

Его экономическая роль выражается в непосредственном воздействии на качественное состояние средств труда, вследствие чего происходит дифференциация и специализация труда и производства, изменение форм приспособления рабочей силы к новым средствам производства. Разделение труда обуславливает специфически определенную конкретную форму функционирования рабочей силы и средств производства, увеличение многообразия конкретных форм их функционирования. Материальной основой этого процесса являются средства производства. Изменение в них вызывает взаимозависимость, с одной стороны, между рабочей силой и средствами производства, с другой – между ними и разделением труда. В этом взаимодействии выражается тенденция сдвигов в функциях рабочей силы и в разделении труда.

Действие рабочей силы и средств производства друг на друга носит характер закона взаимодействия, согласно которому взаимодействие рабочей силы и средств производства порождает новое качественное состояние характера и способа их соединения и выступает источником его самодвижения. Связи рабочей силы со средствами производства носят необходимый характер, являются повторяющимися, устойчивыми, выражают наиболее важные, внутренние особенности характера и способа соединения рабочей силы со средствами производства. Закон их взаимодействия характеризует не единственную, а общую связь, присущую всем способам и характерам соединения рабочей силы со средствами производства, выступает методологическим принципом познания собственности. В теории собственности нет исследований о данном законе. Эконо-

¹ *Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М., 1959. – Т. 13. – С. 38.*

² *Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М., 1955. – Т. 4. – С. 152.*

мическая природа активности производственной деятельности человека обусловлена законом взаимодействия рабочей силы со средствами производства, а система производственных отношений способа производства является лишь фактором её развития.

Характеру и способу соединения рабочей силы со средствами производства присуще диалектическое взаимодействие противоположных сторон, рабочей силы и средств производства, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, т.е. выражают сущность закона единства и борьбы противоположностей. В этих отношениях заключено внутреннее противоречие между потребностями индивидов и теми условиями, которые может обеспечить общество для их реализации с помощью располагаемых ими средств производства. Оно выступает как источник развития, воспроизводства как вещественного, так и личного компонента первичной формы производственных отношений.

Характер и способ соединения рабочей силы со средствами производства – это исходная экономическая форма реализации рабочей силы и средств производства, отражающая наиболее существенные, закономерные связи факторов непосредственного производства. Его существенное, типичное во всем многообразии содержание служит узловым пунктом познания преходящих экономических отношений производства и собственности, т. е. является теоретическим выражением «абстракции общественных отношений производства»¹, соответствует определению политико-экономической категории.

Она включает в свое содержание внутренние, устойчивые, повторяющиеся связи непосредственных работников со средствами производства, первичных производственных отношений. Объективно существующая связь этого явления, отражающая его сущность, характеризуется основным экономическим законом собственности, сущность которого состоит в соответствии собственности уровню и характеру рабочей силы и средств производства в способе их соединения. Он выражает диалектику взаимодействия рабочей силы и средств производства и производственных отношений в способе соединения,

¹ Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М., 1955. – Т. 4. – С. 133.

главную причинно-следственную связь и обратную зависимость двух сторон этого способа, тенденцию единства труда и собственности.

Закон раскрывает объективную основу функционирования и развития отношений собственности на средства производства, закономерность перехода к более зрелым ее формам в результате возникновения несоответствия между уровнем развития средств производства и рабочей силы, с одной стороны, и отношениями собственности, с другой стороны. Это закон о первичных отношениях собственности на средства производства. С этимологической точки зрения термин «первичный» употребляется в смысле основной, главный, т.е. он является основным законом системы отношений собственности в числе других законов этой системы.¹

Исходным положением данного закона является прогрессивное развитие рабочей силы и средств производства. Взаимодействие рабочей силы и средств производства, образующих целостную систему способа их соединения, выступает в качестве причины изменений этой системы, а изменения являются следствием взаимодействия. Ф. Энгельс считал, что все процессы природы представляют собой взаимодействие двух факторов, что взаимодействие является причиной происходящих в мире изменений. «Все процессы природы, – писал он, – двусторонни: они основываются на отношении между, по меньшей мере, двумя частями, на действии и противодействии. Между тем представление о силе, благодаря своему происхождению из действия человеческого организма на внешний мир и, далее, из земной механики, предполагает мысль о том, что только одна часть – активная, действенная, другая же – пассивная, воспринимающая...».²

Отношением, которое определяет этот закон, является единство труда и собственности. Оно раскрывает диалектику взаимодействия средств производства и рабочей силы с производственными отношениями в способе их соединения, внутреннюю причинную связь между двумя сторонами этого способа, объективность функционирования

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; подгот.: Л.П. Алекторова [и др.]. – М.: Рус. яз., 1985–1988. – Т. 3. – 1987. – С. 42.

² Энгельс Ф. Диалектика природы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М., 1961. – Т. 20. – С. 404.

и развития каждого исторически определенного способа соединения рабочей силы со средствами производства. В соответствии с этим отношением возникают объективная необходимость и возможность установления единства труда и собственности.

Данный закон определяет объективный процесс последовательности, повторяемости перехода рабочей силы и средств производства на более прогрессивные ступени развития, выражает отношения, определяющие смену форм собственности, главные стороны и процессы ее развития. Количественное и качественное соотношение между рабочей силой и средствами производства выражает основную причинно-следственную связь характера и способа их соединения. По мере развития общественного разделения труда, специализации и кооперации труда усложняется система отношений между рабочей силой и средствами производства, в то время как степень ее оптимизации имеет постоянную тенденцию к отставанию. В переходе от одного качественного состояния способа соединения рабочей силы со средствами производства к другому «точками опоры», отражающими характер изменений в этом способе, переход к новым связям, являются изменения их старой структуры, переход от них к новым отношениям соединения этих двух факторов производства.

Различные характеры и способы соединения рабочей силы со средствами производства обуславливают соответствующие им специфические экономические законы собственности. К ним относятся открытые К. Марксом два специфических закона собственности: собственность – как отрицание чуждости чужого труда и тождество труда и собственности.¹ Они определяют внутреннюю организацию и единство экономических систем производства и собственности. В этих законах отражаются необходимые внутренние связи и отношения непосредственных работников с условиями производства и его результатами, предпосылки условий существования работника, определенного порядка, в котором осуществляются эти отношения.

Применение в исследовании категории взаимодействия обусловило осуществление анализа воздействия рабочей силы и средств про-

¹ Маркс К. Производство, потребление, распределение, обмен (обращение) / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М., 1968. – Т. 46, ч. 1. – С. 459–460.

изводства друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, порождение одним объектом другого и на основе этого метода позволило обосновать характер и способ соединения рабочей силы со средствами производства как категорию, выяснить ее главную тенденцию и законы развития собственности, что является выражением новой системы взглядов на развитие ее и производство.

Литература

1. *Жбанкова И.И.* Проблема взаимодействия / И.И. Жбанкова. – Мн.: Наука и техника. 1971.
2. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М., 1962. – Т. 25, ч. 2. – С. 354.
3. *Маркс К.* К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М., 1959. – Т. 13. – С. 38.
4. *Маркс К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М., 1955. – Т. 4. – С. 152.
5. *Маркс К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М., 1955. – Т. 4. – С. 133.
6. *Маркс К.* Производство, потребление, распределение, обмен (обращение) / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М., 1968. – Т. 46, ч. 1. – С. 459–460.
7. *Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; подгот.: Л.П. Алекторова [и др.].* – М.: Рус. яз., 1985–1988. – Т. 3. – 1987. – С. 42.
8. *Черковец В.Н.* Социализм как экономическая система / В.Н. Черковец. – М.: Экономика, 1982. – 296 с.
9. *Шкредов В.П.* Собственность / В.П. Шкредов // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия: в 4 т. / гл. ред. А.М. Румянцев. – М., 1979. – Т. 3. – С. 573.
10. *Энгельс Ф.* Диалектика природы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М., 1961. – Т. 20. – С. 404.

Гераськина И.Н.,

*доктор экономических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента
в строительстве факультета экономики и управления
Санкт-Петербургского государственного
архитектурно-строительного университета*

Петров А.А.,

*доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой менеджмента
в строительстве факультета экономики и управления
Санкт-Петербургского государственного
архитектурно-строительного университета*

**Сбалансированное инновационное развитие
социально-экономических систем:
концептуальные
и методологические основания**

Аннотация. В статье раскрывается актуальность сбалансированного инновационного развития экономики России. Отмечены тенденции размывания границ между познавательными и ценностными установками, обозначены междисциплинарные интенции и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности. Выделены ведущие направления научного прогресса, меняющие традиционные представления инновационного менеджмента, выражающиеся в поиске новых способов формирования и активизации внутренних сил взаимодействия экономической системы, объективных законов управления. Раскрыты сущность и содержание сбалансированного инновационного развития социально-экономических систем, его концептуальные и методологические основания. Выделены базовые отличия кибернетического и сбалансированного

подходов в моделях менеджмента, а также методологические особенности управления инновациями. В менеджменте предлагается не противопоставлять самоорганизацию организации, поскольку их разумное сочетание служит залогом устойчивости и динамического развития социально-экономических систем.

Ключевые слова: управление инновациями, менеджмент, синергетический менеджмент, социально-экономические системы, сбалансированное развитие

Geraskina I.N.,

*Doctor of Economics, Associate Professor
of the Department of Construction Management
at the Faculty of Economics and Management,
Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering*

Petrov A.A.,

*Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department of Construction Management
at the Faculty of Economics and Management,
Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering*

**Balanced Innovative Development of Socio-Economic
Systems: Conceptual and Methodological Foundations**

Abstract. The article gives ground for the relevance of a balanced innovative development of the economy of the Russian Federation. It features the tendencies of boundaries blurring between cognitive and value philosophies, interdisciplinary and problem-oriented forms of research. The leading directions of scientific progress are highlighted, changing the traditional ideas of innovation management, expressed in the search for new ways of forming and activating the internal forces of interaction of the economic system, objective control laws. The essence and content of the balanced innovative development of socio-economic systems, its conceptual and methodological foundations. The basic differences of cybernetic and balanced approaches in management models, as well as methodological features of the management of organizational. It is proposed not to oppose the self-organization of the organization, since

their reasonable combination serves as a guarantee of sustainability and dynamic development of socio-economic systems.

Keywords: innovation management, management, synergistic management, socio-economic systems, development

Усиление тенденций концептуализации сбалансированного инновационного развития социально-экономической системы (СЭС) России подтверждается многими исследователями. Превалирование научно-инновационных, экологических, политических, духовно-культурных и креативных характеристик новых институтов над экономическими (законы спроса и предложения, эффект масштаба, денежного обращения и др.) реактуализирует специфические аспекты научной интерпретации некогда устоявшихся понятий. Концепция сбалансированного инновационного развития экономики и ее подсистем обобщает универсальные положения теорий самоорганизации, синергетики и общей теории систем, являя попытку интегрировать и углубить многочисленные мировоззренческие взгляды, концепты, школы и направления, имеющиеся в этих областях (2; 10; 12; 14). Актуальность практической реализации концепта сбалансированного инновационного развития обосновывается необходимостью ускоренного решения проблемы перехода России на «прорывную» стратегию роста. Учитывая, что инновации как источник развития пронизывают все сферы человеческой деятельности, инновационное развитие – это прежде всего, качественное преобразование СЭС на основе научно-технических достижений, проектов формирования и реализации инновационного потенциала и инновационной культуры.

Сбалансированное инновационное развитие СЭС – согласованное преобразование ее локальных подсистем (эксплуатация природных ресурсов, инвестиций, научно-технический прогресс и др.), взаимосвязей и процессов между ними, обеспечивающих потенциал и способность к достижению стратегической цели перехода системы на качественно новый, имманентно присущий, уровень развития на фоне негативных экзогенных турбулентных воздействий за счет синергетических эффектов, повышения качества управления и эффективности потребления ресурсов (3, с. 145).

Обострение проблемы взаимодействия принципов процесса развития – конкуренции и кооперации показывает, что устойчивые эле-

менты СЭС (крупные хозяйствующие субъекты) не отвергают ни первого, ни второго. Для сильных конкуренция представляется выгодной в свете естественного закона природы, а кооперация – в создании стратегических партнерств, поглощений, слияний и иных ее проявлений, где воцаряется подобная гетерархия. Дж. Сорос предупреждал о большей опасности рыночного фундаментализма для общества по сравнению с тоталитарной идеологией – недостатке системы мирового капитализма, позволившей рыночному механизму проникнуть во все сферы человеческой деятельности (13, с. 64). Подобные процессы неминуемо влекут за собой крайнюю неустойчивость и бифуркации.

Концепция рыночной саморегуляции, доминировавшая в последней четверти XX в. в российской экономической науке, столкнулась с трудностями интерпретации важнейших явлений («стабильность», «устойчивость») эволюции СЭС. Фокус внимания сместился к содержанию понятий «фазовые и структурные переходы», «бифуркации» как естественным свойствам сложных развивающихся СЭС. Это потребовало от ученых обратить внимание на концепт сбалансированности развития с целью предотвращения хаоса в экономическом пространстве (9, с. 268). Большинство ученых в формировании нового мышления XXI в. большие ставки делают на науку об универсальном эволюционизме (4; 15).

Стратегически приемлемым представляется решение фундаментальных проблем экономической науки, связанных с идентификацией механизмов управления, действующих в основе развития СЭС; пересмотром кибернетических (силовых) методов и перехода к теории сбалансированного управления (14); поиском новых путей целереализующего воздействия на общие объективные законы управления и организацию нелинейных динамических систем, сводимых в менеджменте к максимизации учета качеств исследуемого объекта. Синергетические процессы являются естественными в достижении СЭС новых состояний без целенаправленного экзогенного воздействия. Такая модель управления отрицает сложную иерархию. Достижение объектом некоего нового состояния основано на самоорганизации и саморазвитии. При сбалансированном подходе минимизируется субъективное активное вмешательство в процесс развития СЭС, изучается ее поведение, естественные факторы развития,

согласованность взаимодействия элементов при образовании единой целостной структуры. Деятельность индивидуума исходит из цели, определяющей архитектуру искусственно-созданных форм организации и латентного принуждения объекта к заданному положению. Человек, являясь активным элементом СЭС, включен в объективные процессы эволюционизации природы как ее имманентной целостности.

В научном сообществе дискутируется проблема соотношения процессов управления и самоорганизации в развитии СЭС (4; 6; 8; 10). Предлагается не противопоставлять самоорганизацию организации, так как тесное и непрерывное взаимодействие любой СЭС служат залогом устойчивости и динамического развития. Для регулируемой формы самоорганизации главной управленческой задачей является совместный поиск наилучшего разрешения проблем. Благодаря доминированию положительных обратных связей, при усилении которых между участниками возникают взаимовыгодные отношения, характерной чертой поведения в таком случае становится стремление к достижению благоприятного компромисса и преимуществ, получаемых в ходе взаимодействия. У системы появляется возможность гармоничного выхода на более высокий уровень развития и выбора нужного аттрактора из спектра существующих. Управление сбалансированным инновационным развитием СЭС подразумевает вывод ее в область притяжения «желаемого» тренда (аттрактора) за счет организационно-управленческих инноваций. Исследователи (1, с. 203; 5, с. 59) полагают, что особенность влияния аттрактора состоит в предопределении будущего состояния СЭС, что раскрывает феномен предсказуемости и принципиальной непредсказуемости, вероятностного, хаотического ее поведения по причине неограниченности возможностей и природы нелинейных систем.

Методологическая особенность управления сбалансированным инновационным развитием СЭС заключается в отсутствии в системе постоянных величин, что требует проведения аналогии с физическими процессами для их математического описания. Многие экономические задачи решаются экономико-математическим моделированием. Попытка формирования универсальной модели СЭС теоретически может привести к идентификации значительного числа эндогенных индикаторов (16, с. 1440). В этом случае целесообразно осуществить выборку сравнительно небольшого числа показателей,

характеризующих СЭС. Актуализируя применение инновационно-сбалансированного концепта применительно к развитию последней, отметим ее двойственную, искусственно-естественную природу, содержащую большие возможности для синергетических представлений (15).

Учитывая, что одной из основных характеристик эволюции СЭС выступает необратимость или невозможность трансформации процессов в определенный временной лаг, при большом участии обратимых процессов они составляют некую частичку сложного и необратимого феномена инновационного развития циклического характера. Причина подъема любого цикла кроется во внутрисистемных трансформациях, поэтому всякий спад сопровождается депрессией более высоких системных составляющих (7). Сбалансированное инновационное развитие СЭС детерминировано внешним управляющим воздействием и внутренней упорядоченностью компонентов с целью количественных и качественных трансформаций управленческого сигнала, приводящего к: возникновению резонанса; усилению неравновесности системы, провоцирующей интегративное поведение субъектов; дестабилизации прежнего порядка и структуры; образованию новых свойств. Учет подобных закономерностей существенным образом меняет традиционные представления инновационного менеджмента на следующие тезисы:

- недопустимо навязывание направлений развития сложноорганизованным системам, прогнозирование и понимание важны с точки зрения приемлемости технологий и способов развития их собственным трендам;

- отсутствие жесткой предопределенности обуславливает существование альтернативных векторов развития и возможностей их выбора;

- высокая консильность системы детерминирует многопозиционность управления;

- малые возмущения в момент неустойчивости системы существенно влияют на ее развитие в целом, чрезвычайной эффективностью отличаются незначительные и точные, резонансно-созданные управляющие воздействия на нее, порядок и режим протекания стремительных лавинообразных процессов объединяют действие механизма обратной связи со знаком «плюс».

Фундаментальность проблемы определения наиболее важных процессов и факторов среди сложных переменных нелинейной динамики состоит в организации, выделяющейся в большинстве случаев параметрами порядка (нелинейность СЭС с безграничными степенями свободы описывается небольшим числом констант; миллионный рынок агентов и товаров моделируется с помощью нескольких параметров).

Импонирует алгоритм инновационного управления сложными системами, предложенный Г.Г. Малинецким (8, с. 127): 1. Определение управляемой системы и ее окружения. → 2. Выделение сильнодействующих факторов («джокеры»). → 3. Идентификация ведущего звена объекта управления («триггер»). → 4. Разработка плана усиления действия ведущего звена. → 5. Выстраивание сильнодействующих факторов в гармоничную (активную, когерентную и резонансную) систему. → 6. Формирование положительной обратной связи, обеспечивающей развитие. → 7. Замена вертикальных связей на горизонтальные. → 8. Идентификация развивающихся областей. → 9. Выделение новых качеств системы.

Актуальна проблема проектирования систем инновационного управления СЭС, состоящая в том, что в подобных системах малые причины могут вызывать масштабные последствия. Такое свойство вселяет надежду менеджерам на возможность кардинальной модификации подходов к управлению СЭС при выверенных воздействиях и повышает уровень ответственности за выполняемые действия. Поэтому важным представляется стратегически взвешенное планирование организационно-управленческих инноваций, учитывающих различного рода (отрицательные, положительные) случайные события. Следовательно, прилагая к СЭС достаточно малые координирующие воздействия, согласованные с ее внутренними свойствами, можно обеспечить ее новое поведение. Такое свойство, объясняемое эффектом самоорганизации в диссипативных системах, открывает новые возможности в решении задач сбалансированного инновационного развития (3, с. 148; 6, с. 94).

Итак, сбалансированное инновационное развитие СЭС базируется на конвергенции всеобщих законов систем, синергетики и самоорганизации. При этом СЭС обладают способностью оптимально менять характеристику внутренних параметров, структуру функцио-

нальных отношений в соответствии с внешним турбулентным фоном для снижения энтропии. Содержание и направленность диссипативных процессов сводятся к прогрессирующей форме креативности менеджмента, выражающейся в познании естественных и создании более совершенных искусственных параметров порядка. Полный цикл синергетических метаморфоз от нарастания флуктуации, фазового перехода и достижения СЭС инновационных свойств до спонтанного становления новой системы, закономерностей и порядка наблюдается в подсистемах, т. е. СЭС, не разрушаясь, на новом иерархическом уровне воспроизводит диссипативные процессы прежней направленности. Амбивалентность состояния устремленности вектора развития обуславливается дихотомией «порядка» и «хаоса». С одной стороны, неотъемлемым атрибутом инновационного процесса является упорядоченность условий и факторов целедостижения, невозможное в хаосе, с другой, новые потребности предполагают хаос и нарушение установившегося порядка.

В основу предметной области инновационного менеджмента, где формулируются и задачи сбалансированности тренда, входит идентификация управляющих параметров, сфер и величины необходимого управленческого воздействия. Динамика сложных СЭС на длительную перспективу слабо предсказуема, однако их фазы эволюции направлены на самосохранение, самовоспроизведение, стабилизацию развития и уменьшение энтропии. Сложноорганизованным СЭС трудно детерминировать цель развития, но при варьировании значений управляющих параметров можно определить фазовое пространство, условия, направления развития и прогнозировать последствия организационно-управленческих инноваций. В условиях дефицита ресурсов и неравенства параметров среды взаимовлияние самоорганизующихся одностипных и гетерогенных СЭС предрешает переход одной или ряда систем в иерархически более высокий ранг, снижая при этом уровень энтропии надсистемы за счет перераспределения ее в другие.

Стратегическая цель управления СЭС, согласно концепции сбалансированного инновационного развития, определяется с учетом потребностей и возможностей развития, необходимости содействия в раскрытии соответствующего ей потенциала, согласования изменений в среде ее функционирования с интенсивностью и направлениями динамики саморазвивающихся локальных процессов.

Главные методологические особенности сбалансированного инновационного развития СЭС состоят в следующем (з, с. 149):

1) сложноорганизованным системам нельзя навязывать путь развития;

2) отсутствие жесткой предопределенности в эволюции, хаос может выступать ее конструктивным механизмом, интегрирующим разные уровни иерархии;

3) статусное положение углубляется принципами суперпозиции, сборки сложного эволюционного неделимого из частных, создания сложных формирующихся структур из ее разнородных более простых субъектов;

4) закономерности и условия протекания характерны для бифуркационных или лавинообразных процессов. Данный подход поможет разобраться в способах инициации такого типа процессов в экономической среде, а также требованиях, тормозящих наступление кризисов и распад сложных структур вблизи моментов максимального напряжения;

5) сбалансированное инновационное развитие предполагает формирование и реализацию синергетического потенциала СЭС, являющегося системным свойством, образующимся в результате межсубъектных взаимодействий и структурно-институциональной динамики преимущественно за счёт нематериальных активов и комплементарных эффектов, сопровождающееся увеличением активности и энтропии системы. Оно обеспечивает чувствительность и адекватную реакцию субъектов и связей системы к малым экзогенным воздействиям и эндогенным трансформациям для развития по единому вектору системы целей и достижения желаемого состояния;

6) управление сбалансированным инновационным развитием СЭС подразумевает моделирование и своевременное реагирование на трансформацию внешних и внутренних условий, сводится к идентификации «резонансных зон», где величина результата определяется силой воздействия и их согласованностью с эндогенными свойствами.

Современный этап экономического развития требует решения сложной проблемы формирования методологии и механизма сбалансированного инновационного развития СЭС, гарантирующих выживаемость и надежность ее функционирования, новые характе-

ристики в условиях изменения экзо- и эндогенных параметров, нацеленных на инновационный прорыв с минимальными временными и ресурсными затратами. Применение ключевых положений концепции сбалансированного инновационного развития позволит менеджменту глубже и под иным углом зрения исследовать сущность, природу и характер процессов в СЭС, а также предпосылки их качественной динамики и инновационных свойств.

Осмысление свойств и механизмов, происходящих в национальных инновационных системах, даст возможность, с одной стороны, идентифицировать те сферы и управляющие параметры, способствующие сбалансированному инновационному развитию СЭС, с другой, обнаружить структурный дисбаланс, препятствующий этому.

Литература

1. Акаев А.А. Структурно-циклические процессы экономической динамики / А.А. Акаев, С.Ю. Румянцева, А.И. Сарыгулов, В.Н. Соколов. – СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2016. – 392 с.

2. Берталанфи Л. Общая теория систем – обзор проблем и результатов. Системные исследования : ежегодник / Л. Берталанфи. – М.: Наука, 1976. – 218 с.

3. Гераськина И.Н. Методологические основы сбалансированного инновационного развития социально-экономических систем / И.Н. Гераськина // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – № 3 (47). – 2018. – С. 144 – 150

4. Дульнев Г.Н. Роль синергетики в формировании нового мышления / Г.Н. Дульнев. – URL: <http://spkurdyumov.ru/what/rol-sinergetiki-v-formirovani-novogo-myshleniya> (дата обращения: 12.05.2018).

5. Затонский А.В. Разработка объектных средств имитационного и многоагентного моделирования производственных процессов / А.В. Затонский, В.Н. Уфимцева // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика. – 2018. – № 4. – С. 56–62.

6. Колесников А.А. Синергетические методы управления сложными системами: теория системного синтеза / А.А. Колесников. – Изд. Стереотип. URSS, 2019. – 240 с.

7. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Н.Д. Кондратьев, Ю.В. Яковец, Л.И. Абалкин. – URL: <http://noocivil.esrae.ru/pdf/2012/1/879.pdf> (дата обращения: 11.02.2018).

8. Малинецкий Г.Г. Инновационный кризис, политика, самоорганизация / Г.Г. Малинецкий // Инновации. – 2018. – № 8 (238). – С. 3–12.

9. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез / К. Майнцер // Синергетика: от прошлого к будущему; пер. с англ. М.: Либроком, 2009. – 464 с.

10. Николис Г. Самоорганизация в неравновесных системах / Г. Николис, И. Пригожин. – М.: Мир, 1979. – 512 с.

11. Осипов Ю.М. Российское системное перестроение как неизбежная актуальность / Ю.М. Осипов // Философия хозяйства. – 2016. – № 6 (108). – С. 3–31.

12. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой; пер. с англ. Ю.А. Данилова – изд. 6-е / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: URSS, 2008. – 38 с.

13. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности; пер. с англ. / Дж. Сорос. – М.: Инфра-М, 1999. – 262 с.

14. Хакен Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке / Г. Хакен. – URL: <http://spkurdyumov.ru/what/primenyat-sinergetiku-v-naukax-o-cheloveke-german-haken> (дата обращения: 12.05.2018).

15. Geraskina I.N. Basic principles of constructing a convergence model for managing innovative development of the economic and social system / I.N. Geraskina, A.A. Petrov // IV International Scientific Conference «Convergence of digital and physical worlds: technological, economic and social challenges» St. Petersburg, Russia, May 16–18, 2018. SHS Web of Conferences. – Vol. 44, 00034 (2018).

16. Geraskina I.N. Modeling of the investment and construction trend in Russia / I.N. Geraskina, A.V. Zatonkiy, A.A. Petrov // International Journal of Civil Engineering and Technology (IJCIET). – Vol. 8, Issue 10, October 2017. – P. 1432–1447.

Горюнов И.А.,

преподаватель кафедры стратегического планирования, управления и прогнозирования Московского финансово-юридического университета МФЮА

**Постмодерн как порождение
контрмодернизма, ультралиберализма
и ультраэкономизма**

Аннотация. В статье говорится, что ультраэкономика – это ничем (трудом, капиталом, инновациями и др.) не обоснованная экономика. Необходимым условием победы ультраэкономики было уничтожение научно-рационального разума, морали и совести. Эту грязную работу выполнили контрмодернизм и ультралиберализм. Победа контрмодернизма, ультралиберализма и ультраэкономизма привела к состоянию Постмодерна, а вслед за этим к мировому финансово-экономическому кризису, выход из которого в парадигме Постмодерна невозможен.

Ключевые слова: Премодерн, Модерн, Постмодерн, контрмодернизм, ультралиберализм, ультраэкономизм

Goryunov I.A.,

Senior lecturer, Department of Strategic Planning, Management and Forecasting, Moscow University of Finances and Law MFUA

Postmodern as a Product of Kontrmodernism, Uraliberalism and Ultraeconomism

Abstract. The article says that the ultra-economy is nothing (labor, capital, innovation, etc.) is not a sound economy. A prerequisite for the victory of ultra-economy was the destruction of scientific and

rational reason, morality and conscience. This dirty work was done by countermodernism and ultra-liberalism. The victory of countermodernism, ultraliberalism and ultraeconomism led to the state of Postmodern, and after that to the global financial and economic crisis, the exit from which is impossible in the Postmodern paradigm.

Keywords: Premodern, Modern, Postmodern, countermodernism, ultra-liberalism, ultra-economism

На рубеже второго и третьего тысячелетий от Рождества Христова человечество вступило в принципиально новое цивилизационное состояние – эпоху Постмодерна.

Общество Модерна можно идентифицировать как капиталистическую цивилизацию, стремительно развивающуюся посредством накопления капиталов в процессе предпринимательской (прежде всего инновационной научно-технической) деятельности, которая радикальным образом преображала окружающий мир и обеспечивала прогресс человечества.

Борясь с закрытой элитарно-иерархической религиозной системой Премодерна (традиционного общества) Модерн (капитализм) поднял на своих знаменах лозунг: Свобода, Равенство, Братство, которые, по мнению его идеологов, можно было реализовать на основе секулярного демократического устройства общества и научно-технического прогресса.

Конец XX века может быть охарактеризован радикальной трансформацией-трансгрессией общества Модерна в состояние Постмодерна. Общество Постмодерна-посткапитализма принципиально и радикально отбрасывает все основные ценности Модерна: свободу (общественную и экономическую), в том числе свободу слова заменяя ее манипулированием посредством электронных медиа; равенство, в том числе равенство возможностей; братство – возвращается деление на господ и рабов-роботов или роботов-рабов; фундаментальную науку – упор делается на базирующемся на big data технологическом развитии; права человека – вместо них на пьедестал возводится вседозволенность финансово-политической элиты; морально-нравственные ценности и нормы заменяются цинизмом и властным произволом.

К состоянию Постмодерна привели три явления в обществе позднего Модерна: контрмодернизм (его, как правило, неправильно на-

зывают постмодернизмом), ультралиберализм и ультраэкономизм. Ю.М. Осипов определяет ультраэкономизм (являющийся отрицанием экономики как таковой), как ничем не обоснованную (трудом, капиталом, инновациями и т.д.) деятельность, ставшую постэкономикой и управляемую не посредством производных от стоимости цен и денег, а абсолютно произвольной цифрой-цифирью, устанавливаемой-вменяемой социуму властным субъектом управления – правящей финансово-политической кастой исходя из ее интересов (см.: 6, с. 216–221).

Ультраэкономизм-постэкономизм мог возникнуть только после того как постмодернизмом (точнее контрмодернизмом) и ультралиберализмом была расчищена для него соответствующая мировоззренческая площадка: были уничтожены научно-рационалистическое мышление и все традиционные (сакральные) и порождённые Новым временем (профанно-секулярные) морально-нравственные ценности и нормы.

Зарождение ультраэкономизма началось на рубеже 1980-х годов с избранием на высшие посты Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер. Именно тогда в США и Великобритании, а затем и в других развитых государствах (в том числе и в странах социалистического содружества, включая СССР¹) начался сдвиг в сторону «неолиберальной экономической политики».

Суть «неолиберальной экономической политики», ставшей основой ультраэкономизма, в общих чертах можно сформулировать так: только абсолютно свободные рынки (прежде всего финансовые) на которых действуют преследующие свои интересы частные экономические агенты в состоянии установить финансово-экономическую устойчивость и тем самым создать «эффективную экономическую систему и естественную иерархию между выигравшими и проигравшими» (8, с. 100).

Опираясь на вышеприведённые постулаты неолиберализма приверженцы ультраэкономизма настаивают на осуществлении дерегуляции рынков, прежде всего финансовых, на массовой приватизации принадлежащих государству компаний и на сломе социального го-

¹ Сдвиг в сторону проведения неолиберальной политики был одной из важнейших причин коллапса СССР.

сударства – снятия власти имущими каких-либо обязательств перед подвластным народом-социумом. Т.е. ставят целью устранить те механизмы, которые в рамках кейнсианской социально-экономической политики помогли вытащить американскую и мировую капиталистическую систему из Великой депрессии 1930-х годов.

Дерегулирование экономической и финансовой сферы и приватизация госкомпаний (прежде всего сырьевых) нужна властной элите для интенсификации накопления капитала, точнее получения сверхприбыли путем перевода экономики в режим ультраэкономизма: не ограниченной разумом, научно-техническим расчетом, моралью, совестью и ничем не обоснованной деятельностью.

Особенности современной посткапиталистической эпохи таковы, что она, во-первых, навевает иллюзию возможности управления всеми имеющимися в экономике, и в целом в социуме, процессами и, во-вторых, характеризуется преобладанием разрушительных аспектов в деятельности современного посткапитализма над созидательными действиями (см.: 1, с. 109).

Нынешние власть придержащие уверены, что посредством современных технологий, прежде всего информационно-цифровых, они могут управлять рыночными силами и обществом в своих интересах.

Выступая на Четвертом международном политэкономическом конгрессе в Москве, профессор экономического факультета университета Крита Д. Милонакис отметил, что современная экономическая наука делает уклон в сторону математизации именно потому, что посредством математизации экономической науки властвующая элита надеется сделать экономику (точнее описание экономической реальности), более физико-математической и индивидуалистической для того, чтобы обеспечить управление этой экономикой как некой кибернетической техноинформационной системой или как роботизированной социально-экономической структурой, посредством отдачи соответствующих команд-стимулов людям-роботам или роботам-людям.

Кто, какой субъект скрывается за современными «независимыми» финансовыми рынками, задаётся вопросом М. Шенэ. И отвечает на него следующим образом: «могущественные участники процесса, такие как инвестиционные банки и хедж-фонды, манипулируют (или по крайней мере пытаются манипулировать) этими же

рынками, чтобы преумножить вложенные деньги. Эти действия вызывают колебания биржевых курсов, кажущиеся случайными, и загоняют экономику на опасные виражи. Сама задача успокоения финансовых рынков, пока на них господствуют такие акторы, тщетна. Когда финансовые операции производятся с нарастающей частотой (теперь счет идет на миллионные доли секунды), доход приносит не стабильность, а нервозность курса» (8, с. 41).

Из этой цитаты ясно видна вторая присущая ультраэкономизму черта – преобладание разрушительных процессов в современной постэкономике над созидательными. Перечислим эти разрушительные процессы.

Прежде всего это преобразование финансовой сферы, по своему функциональному назначению призванной обеспечить созидательное инвестирование в будущее (кредитование развития) – осуществлять «трансформацию сбережений, накопленных в одной части экономики, в производственные инвестиции в другую часть экономики» (3, с. 3), в некое глобальной казино, от функционирования которого его учредители (финансовый сектор) получают колоссальные сверхдоходы.

В 1936 году Дж. М. Кейнс констатировал: «когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дома, трудно ожидать хороших результатов» (5, с. 166). По словам М. Шенэ «современная ситуация значительно хуже, поскольку основные акторы этой вырвавшейся из-под узды финансовой сферы – крупные банки и хедж-фонды – не просто играют в казино, но и делают это чаще всего чужими деньгами: деньгами налогоплательщиков, пенсионеров, клиентов и, конечно, акционеров» (8, с. 70).

В современном мире главные функции биржи – производить оптимальное размещение капитала и находить компаниям выгодное финансирование – выполняются все меньше и меньше. Современная биржа – это, по сути, гигантское финансовое казино. Сегодня «примерно 70% биржевых сделок в США и 50% в Европе осуществлены на скоростях, приближающихся к скорости света. Такая вычислительная мощность предоставляет возможность тем бакам, которым она по карману, и высокочастотным трейдинговым компаниям за микросекунды отменять приказания, которые они только что от-

дали с такой же скоростью. Их цель – ввести в заблуждение конкурентов, которые все, конечно, тоже автоматизировали финансовые транзакции. Передача ложной информации, а затем её отмена могут принести определенный доход, но такие практики похожи скорее на «шулерский покер», чем на серьезное и ответственное вложение» (8, с. 71–72).

Что касается различных финансовых инноваций, к примеру, производных финансовых продуктов, то на деле эти инструменты как раз и «создали возможности для финансовых пари в рамках этого финансового казино» (8, с. 75). К примеру, это кредитные дефолтные свопы (CDS). По идее этот дериватив позволяет его обладателю «застраховаться от риска неуплаты заёмщика», но на деле, чтобы купить CDS вовсе не обязательно подвергаться риску «базового заёмщика»... Зачем же тогда банку «подстраховываться против риска, которому он и не подвергается? Ответ прост: в данном случае речь идёт не о страховании, а о пари, в котором ставится на банкротство соответствующего предприятия» (8, с. 76). Если предприятие действительно обанкротится, то все купленные CDS (их количество не ограничено – таковы правила на современном финансовом рынке) активируются, и их обладатель получает баснословную прибыль. Не возникает ли у крупного банка, имеющего огромное количество связей, в том числе во властных инстанциях, соблаз обанкротить предприятие, на банкротство которого заключено пари?

Такие пари в современной экономике активно заключаются. В качестве иллюстрации сказанного приведём пример трейдера JP Morgan Б. Иксила, который в 2011 году «успешно ставил на разорение многих американских компаний. Эти пари породили 400 млн долларов прибыли для JP Morgan, из которых 32 пошли на премии самому Иксилу и двум его начальникам» (8, с. 17).

В целом, современный «финансовый сектор порабощает общество и подчиняет своей логике всю экономику, которая в силу этого перестает играть свою роль и способствовать общественному благосостоянию» (8, с. 53) и становится объектом крупномасштабной финансовой игры.

Второй аспект разрушительных процессов в современной хозяйственной деятельности связан с производством. Нынешние владельцы промышленных компаний предпочитают игру на финансовой

бирже и щедрые дивиденды, нежели инвестиции в модернизацию производства. (8, с. 33). Как отмечает профессор политэкономии и государственной политики университета Висконсин-Милоуоки (США) Д. Соммерс, дело дошло до того, что такие крупнейшие американские корпорации, как General Electric, General Motors и др., в какой-то момент стали значительную часть прибыли получать от финансовой деятельности, а не от продажи изделий, которые они производят (см.: 7, с. 15). Более того, сегодня значительную часть полученной от производственной деятельности прибыли они вкладывают не в проведение собственных НИОКР и продуцирование инноваций, а в игру на финансовом рынке и выплату баснословных бонусов топ-менеджерам. Что касается НИОКР и продуцирования инноваций, то в рамках постфордистской ультраэкономической модели производственной деятельности компании выводят проведение научно-исследовательской и инновационной деятельности в государственные университеты. И при этом через лоббистские структуры добиваются снижения налогов на прибыль. Ту прибыль, часть которой идет именно на финансирование государственных университетов, проводящих НИОКР и продуцирующих инновации (см.: 7, с. 16).

Третий аспект разворачивающихся разрушительных процессов в постэкономике связан с ориентацией действующих в ней агентов не на производство, а на ренту (в том числе глобальную), которая становится одной из основных форм дохода в современном мире. Именно поэтому обладающая властью финансовая элита настаивает на приватизации государственных (прежде всего сырьевых) компаний – это простейший способ получения колоссальных доходов при минимальных затратах.

В современной постэкономике финансовая сфера – «настоящая каста, поглощающая астрономические суммы» (8, с. 28) – стала абсолютно доминирующей над всеми другими областями экономической и неэкономической (культура, наука, образование, здравоохранение) деятельности. Поэтому современную постэкономике часто называют финансированной экономикой или финансовоэкономикой.

Финансовый сектор отвергает все либеральные и демократические принципы функционирования общества. Он хочет абсолютной свободы для себя и абсолютного подчинения для других. Что касается ответственности, то никакой ответственности за свои действия он

нести не хочет и не несет, а перекладывает ее на государство, точнее на рядовых налогоплательщиков.

К примеру, «сообразно с фундаментальными либеральными принципами, все финансовые институты (крупные банки, хедж-фонды и др. – И.Г.) должны были бы сами отвечать за принятые ими стратегические решения, и ни один из них априори не должен быть застрахован от возможного банкротства» (8, с. 68). На деле построенная вокруг системных гигантских банков – слишком больших для банкротства («too big to fail» или «too connected to fail») – финансовая империя такова, что эти системные банки никогда не могут обанкротиться. Им всегда, какую бы сверхрисковую и сверхбезответственную политику они ни проводили, будет оказана значимая государственная финансовая помощь. При обосновании этих государственных вливаний налогоплательщикам будет сказано, что без спасения этой финансовой империи общество якобы не может существовать.

Современный финансовый сектор ничего не хочет менять в своей деятельности и «пристально следит за тем, чтобы его интересы рассматривались приоритетно. С 1998 по 2008 год он вложил 1,7 млрд долл. в финансирование избирательных кампаний своих сторонников и 3,4 млрд долл. на деятельность по лоббированию. Уолл-стрит стремится укрепить свои позиции в войне против остального “полуса”» (8, с. 23).

Итог этой лоббистской деятельности таков: «финансовая сфера становится всё более недостижимой для пресловутой “невидимой руки” Адама Смита, а преследуемые этой сферой её собственные интересы всё больше расходятся с интересами общества» (8, с. 68), с которыми финансово-политическая каста вообще перестаёт считаться и de facto устанавливает свою диктатуру.

Идеологическим обоснованием установления диктатуры финансово-политической касты стал ультралиберализм, который явился закономерным (?) этапом в развитии либеральной мысли, ставящей во главу угла человеческую свободу во всех её проявлениях, прежде всего интеллектуальную свободу – свободу жить своим умом. По мнению Ф. Нэмо в такой интерпретации «либерализм означает, главным образом, антитрадиционализм, неприятие любой данной интеллектуальной, моральной или политической нормы» (9, с. 263).

Ультралиберализм постулирует: для прогресса общества (точнее максимизации сверхприбылей власть имущих) надо вообще отбросить какие-либо социальные, политические, правовые, морально-нравственные и др. нормы.

Ультралиберализм в обосновании своих идеологических построений опирается на мировоззренческие наработки контрмодернизма-постмодернизма. Ведь для отбрасывания всех морально-нравственных норм, либерально-демократических форм устройства капиталистического общества, научно-рационального стиля мышления, на котором строилась буржуазная хозяйственная и политическая практика, надо было иметь весомые аргументы. И такие *argumentum ad crumenam* (убеждения посредством кошелька) для ликвидации разума, морали и совести, устанавливавших запреты на проведение научно-рационально необоснованной и аморальной деятельности (нынешние власть имущие называют её «креативной») в финансовой и других областях человеческой жизни, предоставил контр(пост)модернизм.

Говоря о контр(пост)модернизме как направлении в искусстве, мышлении и образе жизни американский критик Л. Фидлер в интервью журналу «Плейбой» разъяснял, что постмодернизм «смешивая жанры и стили, отказываясь от иронии и серьёзности модернизма (не говоря уже о характерном для него различии между низким и высоким), в своём свободном возвращении к сентиментальности и бурлеску» (2, с. 23) претендует на о(вы)свобождение инстинктов. Но для этого нужно было ликвидировать всё человеческое в человеке: душу, совесть, мораль, разум.

Контр(пост)модернизм после «творческого» раскрепощения сознания и о(вы)свобождения инстинктов, после обоснования (в результате сговора с буржуазией) инстинкта безусловной и ничем не ограниченной наживы как главной добродетели индивида мог смело произнести, как пророчески указывал на это еще Ф.М. Достоевский, что высшей целью человека, целью всей его жизни является «слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами» (4, т. 25, с. 85).

В целом современную идеологию контр(пост)модернизма и вытекающие из него управленческие практики можно определить как никогда не прекращающийся карнавал по добыванию-изъятию денег у населения под контролем пулемета Пиночета.

Победа контрмодернизма, ультралиберализма и ультраэкономизма в умах и делах современной правящей финансово-политической элиты (оформленная в виде идеологии и практики постмодернизма) привела к слову научно-рационалистического стиля мышления, размыванию-уничтожению каких-либо морально-нравственных норм и демонтажу социального государства, а вслед за этим и к неминуемому мировому финансово-экономическому кризису, выход из которого в рамках Постмодерна не представляется возможным.

Литература

1. Амин С. Октябрьская революция 1917, столетие спустя. – М.: Культурная революция, 2018 – 170 с.
2. Андерсон П. Истоки постмодерна. – М.: Территория будущего, 2011. – 168 с.
3. Джонсон С., Квак Д. 13 банков, которые правят миром. – М.: Карьера Пресс, 2013. – 384 с.
4. Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти т. – Л.: Наука, 1983.
5. Кейнс Дж.М. Общая теории занятости, процента и денег. – М.: ЭКСМО, 2007.
6. Осипов Ю.М. Экономика как есть. – М.; Тамбов: ТГУ, 2018. – 333 с.
7. Соммерс Д. Пришло время развивать промышленность // Директор по маркетингу и сбыту. – 2015. – № 1–2.
8. Шенэ М. Перманентный кризис. – М.: ВШЭ, 2017. – 144 с.
9. 50/50: Опыт словаря нового мышления. – М.: Прогресс, 1989. – 560 с.

Гусева Н.В.

доктор философских наук, Академик Академии наук Республики Казахстан, Академик Академии, руководитель Международного центра методологических исследований и инновационных программ (МЦМИиИП), председатель Восточного отделения Казахстанского философского конгресса (ВО КФК)

**Развитие экономической науки
как методологическая проблема**

Аннотация. В статье рассматривается связь развития науки с вариантами понимания методологии. Также показывается недостаточность эмпирически-позитивистских подходов, в частности факторного подхода, к вопросам формирования экономической теории.

Ключевые слова: эмпирически-позитивистская методология, диалектика как методология, факторный подход, эмпирическое знание, теория, экономическая реальность

Gusseva N. V.,

doctor of philosophical Sciences, Academician of the Academy of Sciences and Humanities of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Academy of Sciences and Humanities of the Republic of Kazakhstan, Head of the International Centre for Methodological Research and Innovation Programmes (MCMIR), Chairman of the Eastern branch of the Kazakhstan Philosophical Congress (IPC)

**Development of Economic Science
as a Methodological Problem**

Abstract. The article deals with the relationship of science development with the options of understanding the methodology. It also shows the lack of empirical-positivist approaches, in particular factor approach to the formation of economic theory.

Keywords: empirical-positivist methodology, dialectics as methodology, factor approach, empirical knowledge, theory, economic reality

Развитие экономической науки прямо связано с реализуемой мерой адекватного понимания того, что она должна исследовать, отражать, то есть адекватного понимания предмета исследования. В современный период идет актуализация осмысления и переосмысления всеми науками предметов своих исследований. В этом проявляется наступившее состояние качественных изменений в науке, во всех направлениях развития научного знания. К этому подводит обнаружение того, что мир человека, общества и природы имеет одни и те же всеобщие закономерности, познание и понимание которых является условием не только развития, но и самого выживания человечества. Такое положение все больше актуализирует, делает жизненно необходимым серьезное методологическое мышление, в котором бы могла обеспечиваться ориентация на выявление закономерностей как самой реальности, в которой живет человек, так и процесса познания, благодаря которому выявленные закономерности позволяли бы совершенствовать бытие и само мышление.

В диалектическом, культурно-историческом понимании методология как мышление самого мышления в процессе его реализации в сфере научных исследований способно обеспечивать «погружение» в познаваемое, то есть воспроизводить не только обнаруживаемые свойства, характеристики, но и его логику, необходимые, существенные, объективные, повторяющиеся ему присущие связи, способ формирования, то есть его закономерности (9). Такой статус и смысл диалектического мышления, диалектики как методологии сформировался исторически.

Как известно, в истории философии присутствуют три исторические формы диалектики: диалектика древних, диалектика немецкой классической философии, материалистическая диалектика. В них выражена историчность созревания диалектики как логики, теории познания и методологии в истории культуры. Этот процесс, его логику надо рассматривать как наследие предыдущих эпох в развитии человеческого мышления современному человечеству, которое необходимо осваивать и тем самым обеспечивать не только саму возможность творческого мироотношения, но и возможность поступа-

тельного развития человеческой реальности, включая науку как явление культуры.

Вопрос о «погружении» как форме осуществления диалектического мышления, имеющего по определению методологический характер, здесь отмечается не случайно. Диалектическое мышление как мышление процессуальное, характеризующее логику процесса развития в его всеобщей форме, и в этом смысле как мышление методологическое, является способом сущностного переосмысления предметов исследований, способом существенной коррекции традиционно используемых подходов и понимания их значимости в проводимых исследованиях и т.д. Однако, отмечая значимость диалектического мышления как методологического, имеющего всеобщий характер (5, с. 79; 8, с. 141–149), нельзя не указать на его существенное отличие от широко распространенного и используемого понимания методологии как, по существу эмпирического феномена, укоренившегося в общественном сознании, включая науку, благодаря укоренению позитивистской традиции. В рамках последней методология – это форма расширенной методики, где присутствуют и используются те или иные выработанные схемы, матрицы, системы действий с тем или иным заданным материалом и т.п., которые обеспечивают определенный программируемый результат.

Развитие науки как ее качественное изменение, то есть выход на новый уровень ее возможностей и перспектив, а не просто как рост накопленной информации, как рост эмпирических данных, – прямо связано с осознанным переходом к диалектическому мышлению и осуществлению диалектически понимаемой методологии (1, с. 28–42; 7, с. 27–37). В противном случае науку постигают методологические тупики, длительный «застой», о котором уже сейчас говорят ученые как о ситуации в науке, когда новые эмпирические данные растут в геометрической прогрессии, а вот перспектива выхода науки и научных исследований с их помощью на новые уровни и горизонты не просматривается.

Ситуация востребованности обращения к диалектическому пониманию методологии и ее осуществлению имеется и в экономике как науке (2, с. 162–168). Определённым образом это подтверждается и характером осуществляемых попыток создания новых экономических теорий.

Существование большого множества экономических учений, каждое из которых в той или иной мере претендует на статус теории, свидетельствует в том числе и о множестве вариантов понимания предмета экономической науки (3, с.55–67). Основным мыслительным ходом в определении предмета, как правило, выступает факторный подход. Его характерной чертой является то, что исследователь при построении своей модели понимания или описания экономической реальности, выделяет (по своему усмотрению) наличие одного или нескольких факторов влияния. Затем они сопрягаются, «кооперируются» в некоторую объяснительную систему и этим вопрос о создании очередной экономической «теории», по существу, завершается, не считая, конечно, широко используемого оснащения созданных «систем» экономического знания массивами эмпирических данных, призванных свидетельствовать, как раз, о том, что эта система, как бы, более других выражает образ экономической реальности.

Факторный подход является выражением поверхностного действия мышления по отношению к исследуемому объекту. Если соотносить его специфику и потенциал с областью методологического анализа, то надо отметить, что факторный подход полностью отвечает эмпирически-позитивистскому пониманию самой методологии. Обращение к нему, его использование ни в коей мере не обеспечивает и не способствует формированию теории. Напротив, он даже уводит от постановки задачи создания теории.

Преобладание факторного подхода делает проблему развития экономической науки способом фиксации различных вариантов манипулирования уже известными, выделенными эмпирически, чертами реальности экономических же отношений. Последние с большей или меньшей долей критичности переносятся в сферу осмысления и там получают ту или иную интерпретацию, которая предполагает некую состоявшуюся систематизацию, зависимую от воли и взглядов ее автора. В итоге количество вариантов интерпретаций экономических отношений растет в геометрической прогрессии, а вот развитие экономики как науки и зависимой от нее желаемой социальной практики не наступает.

В этом контексте вопрос о развитии экономической теории оказывается во многом фантомным явлением. Для всякой науки включая и экономику, вопрос о ее теории – это всегда вопрос о ее сущ-

ности, о ее способности вскрывать закономерности исследуемых явлений. Если же в науке обнаруживаются лишь массивы описаний, их систематизации и интерпретации произвольных оснований, то говорить о наличии или даже о возможности формирования теории не приходится. Теория не может быть лишь систематизированной совокупностью каких-либо, даже многочисленных, данных. Теория – форма существования научного знания в его процессуальном виде, в которой оказывается «схваченным» способ формирования (а не просто описания!) того, что исследуется. Она не может выражать любые формы представленности готового знания, которые могут быть использованы не по логике процессов, породивших их. Так как в этом случае будет иметь место не теория, а совокупность определенным образом систематизированного эмпирического знания.

Обращение к анализу экономической реальности и экономическим отношениям для экономических исследований является общим местом, то есть ставшим уже вполне стандартным исходным пунктом. Однако при ближайшем рассмотрении очевидным становится то, что сама экономическая реальность и экономические отношения являются феноменами, производными от состояния общества и сущности общественных отношений (4, с. 24–26). Поэтому брать экономические отношения вне анализа их содержательной вписанности в общественные отношения и вне раскрытия их сущности за основу определенного варианта экономической теории не является адекватным методологическим шагом (6, с. 512–513). На этом пути неадекватность будет усиливаться всякий раз, когда, в свою очередь, те или иные функционалы (факторы) экономической реальности и экономических отношений будут рассматриваться как тоже основания – мини-основания, или опорные понятия в их системном описании.

Функционалами экономических отношений традиционно считаются такие явления экономической жизни как, например, спрос, цена, доходность ресурсов, эффективность, денежная масса, предпочтение ликвидности и др. Включение их в сферу осмысления в качестве действующих факторов, способных вызывать изменения, порождает в этой ситуации дальнейшие, вполне объяснимые шаги. Ими оказываются различные попытки сопряжения выделяемых факторов (функционалов) в том или ином варианте системного рассмотрения. В различных системах рассмотрения экономических состоя-

ний на первом плане выделяются различные факторы (функционалы). Так, монетаризм в центр экономической системы ставит денежную массу, которая находится в обороте. Именно она по мнению монетаристов задает необходимые объемы производства. Денежная масса как функционал в монетаристской экономической системе делает последнюю самозамкнутой формой интерпретации экономических состояний и отношений.

В контексте социальных отношений в целом эта «самозамкнутость» даже при беглом рассмотрении обнаруживает свою недостаточность. Аналогичное имеет место, когда в центр, в качестве основы экономической системы берется какой-либо другой функционал (фактор) экономических отношений. При этом возникающая недостаточность (узость, односторонность, абстрактность и т.п.) делает необходимым ставить следующие вопросы. Во-первых, вопрос о том, как уйти в развитии экономической науки от абстрактности использования различных «самозамкнутых» функционалов или их групп в той или иной экономической системе взглядов. Во-вторых, возникает необходимость уточнения основания экономической теории, которое бы не было тождественно одному или нескольким скооперированным факторам, но, чтобы оно выражало единство, способ формирования экономической реальности как процесса, который нельзя было бы представить, как конгломерат множества функционалов и эмпирически описательных систем. В-третьих, возникает необходимость уточнения сущности теории и ее соотношения с системными массивами экономических знаний, имеющими эмпирический, срезовой, статичный характер. Эти вопросы выражают необходимость уточнения методологических оснований развития экономической науки как таковой.

Необходимость уточнения методологических оснований развития экономики как науки и ее теории, в свою очередь, требует более пристального внимания к пониманию самой методологии научного познания. Это обусловлено тем, что в сфере науки на протяжении длительного времени преобладает толкование методологии, вполне соответствующее факторному подходу. Оно не только не выявляет недостаточность системного, статичного знания для развития науки, но и задает ему статус как, якобы, вполне научного, объективного. Однако, готовое (статичное) знание как знание дисциплинарное не

является знанием научным в собственном смысле слова. В дисциплинарном знании ведущей является логика изложения, самоцельной систематизации готовых знаний. В науке же, в научном знании ведущей является логика процесса – логика процесса формирования того, что исследуется. Однако, учитывая, что выделение факторов (функционалов) и произвольное придание им статуса оснований тех или иных экономических знаниевых систем, делает все поле экономической науки состоящим из таких «изобретений» – систем экономических знаний, не отвечающих запросу на адекватное понимание социальных процессов и его материальных основ, но делающих все экономическую науку, с одной стороны, сферой фантомных проблем для общества в целом, и, с другой стороны, в сферу обоснований своекорыстных интересов определенных частных групп. Не спасает положение в экономической науке и обращение к институциональным факторам, которые, казалось бы, ориентированы на охват рассмотрения всего общества, хотя и через социальные институты.

Литература

1. Гусева Н.В. Понимание методологии и логика развития науки: к диалектико-логическому анализу подходов // Диалектическое мышление и феномен методологических исследований в развитии науки. Монография / Под общ. ред. д.ф.н. Н.В. Гусевой. – Усть-Каменогорск, 2017. – 275 с. с. 28–42.
2. Гусева Н.В. К вопросу о методологических основаниях осмысления предмета экономики как науки // Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. Выпуск 4. Экономические проблемы образования и общества. Усть-Каменогорск, 2006, с. 162–168.
3. Гусева Н.В., Черняева Г.В. К вопросу о предмете и методологических основаниях экономики как области научного знания // Инновационное развитие экономики России: новая концепция экономического знания. Сборник статей по материалам Второй ежегодной научной конференции. Под редакцией Л.А. Тутова. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016. – С. 55–67.
4. Гусева Н.В. К методологическому анализу оснований мегатенденций современного мирового развития // Россия: тенденции и

перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 2. – 992 с.: с. 24–26.

5. Гусева Н.В. Феномен идеального: к определению процессов трансформации // Гуманизм. Людина. Идеальне: Матеріали Міжнародних людинознавчих філософських читань (Дрогобич, 2016 р.) / Ред. колегія: В.С. Возняк (головний редактор), В.В. Лімонченко, О.А. Ткаченко. – Дрогобич: ТзОВ «Трек-ЛТД», 2016. – 288 с. С. 79.

6. Гусева Н.В. Концептуальная основа стратегии развития, безопасности и сотрудничества как проблема культуры и цивилизационного выбора // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – 612 с., с. 512–513.

7. Гусева Н.В. Феномен всеобщности в философии и научном сознании // Материалы Международной научной конференции «Жизнь в измерениях абсолюта как проблема философии и культуры русского серебряного века». Дрогобыч, 6–8 мая 2010 года. Дрогобыч, 2010, с. 141–149.

8. Гусева Н.В. Методология в сфере научного исследования // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Наука и образование в современном мире». Усть-Каменогорск–Москва. Выпуск 2, М., 2011, с. С.27–37.

9. Диалектика и проблемы развития науки: Монография / Под общей ред. доктора философских наук, академика Акмеологической академии Гусевой Н.В. – В 2 частях. – Ч. 1. – Усть-Каменогорск, 2017. – 325 с. . Ч. 2. – Усть-Каменогорск, 2017. – 326 с.

Гусева В.И.,

*доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории
Кыргызско-Российского Славянского университета,
г. Бишкек, Кыргызская Республика;*

Бровко Н.А.,

*доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории
Кыргызско-Российского Славянского университета,
г. Бишкек, Кыргызская Республика*

**К вопросу о ренессансе политэкономии
в Киргизии**

Аннотация. В статье отражены проблемы и перспективы возрождения политической экономии в Киргизии. Обоснована необходимость корректировки учебного курса подготовки экономистов, в том числе в части повышения уровня и качества политико-экономической подготовки специалистов.

Ключевые слова: политэкономия, экономическая политика, неравенство доходов населения, порочный круг нестабильности, образование, политико-экономическая подготовка экономистов, Кыргызская Республика

Guseva V.I.,

*doctor of economic sciences,
Professor of the Department of economic theory
of the Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan*

Brovko N.A.,

*doctor of economic sciences,
Professor of the Department of economic theory
of the Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan*

To the Question about the Renaissance of Political Economy in Kyrgyzstan

Abstract. The article reflects problems and prospects for a revival of political economy in Kyrgyzstan. The necessity of adjusting the educational training of economists, including in terms of raising the level and quality of political-economic training specialists.

Keywords: political economy, economic policies, inequality of incomes of the population, the vicious cycle of instability, education, politico-economic training of economists, Kyrgyz Republic

Дискуссия о роли политэкономии в современной экономической науке, а также ее месте в системе образования ВУЗах России не оставила равнодушными многих ученых на просторах СНГ, в том числе в Кыргызской Республике.

Возникает закономерный вопрос: а почему необходимо восстановить позиции политэкономии, как в науке, так и в учебном процессе подготовки экономистов с высшим образованием в Кыргызстане? Прежде всего, необходимость возрождения политэкономии определяется бесспорным фактом, что «научной основой экономической политики является политэкономия»¹.

Анализ взаимосвязей политической экономии и экономической политики широко представлен в работах ведущих российских ученых, в том числе: А.В. Бузгалина, А.И. Колганова, А.А. Пороховского, А.И. Татаркина, В.Т. Рязанова, Г.Н. Цаголова, А.В. Горшкова, Г. Клейнера, М. Войекова и многих других.

Так, к примеру, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов рассматривают основные блоки экономической политики в жесткой «привязке» к структуре системы производственных отношений. Притом, авторы дифференцируют следующие основные блоки производственных отношений:

- блок отношений координации;
- блок отношений собственности;

¹ Татаркин А.И. Политическая экономия как научная основа экономической политики //Журнал экономической теории.– 2015. – № 3. – С.7–27.

- блок отношений воспроизводства;
- блок социальных параметров экономики¹.

Среди ключевых блоков хотелось бы выделить блок социальных параметров экономики, который включает отношения распределения дохода, а также производные от них показатели уровня бедности, дифференциацию доходов населения и т.п.

Анализ состояния данного блока (блок социальных параметров) в Кыргызстане позволяет сделать вывод, что экономическая политика, как правило, отражает экономические отношения, складывающиеся в стране. И поэтому следует согласиться с мнением российских ученых-экономистов, резюмирующих, что «реальная социально-экономическая политика в каждой стране является способом реализации базовых интересов правящего экономико-политического класса»².

Радикальные рыночные реформы 90-х годов XX века привели к разрушению прежней системы производственных отношений, разрыву хозяйственных связей и становлению новой экономической политики в Кыргызской Республике.

Трансформация отношений собственности привела к значительным изменениям в отношении распределения доходов в республике: неравенство доходов населения республики значительно усилилось, что наглядно демонстрируют данные Национального статистического Комитета Кыргызской Республики.

Сравнительный анализ данных таблицы 1 показывает, что до 2000 гг. наблюдалась устойчивая тенденция повышения данных показателей. Так, показатель соотношения доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных групп населения увеличился на 16 пунктов, квинтильный на 7,7 пункта, что свидетельствует о значительном углублении социальной дифференциации населения. Коэффициент Джини увеличился с 0,236 до 0,449 (2000г.), то есть почти в два раза увеличился разрыв между богатыми и бедными. Затем, начиная с 2001 по

¹ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Политическая экономия и экономическая политика. Рынок. Капитал. Общество. – TerraEconomicus, 2016. Том 14, №1. С. 4

² Бузгалин А.В., Колганов А.И. Политическая экономия и экономическая политика. Рынок. Капитал. Общество. – TerraEconomicus, 2016. Том 14, №1. С. 16

2011 гг. наблюдалось снижение данного показателя, а с 2012 гг. по 2014 гг. снова – повышение. И только период 2014–2017 гг. характеризуется снижением данного коэффициента до 0,392 (2017г.).

*Таблица 1. Динамика показателей
неравенства доходов населения в Кыргызской Республике¹*

Годы	Соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных групп населения	Коэффициент Джини	Соотношение доходов 20% самых богатых и 20% самых бедных групп населения
1985	2,1	0,236	3,1
1990	2,0	0,224	2,7
1995	9,9	0,376	6,9
1996	8,5	0,375	5,5
1997	10,7	0,453	8,2
1998	10,6	0,447	7,7
1999	9,1	0,443	6,9
2000	18,1	0,449	10,8
2001	17,8	0,441	9,9
2002	15,8	0,419	9,1
2003	14,3	0,407	8,5
2004	14,8	0,422	8,5
2005	17,5	0,433	8,9
2006	14,4	0,446	9,9
2007	16,1	0,442	8,9
2008	15,9	0,363	6,2
2009	14,2	0,371	6,2
2010	11,1	0,371	8,7
2011	12,1	0,382	7,3
2012	15,8	0,420	9,1
2013	21,4	0,456	11,5
2014	17,2	0,429	9,75
2015	11,8	0,408	7,5
2016	14,3	0,406	8,4
2017	12,8	0,392	7,6

¹ Составлено по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики. Уровень жизни населения Кыргызской Республики 2010–2014. Бишкек 2015.

Таким образом, следует констатировать, что «...политико-экономический подход позволяет по-новому взглянуть на многие вопросы экономической политики. В частности, показать, что это всегда социально-экономическая политика, что все кажущиеся узкопрофессиональными и даже техническими вопросы в этой сфере всегда, в конечном счете, упираются в фундаментальные общественные проблемы»¹.

Безусловно, в мире не было, нет, и не может быть стран, где все население живет богато. Везде есть бедные и богатые. Имущественное расслоение населения характерно фактически для всех стран. Однако степень этого расслоения, амплитуда доходов различных групп населения во многом зависит от эффективности экономической политики.

Отметим, что в экономической науке на современном этапе не существует единого критерия эффективности экономической политики. К проблеме эффективности экономической политики обращались многие исследователи. Так, немецкий экономист А. Вагнер сформулировал закон, позднее получивший его имя. Данный закон гласит: социальный прогресс вызывает рост экономической активности государства – рост правительственных расходов, темпы которого превышают темпы прироста объемов национального производства.

Но в современных условиях для определения эффективности экономической политики наиболее часто используют сформулированный итальянским экономистом Вильфредо Парето, так называемый «оптимум- Парето». В экономикс «оптимум-Парето» означает максимум благосостояния, при котором невозможно улучшить положение любого путем изменения объема производства и обмена, не ухудшив положение других. На наш взгляд, данный критерий эффективности экономической политики вызывает сомнения.

Весьма важным аргументом ренессанса политэкономии является ее центральное место в системе экономических дисциплин.

Особое положение экономической теории (политической экономии) среди множества экономических дисциплин. Данную точку зрения поддерживают многие ученые- экономисты. Так, россий-

¹ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Политическая экономия и экономическая политика. Рынок. Капитал. Общество. – TerraEconomicus, 2016 – cyberleninka.ru

ский ученый А.В. Горшков утверждает, что политэкономия является ядром экономической науки¹. Следует согласиться, что «здание» политэкономии, в «строительстве» которого приняли участие лучшие умы человечества, отличается стройностью и логичностью»².

Однако в Кыргызской республике с 1995г. дисциплина «политэкономия» отсутствует в учебных планах и программах высших учебных заведений.

Между тем, социальные опросы абитуриентов, поступающих на направление «Экономика» в ВУЗах Кыргызстана, а также статистика свидетельствует о том, что основная масса будущих экономистов мечтает стать банкирами, финансистами, бухгалтерами.

Необходимо отметить, что в последние годы в Кыргызской республике наблюдается рост численности выпускников ВУЗов, в том числе с экономическим образованием.

Не смотря на рост численности ВУЗов и количества специалистов с высшим экономическим образованием, качество подготовки кадров значительно снизилось. Особую тревогу вызывает подготовка менеджеров, которые должны принимать экономически грамотные решения, а, следовательно, должны уметь осуществлять сравнительный анализ и давать оценку экономического состояния различных рыночных объектов. А учебные программы по подготовке менеджеров не только не содержат такой предмет как «политэкономия», но и экономикс (микро и макроэкономика) присутствует в них в значительно сокращенном виде.

Как известно, на начальных этапах проведения рыночных реформ активно навязывалась идея о том, что политика – это удел профессионалов, в противовес известному утверждению, что «кухарка должна научиться управлять государством».

Да, безусловно, управлять государством и формировать экономическую политику должны профессионалы, более того, высококвали-

¹ Горшков А.В. Может ли экономическая теория быть универсальной, или Зчем нужна теория национального хозяйства России? / А.В. Горшков // Изд. Уральского государственного экономического университета.–2012.–№4(42).- С. 11–19.

² Клейнер Г.Б. Три вопроса к политэкономии (попытка системной интроспекции) // Вопросы экономики. 2018. № 8. С. 118–127.

лифицированные профессионалы, которые были бы вооружены знаниями, в том числе по политэкономии. Только в этом случае государственные чиновники могли бы грамотно прогнозировать отрицательные социальные, экономические и политические последствия принимаемых решений. Поскольку всякий просчет в экономической политике негативно сказывается на социально-экономическом развитии государства (замедление темпов экономического роста, социальные взрывы, обострение социальной напряженности...).

Ярким примером, подтверждающим данный тезис, являются не столь давние события в Кыргызской Республике, когда непродуманные экономические решения привели к формированию порочного круга нестабильности:

Этапы порочного круга «нестабильности»:

- Спад производства в экономике, замедление темпов экономического роста ведет к сокращению доходов, углублению неравенства и бедности основной массы населения.
- В свою очередь, нищета и углубление социально-экономического неравенства провоцирует социальную нестабильность: митинги, революции, мародерство.
- Социальная нестабильность ведет к дальнейшему замедлению темпов экономического роста и сокращению объемов ВВП.

В свете обозначенных проблем, учебные программы вузовской подготовки в республике требуют серьезных изменений, в том числе в части повышения уровня и качества политико-экономической подготовки специалистов.

В трудах ведущих ученых-экономистов России А.В. Бузгалина, А.И. Колганова, А.А. Пороховского и многих других обоснована необходимость корректировки учебного курса подготовки экономистов.

Ученые Кыргызстана солидарны с мнением российских ученых, что формированием экономической политики должны заниматься экономически грамотные специалисты, в том числе понимающие значимость политэкономии, как научной основы экономической политики.

Поэтому возникает масса вопросов, наиболее актуальный из них: что необходимо преподавать студентам: политэкономии или экономикс?

Существует точка зрения, согласно которой «политэкономия и экономикс – это два противоположных полюса»¹, а, следовательно, возможен только альтернативный выбор: либо преподавать политэкономию, либо – экономикс.

Но данное предложение вызывает больше вопросов, чем ответов.

Мы согласны, что «...необходимо возвращать теорию и методологию политической экономии в учебные аудитории вузов...»². Да, действительно, экономикс «упрощает и отчасти искажает базовые экономические категории»³. Безусловно, экономикс содержит множество абстрактных понятий и разного рода допущений. Однако данная концепция содержит и рациональные зерна, знание которых однозначно необходимы в условиях современных рыночных отношений.

Поэтому нет никакой необходимости решения дилеммы – или политэкономия, или экономикс. Мы считаем, что надо преподавать и политэкономия и экономикс, тем более, для экономистов и менеджеров.

Таким образом, необходимость возрождения политэкономии в Киргизии назрела, но есть проблемы, которые предстоит решать.

Литература

1. Бархатов В.И., Плетнев Д.А., Бенц Д.С., Гончаренко Л.С., Кампа А., Белов И.А. Возможности и проблемы преподавания предмета «Политическая экономия» в современном университете. // Вестник Челябинского университета . 2017 №10 (406). Экономические науки. Вып. 58.

2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Политическая экономия и экономическая политика. Рынок. Капитал. Общество. – TerraEconomicus, 2016. Том 14. №1

¹ В.И. Бархатов, Д.А. Плетнев, Д.С. Бенц, Л.С. Гончаренко, А. Кампа, И.А. Белов. Возможности и проблемы преподавания предмета «Политическая экономия» в современном университете. // Вестник Челябинского университета. 2017. №10 (406). Экономические науки . Вып. 58. С .196.

² Там же. С. 194.

³ Там же. С. 195.

3. Горшков А.В. Может ли экономическая теория быть универсальной, или Зачем нужна теория национального хозяйства России? / А.В. Горшков // Изд. Уральского государственного экономического университета. – 2012. – №4(42). – С. 11–19.
4. Клейнер Г.Б. Три вопроса к политэкономии (попытка системной интроспекции). // Вопросы экономики. 2018. № 8. С. 118–127
5. Татаркин А.И. Политическая экономия как научная основа экономической политики / Журнал экономической теории. – 2015. – № 3. – С. 7–27.

Егоров Д.Г.,

доктор философских наук,

профессор Псковского государственного университета

Егорова А.В.,

кандидат экономических наук, доцент

Неоклассика vs классика:

есть ли в экономической теории третий путь?

(или почему проблемы

неоклассической экономической теории

принципиально неразрешимы)

Аннотация. Стоимость – мера ценности. неоклассическая теория, принципиально отказавшись от категории «стоимость», в своем развитии столкнулась с рядом проблем. объективных научных оснований для элиминации стоимости нет. возврат в экономическую теорию категории «стоимость» позволяет снять ряд теоретических проблем, в первую очередь проблему соотношения макро- и микро-описаний экономических систем, и объединить на едином теоретическом фундаменте неорикардские (неомарксистские) течения экономической мысли и неоклассический mainstream.

Ключевые слова: экономическая теория, стоимость, мера, принцип

Egorov D.G.,

Dr. Sci. (Philosophy of Sci.)

professor of the Pskov State University

Egorova A.V.,

Cand. Sci. (Economy)

Neoclassics vs Classics: whether there is in the Economic

Theory the Third Way? (Why cannot Problems

of Neoclassical Economics be Fundamentally Resolved)

Abstract. value is a standard of the cost. Neoclassical theory, fundamentally abandoning the category of “value”, in its development faced a number of problems. There is no objective scientific basis for the elimination of value. A return to the economic theory of the category of «value» allows you to remove a number of theoretical problems, primarily the problem of the relation of macro – and micro theories of the economic systems, and to unite on a common theoretical foundation of the mainstream neo-Ricardian and (neo-Marxist) currents of economic thought.

Keywords: economics, value, measure, principle

Стоимость и отказ от нее в неоклассической теории

Стоимость – мера ценности (некое общее свойство, позволяющее проводить сравнение ценностей качественно различных вещей). Этот теоретический конструкт эксплицирует сущностное свойство экономической реальности – то, что люди в самом деле как-то сопоставляют различные по природе ценности.

От Адама Смита до Карла Маркса понятие стоимости было в классической экономической теории ключевым. Однако сложности как выявления сущности стоимости, так и ее операционализации оказались очень велики. Альтернативой трудовой теории стоимости стал неоклассический подход, с утверждением которого в качестве экономического mainstream стала общепринятой точка зрения: все осмысленные экономические вопросы могут быть разрешены без обращения к стоимости.

По нашему мнению, это глубоко закономерно: существенное влияние здесь оказала значимая в первой половине XX века философия позитивизма, предписывавшая исключать из науки «метафизические», то есть несводимые к опыту понятия, такие как «сила», «материя», «атом» (так, убежденность в реальном существовании атомов лидер 2-й волны позитивизма Эрнст Мах сравнивал с верой в шабаш ведьм); по этим же основаниям была отвергнута и категория «стоимость» (5).

Однако неоклассическая теория, принципиально отказавшись от категории «стоимость» (и, тем самым – от объективной меры) в своем развитии также столкнулась с рядом проблем. указывают на

искусственность принципа априорной равновесности рынков (9, с. 224), неадекватность неоклассической аксиоматики в целом (1; 10), невозможность согласования в рамках неоклассического подхода микро- и макро-подходов (14, с. 65), и т.д.

По нашему мнению, первооснова проблем неоклассики – отсутствие в ее рамках объективной меры, т.е. отказ от идеи стоимости (5):

В современной экономике деньги являются мерой *без эталона*, и это есть прямое следствие господства неоклассических представлений об отсутствии объективной ценности у любого товара. В отсутствие меры рассмотрение экономики становится *необходимо равновесным*, что, в свою очередь, необходимо приводит к рассогласованию в рамках *mainstream* априорно равновесных микро-моделей и макро-теории (7).

Так как эти (и другие: см., напр. (3)) теоретические проблемы прямо вытекают из элиминации категории «стоимость», то в рамках неоклассики они принципиально неразрешимы.

*Объективных научных оснований
для элиминации стоимости нет*

В первую очередь необходимо отметить следующее: огромный историко-экономический контекст понятия «стоимость», длительные попытки определить и выявить сущность этой категории привели к тому, что существует огромное количество вариантов определения, интерпретаций, etc. Все это дополнительно запутывает и усложняет рассматриваемую проблему.

Наша позиция заключается в том, чтобы проблему определения и интерпретации категории «стоимость» решать *ab ovo* (с чистого листа): данное нами выше определение стоимости не предполагает никаких отсылок к пониманию стоимости у Смита, Рикардо, Маркса, и/или кого-либо еще.

Как понятие идеальное, стоимость непосредственному наблюдению и измерению не подлежит, однако имеет эмпирическое истолкование (6, с. 83–87).

Возможна ли операционализация стоимости? Здесь мы, следуя К. Попперу, заметим, что операционализация при построении теории

не является обязательной (11, с. 444–446). Неоперационализируемые теоретические конструкты нередки даже в математике: так, кардинальные числа в теории трансфинитных множеств (8) идеально есть, ими оперируют, доказывают теоремы, при этом вычисление кардинального числа принципиально невозможно.

Что касается собственно стоимости: множественные попытки найти универсальный алгоритм измерения стоимости в рамках трудовой, энергетической, информационной концепций так и не увенчались до сих пор успехом. По нашему мнению, универсальный алгоритм измерения стоимости может мыслиться только теоретически, а на практике его реализация вряд ли возможна (3). Но из сложности операционализации не следует ненаучность понятия «стоимость» (как объективного свойства объекта), – также как невозможность универсального критерия истины (11, с. 446). отнюдь не делает несостоятельной науку в целом, смысл которой – именно в поиске истины.

В настоящее время общепризнано: при построении научной теории не только можно, но и нужно использовать идеальные теоретические конструкты (13). Определение: «стоимость есть мера ценности» метафизично? – но не более чем физические определения: «масса – мера инерции», «сила – мера взаимодействия тел», «энтропия – количество микросостояний, которыми можно реализовать макросостояние», др.

Детальное обоснование, что значительная часть критики идеи стоимости есть не столько наука, сколько идеология, см. также в (2; 3).

*Как конкретно стоимость можно вновь включить
в современную теорию?*

– корректировкой принципов базовой модели экономического индивидуума. Собственно, с учетом того, что в неоклассической микроэкономике *homo oeconomicus* мыслится обладающим полной информированностью и абсолютной рациональностью, корректировке подлежит только онтология микромоделей: принцип существования ценностей дополняется принципом существования меры ценности (стоимости). При абсолютной информированности и рациональ-

ности любой элемент экономической системы очевидно будет знать стоимость любого ресурса: стоимость можно определить как цену ресурса на идеальном рынке.

В то же время важно отметить – мы отнюдь не имеем в виду, что вся современная неоклассическая экономическая теория должна быть отвергнута. В большинстве случаев ее частные теоретические схемы и модели были и останутся адекватными – ибо они не нуждаются в субъективистском отрицании стоимости:

Маржиналистские модели работают при любом виде *функции полезности* – в том числе, естественно, и при признании полезности функцией стоимости. поэтому предположение, что в основе предпочтений лежит что-то объективное (стоимость), в маржиналистских моделях ничего не меняет (2).

Теоретические следствия

Если исходить из того, что главной особенностью классической школы является признание стоимости, то логично определить неоклассическую школу через отрицание стоимости. Оппозиция «стоимость» vs «маржинализм» дихотомическим делением не является, ибо предельный анализ может быть использован, как уже отмечено, и при стоимостной трактовке экономики. Соответственно, выход из теоретического кризиса, в котором очевидно пребывает mainstream, не в нахождении какого-то «третьего» пути (ибо такового нет: можно либо признавать существование объективной меры, либо ее отрицать), а в реабилитации классической школы.

Мы не считаем неоклассическую теорию «неправильной». возврат в экономическую теорию категории «стоимость» предполагает расширение экономической теории, а не разрушение неоклассического подхода. отношение между неоклассической и классической теориями подобно отношению между геометриями Евклида и Лобачевского: обе логически непротиворечивы и отличаются только постулатом о параллельных прямых. Но если аксиоматика Евклида адекватна обыденной реальности (и потому именно она лежит в основе техники), то аксиоматика Лобачевского описывает пространственные отношения на гиперболических (седловидных) поверх-

ностях, – в силу чего почти не имеет практического значения. Неоклассическая теория, по нашему мнению, очевидно имеет практическое значение, – но в чем именно?

В рамках неоклассического подхода вопрос наличия ценности вещи «самой по себе» не имеет смысла (предпочтения *homo oeconomicus* – это «черный ящик»). Какие ситуации в реальности изоморфны такому подходу? – в первую очередь, это ситуации распределения уникальных ресурсов, в оценке которых велика роль сугубо субъективных факторов (например: продажа на аукционе произведений искусства). Не случайно Л. Роббинс, в преамбуле к своему (теперь уже академическому) определению предмета экономики, пишет: «... именно в этой области [распределения] экономические обобщения имеют наибольшую практическую ценность» (12, с. 15).

Принятие принципа существования стоимости – это, в сущности, раскрытие «черного ящика» *homo oeconomicus*: в нем обнаруживаются инструменты оценки ресурсов по трудоемкости, редкости и полезности (в контексте существующих в данный момент технологий и потребностей). Какие ситуации в реальности изоморфны такому подходу? – это ситуации массового производства с разделением труда, с использованием существенно стандартизированных ресурсов, в оценке которых преобладают объективные факторы (трудоемкость, энергоемкость, редкость ресурсов, наличный уровень развития технологий).

Поэтому анализ спекулятивного аспекта экономики может быть уместен с позиций неоклассики, а вот при анализе процессов производства (реального сектора) адекватнее классический подход (именно он при этом и применяется по факту – в форме обыкновенного «здорового смысла» (6, с. 85–87)).

Возврат в экономическую теорию категории «стоимость» позволяет снять ряд теоретических проблем, в первую очередь проблему соотношения макро- и микроописаний экономических систем: равновесные неоклассические микромоделю априорно рассогласованы с макротеорией, предмет которой – ситуации, как правило, неравновесные, нередко не имеющие даже тенденции к равновесию. Для согласования макро- и микро-экономики требуется возможность микро-описания неравновесных процессов. Введение стоимости и позволяет это сделать: ибо в этом случае исчезает необходимость в принципе априорного равновесия (7).

Проблема современной экономической теории – в ее разобщенности. Создание интегральной экономической теории предполагает формирование такой первичной системы принципов (аксиом), в рамках которой основные теоретические схемы представляли бы собой частные случаи (при тех или иных дополнительных условиях). возврат в экономическую теорию категории «стоимость» позволит объединить на едином теоретическом фундаменте и *mainstream*, и неорикардрианские (неомарксистские) течения экономической мысли: в дополнение к общему принципу существования ценностей в первом случае принимается принцип субъективизма (отсутствия у ценностей объективной меры), а во втором – принцип существования меры ценности (стоимости). позволим себе аналогию с математикой, которая до середины 19-го века представляла собой совокупность слабо связанных между собой теорий. Интеграция в единое целое произошла тогда, когда на понятийной основе теории множеств удалось проинтерпретировать главные понятия математики: и для этого не потребовалось «переписывать» ее заново.

Практические следствия

Достаточно очевидно, что современный мировой рынок институализирован таким образом, что главные предпочтения получают отнюдь не производители товаров и услуг, а те, кто организуют и контролируют обмен товаров и, – что еще важнее, – курсы валют. По нашему мнению, практическая значимость неоклассической теории – в первую очередь в идеологической легитимизации этого *status praesens* (4; 5). Современная мировая экономика организована, по меткому замечанию Кейнса, как огромное казино, и неоклассический *mainstream* утверждает, что гиперболическая реальность плавающих курсов валют (а это есть прямое следствие господства в умах людей неоклассической теории, а именно: представлений об отсутствии объективной стоимости у любого товара, в том числе и у денег) «нормально», более того, «теоретически правильно».

Иными словами, господство экономического *mainstream* ряду ключевых игроков мировой экономики выгодно, ибо архитектура современных мировых финансов (теоретической базой которой и

является неоклассика) есть средство конвертации политического и военного доминирования стран «первого мира» в экономические предпочтения. Совсем не случайно нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц в своей недавней работе написал, что «...западные экономисты уже давно не столько ученые, сколько “группа поддержки капитализма”» (15, с. 288). Поэтому дискуссия о стоимости потенциально имеет огромное практическое значение: это, в сущности, дискуссия о легитимности всего современного мирового финансово-экономического порядка. Возврат широких масс экономистов-теоретиков, менеджеров, политиков к идее объективности стоимости (и, соответственно, необходимости у денег эталона – золотого, энергетического, или какого-то еще, но обязательно объективного) лишит легитимности современную систему плавающих валютных курсов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00092.

Литература

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / М. Блауг. – Москва: Дело ЛТД, 1994. – 720 с.
2. Егоров Д.Г. О возможности синтеза классической и неоклассической теорий: трактовка категории «стоимость» / Д.Г. Егоров // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2008. – № 3. – С. 24–31.
3. Егоров Д.Г. О теоретической альтернативе экономическому мейнстриму / Д.Г. Егоров // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2013. – № 7. – С. 70–78.
4. Егоров Д.Г. Экономический мейнстрим и стоимость: о позитивизме в экономической теории / Д.Г. Егоров // *Философия хозяйства*. – 2013. – № 2. – С. 127–143.
5. Егоров Д.Г. Неоклассика vs классика: есть ли в экономической теории третий путь? / Д.Г. Егоров // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – № 6. – С. 35–41.
6. Егоров Д.Г. Микротеория и стоимость / Д. Г. Егоров // *Общество и экономика*. – 2017. – № 11. – С. 81–90.

7. *Егоров Д.Г.* О согласовании микро- и макромоделей экономических систем / Д. Г. Егоров // Общество и экономика. – 2018. – № 9. – С. 21–32.
8. *Кантор Г.* Труды по теории множеств / Г. Кантор. М.: Наука, 1985. – 431 с.
9. *Кейнс Дж. М.* Избранные произведения / Дж. М. Кейнс. М.: Экономика, 1993. – 543 с.
10. *Полтерович В.М.* Кризис экономической теории / В.М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 1. – С. 46–66.
11. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. / К. Поппер. Москва: Феникс, 1992. – Т. 2. 528 с.
12. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки / Л. Роббинс // THESIS. – 1993. – вып. 1. – С. 10–23.
13. *Степин В.С.* Теоретическое знание / В.С. Степин. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
14. *Стиглиц Дж.* Альтернативные подходы к макроэкономике: методологические проблемы и неокейнсианство / Дж. Стиглиц // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 5. С. 64–72.
15. *Стиглиц Дж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Дж. Стиглиц. Москва: Эксмо, 2011. – 510 с.

Козлов В.В.,

*доктор экономических наук,
профессор кафедры управления
Российского государственного аграрного университета
– МСХА имени К.А. Тимирязева*

**Модернизация
модели социально-экономической системы:
эволюция и революция**

Аннотация: Работа посвящена изучению с позиций теории открытых систем и поведенческих наук динамики функционирования социально-экономических систем (организаций, местных сообществ и государств). Раскрыты процессы потери ими способностей эффективно функционировать в усложняющейся внешней среде. Описаны предпосылки накопления эволюционных изменений и осуществления быстрого революционного перехода через созидательное разрушение к новой базисной модели выживания. Описано прекращение деятельности организаций, краха социально-экономических систем, не осуществивших своевременное изменение базиса модели выживания, а также процессы самосохранения на некоторое время систем с неизменным организационным базисом, не смотря на действия, связанные со сменой власти.

Ключевые слова: общая теория систем, парадигма мышления, институциональная среда, эволюция, революция

Kozlov V.,

*doctor of Economics, Professor of the Department
of management of the Russian state agrarian University –
Moscow Timiryazev agricultural Academy*

**Modernization of Model of Socio-Economic Systems:
Evolution and Revolution**

Abstract. The work is devoted to the study of the dynamics of socio-economic systems (organizations, local communities and States) from the standpoint of the theory of open systems and behavioral Sciences. Processes of loss of ability of systems to function effectively in more complex environment are revealed. Preconditions of accumulation of evolutionary changes and realization of fast revolutionary transition through creative destruction to new basic model of survival are described. The article describes the termination of organizations, the collapse of socio-economic systems that have not implemented a timely change in the basis of the survival model, as well as the processes of self-preservation for some time of systems with a constant organizational basis, despite the actions associated with the change of power.

Keywords: General theory of systems, paradigm of thinking, institutional environment, evolution, revolution

Введение

Темпы социально-экономического развития организаций, стран и континентов нарастают. Продолжительность конкурентоспособной деятельности организаций сокращается. При этом одни успешно проводят своевременную модернизацию своей организационной модели, зачастую становясь по своей сути совсем иными. Другие же проходят через полное разрушение безнадежно устаревшей модели. Нарастает разрыв между странами с инклюзивной моделью экономики и странами с экстрактивной моделью экономики¹. Появляются научные обоснования экономически нерационального поведения

¹ Термины экстрактивной и инклюзивной экономики широко используются в современной экономической литературе, например, в работе Аджемоглу Д. и Робинсона Д. «Почему одни страны богатые, а другие бедные», и означают: в первом случае такие отношения властей и народа, при которых обеспечивается процветание правящих элит за счет всех имеющих в стране ресурсов, в т.ч. людских; во втором случае инклюзивная (все включено) модель означает, что граждане страны оказывают решающее влияние на власти и в большей мере обеспечивается учет интересов граждан по сравнению с интересами правящих элит (1).

людей. Исследования функционирования социально-экономических систем становятся более глубокими и междисциплинарными.

Обзор научных источников

Основоположником общей теории систем считается австрийский биолог Людвиг фон Берталанфи. Он показал (1930), что любая система существует благодаря своей активности – деятельности во взаимодействии с окружающей средой (обмен энергией, ресурсами и т.п.). При этом система находится в относительно равновесном состоянии только в своей активности (3). Значимой в теории систем можно считать работу советского ученого А.Н. Малюты «Закономерности системного развития» (1990), который, используя математику, ввел представления о равновесном стабильном состоянии – стационарной фазе процесса системной реализации (вторая фаза) и динамических состояниях изменения – первой (развитие и прогресс) и третьей (распад и регресс). Предложил представление о статистическом состоянии системы, как о циклическом повторении одного и того же (бег по кругу). Динамику же он интерпретировал спиралью, расходящейся в первой фазе процесса системной реализации и сходящейся в третьей фазе (8, С.63–94).

К проблематике социального развития человеческих систем подошел американский психолог Клэр У. Грейвз (1959). «Грейвз стремился интегрировать “био-”, “психико-” и “социо-” и тем самым объединить человеческое знание и разрушить академические стены, разъединяющие отдельные научные дисциплины и области исследований» – отмечают его ученики и последователи Дон Бек и Крис Кован (2, С. 42). Предложенная К. Грейвзом спиральная динамика, как модель «...обеспечивает общий язык для охватывания как локальных, так и глобальных проблем. Она предлагает систему взглядов, делающую возможным целостное (холистическое) мышление и действия в соответствии с ними» (2, С. 44). К. Грейвз утверждал: «Человек, компания или общество в целом может позитивно реагировать только на те принципы управления, мотивационные призывы, методы образования, юридические и этические правила, которые приемлемы для нынешнего уровня человеческого существования» (2, С. 43). Развивая на-

следие К. Грейвза, Д. Бек и К. Кован показали, что «человеческая спираль состоит из скрученных цепочек систем ценностей, взглядов на окружающий мир и точек зрения, присущих различным эпохам и соответствующих различным жизненным условиям» (2, С.43). Однако в работах этих психологов мы наблюдаем только восходящие спирали.

Отечественный исследователь В.М. Ефимов уточняет: «Выбор, который индивиды делают сегодня, «вставлен» (англ. embedded) в действия вчерашних волевых агентов. При этом ... индивиды имеют, помимо тех правил, которые им навязываются «волевыми агентами», свои, имеющие глубокие исторические корни, неформальные правила и верования-убеждения, и если они противоречат правилам введенным, то их реализация оказывается под сомнением» (5, с. 49–67). Он показывает значимость своевременного законодательного оформления нового поведения и воспитательно-образовательных усилий заинтересованными во введении этих правил (5, с. 74–116). Показывает, что не скачкообразно, как мы трактуем революционные изменения, а пошагово, с каждым новым законом меняется институциональная среда современного общества. Графически это можно интерпретировать движением по треугольнику: от функционирования к появлению и апробации идей передовой частью общества; закреплению в форме нормативно-правовых актов; опривычиванию на новом уровне поведения остальными акторами и т.д. (см. рис. 1).

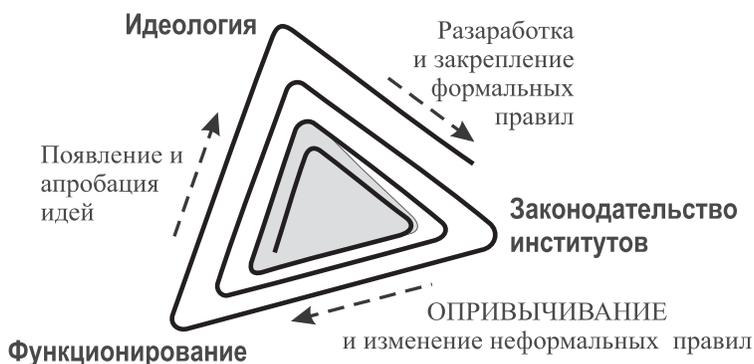

Рис. 1. Треугольник циклов институциональных изменений. Серый треугольник отражает длительное российское «хождение по одному кругу».

Составлено автором на основе идеи В.М. Ефимова (5, С. 32).

Психолог М. Чиксентмихайи в работе «Эволюция личности» описал процессы формирования поведения человека по аналогии с процессами формирования его физического состояния. Он воспользовался понятием «мем», введенным в 1976 году Ричардом Доукинзом от греч. μίμημα (произносится (mí:me:ma) mīmēma) – подражание вещи (16). Считается, что мемы представляют собой культурные аналоги генов потому, что они размножаются, видоизменяются в процессе естественного отбора (9). При этом «Подобно генам, мемы не действуют в одиночку, а образуют мозаику, формируют всесторонний взгляд на человеческую жизнь и окружающий мир» (2, с. 131).

Таким образом, к началу XXI века сформировалась новая социально-эволюционная теория, названная теорией спиральной динамики.

Ховард Блум показывает, что жизненный процесс организмов предполагает наличие входящего из окружающей среды потока материи, тип и объем которого определяется в соответствии с системными характеристиками организма. Так же происходит выход материи из системы в окружающую среду, как результата функционирования системы. Организмы обеспечивают себе дополнительную энергию, которая позволяет достигать негентропии и устойчивость по отношению к среде (17).

Согласно теории систем (3, 4, 10 и др.) каждая составляющая системы должна, с одной стороны, подчинять свою деятельность общим интересам, то есть руководствоваться общим началом для обеспечения взаимосогласованной деятельности относительно единой цели системы. Это прогрессирующая систематизация, характеризуется степенью связанности элементов α . Как правило, эта систематизация реализуется на основе централизованного управления деятельностью организации, по всей иерархии сверху вниз. Соответственно, лидерами этой деятельности считаются α -лидеры. Хотя в настоящее время появились Бирюзовые организации без среднего звена управленцев, что Ф. Лалу обосновал очень высоким уровнем сознания людей (7, с. 24–54).

С другой стороны, большинство составляющих системы, должны сохранять свои способности реагировать на меняющиеся внешние условия, как необходимое разнообразие. Первоначально это было сформулировано У. Эшби для кибернетики: разнообразие сложной системы требует управления, которое само должно обладать необ-

ходимым разнообразием (15). В общем случае речь идет о способностях составляющих системы самостоятельно подстраиваться под меняющуюся внешнюю среду, подстраивать всю систему к новым внешним условиям своей деятельности. Это закономерности изменения внутренних связей в обеспечение прогрессирующей факторизации (децентрализации решений по общей деятельности системы) и характеризуется степенью самостоятельности элементов в реализации общесистемной деятельности – β . Соответственно, лидерами такой деятельности можно считать β -лидеров, лидеров факторизации – новаторов, которых, как обосновал Э. Роджерс, примерно 2,5% от всех участников. Именно они способны выйти за пределы имеющегося знания, способны первыми реализовать новое поведение (19, с. 282).

В спиральной динамике К.Грейвза скачкообразное изменение мировоззрения и поведения людей интерпретируется переходами в виртуальной спирали с одной её стороны на диаметрально противоположную, с возрастанием потенциала. Скачкообразный переход на более высокий и более широкий виток виртуальной спирали вытекает из того, что сначала накапливается некоторый потенциал для изменений, создаются условия для этих изменений – разрушаются связи (отношения), мешающие развитию, и формируются связи нового базиса (созидательное разрушение по Й. Шумпетеру) (14). Это проявление философского закона Г. Гегеля – перехода количественных изменений в новое качество. В поведение людей, как было показано, это не происходит одномоментно, но пошаговые изменения организационной модели в течение нескольких лет по сравнению с многолетним периодом стабильности можно вполне считать скачкообразным революционным переходом.

Методология исследования и результат

Развитие социально-экономической системы во внешней среде предлагается интерпретировать виртуальным движением по спирально расширяющимся кольцам (см. рис. 2).

Основополагающие результаты такого исследования изложены в работе автора «Динамика развития социально-экономических си-

стем» (6). Поэтому акцентируем внимание только на условиях перехода на следующий, качественно более значимый этап стабильного движения, или отмирания системы – прекращения деятельности в целом, а также вариант отката к прежнему уровню стабильного функционирования при некоторых новшествах в деятельности. При этом следует отметить, что зона относительно стабильного движения по кругу очень ограниченная (см. рис. 3).

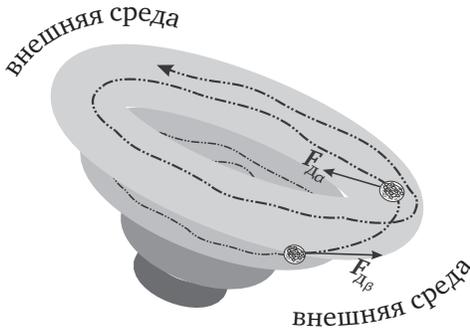

Рис. 2. Спиральная динамика социально-экономической системы во внешней среде, подсистем в системе

Такое постоянное противоборство систематизации и факторизации жизненно необходимо для любой динамической системы и соответствует философскому закону Г. Гегеля – единства и борьбы противоположностей.

Движение по кругу относительно стабильное, если внешнего ресурса хватает на выживание в действующей модели социально-экономической системы, и производительным трудом занята максимально возможная доля составляющих системы (рис. 3).

Если организационная модель исчерпала возможности выживания, но продолжает усиливать систематизацию (превалируют центростремительные силы $F_{D\alpha}$, $\alpha \gg \beta$), то это приводит к ускоряющемуся движению по скручивающейся воронкообразной спирали. Эффективность преобразования доступного ресурса снижается и проявляется неконкурентоспособность в окружающей среде. Примерами могут служить фирмы «Kodak», «Херох» и др., потерявшие ведущие позиции, сохранившие только бренды и изменившие технологии деятельности на недостаточно результативные технологии.

Рис. 3. Социально-экономическая система в процессе виртуального движения с колебаниями под попеременным влиянием прогрессирующей систематизации (α , виртуальная сила F_α) и прогрессирующей факторизации (β , виртуальная сила F_β), обеспечивающими в своем противодействии стабильную деятельность и подстройку под условия внешней среды

Раскрывая действие закономерности иерархичности, или иерархической упорядоченности, В.А. Энгельгардт на примерах биологических систем показал, что более высокий иерархический уровень оказывает направляющее воздействие на подчиненный ему уровень. Подчиненные члены иерархии приобретают новые свойства, и в результате появления этих свойств формируется новый «облик целого», со встречным влиянием элементов на целое (тз, с. 65–81). Проявляется синергетический эффект, но до тех пор, пока систематизация (S) не стала все довлеющей. При этом, как показал А. Кёстлер, любой лидер каждого уровня, каждого узла системы оказывается в ситуации «двуликого Януса»: «лик», направленный в сторону нижележащего уров-

ня, имеет характер автономного целого (системы), подчиняющий нижестоящих и подавляющий их самостоятельность; «лик», направленный к узлу (вершине) вышестоящего уровня, проявляет свойства зависимой, приспособливающейся части (18). В сложной иерархической системе в ходе приспособления людей к двуликим ролям трансформируется их поведение. Централизация неизбежно ведет к усилению подчиненности и подавлению самостоятельности составляющих эту иерархию. Чем больше уровней иерархии, тем сильнее это сказывается вплоть до разрушительного искажения информации и даже связей в системе.

В многоступенчатой бюрократической системе каждому вышестоящему и узловому объекту управления необходимо владеть всей полнотой информации о подчиненных ему, и он всеми силами старается заполучить это преимущество. Предоставляет вышестоящим и иным узловым составляющим системы, от которых он сам зависит, информацию в виде и объеме, позволяющим сохранять или наращивать свою значимость. Порождаются специальные хранители и обработчики информации. Нарастает объем избыточной информации. Множится число элементов, ответственных за связи в системе, за обмен информацией, а не за производительную деятельность (см. рис. 3). В целом же падает эффективность преобразования на благо системы привычного или, тем более, уменьшающегося ресурса из окружающей среды. Сложные общества коллапсируют из-за того, что исчерпали свой дизайн (свой «метод выживания») и не смогли адаптироваться к уменьшению отдачи окружающей среды (на единицу вложенной энергии, ресурсов и т.д.). Это очень близко к идее Тойнби и раскрыто в работе Джозефа Тернера «Коллапс сложных сообществ» – общества «... создают проблемы, которые не в состоянии разрешить» (20).

Таким образом, возможен один из двух следующих сценариев.

Первый сценарий реализуется на основе базисных изменений в организационной модели, как правило, путем созидательного разрушения (по Й. Шумпетеру) только того, что мешает реализовывать новые процедуры взаимодействия в организационной системе. На месте разрушенных устанавливаются новые связи, реализуется новая комбинация всех связей в системе, на чем акцентировал внимание Й. Шумпетер (14). Далее необходимо освоение новых отношений (рис. 1). Идеологами этих новых отношений обычно выступают β -лидеры,

которые выявляют и апробируют новшества, новое поведение. Быстро, но пошагово реализуется инновационное изменение базиса организационной модели социально-экономической системы.

Широко известен пример Славной революции в Англии. Она после бубонной чумы и тяжелых потрясений, приведших к гражданской войне 1642–1651 годов, три десятилетия навёрстывала упущенное в мире, практически не меняя модель устройства, а меняя королей. Сначала она отвоевывала свое место в Европе, а потом завоевывала Серную Америку. По сравнению с другими колониальными странами Англия искала варианты использования различных, не всегда легко доступных ресурсов. Поэтому ее социально-экономическая система в своих колебательных движениях существенно отклонялась в сторону факторизации ($F_{дв}$, $\beta > \alpha$), то есть децентрализации. «Накануне Славной революции в стране сформировалась широкая и мощная коалиция, способная наложить прочные и долговечные ограничения на власть монарха и его министров» – отмечают Д. Аджимоглу и Д. Робинсон (1, с.145–146). Беспрецедентным стало распространение принципов английского права на всех граждан, и с 1689 г. суд Англии начал вершить правосудие, «невзирая на лица» – в 1698 г. была отменена монополия Королевской Африканской компании. Власть практически перешла к парламенту и независимому суду. Началось становление инклюзивной модели государственного устройства Англии на основе плюралистических отношений.

«Революция (от позднелат. *revolutio* – поворот, переворот, превращение, обращение) – радикальное, коренное, глубокое, качественное изменение, скачок в развитии общества, природы или познания, сопряжённое с открытым разрывом с предыдущим состоянием» (1). Поэтому-то Славную революцию в Англии можно трактовать в качестве революции с быстрыми пошаговыми базисными изменениям в организационной модели страны, переходом на более высокую ступень развития общества. Хотя под пошаговыми изменениями мы понимаем эволюционные преобразования.

Второй сценарий очень распространен. В нем достаточно хорошо просматривается неадекватность обстоятельствам поведения лиц, ответственных за принятие и реализацию решений, у которых преобладают способности подчинять и подчиняться (α -лидеры) и подавлена инициативность. Если по существу не меняется организа-

ционная модель, то в слабеющих усилиях действующих лиц начинают естественно превалировать инстинкты самосохранения: её лидеры усиливают внимание защите своих интересов, противодействуют как другим α -лидерам, почувствовавшим возможность перехвата властных полномочий, так и β -лидерам, ратующим за изменение организационной модели. Ускоряется движение по скручивающейся воронке к «черной дыре». Система проскакивает состояние, в котором еще возможно было найти силы для переориентации на противоположное направление движения. Нелегко предугадать момент и вариант перехвата власти, что реально представляет собой государственный переворот. Изменение власти в 2014 году на Украине, скорее всего, можно отнести к реализации такого сценария. В случае действительно революции, направленной на смену организационной модели, вряд ли бы возникли значимые предпосылки к войне на Донбассе – на основе федерализации вполне можно было решить многие проблемы взаимодействия центральных властей с регионами с учетом интересов регионов, а не задействовать армию.

После восстановления организационной модели с некоторыми улучшениями система переходит к более или менее стабильной деятельности, но только на пониженном уровне. Поэтому быстрее развивается следующая нестабильность и предпринимается следующая попытка перехода к другой модели. Мировой опыт свидетельствует о том, что это может повториться несколько раз, прежде чем система начнет уже безвозвратный переход к новой базисной модели функционирования, конечно за счет повысившейся активности и сплоченности сил факторизации (β -лидеров), но из значительно ухудшившейся социально-экономической ситуации.

Развитие событий по второму сценарию с несколько других позиций и с той же сутью объясняет и Б. Уэйнгаст в своей работе «Почему развивающиеся страны так сопротивляются верховенству закона» (15).

При этом в государстве очень многое зависит от того, как себя позиционируют люди, как члены общества. Д. Аджемоглу и Д. Робинсон совершенно четко подчеркивают: «Британская демократия – это не подарок элиты народу. Это завоевание широких масс...» (1, с. 416). То есть, как только в ходе Славной революции народ Англии, его передовые слои, став самостоятельными, дистанцировались от власти, сделали шаги на свое четкое выделение из системы крепостнического

государства, так они стали предъявлять к властям требования учета их экономических и политических интересов. Власть же вынужденно и, в то же время, очень разумно стала воспринимать народ в качестве своей внешней среды, а не в прежнем качестве безликих подданных. Не стала столь упорно противодействовать требованиям новой для нее среды, как это происходит в большинстве отсталых стран. Поэтому до сих пор монархия в Великобритании почитаема, не в пример судьбе российской монаршей семьи. Все в этом мире взаимно!

Выводы

1. Каждая организация переживает периоды создания и становления деятельности, расцвета, постепенного затухания продуктивной деятельности и отмирания. Будущее системы выявляется и складывается в начале этапа затухания продуктивной деятельности. Борьба за самосохранение, как правило, связана с усилением систематизации, т.е. администрирования. Продолжительность этого во многом зависит от наличия доступных системе внешних ресурсов.

Если своевременно происходит переориентация в деятельности организационной модели системы, активных её составляющих в сторону усиления факторизации за счет активности β -лидеров, то осуществляется пошаговый – эволюционный, но все же быстрый переход на следующий новый виток ее развития. На месте расчистки – созидательного разрушения отжившего организационного дизайна, а не всей организационной модели, происходит порождение новой. Возможно преобразование одной в несколько более эффективных систем. Именно это можно считать революционным, радикальным изменением в развитии общества, хотя это без эволюционного накопления количественных изменений организационной модели, как к периоду быстрых революционных изменений, так и после, переход к новому качеству невозможен.

Если же в системе не смогли проявиться силы, способные породить необходимые изменения базиса организационной модели и узаконить новые правила поведения, то крах становится неизбежным. Сохранившиеся бывшие составляющие системы в большей мере обладают способностями встраиваться в хорошо структурированные

системы, выдвигаться в α -лидеры. Поэтому на обломках старой системы возрождаются одна или несколько других подобных погибшей системе. Такую смену власти в стране, правильнее трактовать в качестве государственного переворота. Нередко происходит начальное движение к реализации базисных изменений, но неясность для большинства целей этого движения, отсутствие требуемого быстрого законодательного закрепления новых правил поведения зачастую сменяется откатом к привычному поведению.

2. Организационная модель государственного устройства в первую очередь определяется уровнем развития мышления людей. Люди с крепостнической (Янтарной) парадигмой мышления сами позиционируют себя в качестве составляющих государства, всецело зависящих от государственных властей, и тем самым обеспечивают жизнедеятельность такого государства. Появление значимого слоя людей (16–20%) с более прогрессивной парадигмой мышления, сумевших выделиться из государевой системы, и изменить ситуацию, приводит к переходу к инклюзивной модели. Возникшее гражданское общество становится самой значимой внешней средой для властных структур государства. Граждане действительно начинают организовывать реальное самоуправление, управление сервисными составляющими жизни и деятельности общества в интересах народа.

Литература

1. Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные / Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон; пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. – М.: Изд. АСТ, 2016.
2. Бек Д., Кован К. Спиральная динамика: управляя ценностями, лидерством и изменениями / Д. Бек, К. Кован; пер. с англ. И. Фрейман, П. Миронов; (ред. А. Баляев). – СПб.: BestBusinessBooks. 2016. – 419 с.
3. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – Критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. вст. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969.
4. Волкова В.Н., Денисов А.А. Теория систем и системный анализ: учебник для бакалавров / В.Н. Волкова, А.А. Денисов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд. Юрайт, 2013.

5. *Ефимов В.М.* Экономическая наука под вопросом: иная методология, история и исследовательские практики. Монография / В.М. Ефимов. – М.: КУРС: ИНФРА-М, 2016.

6. *Козлов В.В.* Динамика развития социально- экономических систем // Инвестиции в России. 2018. №№ 8, 9.

7. *Лалу Ф.* Открывая организации будущего /Фредерик Лалу; пер. с англ. В. Кулябиной; (научн. Ред. Е. Голуб). – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 432 с.

8. *Малюта А.Н.* Закономерности системного развития / А.Н. Малюта. – Киев: Наукова думка, 1990.–136 с.

9. Мем – что это такое /Википедия (Электронный ресурс) // Режим доступа: <https://en.wikipedia.org/wiki/Меме>.

10. *Сетров М.И.* Степень и высота организации систем /В кн.: Системные исследования. Ежегодник. – М.: «Наука», 1969.

11. Революция. /Википедия (Электронный ресурс) //Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Революция>

12. *Уэйнгайт Б.Р.* Почему развивающиеся страны так сопротивляются верховенству закона. (Электронный ресурс) / Б.Р. Уэйнгайт // Институт Европейского университета во Флоренции, цикл лекций в рамках программы им. Макса Вебера; пер. с англ. А. Авершина. – 2009. – № 2. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/02_2009/6.pdf.

13. *Энгельгардт В.А.* О некоторых атрибутах жизни: иерархия, интеграция, узнавание /В.А. Энгельгардт //Вопросы философии. – 1976. – №7.

14. *Шумпетер Й.А.* Капитализм, Социализм и Демократия /Й.А. Шумпетер; пер. с англ. /Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1995.

15. *William Ross Ashby.* Introduction to Cybernetics / W. Ashby.– Chapman & Hall, 1956.

16. *Dawkins Richard* (1989), *The Selfish Gene* (2 ed.) (Текст) //Oxford University Press, p. 192,

17. *Howard Bloom,* *The Lucifer Principle* /Bloom H. //A Scientific Expedition Into the Forces of History, 1995.

18. *Koestler A.* *Beyond Atomisme and Holism* /A. Koestler // Beyond Reductionism. – London, 1969. – 197 p.

19. *Rogers Everett* (16 August 2003). *Diffusion of Innovations* /E. Rogers – Simon and Schuster, 5th Edition. – 2003. – p.576.

20. *Tainter Joseph*. *The Collapse of Complex Societies* /J. Tainter – Cambridge University Press, 1990.

Огородников В.П.,

*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры подготовки*

*и повышения квалификации педагогических работников
образовательных организаций*

Министерства обороны Российской Федерации

Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского

**Технологический детерминизм
и современные глобальные проблемы**

Аннотация. В статье подвергается критическому анализу концепция технологического детерминизма, поныне выдвигаемая в качестве панацеи для лечения всех социальных болезней. Показывается, что научно-технический прогресс создает объективные основания для социального прогресса, но не способен решить ни одну из глобальных проблем современности. С точки зрения автора сами эти проблемы детерминированы не столько развитием науки и техники, сколько формой собственности на средства производства.

Ключевые слова: технологический детерминизм, государственная собственность, частная собственность, производственные отношения, глобальные проблемы

Ogorodnikov V. P.,

doctor of philosophical Sciences, professor,

*professor at the training and improvement of professional skill
of pedagogical employees of educational organizations*

of the Russian Federation Defense Ministry

Military Space Academy named Alexander Mozhayskiy

**Technological Determinism
and Contemporary Global Problems**

Abstract. The article is subjected to critical analysis of the concept of technological determinism, today extendable as a panacea to cure all social ills. Shows that scientific and technological progress creates objective grounds for social progress, but is not able to solve any global problems. From the point of view of the author of these problems themselves are deterministic, not so much the development of science and technology, how much ownership of the means of production.

Keywords: technological determinism, public ownership, private ownership, industrial relations, global issues

Практически все мыслители нового и новейшего времени справедливо считали технический прогресс главным основанием социального прогресса. На этом основании в Европе нового времени возникла идея технологического детерминизма. Ядром этой идеи является абсолютизация роли техники и технологии в общественном прогрессе, убежденность в том, что все социальные проблемы можно и должно решить на пути совершенствование техники и увеличения производительности труда.

Однако у этой позиции с самого начала ее формирования серьезные оппоненты. Так, например, Ж.-Ж. Руссо остро критиковал цивилизацию, искажавшую изначальную сущность человека, и провозгласил лозунг «Назад, к природе!» Не менее критично относился к благам технического прогресса и Ф. Ницше, считавший цивилизацию результатом деградации первозданной человеческой культуры. О. Шпенглер считал технический прогресс основанием заката европейской цивилизации. Негативное отношение простого народа к технике как источнику социального неравенства и эксплуатации наиболее ярко проявилось в движении «луддитов» распространившимся по всей Англии в 1811 году. Было разрушено множество шерстяных и хлопкообрабатывающих фабрик.

Начавшаяся во второй половине XX века эпоха научно-технической революции принесла мощный подъем технократических и сциентистских идей, что увенчалось разработкой концепций индустриального общества, постиндустриального общества и информационного общества. Эти концепции нашли свою конкретизацию в теориях общества потребления, общества досуга, технотронного, технократического и компьютеризированного общества.

Как показывает знакомство с публикациями материалов ежегодного Санкт-Петербургского Международного экономического конгресса, большинство его участников скептически относятся к концепции постиндустриального (информационного) общества как к главному основанию решений всех сегодняшних глобальных проблем – от социального неравенства до грозящей экологической катастрофы. Так, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, профессор С.Д. Бодрунов в своем докладе на СПЭК–2018 заявил, что «постиндустриальное общество», наступление которого некоторые теоретики провозгласили еще в XX в., – это мираж, но мираж, скрывающий (и вскрывающий) реальные проблемы: в экономике, действительно, созревают качественные изменения, связанные с развитием качественно новых технологий (1, с.14). Поэтому, развенчание идеи постиндустриализма не означает отказа от фундаментальной концепции технологического детерминизма. Речь идет о рождении нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), которое по спирали «отрицания отрицания» («новое индустриальное общество» Дж. К. Гэлбрейта – миражи «постиндустриализма – НИО.2) воспроизводит в новом качестве доминирование индустрии в экономике(1, с.14).

С точки зрения С.Д. Бодрунова и многих современных ведущих экономистов, в том числе, участвующих в СПЭК, решение острейших социальных проблем должно проходить через создание «ноономики», которая возникнет в результате четвертой технологической революции. Создание полностью компьютеризированного и автоматизированного производства человек, как предрекал еще К. Маркс, выйдет за пределы материального производства и будет лишь его контролировать и регулировать. Это и позволит, по мнению С.Д. Бодрунова, заметить систему имущественного неравенства системой неравенства способностей и талантов(1, с.17).

Согласившись с тем, что главным основанием «цивилизационного рывка» современного общества является научно-техническая революция, должен заметить, что современные приверженцы концепции технологического детерминизма, часто ссылаясь на К. Маркса, предают забвению важнейший постулат его учения. По Марксу базисом общественно-экономической формации являются не производительные силы, и тем более не их часть – техника, а производствен-

ные отношения. Главным производственным отношением является отношение собственности на средства производства. Именно это отношение и определяет по Марксу всю сложную систему надстройки – от системы власти до системы общественного сознания.

Предположение о том, что технологическая революция автоматически повлечет за собой социальную революцию без смены формы собственности – опасная утопия. Заметим, что понятие «социальная революция» обычно вызывает негативную реакцию, так как ассоциируется с понятиями «революционное насилие», «террор», «гражданская война» и тому подобными. Однако социальная революция вовсе не обязательно связана с кровавым противостоянием и может протекать достаточно мирно. Ближайшим примером такой социальной революции является политико-экономический переворот 90-х лет прошедшего века в России. Главным аргументом того, что это была настоящая социальная революция является коренное изменение в базисе (что и выступает критерием всякой социальной революции) – государственная собственность была заменена частной путём тотальной, но в основном не насильственной, приватизации.

Маркс и Энгельс еще в «Манифесте коммунистической партии», в 1848 г. указали на основополагающую проблему, без решения которой невозможно приступить к решению 10-ти сформулированных (включая и установление высокого прогрессивного налога с получаемых доходов) в этом (актуальном и сегодня) документе задач социализации общества. Они подчеркивали, что решение этой проблемы – центральная задача социалистической революции – «отмена (ликвидация) частной собственности» (3, с.39). Однако крайности в вопросе о балансе общественной и частной собственности приводят к весьма негативным последствиям.

В СССР наблюдалась явная абсолютизация общественной формы собственности на средства производства, отождествленная с общегосударственной. Подобная абсолютизация явилась экономическим основанием построения в нашей стране госкапитализма, хоть и с элементами социализма в виде общественных фондов потребления. Эти фонды позволяли осуществлять бесплатное обеспечение граждан образованием, медицинскими услугами, квартирами и многое другое.

Вместе с тем тотальная государственная собственность на средства производства детерминирует тотальное государственное рас-

пределение всех материальных, да и духовных средств и благ; тотальное планирование; суперцентрализм власти – административно-командную систему, знающую, «что человеку надо»; тотальный контроль за мерой труда и мерой потребления.

В тоже время, для послереволюционной России и СССР именно система государственного капитализма была абсолютно необходимой. Она обеспечила решение тех грандиозных экономических и социально-политических задач, которые были связаны с индустриализацией страны, коллективизацией сельского хозяйства, Победой СССР в Великой отечественной и 2-й Мировой войне, восстановлением в кратчайшие сроки¹ разрушенной этими войнами почти на 70% экономики, первенстве в овладении космосом, подъема науки, образования, культуры.

Но, ввиду вынужденной милитаризации производства и всей экономики послевоенного периода, в СССР наблюдался существенный разрыв между общим уровнем экономического развития и уровнем жизни трудового населения. Именно это обстоятельство стало мощным субъективным фактором процесса «демократизации», вылившегося в «перестройку» и реформирования всей системы производства и жизни России.

В 90-е годы за весьма короткий период произошел революционный (или контрреволюционный?) скачок от тотальной государственной собственности к глобальной приватизации этой собственности. Частный интерес и стихия рынка были объявлены детерминантами экономического и социального процесса. Но индивидуальный предприниматель – крупный или мелкий, преследует свои интересы, сознательно противопоставляет их общественным. Целью частного капиталистического производства является не продукт, созданный для общественного потребления, а прибыль. Прибыль любой ценой приводит к всеобщей фальсификации продуктов материального и общественно-го производства. Фальсифицируются продукты питания, медикаменты и даже продукты тяжелого машиностроения, самолетостроения.

Все становится «бизнес-проектом» – производство, образование, здравоохранение, наука, духовная культура, даже церковь.

¹ На довоенный уровень по большинству экономических показателей СССР вышел уже в 1948 году.

В этих условиях научно-технический прогресс не только не решает современные глобальные проблемы, но и усугубляет их. Рост производительности труда ведет к появлению сверхприбылей, ко всё большему разрыву между «верхами» и «низами». Распределение по капиталу, то есть по уровню владения частной собственности средствами производства нагнетает социальную напряженность до взрывоопасного уровня. Владение рождает власть, а власть стремится умножить и укрепить свое владение. Поэтому-то не проходят в государственной думе ни проекты по установлению прогрессивного налога, ни призывы экспроприировать владения у коррупционеров.

Ярким примером негативных последствий приватизации крупнейших государственных предприятий является случай с российским «алюминиевым королем» Олегом Дерипаски, попадание которого под санкции США поставило под удар производство в стране стратегически важного сырья.

Как научно-технический прогресс влияет на решение глобальных проблем современности? Специалисты насчитывают более двух десятков глобальных проблем. Рассмотрим наиболее «кричащие» из них.

1. На первый план сегодня вновь выходит угроза атомной войны и ядерной катастрофы. Чем порождена эта угроза как не научно-техническим прогрессом, главные достижения которого находят свое применение, прежде всего, во все возрастающей милитаризации материального производства? Почему практически все открытия и изобретения первоначально используются именно в военных целях? Для ответа на эти вопросы придется затронуть вопрос о сущности и причинах войны. В первобытном обществе войн не было – были лишь локальные и быстро проходящие вооруженные столкновения племен, не поделивших территорию охоты, рыбной ловли, плодородной земли. Всё это не было тогда чьей-то собственностью. Увеличение производительности труда за счет изобретений новой техники привело к появлению прибавочного продукта, который был основанием формирования частной собственности, классового разделения людей и института власти – государства. Армия, без которой не могут происходить крупномасштабные военные столкновения – также порождения частной собственности. С одной стороны без появления прибавочного продукта невозможно было содержать большие отряды вооруженных людей, которые не создают ни материальных, ни ду-

ховных ценностей. С другой – главная задача армии – охрана государства, его территориальной и экономической самостоятельности, а государство обязано своим происхождением именно появлением частной собственности. Государство – продукт непримиримости классов и орудие господства класса владеющего частной собственностью над классом, который создает предмет этой собственности – материальные и духовные блага.

2. Второй по значимости глобальной проблемой выступает для человечества нарушение энергетического баланса планеты, истощение минеральных, сырьевых и биологических ресурсов земли. Нетрудно понять, что экологическая проблематика возникла именно в связи с мощнейшим воздействием на экосистему Земли вооруженного новейшей техникой и технологией Человека. Поэтому и в этой сфере научно-технический прогресс сам по себе проблемы не решит. Напротив, научно-техническая революция одной из своих характеристик имеет создание синтетических материалов с заранее заданными потребительскими свойствами. Такие материалы не утилизируются природой, что и создает главную экологическую проблему.

3. Одной из острейших глобальных проблем является все возрастающий разрыв между процветающими и бедствующими регионами, между богатством немногих и нищетой большинства. При этом научно-технический прогресс напрямую увеличивает этот разрыв между богатыми и бедными не только в России, но во всем мире.

Человечество в целом достигло сегодня такого уровня производительности труда, что можно было бы обеспечить безбедную и достойную жизнь всем 7 миллиардам проживающим на нашей планете *homo sapiens*. И при этом без всякой «уравниловки», по социалистическому принципу «От каждого по способностям – каждому по труду». Но что мешает этому? Конечно же, неравенство в распределении получаемого общественного продукта определено концентрацией частной собственности на средства производства в руках 1% населения Земли. Изменение базисных отношений мирным путем, предполагающим взывание к совести богачей, или изменением законодательства буквально в пользу бедных, как показывают три тысячи лет существования классового общества – дело абсолютно бесперспективное.

Академик РАН Р.И. Нигматулин предлагает решить вопрос о владении 1% населения в России 71% общественного богатства «мирным

цивилизированным путем» – путем введения прогрессивного налога (4, с. 34). Но кто владеет, тот и властвует. Видимо поэтому вопрос о прогрессивном налоге даже и не ставится на протяжении последних 20 лет в повестку заседания Государственной думы.

Увеличение производительности труда, научно-технический прогресс ведут к появлению все возрастающей армии «лишних людей» – безработных, а, следовательно, нищих. Эту армию могут в ближайшее время существенно пополнить не столько люди, занимающиеся примитивным физическим трудом, но учителя, преподаватели, врачи, инженеры, менеджеры разного уровня – представители умственного труда.

4. Борьба с международным терроризмом выступает сегодня одной из серьезнейших глобальных проблем. На чем базируется этот терроризм? Многие полагают, что основой этого растущего явления выступает «столкновение цивилизаций». При этом, прежде всего, имеется в виду столкновение христианского Запада и мусульманского Востока. Однако не все европейские государства так уж едины и им отнюдь не противостоит консолидированный Восток. К тому же отнюдь не весь Восток объединяется под мусульманскими зелеными стягами. Достаточно вспомнить одного из несомненных мировых экономических лидеров – Китай.

И опять-таки научно-технический прогресс скорее способствует расширению технической оснащенности терроризма, чем препятствует ему. Дело не в техническом прогрессе или регрессе, а в борьбе за экономический передел мира между уже не государствами, а транснациональными компаниями. В этом столкновении терроризм служит одним из эффективных инструментов в захвате территорий, рынков сбыта и дешевой рабочей силы – то есть, – средств производства.

5. Входит в список глобальных и проблема информационного «перегрева».

Суть проблемы в том, что количество информации, которую необходимо усвоить и переработать специалисту при переходе через определенную границу меры становится неодолимой для этого специалиста. Отсюда информация перестает быть таковой, становится «информационным шумом». Далее количество информации перерастает еще одну количественную границу, за которой с ней не могут справиться и компьютерные системы. Такие информационные потоки невозможно отфильтровать, редуцировать и вообще обработать любым

имеющимся способом. При этом возникает проблема информационного обеспечения всех сфер деятельности человека. Казалось бы, эта проблема может быть решена именно путем научно-технологической модернизации информационных систем, достижения ими качественно нового уровня. Однако при таком подходе вновь затушевывается вопрос о цели материального и духовного производства, в главном и основном определяемой формой собственности на средства этого производства. Если всякое капиталистическое производство имеет целью не столько качество продукции, сколько наращивание прибыли, то указанный «информационный шум» может быть специально создан для того, чтобы было удобнее «ловить рыбу в мутной воде».

Таким образом, научно-технический прогресс двулик – с одной стороны он, несомненно, является основанием повышения производительности и эффективности производства. Но с другой, этот прогресс может привести (и уже приводит) к усилению имеющихся глобальных проблем и возникновению новых, – например, проблемы взаимодействия новейшей информационной техники и общества. Как мы постарались показать, социальные последствия научно-технического прогресса во многом определяются характером производственных отношений, а не развитием науки и техники самих по себе. Отсюда вывод – вопрос о балансе общественных и частных форм собственности на средства производства нужно решать диалектически, не прибегая к строгой логической дизъюнкции «или-или». Здесь не следует использовать и принцип «золотой середины», добываясь равновесия в соотношении общественного и частного. Системно-диалектический подход предполагает сохранение единства противоположного при приоритете государственной собственности на средства производства как системообразующего центра. Это позволит сохранить и упрочить государственную вертикаль планирования, управления и властвования и в её диалектическом единстве с инициативой частных предпринимателей.

Литература

1. Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в эко-

номической и социальной жизни / Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее. Том 1 // Сборник пленарных докладов IV Санкт-Петербургского Международного Экономического Конгресса (СПЭК=2018). СПб: ИНИЗ, 2018

2. *Гринберг Р.С.* Технологические революции и социум: мировой тренд и российская специфика / Экономическое возрождение России. 2019, № 1(59)

3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. М.: Политиздат. 1980

4. *Нигматулин Р.И.* Все мысли, которые имеют огромные последствия, всегда просты / Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее. Том 1 // Сборник пленарных докладов IV Санкт-Петербургского Международного Экономического Конгресса (СПЭК-2018). СПб: ИНИЗ, 2018, С.34.

5. *Огородников В.П.* Новое индустриальное общество и формы собственности на средства производства / Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. перезагрузка. Т.2. //Сборник докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2017). СПб.,2018

6. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. XIV. ГСЭИ, М.–Л., 1931.

Толкаченко О.Ю.,

*кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики предприятия и менеджмента
Института экономики и управления
Тверского государственного университета*

**Уточнение экономической категории
инноваций с целью активизации
инновационной деятельности в РФ**

Аннотация. В данной статье анализируется экономическое содержание понятия «инноваций» и проводится систематизация теоретических подходов к трактовке сущности инноваций по выделенным признакам, а также рассматривается сущность инновационного процесса с позиции технического прогресса и с точки зрения процессуального подхода.

Ключевые слова: инновации, инвенция, инновационный процесс, модификация, имитация

Tolkachenko O.Y.,

*candidate of economic sciences, associate professor,
department of enterprise economics and management,
Institute of economics and management, Tver state university*

**Clarification of the Economic Category of Innovation
in order to Enhance Innovation in the Russian Federation**

Abstract. This article analyzes the economic content of the concept of “innovation” and the systematization of theoretical approaches to the interpretation of the essence of innovation on the selected features, as well as the essence of the innovation process from the standpoint of technological progress and from the point of view of the procedural approach.

Keywords: innovation, investment, innovation process, modification, imitation

Эффективность развития экономики страны во многом определяется пропорциями между отраслями деятельности, с одной стороны, и выпуском важнейших видов продукции в натуральном выражении, необходимых для сбалансированного развития, с другой стороны. Выпуск востребованной на рынке продукции предприятиями, являющимися ключевым звеном национальной экономики, во многом определяется жизненным циклом продукции. Внедрение в производство инновационной продукции, как необходимый шаг выживания на рынке сопряжено с обновлением основных фондов, что требует аккумулирования большого объема инвестиционных ресурсов. Чтобы решить данную проблему нужно для начала определиться с инновациями, как экономической категорией.

Поскольку понятие инновации применяется в разных сферах предпринимательской деятельности, распространяется на новый продукт или услугу, способ их производства, то это объясняет множественность подходов к трактовке его сущности.

В современной экономической литературе нет однозначного подхода к определению экономического содержания понятия инновации. Анализ и систематизация существующих определений позволили выделить несколько точек зрения различных авторов, которые материализуются в следующих подходах:

1. *Инновации как процесс создания нового блага.* Так, Шумпетер И., в своем фундаментальном труде «Теория экономического развития» определил инновации как «...изменение производства и рынка и осуществляются в следующих случаях:

– производство нового, т.е. еще не известного потребителям блага, или создание нового качества того или иного блага;

– использование нового, т.е. в данной отрасли промышленности практически неизвестного..., метода (способа) производства, в основе которого не обязательно лежит новое научное открытие и который может заключаться даже в новом способе коммерческого использования существующего товара;

– освоение нового рынка сбыта, т.е. такого рынка, на котором до сих пор данная отрасль промышленности этой страны еще не была

представлена, независимо от того, существовал этот рынок прежде или нет;

– приобретение нового источника сырья или полуфабрикатов, равным образом независимо от того, существовал этот источник прежде, или просто не принимался во внимание, или считался недоступным, или его еще просто только предстояло создать;

– выполнение соответствующей реорганизации, например, обеспечение монопольного положения или подрыв монопольного положения другого предприятия» (9, с. 53).

Дихтиль В. и Херршген Х. считали, что инновации – это «... ввод новых продуктов, причем следует, различать подлинно инновационные продукты и новые лишь в производственной программе данного предпринимателя. Подлинные инновации предполагают новое решение потребительской проблемы..., или удовлетворяют потребность, для которой раньше не было товара ...» 6, с. 67).

Евенко Л.И., Кочетков Г.Б. рассматривают инновации со следующей позиции: «...процесс преобразования новой идеи или изобретения в социально значимую продукцию, обладающую принципиально новыми технико-экономическими показателями или преобразование идей в конкретные предметы» (8, с. 7).

В том же направлении инновации определяет и Лапин И.И. в статье «Актуальные проблемы исследования нововведений»: «...комплексный процесс создания, распространения и использования нового практического средства (новшества) для новой (или для лучшего удовлетворения уже известной) общественной потребности; одновременно это есть процесс сопряженных с данным новшеством изменений в той социальной и вещественной сфере, в которой совершается его жизненный цикл...» (7, с. 81).

Барютин Д.С. также считает, что инновации являются источником нового блага и трактует инновации как «...управляемый процесс, имеющий комплексный характер и заключающийся во внедрении различных изменений в существующие системы и структуры с целью создания, распространения и использования принципиально нового или модифицированного практического средства (новшества), удовлетворяющего конкретные общественные потребности и дающего экономический, технический и социальный эффект» (1, с. 8).

2. *Инновации как источник роста прибыли предприятия.* Анализ зарубежной литературы показал, что именно с этой точки зрения рассматривают инновации зарубежные авторы. В таком ключе дает определение Тацуно Ш.: инновация «...относится к применению идеи, ведущей в конечном счете к росту прибыли или улучшению обслуживания» (10, с. 74).

Инновации как «процесс, в котором изобретение или идея приобретает экономическое содержание» рассматривает еще один зарубежный автор Твисс Б. (10, с. 115).

А Гвишиани Д.М. и Громека В.И. убеждены, что инновации «... процесс доведения технического изобретения до стадии практического использования, когда оно начинает давать экономический эффект», а с другой стороны, – «конечный результат этого процесса, т.е. изобретение, доведенное до стадии коммерческого использования продукта или товара, появившегося в результате процесса нововведения в первом значении этого понятия» (4, с. 34).

3. *Инновации как инструмент развития предприятий.* Водачек Л., Водачкова О. понимают под инновациями «...целевое изменение в функционировании предприятия как системы» (3, с. 54).

Бляхман Л. говорит, что это «целенаправленное изменение, сознательно вносимое в процесс воспроизводства для лучшего удовлетворения имеющейся или формирования новой общественной потребности. Под нововведением имеется в виду процесс его создания, освоения, распространения, а результат – новые изделия, технологии, формы и методы организации производства, труда и управления, приносящие социально-экономический эффект» (2, с. 37).

Яковец Ю.В. дает достаточно емкое определение инновациям и сводит их содержание к «качественным изменениям в производстве» (10, с. 335).

Пригожин А.И. рассматривает инновации как «...такое целенаправленное изменение, которое вносит в среду внедрения (организацию, население, общество и т.д.) новые относительно стабильные элементы... Нововведение ... процесс, т.е. переход некоторой системы из одного состояния в другое», а Гугелев А.В. – как «целевое изменение, проводимое субъектом управления в сложной системе..., направленное на совершенствование или приведение в соответствие дерева функций изменяющемуся дереву целей» (5, с. 78).

Проведенные исследования показывают, что инновационная деятельность предприятия направлена на использование результатов научных исследований и опытно-конструкторских разработок для получения прибыли на основе расширения и обновления номенклатуры выпускаемой продукции (товаров, услуг), применения нового сырья, использования новых технологий, внедрения новых организационных структур и освоения новых рынков.

Таким образом, инновации представляют собой результат комплексного процесса, состоящего в разработке, организации производства, формах распространения и коммерческого использования инновации, удовлетворяющего конкретную общественную потребность. В ходе этого процесса инновационная идея приобретает экономическое содержание, новшество приобретает товарную стоимость и выступает на рынке в качестве объекта собственности.

На основе вышеприведенной классификации подходов к сущности инноваций, можно сделать следующий вывод: в большинстве случаев современные авторы определяют инновации узко и не рассматривают как системный процесс, но абсолютно все авторы делают акцент на то, что реализуемость инноваций возможна только на базе отдельно взятых хозяйствующих субъектов.

Таким образом, можно дать следующее определение инновациям: ***инновации** – это целенаправленный процесс вложения капитала в создание нового блага посредством использования нового метода или новой технологии производства, с целью максимизацию прибыли и развития предприятия.*

Системный взгляд на сущность инноваций позволяет детально раскрыть и особенности инновационного процесса.

С позиции технического прогресса инновационный процесс представлен следующими основными состояниями:

- инвенция;
- инновация;
- имитация;
- модификация.

Данные понятия являются базовыми для инновационной деятельности и охватывают вопросы ее методологии и организации.

Под инвенцией понимаются новые научно-технические знания, технологии, процессы, изобретения и другие факторы, полученные

в результате проведения фундаментальных, поисковых и прикладных научно-исследовательских работ, создающие необходимые условия для реализации инноваций.

Под модификацией понимаются физические или организационные изменения в объекте нововведения, которые не связаны с расширением базиса научно-технических знаний. Но при этом модификация позволяет сдвинуть вправо последние стадии жизненного цикла инновационной продукции.

С процессуальной точки зрения инновационная деятельность может быть представлена следующими этапами:

1. *Идея*. Более или менее осознанное решение заняться предметом исследования, а также пробуждение интереса и любознательности к объектам, обещающим успех и экономическую выгоду.

2. *Открытие*. Установление существования ранее неизвестных явлений, материалов, зависимостей, связей и т. п.

3. *Исследование*. Теоретическое обоснование и экспериментальная проверка открытия или наблюдения, выявление причин и воздействий, функциональных взаимосвязей, усиление или ослабление эффекта с изменением параметров.

4. *Разработка*. Превращение результатов исследования и наблюдений в схему, конструкцию, опытный образец, прототип, чтобы теоретически выявленные взаимосвязи сделать полезными для достижения определенных целей.

5. *Изобретение*. Выявление свойств и признаков инновации, пригодных для патентирования или публикации.

6. *Внедрение*. Продвижение нового продукта или услуги на рынок либо новой технологии в производство с сопутствующими этой фазе инвестициями и презентацией продукта на рынке.

7. *Текущая реализация*. Серийное производство, создание сбытовой сети, вытеснение существующих видов продукции и т. п.

С позиции жизненного цикла инновации, инновационный процесс имеет следующие этапы:

1. *Идея* – гипотеза возможного совершенствования производственно-хозяйственной деятельности, способная обеспечить рыночный успех и экономическую выгоду.

2. *Открытие* – установление ранее неизвестных процессов и явлений, связей и зависимостей, и т. д.

3. Исследование – теоретическое обоснование и экспериментальное подтверждение не случайности выявленных в ходе открытия эффектов и уточнение условий и границ их достижения.

4. Разработка – материализация результатов исследования, демонстрирующая возможность их производственно-хозяйственного использования.

5. Внедрение – введение инновации в хозяйственный оборот предприятия, демонстрирующее дополнительные возможности и ограничения по ее использованию, предполагающее возможную доработку инновации.

6. Текущая реализация – эксплуатация инновации в производственно-хозяйственной деятельности предприятия, сопряженная с возможным вытеснением предыдущих инноваций.

7. Модернизация – доработка инновации с целью продления ее жизненного цикла.

8. Ликвидация – замена морально устаревшего нововведения следующим.

Сущность инновационного процесса с позиции технического прогресса и жизненного цикла инновации имеет точки пересечения. Так, идентифицируя состояния инновационного процесса (инвенция, инновация, имитация и модификация) и его этапы, можно выделить соответствие:

- 1, 2 и 3 этапа состоянию инвенции,
- 4 и 5 этапа – состоянию инновации,
- 6 этапа – состоянию имитации,
- 7 этапа – состоянию модернизации.

Таким образом, рассматривая инновационный процесс как комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий предприятия, направленный на коммерциализацию накопленных знаний, технологий и оборудования, в качестве результата инновационной деятельности выделяются новые или дополнительные товары и услуги.

Анализ теоретических аспектов формирования инноваций как экономической категории позволяет решить следующие проблемы:

1. обеспечить проведение более точной идентификации каждого нововведения, определение его места среди других, а также возможных ограничений;

2. обеспечить взаимосвязь между видом нововведения и инновационной стратегией;
3. обеспечить программное (проектное) планирование и системное управление нововведением на всех этапах его жизненного цикла;
4. разработать организационно-экономический механизм реализации нововведений и замены его новым для решения стратегических задач организации;
5. выработать соответствующий механизм компетенции (преодоление антиинновационных барьеров), позволяющий более успешно продвигать инновацию.

Литература

1. Бляхман Л.С. Экономика, организация управления и планирование научно-технического прогресса / Л.С. Бляхман – М.: Высшая школа, 1993 – 234 с.
2. Гвишиани Д.М., Громека В.И. Теоретические аспекты исследований инновационного процесса и формирования инновационной политики / Д.М.Гвишиани, В.И. Громека // Инновационная политика развитых капиталистических государств / под ред. Д.М. Гвишиани. – М.: 1990. – 122 с.
3. Гугелев А.В. Мотивация к высокоэффективному и качественному труду / А.В. Гугелев // Система обеспечения качества продукции: трудовая теория потребительской стоимости / под ред. А.В. Гугелева – М.: Изд-во стандартов, 1993. – 345 с.
4. Дихтль В., Хершген Х. Практический маркетинг / В. Дихтль, Х. Хершген // Учеб. пособие: Пер. с нем. И.С. Минко – М.: Высшая школа, 1999. – 211 с.
5. Лапин Н.И. Актуальные проблемы исследования нововведений / Н.И. Лапин // Социальные факторы нововведения в организационных системах / под ред. Н.И. Лапина – М.: 1995. – 427 с.
6. Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями / Б. Твисс – М.: Экономика, 1999. – 346 с.
7. Тебекин А.В. Формирование модели инновационного развития экономики / А.В. Тебекин – М.: Риалтекс, 2008. – 276 с.

8. *Толкаченко О.Ю.* Управление инвестиционной привлекательностью фирмы / О.Ю. Толкаченко – Тверь: Тверской государственный университет, 2012. – 132 с.

9. *Шпак Г.Б.* Инновационный менеджмент / Г.Б. Шпак– Хабаровск, ХГАЭП, 2005. – 355 с.

10. *Яковец Ю.В.* Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование / Ю.В. Яковец – М.: Экономика, 2004. – 432 с.

Ширман М.Б.,

*разработчик социопедагогического проекта
«Школа-Семья»*

**Проектирование социального хозяйства
как самокритика политэкономии**

Аннотация. В статье предлагается методологический подход к включению политэкономии в спроектированный К. Марксом контекст «единой науки о человеке», т.е. педагогики, или «науки истории». В этом контексте обновленная политэкономия становится прикладной наукой, призванной обеспечить экономическую сверхэффективность социального хозяйства по сравнению с капиталом, необходимую для прорыва из капитализма в низшую фазу коммунизма. При этом происходит «возвращение к корням»: политическая экономия из науки об обогащении и базирующейся на нем власти вновь превращается в метод эффективного развития домашнего (семейного) хозяйства, местного сообщества и его сотрудничества с другими сообществами.

Ключевые слова: политическая экономия, труд, экономика, хрестоматистика, хозяйство, проектный метод

Shirman M.B.,

developer of the socio-pedagogical project “Family-School”

**Projecting of the Social Economy
as the Self-Criticism of Political Economy**

Abstract. The article proposes metodological key to envolving of political economy into the “united science about the human”, projected by K. Marx. This “united science” can also be called pedagogics or “science of history”. In this context, renovated political economy becomes an applied

science and provides the economical super-efficiency of the social household in comparison with the capital. It is necessary for the transfer from capitalism to the initial phase of communism. Herewith political economy returns to its beginning. It turns from the science about richness and power into the method of the efficient development of the family household, of the local community and its co-operation with other communities.

Keywords: political economy, labour, economy, chrematistics, household, projecting

«Капитал» К. Маркса представлял собой «критику политической экономии» – ее антитезис. Тем самым подведен итог политэкономии как самостоятельной науки.

Началась она с попытки Аристотеля определить основание связи между производителями материальной продукции и её потребителями, между продавцами и покупателями товаров – связи, организующей функционирование общества. Этим основанием служит стоимость. Но в эпоху античности она ещё не отграничилась от других общественных отношений, и потому Аристотелю не удалось решить поставленную им проблему.

В начале XVII века А. Монкретьен, прибыв из Франции в Англию, поразился успехам кооперации государства с предпринимателями (выражавшейся в импортных пошлинах и экспортных субсидиях и приносившей высокие доходы как самим предпринимателям, так и казне) и «обобщил передовой опыт», т.е. выстроил прикладную (проектную) концепцию совместного обогащения общества и государства. Эту концепцию он назвал «политической экономией»; она легла в основу меркантилизма – теории приумножения денежного богатства государства (нации) за счет экспорта собственных товаров. Наименование своей науки Монкретьен составил из античных (аристотелевских) терминов, фиксируя историческую трансформацию соответствующих реалий. «Политикой» изначально называли самоуправление полисного сообщества, но она уже давно превратилась в государственную власть над сообществом. «Экономия» у античных греков буквально означала «домоводство», но выделялись среди них те, кто переходил от собственно экономии к хрематистике, т.е. к обогащению (прежде всего денежному) как самоцели; и все же хрематистика не была у греков в почете, поэтому, видимо, Монкретьен

предпочел термин «экономия», создав важный пример исторического перевертывания понятий.

А. Смит вывел политическую экономию на новый уровень. Как и всякая наука эпохи Просвещения, она продолжала решать прикладные задачи – в данном случае задачи обогащения государства и нации. Но на своей высшей ступени, для выхода на максимум эффективности, политэкономия должна была синтезировать главные из разработанных ранее прикладных концепций (меркантилистскую и физиократическую) с учетом новейших достижений промышленности (кустарной, мануфактурной и наконец фабричной). Это, в свою очередь, требовало выявления собственного основания политэкономии вместе с его материальным носителем – «клеткой» экономики, практическая работа с которой обеспечила бы надёжное решение прикладных задач. Поставив перед собой данную проблему, политэкономия приняла форму классической науки, совмещающей прикладную функцию с фундаментальной. Смит лишь наметил решение проблемы – трудовую теорию стоимости. Д. Рикардо, продолжая ее разработку, выявил противоречия, которые он не сумел разрешить. Его последователи, пытаясь «растворить» эти противоречия в словах, закрыли для себя перспективу разработки методов обогащения на основе глубокого исследования «природы и причин богатства». Они погрязли в схоластике, а их наука, отказавшись от прикладных задач, ограничилась функцией «чисто фундаментальной» – «объяснением» фактов, наблюдаемых на поверхности экономического процесса. Она предвосхитила последовавший уже в XX столетии расцвет «чисто теоретических» общественных и гуманитарных «наук», презирающих практику и сложную (противоречивую) реальность, но охотно обслуживающих власть в ее поисках идеологической «крамолы».

Советские официальные экономисты-теоретики были вынуждены изобрести и разрабатывать «политэкономии социализма», поскольку экономику СССР (и других «социалистических» стран), представлявшую собой государственный капитализм, было идеологически предписано именовать социализмом (первой фазой коммунизма). Возможность подобных фальсификаций была обеспечена формальным (школярским) отношением политических и научных лидеров коммунистического движения XX века к теоретическим (проектным) разработкам своих предшественников («классиков»), за что

ответственна государственно-капиталистическая система идеологического анти-воспитания и соответствующего ей анти-образования. (Некоторые современные «светила» экономической науки, выдвинувшиеся еще в советскую эпоху, вспоминают, как неохотно – только ради экзамена – они штудировали Маркса и как жадно – явно из чувства протеста – впитывали премудрость западных «гуру», к сочинениям которых они получали доступ как студенты МГУ. Советские ученые, достигшие успехов, к примеру, в физике или химии, «автоматически» распространяли свое представление о собственных высочайших интеллектуальных способностях на область общественных наук, поскольку их *позитивистский здравый смысл* действительно позволял им **разобраться** в очевидных социально-экономических фактах более адекватно, чем это делали в своих текстах официальные экономисты, философы и т. д., а до фактов неочевидных, сущностных не доходили в своем анализе ни официальные обществоведы, ни неофициальные. Так возникла концепция «конвергенции социализма с капитализмом» А.Д. Сахарова; уже в последние годы видные отечественные экономисты в ее логике «объясняли» успехи Китая и обосновывали необходимость движения России по китайскому пути – игнорируя колоссальные различия между ситуациями КНР на рубеже XX–XXI вв. и позднего СССР или постсоветской России. Интересный казус – «критика» Виктором Пальмом – советским академиком-химиком – трудовой теории стоимости Маркса, основанная на том, что, к примеру, месторождение полезных ископаемых имеет стоимость, хотя труд в него, **якобы**, не вложен...) С другой стороны, накал политической борьбы, на фоне которой в конце XIX – середине XX века осуществлялся первый (политический) шаг коммунистической революции, подталкивал ВКП(б) и затем КПСС к декларированию успешного «построения социализма», а популистские партии других стран (в т.ч. фашистов, нацистов) – к эксплуатации социалистических идеологием (продуктов идеологической фальсификации *коммунистического идеала*). Только такая стратегия позволяла как партиям, ориентировавшимся на коммунистическую перспективу, так и их врагам заручиться поддержкой масс населения в странах, где, независимо от деклараций, основу экономики составлял государственно-монопольный капитал.

Итак, в период с 1920-х гг. до конца XX века провал научного (проектного) обеспечения коммунистической революции был неизбежен.

Но в ближайшие годы мы должны создать социальное хозяйство – материальный базис низшей фазы коммунизма – и обеспечить его победу в экономической конкуренции с капиталом. Поэтому уже сегодня нам необходима проектная наука (фундаментально-прикладная, т.е. классическая), обеспечивающая экономическую сверхэффективность социального хозяйства – максимизацию его материальных результатов, динамически сопряжённую с минимизацией затрат.

Эта наука должна быть, по Марксу, включена в единую «науку о человеке» (т.е. теорию педагогики, или прикладную философию, она же «наука истории»).

Именно педагогический контекст определяет перспективу «вертикальной интеграции» промышленности – создания организационно-технологических цепей, связывающих выпуск конечной продукции (*предметов бытового потребления и средств труда*, но не *предметов труда* – полуфабрикатов), через все полуфабрикатные ступени ее производства, с добычей природного сырья. Сегодня, в системе капитала, такое объединение позволяет снижать себестоимость продукции (путем сокращения торговли полуфабрикатами); но в результате возникает новая форма монополии – межотраслевая, вместо традиционной внутриотраслевой, – препятствующая развитию производства. Конечнотехнологические цепи имеют смысл только в системе производственно-потребительской кооперации – при инициативной роли потребительских объединений. А их инициатива мотивируется педагогическим характером их деятельности, *семейной* логикой взаимодействия участников. В этих объединениях появляются и растут дети, которых необходимо не просто обеспечивать предметами потребления, но включать в деятельность объединения (большой семьи) и уже в этой деятельности вырабатывать жизненную мотивацию (воспитывать) и способность к коллективной реализации мотивов (образовывать). Включение детей в деятельность требует ее постоянной реорганизации, а значит, технических инноваций, которые станут предметом *проектного сотрудничества* потребительских объединений с промышленностью в разработке новых конечных продуктов и технологий для них, в организации их производства и потребления. На базе конечных продуктов будет строиться кооперация также и между производственными коллективами, в т.ч. научными.

Эффективная «вертикальная интеграция» производства возможна только на базе инновационных предприятий (легко переналаживаемых, компактных, малолюдных, кибернетизированных: на них рабочий превращается из непосредственного агента производства в его контролера; по Марксу, это – необходимое условие перехода к коммунизму), массово создаваемых уже современным капиталом. Но перспективного экономического эффекта от такой промышленной революции капитал получить не может. Этот эффект освоит та самая «сеть производственно-потребительских коммун», которую Ленин отождествил с *социалистическим государством*, т.е. с диктатурой пролетариата (у Маркса она представлена как «организация единства нации» – на экономической основе той же производственно-потребительской кооперации). Таким образом, «вертикальная интеграция» инновационной промышленности представляет собой экономический шаг коммунистической революции, но – только при ее включении в процесс самоорганизации потребительских, т.е. педагогических, объединений, выступающих **активными** заказчиками новой продукции, участниками ее проектирования и производства. Экономический шаг революции «встраивается» в ее завершающий – педагогический – шаг.

Подчеркиваем: эта логика заложена в работах Маркса («Гражданская война во Франции») и Ленина («Очередные задачи Советской власти»). Из нее следует, что первый шаг коммунистической революции – политический – не может быть осуществлен в одной стране. И дело здесь не только в непредсказуемых результатах почти неизбежной войны «социалистического» государства с капиталистическими: широкомасштабная насильственная классовая борьба несовместима со стартом второго (экономического) и особенно третьего (педагогического) шагов революции. А без их старта революция будет «пробуксовывать»; произойдет подмена ее развития идеологически декларациями и «классовой» борьбой против их разоблачителей; нарастающий протест всех групп населения, вызванный *социальной дезорганизацией* (в результате войны, экономико-политического кризиса), окажется идеологически интерпретирован – зачастую самими протестующими – как «контрреволюционность», провоцируя «революционную» власть уже на тотальную «классовую борьбу» с гражданской массой в целом. Как известно, это и происходило в СССР и других «социалистических» странах.

Политический шаг революции не может быть осуществлен в одной стране. Но инициировать его можно только локально – как смену государственной администрации, вместе с ее экономической программой, в столице определенной страны или в определенном регионе. Но это не будет ни «социалистической революцией», ни даже хотя бы ее завершающим первым – политическим – шагом. Это будет одним из локальных актов «перехвата» власти, т. е. социально-экономической инициативы, рождающимся обществом из трясущихся рук государства-капитала. И результатом каждого такого акта станет отнюдь не локальное установление диктатуры пролетариата, – хотя декларировано будет, скорее всего, именно это: либо как цель глобального политического шага революции, одним из звеньев которого призван стать данный локальный акт (адекватный вариант), либо как уже достигнутый итог данного локального акта (идеологическая фальсификация). Реальный же результат каждого из этих актов – очередной цикл наработки опыта сотрудничества всех социальных групп, сотрудничества между регионами, между городом и селом и т.д. Именно для самоорганизации такого сотрудничества, – поскольку оно подавляется государством-капиталом, – необходимы локальные и временные «перехваты» власти. «Вопрос о власти» как таковой здесь не решается. Правда, он может быть поставлен: Октябрьская революция в России поставила этот вопрос перед другими государствами, т.е. продемонстрировала их правящим партиям возможность их свержения, чем вынудила идти на уступки рабочему движению, но одновременно спровоцировала поддержку ими движений (и государственных режимов) фашистских и нацистских.

Современная эпоха, поставившая на повестку дня – как вопрос выживания человечества – реализацию коммунистической революции, разрушила объективные прообразы идеологических фантомов XX века. На планете уже не существует множество отдельных государств: все они, в результате экономико-политической глобализации, слились в единое глобальное государство, оно же глобальный капитал. Таким образом, снят вопрос о возможности или невозможности осуществления революции в «отдельно взятой» стране. Разные группы населения больше не относятся к разным экономическим классам: всё население стало пролетариатом (даже номинальные «предприниматели»), который нанят на работу единственным капитали-

стом – государством. Поэтому будущая диктатура пролетариата не встанет перед необходимостью развёртывания насильственной и жестокой классовой борьбы: ее противником будет (как и утверждал Ленин) лишь прогнившая, готовая рассыпаться организационная, т. е. должностная, структура.

Капитал обречен. Но это не значит, что коммунистическая революция неизбежна. Капитал может погибнуть вместе с человечеством – точнее, с пред-человечеством: предыстория закончится (в соответствии с идеологическим самообманом Ф. Фукуямы), но действительная история не начнется. Мы – сегодня – должны «оседлать» экономический процесс «вертикальной интеграции», иницируя самоорганизацию потребительских (педагогических) объединений на базе обновляемых общеобразовательных школ. Тем самым мы начнём создавать глобальную «сеть производственно-потребительских коммун», т. е. диктатуру пролетариата. Эта государственная власть экспроприирует у капитала (у прежнего государства) средства производства, но не для того, чтобы закрепить их как новую государственную собственность (по примеру СССР), а «на пользу всего народа» (по Ленину), т. е. для их систематической реорганизации в конечнопродуктовую, межотраслевую «вертикально интегрированную» структуру, и в таком виде передаст самому обществу – сотрудничающим производственным и потребительским объединениям. После этого государство диктатуры пролетариата *отомрет*.

«Зародыш» процесса формирования межотраслевых корпораций по инициативе финансового капитала был зафиксирован Лениным еще в сентябре 1917 г. в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», при анализе государственно-монополистического капитализма. Последующие бурные политические события, видимо, помешали и автору, и его последователям развернуть экономическое содержание этого текста в проектную инициативу по переходу от политического шага коммунистической революции к её экономическому шагу. В результате остался без проектного обоснования шаг педагогический. Разрушилась логика, определявшая *приоритетность* глобального, т. е. интернационального, масштаба коммунистического движения: на первый план была выведена задача укрепления власти партии большевиков (идеологически декларировавшей свой пролетарский характер) в России и затем в СССР. Произошло оконча-

тельное идеологическое вырождение всего комплекса общественных наук (как в СССР, так и в остальных странах) – прежде всего, науки экономической.

Перспективная задача политической экономии – ее самокритика, т.е. синтез (после критического антитезиса, сформулированного Марксом). При этом политэкономия должна «вспомнить» свою прикладную – проектную – миссию, которая обеспечит осмысленность ее фундаментальных исследований. Ей придется вернуться от обслуживания *политической* (властной) *хрематистики* – проблем роста ВВП и т.п. – к *действительной экономике*, т.е. обеспечению прогресса **глобального** «полиса», или общечеловеческого «домашнего хозяйства».

Здесь, видимо, потребуется включение конструктивных разработок анархизма, относящихся к хозяйственной кооперации локальных сообществ, т.е., фактически, производственно-потребительских коммун. Такой материал мы найдем, скорее всего, у П.А. Кропоткина, но вряд ли у М.А. Бакунина или у Прудона.

Интересны также работы представителей «философии хозяйства» (основы которой заложены С.Н. Булгаковым в определенной связи с философией Н.Ф. Федорова). Возможно, эта школа выработала перспективные проектные предложения по *динамическому* сопряжению минимизации материальных затрат с максимизацией результатов. Глобальное социальное хозяйство не должно добиваться рентабельности каждого локального производственного цикла: общий выигрыш обеспечивается за счет временным маневром и синергетическим взаимодействием хозяйственных процессов в самоорганизуемой сети межколлективного сотрудничества.

Но главным средством синтеза выступит категория **труда**, которая и у Маркса, и у его наиболее перспективного последователя Э.В. Ильенкова носила характер не узкоэкономический, а прежде всего педагогический.

раздел 3

Российская экономика:
трансформационный
потенциал

Артюшенко М.Д.,

*студент-бакалавр 1-го курса экономики,
факультет «Экономики и права», Российский
экономический университет им Г.В. Плеханова*

**Российский АПК и инновации:
проблемы и перспективы развития**

Аннотация: российский АПК во многом отстает от передовых стран мира. Его развитие – стратегически важная задача экономики России. В статье проанализированы основные проблемы российского АПК, возможные варианты их разрешения, а также влияние инноваций на развитие сельского хозяйства страны.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, экспорт, инновации, инновационные институты, кооперативы, конкурентная среда, финансирование

Artyushenko M.D.,

*student-bachelor of economics, 1-st course, “Economics
and law” faculty, Plekhanov Russian University of Economics*

**Russian Agro-Industrial Complex and Innovations:
Problems and Development Prospect**

Abstract: Russian agro-industrial complex is inferior in comparison with progressive countries of the world. Therefore, the development of the AIC is strategically important target of Russian economics. The article is to analyze the most crucial problems of Russian AIC, find probable solutions and measure the influence of innovations on the development of national agriculture.

Keywords: agro-industrial complex, agriculture, export, innovations, innovation institutes, cooperatives, competitive environment, finances

АПК является одним из наиболее значимых «отделов» российской экономики. Ключевая отрасль АПК – сельское хозяйство. Помимо него в АПК входят машиностроение (сельхозтехника), химическая (удобрения, корма), пищевая, обрабатывающая промышленности. Основная задача сельского хозяйства – обеспечение населения продукцией первой необходимости, а именно продуктами питания.

Россия – крупный экспортер сельскохозяйственной продукции. На данный момент по экспорту пшеницы она занимает первое место в мире. В сельском хозяйстве занято около 10% трудоспособного населения. Это одна из немногих отраслей российской экономики, показывающих, пусть небольшой, но все же устойчивый рост даже во время кризисов (1998, 2008 годов).

Среди особенностей российского сельского хозяйства можно выделить относительно короткий срок полевых работ – 4 месяца (в Западной Европе он составляет около 8–10 месяцев). Это связано с суровыми климатическими условиями – около трети территории современной России непригодна для земледелия или животноводства (например, зоны тундры и тайги).

К районам с ярко выраженной сельскохозяйственной специализацией относятся Краснодарский край, Ставрополье, Ростовская, Воронежская, Белгородская, Тамбовская области и др. – южные районы страны с более мягким климатом и плодородной почвой.

В России основной субъект сельского хозяйства – унитарные (государственные) предприятия, кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства, колхозы, личные подсобные хозяйства. Среди них следует особо выделить фермерские хозяйства и кооперативы. Именно они в большей мере стремятся внедрить в процесс производства инновации с целью повышения конкурентоспособности на рынке. Динамика их развития – залог успешного развития сельского хозяйства страны.

Тенденции роста российского сельского хозяйства появляются лишь в постдефолтное время (1998–2014). С 2006 года возобновилась регулярная сельскохозяйственная перепись. Возрастала доля сельского хозяйства во внешней торговле России. Постепенно, но довольно медленно, увеличивалось число кооперативов, фермеров. С чем связан такой низкий темп роста частных хозяйств?

1. *Неблагоприятная конкурентная среда.* Крупные частные сельскохозяйственные предприятия и многочисленные зарубежные про-

изводители способны легко разорить начинающего предпринимателя, не выдерживающего конкуренции.

2. *Скудные источники финансирования и инвестиций.* Проценты в банках очень велики. Высокие проценты увеличивали риски, доводя кооперативы до банкротства.

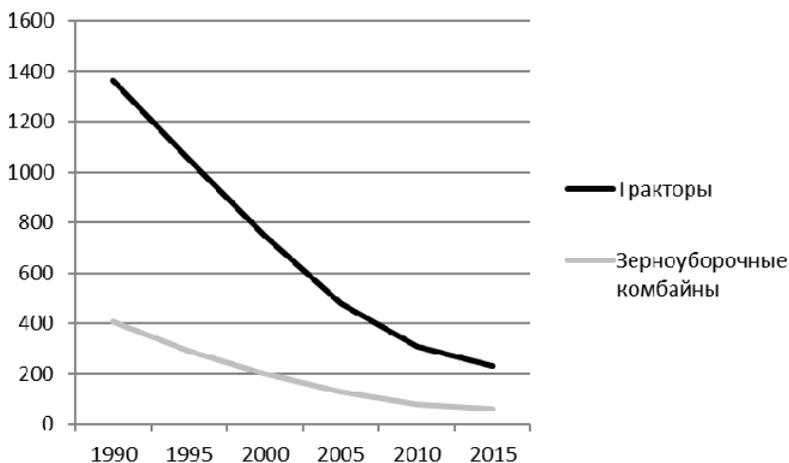

Рис. 1. Изменение количества используемых сельскохозяйственных машин (тракторы и зерноуборочные комбайны в тыс. шт.) (6)

3. *Техническое отставание как частного производителя, так и плановика.* Новая техника стоит очень дорого. Сокращение парка сельхозтехники привело к возрастанию нагрузки на один агрегат. Если в Германии 1000 га пашни обрабатывают 60 комбайнов, в США – 25, то в России – в среднем 1–2. Многие фермеры трудятся на технике, которую при такой нагрузке уже давно пора утилизировать. В итоге они теряют 10–15% урожая ежегодно (2). Рисунок 1 наглядно демонстрирует сокращение агротехнического потенциала страны.

4. *Износ основных фондов, который составляет в общих показателях около 50%.* Фермеры вынуждены пользоваться устаревшими образцами техники, требующими списания. Разваленное машиностроение делает Россию активным импортером сельскохозяйственной техники. Фонды сельскохозяйственных, лесных, охотничьих и рыболовческих хозяйств по данным Росстата за 2017 год изношены на 38,2%.

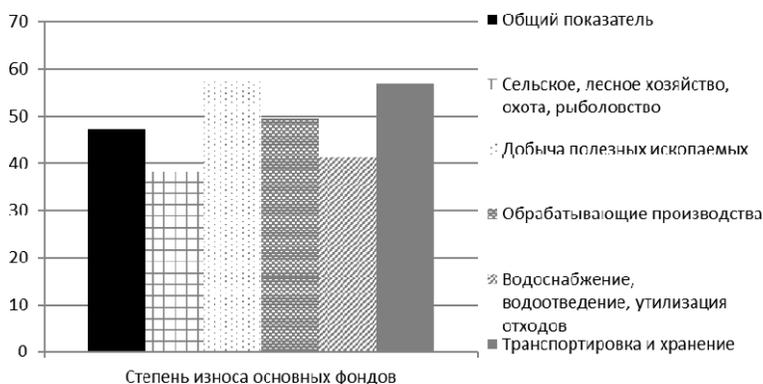

Рис. 2. Износ основных фондов по сферам деятельности (в процентах) (6)

5. Замедленное освоение сельскохозяйственной промышленностью достижений научно-технического прогресса, малый процент инноваций в сельском хозяйстве.

В развитии АПК в наше время инновации играют решающую роль. В Китае, США, странах Западной Европы агропромышленность достигла удивительной эффективности при небольшой занятости населения в этой отрасли (2–5%) именно за счет широкого применения инноваций. Китай в настоящее время является лидером экспорта сельскохозяйственной продукции, США занимает 3-е место (по состоянию на 2015 год).

Инновации позволяют увеличить производство, повысить эффективность, рентабельность труда и его конкурентоспособность на внутреннем и, главное, внешнем рынке. Что представляют собой инновации в аграрном секторе?

1) Выведение новых сортов растений, устойчивых к погодным условиям, приносящих по несколько урожаев за один цикл; новых пород домашних животных, приносящих больше мяса, молока и т.д.

2) Производство новых химических и органических удобрений, кормов для скота, инсектицидов.

3) Патентование и внедрение в агропромышленность полезных изобретений: более совершенных силовых установок для сельскохозяйственных машин (двигатели, косилки, сеялки и др.), потребляющих меньше энергии и топлива, новейших систем цифровой и ро-

ботизированной техники, например, беспилотных моделей тракторов, комбайнов, технологий обработки больших массивов агрономической информации (BigData), защитных алгоритмов блокчейн и т.д. По оценкам международных экспертов, нововведения в сфере цифровых технологий позволяют сократить прямые расходы примерно на 10%.

4) Экологические нововведения: биотопливо, экологически чистые химикаты, удобрения, биодобавки и т.д.

5) Новые профессиональные кадры с инновационным мышлением: агрономы, мелиораторы, селекционеры, маркетологи.

Состояние инновационного развития в России можно оценить как устойчивую стагнацию. Не наблюдается ни существенных технологических прорывов в отечественной экономике, ни признаков интенсивного массового освоения результатов исследований и разработок. Причин этому можно назвать достаточно: это и общие макроэкономические условия, и структура рынков, и качество корпоративного управления. В большей степени это связано с неэффективностью национальных инновационных институтов (НИИ, госкорпораций, например, «Роснано», и т.д.), вызванной развалом советской системы, нехваткой финансирования, неспособностью адекватно реагировать на запросы инновационного развития. Организации могут позволить себе лишь мелкие усовершенствования выпускаемой продукции либо копирование уже известных на рынке продуктов, услуг или технологий, что стало типичным видом инноваций в отечественной экономике (4).

В период с 2014 года увеличились темпы роста российского сельского хозяйства. Активно стали расти кооперативы, фермерские хозяйства (основные распространители инновационных методов хозяйствования), занимавшиеся садоводством, животноводством, молочным, маслобойным промыслами и сыроварением. В 2017 году Россия собрала рекордные урожаи пшеницы. Доходы от экспорта сельхозпродукции (20,7 млрд долларов) превысили поступления от экспорта вооружений и металлопродукции. С чем это связано?

1) Западные санкции открыли широкие возможности отечественным производителям, которые, благодаря сокращению российского импорта продуктов агропромышленности, получили более благоприятную конкурентную среду и большее число покупателей.

2) Понизились экспортные цены на российскую пшеницу. Подорожание доллара вызвало спад показателей американского экспорта, сделав российскую пшеницу притягательной для стран-импортеров сельхоз продукции (1).

3) Государство продолжает активно поддерживать фермеров, предоставлять им льготы, субсидировать производителей сельхозтехники (например, «Ростсельмаш»). Обратите внимание на рис. 3. Поддержка сельского хозяйства, исходя из диаграммы, по приоритетности стоит на втором месте после сектора, связанного с добычей природных ресурсов (преимущественно нефти, газа, металлов). Налоговые льготы сельскохозяйственному сектору в 2018 году составили около 451 млрд руб.

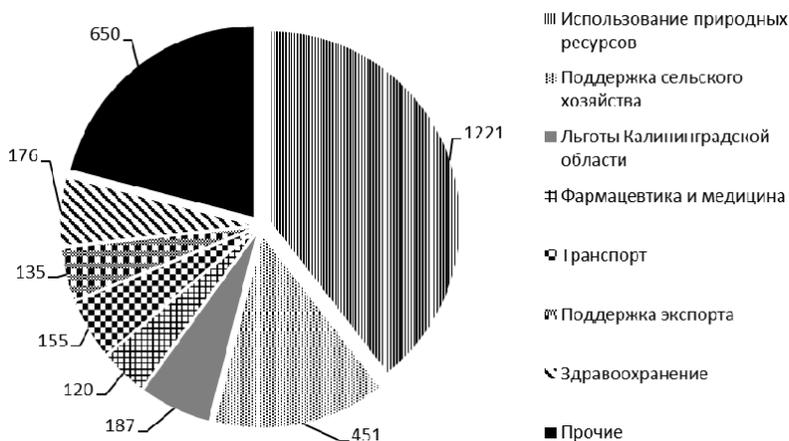

Рис. 3. Распределение налоговых льгот по отраслевым государственным программам за 2018 год, млрд руб. (3)

4) Однако нужно сказать, что российский АПК все еще слаб. Если по растениеводству российские показатели сохранялись на более или менее устойчивом уровне, а в последнее время стремительно стали расти, то намного хуже дело обстоит с животноводческим сектором. Животноводство показывает достаточно медленные темпы роста, а по некоторым отраслям можно констатировать замедление и существенный спад. 2/3 произведенного в России мяса приходится

на продукты птицеводства, оставшуюся треть почти полностью занимают свинина и говядина. Лидеры отрасли – птицеводство и свиноводство – показывают наибольшие темпы роста в последние годы, а вот, например, поголовье крупного рогатого скота сокращается (в 2005 оно составляло 21625 тыс. голов, в 2010 – 19793,9 тыс., в 2018 – 18149,3 тыс. голов, преимущественно коров(6)). Вместе с уменьшением поголовья стагнирует и сокращается производство молока (начиная с 2004 года, объем производства сохранился в пределах 30000 тыс. т.(6)). Отрасли животноводства совокупно удовлетворяют потребности населения на 80–90% (5).

Помимо вышеперечисленных проблем стоит выделить и другие. Как отмечают аналитики Центра стратегических разработок, крупный бизнес в сельском хозяйстве развивается намного быстрее малого и среднего. В настоящее время собственниками-латифундистами являются агрохолдинги, такие как «Prodimex», «Agrokultura», «Мираторг», «Русагро», «Агрокомплекс им. Ткачева». Такое распределение ресурсов приводит к повышению рисков:

1. Монополизации продовольственного снабжения, жесткому контролю рынка монополистами и высокой степени давления на власть в целях лоббирования своих интересов;

2. Уменьшению издержек монополистами на внедрение инноваций, превалированию экстенсивного роста над интенсивным;

3. Потере эффективности из-за расхождения целей работодателей и наемных рабочих, оппортунистического поведения последних (отсутствие стимулов к реальному карьерному росту негативно сказывается на эффективности труда рабочих);

4. Высокой нагрузке на экологию (например, загрязнение почв химикатами);

5. Деградация сельской жизни из-за концентрации производства в отдельных населенных пунктах, что обрекает остальные поселения на запустение (7).

К тому же стоит отметить, что возрастающие объемы экспорта продуктов растениеводства не всегда идут исключительно на пользу государству. Большие выручки с внешней торговли призваны «залатать» бюджетные дыры; на экспорт идут продукты высокого качества, а на полки российских магазинов поступает хлеб заметно более низкого (похоже на традиционную политику правительства

начала XX века и периода индустриализации под лозунгом «не дождем, но вывезем»).

Многие из вышеперечисленных проблем могли бы быть решены с помощью инноваций. Однако невозможность самостоятельно создавать и вводить в эксплуатацию инновации, принужденность следовать за передовыми производителями, делают российский АПК «инновационным пленником» зарубежных экономик, транснациональных компаний. Новейшие технологии защищаются дорогостоящими патентами, которые, может быть, легко приобрести крупным производителям, но которые недостижимы до фермеров средней руки. К тому же не все свои новинки иностранные «партнеры» готовы раскрыть конкурентам. Они готовы продать уже неактуальные данные и системы за большую цену.

Для развития отечественного АПК, государство, на данном этапе, должно в первую очередь обратить свое внимание на поддержку фермеров, на средние и мелкие хозяйства. Необходимо повысить их количество для укрепления сельскохозяйственного сектора, а для этого, соответственно, нужно повысить их конкурентоспособность, возможности, создать более благоприятную среду для развития. Бизнес в сельском хозяйстве должен стать более привлекательным, престижным, менее рискованным. Крайне необходимо заинтересовать молодежь, особенно из сельской местности. Помимо классических, для этого нужны креативные подходы. В качестве такого примера можно предложить создание всероссийской интернет-площадки и формирование информационной базы фермеров и фермерских хозяйств с образованием сообщества, где участники получают широкие возможности для общения, получения информации, доступа к общественным и ведомственным приемным и, возможно, даже право голоса внутри сообщества или его структур. Регистрация в сообществе будет интересна его участникам для получения многочисленных конкурентных преимуществ, а активная позиция будет способствовать увеличению собственного рейтинга внутри сообщества. Таким образом эта структура уже сможет лоббировать сама себя.

Основные задачи сообщества – профессиональный рост участников сообщества, получения ориентиров и знаний о новейших тенденциях для развития собственного дела, получения облегченного доступа к льготному кредитованию, новейшим технологиям, допол-

нительного обучения и повышения квалификации, помощь новичкам и т.д. На этой же площадке можно реализовать возможность для маркетинга и сбыта сельхозпродукции членов сообщества, а также их доступ к другим торговым площадкам, прямой выход на производителей кормов, удобрений, сельхозтехники, интеллектуальной собственности.

Активное участие государства в деятельности фермерского сообщества является важной составляющей успеха этого предприятия. Это открытие министерских и ведомственных приемных с легким доступом к ним и быстрой обратной связью, привлечение профильных ВУЗов и НИИ к сотрудничеству с сообществом, популяризация отечественных и иностранных инноваций, информирование о государственных программах по субсидированию, налоговым льготам и многое другое.

Для России сегодня важной задачей является достижение эффективности и самодостаточности АПК. Сельское хозяйство является одним из приоритетных секторов российской экономики, который активно стараются развивать. Роль инноваций в его развитии высока. Без качественных нововведений и использования достижений научно-технического прогресса, способных нивелировать многие сложности и вывести агропромышленность на новый уровень, российское сельское хозяйство и АПК в целом будут уязвимы, а их динамика – непредсказуемой.

Литература

1. Россия стала главным мировым экспортером пшеницы. Стоит ли этому радоваться? 23.06.2016. www.kapital-rus.ru/
2. Бабкин К. «Страна уставших тракторов. Почему в России сельхозтехника работает на износ?». 31.05.2018. www.forbes.ru/
3. Гаскаров А.В., Джаббаров Д.Б., Комолов О.О. «Изменение налоговых льгот как возможность увеличить социальные расходы». Доклад экспертного центра КТР. www.ktr.su/
4. Гохберг Л.М., Кузнецова И.А. «Инновации в российской экономике. Стагнация в преддверии кризиса?». Программа фундаментальных исследований ГУ-ВШЭ (2009). <https://www.hse.ru/>

5. *Новицкий И.* «Животноводство России: основные виды и перспективы». 27.05.2016. <https://сельхозпортал.рф/>

6. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). <http://www.gks.ru/>

7. *Шагайда Н.И., В. Я. Узун В.Я.* «Тенденции развития и основные вызовы аграрного сектора России». Аналитический доклад. РАНХиГС. Центр стратегических разработок. <https://www.csr.ru/>

Белоброва Н.В.,

*ведущий инженер-программист, аспирантка
Института экономических исследований*

Холковская О.А.,

*ведущий инженер-программист
Института экономических исследований*

**Цифровизация химических предприятий
как основной вектор стратегии развития
при переходе к экономике знаний**

Аннотация. В статье рассматривается «Химическая промышленность 4.0» как новый этап развития химико-фармацевтической промышленности, характеризующийся распространением цифровизации, а также принципов экономики замкнутого цикла; определены преимущества круговой экономики, которые необходимо учитывать предприятиям химической отрасли на протяжении всего жизненного цикла продукта. В экономике страны ключевым фактором стабильности в долгосрочной перспективе должна выступать политика постоянных нововведений и внедрения инноваций, требующая от предприятий быстрых и радикальных решений, зачастую затрагивающих стратегическую линию их развития. В статье приведены рекомендуемые действия предприятиям в условиях цифровизации как основного вектора развития.

Ключевые слова: цифровизация, химико-фармацевтическая промышленность, экономика знаний, экономика замкнутого цикла, «Индустрия 4.0», стратегия

Belobrova N.V.,

*leading engineer-programmer, post-graduate student,
Institute of Economic Research*

Kholkovskaya O.A.,

leading engineer-programmer, Institute of Economic Research

**Digitalization of Chemical Enterprises
as the Main Vector of Development Strategy
in the Transition to the Knowledge Economy**

Abstract. The article considers “Chemical Industry 4.0” as a new stage in the development of the chemical and pharmaceutical industry, characterized by the spread of digitalization, as well as the principles of a closed-cycle economy; identified the benefits of a circular economy that must be taken into account by the chemical industry throughout the product life cycle. In a country’s economy, a key factor of stability in the long term should be a policy of constant innovation, which requires fast and radical solutions from enterprises, often affecting the strategy of their development. The article presents recommended actions for enterprises in terms of digitalization as the main vector of development.

Keywords: digitalization, chemical and pharmaceutical industry, knowledge economy, closed-cycle economy, “Industry 4.0”, strategy

В настоящее время значительно возрастает роль цифровизации, которая постепенно становится одним из главных факторов развития мировой экономики, являясь первым шагом на пути к экономике знаний. Технологии «Индустрии 4.0» применяются во многих отраслях промышленности в различных странах мира. Они успешно используются и в химической отрасли, которая традиционно является мощным двигателем инноваций, не только поставляя продукцию и решения для других отраслей, но стимулируя внедрение технологических инноваций по всей цепочке создания стоимости. Особое значение цифровизация химико-фармацевтической отрасли приобретает для Донецкой Народной Республики, поскольку данная отрасль может стать в будущем одной из наиболее перспективных для нашего региона, ведь в ней содержится значительный потенциал импортозамещения. Химическая промышленность Республики представлена производством химических веществ и химической продукции для промышленных предприятий, товаров бытовой химии, средств индивидуальной защиты органов дыхания, производством резиновых и пластмассовых изделий, а также производством фар-

мацевтических препаратов и материалов, лекарственных средств, антисептических препаратов, изделий медицинского назначения и фитопродукции. За последние три года в химической промышленности Республики наметилась тенденция роста. Прирост объема реализации продукции химической промышленности в 2018 г. в сравнении с предыдущим годом составил 9%, объем экспорта увеличился на 1,4 %. Более трети из зарегистрированных предприятий химической промышленности осуществляют экспортную деятельность. Объем реализации продукции фармацевтической промышленности в 2018 г. по сравнению с 2017 г. вырос почти на 37% (5,7). В 2019 г. планируется увеличение экономической активности предприятий в химической отрасли на 20% путем запуска новых производственных мощностей, освоения новых видов продукции и увеличения номенклатуры выпускаемой продукции, что позволит создать новые рабочие места и снизит социальную напряженность в регионе (6). Применение технологий «Индустрии 4.0» позволит повысить эффективность работы предприятий, наукоемкость и конкурентоспособность выпускаемой продукции.

Химическое предприятие является мощным двигателем инноваций и творчества. Это не только поставщик продукции и решений для других отраслей промышленности; но и стимулирующее предприятие, внедряющее технологические инновации по всей цепочке создания стоимости. Химическая промышленность обладает значительным мультипликативным эффектом: одно новое рабочее место в рамках химического производства создает еще восемь рабочих мест на уровне экономики в целом (1). Инновации лежат в основе химического производства; они встречаются во всех аспектах деятельности предприятия, от исследований и разработок до производственных процессов, отношений с клиентами и накопления знаний. Передовые технологии, которые стали возможными благодаря химии, улучшают функциональность, снижают затраты и повышают производительность. Оценка предприятий больше не эквивалентна годовой реализации продукции. Она включает в себя признание особой важности знаний и нематериальных активов. Именно нематериальные активы – знания сотрудников, уникальные навыки и базы знаний, имидж компании, технологии процессов, а также данные и информация о продуктах, клиентах и бизнес-процессах, а также более

традиционная интеллектуальная собственность, такая как патенты, товарные знаки и нормативные лицензии, – все чаще определяют «реальную» ценность предприятия. Большинство специализированных химических компаний выделяют 2–3% своих годовых продаж на исследования и разработки, в фармацевтическом сегменте – от 10% до 25%. Кроме того, в отличие от многих других обрабатывающих отраслей, которые получают государственное финансирование на исследования, химический бизнес обычно сам финансирует свои собственные исследования и разработки (1). В долгосрочной перспективе в российской химической промышленности предусматривается реализация 200 инвестпроектов с суммарным объёмом инвестиций более 1 трлн. рублей, нацеленных на масштабную цифровизацию, повышение экологической безопасности как проектируемых, так и действующих производств, кластеризацию (8).

Объединение производственных и информационно-вычислительных процессов расширяет возможности как для повышения эффективности работы предприятий, так и для улучшения качества жизни в регионе. Применение новых технологий корректирует не только внутреннюю, но и внешнюю среду предприятия, что выдвигает новые требования к организации работы предприятия, предполагающие разработку новых подходов к ведению бизнеса. В настоящее время технологии «Индустрии 4.0» успешно применяются во многих отраслях промышленности. Наиболее перспективными отраслями для применения технологий «Индустрии 4.0» являются транспорт, электроэнергетика, машиностроение и пищевая промышленность. Тем не менее, такие технологии успешно применяются и в химической промышленности. В июне 2016 г. в Нью-Хейвене (штат Коннектикут, США) состоялся Всемирный съезд экспертов в области химии (Global Chemicals Think Tank meeting), где было отмечено, что к настоящему времени технологии «Индустрии 4.0» уже достигли такого стоимостного и результативного уровня, при котором их применение в химической отрасли является целесообразным (3). На основе применения технологий «Индустриального интернета» ряд компаний – поставщиков промышленного оборудования (General Electric, Siemens, Honeywell и др.) разработали программы для химической промышленности. При Международной ассоциации пользователей технологий автоматизации в промышленности (NAMUR)

учреждена специальная рабочая группа Enabling Industrie 4.0, занимающаяся вопросами развития «Индустриального интернета» (Industry Internet of Things, IIoT), в состав которой входят ведущие мировые производители химической продукции – BASF, Bayer, Dow Chemical, Solvay, Clariant (3).

Общемировая тенденция такова, что в настоящее время химическая промышленность является одной из наиболее автоматизированных отраслей. Например, на российских химических предприятиях широко применяются автоматизированные системы управления технологическими процессами (АСУ ТП) и автоматизированные системы управления предприятием (АСУП). Именно возможности «индустриального интернета» обеспечивают гармоничное взаимодействие разноуровневых систем управления, начиная от сбора актуальной информации о работе каждого звена производственного процесса и заканчивая составлением предиктивной (предсказательной) аналитики. Одним из примеров эффективности цифровизации может служить внедренная в АО «ФосАгро-Череповец» система усовершенствованного управления технологическим процессом производства аммиака, позволившая снизить потребление топливного газа и на 1,5–2% увеличить выход готовой продукции. Основными элементами системы являются многопараметрические контроллеры, обеспечивающие автоматическое управление температурой, подачей сырья, оптимальную работу установок по производству аммиака (4). Прогнозирование поломок и простоев, оценка потребности в сырье и материалах в сторону увеличения или снижения позволяют улучшить работу систем управления ресурсами. Таким образом, внедрение «Индустриального интернета» только не отменяет существующие системы автоматизации управления предприятием, но дополняет и расширяет их возможности, что позволяет добиваться более высокой эффективности их работы.

«Химическая промышленность 4.0» – новый этап развития химико-фармацевтической промышленности, характеризующийся распространением цифровизации, а также принципов экономики замкнутого цикла и устойчивым ростом. Цифровизация позволяет химическим предприятиям собирать большие объемы данных, результаты анализа которых можно использовать для улучшения операционных процессов и создания новых бизнес-моделей. Цифровое преобразо-

вание химической отрасли происходит в следующих основных направлениях (2):

– прозрачность и цифровые процессы – использование всесторонних данных о процессах, имеющихся на предприятии, для повышения эффективности производственных процессов и бизнес-моделей;

– операционные модели на основе данных – использование оперативных крупных массивов цифровых данных, внешних данных и передовых методов анализа для оперативного принятия решений и повышения эффективности производства. Химическая промышленность развивается за счет прогнозируемого профилактического обслуживания, сетевой логистики и применения концепций из виртуальной реальности;

– цифровые бизнес-модели – эти модели заменяют существующие процессы и бизнес-модели, а продукты и услуги распространяются в цифровом виде для повышения удобства клиентов.

С изменением потребительских предпочтений в отношении гибкого производства и потребления возникает необходимость в круговой экономике, основанной на возобновлении ресурсов. В условиях круговой экономики для химической промышленности возникает возможность учитывать следующие ее преимущества на протяжении всего жизненного цикла продукта:

Состав и дизайн продукта. При разработке и проектировании продукта необходимо учитывать и оптимизировать все аспекты круговой экономики в течение всего жизненного цикла продукта – от производства до применения и возможной переработки, производительность и срок службы химических продуктов в производственном процессе клиента.

Ресурсоэффективное и экологически чистое производство. Производство химикатов и материалов с использованием эффективных и безвредных для окружающей среды технологий использования ресурсов, в значительной степени избегая отходов по всей цепочке создания химической ценности: от управления активами через оптимизацию складирования и транспортировки до эффективного управления отходами и сточными водами.

Химический лизинг. Производители продают не столько химикаты, а услуги, посредством использования химических веществ. В этой бизнес-модели, связанной с услугами, химические компании могут

активно вносить свой материальный и технический опыт в оптимизацию производственных процессов своих клиентов.

Переработка отходов. Материалы и химикаты могут быть переработаны на уровне материалов или сырья (химическая переработка). Таким образом, они либо механически измельчаются, очищаются и сортируются, либо разбиваются на органическое сырье, фильтруются и перерабатываются в новые химикаты или материалы.

Восстановление энергии. Другим важным компонентом круговой экономики является восстановление потоков отходов с рекуперацией энергии, такой как тепло, пар или электричество. Энергетически используемые отходы заменяют ископаемые ресурсы газа и нефти в качестве энергоносителей, которые вместо этого могут использоваться в качестве сырья в химическом производстве.

Очистка и снижение воздействия на окружающую среду. Воздействие химических веществ, попадающих в окружающую среду после предполагаемого использования, должно быть сведено к минимуму. Здесь решающее значение приобретает потенциал биологического разложения

Удаление остатков. До тех пор, пока не будут найдены коллективно новые пригодные для использования решения, позволяющие избежать накопления остатков, необходимо контролируемое надлежащее удаление неизбежных «остаточных промышленных отходов».

Между цифровизацией и круговой экономикой существует взаимовлияние. Во всех аспектах круговой экономики генерирование и анализ цифровых массивов данных играет такую же важную роль, как и обмен данными. Цифровизация может способствовать разработке круговых бизнес-моделей, ускорить их и сделать их более эффективными.

В условиях цифровизации в химической отрасли должны произойти глубокие изменения в технической, экономической и социальной сферах. Поэтому предприятиям и компаниям необходимо внимательно изучить свой текущий портфель продукции и услуг и откорректировать свои бизнес-модели. Необходимо разработать долгосрочную промышленную политику, создавая конкурентные условия для развития химической промышленности. Среди основных целей суверенной инвестиционной и промышленной политики современной страны – устойчивый экономический рост, основанный на закрытых моделях внутреннего развития, инновации, экономика зна-

ний, инвестиции в новые отрасли, соответствующие условиям новой научно-промышленной революции. Необходимо отметить, что опережающее развитие предприятий химического комплекса возможно только при эффективной государственной поддержке, основными инструментами которой выступают механизмы кластерного развития и государственно-частного партнерства при реализации промышленных и инфраструктурных проектов, а также различные инструменты налогового и финансового стимулирования инвестиций в химическую промышленность.

Рекомендуемые действия для химико-фармацевтических предприятий:

Определение стратегических целей. Предприятия должны определять цифровизацию, круговую экономику, кластеризацию и инновации как неотъемлемые части своей корпоративной стратегии и учитывать взаимодействие между ними.

Трансформация корпоративной культуры. Важными составляющими необходимой культуры компании являются прозрачность и открытость, гибкость и отказоустойчивость, а также культура сотрудничества и общения даже за пределами компании. Большая часть бизнес-моделей химической промышленности основана на защите интеллектуальной собственности, что является потенциальным препятствием для быстрого культурного сдвига в сторону открытости и сотрудничества за рамками предприятия.

Подготовка высококвалифицированных специалистов. Цифровые и круговые бизнес-модели требуют дополнительных навыков; в частности, технические и сетевые компетенции персонала приобретают все большее значение. Необходимы дополнительные инвестиции в образование, материальные и нематериальные активы предприятия, в том числе программное обеспечение.

Использование возможностей. Необходимо развитие сотрудничества и сетевого взаимодействия как в химическом секторе, так и в разных отраслях. Ведущие предприятия химического сектора могут содействовать развитию платформ для обмена знаниями и налаживания партнерских отношений в отрасли, позиционировать себя в качестве открытого и привлекательного партнера для начинающих технологических компаний и расширять сотрудничество в области исследований.

Таким образом, для предприятий химико-фармацевтической отрасли наступает этап, когда каждое предприятие должно решить, каким оно видит себя в будущем:

– производителем материалов, разделенных на 2 категории: собственников природных ресурсов, располагающих сырьем, активами и балансовыми преимуществами и производителей дифференцированных товаров;

– поставщиком решений, ориентированных на потребности рынка, в полной мере использующие преимущества цифровых технологий.

Среди проблем, возникающих при распространении технологий «Индустрии 4.0» в химической промышленности, так же как и в других отраслях, можно отметить: обеспечение кибербезопасности; защиту и сохранность данных при применении облачных технологий, отсутствие необходимой инфраструктуры, недостаток высококвалифицированных специалистов, слаборазвитое институциональное поле, изменение роли человека в производственном процессе.

Химическая промышленность Республики сегодня находится в достаточно сложной ситуации. Цифровые и экспоненциальные технологии предлагают всем сегментам химической промышленности невероятные возможности. Одним из возможных путей развития является ускоренное развитие собственных технологий класса «Индустрия 4.0» и распространение их в рамках отрасли, которые могут способствовать повышению эффективности управления отраслью. Внедрение технологий «Индустрии 4.0» в химической промышленности позволит получать информацию о состоянии отрасли в режиме реального времени, что имеет большое значение для принятия управленческих решений как на уровне предприятия, так и на всех уровнях управления.

Литература

8. 2017 Elemental of the Business of Chemistry American Chemistry Council [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://www.americanchemistry.com/2017-Elements-of-the-Business-of-Chemistry>

9. Chemistry 4.0 Growth through innovation in a transforming world [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/>

global/en/pages/consumer-industrial-products/articles/cip-chemistry.html

10. Вестник химической промышленности [Электронный ресурс]: специализир. науч. журн. / Науч.-исслед. ин-т техн.-экон. исслед. в хим. компл. – Режим доступа: <http://vestkhimprom.ru/posts/kak-sovremennye-tsifrovye-tehnologii-menyayut-otrasl>

11. Вестник химической промышленности [Электронный ресурс]: специализир. науч. журн. / Науч.-исслед. ин-т техн.-экон. исслед. в хим. компл. – Режим доступа: <http://vestkhimprom.ru/posts/4-o-v-vashu-polzu-kakovy-pervye-rezultaty-primeneniya-tehnologij-klassa-industriya-4-o-na-rossijskikh-khimicheskikh-predpriyatiyakh-i-na-chto-mozhno-rasschityvat-v-perspektive>

12. Официальный сайт Министерства промышленности и торговли ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mptdnr.ru/documents/otchet>

13. Официальный сайт Министерства промышленности и торговли ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mptdnr.ru/news/1054-minpromtorg-perspektivy-razvitija-promyshlennogo-kompleksa-dnr.html>

14. Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/doklad-eduarda-armatova-ob-itogah-raboty-ministerstva-promyshlennosti-i-torgovli-za-2018-god/>

15. Цифровизация, кластеризация, экологичность: Минпромторг обозначил приоритеты развития химврома [Электронный ресурс]: – Режим доступа: https://finance.rambler.ru/other/41733222-tsifrovizatsiya-klasterizatsiya-ekologichnost-minpromtorg-oboznachil-prioritety-razvitiya-himproma/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink#

Божко Л.М.,

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг»
факультета «Экономика и менеджмент»
ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I»

**Оценка развития
малых, средних и крупных предприятий:
тенденции и влияние на экономику РФ**

Аннотация. Целью статьи является изучение динамики вклада в экономику страны и определение различий в тенденциях развития предприятий в зависимости от их размера. В статье на основе изучения статистического материала оценена динамика показателей развития предприятий и организаций, индивидуальных предпринимателей РФ; проведена оценка динамики удельного веса микро-, малых и средних предприятий в основных экономических показателях; определено количественное влияние организаций различного размера на экономику страны.

Ключевые слова: развитие предприятий, вклад в экономику, малый бизнес, средний бизнес

Bozhko L.M.,

*Candidate of Economic Science,
Associate Professor, Department «Management
and Marketing», Petersburg State Transport University*

**The assessment of small, medium-sized
and large enterprises` development:
trends and influence on economy
of the Russian Federation**

Abstract. The purpose of article is studying of dynamics of a contribution to national economy and determination of differences in trends of development of the enterprises depending on their size. In the article dynamics of indicators of development of the enterprises and organizations, individual entrepreneurs of the Russian Federation is estimated on the basis of studying of statistical material; the assessment of dynamics of specific weight of micro, small and medium-sized enterprises in the key economic indicators is carried out; the quantitative influence of the organizations of various size to the national economy is defined.

Keywords: development of enterprises, contribution to economy, small business, medium business

Рост организации выражается среди прочих критериев в объеме выручки. Во многом отношение к организации определяется ее размерами, далеко не всегда принимаются во внимание суммарные по категории предприятий показатели в масштабах всей экономики. Отсюда порой недооценивается или, наоборот, переоценивается важность предприятия только из-за его принадлежности к той или иной размерной группе. Размер организации свидетельствует не только о величине ее дохода, но и указывает на вклад конкретной организации в экономику региона и государства. Совокупно организации разных размеров вносят различный вклад в экономику страны – по его динамике можно судить о тенденциях развития организаций разного размера. Проследим динамику вклада в экономику страны организаций в зависимости от их размера и определим различия в тенденциях их развития.

Одна из особенностей российской экономики состоит в том, что определяющее влияние на нее оказывают предприятия крупного бизнеса. Обратимся к официальной статистике. В табл. 1 представлена информация по ВВП и обороту предприятий и организаций РФ на основе данных из статистических сборников (13), (14), (15), (7), (8), (9), (10).

Из таблицы 1 видно, что темп прироста оборота малых предприятий за весь рассматриваемый период (2010–2016 гг.) превышает темп прироста ВВП. Динамика развития микропредприятий при их отделении от малых предприятий показывает более лучшую ситуацию (темп прироста микропредприятий превышает этот показатель по

всем малым предприятиям почти в 2,5 раза). Темп прироста оборота выручки индивидуальных предпринимателей выше темпа прироста оборота малых предприятий и превышает темп прироста ВВП почти в 2 раза.

Приближение темпа прироста оборота организаций к темпу прироста ВВП наблюдается при отнесении значений 2016 и 2010 годов. Прежде ситуация была иная. Так, за период с 2010 по 2014 г.г. темпы прироста оборота организаций ниже темпа прироста ВВП, а темп прироста оборота малых предприятий еще ниже. Между тем у микропредприятий картина выглядит лучше, а темпы прироста объема выручки индивидуальных предпринимателей имеют самые высокие значения среди сравниваемых показателей.

Таблица 1. Динамика ВВП, оборота предприятий и организаций, объема выручки индивидуальных предпринимателей РФ за 2010–2016 г.г.*

Показатель	Годы							Темп прироста, %	
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2014/2010	2016/2010
ВВП, млрд руб.	46309	55967	62176	66190	79200	83233	86044	71,03	85,8
Оборот организаций**, млрд руб.	81196,1	99978,4	111582,0	114625,7	129195,0	141547,3	149320,2	59,11	83,9
Оборот малых предприятий, всего, млрд руб.	18933,8	22610,2	23463,7	24781,6	26392,2	44124,3	38877,0	39,39	105,33

Объем выручки индивидуальных предпринимателей от продажи товаров, продукции, работ, услуг по всем видам деятельности, млрд руб.	4671,2	8057,2	8707,4	9732,9	10447,5	7894,0	12369,2	123,66	164,8
в т.ч. оборот микропредприятий, млрд руб.	5609,2	7028,3	8347,64	9101,3	9699,3	18587,0	20138,8	72,92	259,03

* Составлено и рассчитано по данным статистических сборников «Российский статистический ежегодник – 2013» (13), «Российский статистический ежегодник – 2015» (14), «Российский статистический ежегодник. 2017» (15), «Малое и среднее предпринимательство в России – 2013 г.» (7), «Малое и среднее предпринимательство в России – 2014 г.» (8), «Малое и среднее предпринимательство в России – 2015 г.» (9), «Малое и среднее предпринимательство в России – 2017 г.» (10).

** Без учета деятельности финансовых организаций.

*** С учетом налогов и аналогичных обязательных платежей.

Можно заключить, что микропредприятия и индивидуальные предприниматели демонстрируют активный рост (судя по обороту и объему выручки). Но значения их оборота и объема выручки в сравнении с общим оборотом организаций все еще невелики.

В таблице 2 и на рис. 1. представлена динамика оборота организаций и индивидуальных предпринимателей (ИП) в России за 2005–2016 гг. Данные по обороту организаций, обороту средних и малых предприятий, объему выручки ИП взяты из официальной статистики: статистических сборников, опубликованных Федеральной службой государственной статистики (4), (5), (6), (7), (8), (9), (10), (11), (12), (13), (14), (15). Данные приведены без поправки на инфляцию.

По базисным темпам роста (за базисный нами принят 2008 г.) видно увеличение оборота малых предприятий (вместе с микропред-

приятными) из года в год за рассматриваемый период (но в 2016 г. оборот снизился). Микропредприятия показали снижение оборота в 2009 г. и за рассматриваемый период превысили значение оборота 2008 г. только в 2013 г. Т.е. у малых предприятий при исключении из них микропредприятий оборот растет более высокими темпами, чем указано в строке 3 (разве что по 2016 г. иначе). Оборот микропредприятий, несмотря на его меньшие по сравнению с 2008 г. значения в последующие четыре года, за период наблюдения с 2008 по 2016 гг. всегда превышал оборот средних предприятий за исключением значения в 2010 г. (видимо, последствия кризиса и ряд непопулярных мер, приведших к финансовой нагрузке на бизнес, так исказили общую картину).

Согласно российскому законодательству к субъектам малого предпринимательства относятся и физические лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица. Следуя такому отнесению, мы вправе для расчета общего оборота малого предпринимательства суммировать оборот малых предприятий (строка 3 таблицы 2) и объем выручки индивидуальных предпринимателей (ИП, строка 5). Мы видим, что на темпах роста оборота субъектов малого предпринимательства (строка 6) в 2009–2010 гг. сказался финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.

Итак, малый бизнес оказался подвержен негативному влиянию кризиса (и других факторов), но продемонстрировал стойкость: с 2011 г. темпы роста оборота увеличились и вплоть до 2016 г. ускорялись.

Для оценки влияния малого предпринимательства на экономику можно рассчитать удельный вес оборота малого предпринимательства в совокупном обороте. В строке 1 табл. 2 мы имеем оборот по организациям (здесь не учтены индивидуальные предприниматели). Увеличив его на объем выручки ИП (строка 5), мы получим для расчетов совокупный оборот организаций и индивидуальных предпринимателей. Далее становится возможным вычислить удельный вес оборота малого предпринимательства в совокупном обороте (строка 7). Рассчитанные темпы роста этого показателя размывают радужную картину роста оборота малого предпринимательства: за исключением кризисного 2009 г. доля оборота малого предпринимательства оставалась ниже уровня в кризисном 2008 г. на протяжении пяти лет вплоть до 2015 г. (рис. 2).

Таблица 2. Динамика оборота организаций и ИП за 2005–2016 гг.

№ стр.	Показатель (млрд руб, кроме строки № 7)	Годы						
		2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
1	Оборот организаций*	36459,5	46950,4	59795,2	74180,9	67434,7	81196,1	99978,4
2	Оборот средних предприятий	–	–	–	3105,2	3030,5	7416,2	5150,4
3	Оборот малых предприятий, всего	9612,6	12099,2	15468,9	18727,6	16873,1	18933,8	22610,2
4	в т.ч. микропредприятия	–	–	–	8634,1	8067,2	5609,2	7028,3
5	Объем выручки ИП** от продажи товаров, про- дукции, работ, услуг по всем видам деятельности	–	–	–	7000,2	7301,2	4671,2	8057,2
6	Оборот малого предприни- мательства (стр. 3+стр. 5)	–	–	–	25727,8	24174,3	23605	30667,4
7	Удельный вес оборота малого предпринимательства в со- вокупном обороте ((стр. 6/ стр. 1+стр. 5)×100), %	–	–	–	31,69	32,35	27,49	28,39

* Без учета деятельности финансовых организаций.

** С учетом налогов и аналогичных обязательных платежей.

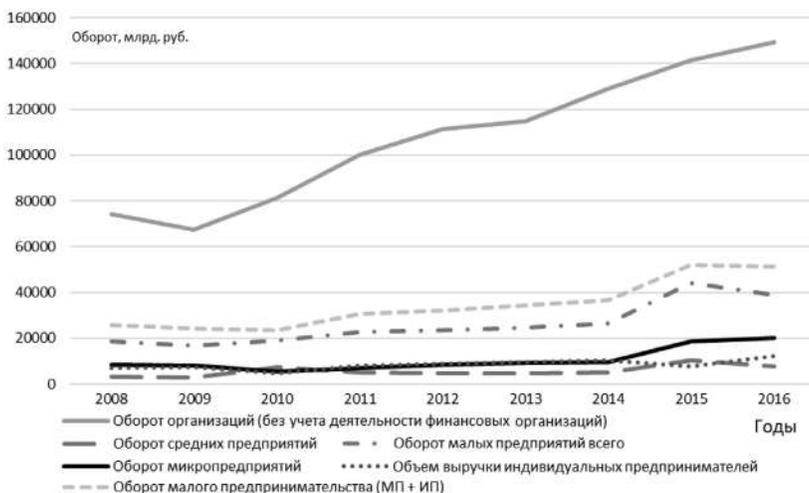

Рисунок 1. Динамика оборота организаций и индивидуальных предпринимателей за 2005–2016 г. г., млрд руб.

					Базисные темпы роста							
2012	2013	2014	2015	2016	2009/ 2008	2010/ 2008	2011/ 2008	2012/ 2008	2013/ 2008	2014/ 2008	2015/ 2008	2016/ 2008
111582	114625,7	129195,0	141547,3	149320,2	0,91	1,09	1,35	1,50	1,55	1,74	1,91	2,01
4710,6	4717,05	5027,8	10362,7	7590,4	0,98	2,39	1,66	1,52	1,52	1,62	3,34	2,44
23463,7	24781,6	26392,2	44124,3	38877,0	0,90	1,01	1,21	1,25	1,32	1,41	2,36	2,08
8347,64	9101,3	9699,3	18587,0	20138,8	0,93	0,65	0,81	0,97	1,05	1,12	2,15	2,33
8707,4	9732,9	10447,5	7894,0	12369,2	1,04	0,67	1,15	1,24	1,39	1,49	1,13	1,77
32171,1	34514,5	36839,7	52018,3	51246,2	0,94	0,92	1,19	1,25	1,34	1,43	2,02	1,99
26,74	27,75	26,38	34,81	31,69	1,02	0,87	0,90	0,84	0,88	0,83	1,10	1,00

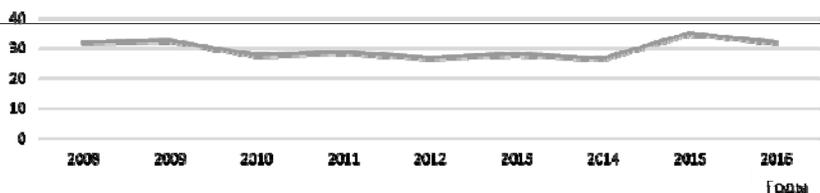

Рисунок 2. Удельный вес оборота малого предпринимательства в совокупном обороте за 2005–2016 г. г., %

Удельный вес оборота малого предпринимательства в совокупном обороте за весь рассматриваемый период достиг своего максимального значения в 2015 г. и далее в 2016 г. снова сошел на уровень 2008 г. Рассчитанные значения удельного веса оборота малого предпринимательства в совокупном обороте не являются конечными, т.к. в данных по обороту организаций не учтена деятельность финансовых организаций. Кроме того, в статистических отчетах за 2015 г. индивидуальные предприниматели прописаны как субъекты малого и среднего предпринимательства. Вместе с тем, эти оговорки заметно не влияют на общую картину и позволяют отследить динамику развития малого предпринимательства.

На основе данных Росстата приведем сведения об удельном весе малых и средних предприятий в основных экономических показателях (таблица 3). Вследствие отсутствия данных из официальной статистики за 2015 год информация по удельному весу малых и средних предприятий по 2015 г. не представлена.

*Таблица 3. Удельный вес малых и средних предприятий в основных экономических показателях за 2010–2016 г.г., %**

Показатель	Тип предприятий	Годы					
		2010	2011	2012	2013	2014	2016
Оборот предприятий	средние	7,1	5,1	5,4	4,9	4,8	4,8
	малые (включая микропредприятия)	21,4	22,2	21,1	20,5	20,2	24,4
	микропредприятия	7,6	6,9	7,5	7,5	7,4	12,7
Инвестиции в основной капитал	средние	2,3	2,4	1,7	2,3	2,1	2,7
	малые (включая микропредприятия)	7,2	3,9	4,1	4,3	4,9	5,5
	микропредприятия	3,4	1,4	1,2	1,4	1,7	2,7
Внеоборотные активы	средние	1,6	1,6	1,7	1,1	1,4	1,7
	малые (включая микропредприятия)	21,9	20,3	19,8	40,6	16,8	21,1
	микропредприятия	19,3	17,8	17,3	38,3	13,9	17,6
Оборотные активы	средние	3,8	4	4,4	2,3	3,3	4,1
	малые (включая микропредприятия)	22,4	23	23,1	39,1	33,6	37,6
	микропредприятия	15,2	15,9	15,8	33,8	26,4	28,7
Капитал и резервы	средние	1,3	1,4	1,5	1,4	1,3	1,9
	малые (включая микропредприятия)	21,7	21	21,2	20,5	20,1	20,8
	микропредприятия	19,6	19	19	17,2	17	17,6

* Составлено по данным статистических сборников «Малое и среднее предпринимательство в России – 2015 г.» (9), «Малое и среднее предпринимательство в России – 2017 г.» (10). Данные за 2015 г. отсутствуют.

Сравнение данных по малым и средним предприятиям – в пользу малых; средние предприятия выглядят очень бледно и на фоне микропредприятий, демонстрируя немногим лучшую картину по инвестициям в основной капитал. Значения у малых предприятий по

обороту, капиталу и резервам в течение рассматриваемого периода меняются незначительно. Также нет существенных изменений в их инвестициях в основной капитал (после резкого снижения в 2011 г.). Большие скачки наблюдаются по оборотным и внеоборотным активам в 2013 г., но к 2016 г. эти показатели снижаются, причем внеоборотные активы почти возвращаются на прежний уровень за исследуемый период. Таким образом, вклад малых предприятий в экономику по их удельному весу в основных экономических показателях практически постоянный на протяжении рассматриваемого периода.

По заявлению Президента РФ В.В. Путина на встрече с руководством организации «ОПОРА России» в 2012 г. доля малого и среднего бизнеса в ВВП России составляла порядка 21–22% (для сравнения: в США этот показатель составляет 50%, в Китае – 60 с лишним процентов) (3). В 2017 г. ситуация особо не поменялась: доля малого и среднего бизнеса в ВВП составила около 20% (по данным Минэкономразвития), а в объеме экспорта она составляет всего 6% (16).

Итак, несмотря на предпринимаемые на протяжении многих лет со стороны государства меры по содействию малому предпринимательству вклад предприятий малого бизнеса в ВВП в нашей стране по-прежнему небольшой, но постоянный. Более активно проявляют себя микропредприятия и индивидуальные предприниматели.

Процесс развития малого предпринимательства в России сдерживает целый ряд негативных факторов. Среди проблем развития малого бизнеса есть схожие для разных стран и специфичные для России. Не вдаваясь в эти проблемы подробно, подчеркнем, что в нашей стране малый бизнес особенно подвержен воздействию на него рыночной среды, которая чрезвычайно динамична и сложна. Постоянное изменение в части налогового регулирования, легализующих деятельность организации процедур и отчетности – со стороны государства как участника рынка; кредитных ставок и требований для получения заемных средств – со стороны кредитных учреждений; цены ресурсов, определяющей себестоимость продукции – со стороны поставщиков материальных ресурсов – и т.д. вынуждают малые предприятия постоянно находиться в ситуации проведения или предвкушения организационных изменений.

Собственно, указанная проблема – частые изменения во внешней среде – характерна не только для малых предприятий, но и для сред-

них. Крупные предприятия, хоть и оказывают существенное влияние на рыночную конъюнктуру, вовсе не застрахованы от рыночной нестабильности и также испытывают воздействие конъюнктурообразующих факторов. Это обязывает крупные компании обладать способностью к адаптации. Надо иметь в виду и социально-экономические последствия для окружения, которые возникают при несвоевременных или неудачных организационных изменениях на крупном (особенно градообразующем) предприятии: сворачивание социальных программ, недостаточное финансирование инфраструктуры, сокращение отчислений в бюджет, рост безработицы. Практика показывает, что именно крупные предприятия испытывают большие проблемы при проведении организационных изменений, чем малые, из-за косности систем менеджмента (1), (2).

Средние предприятия помимо совпадающих с проблемами малых предприятий имеют свои, особенные проблемы. Это проблемы роста, сопровождаемого организационными изменениями. Традиционно в специализированных экономических изданиях внимание в основном принято уделять проблемам крупных (как имеющих весомое экономическое и социальное значение) и (или) малых (как нуждающихся в поддержке) предприятий. При этом средние предприятия зачастую остаются в стороне при рассмотрении проблем развития бизнеса. Возможно, это происходит по причине незначительного (но на первый взгляд), вклада средних предприятий в экономику России.

Литература

1. Божко Л.М. Причины и проблемы проведения организационных изменений // Вестник Тверского государственного университета: Серия «Экономика и управление». – 2015. – № 2. – С. 188–199.

2. Божко Л.М. Проблемы реализации организационных изменений (региональный аспект) // Вестник Тверского государственного университета: Серия «Экономика и управление». – 2018. – № 4. – С. 37–43.

3. Доля малого и среднего бизнеса в ВВП России недостаточна – Путин [Электронный ресурс] // Финмаркет: сайт – Режим доступа: <http://www.finmarket.ru/news/3129845> (дата обращения: 25.09.2014).

4. Малое и среднее предпринимательство в России – 2008 г. / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_47/Main.htm (дата обращения: 23.09.2014).

5. Малое и среднее предпринимательство в России – 2009 г. / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_47/Main.htm (дата обращения: 23.09.2014).

6. Малое и среднее предпринимательство в России – 2010 г. / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_47/Main.htm (дата обращения: 23.09.2014).

7. Малое и среднее предпринимательство в России – 2013 г. / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_47/Main.htm (дата обращения: 23.09.2014).

8. Малое и среднее предпринимательство в России – 2014 г. / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_47/Main.htm (дата обращения: 24.07.2018).

9. Малое и среднее предпринимательство в России – 2015 г. / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_47/Main.htm (дата обращения: 24.07.2018).

10. Малое и среднее предпринимательство в России – 2017 г. / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_47/Main.htm (дата обращения: 24.07.2018).

11. Российский статистический ежегодник – 2010 / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_13/Main.htm (дата обращения: 04.08.2014).

12. Российский статистический ежегодник – 2012 / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/Main.htm (дата обращения: 23.09.2014).

13. Российский статистический ежегодник–2013 / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/Main.htm (дата обращения: 04.08.2014).

14. Российский статистический ежегодник–2015 / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm (дата обращения 24.07.2018).

15. Российский статистический ежегодник. 2017/ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_13/Main.htm (дата обращения 24.07.2018).

16. *Соколова М.* Доля малого и среднего бизнеса в ВВП России недостаточна, заявили в Счетной палате [Электронный ресурс] // Парламентская газета. – 17.04.2018. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/economics/dolya-malogo-i-srednego-biznesa-v-vvp-rossii-nedostatocna-zayavili-v-schyotnoy-palate.html> (дата обращения: 25.07.2018).

Дектерёв В.И.,

*редактор социально-экономического отдела
газеты «Правда»*

Особенности российской налоговой системы

Аннотация. В статье раскрывается принципиальное отличие налоговой системы России от большинства налоговых систем в мире. В них налогами обладается результат работы предприятия. Налоговая система, которую для нас придумали и внедрили «специалисты» из МВФ, основана не на изъятии государством у производителя доли, прибыли, которую он получил. Она основана на последовательном «накручивании» налогов и других обязательных платежей налогового характера на себестоимость продукции и друг на друга. В результате себестоимость отечественной продукции возрастает в разы, что делает ее неконкурентоспособной. При такой налоговой системе Россия обречена на прозябание. Ее нужно менять на нормальную.

Ключевые слова: налоговая система, конкурентоспособность, альтернативы

Dekterev V.I.,

*editor of the socio-economic Department
of the newspaper “Pravda”*

Features of the Russian Tax System

Abstract. The article reveals the fundamental difference of the Russian tax system from the majority of tax systems in the world. They have to pay this tax the result of the work of the enterprise. The tax system, which for us was invented and implemented by “specialists” from the IMF, is not based on the state’s withdrawal of the share from the producer, the

profit that he received. It is based on a consistent “build-up” of taxes and other mandatory payments of a tax nature on the cost of production and on each other. As a result, the cost of domestic products increases significantly, which makes it uncompetitive. Under such a tax system, Russia is doomed to vegetate. It needs to be changed to normal

Keywords: tax system, competitiveness, alternatives

Ноу-хау нашей налоговой системы. Принято считать, что налогами обкладывается результат работы предприятия. По такому принципу устроено большинство налоговых систем в мире. Но не у нас. Та налоговая система, которую для нас придумали и внедрили «специалисты» из МВФ, основана не на изъятии государством у производителя какой-то, пусть даже львиной доли, той прибыли, которую он получил. Ноу-хау этой системы состоит в последовательном «накручивании» налогов и других обязательных платежей налогового характера на себестоимость продукции и друг на друга.

Налогов наши чиновники за годы «рыночных реформ» наплодили сотни. Причём кроме самих налогов они придумали массу других обязательных платежей налогового характера: тьму всевозможных пошлин, акцизов, взносов, сборов, платежей за выдачу лицензий, сертификатов, разрешений, согласований, справок и других поборов, запрятанных во всякие инструкции, положения, решения, постановления бесчисленных бюрократических структур.

Многokrатно менялся их состав, размер ставок, несчетное количество раз – инструкции по их начислению. Наконец, в начале 2000-х годов была предпринята попытка частичного «упорядочения» системы, сокращения количества налогов, других обязательных платежей и сведения их в Налоговый кодекс. Но при этом неизменным осталась система «начисления» налогов и других обязательных платежей.

Система же заключается в следующем. Всю эту массу налогов и обязательных платежей в соответствии с инструкциями Минфина, которые затем были обобщены в статье 264 Налогового кодекса РФ, бухгалтеры должны относить на счет «Прочие расходы, связанные с производством и (или) реализацией», то есть на себестоимость продукции. В результате она возрастает в разы. (7)

Смотрите, что получается. Есть добавленная стоимость продукции, то есть то, что предприятие добавило к стоимости сырья и комплек-

тующих. На неё накручивается одна группа налогов и обязательных платежей (на языке инструкций – включается в себестоимость). Затем на полученную сумму накручивается ещё группа. Потом еще и еще – по принципу матрешки. Покажу это на простейшем примере.

Чтобы выплатить работнику 1 рубль, предприятие должно начислить ему 1 рубль 15 копеек. Тогда после вычета налога на доходы физических лиц (НДФЛ) в 13% останется 1 рубль.

На эти 1,15 рубля предприятие должно начислить 30% или 35 копеек «взносов» в государственные социальные фонды. Т.е. «взносы» начисляются не только на добавленную стоимость, включенную в цену продукции (100 рублей), но и на НДФЛ. Получается уже 1 рубль 50 копеек.

А на все это вместе взятое «накручивается» ещё 20% налога на добавленную стоимость (НДС) или 30 копеек. Потому что инструкции Минфина предписывают начислять НДС не на добавленную стоимость (100 рублей, выплаченных работнику), а на себестоимость, в которую перед этим были включены НДФЛ и «взносы» в социальные фонды. Всего получается, чтобы заплатить работнику 1 рубль, предприятие должно отдать государству 80 копеек или 80% от суммы, которую получил работник.

Каждый из налогов и других обязательных платежей налогового характера с виду вроде бы не так и велик, но из-за мультипликативного эффекта последовательной многократной накрутки налогов на стоимость и друг на друга цена продукции возрастает в разы по сравнению со стоимостью. Получается своеобразная матрешка, в которой стоимость продукции – это самая маленькая сестричка, а её себестоимость, составляющая нижний порог цены, – самая большая.

Причем самые первые накрутки на себестоимость для маскировки именовали то регулируемыми тарифами, то перекрестным субсидированием. Для промышленности в 1996 году они были установлены на уровне федерального правительства в шесть раз выше, чем для жилищно-коммунального хозяйства. Региональные правительства накручивали еще. Е. Наздратенко в Приморье увеличил их по электроэнергии в 12,2 раза, а Ю. Лужков в Москве отпускал воду предприятиям в 12,8 раз дороже. В целом разница тарифов, например, на электроэнергию по регионам и потребителям достигла 20-кратной величины. По сути власти превратили тарифы на энергоносители в колоссальный дополнительный налог на предприятия. (2)

Ее влияние на конкурентоспособность. В результате такой системы налогообложения себестоимость отечественной продукции, а значит, и ее цена, возрастает в разы, по сравнению со стоимостью. Это делает её неконкурентоспособной не только на внешнем, но и на внутреннем рынке. При такой системе неважно, какова рентабельность производства. Все эти суммы предприятие обязано включать в себестоимость и в цену своей продукции. Даже если оно не получает никакой фактической прибыли, даже если оно убыточно, даже если оно неспособно выплатить зарплату своим работникам, налоги с него сдерут.

Вы спросите, в чем экономический смысл такой процедуры? Если исходить из принципов экономической целесообразности, то получается абсолютная бессмыслица. Вот только что происходит, когда на свободном рынке сходятся два равнозначных для потребителя товара, на стоимость одного из которых «накручена» только прибыль (из неё потом будут вычтены налоги), а на стоимость другого – ещё и масса налогов и других обязательных платежей, включённых в себестоимость, ниже которой цену устанавливать нельзя? Какой из них будет конкурентоспособнее? Вопрос риторический.

Налоговая нагрузка – это важнейший компонент обеспечения конкурентоспособности продукции. Чем больше налогов закладывается в цену товара, тем ниже его конкурентоспособность, возможности сбыта, а значит – и производства. Берусь утверждать, что именно высокая налоговая нагрузка в самом начале «рыночных реформ» явилась важнейшей причиной краха экономики России.

Тем, кто после разрушения СССР захватил государственную власть в России, удалось внедрить в наше сознание миф, что катастрофическое падение производства в стране якобы связано с введением рыночных отношений и открытием границ для высококонкурентной зарубежной продукции. Неконкурентоспособность отечественных товаров и услуг они объясняли технической отсталостью предприятий и отсутствием в стране достаточных средств для инвестиций в высокоэффективные западные технологии.

В действительности же неконкурентоспособность отечественных товаров и услуг создаётся искусственно – путем закармливания в их цену непомерных налогов и других обязательных платежей, в разы превышающих их фактическую стоимость. Сбыть продукцию по такой

цене может лишь монополист или обладатель очень высокопроизводительного оборудования. Для всех остальных производить что-либо становится разорительным занятием. Предприятия останавливаются, экономика страны рушится. (4)

Именно этого и добивались спецслужбы США, негласно контролирующие МВФ. Так что за внешне экономической бессмыслицей стоит жесткая логика устранения основного конкурента США. Искусственно созданная неконкурентоспособность неуклонно и последовательно превращала некогда мощную индустриальную державу в «банановую республику».

Без использования «серых» и «черных» финансовых схем, бартера и неплатежей в России не могло успешно функционировать большинство выживших предприятий. Продолжали работать только те, кто сумел хотя бы частично уйти от налогообложения в «тень». Наша экономика продолжала дышать благодаря именно этому обстоятельству.

Победители диктовали свои правила побежденному. Закономерно встаёт вопрос: кто и зачем придумал такую систему? После долгих поисков удалось-таки найти авторов. Их, пусть и не поименно, назвал бывший директор-распорядитель МВФ Мишель Камдессю. Когда в 1998 году правительство билось с депутатами за повышение НДС на 5%, он перед телекамерами выразил надежду, что Россия и дальше будет придерживаться той «прекрасной налоговой системы, которую специально для нее разработали в Международном валютном фонде». (6)

Зачем разработали для нас именно такую налоговую систему? Ответ на этот вопрос лежит в политической плоскости. США, выиграв «холодную войну» и разрушив СССР, навязало побежденным свои правила. Такие, чтобы ни один обломок СССР не смог подняться с колен.

При этом существо дела прикрывалось пеленой лжи. Руководители Минфина оперировали совсем другими цифрами. По их понятиям, налоги у нас были лишь чуть завышены: 32% от ВВП против 27–28% в развитых странах.

Но что такое ВВП? Валовой внутренний продукт включает в себя стоимость товаров, работ и услуг, произведенных во всех секторах экономики. Но одни сектора экономики платят налоги, а другие на них живут. Если сложить стоимость услуг учителей, врачей, военнослужащих, чиновников и т.д. со стоимостью произведенных товаров, а также услуг торговли, транспорта, связи, строительства, бан-

ковской сферы и т.д., да ещё сделать 40-процентную «дооценку» на теневой сектор, а затем сумму поступивших в казну налогов разделить на всё это, получится указанная Минфином цифра.

Это если не включать в него платежи в пенсионный и другие государственные социальные фонды. С ними получалось 39%. Если же добавить то, что поступало во внебюджетные фонды министерств и ведомств, их подразделений на местах, региональных и местных администраций и их подразделений, получится больше половины ВВП. Но о чем эта цифра говорит? А ровным счетом ни о чем. Она никак не отражает налоговую нагрузку на предприятия, производящие необходимые стране товары.

Однако основным средством сокрытия реальной налоговой нагрузки на предприятия стали бухгалтерские программы для компьютеров. В первой половине 1990-х годов бухгалтеры просто захлебывались от огромной массы свалившихся на них документов, регламентирующих налоговую сферу. Одних только инструкций, разъяснений к этим инструкциям и разъяснений к разъяснениям Минфин наплотил тысячи. Не говоря уже о других ведомствах и их подразделениях на местах. Ориентироваться в этом море бумаг не были в состоянии даже сотрудники налоговых инспекций.

Поэтому появление бухгалтерских компьютерных программ было встречено с восторгом всеми. Разбираться с морем инструкций пришлось программистам – лицам, далеким от анализа влияния налоговой системы на производство. Бухгалтерам же осталось лишь вводить исходную информацию, а уж какие проводки дальше осуществляла программа, что на что «накручивалось» – их теперь не касалось.

Бухгалтерские программы по сути стали «черным ящиком». Проводить бухгалтерский анализ работы предприятия стало невозможно. Да и некому. Бухгалтером, в том числе и главным теперь мог стать любой человек, умеющий пользоваться компьютером. Специфических знаний от него уже не требовалось. А показатели, которые требует налоговая отчетность, и выдает программа построены так, чтобы скрыть реальную картину.

Налоговая реформа и ее «преодоление». В начале 2000-х годов процессы, вызванные осмыслением перспектив собственного существования и срабатыванием инстинкта самосохранения, привели к заметным переменам в позициях российской власти. Решая задачу

создания слоя компрадоров, на который марионеточный режим мог бы опереться, он вынужден была ослабить налоговую удавку. Результатом стала налоговая реформа.

В ходе ее были отменены более сотни федеральных, региональных и местных налогов, в том числе ряд тех, которые накручивались друг на друга. Кроме того, были снижены налоговые ставки. Так, ставка по налогу на добавленную стоимость была снижена с 28% до 18%. Взносы в государственные социальные фонды, переименованные в единый социальный налог (ЕСН), сократились с 50% до 26%, налог на прибыль – с 32% до 20%.

Были ликвидированы и многочисленные внебюджетные фонды министерств и ведомств, их подразделений на местах, региональных и местных администраций, обложивших предприятия своей данью. Пример: в 1996 году в Москве при оформлении предприятия кроме госпошлины (2000 рублей), поступавшей в бюджет, требовали уплатить ещё и регистрационный сбор (189 750 рублей). Эти деньги переводились на внебюджетный счет регистрационной палаты, которым она распоряжалась сама. (3)

Ослабление налоговой удавки позволило экономике хоть как-то оклематься, а выжившим предприятиям продолжить работу. У последних появилась возможность выпускать относительно конкурентоспособную продукцию. В результате российская экономика ожила и стала набирать обороты. Причем не только в экспортно-ориентированных отраслях.

Почувяв неладное, заокеанские «инструкторы» потребовали от своих российских ставленников задушить предприятия, работающие на внутренний рынок. Однако решить эту задачу оказалось не так-то просто. Набравшие силу производственники делали всё, что могли, дабы не допустить повышения налогового бремени. Максимум, что удалось властям сделать на этом пути, это повысить страховые взносы в государственные социальные фонды с 26% до 34% (затем под давлением производственников их снизили до 30%), НДС – с 18% до 20%, а также налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и акцизы на горюче-смазочные материалы.

Но этого было недостаточно. Тогда российские власти пошли круговым путем и в различных направлениях. Первым направлением стало введение налогов в пользу частных лиц. Это ОСАГО (обязатель-

ное страхование автогражданской ответственности). Статистика за все годы его существования показывает, что в виде страховых платежей использовалось от четверти до половины собранных взносов. Остальное шло на кормежку владельцев фирм, собиравших этот налог.

Затем появились платные участки федеральных автодорог. Чиновники передают частным лицам свои обязанности по содержанию вновь построенных и отремонтированных участков трасс. Якобы за выполнение этих обязанностей им предписывается брать непомерно высокую плату за проезд, львиная доля которой идёт в карманы этих доверенных лиц. (5) Кроме того им положена «компенсация» из бюджета, если интенсивность движения по переданному участку окажется ниже предусмотренной соглашением, а также возмещаются все затраты, связанные с его ремонтом и содержанием. (1)

Последний пример из этой сферы – «Платон», когда частной фирме, поручается сбор денег с владельцев грузовиков для передачи «Росавтодору». За «услуги» ему выделяется из федерального бюджета (!) не менее 10,6 миллиарда рублей в год, даже если он столько не собрал. (8)

Во всем мире с тех, кто, отчаявшись найти работу, пытается выжить за счет малого бизнеса, налоги не берут вообще. У нас же, наоборот, всеми способами душат их, обкладывая все более разорительными налогами. Кроме того, власти в десятки раз увеличили налоги на землю и имущество для населения. Цель таких мер – снижение покупательной способности граждан, а значит и емкости внутреннего рынка, которая стала реальным ограничителем производства.

Выступая на заседании коллегии Федеральной налоговой службы (ФНС) в 2013 году её руководитель Михаил Мишустин с гордостью указал, что темпы роста поступления налогов за последние три года существенно превысили темпы роста экономики России: валовой внутренний продукт вырос за этот период на 12,7%, а налоги в реальном выражении – на 21,8%. (9)

Альтернатива. Если не поменять налоговую систему, навязанную МВФ российскому руководству, на нормальную, то экономика страны будет и дальше влачить жалкое существование. Куда это жалкое существование нас заведёт, в целом понятно. Мы это уже проходили в 1990-е годы. Сейчас, когда русский дух окреп, самое время покончить с этим ярмом побежденного.

Конечно, перед страной на пути возрождения встанет множество проблем. Но чтобы успешно решить их требуется здоровая экономическая основа. Краеугольным камнем этой основы является налоговая система, которая не душит производство, разоряет предприятия и через грабеж населения искусственно сжимает внутренний рынок, а другая, нормальная, которая открывает перед ними новые горизонты и создаёт простор для развития.

Налоговая нагрузка на предприятия, работающие на внутренний рынок, должна сокращаться, а на предприятия, вывозящие из страны природные ресурсы – расти. Разумеется, делать это надо профессионально, последовательными шагами: иначе подешевевшие товары будут выметаться из страны. С помощью госрегулирования следует добиваться, чтобы снижение налогового бремени сопровождалось не столько снижением цен, сколько повышением заработной платы, ростом вложений в культуру производства и улучшение условий труда.

Рост заработной платы вместе со снижением налогового бремени на граждан создаст новые возможности для расширения внутреннего рынка, узость которого сегодня стала тормозом экономического развития страны. А возможное сокращение налоговых поступлений в бюджет должно сопровождаться ликвидацией механизмов его разбазаривания, которое сегодня приняло катастрофические масштабы.

Литература

1. Дектерёв В. Выходят на большую дорогу / В. Дектерёв // «Правда» – 2009. – 24 июл. – с 1.
2. Дектерёв В. Две копейки за киловатт / В. Дектерёв // «Правда» – 2000. – 18 июл. – с 2.
3. Дектерёв В. Приватизация власти или почему чиновникам не нужны взятки / В. Дектерёв // «Правда России» – 1996. – 17 окт. – С. 2.
4. Дектерёв В. Приключения налогов в России / В. Дектерёв // «Правда» – 2000. – 3, 5, 6 окт. – с 2.
5. Дектерёв В. Разбой на дорогах / В. Дектерёв // «Правда» – 2016. – 15 янв. – с 2.
6. Дектерёв В. Утечка капиталов и как с ней бороться / В. Дектерёв // «Правда» – 2001. – 24 май. – с 2.

7. Налоговый кодекс РФ. (Электронный ресурс) Кодификация РФ – Режим доступа: <http://rulaws.ru/nk-rf-chast-1/?yclid=5037113147111786743>

8. Платон (система взимания платы) (Электронный ресурс) Википедия. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BD_\(%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0_%D0%B2%D0%B7%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%8B\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BD_(%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0_%D0%B2%D0%B7%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%8B))

9. Уровень налоговых поступлений за три года значительно вырос. (Электронный ресурс): Вестник государственной регистрации. – Режим доступа: http://www.vestnik-gosreg.ru/redaction_news/?id=133729

Кантор В.Е.,

*доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента
и инноваций факультета управления СПбГЭУ*

Кантор А.В.,

*аспирант кафедры экономики
и управления предприятиями
и производственными комплексами
факультета управления СПбГЭУ*

**Проблемы управления эффективностью
инвестиций в добывающей промышленности**

Аннотация: В статье определены факторы, оказывающие влияние на формирование эффективной инвестиционной политики. Рассмотрена проблема привлечения финансовых ресурсов предприятиями и минимизации инвестиционных рисков.

Ключевые слова: Инвестиции, инвестиционная программа, экономическая эффективность, риски, управленческие решения

Kantor V.E.,

*doctor of economics, professor of the department
of management and innovation, faculty of management
St. Petersburg state University of Economics*

Kantor A.V.,

*post-graduate student of the department of economics
and management of enterprises and industrial complexes
of the faculty of management St. Petersburg state University
of Economics*

**The Problems of Managing the Efficiency
of Investments in the Mining Industry**

Abstract: The article identifies factors that influence the formation of an effective investment policy. The problem of attraction of financial resources by enterprises and minimize investment risks.

Keywords: Investment, investment program, economic efficiency, risks, management decisions

В условиях рыночных отношений целесообразность любого вида деятельности определяется его экономической эффективностью, возможностью получения необходимого размера прибыли, уровнем рентабельности производства. Решающую роль в этом играют основные фонды, главным образом, их активная часть.

Основные фонды являются важнейшим средством повышения эффективности производства, поэтому их состояние и степень использования на предприятиях характеризуют технический уровень производства, темпы и масштабы его развития. Иначе говоря, состояние и использование основных фондов на предприятиях определяют их эффективность¹.

Эффективность основных фондов характеризуется объемом продукции, производимой за определенный период времени, или отдачей основных фондов, и зависит от ряда факторов²:

- во-первых, от удельного веса активной части (машин, оборудования и др.) в общей стоимости основных фондов предприятия, т.е. от их структуры, поскольку именно активная часть непосредственно определяет выпуск продукции;
- во-вторых, от первоначальных качественных характеристик (надежности, долговечности, степени автоматизации, ремонтпри-

¹ Кантор В.Е., Воробьев И.В. Особенности определения срока службы основных фондов предприятий в добывающей и обрабатывающей промышленности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. № 4 (том 6), 2015. С. 45–51.

² Кантор Е.Л., Кантор В.Е. Методы определения экономической эффективности промышленного производства: Статья // Материалы V международной научно-практической конференции «Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир», 4 декабря 2014 г. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. С. 252–259.

годности, конструктивного совершенства, габаритов, единичной мощности), которые определяют целесообразность установления тех или иных видов машин, оборудования;

- в-третьих, от состояния основных фондов предприятия на данный момент (возраст оборудования, степень износа, масштабы обновляемости, выбытия, прироста);

- в-четвертых, от уровня использования основных фондов на предприятии (насколько полно используется парк оборудования, его мощность, каково время его работы в течение года и соответствие выполняемым операциям).

Оптимальные условия использования основных фондов на предприятии в основном зависят от степени использования производственных мощностей на каждом технологическом переделе. Задача нахождения верхнего уровня фондоотдачи при сложившейся структуре основных фондов сводится к определению ее максимального значения (либо минимальной фондоемкости продукции).

Управление показателем фондоотдачи на предприятиях, особенно применительно к отдельным их подразделениям, обусловлено практическими трудностями, связанными, главным образом, с существующей системой учета. Поэтому для планирования эффективности основных фондов на промышленных предприятиях вместо фондоотдачи можно использовать коэффициент эффективности основных фондов, определяемый как отношение валовой продукции к затратам на содержание и эксплуатацию основных производственных фондов.

В качестве основы для построения норматива этого показателя для данного предприятия можно использовать аппараты производственных функций, которые представляют собой корреляционное уравнение, где каждый фактор производства связан с его результатом¹.

Кроме того, надо отметить, что норматив коэффициента эффективности на предприятии подвижен и определяется потенциальными воз-

¹ Цейтлин Л.И., Лезунова Н.Б. Кантор В.Е. Общий алгоритм определения экономической эффективности инвестиционных проектов с использованием 2-х факторных моделей производственной функции и детальных экономико-математических моделей // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. № 4 (том 6). 2013. С. 77–86.

возможностями средств труда, а выполненные расчеты показывают, какую важную роль в эффективности основных производственных фондов играет их более полное использование в процессе производства¹.

Итак, в качестве показателя эффективности основных фондов можно использовать коэффициент их эффективности (отношение производимой продукции к величине расходов на содержание и эксплуатацию оборудования). Поскольку в практике деятельности промышленных предприятий для оценки эффективности основных фондов используется показатель фондоотдачи, целесообразно найти зависимость между величиной расходов на содержание и эксплуатацию основных фондов и их стоимостью.

Аналогично можно определить величину фондоотдачи и для отдельных структурных подразделений промышленных предприятий.

Таким образом, установив значение фондоотдачи и зная величину стоимости основных фондов на предприятии или в его подразделениях, можно планировать выпуск продукции в зависимости от этих показателей.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в промышленности заметно снижается эффективность использования основных фондов, а следовательно – и производства.

Прежде всего, это подтверждается падением фондоотдачи, о чем уже говорилось выше. Падение фондоотдачи является следствием как сокращения объема производства, так и, практически, отсутствием технического прогресса в промышленности.

В последние десятилетия можно отметить, если не падение промышленного производства, то его недостаточный рост, а также то, что основные фонды предприятий постоянно изнашиваются, не имея достаточной возможности их замены. Их обновление и тем более реконструкция предприятий, не говоря уже о новом строительстве, осуществляется явно недостаточными темпами.

Основные фонды отраслей промышленности России характеризуются не только высоким, но и все прогрессирующим износом. Такое положение сложилось в результате длительного развития отраслей по экстенсивному пути, когда даже при введении в действие новых

¹ Анализ показывает, что в процессе оптимизации уровень Кэкс всюду возрастает.

мощностей в эксплуатацию оставались морально и физически изношенные основные фонды.

Процесс старения оборудования, прочих основных фондов отраслей промышленности особенно ускорился в период экономической реформы из-за прекращения централизованного финансирования технического перевооружения и реконструкции действующих предприятий. Собственных же средств у предприятий на эти цели практически нет.

Большинство промышленных предприятий в настоящее время характеризуются низкой рентабельностью. Маржа между себестоимостью, элементом которой являются амортизационные отчисления, и выручкой от реализации невелика и для заводов, обремененных к тому же неплатежами в бюджет, дает мало возможностей для налогового маневра и использования принципов финансового менеджмента, который практически отсутствует на предприятиях, а значит, и эффективного управления производством.

Все это сдерживает развитие отраслей промышленности, улучшение использования основных фондов, технический прогресс, в результате чего наблюдается устойчивое падение фондоотдачи в отраслях промышленного производства.

Отсутствие возможности осуществлять широкомасштабную реконструкцию различных производств, обновление основных фондов приводит к необходимости поиска нетрадиционных путей повышения эффективности промышленности.

Для этого нужно использовать, как возможности каждой отрасли, так и возможности отдельных предприятий.

Менее действенными, зато более реальными, в отличие от мероприятий народнохозяйственного или отраслевого уровня, являются мероприятия по повышению эффективности основных фондов, внедряемые в рамках одного предприятия.

Систему этих мероприятий условно можно разбить на две группы:

- одну, связанную непосредственно с совершенствованием работы основных фондов предприятия;
- другую, направленную на более полную загрузку имеющихся основных фондов.

В целом мероприятия по повышению эффективности основных фондов отраслей промышленности требуют тщательного анализа и

более подробного рассмотрения, которое выходит за рамки этой книги.

Как указывалось, одной из мер повышения эффективности основных фондов предприятий является более полная их загрузка.

Вторая группа описанных выше мероприятий непосредственно к повышению эффективности основных фондов отношения не имеет (она связана с экономией материальных ресурсов), хотя очень важна с точки зрения повышения эффективности промышленного производства (как снижающая себестоимость его продукции). Эти мероприятия оказывают влияние на снижение себестоимости продукции, повышение рентабельности производства, но не на уровень фондоотдачи. Поэтому их подробное рассмотрение здесь не проводится.

Рассмотрение вопросов управления эффективностью производства необходимо изучать во взаимосвязи с проблемами оптимизации срока службы основных фондов в условиях ограниченного и неограниченного функционирования предприятия¹.

Однако имеющиеся данные о возрастной структуре основных фондов, в том числе оборудования, являются весьма ориентировочными, т.к. характеризуют средний срок службы всех основных фондов. Между тем необходимо установить более точные сроки службы отдельных видов основных фондов, особенно машин и оборудования, учитывая, что в настоящее время действуют нормы амортизации, дифференцированные по группам основных фондов.

Более точно фактические сроки службы отдельных видов основных фондов могут быть установлены на основе актов о списании основных фондов с балансов предприятий. При полной физической изношенности или технической устарелости машины или прибора и необходимости исключения их из производства на предприятии составляется акт о списании с баланса, в котором наряду с другими характеристиками указывается возраст списываемых средств труда. Будучи сведены по отраслям народного хозяйства, эти акты достаточно правильно показывают фактические сроки службы отдельных видов основных фондов.

¹ См.: Кантор Е.Л., Кантор В.Е., Рейфе А.Е. Экономические проблемы управления добывающей промышленностью СПб. 2014. – 169 с.

Между тем определение перспективных, экономически целесообразных сроков службы основных фондов составляет важную проблему народного хозяйства. Оно необходимо для установления норм амортизационных отчислений, для перспективного планирования капитальных вложений, составления перспективных балансов оборудования и некоторых других задач планирования народного хозяйства.

В некоторых опубликованных работах, освещающих эту проблему, путем сложных математических расчетов, графически определяются «предельные», «наивыгоднейшие» и тому подобные сроки службы машин, которые на деле оказываются нереальными. Недостаток всех этих работ состоит в том, что они чрезмерно абстрактны, в них не учитываются реальные условия воспроизводства основных фондов. Определить сроки службы основных фондов важно для того, чтобы обеспечить своевременную замену их, чтобы планировать воспроизводство машин и других элементов основных фондов не только в стоимостном выражении, но и в натуральном.

Кроме того, существует мнение, что оптимальные сроки службы машин и оборудования рекомендуют определять в зависимости от уровня себестоимости продукции. Эти авторы исходят из того, что возраст оборудования существенно влияет на уровень эксплуатационных затрат, что в разные периоды функционирования оборудование производит продукцию по разной себестоимости. В результате наступает период, когда продукция начинает производиться со значительно повышенной себестоимостью. Этот период они считают предельным сроком службы машин.

В действительности же этот метод не дает возможности точно определить целесообразные сроки службы средств труда. Опыт работы промышленности показывает, что производительность оборудования по отдельным годам колеблется слабо, она не изменяется настолько, чтобы существенно влиять на уровень себестоимости продукции. Поэтому нормы амортизационных отчислений для данных средств труда в промышленности установлены равномерные, т.е. одинаковые в течение всего срока функционирования.¹

¹ Исключение составляют отрасли горнодобывающей промышленности, для которых установлены потонные нормы амортизации.

Но дело не только в этом. Иногда народному хозяйству выгоднее пойти на сокращение общего объема капитальных вложений и поступиться некоторым увеличением эксплуатационных расходов. Улучшение использования основных фондов и организации ремонта меняет наши представления о наивыгоднейших сроках службы; поэтому необходимо пользоваться среднеотраслевыми материалами о затратах на ремонт, о себестоимости продукции и т.д., притом за длинный ряд лет. Кроме того, необходимо считаться с реальными возможностями машиностроения заменять т.е. основные фонды, предельный срок которых истек, так как практически машины будут эксплуатироваться и за пределами этого срока, если баланс оборудования ограничивает возможности снабжения отдельных отраслей промышленности теми или иными видами оборудования.

По этим же причинам сроки службы основных фондов не могут быть установлены раз и навсегда. Изменение условий эксплуатации оборудования, усовершенствование методов ремонта, внедрение в производство новых видов материалов, интенсификация работы машины, изменение уровня развития промышленности делают необходимым время от времени пересматривать сроки службы отдельных видов основных фондов.

Наконец, народнохозяйственный подход к установлению перспективных сроков службы основных фондов требует применения одновременно нескольких методов определения сроков службы этих фондов. Как бы хорош ни был тот или иной метод, он не может определить экономически целесообразные сроки службы основных фондов, так как он исходит из одного экономического показателя работы промышленности (скажем, себестоимости продукции), не учитывая других требований народного хозяйства. При этом метод, пригодный для определения сроков службы машин, может оказаться неприемлемым для других видов средств труда.

Наиболее точным и вместе с тем наиболее простым был бы экспериментальный метод. Так, например, устанавливают сроки службы электронных приборов. Испытуемые приборы устанавливают на специальный стенд, обеспечивающий нормальный режим эксплуатации, и в этом режиме приборы работают до отказа. Причем испытаниям подвергаются одновременно несколько приборов (иногда несколько десятков приборов), поскольку полной идентичности пара-

метров приборов одного и того же типа достигнуть невозможно. Отношение общего числа часов работы приборов при испытании на долговечность к числу испытываемых приборов определяет срок службы прибора.

Однако экспериментальный метод применим лишь к таким орудиям труда, срок службы которых исчисляется неделями, месяцами, или до одного года. Но такие орудия труда, как известно, и не относятся к основным фондам. Для танков же, турбин, транспортных средств, аппаратов, рассчитанных на работу в течение многих лет, такой метод неприменим. Тем более он неприменим для зданий и сооружений, срок службы которых исчисляется многими десятками лет. Поэтому следует прибегнуть к косвенным расчетным методам, главным образом экономическим.

Прежде всего надо использовать статистические методы определения фактических сроков службы отдельных видов основных фондов. Например, необходимо учитывать сроки службы в прошлом, которые хотя и могут быть перенесены на будущее, но дают представление о тенденциях изменения сроков службы основных фондов и закономерных сроках службы в настоящее время. Игнорирование фактических сроков службы может сделать нормативные сроки нереальными. Они особенно важны для зданий и сооружений, срок службы которых определяется преимущественно факторами физического износа. Поэтому статистическими методами следует пользоваться как вспомогательными.

Однако результаты работы по определению сроков службы не свободны от серьезных недостатков.

Во-первых, сроки службы отдельных объектов определились экспертным путем, и поэтому на них неизбежно лежит печать субъективности.

Во-вторых, устанавливались лишь процент физического износа и сроки физической службы инвентарных объектов, т.е. они не учитывали морального износа второй формы, который, разумеется, несколько сокращает срок службы в действительности. Эти недостатки значительно уменьшают значение этого метода для определения нормативного срока службы основных фондов.

Большой интерес для определения нормативных, экономически целесообразных сроков службы отдельных видов средств труда име-

ет учет стоимости капитального ремонта оборудования в разные периоды его функционирования, поскольку затраты на капитальный ремонт оборудования в значительной мере зависят от возврата ремонтируемого оборудования. Изучение материалов промышленных предприятий показало, что с увеличением возврата оборудования затраты на капитальный ремонт его возрастают, а ремонт оборудования в возрасте более 20 лет достигают (и даже превышают) стоимости нового оборудования. Таким образом, на определенном этапе эксплуатации капитальный ремонт машин оказывается нецелесообразным.¹

Но этот метод может применяться и в том случае, если стоимость капитального ремонта не изменяется во времени.

Однако при всей важности этого метода он не дает возможности рассчитать в окончательном виде срок службы основных фондов. Материалы о стоимости капитального ремонта свидетельствуют о физическом износе средств труда, поскольку ремонт производится, как правило, при полном физическом износе отдельных частей и деталей оборудования. Материалы о стоимости капитального ремонта, так же как и материалы о списании машин с баланса, не отражают процессов технико-экономического старения оборудования и не могут служить основой учета его морального износа.

Окончательные сроки службы основных фондов должны устанавливаться на основе всех перечисленных методов, так как ни один из них сам по себе не позволяет установить экономически целесообразных сроков службы основных фондов. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что перспективный баланс оборудования может лишь корректировать нормативные сроки службы, установленные на основе учета стоимости капитального ремонта и актов о списании оборудования с баланса.

Иначе определяются сроки службы основных фондов в отраслях добывающей промышленности, характеризующихся значительными экономическими особенностями, настолько значительными, что

¹ Установлено, что стоимость капитального ремонта оборудования составляет: через 4 года эксплуатации – 30% первоначальной стоимости станка; через 8 лет – 70%; через 12 лет – 90%; через 16 лет – 100%; через 20 лет – 120%.

позволяют считать добывающую промышленность особой сферой материального производства.¹

Отличительные черты добывающей промышленности (в первую очередь рудной, угольной, нефтедобывающей, сланцевой, газовой) проявляются во всех областях экономики, в частности при размещении предприятий, определении их размера и т.д. Главная особенность добывающей промышленности состоит в том, что на все экономические показатели ее работы оказывают большое, а подчас решающее влияние естественные, природные горногеологические условия. Богатство недр, глубина и характер залегания полезных ископаемых, твердость породы и т.п. в значительной мере определяют объем капитальных вложений, уровень производительности труда, себестоимость единицы продукции. В отличие от обрабатывающей промышленности, предприятия которой могут быть размещены в любом районе, горнодобывающие предприятия всегда размещаются только в местах расположения соответствующих полезных ископаемых.

Особенно важно отметить, что размер запасов полезного ископаемого в каждом районе точно определен и не может быть произвольно увеличен. Поэтому предприятия добывающей промышленности работают столько лет, на сколько хватает запасов полезного ископаемого в данном районе. Этим отрасли добывающей промышленности отличаются не только от обрабатывающей промышленности, но и от сельского хозяйства; показатели работы сельского хозяйства, разумеется, также во многом зависят от природных условий, однако производство здесь не ограничено во времени.

Но для добычи полезного ископаемого в том или ином районе могут быть построены предприятия различной мощности. Очевидно, чем крупнее предприятия, тем быстрее они исчерпают наличные запасы, а значит, тем меньше количество лет они могут функционировать, тем самым определяется срок службы производственных основных фондов горнодобывающих предприятий, поскольку здесь неподвижные элементы основных фондов – здания, сооружения составляют резко преобладающую часть всей стоимости основных фон-

¹ См.: Кантор Е.Л., Кантор В.Е., Рейфе А.Е. Экономические проблемы управления добывающей промышленностью. СПб., 2014. – 169 с.

дов. Притом главный элемент основных фондов добывающей промышленности – это сооружения (нефтяные и газовые скважины, шахтные камеры и т.п.), которые с исчерпанием полезного ископаемого не могут быть использованы для других целей.

Таким образом, в отличие от обрабатывающей промышленности, где сроки службы основных фондов отнюдь не связаны с размером предприятий, в отраслях добывающей промышленности они непосредственно зависят от годовой производственной мощности шахты, рудника или нефтяного промысла и величины запасов соответствующего полезного ископаемого.

Однако сама по себе производственная мощность предприятий добывающей промышленности не может устанавливаться произвольно, она экономически обусловлена и определяется конкретными экономическими факторами, в частности удельными капитальными вложениями (т.е. размером капиталовложений на единицу производственной мощности) и себестоимостью единицы продукции.

Таким образом, проблема сроков службы производственных основных фондов в отраслях добывающей промышленности есть по существу проблема годовой производственной мощности предприятий. Из сказанного следует, что определение сроков службы производственных основных фондов и размера (годовой мощности) предприятия в отраслях добывающей промышленности взаимообусловлено. Но в данном случае важно отметить: в добывающей промышленности существует прямая зависимость сроков службы основных фондов от годовой производственной мощности предприятия, чего нет ни в одной другой отрасли народного хозяйства.

Сокращение срока службы основных фондов (их активной части) в условиях технического прогресса ведет к повышению эффективности производства. К тому же, это позволяет учитывать влияние морального износа, что особенно важно в условиях рынка, конкуренции. Продолжающееся длительный период падение фондоотдачи свидетельствует, в частности, о несоответствии роста стоимости и производительности оборудования, а также о недоиспользовании производственного потенциала¹.

¹ Кантор В.Е. Производственная мощность и производственный потенциал предприятия и отрасли добывающей см. на след. странице

Литература

1. Кантор В.Е. Производственная мощность и производственный потенциал предприятия и отрасли добывающей промышленности // Россия и Санкт-Петербург: экономика и образование в XXI веке: Сборник докладов. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015.

2. Кантор В.Е., Воробьев И.В. Особенности определения срока службы основных фондов предприятий в добывающей и обрабатывающей промышленности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, № 4 (том 6), 2015.

3. Кантор Е.Л., Кантор В.Е. Методы определения экономической эффективности промышленного производства: Статья // Материалы V международной научно-практической конференции «Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир», 4 декабря 2014 г. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014.

4. Кантор Е.Л., Кантор В.Е., Рейфе А.Е. Экономические проблемы управления добывающей промышленностью: Монография. – СПб.: БИЭПП, 2014.

5. Цейтлин Л.И., Лезунова Н.Б. Кантор В.Е. Общий алгоритм определения экономической эффективности инвестиционных проектов с использованием 2-х факторных моделей производственной функции и детальных экономико-математических моделей // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина № 4 (том 6). 2013.

Красильников О.Ю.,

*доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономической теории
и национальной экономики Саратовского
национального исследовательского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского*

**Реструктуризация экономики России
в условиях цифровой революции**

Аннотация. В статье рассмотрены структурные сдвиги в условиях цифровизации экономики России в нескольких аспектах: изменение в структуре традиционных отраслей экономики; возникновение и развитие новых отраслей, связанных с цифровой экономикой; изменение в структуре занятости. Проведен анализ влияния цифровизации экономики на динамику ВВП России. Делается вывод об отставании осуществления структурных изменений в экономике России от передовых стран, а также о большом потенциале цифровой трансформации национального хозяйства страны.

Ключевые слова: структурные сдвиги в экономике, цифровизация, Интернет вещей, информационно-компьютерные технологии

Krasilnikov O.Y.,

*Doctor of Economics, professor, professor of the Department
of Economic Theory and National Economics of N.G. Saratov
National Research State University Chernyshevsky*

**Restructuring of the Russian Economy
in the Context of the Digital Revolution**

Abstract. The article deals with structural changes in the conditions of digitalization of the Russian economy in several aspects: changes

in the structure of traditional sectors of economy; the emergence and development of some new industries related to the digital economy; changes in the structure of employment. The analysis of the impact of digitalization of the economy on the dynamics of Russia's GDP is carried out. It is concluded that the implementation of structural changes in the Russian economy is lagging behind the advanced countries, as well as the great potential of digital transformation of the national economy.

Keywords: structural changes in the economy, digitalization, the Internet of things, information and computer technologies

Разворачивающаяся на наших глазах цифровая революция коренным образом изменяет экономическую структуру как развитых, так и развивающихся стран. Не является исключением и национальное хозяйство России, которое хотя и с опозданием, не без трудностей вынуждено встраиваться в общемировые тенденции. Напомним, что в майском Указе Президента РФ 2018 года поставлена задача преобразования на основе внедрения цифровых технологий приоритетных отраслей экономики и социальной сферы: здравоохранения, образования, промышленности, сельского хозяйства, строительства, городского хозяйства, транспортной и энергетической инфраструктуры, финансовых услуг (5).

Рассмотрим основные направления изменений в экономической структуре, происходящие под воздействием внедрения цифровых технологий.

Во-первых, это изменение в структуре традиционных отраслей экономики. Уровень технологической оснащенности российского производства цифровыми технологиями постепенно растет. Крупные предприятия инвестируют в беспилотную технику, цифровое телевидение и средства связи, в роботизацию производственных линий, строительство «умных домов» и Интернет вещей. Так, по данным Росстата доля населения имеющего возможность принимать программы аналогового телевидения с 2010 по 2017 годы снизилась с 98,6 до 97,8%, а доля жителей, имеющих возможность принимать программы цифрового ТВ выросла с 6 до 97,4% за тот же период (6).

Вместе с тем уровень цифровизации российской промышленности в среднем ниже, чем в США, Германии или Китае. Доля предприятий, которые активно тестируют или уже используют инструменты дид-

житализации, не превышает 10–15%. Доля станков с ЧПУ (числовым программным управлением) в России все еще невелика относительно общего станочного парка. Только у 14% заводов в России станки с ЧПУ составляют более 50% производственного оборудования (7).

Цифровизация отрасли жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) в рамках концепции «умного дома» и Интернета вещей открывает новые возможности формирования единого информационного пространства, позволяет создавать информационно-компьютерные системы информирования клиентов, обработки данных, контроля и учета расходов газа воды и электроэнергии; внедрять мобильные и облачные технологии удаленного управления бытовыми приборами. Однако уровень проникновения ИКТ-решений в ЖКХ по-прежнему невысок. К примеру, лишь 65% ресурсоснабжающих организаций использовали в 2016 году базовые информационные технологии, в том числе локальные сети, системы электронного документооборота и другие подобные решения – не более 5% (8).

Вторым направлением сдвигов в экономической структуре России является увеличение доли новых отраслей, связанных с цифровой экономикой. К основным сферам цифрового бизнеса, в т.ч. с использованием глобальной сети Интернет, относятся:

- услуги сервис-провайдеров (предоставление доступа к сети, поставка хостинга, доменов);
- электронная торговля (Интернет-магазины, Интернет-биржи, аукционы);
- Интернет-реклама (корпоративные информационные порталы, баннерная и контент реклама);
- финансовые услуги (онлайн-платежные системы, Интернет-банкинг, Интернет-трейдинг, Интернет-страхование);
- информационные, консалтинговые, маркетинговые услуги (электронные издания, справочники, рейтинги, продвижение сайта в поисковых системах);
- организация общения (платные Интернет-сообщества и Интернет-знакомства);
- WEB-мастеринг (создание сайтов, веб-программирование, веб-дизайн, раскрутка сайтов);
- MLM или сетевой маркетинг (форма ведения внемагазинной розничной торговли и оказания финансовых услуг);

- разработка программного обеспечения и цифровых продуктов;
- образовательные услуги (дистанционное обучение, сетевые библиотеки);
- игровой бизнес в сети (онлайн-видеоигры, киберспорт, виртуальные казино, букмекерские конторы, тотализаторы, лотереи);
- электронные биржи труда (Интернет-рекрутинг, агентства по трудоустройству);
- Интернет-франчайзинг;
- Интернет-лизинг (2, с. 147–148).

Новый толчок развитию электронного предпринимательства дало широкое распространение «облачных технологий», когда компьютерные ресурсы и мощности предоставляются пользователю посредством сети Интернет удаленными поставщиками за определенную плату. Одним из современных способов организации предпринимательства в глобальной сети Интернет является использование возможностей социальных сетей, как эффективного маркетингового инструмента и перспективной рыночной площадки.

По данным McKinsey Global Institute, на цифровую экономику в России приходится 3,9% ВВП, что примерно в два-три раза ниже, чем в США, Китае и ЕС (9). По нашему мнению развитие новых отраслей на основе цифровых технологий тормозится сырьевой направленностью экономики России, высокой монополизацией и как следствие ее слабой восприимчивостью к инновациям.

Третьим направлением изменений под влиянием цифровизации экономики являются сдвиги в структуре занятости. Рассмотрим основные изменения структуры рынка труда в период становления цифровой экономики в России. Так, по заявлению Д.А. Медведева, сделанном в 2013 году, к 2020 году в России необходимо создать и модернизировать 25 миллионов современных рабочих мест (3).

Подобные структурные сдвиги приведут к сокращению рабочих мест в традиционных сферах экономики. Так, в обозримой перспективе с внедрением беспилотных автомобилей наиболее значительное сокращение ожидает профессиональных водителей, в первую очередь так называемых «дальнобойщиков». По данным сайта Autostat.ru на 1 июля 2016 г. в России насчитывалось 3,69 млн грузовых автомобилей. Даже если считать, что не за каждым автомобилем закреплен водитель, это огромная масса высвобождающихся работников.

Затем последует сокращение среди служащих ГИБДД, придорожных кафе и так далее по цепочке. И это только одна из сфер, где цифровизация экономики будет выдавливать на рынок труда работников традиционных отраслей. Развитие Интернета вещей приведет к сокращению трудящихся в сфере услуг, ЖКХ, торговли и т.п. По оценкам специалистов широкое внедрение цифровых технологий может высвободить до 12,5 млн чел. к 2030 году. Кроме того цифровизация способна обеспечить в российской экономике двух-трехкратный прирост производительности труда, что способствует снижению спроса на трудовые ресурсы (1).

Подобная ситуация будет складываться и в других сферах цифровой экономики. Широкое распространение Интернета вещей позволит с минимальными трудозатратами управлять огромными производственными, логистическими и агропромышленными комплексами. Так, по некоторым оценкам из сферы торговли и ремонта в течение 12 лет придется уйти более чем 3 млн работников. На втором месте по высвобождению – обрабатывающие производства: их должны будут покинуть более 2 млн работников к 2030 году. Далее следуют строительство, сельское хозяйство и транспорт: в каждой из этих сфер численность занятых сократится к 2030 году почти на 1,2 млн человек (1).

Широкое внедрение цифровых технологий вызовет также сокращение работников в сферах государственного и муниципального управления. Растет уровень использования ИКТ в органах государственной власти (ОГВ) и местного самоуправления (ОМС) для осуществления управленческих функций и предоставления государственных услуг. Доля ОГВ и ОМС, использовавших Интернет в общем числе организаций выросла за 2010–2017 годы с 86,8 до 94,8%. Доля размещенных заказов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд с использованием электронных торговых площадок в общем объеме размещаемых заказов увеличилась с 2010 по 2015 годы с 25 до 93,9% (6).

Таким образом, можно сделать вывод, что структурное развитие экономики России происходит в русле общемировых тенденций, обусловленных грядущей цифровой революцией. При этом следует отметить некоторое отставание обновления российской экономической структуры от передовых государств. Это отчасти объясняется

тем, что внутренние затраты на исследования и разработки в 2017 году в России составляли всего 1,1% ВВП в то время как например в США – 2,74%, в Германии – 2,93%, в Китае – 2,11% (4, с. 672).

Несмотря на это, по прогнозам McKinsey Global Institute цифровизация российского производственного сектора к 2025 году сможет ежегодно увеличивать объем ВВП страны на сумму от 1,3 трлн до 4,1 трлн руб. Применение цифровых технологий способно повысить производительность предприятий на 45–55%, а также сократить сроки выхода продукта на рынок на 20–50% (9). Все вышесказанное подчеркивает необходимость разработки комплексной стратегии осуществления структурных сдвигов в российской экономике, а также углубленного изучения данных процессов со стороны научного сообщества.

Литература

1. Башкатова А. Цифровизация ставит РФ на грань социального кризиса / А. Башкатова // Независимая газета. 06.04.2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2018-04-06/4_7206_digital.html

2. Красильников О.Ю., Красильникова Е.В. Интернет-экономика как хозяйственная система / О.Ю. Красильников, Е.В. Красильникова. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2017. – 205 с.

3. Медведев: 25 миллионов рабочих мест появятся в России до 2020 года // Российская газета. 10.12.2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rg.ru/2013/12/10/medved-anons.html>

4. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб./Росстат. – М., 2018.

5. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. N 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71937200/#friends>

6. Федеральная служба государственной статистики / Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/figure/anketa1-4.html

7. «Цифра» растет: как развивается автоматизация производств в России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://plus.rbc.ru/news/5b5e4f937a8aa9225f10e22a>

8. Цифровизация ЖКХ: реалии и перспективы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dagzhkh.ru/2017/06/06/cifrovizaciya-zhkh-realii-i-perspektivy.html>

9. McKinsey Global Institute [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/mgi>

Николаева Е.Е.,

*доктор экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой экономической теории
и региональной экономики*

Ивановского государственного университета

**Развитие обрабатывающей промышленности
как основа для обеспечения роста
благосостояния страны¹**

Аннотация. На основе исследований Э. Райнерта с использованием статистических данных показано, что для современной России актуальным остается осуществление индустриализации на новой технической основе с использованием высоких технологий. Ключевым фактором при этом является обрабатывающая промышленность, которой свойственна возрастающая отдача. Это направление развития должно обеспечить экономический рост в регионах, особенно депрессивного типа, осуществить импортозамещение и добиться повышения благосостояния населения страны.

Ключевые слова: обрабатывающая промышленность, индустриализация, депрессивный регион, импортозамещение, кластер

Nikolaeva E.E.,

*Doctor of Economic Sciences, Associate professor,
Head of the Department of Economic Theory
and Regional Economics, Ivanovo State University*

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-010-00329 «Теоретико-методологические основы расширенного понимания хозяйственного механизма в современной экономике».

Development of manufacturing industry as the basis for the growth of the country's welfare¹

Abstract. On the basis of E. Reinert's research with the use of statistical data, it is shown that the implementation of industrialization on a new technical basis with the use of high technologies remains relevant for modern Russia. The key factor is the manufacturing industry, which is characterized by increasing returns. This direction of development should ensure economic growth in the regions, especially the depressed type, to carry out import substitution and improve the welfare of the population.

Keywords: manufacturing, industrialization, depressed region, import substitution, cluster

В системе либеральных взглядов достаточно распространена тема постиндустриализма. Относительно перспектив развития российского общества и экономики с трибун конференций и со страниц различных изданий многие высказываются за движение в сторону постиндустриального общества на основе цифровой экономики. Для России целесообразнее и более реалистично говорить об информационно-индустриальной экономике. Информатизация общества – это объективная необходимость, это образование, экономика, основанная на знаниях, НИОКР. Но индустриальная основа должна быть, так как производство материальных благ остается единственной основой удовлетворения первичных потребностей человека, физического существования общества.

Промышленность – это комплексная отрасль, обладающая мощными инновационными возможностями. Она является средством технического перевооружения экономики. Перевороты в научно-техническом прогрессе сплошь и рядом связаны с этой отраслью, на базе промышленных успехов меняется не только экономика, но и идеология, и менталитет населения, промышленное начало прони-

¹ The article was prepared with the financial support of RFBR, scientific project № 19-010-00329 “Theoretical and methodological foundations of an extended understanding of the economic mechanism in the modern economy”.

кает в сферу домашнего хозяйства, для которого характерны и экстернализация, и интернализация видов деятельности, и др.

Норвежский экономист Э. Райнерт доказал, что рост экономики страны, богатство ее жителей напрямую зависят от развитости обрабатывающей промышленности и «продвинутых» (высокотехнологичных) услуг, которым свойственна возрастающая отдача. Богатые страны стали богатыми благодаря комплексной государственной политике, сочетанию государственного вмешательства, протекционизма и стратегических инвестиций, а не благодаря свободной торговле¹.

Массовое закрытие заводов и фабрик в России после открытия границ в начале 90-х годов XX века, ориентация экономики на добывающих отраслях и практические отсутствие собственной высокотехнологичной гражданской продукции является, во-многом, результатом эффекта Ванека-Райнерта (эффекта «гибели лучших»). «Эффект Ванека-Райнерта» показывает, что вопреки теории сравнительных преимуществ Д. Рикардо от свободной торговли выигрывают только развитые страны. Странам, не обладающим развитым промышленным производством, такая торговля может принести вред². Э. Райнерт фиксирует, что бедным странам необходима индустриализация.

Поэтому Россия обречена на значительную часть индустриальной составляющей, чтобы вернуть свои позиции высокоразвитой в научно-техническом плане страны. Промышленный сектор предохраняет страну от убывающей отдачи, обеспечивая высокий уровень зарплаты. Развитие промышленного производства не просто остро необходимо (новая индустриализация экономики и пр.), но и определяется глобализационными задачами развития национальной экономики в целом и ее регионов.

¹ Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Э.С. Райнерт / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 5-е изд. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 384 с. – (Экономическая теория).

² Эффект Ванека-Райнерта: кому вредит свободная торговля? // URL: <https://popecon.ru/78-effekt-vaneka-rainerta-komu-vredit-svobodnaja-torgovlja.html> (дата обращения 12.02.2019).

Выводы Э. Райнерта, сделанные применительно к национальным экономикам, применимы и для региональных социально-экономических систем. В качестве примера возьмем Ивановскую область, которая на протяжении длительного времени славилась как текстильная столица, центр Ивановской промышленной области (конец 20-х – начало 30-х гг.), Верхневолжского экономического района (50–60-е годы) именно за счет развития отраслей обрабатывающей промышленности. Однако с 90-х гг. бывшее экономическое значение области утрачено, поскольку в результате «шоковой терапии» и свободной торговли обрабатывающая промышленность была практически уничтожена. Исторически сложившаяся специализация ивановского края на текстильной промышленности привела к сильнейшему социально-экономическому кризису в 1990-х гг., когда отрасль стала неконкурентоспособной вследствие конкуренции импорта и утраты сырьевой базы. Распад СССР привел к крушению налаженных связей с поставщиками сырья, оборудования, изменению логистических цепочек, перераспределению рынка сбыта готовой продукции.

С точки зрения характера экономического развития Ивановская область относится к депрессивным регионам, которые в прошлом по некоторым показателям занимали ведущие места в стране. Как правило, эти регионы имеют достаточно высокий уровень накопленного производственно-технического потенциала, значительную долю промышленного производства в структуре хозяйства, относительно высокий уровень квалификации кадров. Но по разным причинам (из-за падения спроса на основную продукцию или снижения ее конкурентоспособности, ухудшения внешних связей с поставщиками ресурсов и т.п.) эти регионы потеряли свое бывшее экономическое значение и относительные преимущества¹.

¹ См. подробнее: Глава 1. Экономико-географическая и социально-экономическая характеристика Ивановской области как депрессивного региона, направления дальнейшего развития // *Бабаев Б.Д., Николаева Е.Е., Новиков А.И., Фролов Е.Б.* Актуальные проблемы повышения эффективности использования хозяйственной территории региона (по материалам Ивановской области): монография / Б.Д. Бабаев, Е.Е. Николаева, А.И. Новиков, Е.Б. Фролов; под общ. ред. Б.Д. Бабаева. – Иваново: Иван. см. на след. странице

Спад в Ивановской области – самый сильный среди промышленных регионов Центра. Если обратиться к такому показателю, как отношение объема промышленного производства к докризисному уровню 1991 г., то мы увидим, что в целом по России обрабатывающие производства в 2016 году составляли 85,8 %, а в Ивановской области этот показатель составил только 38,2 %. Если же посмотреть на отдельные виды обрабатывающих производств, которыми славился ивановский край в недавнем прошлом, то текстильное и швейное производство в 2016 г. достигло лишь 61% от уровня 1991 года, а машиностроение, сокращаясь с каждым годом, упало до 3,2%!!! Интересный факт – в статистических ежегодниках за 2018 год эту таблицу «Индексы производства по видам экономической деятельности (1991 = 100)» перестали публиковать.

В пореформенный период Ивановская область находится на последних местах в ЦФО и РФ при сопоставлениях с другими регионами по экономическим и социальным показателям. Причем наблюдается нарастание отставания от соседних областей Владимирской, Ярославской, Костромской), воспроизведение депрессивного состояния региона¹. Анализ динамики ВРП на душу населения показывает, что в Ивановской области показатель самый низкий из указанных выше регионов, причем в масштабах страны в целом – один из самых низких. Если в 2001–2007 гг. Ивановская область занимала по этому показателю 71–73-е место в РФ, в 2008 г. – 74-е место, а 2016 г. – 78-е место. По среднедушевым доходам населения Ивановская область в 2006 г. занимала 84-е место в Российской Федерации, в 2007 г. – 81-е,

см. на предыдущей странице гос. ун-т, 2009. С. 6–92; Глава 15. Проблемы воспроизводства Ивановской области (Е.Е. Николаева, С.Г. Езерская) // Общественное воспроизводство в смешанной рыночной экономике России: структура, противоречия, целевая функция, развитие: монография / под ред. В.Н. Черковца, А.М. Беляновой. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. С. 236–253.

¹ Николаева Е. Е. Распределительные отношения и их деформации в условиях современной российской экономики: аспект политической экономики: монография / Е.Е. Николаева. – М.: Изд-во МЭСИ, 2011. С. 284–313.

в 2016 г. – 48-е (это можно объяснить тем, что многие жители области работают в более богатых регионах, в первую очередь, в Москве, направляя полученные средства семьям). По показателю «среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций» область в 2016 г. занимала 78-е место¹. Перечень можно продолжать.

Самая главная проблема региона – утрата экономикой области системности, комплексности, подрыв основы хозяйства – материального производства (промышленности, сельского хозяйства, строительства). Коренное решение проблемы развития Ивановской области (да и других регионов страны) лежит в формировании и реализации амбициозных крупномасштабных проектов, создании кластеров. Важное преимущество таких проектов заключается в их системности, возможности обеспечения существенных структурных сдвигов в наиболее значимых сферах экономической деятельности регионов. Кластеры следует рассматривать в рамках теории региональной плановмерности, обеспечения комплексного развития на основе системного подхода. Яркий тому пример Калужская область, которая еще в 2009 году приняла стратегию социально-экономического развития до 2030 года, в которой кластерный подход принят в качестве основной модели развития региона. В этой области при государственной поддержке созданы авиационно-космический кластер АКОТЕХ, IT-кластер, туристический, автомобильный, фармацевтический кластеры, кластер ядерных технологий и другие. В 2016 г. Калужская область по показателю «валовой региональный продукт на душу населения» находилась на 35 месте в РФ, по среднемесячной номинальной заработной плате работников организаций – на 27-м месте². Валовая добавленная стоимость в основных ценах в Калужской области в 2017 году составила 417065 млн р., что в 2,24 раза больше, чем в Ивановской области (185846,8 млн р)³.

¹ Регионы России: Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 35; Регионы России: Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 32, 33.

² Регионы России: Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 32, 33.

³ Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации (валовая добавленная стоимость в основных см. на след. странице

Правительством Ивановской области с 2007 года продвигался проект по формированию законченного цикла производства и переработки полиэфирного волокна для обеспечения сырьем действующих предприятий текстильной отрасли. Комбинат должен был стать основой текстильно-промышленного кластера, обеспечить расширение ассортимента выпускаемой продукции участников кластера, создание комплекса новых текстильных производств, специализирующихся на выпуске инновационной продукции специального и технического назначения с использованием полиэфирных волокон и нитей и тем самым вернуть прежний статус Ивановской области как промышленного региона. Однако целый ряд объективно-субъективных причин привел к тому, что строительство комбината так и не началось, область потеряла этот проект.

В настоящее время в ряде областей Нечерноземья (Смоленская, Тверская, Ивановская и др.) разрабатываются и отчасти реализуются Концепции льняных кластеров. Проекты различаются по своим целям и структуре. Общим является то, что эти кластеры выступают как межрегиональные, способные не только решить ряд промышленных задач, но и дать импульсы для ускорения регионального развития старопромышленных областей. Реализация проектов льняных кластеров в Нечерноземье («Тверской лен» и межотраслевой льняной кластер в Ивановской области) во многом зависит от государственных институтов поддержки, поскольку плачевное состояние льноводческой отрасли, необходимость строительства новых предприятий по переработке льна, научных разработок по повышению качества льноволокна требует больших инвестиций, что не позволяет инициаторам кластерных проектов реализовать их за счет собственных средств.

Серьезнейший плюс этих проектов, придающий промышленности новые силы, – это связь промышленности и науки, научно-промышленное развитие. Должна развиваться высокотехнологичная обрабатывающая промышленность, глубокая переработка первич-

см. на предыдущей странице ценах) [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения 29.04.2019).

ного сырья. В Ивановской области в Институте химии растворов РАН разработан проект «Глубокая переработка льна и отходов льнопроизводства для изготовления конкурентоспособных материалов», получивший Гран-при на VII Московском международном салоне инноваций и инвестиций в 2007 г. «Проект обеспечивает 100%-е использование всей выращиваемой льнотресты за счет освоения выпуска новых, не производимых ранее конкурентоспособных товаров из короткого льноволокна и отходов льнопроизводства – высококачественные материалы текстильного, медицинского и технического назначения. Использование модифицированного льноволокна открывает перед льносодержащими (например, полушерстяными) тканями принципиально новые горизонты в дизайнерском оформлении»¹.

Перспективы для текстильной отрасли и импортозамещения специалисты видят в госзаказах (выпуск форменную одежду для силовых структур и ведомств). В настоящее время «до 80% продукции изготавливаются из российских тканей. Другое направление – заказы муниципальных и региональных органов власти, а также продукция для естественных монополий, госкорпораций... Важным становится вопрос качества и производства высокотехнологичной продукции. Чтобы соответствовать высоким требованиям, компании должны проводить модернизацию производственных мощностей и осваивать новые технологии. Высокий потенциал для импортозамещения есть в сегменте тканей для массового пошива одежды... Эксперты считают, что настоящим драйвером развития отрасли в современных условиях может стать производство технического текстиля, «умных тканей»². Эта постановка вопроса имеет существенное значение для корректировки социально-экономической стратегии страны и ее регионов.

Для проведения новой индустриализации требуется высокая норма накопления в распределяемом национальном доходе, преимущественно

¹ Коньков П.А. Глубокая переработка льна в России: исторические аспекты и перспективы / П.А. Коньков, А.П. Морыганов, В.Г. Стокозенко, А.Г. Захаров // Текстильная промышленность. – 2010. – № 1. – С. 38, 40.

² Бодрунов С. Д. Теория и практика импортозамещения: уроки и проблемы/ монография / С.Д. Бодрунов. – СПб: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2015. С. 121–123.

ный рост производства средств производства, переориентация экономики страны с внешнего на внутренний рынок. При этом важно, чтобы увеличивающаяся емкость внутреннего рынка наполнялась в основном продукцией отечественных производителей, а не зарубежных фирм. Рост национального производства должен опережать рост импорта. Без сильной политической воли это препятствие не преодолеть.

Успешная реализация проектов будет способствовать развитию высокотехнологичного производства и повышать уровень жизни в регионах и в стране в целом.

Литература

1. Бабаев Б.Д., Николаева Е.Е., Новиков А.И., Фролов Е.Б. Актуальные проблемы повышения эффективности использования хозяйственной территории региона (по материалам Ивановской области): монография / Б.Д. Бабаев, Е.Е. Николаева, А.И. Новиков, Е.Б. Фролов; под общ. ред. Б. Д. Бабаева. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. – 259 с.

2. Бодрунов С.Д. Теория и практика импортозамещения: уроки и проблемы / монография / С.Д. Бодрунов. – СПб: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2015 – 171 с.

3. Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации (валовая добавленная стоимость в основных ценах) [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения 29.04.2019).

4. Коньков П.А. Глубокая переработка льна в России: исторические аспекты и перспективы / П.А. Коньков, А.П. Морыганов, В.Г. Стокозенко, А.Г. Захаров // Текстильная промышленность. – 2010. – № 1. – С. 36–41.

5. Николаева Е.Е. Распределительные отношения и их деформации в условиях современной российской экономики: аспект политической экономии: монография / Е. Е. Николаева. – Москва: Изд-во МЭСИ, 2011. – 456 с.

6. Общественное воспроизводство в смешанной рыночной экономике России: структура, противоречия, целевая функция, развитие:

монография / под ред. В.Н. Черковца, А.М. Беляновой. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. – 256 с.

7. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Э.С. Райнерт / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 5-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 384 с. – (Экономическая теория).

8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010. Стат. Сб. / Росстат. – Москва, 2010. – 996 с.

9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – Москва, 2018. – 1162 с.

10. Эффект Ванека-Райнерта: кому вредит свободная торговля? // URL: <https://porecon.ru/78-effekt-vaneka-rainerta-komu-vredit-svobodnaja-torgovlja.html> (дата обращения 12.02.2019).

Смирнов С.Н.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права Тверского государственного университета, директор Института непрерывного образования Тверского государственного университета

**Некоторые аспекты аграрной реформы
П.А. Столыпина как фактора экономического
развития России: организационно-правовой
механизм, финансовая основа, социально-
экономические последствия (1906–1911 гг.)**

Аннотация. Рассматриваются некоторые экономические и правовые аспекты проведенной правительством России под руководством П.А. Столыпина модернизации аграрного сектора в 1906–1911 гг.

Ключевые слова: Российская империя, сословие, сельские обыватели, правовой статус, экономика, аграрная реформа, П.А. Столыпин, частная собственность, крестьянское хозяйство

Smirnov S.N.,

cand. Sc. (Law), associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University

**Some Aspects of P. A. Stolypin's Agrarian Reform
as a Factor of Economic Development of Russia:
Organizational and Legal Mechanism, Financial Basis,
Social and Economic Consequences (1906–1911)**

Abstract. Some economic and legal aspects of the modernization of the agricultural sector conducted by the Russian government under the leadership of P. A. Stolypin in 1906–1911 are considered.

Keywords: Russian Empire, estate, rural inhabitants, legal status, economy, agrarian reform, P.A. Stolypin, private property, peasant economy

Комплексная модернизация крестьянского уклада жизни в Российской империи в 1906 – 1911 гг., вошедшая в историю как аграрная реформа П.А. Столыпина, имела не только правовое, политическое, социальное, но и экономическое измерение. Собственно говоря, она и разрабатывалась не только с целью повышения правового статуса крестьянства как страты, не только с целью расширения правомочий крестьян, но и с целью вывода аграрного сектора России на новые рубежи развития. Применение правовых средств, организационных и финансовых инструментов для продвижения правительственной политики представляют не только теоретический, но и практический интерес и определяют актуальность исследований этого вопроса.

Метод исследования в настоящей работе базируется на цивилизационном подходе и включает в свой состав диалектический, исторический, формально-юридический, критико-правовой и некоторые другие методы.

Данное исследование опирается на достижения в общей теории права, философии права, теории конституционного (государственного) права, теории экономики. Эти достижения представлены трудами С.А. Авакьяна, А.Г. Аганбегяна, С.С. Алексеева, С.И. Архипова, М.В. Баглая, С.Д. Бодрунова, Н.В. Витрука, Ю.Г. Жуковского, В.В. Ивантера, Б.А. Кистяковского, А.И. Коваленко, Е.И. Козловой, В.М. Корельского, Н.М. Коркунова, О.Е. Кутафина, А.А. Малиновского, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, А.Д. Некипелова, В.С. Нерсисянца, В.Д. Первалова, Р.А. Ромашова, М.И. Туган-Барановского, А.В. Чаянова и других отечественных ученых, а также трудами зарубежных исследователей.

Предметом исследования в настоящей работе являются правовые, организационные и финансовые меры, принятые государственной властью в ходе реализации аграрной реформы и результаты указанных мер в виде изменений правового статуса крестьян и их роли в экономике России на протяжении рассматриваемого периода.

Различные аспекты данной темы рассматривались в научных работах историко-правового, государственно-правового, исторического, политологического и экономического характера.

Рассмотрение столыпинской аграрной реформы началось современниками событий. В силу чрезвычайной политизированности данной темы трудно было ожидать объективного научного анализа преобразований. Безусловно положительной стороной исследований того времени является обилие фактического материала.

В советский период истории политизированность сменилась идеологизированностью. Один из основных тезисов советских авторов – о провале реформы. Вместе с тем в советский период продолжалось укрепление источниковой базы научных исследований; столыпинская реформа изучалась в ее региональном аспекте. Можно назвать таких авторов, как А.Я. Аврех, А.М. Анфимов, С.М. Дубровский, В.С. Дякин, И.Д. Ковальченко, М.М. Мартынова, П.Н. Першин, Л.Ф. Складаров и др.

После изменения на рубеже 1980–1990-х гг. общественно-политической обстановки ряд исследователей советского периода опубликовали вполне добротные сбалансированные труды по теме аграрных преобразований, предпринятых П.А. Столыпиным и его единомышленниками. Прежде всего необходимо назвать имена известных историков А.В. Ефременко, П.Н. Зырянова, В.Г. Тюкавкина и др.

В современной российской научной историографии на протяжении почти трех десятилетий продолжаются дискуссии по различным аспектам аграрной реформы П.А. Столыпина. Ряд авторов (В.В. Безгин, В.П. Данилов, Ю.Г. Еферин, Т.В. Еферина, В.В. Кондрашин и др.) на основании исследований архивных документов делают вывод о безразличном либо отрицательном отношении к реформе большинства российских крестьян. В.П. Данилов, А.П. Корелин, В.А. Меркушев, С.А. Нефедов, К.Ф. Шацко и др. высказывают мнение о низкой эффективности проведенных преобразований.

М.А. Давыдов, Б.Н. Миронов, используя статистические материалы, пришли к выводу о положительной динамике развития аграрной и продовольственной сферы России в начале XX в. Весьма позитивную оценку аграрным преобразованиям правительства П.А. Столыпина дает Н.А. Федорова¹.

¹ Федорова Н.А. Аграрная реформа (реализация). [Электронный ресурс]. URL: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=109 (дата обращения 02.05.2019).

Обратим внимание также на необходимость анализа нормативно-правовых актов реформы; примеры такого анализа имеются в современной историографии¹.

К проблематике аграрных преобразований в России начала XX в. обращались и обращаются зарубежные исследователи.

Источниковую базу настоящей работы составляют прежде всего нормативно-правовые акты Российской империи начала XX в.

Предпосылкой запуска аграрной реформы явились изменения правового статуса сельских обывателей. Эти изменения были осуществлены путем принятия нескольких нормативно-правовых актов в ноябре 1905 г. и в октябре 1906 г.

5 октября 1906 г. был издан указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий»².

Основным правовым документом, создавшим организационно-правовой механизм преобразования аграрной сферы, является указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г.³

Организационно-правовой механизм аграрной реформы можно представить следующим образом: укрепление крестьянином-домохозяином наделенной земли в единоличную частную собственность; отвод земли к одному месту (отруб или хутор); увеличение размера

¹ Волгирева Г.П. Сборник законов и распоряжений «Земле устройство» 1914 года // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sbornik-zakonov-i-rasporyazheniy-zem-leustroystvo-1914-goda> (дата обращения: 02.05.2019).

² Указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий» 5 октября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи Т. XXVI. – СПб.: 1830. № 28 392.

³ Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи Т. XXVI. – СПб.: 1830. № 28 528.

землевладения за счет надельной, помещичьей, удельной и казенной земли; техническое и технологическое перевооружение крестьянского хозяйства; переезд части крестьян из перенаселенных регионов в малонаселенные регионы Российской империи.

В работе данного механизма были задействованы, помимо самих крестьян, органы крестьянского сословного самоуправления (сельские сходы, сельские старосты, волостные сходы), государственные органы (губернские и уездные землеустроительные комиссии и др.), Крестьянский поземельный банк.

Общее руководство деятельностью органов государственного управления и государственных учреждений по проведению реформы осуществлял Совет министров во главе с П.А. Столыпиным. Непосредственную координацию работы обеспечивало Главное управление землеустройства и земледелия, в состав которого было передано Переселенческое управление.

Возможные злоупотребления предусматривалось предупреждать публичностью совершения операций с землей.

Одним из направлений аграрной реформы являлось, как известно, содействие переселению крестьян из перенаселенных губерний (в основном, центра Европейской части России) в малонаселенные регионы страны (как правило, в Западную и Восточную Сибирь и на дальний Восток). Государственное финансирование покрывало часть затрат крестьян на переезд к новым местам проживания, на перевозку скота и т.д. За счет средств государственного бюджета был построен парк специальных вагонов для крестьян-переселенцев.

Главным финансовым инструментом запуска организационно-правового механизма реформы является государственный кредит под залог крестьянской земли, выдававшийся Крестьянским поземельным банком. В ноябре 1905 г., марте 1906 г. и в ноябре 1906 г. в нормативную базу деятельности этого финансового учреждения были внесены необходимые изменения¹.

¹ Высочайший указ Сенату «О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог надельных земель» от 15 ноября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи Т. XXVI – СПб.: 1830. № 28 547; Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об изменении оснований выдачи ссуд см. на след. странице

Дополнительным инструментом для проведения аграрной реформы стала продажа крестьянам части казенных и удельных земель через Крестьянский поземельный банк. Правда, эффективно этот инструмент мог работать лишь в местах нахождения этих категорий земель – на севере Европейской части России и в Сибири.

Еще одним инструментом содействия реформе стала организация органами государственного управления образовательной поддержки крестьян и организация агрономической и ветеринарной помощи крестьянским хозяйствам. Ассигнования бюджетных средств на эти цели возросли за 1908 – 1912 гг. с 5 702 тыс. руб. до 21 880 тыс. руб.¹

В историографии отмечаются позитивные результаты столыпинских преобразований, в частности, расширение сельскохозяйственного кредита, рост сельскохозяйственных кооперативов, рост сельскохозяйственных выставок и распространение сельскохозяйственных машин и механизмов².

Мы предложим иные приоритеты в оценке результатов аграрных преобразований, проведенных по инициативе П.А. Столыпина.

В перечне положительных результатов аграрной реформа П.А. Столыпина надо прежде всего указать на реализованную несколькими миллионами крестьян возможность выхода из общины как для создания своего индивидуального хозяйства, переселения в другие регионы страны, так и для переезда на постоянное место жительства в города. Продажа своего земельного участка или получение креди-

см. на предыдущей странице из Государственного дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков» от 21 марта 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи Т. XXVI. – СПб.: 1830. № 27 584; Указ «Об облегчении задачи Крестьянского поземельного банка по содействию к увеличению площади землевладения малоземельных крестьян» // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXV. – СПб.: 1830. № 26 873.

¹ Объяснительная записка к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1913 г. // Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Блиц, 1995. С. 59.

² Ошарин А.В. Экономическое развитие и проблема модернизации России в XVIII – начале XX вв. СПб.: ИТМО, 2008. С. 74.

та подвели под названную возможность материальную базу и сделали ее реальностью.

Миллионы людей по своему решению и в своих интересах изменили собственный жизненный маршрут – вероятно, это главный социальный результат преобразований в аграрной сфере, который мы можем назвать. При этом сельские жители, оставаясь, как правило, в составе сословия сельских обывателей, изменили свою роль в качестве субъекта хозяйственной деятельности.

Развитие сельскохозяйственных, потребительских и иных кооперативов также является позитивным результатом реформы.

Повысилась эффективность сельскохозяйственного производства. Так, о повышении товарности крестьянских хозяйств на примере Владимирской и Костромской губерний пишет Е.Ю. Леонов¹.

Если обратиться к статистическим сведениям в общероссийском масштабе, то обратим внимание на следующие показатели. Потребление сельскохозяйственных машин и орудий в Российской империи составляло в 1901 – 1905 гг. в среднем за год 36 675 штук, а в 1906 – 1910 гг. в среднем за год – 61 274 штуки². Стоимость фондов сельского хозяйства России выросла в 1911 г. по сравнению с 1908 г. на 5,4%; при этом стоимость оборудования и инвентаря увеличилась за эти же годы на 12,3%³. Полагаем, что ускоренный рост стоимости оборудования свидетельствует о происходившем техническом оснащении сельского хозяйства России.

К позитивным результатам аграрных преобразований следует отнести освоение малообжитых районов страны. В Сибири и на Дальнем Востоке возникло более 10 000 новых сел и деревень. В Северном Казахстане проявились результаты, которые можно оценить двояко. С одной стороны, были обжиты и вовлечены в хозяйственный оборот тысячи и тысячи гектаров земли. В этих регионах Российской импе-

¹ Леонов Е.Ю. Реализация аграрной реформы П.А. Столыпина во Владимирской и Костромской губерниях в 1906–1914 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2011.

² Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Блиц, 1995. С. 85.

³ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Блиц, 1995. С. 34.

рии фактически впервые возник рынок земли. Не только переселенцы из Европейской России, но и местные жители могли воспользоваться возможностями этого рынка. С другой стороны, размещение крестьян-переселенцев несколько сокращало площадь территорий, которыми пользовалось местное население.

Как общий вывод по итогам настоящей работы отметим, что, по нашему мнению, российское правительство правильно определило приоритеты в ходе аграрных преобразований и создало достаточно эффективный организационно-правовой механизм реформы.

Социально-экономические последствия для страны, несмотря на трудности и проблемы, возникшие при реализации на практике положений нормативно-правовых актов реформы, мы оцениваем как положительные. Конкретные факты и статистические данные свидетельствуют о позитивной роли аграрной реформы в развитии хозяйственного комплекса России. Более того, эти последствия были желаемыми для многих российских крестьян.

Литература

1. *Волгирева Г.П.* Сборник законов и распоряжений «Землеустройство» 1914 года // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sbornik-zakonov-i-rasporyazheniy-zemleustroystvo-1914-goda> (дата обращения: 02.05.2019).

2. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об изменении оснований выдачи ссуд из Государственного дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков» от 21 марта 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи Т. XXVI. – СПб.: 1830. № 27 584.

3. Высочайший указ Сенату «О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог надельных земель» от 15 ноября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи Т. XXVI – СПб.: 1830. № 28 547.

4. *Леонов Е.Ю.* Реализация аграрной реформы П.А. Столыпина во Владимирской и Костромской губерниях в 1906 – 1914 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2011.

5. Объяснительная записка к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1913 г. // Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Блиц, 1995. С. 59.

6. Ошарин А.В. Экономическое развитие и проблема модернизации России в XVIII – начале XX вв. СПб.: ИТМО, 2008.

7. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Блиц, 1995.

8. Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи Т. XXVI. – СПб.: 1830. № 28 528.

9. Указ «Об облегчении задачи Крестьянского поземельного банка по содействию к увеличению площади землевладения малоземельных крестьян» // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXV. – СПб.: 1830. № 26 873.

10. Указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий» 5 октября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи Т. XXVI. – СПб.: 1830. № 28 392.

11. Федорова Н.А. Аграрная реформа (реализация). [Электронный ресурс]. URL: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=109 (дата обращения 02.05.2019).

Соловьева С.В.,

кандидат экономических наук,

ведущий научный сотрудник

кафедры экономики природопользования

экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Экология и природопользование

в целях устойчивого развития для России

Аннотация. Цели устойчивого развития (ЦУР) определены в концептуальном документе ООН и требуют адаптации на национальном уровне. В статье показана значимость ЦУР, имеющих основную природоохранную направленность. Определены возможности согласования с долгосрочными целями устойчивого развития страны и «оцифрования», опираясь на методологию ООН.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития (ЦУР) ООН, ключевые экологические индикаторы, национальные стратегии и приоритеты

Solovyeva S.V.,

PhD. Leading Researcher,

Department of Environmental Economics,

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

Ecology and Nature Management

in the Sustainable Development Goals for Russia

Abstract. The Sustainable Development Goals (SDGs) are defined in the UN concept paper and require adaptation at the national level. The article shows the significance of the SDGs that have a major environmental focus. The possibilities of harmonization with the long-term goals of the country's sustainable development and "digitization" were determined based on the UN methodology.

Keywords: Sustainable Development Goals (SDGs) of the UN, key environmental indicators, national strategies and priorities

Цели устойчивого развития (ЦУР) определены в концептуальном документе ООН «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» («Повестка 2030»)¹. Цели несут идеологию устойчивого развития, сбалансированно сочетая социальные, экономические и экологические аспекты развития. В итоге многостороннего процесса ООН приняла 17 Целей и 169 задач для их реализации на период 2016–2030 гг. Цели и задачи в области устойчивого развития носят комплексный характер, являются глобальными по своему характеру и универсально применимыми. Они позволяют учесть национальные различия, возможности и уровни развития и действующие национальные стратегии и приоритеты. Задачи сформулированы в форме рекомендаций глобального характера, каждая страна устанавливает национальные задачи, руководствуясь глобальными пожеланиями, но принимая во внимание национальные условия. Необходимо обеспечить учет глобальных задач в форме рекомендаций в процессах национального планирования, программах и стратегиях. В процессе разработки ЦУР важно не только признавать наличие связи между устойчивым развитием и соответствующими процессами, протекающими в экономической, социальной и экологической областях, но и формировать комплексную повестку дня, которая пользовалась долговременной поддержкой.

Для России необходимо идентифицировать долгосрочные цели устойчивого развития страны, сформулировать и «оцифровать» возможные цели и задачи на 2030 г., базируясь на идеологии устойчивого развития и опираясь на методологию ООН.

Экологические аспекты содержатся в каждой цели, но ряд целей имеют основную природоохранную направленность. Это ЦУР 6 «Чистая вода и санитария», ЦУР 7 «Доступная и чистая энергия», ЦУР 11 «Устойчивые города», ЦУР 12 «Ответственное потребление и произ-

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ООН, Нью-Йорк, сентябрь 2015 г.

водство», ЦУР 13 «Изменение климата», ЦУР 14 «Сохранение океанов», ЦУР 15 «Сохранение биоразнообразия».

Для российской адаптации ЦУР важно их встраивание в действующие и новые документы стратегического и программного характера. Стратегии экологической и экономической безопасности, принятые в 2017 г., по нашему мнению, не полностью учитывают системность и комплексность концепции устойчивости. Национальный проект «Экология», принятый в 2018 г, включает 11 федеральных проектов, отражающих основные цели и задачи в области охраны и рационального использования природных ресурсов страны. Представляется положительным, что по каждой задаче выделены мероприятия, показатели, сроки исполнения, уровень контроля, а также размеры финансирования. Насколько согласуются принятые документы с рамочными ЦУР ООН?

Рассмотрим возможный подход к разработке долгосрочных целей и задач экологической направленности на основе ЦУР и индикаторов, адаптированных для России на примере выделенных выше семи целей. Сейчас в мире в области разработки различного рода показателей, наряду с разработкой полного набора индикаторов, используется подход ключевых/базовых индикаторов (key/core indicators), число которых ограничено. В соответствии с этим подходом выделяются приоритетные показатели для конкретной цели, задачи или проблемы, что облегчает мониторинг и контроль со стороны исполнительной и законодательной власти, общественности, бизнеса. Здесь используется такой подход для сужения круга задач и индикаторов экологических ЦУР на основе ключевых показателей, выбранных автором с позиции актуальности для России и имеющихся в российской статистике.

Цель 6 направлена на обеспечение населения безопасной и недорогой питьевой водой и санитарией, рациональное использование пресноводных экосистем, что необходимо для здоровья человека, экологической устойчивости и экономического процветания. Доступ к чистой питьевой воде входил еще в систему Целей развития тысячелетия – 7 Цель ЦРТ ООН задача 2. Соответствующий ей показатель оценивает долю населения, имеющего постоянный доступ к источнику качественной питьевой воды в городе и сельской местности. Адаптированным для России с учетом имеющихся статистических

данных является показатель «доля жилого фонда, обеспеченного водопроводом (с подразделением на городскую и сельскую местность)». Представляется целесообразным сохранить эту задачу и показатель в списке ключевых задач и индикаторов ЦУР для России с тем, чтобы обеспечить преемственность ЦРТ и ЦУР и контролировать данный показатель на длительном промежутке времени. По оценкам ООН в 2015 году 6,6 миллиарда человек (более 90 % населения мира) были обеспечены безопасной питьевой водой, в России – 97% населения¹. В России в 2017 г. 82% жилищного фонда было обеспечено водопроводом, в т.ч. 91% городского жилищного фонда и 59% сельского жилищного фонда².

Аналогично задача ЦУР 6.2 по обеспечению всеобщего и равноправного доступа к санитарии входила в систему Целей развития тысячелетия (7 Цель ЦРТ ООН задача 3). Показатель доли населения, имеющего постоянный доступ к средствам санитарии был адаптирован для России в форме «доля жилищного фонда, обеспеченного канализацией (город, село)». В 2017 г. 78% жилищного фонда было обеспечено канализацией, в т.ч. 89% городского жилищного фонда и 48% сельского жилищного фонда³. В мире 2,4 млрд человек не имеют доступа к адекватным санитарно-гигиеническим услугам.

В России в целом обеспеченность водными ресурсами высокая, однако проблема водообеспеченности носит региональный характер. Задачу 6.4 «К 2030 году существенно повысить эффективность водопользования во всех секторах» следует отнести к ключевым для России. Адаптированным показателем может выступать индекс эксплуатации водных ресурсов, который рассчитывается как забор свежей воды в процентах к возобновляемым водным ресурсам. Индекс эксплуатации водных ресурсов (ИЭВР) благоприятный и составляет менее 1,5%.⁴

¹ Progress towards the Sustainable Development Goals. Report of the Secretary-General. E/2017/66. ECOSOC UN. 2017.

² Российский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 167.

³ Российский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 167.

⁴ Основные показатели охраны окружающей среды. Стат.бюлл. М., Росстат, 2015. – С. 7.

В целом представляется целесообразным выделить три задачи и соответствующие три индикатора в качестве ключевых по Цели 6 (6.2, 6.3 и 6.4), актуальные для экологически устойчивого развития страны, обеспечивающие преемственность системы глобальных целей, имеющие регулярную статистическую базу.

ЦУР 7, направленная на обеспечение недорогой, надежной, устойчивой и современной энергетикой, имеет равную экономическую и экологическую значимость. Именно с этой целью во многом связана трансформация глобальной и национальной экономик по направлению к «зеленой» и низкоуглеродной модели.

Задача 7.3 «К 2030 году удвоить глобальный показатель повышения энергоэффективности» является первостепенной для России. Следует отметить, что одной из основных проблем российской экономики остается низкая эффективность использования невозобновимых ресурсов, в особенности энергетических. Таким образом, особенно актуальными для России являются показатели энергоемкости ВВП на страновом уровне и энергоемкости ВРП на региональном. Энергоемкость представляет синтетический индикатор, который в концентрированном виде отражает все аспекты и тренды развития страны, все секторы экономики, просчитывается по всем уровням управления от локального до глобального, включен во многие нормативно-правовые документы. Энергоемкость ВРП существенно колеблется по регионам России, что в свою очередь показывает необходимость повышения энергоэффективности экономики многих регионов. Во многих странах наблюдается рост энергоэффективности, главным образом, в промышленности и на транспорте. Однако этого недостаточно для достижения глобальной цели удвоения мировых темпов повышения энергоэффективности.

Доля возобновляемых источников энергии в конечном потреблении энергии в мире неуклонно увеличивается, приближаясь к 20%. Большая часть этого увеличения была связана с возобновляемой электроэнергией на базе гидроэнергетики, солнечной и ветровой энергии. Солнечная и ветровая энергия по-прежнему составляют относительно небольшую долю потребления энергии, несмотря на их быстрый рост в последние годы. Проблема заключается в увеличении использования возобновляемых источников энергии на транспорте и в теплоэнергетике, на долю которых приходится 80% миро-

вого потребления энергии. Задача 7.2 «К 2030 году значительно увеличить долю энергии из возобновляемых источников в энергетическом балансе» имеет большое значение для многих российских регионов, не имеющих доступа к электросетям, для адаптации к изменению климата, для решения важных социальных проблем.

В целом представляется целесообразным выделить две задачи и два индикатора в качестве ключевых по Цели 7 – 7.2 и 7.3, важные для устойчивого развития страны, обеспечивающие преемственность системы глобальных целей, интегральные и имеющие глубину дезагрегирования, обеспеченные статистической базой для мониторинга индикаторов.

Цель 11 по обеспечению открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов крайне своевременна для России в условиях быстрой урбанизации, которая сопровождается обострением экологических проблем. Задача 11.1 «К 2030 году обеспечить всеобщий доступ к достаточному, безопасному и недорогому жилью и основным услугам» входила в систему Целей развития тысячелетия (7 Цель ЦРТ ООН задача 3). Адаптированным для России – с учетом имеющихся статистических данных – является показатель «Доля ветхого и аварийного жилищного фонда». Этот показатель в стране составил 89,1 млн м² в 2016 г. Его динамика неблагоприятна – общая площадь такого жилья увеличилась с 1990 г. почти в 3 раза, а удельный вес – с 1,3 до 2,4% от всего жилищного фонда¹.

Задача 11.6 «К 2030 году уменьшить негативное экологическое воздействие городов» включает два основных аспекта: отходы и загрязнение городского воздуха. Безопасное удаление и обращение отходов представляет собой одну из наиболее важных городских экологических задач. Неконтролируемое накопление бытовых отходов блокирует стоки, вызывает загрязнение поверхностных водоемов, подземных горизонтов и может привести к распространению болезней. По данным из 101 страны мира 65% городского населения обслуживалось муниципальными службами по сбору бытовых отходов в период с 2009 по 2013 год. С учетом имеющихся статистических

¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017: Стат.сб. / Росстат – М., 2017. – С. 228: Российский статистический ежегодник. 2016: Стат.сб. / Росстат. – М., 2016. – с. 173.

данных адаптированным для России может быть показатель «Вывоз отходов с территорий городских поселений». Вывоз твердых бытовых отходов с территорий городских поселений составил 274 млн м³ в 2017 г. и жидких отходов – 36,5 млн м³.¹

Загрязнение воздуха представляет основной источник риска для здоровья городского населения и состояния окружающей среды. По данным ООН в 2014 г. 9 из 10 человек, проживающих в городах, дышали воздухом, который не соответствовал стандарту качества, установленному ВОЗ. В качестве адаптированных для России можно предложить два индикатора: «Среднегодовая концентрация взвешенных веществ (включая РМ_{2.5}) на территориях городских поселений» и «Численность населения, проживающего в особо загрязненных городах». 50,7 млн человек проживало в городах, где средние за год концентрации какого-либо вещества превышают 1 ПДК по данным за 2015 г.² В целом представляется целесообразным выделить две задачи и четыре индикатора в качестве ключевых по Цели 11 – 11.1 и 11.6, базовые для устойчивого городского развития страны, обеспечивающие преемственность системы глобальных целей, имеющие статистическую базу для мониторинга индикаторов.

Достижение ЦУР 12 требует встраивания принципов устойчивого потребления и производства в национальную политику, хозяйственную практику, поведение потребителей, а также выполнение международных норм по обращению с опасными отходами. Здесь основополагающее значение для устойчивого развития имеет декарпинг (рассогласование) экономического роста, с одной стороны, и использования природных ресурсов и образования загрязнений, с другой. В мире наблюдаются негативные тенденции быстрого роста потоков материальных ресурсов. Их общее потребление увеличилось почти вдвое с 2000 г. Наблюдаемые отрицательные экологические тенденции связаны, в частности, с ростом использования природных ресурсов, прежде всего в Восточной Азии, и в мире в целом.

¹ Охрана окружающей среды в России. 2018: Стат. сб. / Росстат. – 2018. – С. 88

² Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году». М.: Минприроды России; НИА-Природа, 2016, стр.12

В ЦУР 12 особое внимание – как и в урбанистической ЦУР 11 – уделяется проблеме отходов, прежде всего утилизации токсичных отходов, которые регулируются многосторонними природоохранными соглашениями. Практически все государства – члены ООН, в том числе Россия, являются участниками хотя бы одной из этих конвенций. Задача 12.4 «К 2020 году добиться экологически рационального использования химических веществ и всех отходов на протяжении всего их жизненного цикла в соответствии с согласованными международными принципами» актуальна для России. Три показателя, отражающие образование, использование и обезвреживание отходов производства и потребления, в т.ч. опасных отходов, обеспечены регулярной статистикой и могут быть включены в перечень ключевых индикаторов ЦУР 12. Это образование отходов производства и потребления, которое составило 6,2 млрд т в 2017 г., из них опасных – 108 млн т: использование и обезвреживание отходов производства и потребления – составило 3,3 млрд т в 2017 г.¹

Среди ЦУР есть специальная климатическая цель 13. Она тесно переплетается с ЦУР 7, направленной на обеспечение современной энергетикой, в том числе развитие возобновляемой энергетики.

ЦУР 14 связана с сохранением и рациональным использованием океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития. Глобальные тенденции указывают на продолжающееся ухудшение состояния прибрежных вод в результате загрязнения и эвтрофикации. Из 63 крупных морских экосистем 16% экосистем находятся в «высоких» или «самых высоких» категориях риска эвтрофикации. Перелов рыбы уменьшает производство продуктов питания, ухудшает функционирование экосистем и снижает биоразнообразие. Доля мировых запасов морских рыб в биологически устойчивых пределах снизилась с 90% в 1974 г. до 68,6% в 2013 г. Задача ЦУР 14.4 направлена на эффективное регулирование добычи и запрет перелова, незаконного и нерегулируемого рыбного промысла. В качестве адаптированного показателя можно предложить индикатор, связанный с устойчивыми и научно обоснованными квотами вылова, – «освоение квот вылова», которое регулируется Федеральным агентством

¹ Охрана окружающей среды в России. 2018: Стат. сб./Росстат. М.: Росстат, 2018, стр.82

по рыболовству¹. Охраняемые территории являются важным механизмом защиты океанов, морей и морских ресурсов. В 2017 г. охраняемые районы покрывают 13,2% морской среды в пределах национальной юрисдикции (до 200 морских миль от берега), 0,25% морской среды за пределами национальной юрисдикции и 5,3% общей площади мирового океана. Для выполнения задачи ЦУР 14.5 «К 2020 году охватить природоохранными мерами по крайней мере 10% прибрежных и морских районов» предлагается индикатор «Морские и прибрежные ООПТ, млн га». Таким образом, целесообразно выделить две задачи и два индикатора в качестве ключевых по Цели 14 – 14.4 и 14.5.

Цель 15 направлена на защиту экосистем суши, рациональное лесопользование, борьбу с опустыниванием, прекращение деградации земель и утраты биоразнообразия. В настоящее время 15% земель в мире имеют режим охраняемых районов, но они не охватывают все области, важные для сохранения биоразнообразия. Защита ключевых районов биоразнообразия необходима для обеспечения природными ресурсами и сохранения живой природы. Потери биоразнообразия продолжают с угрожающей скоростью. ЦУР 15 отражает приверженность международного сообщества сохранению биоразнообразия. Для решения задачи 15.1 «К 2020 году обеспечить сохранение, восстановление и рациональное использование наземных и внутренних пресноводных экосистем и их услуг» имеется показатель «Особо охраняемые природные территории, млн га». В России площадь ООПТ составила 213,6 млн га в 2017 г.²

Снижение производительности и деградация земли наблюдаются на площади около одной пятой поверхности Земли, покрытой растительностью. Процессы ухудшения качества почвы в наибольшей степени затронули Южную Америку и Африку. В засушливых районах в некоторых случаях деградация земель ведет к опустыниванию. Деградация земель и почв, особенно пастбищ, подрывает продовольственную безопасность и нашей страны. Прекращение

¹ <http://fish.gov.ru/otraslevaya-deyatelnost/ekonomika-otrasli/statistika-i-analitika>

² Охрана окружающей среды в России. 2018: Стат. сб./Росстат. М.: Росстат, 2018. стр.112

деградации земель и опустынивания имеет решающее значение для улучшения жизни и жизнеобеспечения более 1 млрд человек в мире. В России опустыниванием в той или иной мере охвачено 27 субъектов РФ на площади более 100 млн га, из них 6,3 млн га занимают незакрепленные пески¹. Огромны темпы опустынивания Черных земель и Кизлярских пастбищ. На территории Калмыкии образовалась первая в Европе антропогенная пустыня, ее площадь постоянно расширяется.

Для мониторинга задачи 15.3 «К 2030 году вести борьбу с опустыниванием, восстановить деградировавшие земли и почвы» предлагаются четыре индикатора: площадь земель, подвергшихся опустыниванию; площадь нарушенных земель; площадь обработанных земель; площадь рекультивированных земель. В России в 2017 г. площадь нарушенных земель составила 256 тыс. га, из них обработано – 174 тыс. га. За 2017 г. рекультивировано 99 тыс. га.² Таким образом, целесообразно выделить две задачи и пять индикаторов в качестве ключевых для Цели 15 по задачам 15.1 и 15.3.

Автор не ставил своей целью модифицировать и адаптировать все предлагаемые ООН индикаторы для экологической компоненты ЦУР – как отмечалось выше, всего их свыше двух сотен и доля экологических значительна. В настоящее время Росстат начал масштабную работу по согласованию глобальных индикаторов и статистических показателей действующей системы российского статистического учета.

Таким образом, экологические индикаторы для ЦУР являются наименее проработанными показателями как в мире, так и в России. В связи с этим на первых стадиях адаптации экологических ЦУР, наряду с разработкой полного набора индикаторов, возможно использовать подход ключевых/базовых индикаторов, число которых ограничено. В соответствии с этим подходом можно выделить приоритетные показатели для конкретной цели, задачи или проблемы, что облегчает мониторинг и контроль со стороны исполнительной и

¹ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году». М.: Минприроды России; НИА-Природа, 2016 стр. 115

² Охрана окружающей среды в России. 2016: Стат. сб./Росстат. М.: Росстат, 2016, стр. 94

законодательной власти, общественности, бизнеса. Первостепенную важность приобретает идентификация адекватных количественных индикаторов, которые актуальны для России и имеются в российской статистике.

Литература

1. Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В. Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития? // Вопросы экономики. – 2015. – № 1, – С. 147 – 160
2. Бобылев С.Н., Кудрявцева О.В., Соловьева С.В., Ситкина К.С. Индикаторы экологически устойчивого развития для регионов России. М.: Инфра-М. 2015. – 194 с.
3. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году». – М.: Минприроды России; НИА-Природа. – 2016. – 639 с.
4. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. 2010 /Под ред. С.Н.Бобылева. М.: ПРООН, 2010. – 156 с.
5. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития ООН и Россия / Под. ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при правительстве РФ, 2016. – 298 с.
6. Основные показатели охраны окружающей среды. Стат. бюлл. М.: Росстат, 2015. – 94 с.
7. Охрана окружающей среды в России. 2018: Стат. сб./Росстат. – 2018. – 125 с.
8. «Паспорт национального проекта «Экология» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 N 16) Режим доступа: http://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyy_proekt_ekologiya/
9. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ООН, Нью-Йорк, сентябрь 2015 г. Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment>
10. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб./Росстат. – М., 2018. – 694 с.

11. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017: Стат.сб. / Росстат – М., 2017. – 332 с.

12. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921>

13. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879>

Тишин И.В.,

*аспирант кафедры экономической теории,
Институт экономики и управления
Тверского государственного университета*

**Циклический характер
становления государственного долга в России**

Аннотация. Текущее исследование нацелено на выявление особенностей становления института государственного долга в России, а именно – на подтверждение факта существования циклически-спиралевидных долговых отношений в России. Работа включает анализ критериев возникновения и развития долга на разных этапах исторического развития России. Выделены факторы объективной необходимости осуществления займов и, в сопоставлении с ними, рассмотрены факторы, препятствующие развитию государственного долга. Изучение взаимных противоречий развития долговых отношений в России на протяжении нескольких веков является ключевым элементом исследования. Основные выводы, полученные в ходе работы и базирующиеся на подведении итогов циклически-спиралевидного развития путем анализа современной ситуации через призму исторических проблем, подчеркивают повторяемость современных противоречий в области государственного долга, но уже на более новом высоком уровне.

Ключевые слова: государственный долг, внутренний государственный долг, внешний государственный долг, история возникновения государственного долга в России, причины возникновения государственного долга, циклически-спиралевидные долговые отношения

Tishin I. V.,

PhD degree, Institute of economics and management,

Tver State University

Cyclic Character of State Debt Formation in Russia

Abstract. The current research aims to identify the peculiarities of the public debt institute in Russia, namely, to confirm the existence of cyclically spiral-like debt relations in Russia. The work includes an analysis of the criteria for the emergence and development of debt at different stages of Russia's historical development. In this work factors of objective necessity of implementation of loans and factors hindering the development of public debt are highlighted. The study of the mutual contradictions of the development of debt relations in Russia over several centuries has been a key element of this research. The main conclusions, obtained in the course of the work and based on summing up cyclically-spiraling development by analyzing the current situation through the prism of historical problems, emphasize the recurrence of current contradictions in the field of public debt, but at a new high level.

Keywords: public debt, domestic public debt, external public debt, the history of the public debt emergence in Russia, the causes of public debt, cyclically-spiraling debt relations

Есть определенная разница между обычным обязательством и долгом в широком смысле этого слова, которая состоит в том, что долг можно точно исчислить. Для этого необходимы деньги. Деньги не просто делают возможным само понятие долга: деньги и долги появляются на исторической сцене, подкрепляя одно другим, а с возникновением государства закрепляются в качестве официального института – государственного долга. По своей сути история государственного долга – это история обращения заемных денег. А самый легкий способ понять, какую роль долг играл в отношениях, заключается в том, чтобы просто проследить, какую цель приобретали эти заемные деньги или как они использовались на протяжении веков.

В настоящее время государственный долг имеют практически все страны мира, причем размер задолженности у большинства достаточно велик. Особенности и ключевые факторы формирования данной задолженности каждой страны принципиально отличаются друг от друга, а в рамках одной страны на протяжении исторического развития некоторые особенности долговых отношений могут и по-

вторяться. Необходимо рассмотреть эти особенности, ведь изучение циклической составляющей долговых проблем позволит найти причины постоянного отклонения экономической системы от состояния равновесия, а также поможет спроецировать результаты прошлого на современную ситуацию и на возможные аспекты будущего. В рамках данного исследования необходимо проверить наличие цикличности в развитии долговых отношений на базе России через призму истории. Такой историко-системный подход даст ответ на вопрос, научил ли чему опыт исторических проблем в области государственного долга новые поколения или нет. Ответ даст право судить и о характере цикла, какой он был, каким он стал, каким он будет.

В Европе родина долга базировалась в рамках группы городов-государств от Северной Европы до Северной Италии. Все эти города-государства были с высокой степенью политической автономии, урбанизации и с обширной торговой сетью, что и стало важным критерием возникновения долговых отношений между городами и населением. Все они сформировали институты, влияющие на развитие государственных и муниципальных финансов. В качестве обеспечения по займам выделялись налоги и сборы. Сама же процедура обеспечения базировалась на том, что люди, предоставляющие займ государству, имели возможность оказывать политическое давление¹. В определенной степени можно говорить о противостоянии в городском управлении кредиторов и заемщиков. Группу первых представляли в основном торговцы. Во вторую группу входили ремесленники и крестьяне, на которых возлагалось все бремя выплаты займов по факту. Управление долгом базировалось на концентрации тех или иных групп в совете. В случае утраты кредиторами влияния совет мог, например, в одностороннем порядке снизить процентную ставку, объявить дефолт или принудительно продлить сроки предоставления займов, что вело к возникновению неплатежеспособности кредиторов.

Российский же опыт внедрения государственного долга значительно расходится с европейской историей госдолга. Здесь можно выделить несколько этапов.

¹ Моисеев С.Р. Государственный долг в Московском царстве / С.Р. Моисеев // Деньги и кредит – 2017. – №4. – С. 73–78.

Рождением государственного долга стало наличие значительных финансовых проблем, которые в яркой форме появились в Смутное время, когда государству необходимы были средства для сохранения суверенитета и установления власти законного царя. Государство за короткий срок столкнулось одновременно и с гражданской войной, и с русско-польской и русско-шведской интервенцией, а также с политическим и социально-экономическим кризисами. Власти в лице Боярской Думы или основного института управления государственным долгом применяли несколько вариантов управления государственным долгом или институциональных норм – самыми емкими из них были: увеличение налогового бремени, принудительные займы с неопределенным сроком погашения, иногда прибегали к конфискации имущества, что было крайним средством, а также порча монеты.

Практика порчи монеты активно использовалась при правлении первых Романовых в частности при Михаиле Федоровиче. Для покрытия чрезвычайных военных расходов правительство впервые решилось на выпуск подобной серебряной монеты более низкого качества, а также на выпуск медной монеты. С одной стороны, власти злоупотребляли выпуском медных денег для выплаты жалования армии, а с другой стороны, подати взимались серебряными деньгами. В результате произошла инфляция цен на все товары, оцениваемые в медных деньгах. А результатом всего этого был «медный бунт», в ходе которого городские низы протестовали против повышения налогов и обесценивающихся денег.

Практика принудительных займов и конфискации имущества выглядела следующим образом: царское правительство выделяло наиболее богатые монастыри и воеводства. К ним направлялись грамоты, в которых фиксировалась обязанность предоставления царской казне описанного имущества или займа на некоторую сумму на неопределенный период времени. Принудительный сбор денег обладал слабой степенью формализации, был фактически не закреплен в актах государства. В грамотах, разосланных по стране, было всего лишь требование выслать денег на покрытие чрезвычайных расходов с обещанием вернуть их в неопределенном будущем, когда социально-экономическое положение будет лучше. Процентные платежи в данном случае тоже не предполагались. Отмечается, что одной из причин упорной обороны Смоленска от поляков в Смутное время

была поддержка местных богатейших купцов. В случае потери Смоленска и поражения в войне они потеряли бы возможность требовать долги с правительства Василия Шуйского.

В целом данный этап можно охарактеризовать так: относительно благоприятная ситуация перерастает в кризис из-за внешних факторов, идет увеличение долговой нагрузки, происходит внедрение мер по ее урегулированию всеми возможными способами, а заканчивается цикл сокращением долговых обязательств.

При Петре I проблема финансирования продолжала оставаться актуальной. Значительных средств требовало проведение Северной войны. Его правительство было ориентировано на внутренний рынок, а исполнение внутренних обязательств проходило проверенными методами: введением новых податей, оплата в натуральном выражении, порчей монеты, беспроцентными займами и возвратом к медным деньгам, но и были нововведения – открытие в Санкт-Петербурге биржи, а также внедрение векселей. После Петра Великого периоды правления помимо войн характеризовались также обширными расходами на содержание двора.

В наиболее привычной форме институт государственного долга появляется в России лишь в период XVIII–XIX веков. В числе первых обращений российского государства за иностранными заимствованиями отмечают необходимость погашения расходов на содержание двора и чрезвычайных расходов на ведение первой Турецкой войны, когда в 1769 году Екатерина II обратилась за помощью к Голландии¹. В этот же период была создана первая структура по управлению государственным долгом – Комитет уполномоченных для производства денежных негоциаций в иностранных землях с функциями по управлению государственным долгом. И тут же изложена новая норма, упрощающая оплату внутренних займов – начались крупные выпуски бумажных денежных знаков. Однако все недовольство населения данной нормой возложил на свои плечи Павел I. Возникла необходимость в легализации и внутреннего долга. Так, в 1797 году указом императора Павла I весь выпуск ассигнаций вне зависимости от целей расходования признавался внутренним долгом. Отмечается, что это был первый законода-

¹ Хейфец Б.А. Кредитная история России / Б.А. Хейфец. – Москва: Научный эксперт. – 2009. С.44–49

тельный акт, которым государство официально признало бумажные деньги государственным долгом. А вопрос его урегулирования был чрезвычайно прост – бумажные ассигнации массово выкупались у населения за счет царских ценностей и сжигались на Дворцовой площади.

И опять же на базе этого этапа мы видим похожую ситуацию: относительно благоприятное положение перерастает в кризис из-за преимущественно внешних (военных) факторов, идет увеличение долговой нагрузки, происходит внедрение мер по ее урегулированию всеми возможными способами, а заканчивается цикл сокращением долговых обязательств. Есть попытки преобразования экономической системы, но в большинстве своем они направлены на совершенствование источников финансирования. Этап имеет множество сходств с предыдущим, а значит, имеет место цикличность!

Серьезной проблемой для реализации планов стала Отечественная война 1812 года, которая вынудила правительство полностью отказаться от политики скорейшей ликвидации каких-либо государственных долгов. Однако после войны продолжилось совершенствование института государственного долга: были созданы специальные органы управления внутренним долгом, а в 1817 году учреждена Государственная долговая книга¹, которая состояла из 2 частей: 1) для внесения долгов по внешнему займу; 2) для внутренних срочных долгов. Усложнила ситуацию и Крымская война, поражение в которой не только сопровождалось обширными контрибуциями, но и показало неэффективность всей экономической политики в стране – это первая крупная неудача, продемонстрировавшая нарастание кризиса циклически-спиралевидного долгового развития.

Конец XIX века характеризуется отсутствием войн, что благополучно сказывается на российской экономике. Политика государства в это время носила гибкий и уравновешенный характер. В отношении государственных заимствований велась работа по консолидации и конверсии займов с целью уменьшения нагрузки их обслуживания, что отрицательно сказывалось на развитии страны.

На базе данного этапа заметно следующее: относительно благоприятное положение перерастает в кризис из-за внешнего фактора –

¹ *Божерянов И.Н. Романовы. 300 лет служения России / И.Н. Божерянов. – Москва: Белый город. – 2013. С. 406–425/*

войны 1812 года, что приводит к увеличению долговой нагрузки. После войны идет поэтапное внедрение мер по урегулированию задолженности. Появляется фактор, демонстрирующий неблагоприятное положение дел в стране, когда в ходе Крымской войны из-за отсутствия хорошей системы железных дорог не было возможности оперативно передислоцировать армию на Западный фронт. Заканчивается этап постановкой цели – сокращение долговых обязательств всеми возможными способами. Факт присутствия цикличности, аналогично второму этапу, очевиден, однако на этой стадии также проявляется фактор, характеризующий отсталость экономики страны.

Начало Первой мировой войны и сложная экономическая ситуация породили начало нового цикла и стали одними из причин переворота 1917 года. Исследуя советский период развития института государственного долга, можно сделать вывод о том, что правовое регулирование в данный период характеризуется использованием радикальных методов управления. В частности, советское правительство выбрало метод аннулирования долговых обязательств, отказавшись от уплаты по всем государственным займам, как внешним, так и внутренним, заключенным в предшествующие периоды, что затруднило дальнейшее развитие международных долговых отношений. Итак, после обнуления в 1918 г. внешнего государственного долга Декретом «Об аннулировании государственных займов» правительством было принято решение об абсолютном отказе от любых внешних заимствований. Начало данного цикла имеет принципиальное отличие от предыдущих – после переломного момента сразу внедряется радикальная мера урегулирования. Но Вторая мировая война направляет цикл снова в привычное русло в 50–60-е годы XX века пошли первые кредиты на закупку оборудования за границей за счет заемных средств, т.к. только внутренних средств было недостаточно для восстановления экономики. Кроме того, были заключены кредитные договоры с западными банками на строительство газопроводов. И уже к 1990 году СССР по размеру внешнего долга занимал 12 место в мире¹. Правительство страны начинает искать метод урегулирования такого стремительного роста долга и замечает его в

¹ Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / Ю.Н. Каптуревский, см. на след. странице

переходе к рыночной экономике, даже не подозревая, что это будет очередным переломным моментом, ведущим к новому циклу.

Из-за ряда внешних и внутренних факторов происходит распад СССР и перенос долгов на Российскую Федерацию. Данный момент необдуманного перехода к рынку и переноса всех долговых обязательств на Российскую Федерацию обусловил современное управление государственным долгом – ту модифицированную схему, которая использовалась на протяжении всей истории России – схему урегулирования всеми возможными методами дефицита бюджета, достижения его сбалансированности, использование новых заемных средств на текущие расходы и на рефинансирование долговых обязательств.

Таким образом, перед нами яркая система циклически-спиралевидных долговых отношений в России. Начинается цикл с отсутствия внутренних и внешних долгов, затем наступает переломный момент (например, необходимость отстаивать собственный суверенитет или проводить активную внешнюю политику), в ходе которого начинается осуществление займов, затем начинается активная разработка новых институциональных норм, направленных на сокращение объема долга, и последняя стадия – достижение необходимого результата или сокращение государственного долга до приемлемого уровня. Подобный цикл в истории страны повторялся неоднократно. Следовательно, встает вопрос, а чем же он плох? Если государство неоднократно смогло активно участвовать во внешнеполитических действиях и при этом справляться с долговыми проблемами тем или иным способом? Данный цикл проявляет свой недостаток в том, что средства государственного долга имели направление далеко не экономическое развитие, а источники погашения долга наоборот изымались из экономики, что ярко демонстрирует нам двойной удар по секторам социально-экономического устройства. Причем циклически-спиралевидные отношения характеризуют становление каждого нового цикла на более высоком уровне. Здесь речь идет не только о новых методах управления долгом или о новых причинах его возникновения, здесь имеется в виду еще и то, что каждый подобный цикл все сильнее и сильнее наносит вред российской экономике.

см. на предыдущей странице

О.С. Филаточева. – М.: Издательство Института
Гайдара. – 2015. С. 404–406.

Следовательно, необходимо воспрепятствовать дальнейшей подобной цикличности. Причем данную проблему нужно решать комплексно – с политической, экономической и социальной стороны.

Литература

1. *Божемянов И.Н.* Романовы. 300 лет служения России / И.Н. Божемянов. – Москва: Белый город. – 2013. – 672 с.
2. *Моисеев С.Р.* Государственный долг в Московском царстве / С.Р. Моисеев // Деньги и кредит – 2017. – №4. – С. 73–78
3. *Мэддисон Э.* Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / Ю.Н. Каптуревский, О.С. Филаточева. – Москва: Издательство Института Гайдара. – 2015. – 584 с.
4. *Хейфец Б.А.* Кредитная история России / Б.А. Хейфец. – М.: Научный эксперт. – 2009. – 392 с.

Третьяк В.П.,

*доктор экономических наук, профессор
Российский университет транспорта (МИИТ)*

Сагина О.А.,

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и управления
Московский государственный университет
технологий и управления имени К. Г. Разумовского
(Первый казачий университет)*

**Подрыв товарного производства
и Форсайт отечественной экономики**

Аннотация. Минуло без малого пятьдесят лет с того момента как тезис о необходимости развитии товарной организации производства на пространстве Советского Союза стал доминирующим в умах людей в период перестройки и на современном этапе. В данной статье предпринимается попытку напомнить положение о подрыве товарного производства, раскрытого и доработанного советским ученым Н.В. Хессиным. Н.В. Хессин обосновывал важность поиска форм проявления подрыва товарной организации производства и использованию их для нужд реформирования национальной экономики на базе новых технологических укладов. Предлагаемая ситуационная модель мониторинга технологических укладов в экономике страны позволяет раскрыть возможности нерыночных форм организации производства на основе постиндустриальных технологических укладов. В постиндустриальном обществе наблюдается переход от принуждения и учета рабочего времени к креативной свободе, основанной на использовании свободное время индивида и общества. Форсайт отечественной экономики – поиск слабых сигналов, приближающих изживание элементов товарного производства и ведущих к свободе труда.

Ключевые слова: подрыв товарного производства, Форсайт, технологические уклады, свободное время

Tretyak V.P.,

*Doctor of Economics, Professor,
Russian University of Transport (MIIT)*

Sagina O.A.,

*PhD in Economics, Associate Professor, Chair of Economics
and Management, Moscow State University of Technology
and Management named after K. G. Razumovsky
(First Cossack University)*

**Undermining of commodity production
and foresight of the domestic economy**

Abstract. Nearly fifty years have passed since the thesis of the need to develop the commodity organization of production in the Soviet Union became dominant in the minds of people during the period of perestroika and at the present stage. In this article is an attempt to remind the situation on the explosion of commodity production, expanded and modified by the Soviet scientist N. In. By Hassidim. N. In. Hessin justified the importance of finding forms of manifestation of undermining the commodity organization of production and their use for the needs of reforming the national economy on the basis of new technological structures. The proposed situational model of monitoring of technological structures in the economy of the country allows to reveal the possibilities of non-market forms of production organization on the basis of post-industrial technological structures. In the post-industrial society there is a transition from coercion and accounting of working time to creative freedom based on the use of free time of the individual and society. Foresight of the domestic economy – the search for weak signals that bring the eradication of the elements of commodity production and leading to freedom of labor.

Keywords: undermining of commodity production, foresight, technological structures, free time

В период перестройки достаточно основательным было убеждение у большинства граждан Советского Союза, что смитовская «невидимая рука» рынка решит многие проблемы, если возвратиться к

реальному товарному производству. Между тем, тезис, верный для становящегося товарного производства, базирующегося на мануфактурном (II) технологическом укладе¹ и зарождающемся индустриальном (III) технологическом укладе, этот частным случаем в развивающейся товарной организации производства, стал доминирующим в умах людей в период перестройки. Маркс К., в противовес Смиту А., показал ограниченность существования товарной организации производства, что проявлялось, в том числе, в периодическом наступлении кризисов перепроизводства. На эту ограниченность обратил внимание В.И. Ленин, когда стали набирать силу технологии, свойственные (IV) индустриальному технологическому укладу, и сформулировал идею подрыва товарного производства в условиях империализма.

Хессин Н.В. развил тезис В.И. Ленина о подрыве товарного производства, и в противовес концепции постиндустриальному производству Гэлбрейта Дж., сосредоточил внимание на формах проявления этого подрыва. Так в рамках марксистской парадигмы рождается подход о *подрыве* товарного производства при империализме, перспектив его перехода к социализму. Появляется книга Н.В. Хессина² «В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства», в которой раскрывается ленинский тезис о подрыве товарного производства при империализме. Последователи и современники Хессина Н.В. в качестве форм проявления подрыва товарной организации производства видели и формирующуюся планомерность (Цаголов Н.А., Хессин Н.В., Бузгалин А.В.), и формы производства на заказ потребителя (Хессин Н.В., Третьяк В.П.), и анализировали подрыв абстрактного труда (Тронеv К.П., Третьяк В.П.). Таким об-

¹ В литературе не всегда однозначно воспринимается термин технологический уклад. Технологическое развитие экономики происходит в виде последовательной смены технологических укладов (Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.). По мнению ряда авторов, история развития технологических укладов проходит в виде некоторых ступеней (Малинецкий Г.Г., Глазьев С.Ю., Львов Д.С.)

² Хессин Н.В. В. И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства, М., МГУ, 1968.–193 с.

разом, были проведены проработки гипотезы о *подрыве* товарной организации производства, которые можно рассматривать как слабый сигнал перспектив развития мировой экономики.

Слабым сигналом в Форсайте называется такое явление, которое в настоящем существует в неразвитых формах, но в перспективе займет доминирующее положение, в данном случае в мировой экономике.

Форсайт вошел в нашу жизнь относительно недавно¹. Желание людей заглянуть в будущее существовало во все времена. Люди прислушивались к предсказаниям, доверяли прогнозам, учитывали в своей деятельности футурологические экскурсы и с удовольствием читали фантастику. Поскольку технология Форсайта, по нашему мнению, еще не достигла канонической формы, постольку нам представляется возможным отметить некие существенные черты этой технологии.

Один из главных результатов Форсайта заключается в выявлении того, что именно станет доминировать в будущем, а сегодня не вызывает интереса у окружающих. Это важнейшая черта Форсайта. Важно также улавливать слабые сигналы, «поступающие из будущего». Второй существенной чертой этой технологии является самоактивизация участников Форсайт-проекта. Кроме того, и это третья черта, результатом Форсайта является предлагаемая пиксельная картинка будущего, создаваемая взглядами на него разных слоев общества, которые порой поступают частью своих интересов в расчете на долгосрочные выгоды. И наконец, отличительная черта технологии Форсайта, как уже было определено, – согласование партикулярных интересов разных слоев гражданского общества.

Именно согласование партикулярных интересов разных слоев гражданского общества по развитию постиндустриальных техноло-

¹ Существует ли единство во мнениях о периоде появления Форсайта? По этому поводу имеется как минимум две точки зрения. Одна – Форсайт появился еще в 50-х гг. прошлого века, вторая – Форсайт как технология оформилась лишь в конце XX в. Разница в оценке времени возникновения Форсайта не очень существенная с точки зрения всемирной истории, но важно зафиксировать суть разногласия. Согласно первой точке зрения появление Форсайта отождествляется с разработкой корпорацией RAND и применением для целей прогнозирования метода Дельфи, который считается одним из центральных методов форсайта.

гических укладов будет способствовать углублению подрыва товарной организации производства и формированию новой, скажем, нетоварной его организации.

Со второй половины XX века по всем признакам начался закат индустриальной эпохи развития мировой экономики. Деррик Прайс написал книгу «Наука о науке». Все чаще стали называть новые технологии – постиндустриальными. Дэниел Белл написал свое «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» (1973). Появляются статьи и книги Элвина Тоффлера. Его «Третья волна»¹ стала поворотной в объяснении тенденций, которые сейчас именуется технологиями 4.0. Говоря о 4-й промышленной революции хотелось бы напомнить не много из истории о предшествующих промышленных революциях. В ходе первой промышленной революции при помощи воды и пара было механизировано производство. Главным драйвером второй промышленной революции было электричество, которое помогло создать массовое производство. В центре третьей революции находилась электроника и информационные технологии, автоматизировавшие производство. Четвертая промышленная революция как бы выходит из третьей, которую еще называют «цифровой» и которая началась в середине прошлого века. Она характеризовалась слиянием технологий и стиранием граней между физическими, цифровыми и биологическими сферами.

Профессор Шваб видит три причины, по которым сегодняшние перемены следует считать не простым продолжением третьей промышленной революции, а началом четвертой. Это скорость, с которой происходят перемены; их размах и системный характер последствий².

Когда завершится революции 4.0. фактически перестанут доминировать не только кустарные технологические уклады, но и утрачивают господствующее положение так же и индустриальные технологические уклады.

Эволюционный характер развития технологических укладов, по нашему мнению, имеет следующую тенденцию: от кустарного про-

¹ *Toffler Alvin. The Third Wave 1980.*

² *Мануков С. 4-я промышленная революция в Давосе // Режим доступа: <http://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyishlennaya-revolyuitsiya/>. Дата обращения 14.02.2018.*

изводства, где практически все изделия были уникальны, создавались в соответствии с индивидуальными запросами заказчика; через машинную стадию производства, обеспечивающее массовое предложение однотипных изделий; к индивидуализированному массовому производству, способному создавать изделия в массовом порядке и удовлетворять индивидуальные запросы покупателей.

Простая кооперация и разделение труда, свойственные доиндустриальному или кустарному технологическому укладу утрачивают господствующее положение в индустриальном обществе.

Здесь наибольшим образом распространены фабричная организация и, несколько позднее, конвейерное производство, соответствующие третьему и четвертому технологическим укладам. Последние создают базу для постиндустриальных технологических укладов, использующих жесткие (заводы автоматы) и гибкие автоматизированные модули, базирующиеся на использовании стандартизированных комплектующих изделий и дорогостоящем креативном труде немногочисленных работников¹. Седьмой технологический уклад связан с коммуникациями человеческого слова и поведением машин².

Экономика любой страны функционирует на базе выделенных технологических укладов. Следовательно, создаваемый валовой продукт есть результат функционирования соответствующих технологических укладов.

Какая-то часть регионального валового продукта производится на базе кустарных укладов, какая-то на основе ТУ индустриального уровня, какая-то часть создается на технике постиндустриальных укладах. Схематично это можно изобразить в виде пирамиды. Использование этого подхода к оценке результативности развития ранка продукции позволит осуществлять мониторинг динамики освоения новых, более прогрессивных технологических укладов, которые позволят снизить издержки, как производства, так и обращения. Сдвиг

¹ См. подробнее *Третьяк В.В.* Вехи перемен. т.2 Издательский дом «Парус», 1998, с. 244–247.

² Пишут и о седьмом технологическом укладе. См. например, Начало 7-го технологического уклада. Интернет-ресурс: <http://www.energoinform.org/pointofview/prohorov/7-tech-structure.aspx>. Дата обращения 16.01.2017.

«пирамиды» в право визуально отображает, что на рынке применяются более прогрессивные технологические уклады.

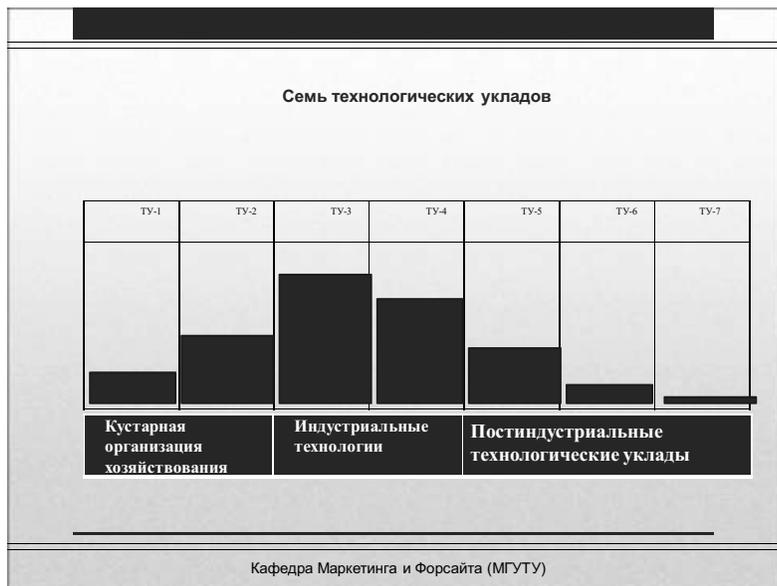

Рис. 1. Ситуационная модель мониторинга технологических укладов в экономике страны

Это достаточно распространенный подход к пониманию сути технологических укладов. Здесь слабым моментом является, во-первых, разделение на индустриальные и доиндустриальные ТУ, что приводит к прерывистости логики их развития. Во-вторых, сами ТУ описываются исходя их разных критериев, и в отношении источников энергии, и видов технологий (например, биотехнологии). Экономика любой страны функционирует на базе выделенных технологических укладов, а ее результаты отражаются в структуре валового внутреннего продукта.

Каждый новый, более прогрессивный технологический уклад, как правило, нуждается в уменьшении занятых, не говоря об изменении качественного состава рабочей силы. Белл представляет общество будущего из трех социальных классов: «творческой элиты ученых и высшей профессиональной администрации»; «среднего класса» инже-

неров, научных сотрудников и, наконец, «пролетариата умственного труда» – техники, ассистенты, младшие сотрудники, лаборанты¹.

Ситуационная модель мониторинга технологических укладов в экономике страны покажет, что по завершению промышленной революции 4.0. фактически перестанут доминировать не только кустарные технологические уклады, но и утрачивают господствующее положение так же и индустриальные технологические уклады.

Эволюция товарного производства базируется на смене технологических укладов². Каждый новый, более прогрессивный технологический уклад, как правило, нуждается в уменьшении занятых, не говоря об изменении качественного состава рабочей силы. Белл представляет общество будущего из трех социальных классов: «творческой элиты учёных и высшей профессиональной администрации»; «среднего класса» инженеров, научных сотрудников и, наконец, «пролетариата умственного труда» – техники, ассистенты, младшие сотрудники, лаборанты³. Видимость размывание классовой структуры в условиях постиндустриального или информационного общества подчеркивает переход от измерения труда через рабочее время.

Замещение человеческого труда машинами на новом уровне К. Маркс объявил еще в «Экономических рукописях 1857–1859 годов»: «Труд перестал охватывать процесс производства в качестве господствующего над ним единого начала⁴. На смену живому труду приходит овеществленный труд, осуществляемый системами машин, которые организованы как абстрактная неживая рабочая сила с помощью науки (или знания). В перспективе живой труд, по мысли Маркса, вообще должен будет стать «бесконечно малой силой», служащей минимально

¹ Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. – N.Y.: Basic Books, 1973. – 616 s.

² Tretyak V, Anichkina O., Abazieva K. Instruments for the implementation of import substitution strategy in the agro-industrial complex // The 4th International Conference on Management and Technology in Knowledge, Service, Tourism & Hospitality 2016

³ Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. – N.Y.: Basic Books, 1973. – 616 s.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 46. Ч. 2. С. 204–206.

необходимым придатком для «могучего организма» системы машин. Мониторинг форм оценки свободного времени – важнейшая задача перехода к высшим технологическим укладам. И Белл, и К. Маркс обращают внимание на то, что мерилом все более становится не только *рабочее время*, сколько свободное время индивида и общества. В постиндустриальном обществе наблюдается переход от принуждения и учета рабочего времени к креативной свободе, основанной на использовании *свободное время* индивида и общества.

Уже сейчас в Европейских странах доход работающего, социальные поступления и дифференциальные налоговые обложения приводят к тому, что суммарные денежные ресурсы семьи вращаются примерно вокруг определенной суммы¹.

Форм оценки свободного времени в индустриальную эпоху немного. Но кое-что можно рассматривать в качестве прообраза. Например, конкурс грантов, премии за интеллектуальные результаты награждения за творческую деятельность.

Ситуационная модель мониторинга технологических укладов в экономике страны покажет, что по завершению промышленной революции 4.о. фактически перестанут доминировать не только кустарные технологические уклады, но и утрачивают господствующее положение так же и индустриальные технологические уклады. Сдвиг «пирамиды» вправо отобразит господство прогрессивных, постиндустриальных технологических укладов.

Предложенная модель оценки выпускаемого национального продукта через использования технологий соответствующим различным технологическим укладам, позволила практически выделять, во-первых, удельный вес прогрессивных ТУ, на базе которых производятся рассматриваемые продукты, а следовательно, предполагает направленное изменение в структуре технологических укладов в экономике страны и приведет к углублению процесса *подрыва* товарного производства. Во-вторых, данная модель становится визуальным индикатором проводимой промышленной политики. Если с каждым годом пирамида будет сдвигаться вправо, то осуществляется интенсивные преобразования в пользу производства с менее высокими издержками.

¹ См. например, французскую СМГС.

И, в-третьих, следует напомнить, что национальные экономики обладают сравнительными преимуществами в международной торговле, которые известны со времен Д. Рикардо¹. Исследования шведских экономистов Э. Хекшера, и Б. Олина страна с высокой долей овеществленного труда в продукте методично перекачивает часть, как бы мы сейчас сказали, добавочной стоимости. Б. Олин, повторюсь, сформулировал этот закон предельно коротко: «Международный обмен – это обмен изобильных факторов на редкие: страна экспортирует товары, производство которых требует большего количества факторов, имеющихся в изобилии». Поэтому, отсутствие заботы о наращивании постиндустриальных технологических укладов означает постепенную утрату вначале национальных экономических преимуществ, а затем, и политических возможностей, подобно тому, как в истории взаимоотношений индустриальная Англия поступала с Индией, располагавшей в то время только кустарным производством.

Нам представляется, что *подрыв* товарного производства и формирование постиндустриальной или информационной или экономики знаний – влечет констатацию гибели индустриальной эпохи, а наметится переход к оценкам свободного времени креативного труда наемных работников. Форм поощрения за творчество в свободное время в индустриальную эпоху немного. Но кое-что можно рассматривать в качестве прообраза или слабого сигнала. Например, конкурс грантов, премии за интеллектуальные результаты награждения за творческую деятельность, волонтерская активность. Форсайт отечественной экономики – поиск слабых сигналов, приближающих изживание элементов товарного производства и ведущих к свободе труда.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования (1973).

¹ Рикардо Д. Принципы политической экономии и налогового обложения. 1817

2. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития – М.: Владар, 1993.
3. Глазьев С.Ю. Переход к инновационной экономике – условие будущего развития России // Инновации. 2000. № 3 – 4. С. 46–51.
4. Львов Д.С. Развитие экономики России и задачи экономической науки. – М.: Экономика, 1999. С. 18.
5. Маевский В. Эволюционная теория и технологический прогресс // Вопросы экономики. 2001. № 11. С. 4–16.
6. Малинецкий Г.Г. Доклад на семинаре Института динамического консерватизма «Реальные инновации и их имитации в России» 10 июня 2009 г. Режим доступа: URL:<http://dynacon.ru/content/articles/339/>.
7. Питере Т., Уотермен Р.В. Поиск эффективного управления. – М.: Прогресс, 1990. 334с.
8. Третьяк В.П. Прямые хозяйственные связи в социалистической экономике Л.: Изд-во ГУ, 1986 242с.
9. Тоффлер Э. Третья волна. *Toffler Alvin. The Third Wave* 1980.
10. Хессина Н.В. «В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства».
11. *Tretyak V, Anichkina O., Abazieva K. Instruments for the implementation of import substitution strategy in the agro-industrial complex //The 4th International Conference on Management and Technology in Knowledge, Service, Tourism & Hospitality* 2016.
12. *Filatov V., Yazev G., Sagina O. Revitalization of urban areas on the basis of industrial parks. MATEC WEB OF CONFERENCES. Сер. «International Science Conference SPbWOSCE–2017 “Business Technologies for Sustainable Urban Development”». 2018.*

Фуртатова А.С.,

*аспирант Высшей школы управления и бизнеса
Института промышленного менеджмента, экономики
и торговли Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого*

Каменик Л.Л.,

*доктор экономических наук,
профессор Высшей школы управления и бизнеса
Института промышленного менеджмента, экономики
и торговли Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого*

**Проблемы и пути трансформации
инновационно-ресурсного потенциала
на предприятиях
системы водно-промышленного комплекса**

Аннотация. В статье авторами выявлены современные проблемы трансформации инновационного и ресурсного потенциалов в единый инновационно-ресурсный потенциал и рассмотрены пути трансформации инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях системы водно-промышленного комплекса. Раскрыта актуальная на сегодняшний день проблема несоответствия действующей концепции раздельного рассмотрения потенциалов, требованиям обеспечения экономического и технологического перспективного развития отрасли водно-промышленного комплекса. Предложены механизмы реализации инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях системы водно-промышленного комплекса.

Ключевые слова: инновационно-ресурсный потенциал, водно-промышленный комплекс, водоснабжение, замкнутый ресурсный цикл, технологии

Furtatova A.S.,

*phD student of Graduate School of Business and Management,
Institute of Industrial Management, Economics and Trade,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*

Kamenik L.L.,

*Doctor of Economics,
Professor of Graduate School of Business and Management,
Institute of Industrial Management, Economics and Trade,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*

**Issues and Ways of Transforming
the Innovation-Resource Potential
at the Enterprises of the Water-Industrial System**

Abstract. In the article, the authors identified the current problems of transforming the innovation and resource potential into an integrated innovation-resource potential, and considered ways of transforming the innovation-resource potential at the enterprises of the water-industrial system. The modern problem of discrepancy of the current concept of separate consideration of these potentials, the requirements of providing the economic and technological development of the water-industrial system is revealed. The authors proposed mechanisms for the implementation of the innovation-resource potential at the enterprises of the water-industrial system.

Keywords: innovation-resource potential, water-industrial system, water supply, closed-resource cycle, technologies

Введение

Водно-промышленный комплекс играет важнейшую роль в жизнеобеспечении населения и представляет собой совокупность определенных групп систем, для которых характерен выпуск родственной продукции, или выполнение схожих работ или услуг, связанных с обеспечением потребителей водными ресурсами.

В настоящее время в условиях усиления требований развития инновационного потенциала и усиления рационального использования водных ресурсов необходима новая концепция организации

этих двух потенциалов как единого процесса, и определения его как новой экономической категории.

На базе новой концепции должна произойти трансформация инновационного и ресурсного потенциалов в единый инновационно-ресурсный потенциал.

Современный подход к организации и управлению на предприятиях водно-промышленного комплекса состоит в раздельном рассмотрении функционирования инновационно-ресурсного потенциала. Инновационность в данном случае заключается во внедрении наиболее эффективных инженерных решений, а ресурсность – в максимально полезном использовании ресурсов на всех стадиях производственного процесса в данной сфере. Таким образом, по мнению авторов, именно инновационно-ресурсный потенциал отрасли водно-промышленного комплекса должен формироваться для повышения эффективности функционирования предприятий данной сферы деятельности.

Среди приоритетов деятельности предприятий водно-промышленного комплекса стоит выделить следующие:

- обеспечение надежности и эффективности систем водоснабжения за счет рационального использования ресурсов, внедрения современных систем управления и совершенствования технологических процессов;

- рациональное использование водных ресурсов в технологическом процессе и дальнейшем потреблении;

- охрана окружающей среды;

- гарантированность качества оказываемых услуг (1, с. 163).

Все эти приоритетные аспекты деятельности предприятий водно-промышленного комплекса, которые должны обеспечивать экономическое и технологическое перспективное развития отрасли, на сегодняшний день невозможно реализовать в условиях раздельного рассмотрения инновационного и ресурсного потенциалов.

*Современные проблемы трансформации инновационного
и ресурсного потенциалов в единый потенциал*

В настоящее время в условиях усиления требований развития инновационного потенциала и усиления рационального использо-

вания водных ресурсов необходима новая концепция организации этих двух потенциалов как единого процесса, и определения его как новой экономической категории.

На сегодняшний день, проблема состоит в несоответствии действующей концепции, основанной на раздельном рассмотрении потенциалов, требованиям обеспечения экономического и технологического перспективного развития отрасли водно-промышленного комплекса.

При рассмотрении основных проблем отрасли водно-промышленного комплекса их можно разделить на две группы: проблемы, обусловленные ресурсной составляющей – ограниченностью ресурсов воды и проблемы технологического характера.

К первой группе проблем относятся проблемы, связанные с повсеместным загрязнением поверхностных источников водоснабжения, что тем самым ограничивает их качественный запас. Источниками питьевого водоснабжения зачастую являются поверхностные воды, на которые оказывают негативное влияние как внешние промышленные загрязнения, так и сезонные изменения качества воды. Во многих городах отсутствуют альтернативные источники водоснабжения или их состояние не пригодно для использования в целях водообеспечения. В сложившейся ситуации для перспективного развития отрасли водно-промышленного комплекса необходимо учитывать важный ресурсный фактор – водообеспеченность территории, то есть количественный и качественный запас водных ресурсов, которым располагает территория.

Вторая группа проблем носит технологический характер и включает в себя применение неэффективных технологий водоподготовки и повышенный уровень физического износа очистных сооружений и водопроводных сетей (5, с. 870).

В настоящее время ужесточаются существующие нормативы и рассматриваются новые санитарно-эпидемиологические правила к качеству воды централизованных систем питьевого водоснабжения. Для того, чтобы иметь возможность предоставления потребителям качественной питьевой воды необходимо быть уверенным в эффективности применяемых технологий водоочистки. Природное состояние источников водоснабжения относительно стабильно, однако при ухудшении их качества станциям водоподготовки приходится работать в форсированном режиме, что может создать аварийные ситуации

из-за повышенного износа оборудования. Далее необходимо обеспечить качество воды у конечного потребителя, для чего требуется реализовывать своевременную замену или перекладку водопроводных сетей. Вышеуказанные проблемы должны решаться комплексно путем своевременного обследования и обслуживания оборудования и водопроводных сетей (ремонт, реконструкция, модернизация).

Следует отметить, что комплексное и системное решение проблем, с которыми сталкивается отрасль водно-промышленного комплекса, по мнению авторов, необходимо начинать с оценки инновационно-ресурсного потенциала предприятий данной отрасли. Таким образом, при выборе направления технологического развития отрасли, требуется учитывать ресурсный аспект совместно с передовыми инновационными решениями, которые возможны к применению на предприятиях водно-промышленного комплекса.

Одним из предложений по внедрению перспективных технологий в сфере водно-промышленного комплекса станет проведение комплексной модернизации систем водоснабжения с применением ресурсосберегающей технологии замкнутого ресурсного цикла. Основная идея данной технологии – максимально полезное использование водных ресурсов в производственном процессе (3, с. 150). Внедрение передовых ресурсосберегающих технологий на предприятиях водно-промышленного комплекса сегодня обусловлено ограниченностью водных ресурсов и процессом их деградации в ходе нерациональной эксплуатации, что является глобальной тенденцией современного водопользования (4, с. 1207).

Пути и механизмы трансформации инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях системы водно-промышленного комплекса

Авторами предложены следующие пути трансформации инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях системы водно-промышленного комплекса:

1. Выявление проблем трансформации инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях системы водно-промышленного комплекса.

2. Определение взаимосвязи инновационного и ресурсного потенциалов и разработка модели инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях системы водно-промышленного комплекса.

3. Оценка эффективности использования инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях системы водно-промышленного комплекса.

4. Программный подход к организации и управлению реализации инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях системы водно-промышленного комплекса.

5. Оценка влияния применения модели инновационно-ресурсного потенциала на рост прибыли предприятий/ВВП отрасли.

6. Определение форм организации реализации инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях системы водно-промышленного комплекса.

Приведенные авторами пути трансформации инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях водно-промышленного комплекса показывают важность и приоритетность рассмотрения инновационного и ресурсного потенциала как единого целого. Проблема трансформации данных потенциалов заключается в рассмотрении инновационных технологических решений в отрыве от ресурсной компоненты, то есть, не учитывая водообеспеченность территории. Взаимосвязь инновационного и ресурсного потенциала по мнению авторов должна быть выражена в разработке модели инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях системы водно-промышленного комплекса. Для функционирования данная модель должна быть обеспечена большим массивом данных об имеющихся и перспективных технологиях, но в привязке к обеспеченности отрасли водными ресурсами. В этом будет выражаться программный подход к организации и управлению реализации инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях системы водно-промышленного комплекса.

Оценка эффективности использования инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях системы водно-промышленного комплекса будет выражена в достижении комплексного положительного эколого-экономического и социального эффектов работы системы. Одной из форм организации реализации инновационно-ресурсного потенциала является реализация мероприятий по внедре-

нию ресурсосберегающих технологий замкнутого ресурсного цикла на предприятиях водно-промышленного комплекса. В ходе проведения мероприятий будет достигнут экологический эффект в виде снижения негативного воздействия на окружающую среду, а также экономический эффект – прекращение платы за сбросы загрязненных вод в водные объекты (5, с.869). Перспективным здесь также будет достижение социального эффекта внедрения технологии замкнутого ресурсного цикла – рост удовлетворенности потребителей качеством предоставляемых услуг (бесперебойность, гарантированный напор, соответствие качества питьевой воды нормативным требованиям).

Для обеспечения бесперебойного доступа к услугам водоснабжения необходим своевременный ремонт оборудования, техническое переоснащение производства, проведение реконструкций и модернизаций водоочистных сооружений. Необходимо внедрение перспективных технологий рационализации использования водных ресурсов и систем управления на предприятиях водно-промышленного комплекса.

Данная отрасль требует крупной финансовой поддержки для повышения эффективности ее функционирования. Одним из механизмов реализации инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях системы водно-промышленного комплекса является привлечение частного бизнеса для внедрения проектов развития отрасли. Данная деятельность должна финансироваться за счет государственных средств, средств ресурсоснабжающих организаций и частного бизнеса (посредством реализации механизмов частно-государственного предпринимательства) (6, с.20).

Каждый год растет уровень неудовлетворенности качеством питьевой воды населения Российской Федерации из-за высокого уровня загрязнения источников питьевого водоснабжения и применения неэффективных технологий очистки воды (2, с.320). Для решения существующих проблем в области водопользования России в 2009 году была разработана государственная политика – «Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года», направленная на обеспечение устойчивого водопользования. Базовым принципом Стратегии является комплексная модернизация водохозяйственного комплекса страны для рационализации использования водных ре-

сурсов (внедрение инновационных ресурсосберегающих технологий) и совершенствование организации управления водоснабжением (формирование единой информационно-аналитической системы управления водоснабжением) (7). Таким образом, обеспечение потребностей населения и отраслей экономики Российской Федерации водными ресурсами будет осуществляться на основе комплексного (интегрированного) подхода к управлению использованием водных объектов.

Заключение

Водно-промышленный комплекс – это важнейшая составляющая инфраструктуры любого города, является фактором его жизнеобеспечения и развития.

Значимость развития системы водно-промышленного комплекса четко определена потребностями общества к качеству предоставляемых услуг, то есть к получению доступа населения и промышленности к воде гарантированного качества.

В ходе проведенного авторами статьи исследования была выявлена необходимость внедрения ресурсосберегающих инновационных технологий в системах водно-промышленного комплекса для повышения эффективности его функционирования.

Однако в условиях отсутствия комплексной единой оценки инновационно-ресурсного потенциала на предприятиях системы водно-промышленного комплекса, повысить эффективность деятельности предприятий данной сферы невозможно. Предложенный авторами подход позволит обеспечить трансформацию инновационного и ресурсного потенциалов в единый потенциал, что позволит обеспечить повышение эффективности использования водных ресурсов в водно-промышленном комплексе.

Проведение мероприятий по развитию отрасли водно-промышленного комплекса в рамках инновационно-ресурсного подхода будет способствовать оптимальному распределению водных ресурсов, сокращению загрязнения окружающей среды, росту качества предоставляемых услуг, тем самым росту удовлетворенности потребителей качеством питьевой воды.

Литература

1. *Белых Н.Ю., Мешалкин В.П.* Региональный промышленный комплекс как объект стратегического управления // Российское предпринимательство. – 2009. – Том 10. – № 7. – С. 160–165.
2. *Гришина Я.С.* Современное освоение инноваций в сфере водоснабжения в городах-миллионерах Российской Федерации // Молодой ученый. – 2017. – №3. – С. 319–323.
3. *Каменик Л.Л.* Рециклинг ресурсов – новый вектор экономической политики России // Форсайт «Россия»: дизайн новой промышленной политики: сб. материалов – Москва, 2015. – С. 147–157.
4. *Ларин С.Н., Стебеняева Т.В., Юрятина Н.Н.* Преимущества использования инноваций в сфере жилищно-коммунального хозяйства. // Экономика и предпринимательство. – 2018. – № 1 (90). – С. 1206–1210.
5. *Фуртатова А.С., Каменик Л.Л.* Современные проблемы модернизации системы водоснабжения в условиях инновационного развития (на примере города Санкт-Петербурга). // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 4 ч.2 (81–2). – С. 868–873.
6. Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016–2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов» / Ассоциация «Центр развития ГЧП». – М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2016. – 32 с.
7. Распоряжение Правительства РФ от 27.08.2009 № 1235-р (ред. От 17.04.2012). «Об утверждении Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года».

Харламов А.В.,

*доктор экономических наук,
профессор кафедры общей экономической теории
и истории экономической мысли Санкт-Петербургского
государственного экономического университета*

**Государственная политика повышения
конкурентоспособности национальной
экономики и развитие хозяйственной системы**

Аннотация. В статье обоснована необходимость системной работы в рамках государственной стратегической политики повышения уровня конкурентоспособности национальной экономики. На базе анализа процессов, протекающих в глобальной экономике, приведена аргументация, подтверждающая наличие причинно-следственных связей между конкурентоспособностью и инновационным типом развития, формирующимся в условиях цифровизации экономики и повышения качества человеческого капитала. Это становится основой для проведения модернизации институтов, а, следовательно, и реформирования хозяйственной системы в целом. В свою очередь, развитие хозяйственной системы, адекватной условиям глобализации, предполагает поиск путей повышения конкурентоспособности в целях удовлетворения национальных интересов.

Ключевые слова: хозяйственная система, глобализация, конкурентоспособность национальной экономики, экономические преимущества, развитие, экономические институты, модернизация, экономические интересы, государственная политика

Kharlamov A.V.,

*Doctor of Economic Sciences, Professor, Chair of general
economic theory and the history of economic thought Saint-
Petersburg State University of Economics*

The State Policy of Increasing the Competitiveness of the National Economy and Development of the Economic System

Abstract. The article substantiates the need for systematic work in the framework of the state strategic policy to improve the competitiveness of the national economy. On the basis of the analysis of processes occurring in the global economy, the arguments confirming the existence of cause-and-effect relationships between competitiveness and innovative type of development are presented. These relationships are emerging in the context of digitalization of the economy and improving the quality of human capital. This forms the basis for the modernization of institutions, and, consequently, the reforming of the economic system as a whole. In turn, the development of the economic system adequate to the conditions of globalization implies the search for ways to improve the level of competitiveness in order to meet national interests.

Keywords: economic system, globalization, competitiveness of national economy, economic advantages, development, economic institutions, modernization, economic interests, state policy

Одной из важнейших задач экономической теории периода глобализации является поиск эффективной модели хозяйственной системы, обеспечивающей конкурентные преимущества страны, которая ее реализует. Теория и практика хозяйственного развития последних лет свидетельствует о возрастающей значимости поиска конкурентных преимуществ, позволяющих решать целый комплекс экономических и неэкономических задач, направленных на усиление позиций государства в мировой экономике и политике. В силу этого не только не утрачивает, но и приобретает особую актуальность, проблема обеспечения конкурентоспособности национальной экономики, привлекающая все большее внимание ученых, политиков и общественных деятелей.

Второе десятилетие XXI века можно охарактеризовать как период значительных, дополняющих друг друга, изменений, как в экономической теории, так и в хозяйственной практике, в результате которых постепенно формируется новое представление о хозяйственной системе (2, с. 31). Оно базируется на ключевых характеристиках

стран – мировых лидеров, экономика которых функционирует как устойчивая, самовоспроизводящаяся система, способная генерировать инновации и обеспечивать их активное внедрение в производственно-хозяйственную и управленческую деятельность.

Само понимание инноваций также претерпевает изменения. Не ограничиваясь процессами производства материальных благ и услуг, инновации сегодня затрагивают, в первую очередь, мышление человека, его ментальность. Результатом этого становится выбор индивидом определенной модели поведения, а также видов и форм деятельности, которые обеспечивают наиболее полное удовлетворение всех его потребностей и интересов. В постиндустриальную эпоху это, помимо прочего, способствует ослаблению противоречия между ограниченностью ресурсов и безграничностью потребностей. Такой подход к сущности инноваций позволяет в ином ракурсе взглянуть на ключевые основы экономического развития и функционирования хозяйственной системы. Ее новая, формирующаяся модель должна, прежде всего, обеспечивать возможности реализации инновационного потенциала личности в условиях перманентного процесса социально-экономического развития. Люди при этом выступают и как работники инновационно ориентированных предприятий, и как потребители высокотехнологичных товаров и услуг, что, в конечном счете, отражается на качестве человеческого капитала и стимулирует новый виток инновационных изменений. По сути, речь идет о практическом действии закона «перехода количества в качество», позволяющего той или иной стране обеспечить необходимые условия для экономического роста на основе инноваций и связанные с ними конкурентные преимущества на глобальном рынке.

Особое внимание сегодня следует обратить на усиливающую тенденцию регионализации глобальной экономики, результатом которой становится рост влияния стран, выступающих региональными центрами. Такие страны наращивают собственную мощь за счет различных экономических и неэкономических факторов, особое место среди которых принадлежит вопросам энергетического обеспечения производства. Однако, при всей важности энергетических ресурсов, очевидно, что зависимость от них в глобальном масштабе в дальнейшем будет постепенно снижаться, прежде всего – вследствие развития новых, менее затратных, методов добычи нефти и

газа. В этой связи ключевые факторы конкурентоспособности сегодня связаны с разработкой технологий, ноу-хау и получением контроля над рынками высокотехнологичной продукции. На первый план выходит скорость коммерциализации разработок, что предполагает институциональную поддержку инноваций, совершенствование инновационного климата и стимулирование производства товаров и услуг с новыми потребительскими свойствами, соответствующими требованиям цифровой трансформации.

Анализируя возможности действующих и успешно развивающихся региональных центров глобальной экономики, не следует упускать из виду потенциальные возможности новых объединений, в частности, Евразийского экономического союза – ЕАЭС. Особенностью этого интеграционного объединения, помимо огромной территории, является наличие неудовлетворенного потенциального спроса на инновационные разработки, при имеющихся широких возможностях генерирования инноваций и их последующего коммерческого использования.

На фоне происходящих изменений, включающих появление новых технологических лидеров регионального и глобального масштаба, следует рассматривать повышение национальной конкурентоспособности в качестве некоего приоритетного проекта, который впоследствии может стать основой совершенствования всей хозяйственной системы. Реализация такого проекта предполагает множество различных шагов, последовательность и характер которых во многом зависят от уровня развития экономики той или иной страны и ее позиций в различных рейтингах.

В этой связи не только научный, но и практический интерес представляет собой ежегодная рейтинговая оценка стран, публикуемая Всемирным экономическим форумом. Опираясь на ее данные, можно говорить о том, что в последние годы состав мировых лидеров практически не меняется. Что же касается российской экономики, то сегодня она оценивается как далеко не самая худшая из 137, фигурирующих в рейтинге 2017–2018 гг. (таблица 1).

Исходя из возможностей и специфики российской хозяйственной системы, стратегический план экономического развития и повышения конкурентоспособности должен учитывать инновационный потенциал регионов, крупных городов и страны в целом. При его разработке и реализации следует учитывать особую роль госкорпо-

раций и естественных монополий, которые далеко не всегда проявляют заинтересованность в мероприятиях, ориентированных на поддержку конкуренции, опасаясь ухудшения собственного положения (7, с. 15). Их интересы могут вступать в противоречие с интересами других хозяйствующих субъектов, и даже быть диаметрально противоположными им, что существенно затрудняет решение имеющихся проблем. В этой связи видится необходимость в наделении Федеральной антимонопольной службы особыми функциями, обеспечивающими качественное изменение институциональных основ конкуренции. Это, в свою очередь, предполагает наличие соответствующего комплексного плана развития конкурентной среды (6, с. 14). Его разработка связана с многочисленными трудностями, не только из-за масштабности задач, но и из-за противоречивости интересов различных хозяйствующих субъектов. Кроме того, фактором, осложняющим планирование позитивных изменений в конкурентном поле России, особенно – в инновационно ориентированных отраслях, являются внешние шоки в условиях санкций, провоцирующие структурный кризис в отечественной экономике.

Таблица 1. Рейтинг глобальной конкурентоспособности 2017–2018 гг. (4)

Рейтинг	Экономика	Индекс
1	Швейцария	5.9
2	США	5.9
3	Сингапур	5.7
4	Нидерланды	5.7
5	Германия	5.7
6	Гонконг	5.5
7	Швеция	5.5
8	Великобритания	5.5
9	Япония	5.5
10	Финляндия	5.5
	...	
36	Индонезия	4.7
37	Мальта	4.6
38	Россия	4.6
39	Польша	4.6
40	Индия	4.6

В последнем аналитическом докладе Министерства экономического развития с большой степенью вероятности прогнозируется возобновление спада в российской экономике в ближайшие годы. При этом указывается, что спад, возможно, будет локальным и затронет такие отрасли, как металлургия, а также производство промышленного оборудования и механизмов (3). В то же время, нет гарантии, что это не повлечет за собой негативные последствия и для других отраслей, особенно – если продолжится движение вниз мировых цен на нефть и природный газ.

Зависимость российской экономики от мировых цен на энергоносители сохраняется уже не одно десятилетие, и в настоящее время нет оснований для ее возможного ослабления. Такие, достаточно пессимистичные, оценки ситуации требуют переосмысления самих основ российской модели хозяйственной системы и возможных направлений ее трансформации (5, с. 8). Рассматривая в данном контексте кризис как базовую ступень для будущего развития, важно не упустить возможности, которые он может нести, «очищая» экономику от негативных и устаревших конструкций. Это позволит перейти к построению институциональных основ устойчивой, конкурентоспособной экономики. В этой связи должны быть решены ряд задач.

Первая из них связана с институциональной поддержкой процессов персонификации производства и сервиса. Под воздействием НТП, особенно – в условиях цифровизации, появляются новые технологии производства и управления, позволяющие наращивать производительность труда, наделять производимые блага улучшенными потребительскими свойствами, а также адаптировать рынки к изменяющимся индивидуальным и корпоративным потребностям. Это обеспечивает наиболее полное удовлетворение индивидуальных запросов конкретной группы, или даже отдельного потребителя. В результате созданное благо дифференцируется и приобретает специфические свойства, в которых заинтересованы его потенциальные потребители. Указанные процессы нередко требуют локализации на одной территории разработчика блага и его производителя, что, в определенной степени, вступает в противоречие с глобальной тенденцией «выноса» производства в третьи страны (как правило, развивающиеся, где издержки производства ниже, чем в развитых государствах). Таким образом, появляется возможность, не прерывая

процесс производства высокотехнологичного товара, дополнять его новыми потребительскими свойствами и осуществлять необходимую индивидуализацию потребления.

Вторая задача направлена на институциональное обеспечение процессов совершенствования конкурентной среды. По мере того, как товары становятся все более технологически сложными и возрастают требования к соответствующей подготовке рабочей силы, усиливается конкуренция между странами за возможность размещения инновационного производства. Это затрагивает интересы различных групп развитых и развивающихся стран. Кроме того, внутри стран наблюдается конкуренция между отдельными регионами, поскольку наличие передовых производств повышает их привлекательность для инвесторов и стимулирует предпринимательскую инициативу, направленную на дальнейшее развитие тех или иных территорий. Формирующийся в результате этого синергетический эффект проявляется также в совершенствовании рыночной, производственной, инновационной и других видов инфраструктуры.

Для решения третьей задачи требуются институциональные меры, направленные на рост численности подготовленных, высокоинтеллектуальных потребителей, которые предъявляют основной спрос на инновационные товары и услуги. Если еще совсем недавно приоритеты социально-экономического развития были связаны, преимущественно, с увеличением доли среднего класса, то в настоящее время не менее важной задачей становится изменение структуры рыночных сегментов в пользу образованных, инновационно ориентированных потребителей. Это сглаживает существующие противоречия и дополняет картину меняющегося инновационного, цифрового пространства. Дело в том, что высокоинтеллектуальные потребители не всегда относятся к среднему классу. Значимая их часть сегодня представлена молодыми людьми, студентами университетов, еще не завершившими процесс обучения и, следовательно, не располагающими пока большими доходами. В то же время, они являются наиболее перспективными, «продвинутыми» потребителями высокотехнологичных товаров и услуг, следящими за цифровыми новинками и активными в социальных медиа. Не секрет, что современные гаджеты, цены на которые постепенно снижаются, зачастую уже не относятся к товарам люксового сегмента и не требуют наличия значительного

располагаемого дохода у потенциальных покупателей. Необходимо подчеркнуть, что увеличение доли высокоинтеллектуальных потребителей является фактором, обуславливающим изменения в социальной сфере и трансформирующим всю хозяйственную систему, уровень инновационной восприимчивости которой повышается (особенно – в области цифровых технологий). При этом возникает своего рода эффект «домино», когда импульсы развития распространяются на смежные сферы и отрасли экономики, делая ее более конкурентоспособной и привлекательной для бизнеса. Исходя из этого, задача, связанная с совершенствованием человеческого капитала, наполняется новым содержанием, отражающим необходимость повышения качества и доступности образования, особенно – в области новых технологий и высокоинтеллектуальных видов деятельности.

Как уже отмечалось, страны, обладающие высоким уровнем конкурентоспособности, сегодня становятся бесспорными технологическими лидерами, концентрирующими на своей территории наукоемкие производства нового типа с соответствующим этому высоким уровнем человеческого капитала. Это позволяет им опережать остальных по таким показателям, как ВВП на душу населения, уровень экономической безопасности, удовлетворенность качеством жизни и др. При этом трансформируется сама роль государства, как важнейшего института, обеспечивающего повышение уровня конкурентоспособности национальной экономики. Следует подчеркнуть, что, при всей важности экономической составляющей конкурентоспособности, в условиях глобализации она не является единственной, поскольку возрастает значимость таких факторов, как свобода места жительства, свобода перемещения, свобода творчества, свобода самовыражения и т.д. Это означает, что на иных принципах должна строиться социально ориентированная государственная политика стимулирования производства, увеличения занятости, снижения количества безработных. С учетом важности этих задач, приоритеты государства сегодня должны быть связаны с проведением структурной модернизации, результатом которой станет новая отраслевая структура национальной экономики, с преобладающей долей наукоемкого производства и потребления.

Набирающий силу, прежде всего – в экономически развитых странах, переход к «индустрии 4.0», требует расширения цифровизации,

применения искусственного интеллекта, работы с большими данными, что предполагает появление новых профессий в указанных областях. С этим связано создание высокотехнологичных рабочих мест и увеличение производительности труда, т.е. все то, что повышает уровень привлекательности и конкурентоспособности страны (1, с. 45).

В контексте происходящих изменений при разработке государственной социальной политики России следует переходить от финансирования социальных программ к финансированию развития человеческого капитала. Даже при сохраняющейся проблеме старения населения, частично она будет сглаживаться высоким уровнем человеческого капитала, что, кстати, позволит продлить продолжительность активной трудовой деятельности россиян и отсрочить их выход на пенсию. Следует заметить, что, при всей противоречивости начавшейся пенсионной реформы в нашей стране, ее генеральная направленность, в принципе, является верной и отражает формирующиеся сегодня глобальные тенденции.

Итак, практическая реализация указанных задач должна привести к позитивным структурным сдвигам в экономике, а также к модернизации и построению институтов, обеспечивающих стратегическое и тактическое управление, адекватное реалиям глобализации. Здесь существует ряд управленческих аспектов.

Прежде всего, следует обратить внимание на сохраняющуюся слабость российского рубля по отношению ко многим мировым валютам, что работает против нашей экономики, поддерживая отрасли и производства с низкой производительностью труда и недостаточной инновационной активностью. Вследствие этого мы попадаем в некую «ловушку», препятствующую встраиванию в международные производственные цепочки. В условиях низкого курса национальной валюты бизнес идет по пути наращивания объемов производства за счет использования дешевой рабочей силы и устаревших технологий. При этом остаются текущие вопросы по наполнению доходной части бюджета, преимущественно решаемые за счет экспорта энергоносителей. Это – политика прошлых лет, от которой следует отказываться, хотя это удастся далеко не сразу, а с определенным временным лагом. Однако, стремясь к повышению конкурентоспособности российской экономики, нельзя жертвовать будущим за счет решения сегодняшних, сиюминутных задач.

Здесь есть и еще одно замечание: такой путь ограничен демографически, т.к. при сохранении устаревших производств на них возникает кадровый дефицит. В ситуации старения опытных, квалифицированных работников молодое поколение не ориентировано на получение устаревших профессий. Частично сгладить имеющееся противоречие в краткосрочном периоде может реализуемая в нашей стране пенсионная реформа, однако, в долгосрочной перспективе данная проблема будет лишь усугубляться.

Кроме того, наше технологическое отставание в будущем усилит снижение реальных доходов работников таких отраслей, как добыча и первичная переработка сырья, пищевая, текстильная, химическая промышленность, строительство. На большинстве не модернизированных предприятий этих отраслей сохраняется устаревшая технологическая база и низкая производительность труда, что не может не отражаться на потребительских свойствах выпускаемой ими продукции. В силу этого производимые ими блага ограничены национальным рынком, а если экспортируются – то только в развивающиеся страны, испытывающие аналогичные трудности в производстве и приобретении технологически сложных товаров.

Подводя итог рассмотрению институциональных основ повышения уровня конкурентоспособности российской экономики, следует оценивать существующие сегодня проблемы не как конъюнктурные, а как системные. Их решение должно быть положено в основу государственной политики стратегического развития, реализация которой потребует совершенствования хозяйственной системы за счет отказа от устаревших, модернизации действующих и создания новых институтов. Это обеспечит соответствие тенденциям и процессам, которые диктует глобализация, в процессе удовлетворения национальных интересов нашей страны.

Литература

1. Бодрунов С.Д., Демиденко Д.С., Плотников В.А. Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // Управленческое консультирование. 2018. № 2 (110). С. 43–54.

2. Попов А.И. Преодоление инерционной деиндустриализации как условие перехода к инновационной экономике // Проблемы современной экономики. 2014. № 3 (51). С. 30–33

3. Прогноз экспертов для экономики России на 2019 год. (Электронный ресурс) // <https://fin2019.com/predict/prognoz-dlya-ekonomiki-rossii-2019> (дата обращения 16.01.2019).

4. Рейтинг глобальной конкурентоспособности 2017–2018 гг. (Электронный ресурс) // <https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info> (дата обращения 16.01.2019)

5. Харламов А.В. Развитие России в условиях глобальной экономической нестабильности // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18. Выпуск 1. С. 4–11.

6. Харламов А.В., Адаменко К.В. Новая конкурентоспособность хозяйствующих субъектов и проблема обеспечения экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 2 (98). С. 13–16.

7. Харламов А.В., Харламова Т.Л. Экономическая политика совершенствования предпринимательской среды // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 3(20). С. 11–19.

Шабалина Л.В.,

*кандидат экономических наук, доцент,
заведующая отделом планирования социально-
экономического развития территориальных систем
Института экономических исследований*

Черноиваненко А.В.,

*студент кафедры международной экономики
инженерно-экономического факультета,
Донецкий национальный технический университет*

**Оценка перспектив развития
цифровой экономики Российской Федерации**

Аннотация. В статье рассмотрены особенности развития цифровой экономики Российской Федерации на основе анализа электронной торговли, уровня использования информационно-коммуникационных технологий, а также динамики организаций, которые используют Интернет и имеют веб-сайт. Разработаны рекомендации по повышению безопасности электронных серверов и формированию доверия общества к цифровой экономике.

Ключевые слова: цифровая экономика, электронная торговля, веб-сайт, Интернет, соглашение об уровне сервиса

Shabalina L.V.,

*Candidate of Economics, Associate Professor,
Head of the Department for Planning the Socio-Economic
Development of Territorial Systems,
State institution «Institute of Economic Research»*

Chernoivanenko A.V.,

*student, Department of International Economics,
Faculty of Engineering and Economics,
Donetsk National Technical University*

Development of the Potential of the Digital Economy in Russian Federation in the Global Context

Abstract. The article describes the features of the development of the digital economy of the Russian Federation based on the analysis of electronic commerce, the level of information use and communication technologies, as well as the dynamics of organizations that use the Internet and have a website. Recommendations to improve the security of electronic servers and the formation of public confidence in the digital economy are developed

Keywords: digital economy, e-commerce, website, Internet, service level agreement

Современный этап развития цифровой экономики Российской Федерации (РФ) характеризуется 3% вкладом в ВВП страны, тогда как для развитых стран данный показатель в среднем составляет 6–7% (10). В то же время, сектор информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является одним из наиболее динамично развивающихся сегментов российской экономики. Так, за период 2010–2017 гг. он вырос на 17%, почти вдвое опережая рост ВВП. Однако в большинстве стран ОЭСР доля ИКТ в добавленной стоимости предпринимательского сектора выше в 1,6 раза, что оказывает существенное влияние не только на процессы производства, но и взаимоотношения с потребителями (5, с. 9). В связи этим обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономику и социальную сферу является одной из национальных целей развития РФ, что обуславливает необходимость изучения состояния цифровой экономики РФ с учетом мировых тенденций.

Развитие цифровых технологий в организациях и уровень проникновения Интернета оказывает значительное влияние на объемы рынка электронной торговли как показателя потенциала цифровой экономики. Так, в период с 2005 по 2017 гг. наблюдалось увеличение количества организаций, использовавших в работе Интернет, на 66,79%. Показатель использования организациями Экстранета увеличился в 6,15 раза, серверов – 5,44 раза, Интранета – 3,05 раза и широкополосного доступа – в 2,68 раза. Темпы прироста организаций, использовавших персональные компьютеры, локальные вы-

числительные сети, электронную почту, глобальные информационные сети (ГИС), Интернет и широкополосной доступ сокращаются из года в год, что указывает на достижение максимальной обеспеченности организаций ИКТ (табл. 2). Наибольшее распространение ИКТ и ГИС наблюдается в области высшего образования, информации, связи, телекоммуникаций, здравоохранения, государственного управления и обеспечения военной безопасности. Основным инструментом, посредством которого организации осуществляют свою деятельность в рамках ГИС – веб-сайты, количество которых в РФ увеличилось в 3,2 раза по сравнению с 2005 г. составив 47,4% (7). При этом, данный показатель в Финляндии составил 95,3%, что выше на 23,1% по сравнению с США. Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости принятия мер по наращиванию обеспеченности предприятий РФ собственными веб-сайтами.

Таблица 2. Динамика обеспеченности организаций информационными и коммуникационными технологиями как характеристика потенциала цифровой экономики РФ в 2005–2017 гг., %

Организации, использовавшие:	2005	2007	2009	2011	2013	2015	2017	Темп прироста (2017/2005)
персональные компьютеры	91,1	93,3	93,7	94,1	94	92,3	92,1	1,1
серверы	9,3	13	16	19,7	19,7	47,7	50,6	5,4
локальные вычислительные сети	52,4	56,4	60,5	71,3	73,4	63,5	61,1	16,6
электронную почту	56	69,1	78,5	83,1	86,5	84	88,3	57,7
глобальные информационные сети	54,3	68,7	79,3	85,6	88,7	89	89,7	65,2
из них сеть:								
Интернет	53,3	67,8	78,3	84,8	88,1	88,1	88,9	66,8
в том числе широкополосный доступ	–	31	47,3	63,4	79,4	79,5	83,2	168,4
Интранет	–	9,3	11,8	16,1	16,7	19,2	26,2	181,7
Экстранет	–	3,1	4,5	6,1	7,7	16,9	16,6	435,5

Примечание: составлено авторами по (7)

Рынок ИКТ играет важную роль в развитии потенциала цифровой экономики, поскольку глобальное производство товаров и услуг в области ИКТ составляет 6,5% от мирового ВВП, где занято более 100 млн человек (6). В 2017 г. объем производства ИКТ в РФ снизился по сравнению с 2016 г. на 8%, что связано с отрицательной динамикой производства ИКТ-оборудования, бытовой электроники и технических носителей информации. Кроме того, доля РФ в мировом экспорте ИКТ-товаров составила 0,1%, тогда как основными экспортерами данной продукции является Китай с долей рынка 32,3%, США – 9,7% и Сингапур – 7,6%. В то же время, темп прироста экспорта ИКТ-услуг РФ составил 359,87% в 2017 г. по сравнению с 2005 г., что выше мирового показателя на 6,8%. Несмотря на значительный прирост показателя все еще наблюдается отставание РФ по сравнению со странами-лидерами в данной сфере (рис. 1).

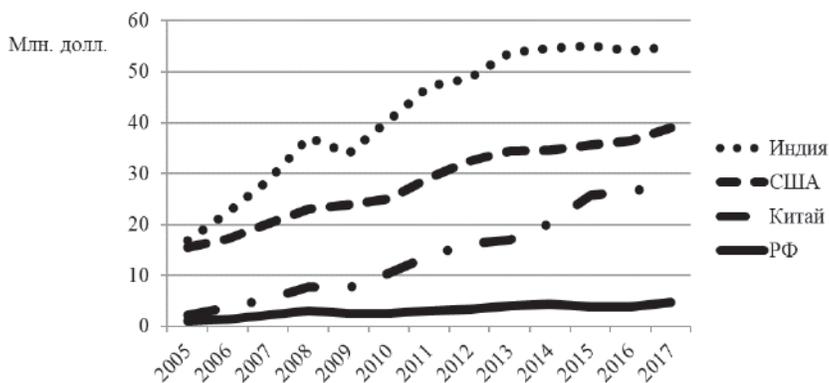

Рис. 1. Экспорт ИКТ-услуг в Индии, США, Китае и РФ в 2005–2017 гг.

Примечание: составлено авторами по (12)

Темп прироста импорта ИКТ-услуг в РФ составил 342,25% в 2017 г. по сравнению с 2005 г., что выше мирового показателя на 44,46%. Вклад РФ в мировой импорт ИКТ-услуг остается незначительным, составив 1,68%, что ниже на 11% по сравнению с США (рис. 2). При этом наблюдается замедление темпов прироста импорта в РФ, тогда как показатель экспорта растет, что не связано с ухудшением состояния структурных составляющих цифровой экономики, а скорее на-

оборот – их развитием, поскольку РФ переходит от импорта к высокоэффективной модели экспорта ИКТ-услуг.

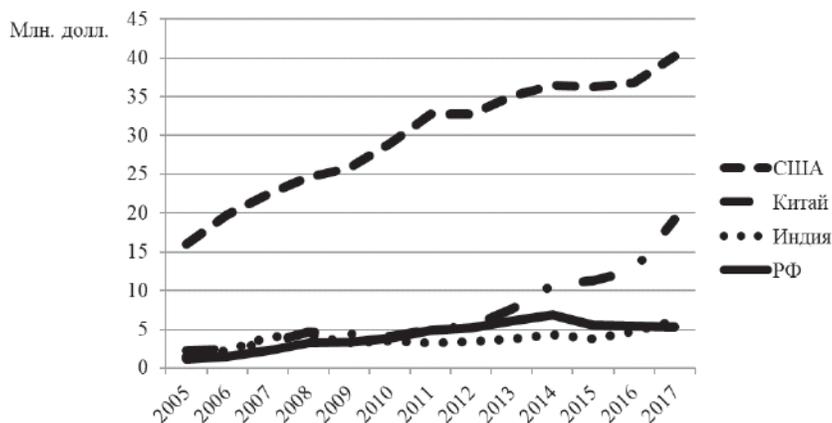

Рис. 2. Импорт ИКТ-услуг в Индии, США, Китае и РФ в 2005–2017 гг.

Примечание: составлено авторами по (13)

Важную роль в развитии потенциала цифровой экономики играют стоимость и скорость широкополосного доступа. РФ занимает 4 место в рейтинге стран с самой дешевой широкополосной связью со средней ценой пакета 9,77 долл., однако низкая скорость загрузки данных снижает потенциал цифровой экономики (16). Так, РФ занимает 43 место в рейтинге скорости широкополосного доступа с 11,59 Мб/сек, тогда как в Сингапуре – 55,13 Мб/сек, Швеции – 40,16 Мб/сек и Тайване – 34,4 Мб/сек (15). Несмотря на стремительное развитие устройств, разнообразие типов доступа к сети и возможностей ее использования, практически каждый шестой житель РФ в возрасте 15–74 лет никогда не пользовался Интернетом, что связано связано с низким охватом в возрастных группах от 65 лет и старше (4, с. 15). В то же время в группах 15–24 лет и 25–34 лет охват пользования Интернетом составил 98,2% и 97,2% соответственно, при чем ежедневное пользование достигло 91,4% и 84,4% соответственно (рис. 3).

Увеличение числа безопасных серверов – одна из приоритетных задач усовершенствования государственных политик в области цифровизации экономики. Количество защищенных Интернет-серверов

в мире возросло на 177,6% в 2017 г., что связано с формированием национальных стратегий цифровой безопасности (рис. 4). При этом 37,43% защищенных серверов приходится на США, тогда как в РФ – 1,94% (11). Доля столкнувшихся с угрозами информационной безопасности среди пользователей Интернета в РФ уменьшилась с 34,2% в 2015 г. до 28,8% в 2017 г. (4, с. 15). В то же время, каждый седьмой сайт в Рунете подвержен риску финансовых потерь из-за проблем безопасности. В результате заражения компьютерными вирусами 15% организаций прекратили свое существование, а 10% владельцев пришлось корректировать работу, поскольку 372 сайта имели динамические ссылки на зараженные сайты, более 50% сайтов не имели SSL-сертификата (8). Следовательно, в программах развития потенциала цифровой экономики необходимо уделить внимание уровню безопасности сайтов, сертификации товаров и услуг.

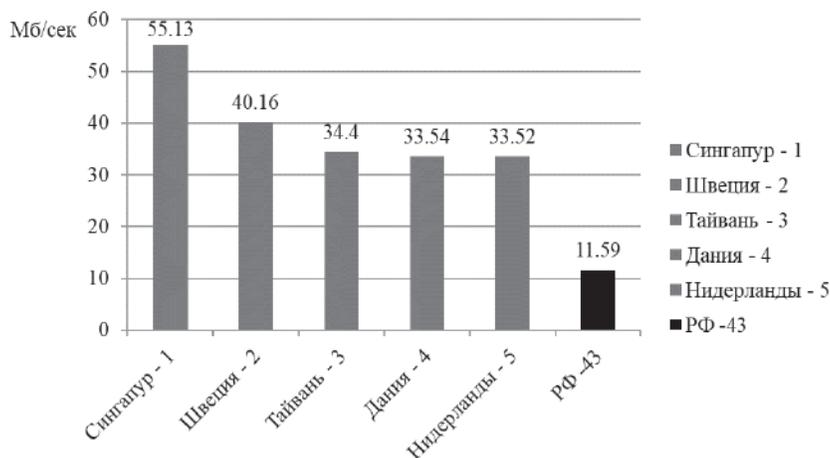

Рис. 3. Рейтинг стран по скорости широкополосного доступа в 2017 г.

Примечание: составлено авторами по (15)

Сектор электронной торговли является наиболее влиятельной «точкой роста» потенциала цифровой экономики РФ в связи с тем, что доля использования в ней ИКТ в 2017 г. составила 14,4%, при этом динамично развиваются сетевые предпринимательские структуры (14). Наиболее существенно, по мнению экспертов, на развитие циф-

ровой экономики повлияло сокращение бюджетов на ИКТ из-за кризиса и вводимых санкций в 2014–2015 гг. (2). В 2017 г. электронная торговля товарами и услугами составила 36% цифровой экономики РФ (3). При этом больше половины торговли приходится на Москву, Санкт-Петербург, Московскую и Ленинградскую области. Ожидается, что по итогам 2017 г. темпы роста сегмента приблизятся к докризисным 30%, на что повлияло увеличение числа способов платежей, повышение качества, расширение географии доставки и восстановление покупательной способности населения (1). Наиболее крупными Интернет-магазинами Рунета в 2017 г. были «Wildberries», «Citilink» и «Technoport», которые работают в сферах продажи одежды, обуви, аксессуаров, электроники и техники (9).

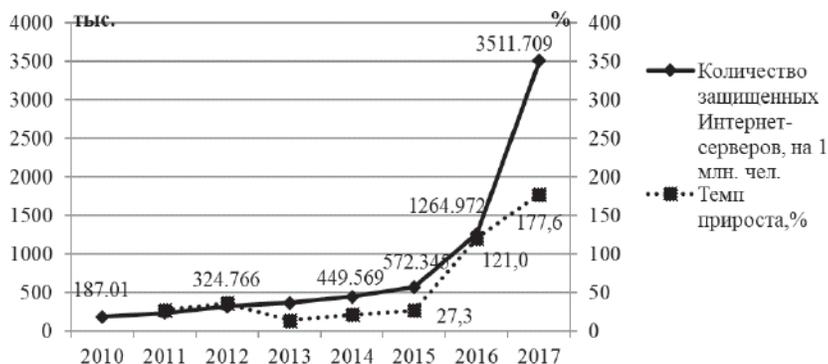

Рис. 4. Динамика защищенных Интернет-серверов мира в 2010–2017 гг.

Примечание: составлено авторами по (14)

Для развития потенциала цифровой экономики необходимо сконцентрироваться на решении следующих задач:

1. выработать единое концептуальное представление о вкладе потенциала цифровой экономики в развитие страны;
2. улучшить кооперационные связи между производителями продукции ИКТ и обеспечивающей инфраструктурой;
3. повысить уровень проникновения Интернета и Интернет-культуры посредством специальных курсов, а также повышения безопасности сети;

4. предоставить потребителям широкий ассортимент товаров вне зависимости от размера населенного пункта и расстояния до центра;

5. устранить правовую дискриминацию Интернет-магазинов относительно розничного ритейла на основе четкого определения границ и отличий разных форматов торговли, а также договорного регулирования процедур возврата товара;

6. усилить безопасность сделок за счет повышения прозрачности и технологичности их сопровождения;

7. повысить законотворческую и регулируемую активность;

8. повысить уровень доверия со стороны потребителей к услугам и товарам в сети.

Низкий уровень развития цифровой экономики является также следствием недостаточного уровня социальной ответственности при осуществлении коммерческих функций в ГИС. Необходимо стимулировать предпринимателей к повышению безопасности данных, при условии обращения к сторонним лицам необходимо обязательно подписывать соглашение об уровне сервиса (SLA). Для этого целесообразно ввести обязательную сертификацию SSL, что позитивно повлияет на доверие посетителей и сможет дополнительно мотивировать к регистрации или совершению покупок. Для повышения качества Интернет-услуг необходимо сформировать официальный рейтинг надежности Интернет-магазинов посредством оценок потребителей и экспертов, которыми могут выступать представители Рунета, Института Интернета РФ, специалисты других институциональных организаций, участвующие в процессе развития Интернет-торговли.

Анализ развития потенциала цифровой экономики РФ свидетельствует о замедлении темпов роста цифровой экономики и значительном отставании от развитых стран мира. Предложены рекомендации по повышению уровня развития цифровой экономики на основе повышения безопасности сайтов, введения обязательной сертификации в качестве защитной функции электронной торговли, что приведет к повышению доверия общества осуществлять деятельность в глобальном сетевом пространстве.

Литература

1. Интернет в России в 2017 году: состояние, тенденции и перспективы развития // Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. – Москва, 2016. – 115 с.

2. Кризисный барометр 2016. Исследование «Экономика Рунета» / Бизнес & информационные технологии, 2016. – №08 (61).

3. Рынок интернет-торговли в России // АКИТ, 2017. – 34.

4. Тенденции развития интернета в условиях формирования цифровой экономики: аналитический доклад / Г.И. Абдрахманова, Н.В. Бондаренко, К.О. Вишнеvский, Л.М. Гохберг и др.; Координационный центр национального домена сети Интернет, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 204 с.

5. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишнеvский, Л.М. Гохберг и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 82 с.

6. Шабалина Л.В. Перспективы развития мирового рынка информационно-коммуникационных технологий / Л.В. Шабалина, А.В. Черновиваненко / *Економічний вісник Донбасу*, 2018. – № 3(53). — С. 60–64.

7. Информационные и коммуникационные технологии [Электронный ресурс]: Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/it_technology/#.

8. Исследование безопасности коммерческих сайтов [Электронный ресурс]: SiteSecure. – Режим доступа: <https://sitesecure.ru/securityreport1q2015>.

9. Рейтинг ТОП–100 крупнейших интернет-магазинов России [Электронный ресурс]: Data Insight. – Режим доступа: <https://www.top100.datainsight.ru/top100-2017>

10. Россия: от цифровизации к цифровой экономике [Электронный ресурс]: Институт экономики роста им. Столыпина П.А. – Режим доступа: http://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/09/issledovanie_tsifrovaya-ekonomika-14-09-18-1.pdf.

раздел 4

Социально-трудовая
сфера России:
современные проблемы
и вызовы будущего

Блюм В.С.,

*кандидат технических наук,
доцент Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
СПИИРАН*

Заиченко В.И.,

*магистрант Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения*

**Технология распределенного реестра
для цифрового контура здравоохранения**

Аннотация. Предложен подход к формированию полной и достоверной базы интегрированных электронных медицинских карт на основе технологии распределённого реестра. Рассмотрены варианты реализации алгоритма консенсуса и реализации доступа, учитывающего интересы всех участников.

Ключевые слова: распределенный реестр, блокчейн, цифровое здравоохранение

Blum V.S.,

*Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
SPIIRAN*

Zaichenko V.I.,

*student of St. Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation*

**Distributed Registry Technology
for Healthcare Digital Contour**

Abstract. An approach to the formation of a complete and reliable database of integrated electronic medical records based on dis-

tributed registry technology has been proposed. The variants for the implementation of the consensus algorithm and the implementation of information access the interests of all participants are considered.

Keywords: distributed ledger, blockchain, digital health

Введение

В Федеральном законе №323 под врачебной тайной подразумеваются сведения: об обращении гражданина за медицинской помощью, о состоянии здоровья и поставленном диагнозе, а также врачебная информация, полученная в результате обследования или лечения (9). Вся указанная информация составляет существо данных, которые содержит электронная медицинская карта (ЭМК). Поэтому, не случайно, при внедрении информационных технологий в системы ЭМК первостепенной является проблема сохранения врачебной тайны.

Рассмотрим информационную технологию, реализующую систему ЭМК на сети региональных и федерального центров обработки данных, которая обеспечивает не только надёжное хранение достоверной первичной медицинской информации, но также её криптозащиту.

1. Первичная медицинская информация как система «больших данных»

Источниками информации о здоровье, точнее, о нездоровье нации, которая интегрируется государственной системой медицинской статистики, являются две категории объектов системы охраны здоровья – это множество действующих дипломированных врачей и множество лицензированных диагностических лабораторий. Назовём эти источники информации – сертифицированными источниками медицинской информации (СИМИ). Именно эти и только эти звенья системы охраны здоровья допущены государством к пациенту и вправе генерировать информацию о состоянии здоровья граждан своей страны, а также предлагать и фиксировать схемы их лечения.

Анализ информационной активности СИМИ показывает (1), что ежедневно сертифицированные источники создают не менее мил-

лиона персональных медицинских записей, которые на интервале в один год образуют «террикон» информации объёмом 3–4 терабайта.

Объективная общемировая тенденция к интегрированию первичной медицинской информации направлена на создание условий для оказания квалифицированной медицинской помощи пациенту, где бы он не находился, и минимизации вероятности врачебных ошибок, зависящих от полноты исходных данных. Эта тенденция воплощается в стремление к переходу от разрозненных, не полных, слабо связанных медицинских данных об истории болезней пациента к его интегрированной электронной медицинской карте (ИЭМК).

Поскольку объектом диспансерного наблюдения являются все граждане страны, то объем актуальных данных интегрированных электронных медицинских карт об историях болезней граждан России составит не менее 500 терабайт. То есть речь идет о «больших данных», требующих ежедневного внимания и управления.

2. Инфраструктура единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)

Согласно постановления Правительства РФ №555 от 05.05.2018 Единая государственная информационная система здравоохранения (ЕГИСЗ) включает состав компонентов и подсистем, в числе которых федеральная интегрированная электронная медицинская карта (ФИЭМК).

Как показано на рис. 1 (10), ЕГИСЗ состоит из федеральной (центральной) информационной системы, на которую замкнута 85 региональных информационных систем, а на них – более 70 тысяч медицинских информационных систем лечебно-профилактических учреждений.

В книге 3 системного проекта ЕГИСЗ («Решения по проектированию, построению и организации эксплуатации телекоммуникационных и вычислительных мощностей ЦОД ЕГИСЗ (основной, резервной и тестовой площадок)») в таблице 1 «Характеристики ресурсов, требуемых для работы 1-й очереди компонентов ЕГИСЗ» приведен суммарный ресурс памяти федерального центра обработки данных, который составляет 30 ТБ. Как следует из приведенных нами в п.1 оценок потока первичных медицинских данных, такой объем памяти совершенно недостаточен для хранения и использования в ЦОД полной базы ИЭМК.

Рис. 1. Иерархия медицинских информационных систем в ЕГИСЗ

В настоящей статье будем полагать, что не только федеральный ЦОД, но и все региональные центры обработки данных обладают ресурсом памяти, достаточным для хранения полной базы ИЭМК.

3. Аксиомы цифрового контура здравоохранения

С 1 января 2019 года началась реализация государственного проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)». Рассмотрим ряд аксиом, которым, на наш взгляд, должна удовлетворять подобная разработка для того, чтобы стать успешной.

Аксиома 1. Создание и внедрение медицинской информационной системы не должно нарушать или усложнять, а тем более, останавливать лечебно-диагностический процесс (ЛДП).

Аксиома 2. Любой контакт сертифицированного источника медицинской информации с пациентом в рамках лечебно-диагностического процесса фиксируется в форме цифровой персональной медицинской записи (ЦПМЗ) и сохраняется, как в локальной базе лечебно-профилактического учреждения (ЛПУ), так и в базе ИЭМК в ЕГИСЗ.

Аксиома 3. Существует лингвистическая модель языка ЦПМЗ, позволяющая выполнять автоматический анализ синтаксиса и семантики персональных медицинских записей.

Аксиома 4. Существует эффективная технология надёжного хранения и доступа к криптозащищенной базе ИЭМК.

Опираясь на приведенные утверждения, можно проводить анализ и оценку принимаемых решений по реализации цифрового контура здравоохранения.

В данной статье аксиомы используем для того, чтобы:

- Показать, что формирование ЦПМЗ и её трансляция в региональный ЦОД никаким образом не нарушают технологическую схему лечебно-диагностического процесса (аксиома 1);
- Обосновать необходимость введения особого правового статуса ЦПМЗ (аксиома 2);
- Подтвердить уверенность в достижении цели стандартизации ЦПМЗ на основе разрабатываемой лингвистической модели;
- Предложить конкретную схему реализации распределённой системы надёжного, защищённого хранения данных ИЭМК на существующей инфраструктуре сети центров обработки данных ЕГИСЗ.

4. Технология распределенного реестра – способ сохранения врачебной тайны

Особенностью технологии распределенных реестров (РР) является то, что она ориентирована на работу с записями минимально возможной длины. С этой особенностью связаны ряд неудач по внедрению технологий РР для областей применения, не связанных с криптовалютами и финансовой деятельностью вообще. Большой объем сохраняемых данных в блоках приводит к проблемам с производительностью при вычислении значений хеш-функций и масштабируемостью при недооценке скорости увеличения хранимых данных (6).

Соответственно при использовании технологии РР в области медицины целесообразно минимизировать объем данных, включаемых в транзакцию, а в дальнейшем, и в цепочку блоков, копии которых оказываются у всех участников РР. Так, «сырые данные» лабораторных исследований (компьютерная томография, магнитно-резонансная

томография, сканированные в высоком разрешении РГ снимки и т.п.) могут размещаться в надежных облачных хранилищах (целесообразно создание специализированных сертифицированных облачных сервисов, направленных на хранение именно медицинских данных и сертифицированных по федеральному закону 152-ФЗ «О персональных данных» (8)), и представляющих интерес только для самого пациента. Эти данные доступны по URI – universal resource identifier из любой географической точки, где имеется доступ к Интернет, а URI включается в запись ЦПМЗ.

Любая ЦПМЗ является объектом, содержащим врачебную тайну, поскольку связывает актуальную медицинскую информацию с конкретным пациентом. Синтаксическая категория ЦПМЗ формально может быть представлена как:

$$\langle \text{ЦПМЗ} \rangle :: = \langle \text{время сеанса} \rangle \langle \text{идентификатор СИМИ} \rangle \\ \langle \text{идентификатор ПАЦИЕНТА} \rangle \langle \text{документ СИМИ} \rangle \quad (1)$$

Формула (1) указывает на обязательность временной привязки ЦПМЗ и наличие документа, который производит сертифицированный источник медицинской информации, как результат конкретной встречи с пациентом. Документ может содержать всего одно заветное слово – «здоров», которое также – объект сохранения врачебной тайны.

Разделим проблему сохранения врачебной тайны на два уровня: уровень ЛПУ и уровень ЕГИСЗ.

Приобретая и внедряя медицинскую информационную систему в лечебно-диагностический процесс ЛПУ, руководство учреждения с необходимостью решает задачу информационной безопасности и сохранения врачебной тайны. С этой целью применяются организационные и технические (аппаратные и программные) методы.

Второй этап обеспечения информационной безопасности и сохранения врачебной тайны начинается с момента передачи ЦПМЗ из ЛПУ в региональный ЦОД с целью формирования и мониторинга интегральной электронной медицинской карты, а также для анализа общей интегрированной медицинской информации. Покажем, как на этом этапе может быть решена проблема защиты первичной медицинской информации путем внедрения технологии распределенного реестра и криптозащиты сохраняемых блоков.

1.1. Сеть ЦОД ЕГИСЗ – технологическая основа распределенного хранения базы ИЭМК

Архитектура ЕГИСЗ предполагает развертывание федеральной компоненты, состоящей из основного и резервного центров обработки данных (рис. 2).

Рис. 2. Архитектура федеральных ЦОД ЕГИСЗ

Региональные компоненты государственной информационной системы включают 85 региональных ЦОД.

Для реализации инновационной технологии распределенного реестра для хранения базы ИЭМК в сети федеральных и региональных ЦОД необходимо обеспечить в каждом звене систему хранения данных (СДХ) с ресурсом памяти не менее 500 ТБ (рис.3). Оценка потребной пропускной способности информационных каналов требует компьютерного моделирования и в данной статье обсуждаться не будет.

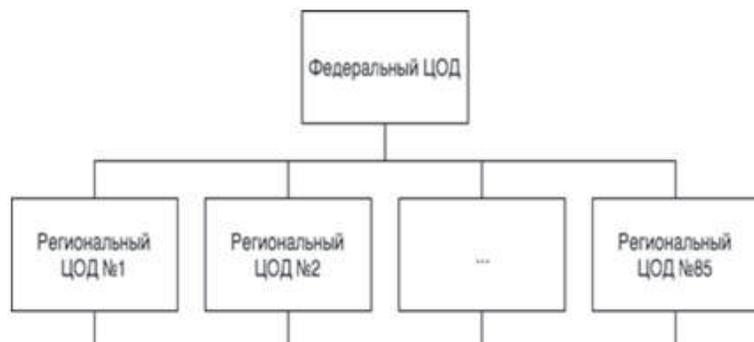

Рис. 3. Архитектура сети ЦОД ЕГИСЗ

4.2. Обоснование ограничений по формированию блока данных базы ИЭМК

Система охраны здоровья России реализует интегральный лечебно-диагностический процесс, каждое событие которого фиксируется (должно фиксироваться) в форме персональной медицинской записи. В государственном проекте формирования цифрового контура здравоохранения к 2024 году должна будет решена задача формирования записей медицинских карт в цифровой форме, т.е. в форме ЦПМЗ.

В работах (2, 3, 4) разработана векторно-событийная модель (ВС модель) полной базы ИЭМК, в которой предложен метод задания отношения строгого порядка на множестве всех ЦПМЗ. На рис. 4 представлена временная плоскость, на которой в ограниченном временном пространстве размещены и упорядочены все события, отраженные в историях болезни всех ныне живущих пациентов.

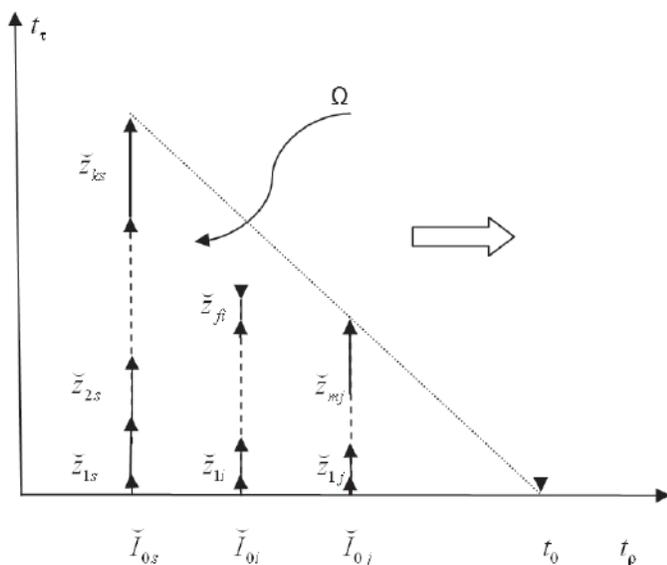

Рис. 4. Модель потока событий в базе ИЭМК

Система координат задана осью абсцисс t_p – время жизни популяции и осью ординат t_τ – время жизни пациентов. Пациенты и их ИЭМК упорядочены по дате рождения и порядку учета внутри каждой даты.

В данной модели для текущего момента t_0 вершины проекций векторов ИЭИБ всех учтенных живых пациентов лежат на одной прямой, которая является гипотенузой прямоугольного треугольника, ограничивающего временное пространство Ω . В пространстве $\Omega \subseteq T \times T$ размещены и строго упорядочены по оси t_p все ЭИБ, а по оси t_c строго упорядочены все ЦПМЗ ныне здравствующих потенциальных пациентов.

Гипотенуза равностороннего треугольника (пространства Ω) – это отрезок прямой $y = -t + t_0$, длиной $\sqrt{2} |v_{0s}|$, который задает текущий момент времени для всех живых пациентов. Этот отрезок определяет интерфейс системы здравоохранения. В данной модели системы охраны здоровья в текущий момент времени именно на этом ограниченном отрезке, и только на нем, могут возникнуть новые события (ЦПМЗ) (5).

Интервал времени в ВС модели отображается в форме сектора, ограниченного гипотенузами соответствующих треугольников, внутри которого будут сосредоточены все события ЛДП на данном интервале (рис. 5).

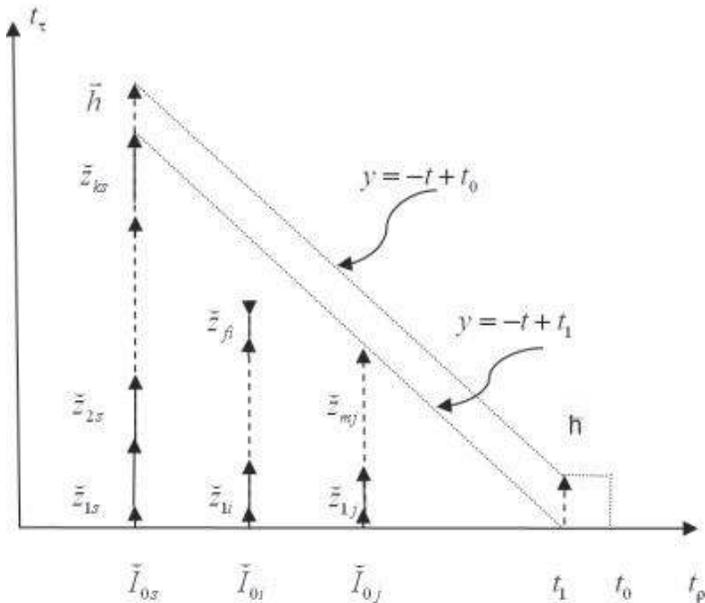

Рис. 5. Динамика потока событий в базе ИЭМК

Естественным ограничением при формировании блока данных в схеме распределенного реестра может выступать фиксированный временной интервал. В интересах клинической практики таким интервалом может быть выбран 1 час. Каким бы ни был выбран интервал для формирования блока, с учетом 11 часовых поясов в России, новый блок полной базы ИЭМК будет формироваться с задержкой в 12 часов.

Учитывая указанную специфику сдвигов времени на территории России целесообразно новый блок формировать, как сумму 11 фрагментов. Каждый фрагмент должен доставляться во все узлы сети и подвергаться подтверждению с помощью алгоритма консенсуса. Заключительный этап сборки блока должен происходить после завершения сборки данных в самом западном регионе. На этом этапе выполняется сложение 11-ти подтверждённых фрагментов данных (2) и формирование итогового хэш-кода.

$$\Omega = \Omega_1 + \Omega_2 + \dots + \Omega_{11} \quad (2)$$

Таким образом, технологическая схема в каждом звене распределённой сети ЦОД ЕГИСЗ включает следующую последовательность операций:

1. Получение вновь сформированной ЦПМЗ в региональном ЦОД,
2. Контроль легитимности ЦПМЗ по реестру СИМИ,
3. Аутентификация пациента,
4. Рассылка ЦПМЗ в ФЦОД и региональные ЦОД,
5. Контроль признака завершения формирования блока,
6. Проверка условия консенсуса блока
7. Расчет хэш-кода нового блока.

4.3. Алгоритм достижения консенсуса

Консенсус есть, в общем смысле, принятие группой участников единого решения или приход к согласию по определенному вопросу. Для алгоритма консенсуса присущи следующие цели: максимальное согласие всех сторон, равноправие группы лиц, работа сообща, для достижения консенсуса требуется участие максимального количества участников. Если говорить о блокчейне, алгоритм консенсуса – набор определенных математических правил и функций, которые регулируют работу сети. К описанным выше целям, можно добавить еще

стойкость к цензуре (учитывая, что блокчейн децентрализованная система, никто не может никому помешать в работе сети) и объективность (в блокчейне всегда находится актуальная информация, не требующая подтверждения сторонними авторитетными источниками).

Одним из основных алгоритмов является алгоритм доказательства работы (proof-of-work). В случае доказательства работы хэш-сообщения, объединенного со специальным полем nonce (от англ. «numberthatcanonlybeusedonce» – число, которое может быть использовано один раз) одноразовый код, выбранный случайным или псевдослучайным образом, который используется для безопасной передачи основного пароля, предотвращая атаку повторного воспроизведения. Nonce должен быть меньше определенного значения (или начинаться с определенного числа нулевых битов). Само поле не имеет смысла для сообщения, оно перебирается до подходящего значения инициатором доказательства. В данном случае доказательство работы получило такое название из-за того, что для нахождения nonce надо совершить вычислительную работу, ожидаемое количество которой измеримо. Например, если нужно, чтобы первые 16 бит хеша равнялись нулю, то в среднем нужно перебрать 65536 значений nonce (7).

Уточнение насчет ожидаемого количества работы является важным. Теоретически, при сильном везении, подходящий nonce можно найти очень быстро. Поэтому, глядя на доказательство работы, можно лишь оценить затраченные на него ресурсы, однако для высокой сложности доказательства эта оценка будет достаточно точна.

4.4. Алгоритм хэш-функции

Учитывая специфику большой децентрализованной сети биткоин с тысячами узлов, требуется эффективность, безопасность и надежность способа проверки. Для биткоина требуется генерация блока, который представляет собой структуру данных, включающую транзакции, временную метку и другие важные метаданные – хэш-функция. Криптографические хэш-функции – это выделенный класс хэш-функций, который имеет определенные свойства, удовлетворяющими понятию криптозащиты.

SHA-256 представляет собой однонаправленную функцию для создания цифровых отпечатков фиксированной длины (256 бит, 32 байт) из входных данных размером до 2,31 эксабайт (2^{64} бит) и явля-

ется частным случаем алгоритма из семейства криптографических алгоритмов SHA-2 (SecureHashAlgorithmVersion 2).

Исходное сообщение после дополнения разбивается на блоки, каждый блок – на 16 слов. Алгоритм пропускает каждый блок сообщения через цикл с 64 итерациями. На каждой итерации 2 слова преобразуются, функцию преобразования задают остальные слова. Результаты обработки каждого блока складываются, сумма является значением хеш-функции. Так как инициализация внутреннего состояния производится результатом обработки предыдущего блока, то нет возможности обрабатывать блоки параллельно. Графическое представление одной итерации обработки блока данных представлено на рисунке 6 (II):

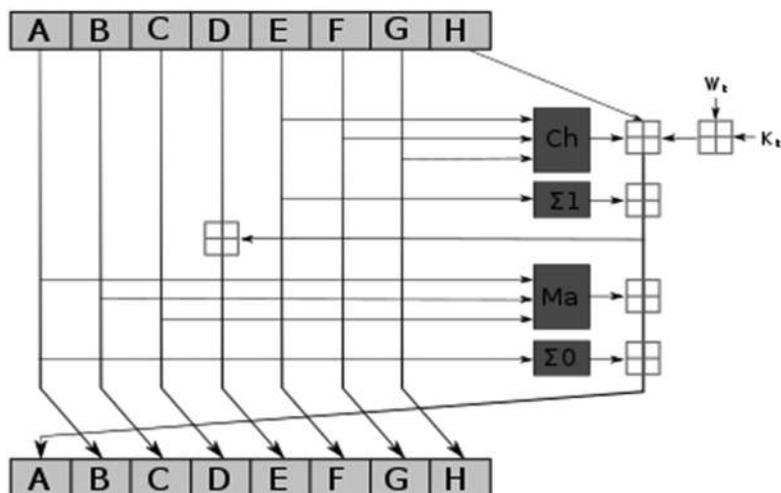

Рис. 6. Итерация при алгоритме SHA-256.

На сегодняшний день известны методы для конструирования коллизий до 31 итерации.

5. Актуальная цепочка данных базы ИЭМК

Применение технологии распределенного реестра к потоку ЦПМЗ приведет в возникновении в каждом узле сети идентичных цепочек

блоков, идентифицированных соответствующими временными интервалами.

Потенциально бесконечная цепочка блоков данных, в которую воплощается база ИЭМК, на самом деле имеет естественное ограничение. Таким ограничением является следующее утверждение: «В данном блоке и во всех ранее созданных блоках нет ЦПМЗ о состоянии живого пациента». Очевидно, что в каждый текущий момент времени крайним блоком будет блок, в котором хранится ЦПМЗ о рождении самого старшего из ныне живущих пациентов (рис .6).

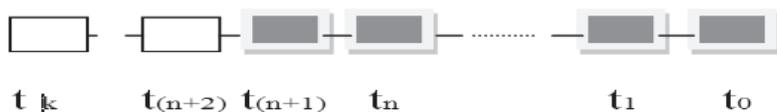

Рис. 7. Конечная цепочка актуальных блоков

Можно утверждать, что технология распределенного реестра хорошо согласуется с задачей сохранения записей о событиях лечебно-диагностического процесса. Для управления этими записями целесообразно в заголовке каждого блока указывать перечень идентификаторов пациентов, ЦПМЗ которых хранятся в данном блоке, что позволит эффективно строить отображение ИЭМК пациента в последовательность блоков актуальной цепочки.

Заключение

Рассмотрена технологическая схема сбора и хранения полной, достоверной и доступной для автоматизированной обработки базы ИЭМК всех граждан России.

Создание единой базы данных ЭМК на базе технологии распределённых реестров позволит видеть полную историю по пациентам, организовать преемственность медицинской помощи, повысить достоверность собираемой статистики и упорядочить деятельность страховых компаний. Предложенная технология исключает какие-либо несанкционированные изменения медицинской информации и гарантирует равные информационные возможности для любого гражданина страны, в каком бы регионе он ни оказался.

Реализация схемы распределенного реестра для хранения базы ИЭМК создаёт все необходимые информационные условия для мониторинга состояния здоровья нации как на региональном, так и на федеральном уровне, а также оперативно оценивать эффективность использования ресурсов системы здравоохранения и маневрировать этими ресурсами.

Литература

1. Блюм В.С., Заболотский В.П. Мысленный эксперимент по организации учета и обработки информационных медицинских услуг. // Врач и информационные технологии, № 4 2009. С. 27–35
2. Блюм В.С., Инкин В.А. Метод визуализации математической модели базы интегрированных электронных медицинских карт. // Актуальные проблемы экономики и управления. Выпуск 2(10) / 2016. С. 88–94.
3. Блюм В.С. Инновационная государственная система медицинской статистики / В.С. Блюм // Актуальные проблемы экономики и управления. 2015. – № 2. С. 80–88.
4. Блюм В.С. Дискретно-событийная модель здравоохранения и федеральный сервис «Интегрированная электронная медицинская карта» / В.С. Блюм // Математическая морфология. Электронный математический и медико-биологический журнал. 2012. – Т. 11. – Вып. 4. – С. 4–15.
5. Блюм В.С., Виноградов В.М., Карташев А.В. Информатизация здравоохранения и иммунокомпьютинг. // Врач и информационные технологии, № 3. 2009. С. 17–27.
6. Кулешов С.В., Зайцева А.А. Перспективы использования технологии распределенных реестров для произведений цифрового искусства // в сборнике «Технологическая перспектива: новые рынки и точки экономического роста. Материалы 4-й Международной научной конференции». Под. ред. проф. Кораблевой О.Н. и др. – СПб: Издательство «Астерион», 2018. – С. 20–22.
7. Обзор 9 алгоритмов блокчейн консенсуса [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://digiforest.io/blog/blockchain-consensus-algorithms>

8. Федеральный закон 152-ФЗ «О персональных данных».
9. Федеральный закон 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
10. Хэш-функция SHA–256. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://medium.com/dtechlog/алгоритмы-хэш-функция-sha-256-9862302f942f>
11. Цифровой контур здравоохранения. [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.e-conf2018.ru/upload/iblock/d9f/01_Бойко.pdf

Верedyuk O.V.,

кандидат экономических наук,

доцент кафедры экономической теории СПбГУ

**Тенденции в фактических часах работы
в России: предварительные результаты
анализа микроданных¹**

Аннотация. В статье раскрывается ряд закономерностей в распределении фактических часов работы занятого населения в России. На основе микроданных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ проведен анализ общей динамики распределения групп занятых по фактическим часам работы; выявлены отличительные характеристики занятых нестандартное количество часов. Установлено, что среди последней группы распространена проблема неофициального оформления на работе (до 20% занятых). Выявлена неоднородность данной группы. Частичная занятость (1–30 часов в неделю) характерна для женщин предпенсионной и пенсионной возрастной групп, специалистов высшего уровня квалификации; а занятость с высокой переработкой (70+ часов) – для мужчин со средним профессиональным образованием, являющихся квалифицированными рабочими и работниками сферы услуг.

Ключевые слова: часы работы, нестандартные часы работы, нестандартная занятость, прекарнизация, РМЭЗ-ВШЭ, Россия

Veredyuk O.V.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Структурные изменения в экономике России: роль человеческого капитала и инвестиций» № 18-010-01185.

*Department of Economic Theory,
Saint-Petersburg State University*
**Trends in Actual Hours of Work in Russia:
First Results of Microdata Analysis**

Abstract. The article presents a number of patterns in the distribution of actual hours of work among the employed population in Russia. Based on the data of the Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE), I analyze the dynamics of the distribution of employees grouped by actual hours of work. Also, I identify the distinctive characteristics of those employed non-standard hours. This includes a wide spread of informal employment. I show a diversity of this group. I reveal that part-time employment (1–30 hours per week) at the main job is typical for women of pre-retirement and retirement age groups being professionals; and employment with high overtime (70+ hours) is common for men with secondary vocational education being skilled workers and workers in the services sector.

Keywords: hours of work, non-standard working hours, non-standard employment, precarity, RLMS-HSE, Russia

Введение

Статистика Организации экономического сотрудничества и развития, ОЭСР говорит об общей тенденции к снижению средних часов фактической работы на одного занятого в странах мира. В России, напротив, в постсоветский период до кризиса 2008–2009 гг. этот показатель имел тенденцию к росту, после чего наблюдаются его незначительные колебания около уровня 1751 часа в год¹, что соответствует примерно 38 часам фактической работы в неделю².

¹ OECD. Hours worked (indicator). doi: 10.1787/47be1c78-en (accessed on 30.04.2019).

² Расчеты исходят из 46 рабочих недель в год (46 недель = [250 рабочих дней в год – 20 дней оплачиваемого отпуска в году (т.е. 28 дней отпуска – 8 дней, приходящихся на выходные] / 5-дневную рабочую неделю).

Общие часы работы исследованы в ряде научных публикаций по рынку труда России (3, 4, 5) при этом часы работы на одного занятого редко становятся отдельным предметом анализа (1, с. 563). Однако актуальность подобных исследований очевидна, поскольку при существующем в России стандарте работы 40 часов в неделю среди занятого населения есть те, чье фактическое время работы отклоняется от них как в большую, так и в меньшую стороны. По некоторым оценкам, доля работающих нестандартное количество часов достигает 45% общей численности занятых в отечественной экономике. Выявление закономерностей распространения этого явления позволит создавать более эффективные механизмы регулирования предложения труда и политики занятости в целом.

Цель проведенного исследования, результаты которого отражены в данной статье, состояла в том, чтобы выявить общие закономерности в распределении фактических часов работы среди занятого населения в России. Акцент на фактических часах работы связан с расхождением между ними и обычными, а также стандартными часами (2). Для этого на основе микроданных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (далее РМЭЗ-ВШЭ) проводится анализ общей динамики распределения занятых, сгруппированных по фактическим часам работы по основному месту, и выявляются отличительные характеристики занятых нестандартное количество часов. Оценки, основанные на микроданных, дают возможность провести анализ ситуации как в целом, так и по отдельным группам занятых. Это позволяет выявить группы занятых, наиболее подверженные процессам дестандартизации часов работы. Выборка РМЭЗ-ВШЭ репрезентативна, поэтому полученные результаты могут быть распространены на генеральную совокупность населения России. Исследование носит преимущественно дескриптивный характер.

В данном исследовании к занятым нестандартное количество часов относятся те, чье время фактической работы выходит за рамки 31–40 часов в неделю по основной работе. Для проведения более детального анализа выделено пять групп занятого населения по количеству фактических часов работы в неделю, а именно: частично занятые (1–30 часов); занятые с небольшим количеством сверхурочных часов (41–50 часов); занятые со средним количеством сверхурочных часов (51–69 часов); занятые с высокой переработкой (70+ часов) и

контрольная группа – занятые полное или стандартное рабочее время (31–40 часов).

Общие закономерности распределения занятых нестандартное количество часов в России. В целом масштабы занятости нестандартное количество часов в России существенны, но их оценки варьируются. Так, по данным РМЭЗ-ВШЭ, доля таких занятых в общей численности занятых была на уровне 45% в 2017 г. По официальным данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата), этот показатель составил в том же году 11%. При этом в обоих случаях отмечается общий вектор к ее сокращению. Динамика доли занятых нестандартное количество часов в общей численности занятых в России в 2001–2017 гг. по данным РМЭЗ-ВШЭ представлена на рисунке 1. Это показатель снизился за указанный период на 7 п.п. с 52% в 2001 г.

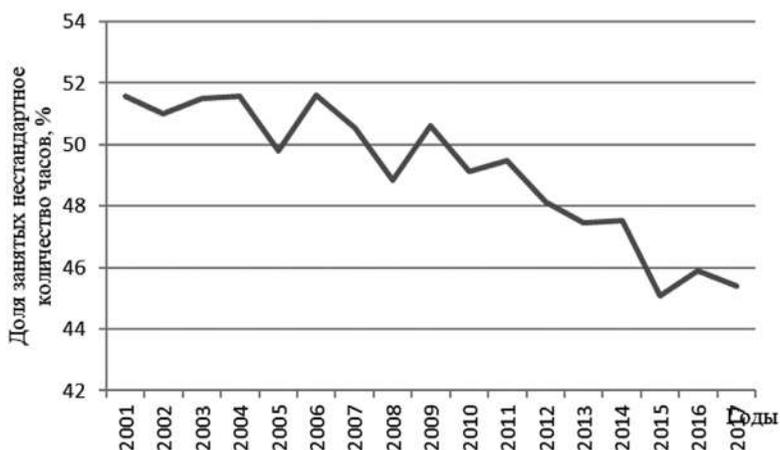

Рис. 1. Динамика доли занятых нестандартное количество часов в общей численности занятых в России в 2001–2017 гг., %
Составлено по: РМЭЗ НИУ ВШЭ. URL: www.hse.ru/rlms/
(дата обращения: 14.05.2019)

На протяжении 2001–2017 гг. наблюдается не только изменение масштабов, но и структуры занятых нестандартное количество часов. В течение рассматриваемого периода сокращались все подгруппы данной группы занятых, что показано на рисунке 2. Наиболее заметный вклад в сокращение общей доли внесла группа занятых со сред-

ним количеством сверхурочных часов фактической работы в неделю (51–69 часов). Ее доля уменьшилась с 10% в 2001 г. до 7% в 2017 г.

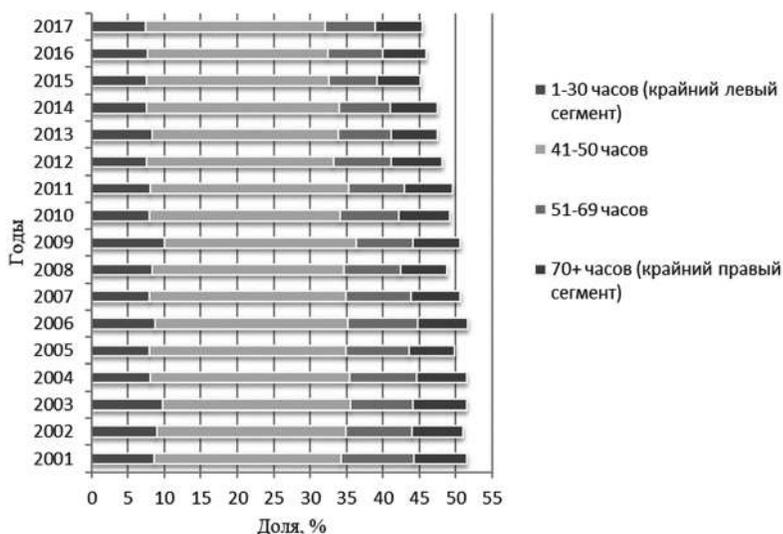

Рис. 2. Структура занятых нестандартное количество часов в России в 2001–2017 гг., %. Составлено по: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

URL: www.hse.ru/r/lms/ (дата обращения: 14.05.2019)

При этом средние показатели часов работы внутри каждой из групп занятых изменялись слабо. Таким образом, арифметическое средневзвешенное количество часов работы для группы частично занятых (1–30 часов фактической работы в неделю) составило в среднем за период 22,6 часа; для занятых с небольшим количеством сверхурочных часов (41–50 часов) – 46,6 часа; для занятых со средним количеством сверхурочных часов (51–69 часов) – 58,4 часа; для занятых с высокой переработкой (70+ часов) – 79,0 часов и для занятых полное или стандартное время (31–40 часов) – 39,1 часа.

Для выявления (при наличии) отличительных характеристик групп занятых нестандартное количество часов рассмотрим их основные социально-демографические характеристики. Сделаем это на данных РМЭЗ-ВШЭ 2017 г. После обработки данных в окончательную выборку вошли только занятые, общее количество которых составило 5071 человек.

Таблица 1. Основные социально-демографические характеристики групп занятых нестандартное и стандартное количество часов на основной работе, Россия, 2017 г.

Показатель	Группы занятых				
	1–30 час.	41–50 час.	51–69 час.	70+ час.	31–40 час. (стандарт)
Доля в общей численности занятых, %	7	25	7	6	55
Пол (ж.), %	74	49	36	27	57
Возраст*, лет	45	41	39	42	42
Доминирующая возрастная группа, лет	50–64	35–49	35–49	35–49	35–49
Образование, %					
Общее	15	14	19	19	11
Среднее профессиональное	43	59	59	67	50
Высшее	42	27	22	14	39
Доминирующие профес. группы (по ISCO-08)	Спец-ты высш. уровня квалиф.	Квалиф. рабочие; работники	сф. торг. и услуг	Квалиф. рабочие; работники	сф. торг. и услуг
Официальное оформление на работе (нет), %	14	10	20	20	4
Зар. плата (в мес.), руб.*	18 964	25 631	33 123	32 388	26 262
Зар. плата (в час), руб.*	1 088	545	564	417	669
Семейное положение (холост/незамужем), %	52	43	46	43	41
Стаж работы на текущем месте*, лет	9,2	8,1	6,9	6,7	9,5
Наличие второй работы (есть), %	9,7	2,6	2,5	1,6	3,9

Рассчитано по: РМЭЗ НИУ ВШЭ. URL: www.hse.ru/rlms/
(дата обращения: 14.05.2019).

* Примечание: средневзвешенная арифметическая величина.

Данные таблицы позволяют говорить не только о наличии особенностей между группами занятых стандартное (31–40 часов фактической работы в неделю) и нестандартное количество часов, но и об отличиях между подгруппами последних. Сразу отметим, что в последнем случае различий больше.

Итак, как было отмечено ранее, относительная доля нестандартно занятых ниже, чем занятых стандартно. При этом внутри группы нестандартно занятых преобладают (54%) те, кто имеет небольшое количество часов переработки (41–50 часов в неделю). Доля лиц с общим образованием в группе нестандартно занятых в целом выше, чем в группе со стандартными часами работы. Среди групп нестандартно занятых более распространена проблема отсутствия официального оформления на работе, масштабы которой достигают в отдельных группах 20%. Вероятность того, что среди нестандартно занятых окажется холостой/незамужней индивид, также выше.

Как уже было замечено, различий между группами занятых нестандартное количество часов, больше, чем при их общем сравнении с группой занятых стандартные часы. Из их числа выделяется группа частично занятых (1–30 часов в неделю). В этой группе в основном сосредоточены женщины (74%). Этот факт не является новым для исследователей рынка труда, а скорее подтверждает результаты более ранних наблюдений. Интерес представляют другие результаты проведенного анализа. Так, из полученных данных следует, что в этой группе сосредоточены в основном лица в предпенсионном и пенсионном возрасте (50–64 года), поэтому не удивительно, что здесь наиболее велика доля получающих пенсию (37%). По принадлежности к профессиональной группе, исходя из классификации международного стандарта ISCO-08, – в основном это специалисты высшего уровня квалификации. Также стоит отметить то обстоятельство, что заработная плата в этой группе в месячном выражении, как и следовало ожидать, ниже, чем в других группах, что объясняет более частые случаи наличия второй работы. Однако в этой группе час работы компенсируется выше (минимум в 1,5 раза), чем в других, включая группу занятых стандартные часы. Отличается группа частично занятых от других групп нестандартно занятых и более продолжительным (около 10 лет) специфическим стажем работы (т.е. количеством лет работы на текущем месте).

Следует обратить внимание на еще одну группу занятых нестандартное количество часов, а именно занятых с высокой переработкой (70+ часов в неделю). Это в основном мужчины (73%) со средним профессиональным образованием (67%), представляющие такие профессиональные группы, как квалифицированные рабочие (40%) и работники сферы торговли и услуг (32%). В 20% случаев они работают без официального оформления трудовых отношений. Их заработная плата в расчете на час работы самая низкая по сравнению со всеми остальными группами занятых; одновременно с этим она одна из самых высоких в месячном выражении. При этом в данной группе доля лиц, получающих пенсию, одна из самых низких во всей выборке.

Выводы

Несмотря на общий вектор к сокращению, доля занятых нестандартное количество часов остается высокой (45% в 2017 г.). Внутри данной группы преобладают (54%) занятые с небольшим количеством часов переработки (41–50 часов в неделю). Среди занятых нестандартное время распространена проблема отсутствия официального оформления на работе (до 20% занятых). Группа занятых нестандартное количество часов неоднородна. В частности, ярко выражена гендерная, возрастная и профессиональная разница между группами частично занятых (1–30 часов в неделю) и занятых с высокой переработкой (70+ часов). Первый случай наиболее характерен для женщин предпенсионного и пенсионного возрастов с высшим уровнем профессиональной квалификации; а второй – для мужчин со средним профессиональным образованием, являющихся квалифицированными рабочими и работниками сферы услуг. Полученные результаты формируют базу для дальнейшего анализа закономерностей в распределении часов работы между группами занятых в экономике России.

Литература

1. *Вередюк О.В. Интенсивный и экстенсивный компоненты адаптационной динамики занятости в России (1995–2016 гг.) // Вестник*

Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. Т. 34. Вып. 4. С. 553–567.

2. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 36 с.

3. *Benczúr P., Rátfai A.* Economic fluctuations in Central and Eastern Europe: the facts // *Applied Economics*. – 2010, vol. 42, № 25, P. 3279–3292.

4. *Gimpelson V., Kapeliushnikov R.* Labor Market Adjustment: is Russia Different? // *The Oxford Handbook of the Russian Economy* / ed. by Alexeev M. and Weber Sh. 2013. URL: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199759927.001.0001/oxfordhb-9780199759927-e-012>.

5. OECD Reviews of Labour Market and Social Policies. Russian Federation 2011. OECD Publishing. URL: <http://www.oecd.org/pensions/public-pensions/oecdreviewsoflabourmarketandsocialpoliciesrussianfederation.htm>.

Дейнека Л.Н.,

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры инженерной экономики
Южного федерального университета*

**Реиндустриализация
национальной экономики усилит или ослабит
неравенство
в распределении доходов населения?**

Аннотация. Реиндустриализация в статье рассматривается как этап в восстановлении базовых отраслей российской экономики: машиностроения, станкостроения и др., что обеспечит экономическую безопасность страны и выведет экономику на инновационную траекторию экономического роста. Ставится вопрос: реиндустриализация усилит или ослабит неравенство в распределении доходов? В ходе анализа этапов преобразований (1991–2018 гг.), выявляется связь между развитием (разрушением) производительных сил и углублением пропасти между богатыми и бедными. Главная причина деформации экономических отношений, по мнению автора – ошибки в приватизации, которые привели к трансформационному спаду, деиндустриализации, научно-технологическому регрессу, росту экономической безопасности и углублению поляризации общества. Обозначена проблема изымания сверхдоходов у миллиардеров, бизнес которых связан со сталелитейной и металлургической промышленностью, добычей нефти и газа и перераспределения их на нужды населения и экономики в целом.

Ключевые слова: реиндустриализация, импортозамещение, неравенство, поляризация общества, прожиточный минимум, стоимость рабочей силы, минимальный размер оплаты труда, российские миллиардеры, экономическая безопасность, производительные силы

Deineka L.N.,

Candidate of Economic Sciences,

Associate Professor at Department of Engineering Economics

Southern Federal University

**Will the Re-industrialization
of the National Economy Increase
or Weaken the Inequality in the Distribution
of Income of the Population?**

Abstract. Re-industrialization in the article is considered as a stage in the restoration of the basic sectors of the Russian economy: engineering, machine-tool industry, etc., which will ensure the economic security of the country and lead the economy to an innovative trajectory of economic growth. The question is posed: will re-industrialization increase or weaken inequality in income distribution? During the analysis of the stages of transformations (1991–2018), the connection between the development (destruction) of productive forces and the deepening of the gap between the rich and the poor is revealed. The main reason for the deformation of economic relations, according to the author, is an error in privatization, which led to a transformational recession, deindustrialization, scientific and technological regress, increased economic security and increased polarization of society. The problem of withdrawing super profits from billionaires, whose business is associated with the steel and metallurgical industry, oil and gas production and their redistribution to the needs of the population and the economy as a whole, is indicated.

Keywords: re-industrialization, import substitution, inequality, society polarization, living wage, labor cost, minimum wage, Russian billionaires, economic security, productive forces

В экономическом сообществе широко обсуждаются проблемы восстановления отечественного машиностроения, станкостроения – базовых отраслей реиндустриализации, необходимость которой назрела в связи с усилением экономической безопасности страны. Этой проблеме посвящены международные форумы, конгрессы, конференции¹.

¹ III Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК–2017): «Форсайт «Россия»: новое см. на след. стра-

Реиндустриализация может обеспечить импортозамещение (реакция на антироссийские санкции) в долгосрочном периоде и восстановление реального сектора экономики на качественно новой научно-технологической основе, вывести экономику на инновационную траекторию устойчивого экономического роста, что даст возможность роста благосостояния населения и сокращения бедности. Как реиндустриализация повлияет на обострившуюся проблему углубления неравенства в распределении доходов между богатыми и бедными и социальную напряжённость – ответ неоднозначный.

Подход к анализу неравенства с позиций методологии «мейнстрима» (кривая Лоренца, коэффициент Джини и др.), даёт лишь количественную оценку неравенства в распределении доходов. Такая информация позволяет обнаружить фактическое состояние неравенства в соответствующих социальных группах, его сравнительную динамику по годам, даёт возможность сопоставить степень неравенства между регионами, странами. Однако этой информации недостаточно для выявления причин углубления неравенства и роста социальной напряжённости. Политэкономия, как возрождаемое направление в экономической науке, обосновывает причину усиления эксплуатации труда капиталом, ростом гнёта капитала, расширением границ и массы эксплуатируемого труда. Возрождение политэкономии в этой связи не является случайным.¹

Чтобы вскрыть эксплуататорскую природу современного государственно-олигархического капитализма, обнаружить современные её формы, обусловленные глобализацией мировой экономики, наукоёмким этапом научно-технологического прогресса, следует:

– признать и развивать учение Маркса о прибавочной стоимости, современных завуалированных формах её проявления;

нице см. на предыдущей странице индустриальное общество. Перегрузка». 27 марта 2017 г., IV Санкт-Петербургский международный экономического конгресса (СПЭК–2018): «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перегрузка.» 2 апреля 2018г.

¹ См. Бузгалин А.В. Классическая политическая экономия: современное марксистское направление: Учебник / Бузгалин А.В., Колганов А.И., Барашкова О.В. М., 2018.

– о степени эксплуатации труда капиталом, и факторах ее роста, связанных с развитием (разрушения) общественных производительных сил;

– восстановить концепцию рабочей силы как товара, а заработной платы как превращённой формы цены рабочей силы (а не цены труда) Маркс убедительно доказал, что заработная плата не может быть ценой труда (6, с. 545–547). В современной экономической теории заработная плата рассматривается как цена труда (факторный доход), что позволяет скрывать эксплуатацию труда.

Проследим как связаны между собой развитие (разрушение) производительных сил и процесс поляризации общества в России.

1991–1999 гг. – капитализация производственных отношений через ускоренную приватизацию. Заложенные в концепции приватизации исходные субъективные ошибки: объекты приватизации, методы и сроки привели к следующим последствиям: **Трансформационный спад** производства (40% ВВП), разрушение производственного потенциала страны, исчезновение многих квалификаций рабочей силы, связанных с индустриальным производством, рост безработицы, распространение неформальной занятости.

Деиндустриализация национальной экономики, признаки которой: сокращение более чем в два раза производства стали – основного конструкционного материала для машиностроения; переориентация чёрной металлургии на экспорт, сокращение в 6 раз (без учета производства легковых автомобилей) производства продукции гражданского машиностроения, сокращение более чем в 10 раз производства металлорежущих станков, свертывание производство машин для лёгкой промышленности: прядильных и ткацких станков (10).

Научно-технологический регресс и потеря интеллектуального потенциала страны: сокращение выпуска наукоемких видов продукции черной металлургии, обладающих высокими техническими качествами (производство проката из нержавеющей стали и др.), сокращение производства альтернативных конструкционных материалов (заменителей стали), снижающих металлоемкость конструкций, сокращение доли станков высокой точности, с числовым программным управлением в общем объеме производства с 22,8 % (1989 г.) до 1,3 % в 1999 году[10], «утечка мозгов» за рубеж, сокращение расходов на образование, науку.

Углубление неравенства в распределении доходов.
Раскол общества на сверхбогатых и бедных (табл. 1).

Таблица 1. Доля бедного населения
и величина недостающего дохода. Россия, 1992–2000

Источник: https://studwood.ru/777994/sotsiologiya/bednost_tsifrah

Доля бедных в 2000 году даже превысила долю бедных в 1992г. 35% это почти 41 млн человек.

На фоне спада производства и деиндустриализации растёт концентрация ресурсов и богатства у формирующегося в этот период олигархического клана (табл. 2).

Таблица 2. Первые российские предприниматели
в списке Forbes в 1997

Фамилия	должность	активы
Б. Березовский	Крупнейший дилер АвтоВАЗа, зам. секретаря Совета безопасности РФ	\$3 млрд
М. Ходорковский	Совладелец и глава нефтяной компании «ЮКОС»	\$2,4 млрд

В. Алекперов	Президент и совладелец крупнейшей нефтяной компании России «ЛУКОЙЛ»	\$1,4 млрд
Р. Вяхирев	Глава «Газпрома»	\$1,4 млрд
В. Потанин	Глава ОНЭКСИМ банка, 38% акций комбината «Норильский никель», доли в нефтяной и химической промышленности и др.	\$700 млн;
В. Гусинский	бывший российский медиамагнат, экс-глава холдинга «Медиа-Мост»	\$0,4 млрд

Составлено по данным Forbes

Как видно, все они имеют отношение к топливно-энергетическим и сырьевым ресурсам, перехватившие их за бесценок в ходе приватизации

2000–2008 – «экономический рост без развития». На фоне разрушенной материально-технической базы предшествующего периода этот рост не мог быть реальным, а стало быть перспективным и долгосрочным. Доходы от экспорта нефти стали главным источником роста ВВП, основной статьёй доходов государственного бюджета, его профицита, роста золотовалютных резервов, относительно низкой инфляции, роста реальных доходов. Исторического максимума цена на нефть марки Brent – 143, 95 долл. за баррель достигает в июле 2008 года.

Значительный приток иностранного капитала в этот период также способствовал разрушению индустриального потенциала страны. Риск, низкая доходность не заинтересовывали в долгосрочном прямом инвестировании реального сектора экономики. Иностраный капитал шёл туда, куда выгодно ему (краткосрочные финансовые вложения, торговля, недвижимостью и т.п.) Более того иностранные инвестиции способствовали через «перепрофилирование» разрушению отечественного машиностроения, наукоемкого производства, расчищая рынок для сбыта зарубежной продукции. Так перепрофилирование крупнейшего в советское время предприятия ОАО «Таганрогский комбайновый завод» в предприятие ТАГАЗ (автосборочное предприятие), в 1997–1998 году по лицензии и технологии южнокорейской компании Daewoo Motors, обошлось объемом инвестиций свыше 260 млн \$. В конце января 2014 года по решению Арбитражного

суда Ростовской области предприятие официально признано банкротом (4).

Производство зерноуборочных комбайнов было ликвидировано. Повнесены невосполнимые материальные потери, потери квалифицированной рабочей силы, интеллектуального потенциала. Россия превратилась в емкий рынок сбыта зарубежной машиностроительной продукции, в том числе сельскохозяйственной, что ослабило её экономическую безопасность.

Укрепление рубля в этот период также способствовало экспансии более конкурентоспособного импорта в отрасли легкой промышленности, машиностроения, в сельское хозяйство, продолжая вытеснять российского производителя.

В итоге произошло окончательное разрушение производственного потенциала страны, обусловленное чрезмерным влиянием внешнеэкономических факторов, («голландская болезнь»), закрепилась экспортоориентированная модель экономического роста, зависимость от колебаний цен на энергоресурсы и валютного курса. Усилилась экономическая безопасность страны. Углубилась поляризации общества (табл. 3).

Таблица 3. Население России с доходами ниже прожиточного минимума и число миллиардеров

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Млн чел. с доходами ниже прожиточного минимума	42,3	40,0	35,6	29,3	25,2	25,4	21,6	18,8	19,0
% от населения	29,0	27,5	24,6	20,3	17,6	17,8	15,2	13,3	13,4
Кол-во миллиардеров	0	8	7	17	25	30	44	60	87

Составлено по источникам: 1. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бедность> Дата обращения 27.04.2019; 2. <https://tass.ru/info/5013451> Дата обр. 21.02 19

Несмотря на относительно высокие темпы роста ВВП в этот период (в среднем около 7%), бедность работающего населения хотя и сократилась, однако приобрела хронический характер, Многие эксперты подвергают критике официальную методику расчета бедности, которая занижает реальную бедность.

С 2001 по 2008 число миллиардеров в списке Forbes возросло более чем в 10 раз (с 8 до 87), что связано с ростом цен на нефть, ростом котировок на российском фондовом рынке, общим оживлением российской экономики. Суммарное состояние российских миллиардеров только за три года 2001–2003 выросло с 14,80 до 79,4 млрд долл. (более чем в 5 раз) на фоне бедственного положения миллионов сограждан (в среднем 35 млн чел. имели доходы ниже прожиточного минимума). В 2008 г. незадолго до начала мирового финансово-экономического кризиса оно достигло рекордного уровня \$459,5 млрд. Таким образом, благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура способствовала углублению поляризации российского общества, благодаря закрепившейся монополии собственности на стратегические ресурсы, а стало быть и на административный и управленческий ресурс, что позволяло обеспечивать себе сверхвысокие доходы.

2008 (вторая половина) – 2009 гг. Мировой финансово-экономический кризис. В декабре 2008 г. цены на нефть снизились до 33,7 долл. за баррель, резко сократился спрос на российскую нефть в связи с рецессией в странах-партнёрах, что сразу отразилось на экономике страны: ВВП в первой половине 2009 года сократился на 9%, промышленное производство – на 14%, инвестиции – на 18%, Чистый отток капитала составил 129,9 млрд долл. (9).

Международные резервы сократились с 598,2 млрд долл. (2008 год) до 386,5 млрд долл. к концу января 2009г. (5). Значительная часть золотовалютных резервов потрачена на реализацию антикризисных мер (потерянные возможности технологического обновления производства).

Мировой финансово-экономического кризис наглядно показал несостоятельность и опасность экспортоориентированной модели экономического роста.

2010–2013 гг. Восстановление монетарного экономического роста. Он вызван не ростом объемов производства национальной экономики и обновлением ее основных фондов, а повышением цен на нефть. В марте 2012 г. цена на нефть поднялась до 120 \$. Прирост ВВП в том же году составлял 3.7%. 2013 г. – начало стагнации. Признаки стагнации:

- Замедление темпов экономического роста (1,4%.);
- Сокращение роста реальных располагаемых доходов (3,6% в против 4,5% в 2012 г.);

– Снижение роста реальной заработной платы (8,7% в 2012 г. – 5,5% в 2013).

Переломным моментом в российской экономике и экономической политике правительства стали антироссийские санкции (март, 2014), наглядно показавшие опасность чрезмерной зависимости экономики от внешнеэкономических факторов

В 2015 г., (год реакции экономики на санкции) по сравнению с 2014 г. ВВП снизился на 3,7%. Наибольшее снижение наблюдалось в обрабатывающей промышленности (5,4%), инфляция возросла на 15,5%, реальная заработная плата снизилась на 9,5%, величина прожиточного минимума возросла на 20,5%, оборот розничной торговли пищевыми продуктами снизился на 9,2%, непродовольственными товарами – на 10,7% [14].

Проблемы импортозамещения и реиндустриализации национальной экономики состоят в следующем:

1. Высокая доля в расходах на производство продукции отечественными предприятиями импортного сырья, материалов, комплектующих изделий. В 2014 г., доля импорта в потреблении продукции базовых отраслей, составляла: от 60% до 80% (тяжелое машиностроение, машиностроение для пищевой промышленности) от 80% – до 90% (станкостроение, электронная промышленность, легкая промышленность) (9).

2. Ограничение инвестиционных возможностей в виду нерационального использования свободных денежных средств («в России денег много» – Аганбегян А.). В 2013–2015 гг. общие инвестиции в экономике сократились на 11%. В 2014 г. инвестиции снизились на 2,7%, а в 2015 г. на 8,4%. Тенденция к сокращению продолжилась и в 2016 году (1).

3. Отток отечественного капитала за рубеж: офшорные зоны, вложения в зарубежные ценные бумаги, недвижимость, инвестиции в зарубежный бизнес.

Чрезмерная зависимость от импорта покупных материалов и комплектующих изделий, а также оборудования для фондообразующих отраслей, ограничения поставок в связи с антироссийскими санкциями, рост цен на несанкционированную продукцию, слабая инвестиционная активность, утечка капитала за рубеж создают проблемы восстановления отечественного машиностроения – базовой отрасли реиндустриализации.

Таблица 4. Население России с доходами ниже прожиточного минимума и число долларовых миллиардеров (2009–2017 гг.)

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Млн чел. с доходами ниже прожит. минимума	18,4	17,7	17,9	15,4	15,5	16,1	19,5	19,8	21,1
% от населения	13,0	12,5	12,7	10,7	10,8	11,2	13,3	13,5	14,4
Кол-во миллиардеров	32	62	101	96	110	111	88	77	96

Составлено по источникам: 1. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бедность> Дата обращения 27.04.2019; 2. <https://tass.ru/info/5013451> Дата обр. 21.02 19

В настоящее время около 20 млн работающего населения прозябают за чертой бедности (по данным экспертов – более 35 млн) недополучая эквивалент стоимости своей рабочей силы, способствующий ее нормальному воспроизводству. Недополученная заработная плата – **скрытая форма эксплуатации труда**.

До недавнего времени МРОТ работающего был ниже прожиточного минимума. **В 2016–2017 гг.** зарплату на уровне МРОТ (7500 рублей) получали почти 5 млн человек, (прожиточный минимум того периода – 9899 рублей). Это уже не бедное работающее население, а обреченное на выживание.

С мая 2018 г., минимальная заработная плата приравнивается к прожиточному минимуму, однако, как заметили аналитики «... с этой минимальной зарплаты работник уплачивает 13%-й налог и потому прожиточный минимум он не получает» (7, с. 148). По сравнению с некоторыми государствами «Большой двадцатки» МРОТ в России является чрезвычайно низким – 176 долл. (11 163 руб.). Для сравнения: Германия – 1400 евро (106 370 р.), Франция – 1100 евро (83 580 руб.), Китай – 500 долл. (31 700 руб.), Турция – 460 долл. (29 160 руб.) (7).

Зато в списке Forbes по данным за март 2019 года 11 российских олигархов обладали капиталом свыше 10 млрд долл. Назовем лишь некоторых из них: Л. Михельсон, председатель правления «Новатек», совладелец «Сибур» обладал состоянием 24 млрд \$, занял 32 место в мировом рейтинге; В. Лисин, председатель совета директоров ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат»-состояние 21,3 млрд \$, 45 место в мировом рейтинге; В. Алекперов, президент «Лукойла»

20,7 млрд \$, 47 место. Суммарное состояние 11 российских олигархов составляет 190 млрд долл. (16).

По заключению экспертов Forbes за истекший год в наибольшей мере выросли состояния миллиардеров, бизнес которых связан со сталелитейной и металлургической промышленностью, а также с добычей нефти и газа.

По данным Credit Suisse, в международных рейтингах Россия является одной из самых неравных из крупнейших экономик мира. По оценкам, 89 процентов богатства страны принадлежат ее самым богатым 10 процентам. Совокупное состояние 98 российских миллиардеров (Forbes) составляет 421 миллиард долларов, что превышает размер сбережений всего населения России, которые в прошлом месяце составили 27,7 триллиона рублей (420,7 миллиарда долларов)

Таким образом, источником обогащения российских миллиардеров являются топливо-энергетические и сырьевые ресурсы, которые по своей природе не должны быть объектом частного присвоения. Ресурсы, доходы от их добычи и продажи – общенародное достояние. Концентрация их в руках олигархов, не имеет никакого экономического обоснования, кроме захвата, обеспеченного приватизацией.

Для населения-это недополученные заработные платы, низкие социальные выплаты, низкие стипендии, низкий уровень жизни, деградация значительной части населения.

Для экономики – «голландская болезнь» и разрушение производственного потенциала страны, усиление экономической безопасности.

Реиндустриализация предполагает рост стоимости рабочей силы, который должен быть воплощен в более высокой оплате труда. Это связано:

- с возрастанием потребностей, обусловленных новым этапом развития научно-технологического прогресса и более широкого круга востребованных товаров;

- изменением структуры материальных потребностей в пользу наукоемкой продукции, экологически чистой и натуральной, а, следовательно, и более дорогой;

- ростом затрат на обучение, которое принимает характер непрерывного процесса укрепления профессионализма, развития интеллектуального потенциала,

– ростом затрат на получение медицинских услуг, ввиду платности медицины и высоко стоимостной инновационной диагностики заболеваний.

– ростом затрат на содержание детей, которым открываются возможности раннего интеллектуального и физического развития по разным направлениям: спорт, культура, наука и т.д.

– ростом затрат, связанных с проведением досуга и отдыха в виду повышения культурных потребностей, развития мирохозяйственных связей и международного туризма.

Наукоёмкий прогресс, связанный с реиндустриализацией, сокращает время, необходимое для воспроизводства высококачественной рабочей силы. Отсюда следует, что возрастёт прибавочный продукт.

Неравенство может углубиться, если сохранится монополия собственности на топливо-энергетические, сырьевые и природные ресурсы, позволяющая присваивать результаты нововведений, связанные с реиндустриализацией, и использовать их для целей обогащения.

Неравенство может быть справедливым, если значительная доля прибавочного продукта будет аккумулироваться в государственном бюджете и перераспределяться на социальные нужды: достойные пенсии, достойные стипендии, пособия, заработная плата работников образования, здравоохранения, науки и культуры.

Главы наших крупнейших госкорпораций, частных компаний, топ-менеджеры и вице-президенты должны получать более высокий доход, чем работающие, т.к. они осуществляют функции более высокого порядка, но эти различия должны иметь узаконенные пределы. **Такое неравенство может быть справедливым. Беспредел в распределении доходов – главный источник коррупции и криминала.**

Чтобы работающие получали заработную плату, соответствующую стоимости рабочей силы, **необходимы сильные профсоюзы и компетентные лидеры**, способные обосновать и защитить интересы работающих.

Государство должно отслеживать отношения между субъектами экономики, создавать условия для нормального воспроизводства рабочей силы, не допускать чрезмерного произвола в присвоении нетрудовых доходов или просто грабежа национального достояния

Таким образом, классовое неравенство, порождающее пропасть между бедными и богатыми, доходы которых носят в значительной степени грабительский характер является несправедливым. Проблема состоит не в неравенстве как таковом, а в справедливости неравенства. Усилит или ослабит реиндустриализация степень углубления неравенства в распределении доходов?

Литература

1. Аганбегян А.Г. Как нам преодолеть стагнацию? // Вольная экономика, №01 январь-март 2017, с.19.

2. Бузгалин А.В. Классическая политическая экономия: современное марксистское направление: Учебник / Бузгалин А.В., Колганов А.И., Барашкова О.В. М., 2018.

3. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / Монография / – М.: Культурная революция, 2016. С. 103.

4. Дейнека Л.Н. Иностраные инвестиции в российской экономике: способствуют её развитию или сдерживают его? // Конкурентоспособность национальных экономик и регионов в контексте глобальных вызовов мировой экономики: монография: в 3 т. / [Е.С. Аверкиева и др.; Южный федеральный университет; под ред. А.Б. Яценко. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство ЮФУ, 2017.

5. Дейнека Л.Н. Россия в системе мирохозяйственных связей: проблемы возрождения реального сектора экономики // Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перегрузка». Том2/ Сборник пленарных докладов Санкт-Петербургского международного конгресса (СПЭК–2017) / Под общ. Ред. С.Д. Бодрунова. СПб.,2018, с.66

6. Маркс К. Капитал, том первый, книга 1: Процесс производства капитала. – Изд. Политической литературы, М., 1969, с.6

7. Смолин О.Н. Экономия на человеке как механизм торможения: некоторые социоэкономические аспекты – Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее» Том 1 / Сборник пленарных докладов IV Санкт-Петербургского Международного Экономического Конгресса (СПЭК–18) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб: ИНИР, 2018. 240 с.

8. Информационно-аналитическая компания «Росбизнес-Консалтинг» www.rbk.ru (дата обращения 22. 10. 2013).

9. Минпромторг. URL: minpromtorg.gov.ru (дата обращения 10.03.2016)
10. Промышленность и строительство:
11. http://www.redov.ru/politika/belaja_kniga_yekonomicheskie_reformy_v_rossii_1991_2001/p6.php Дата обращения 21.04.2018
12. https://studwood.ru/777994/sotsiologiya/bednost_tsifrah Дата обр. 18.03.19
13. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бедность> (дата обращения 27.04.2019)
14. <https://tass.ru/info/5013451> Дата обр. 21.02 19
15. Федеральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru. Дата обращения 21 02.2016).
16. fincan.ru
17. <https://www.stevsky.ru/reytingi-forbs/forbs-2019-rf-kto-popal-v-spisok-samich-bogatich-liudey-rossii-top-50-milliardero> Дата обр. 29.04.19
18. forbes.rumilliardery. 2017 (дата обращения 12 мая 2017)

Должикова А.М.,

*аспирантка кафедры политической экономики
экономического факультета*

МГУ им. М.В. Ломоносова,

ведущий специалист ООО «СК «Согласие»

**«Страхование от неравенства»:
механизмы минимизации рисков
и перераспределения богатства
для снижения неравенства населения
в эпоху НИО.2**

Аннотация. В проведенном исследовании рассматривается взаимосвязь неравенства и асимметрии информации, их взаимное влияние и возможности устранения. Основная цель – выявить и раскрыть суть мероприятий, снижающих негативное воздействие асимметрии информации на функционирование страхового рынка. На примере аналитических исследований российских и зарубежных авторов в области решения проблем неблагоприятного отбора и морального риска показано, что степень неравенства доходов населения в стране находится в прямой зависимости от отсутствия или асимметрии актуальной и достоверной информации о населении. По результатам исследования можно судить о том, что эффективная страховая система сможет позитивно повлиять на экономический рост, а используемая ею грамотная дифференциация людей по доходам и рискам позволит снизить неравенство населения.

Ключевые слова: асимметрия информации, неблагоприятный отбор, моральный риск, медицинское страхование, депозитное страхование, ипотечное страхование, неравенство доходов населения, благосостояние общества

Dolzhiikova A.,

*graduate student in Lomonosov Moscow State University,
economics department;*

leading expert in SOGLASIE Insurance Company Ltd

**«Insurance upon Inequality»: Mechanisms of Risk
Minimization and Wealth Redistribution for Decrease
in Inequality of the Population during the NIS.2 era**

Abstract. This article is devoted to the interrelation of inequality and information asymmetry, their mutual influence and possibilities of elimination. The main objective of article is to reveal the essence of measures reducing negative impact of asymmetry of information on functioning of the insurance market. The conducted research proved that the effective insurance system would be able to influence positively on economic growth, while competent differentiation of people by their income and risks will allow reducing population inequality. By the example of Russian and foreign analytical researches in the field of the solution of problems of adverse selection and moral risk it is shown that degree of population income inequality in the country exist in direct dependence on absence or asymmetry of relevant and reliable information about the population.

Keywords: information asymmetry, adverse selection, moral hazard, medical insurance, deposit insurance, mortgage insurance, population income inequality, social welfare

Введение

Современный мир стоит на пороге новой технологической революции, и глобальные перемены неизбежно затронут всю сферу экономической жизни человека. Совокупность этих сдвигов приводит к тому, что можно назвать, отталкиваясь от терминологии известного экономиста-теоретика XX века Дж. К. Гэлбрейта, «новым индустриальным обществом второго поколения», НИО.2.¹

¹ Гэлбрейт: возвращение / Под. ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2017, с. 41.

В эпоху НИО.2 главенствующее положение со временем займут те сегменты рынка, в которых производится знаниеемкий продукт. На смену индустриальной системе с акцентом на промышленном производстве и постиндустриальной «сервисной экономике» приходит новая индустриальная экономика¹. Поэтому уже сегодня следует задуматься о последствиях нового технологического подъема: общественных сдвигах, цифровых возможностях, а также – что неизбежно – и новых рисках.

Основная цель данного исследования – выявить и раскрыть суть мероприятий, снижающих негативное воздействие асимметрии информации на функционирование страхового рынка, а также доказать, что степень неравенства доходов населения в стране находится в прямой зависимости от отсутствия или асимметрии актуальной и достоверной информации о населении.

*Страхование
как механизм объединения рисков*

С точки зрения экономической теории человек в процессе принятия решения пытается найти такой оптимальный вариант, при котором уровень риска самый низкий, а прибыль самая высокая. Однако это приводит к внутреннему противоречию, так как риск прямо пропорционален прибыли.

Д. Бернулли выдвинул гипотезу о том, что необходимо учитывать при измерении ценности товара именно его полезность, а вовсе не цену, поскольку каждый относится к риску субъективно.²

Можно рассмотреть следующий пример. У человека имеются активы в сумме 35 тыс. \$. При неблагоприятном исходе человек мо-

¹По ту сторону глобализации: потенциал Евразии. Международный форум. Кембридж, 11–13 мая 2017 года / Мат. Международного форума / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2017, с. 11–12.

² Бернулли Д. Опыт новой теории измерения жребия. / Вехи экономической мысли. Т. 1. Теория потребительского поведения и спроса. – СПб.: Экономическая школа, 1993, с. 11–27.

жет терпеть убытки в сумме 10 тыс. \$ (это может быть как человеческий фактор, например, угон транспортного средства, или природный катаклизм, например, пожар). Вероятность этого равна 0,01. В этом случае распределение вероятностей этого индивида будет следующим: стоимость активов равна 25 тыс. \$ при $p = 0,01$ и равна 35 тыс. \$ при $p = 0,99$.

Целесообразно и необходимо рассмотреть ситуацию, в которой индивид-рискгофоб увеличивает свое благосостояние путем приобретения страховки у страховой компании. Предполагается, что возможна покупка страховки и перекладывание риска на других участников ситуации. При расчетах выяснено, что максимальная сумма потери, которую может понести индивид (10 тыс. \$), компенсируется при «выплате» каждому индивиду 10\$ при наступлении убытка. Таким образом, вероятность риска остается прежней, но снижается его степень. При условии, что средняя убыточность – каждый 10-й, максимальная сумма страховки не может превышать в среднем 100\$ в год. При существовании резервного фонда все риски оказываются покрытыми и застрахованными. Таким образом, страхование как механизм объединения рисков позволяет рискгофобам совершать подобные сделки.

Ряд авторов также рассматривают дополнительные механизмы перераспределения риска на рынках автострахования гражданской ответственности, медицинского страхования, пенсионного страхования и социального страхования¹. Авторы приходят к выводу, что при применении страховых механизмов на рынках капитала может измениться система функционирования финансового сектора. В частности, при создании страховых облигаций как альтернативы традиционной системе перестрахования, возможен эффект диверсификации и снижение рисков контрагентов, которые менее коррелированы с кредитным циклом по сравнению с традиционными страховыми продуктами.

В качестве примера на рисунке 1 показан рост катастрофических облигаций, долговой ценной бумаги, владелец которой имеет право на ее номинальную стоимость, а также получение процента, однако

¹ *Trowbridge C.L. Insurance as a Transfer Mechanism. The Journal of Risk and Insurance, Vol. 42, № 1, 1975, p. 1-15.*

платежи по таким облигациям зависят от наступления страхового случая и размера понесенных убытков¹. Данные облигации можно рассматривать как один из инструментов снижения риска для туроператоров. Однако при этом возникают проблемы существенного увеличения транзакционных издержек, а также нежелания инвесторов вкладывать свои средства в подобные активы.

Рис. 1. Рост рынка страховых ценных бумаг на примере катастрофических облигаций

Источник: Andersen J.V. Risk transfer mechanisms – converging insurance, credit and financial markets.²

Таким образом, доказанная эффективность страховых механизмов минимизации рисков позволяет сделать вывод о том, что система страхования является одной из ключевых отраслей современного финансового рынка.

¹ Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых с международным участием «Риск-менеджмент в экономике устойчивого развития». Под редакцией А.И. Разживина, И.Т. Сабирова, А.Р. Гапсаламова, С.В. Хусаиновой. Елабужский институт Казанского (Приволжского) Федерального Университета, 2015, с. 64–65.

² Andersen J.V. Risk transfer mechanisms – converging insurance, credit and financial markets. Presentation at OECD/CIRC Technical Expert meeting on Reinsurance, 2002.

*Проблема неблагоприятного отбора
на примере генетического тестирования*

В отличие от исторически сложившегося государственного медицинского страхования в Европе, система здравоохранения в США является конкурентной и рыночной и полагается в большей степени на частный рынок для финансирования. Это объясняется стандартной теорией морального риска для ситуации медицинского страхования. Согласно этой теории, полная страховка поощряет людей злоупотреблять медицинским обслуживанием, потому что оно кажется им «свободным» или высокосубсидированным. Американский автор новой теории, Э. Грэй¹, однако, указывает, что это доминирующее представление о проблеме морального риска существенно искажено, и полная страховка является фактически эффективной.

Новый подход к проблеме морального риска состоит в том, что дополнительные расходы на здравоохранение, включенные в страховку, не всегда отрицательно сказываются на благосостоянии общества и могут фактически влиять положительно, потому что они позволяют действительно больным людям получать необходимый уход. Поскольку люди оценивают дополнительный доход, который они получают от страховки, когда они заболевают, больше, чем доход, который они теряют, когда они платят премию и остаются здоровыми, а также поскольку в системе социального страхования теоретическая вероятность заболевания одинакова, это национальное перераспределение дохода от здоровых к больным является эффективным и увеличивает благосостояние общества.

Наиболее логично предположить, что генетическое тестирование приведет к более точной информации о состоянии здоровья человека, которое в свою очередь позволит страховой компании оценить риск более точно и, следовательно, принять в теории более оптимальные решения относительно покупки и продажи продуктов медицинского страхования. Этот вопрос вызвал оживленные дискуссии, где некоторые исследователи утверждают, что страховые компании будут предвзято относиться к людям, которые восприимчивы к гене-

¹ Gray A. When Moral Hazard is Good. Economics Senior Thesis University of Puget Sound, 2006.

тическим отклонениям и завышать им цену страховки. Страховщики могут в этом случае дифференцировать страхователей и предложить страховку только тем, кто не восприимчив к особым генетическим отклонениям. Результат состоял бы в том, что большинству было бы отказано в оформлении страхового полиса.

Напротив, по мнению других исследователей, страхование не является социальной услугой. Это – бизнес, и как любое другое экономическое предприятие, оно стремится получить прибыль, или по крайней мере не остаться в убытке. В таком случае страховые компании вынуждены запрашивать информацию о своих клиентах, и чем более она точна и правдоподобна, тем более «справедливой» будет премия. Поэтому, если тесты генетического отклонения легко и дешево достижимы, страховщик может быть в состоянии установить премии, которые более соразмерны с риском держателей страхового полиса.

Таким образом, ряд авторов приходит к выводу, что страховые компании могут избежать ситуации провалов рынка при помощи системы генетического тестирования, чтобы лучше оценить риск для здоровья, и что у потребителей может также быть доступ к этой информации, которая будет влиять на их решение купить страховку.

Авторы рассмотренных статей пытались определить потенциальные эффекты, которые генетика будет иметь на индустрию страхования. Сделан вывод о необходимости создавать отдельную «нишу» для низкорисковых индивидов, чтобы они могли на льготных условиях приобрести медицинский полис. Это повысит благосостояние всего общества.

*Проблема морального риска
на примере депозитного страхования*

В страховании наибольший отрицательный эффект моральный риск имеет тогда, когда сумма выплат согласно страховому полису выше, чем реальная стоимость имущества. С одной стороны, явное страхование депозитов может значительно уменьшить уровень банкротств банков или даже полностью их предотвратить в странах с сильным государственным аппаратом и надлежащими гарантиями. С другой стороны, если его не контролировать, явное страхование депозитов может привести к банковским кризисам, давая банкам

извращенные стимулы брать на себя обязательства по ненужным и опасным рискам. Так, например, США извлекли болезненный урок в этом отношении в 1980-х и в начале 1990-х гг., когда чрезмерно обширная и неконтролируемая система страхования депозитов вызвала самую большую волну банкротств американских банков со времен Великой Депрессии. Как показывает американский опыт, любая страна, которая практикует явное страхование депозитов, должна одновременно учитывать дестабилизирующее влияние этого вида страхования на финансовую систему страны.

Таким образом, идея Дж.К. Гэлбрейта о формировании конвергентного общества находит свое эмпирическое подтверждение, а одностороннее следование либеральным мифам о «свободном рынке» не отвечает задачам формирования современной эффективной экономической модели¹. Разумное регулирование государством деятельности корпораций и банков необходимо для системного подхода к решению проблем асимметрии информации и неравенства населения, так как «установление факта конвергенции <...> в противоположность нынешним представлениям <...> подразумевает, что этой системе может быть обеспечено будущее»².

До недавнего времени вопрос надлежащих гарантий был исключительно теоретическим и не исследовался с точки зрения эмпирических данных. В последние годы, однако, две новых выборки по данным о схемах страхования депозитов во всем мире – статистика, собранная экономистами Всемирного банка Э. Демиргюс-Кантом, Э. Кейном и Л. Лаваном³ и статистика, собранная экономистами Дж. Р. Бартом, Дж. Каприо-мл. и Р. Левине⁴ – обогатили наше понимание эффектов и ограничений различных аспектов страхования депозитов.

¹ Цаголов Г.Н. Модель для России. – М.: Международные отношения, 2009.

² Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество – The New Industrial State, 1967. АСТ, 2004, с. 452–455.

³ Demirgüç-Kunt A., Kane E., Laeven L. Deposit Insurance Database, IMF Working Papers 14/118, International Monetary Fund, 2014.

⁴ Barth J.R., Caprio G. Jr, Levine R. Bank regulation and supervision in 180 countries from 1999 to 2011. Journal of Financial Economic Policy, Emerald Group Publishing, vol. 5(2), 2013, p. 111–219.

Таким образом, быстрое увеличение явного страхования депозитов и сопутствующий риск кризисов банкротств банков делают его более важным, чем когда-либо, для стран, в которых проводится такая политика, поскольку требуется установить полные и надлежащие гарантии банкам и их вкладчикам, чтобы избежать проблемы морального риска.

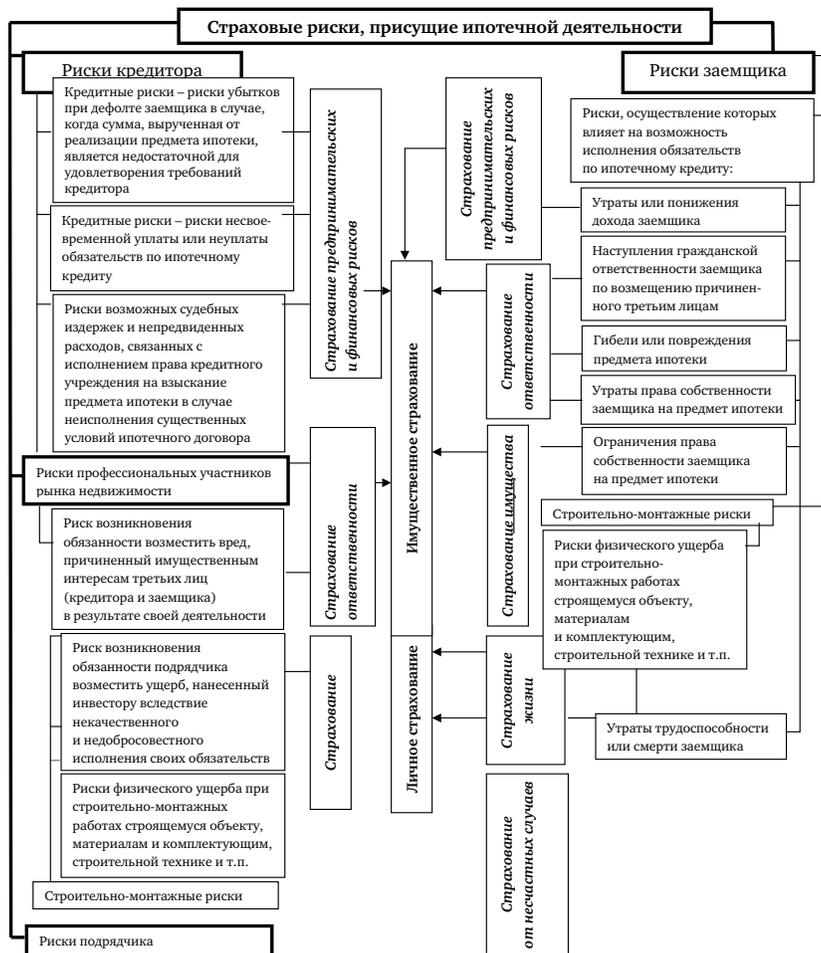

Рис. 2. Страховые риски, присущие ипотечной деятельности
 Источник: ГК РФ, ФЗ «Об организации страхового дела в РФ»¹.

¹ ГК РФ, ст. 927, ФЗ «Об организации страхового дела в РФ», ст. 4.

Развитие рынка доступного жилья – одно из приоритетных направлений российской государственной политики. В развитых странах люди вместо единовременной покупки жилья предпочитают получить ипотечный заем, что позволяет вселиться в квартиру уже после погашения первой части долга, а затем в течение нескольких лет заемщик возвращает периодическими платежами сумму кредита и проценты. В США при помощи ипотечного кредита осуществляется почти 90% сделок по покупке жилья, в Германии – около 50%¹. Россия постепенно наращивает свой потенциал в сфере ипотечного страхования.

На текущий момент к причинам отставания данного вида страхования можно отнести недоверие населения к финансовым структурам, а также низкую страховую культуру. Однако ипотечное страхование жизни имеет огромный потенциал, поскольку позволяет гарантировать сторонам сделки справедливое возмещение и снижает их риски банкротства.

Совершенствование законодательства, приведение его в соответствие с реальными запросами экономических агентов, будет выгодным для всех сторон, так как будет способствовать развитию страхования жизни заемщика и ипотечного страхования в целом. К примеру, законодательное урегулирование использования в качестве залога при получении ипотечного кредита полиса накопительного страхования жизни увеличило бы спрос на данный страховой продукт и на ипотечное страхование в целом.

Немаловажным аспектом программы также являются накопительные полисы по страхованию жизни, позволяющие не только сохранить, но и приумножить денежные средства заемщика, поскольку ресурсы, аккумулированные по накопительному страхованию жизни, являются существенным источником инвестиций в ипотечное жилищное кредитование.

Заключение

В проведенном исследовании было доказано, что эффективная страховая система сможет позитивно повлиять на экономический

¹ Самиев П. Начинаем новую жизнь// Эксперт. – 2004. – № 42.

рост, а используемая ею грамотная дифференциация людей по доходам и рискам позволит снизить неравенство населения.

В ходе исследования было показано, что страхование как механизм объединения рисков позволяет минимизировать риски и потери при совершении сделок с высокой вероятностью убыточности. Страховые облигации также могут служить инструментом снижения рисков для определенных сегментов финансовых рынков.

В условиях асимметрии информации на рынке медицинского страхования немаловажную роль играет развитие современных методов генетического тестирования в качестве инструмента, минимизирующего отрицательные последствия проблемы неблагоприятного отбора. Увеличение персонифицированной информации об уровне риска может повысить эффективность системы как для страховщиков при калькуляции льготных страховых премий для низкорисковых индивидов, так и для страхователей при выборе оптимальных условий страхового контракта. Данная мера не только повысит благосостояние всего общества, но и позволит людям больше узнать о состоянии своего здоровья.

Еще одним методом «страхования от неравенства» может служить страхование депозитов. Поскольку проблема морального риска при страховании депозитов имеет весьма разнообразные формы в современных условиях, на уровне государства необходимо установить надлежащие гарантии банкам и их вкладчикам. Однако следует учесть, что страхование депозитов может значительно уменьшить уровень банкротств банков только в странах с сильным государственным аппаратом и надлежащими гарантиями. Это обуславливает необходимость введения государственных регулирующих ограничений на страховом рынке.

Наконец, одним из наиболее перспективных на сегодняшний день инструментов развития страхового рынка является область ипотечного страхования. В исследовании доказано, что ипотечное страхование жизни позволяет гарантировать сторонам сделки справедливое возмещение и снижает их риски банкротства, что ведет к эффективному увеличению благосостояния общества. Отдельно стоит отметить ключевую роль накопительного страхования жизни и здоровья заемщика, поскольку ресурсы, сформированные по накопительному страхованию жизни, являются дешевым источником

инвестиций в ипотечное жилищное кредитование. Данный вид страхования ведет к снижению неравенства населения, поскольку позволяет расширить возможности малоимущих семей в получении доступного жилья и экономии средств. Кроме того, в этом случае снижается нагрузка на бюджет в части социальных программ.

Литература

1. Бернулли Д. Опыт новой теории измерения жребия / Вехи экономической мысли. Т. 1. Теория потребительского поведения и спроса. – СПб.: Экономическая школа, 1993.

2. Бодрунов С.Д., Гэлбрейт Дж.К. Новая индустриальная революция и проблемы неравенства: учебно-методическое пособие / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2017.

3. Бузгалин А.В. Креативная экономика: почему и как может быть ограничена частная интеллектуальная собственность // Социологические исследования. – 2017. – № 8.

4. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное / Дж.К. Гэлбрейт. – М.: Эксмо, 2008.

5. Гэлбрейт Дж. К. Общество изобилия: гл. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 23, 24; пер. с англ. / Дж.К. Гэлбрейт. – Пермь: Издательство ППИ, 1973.

6. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество – The New Industrial State, 1967. АСТ, 2004.

7. Гэлбрейт: возвращение / Под. ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2017.

8. Доклад о человеческом развитии 2015 Программы развития Организации Объединенных Наций. Издательство Весь Мир, 2015.

9. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых с международным участием «Риск-менеджмент в экономике устойчивого развития». Под редакцией А.И. Разживина, И.Т. Сабирова, А.Р. Гапсаламова, С.В. Хусаиновой. Елабужский институт Казанского (Приволжского) Федерального Университета, 2015.

10. Моргенштерн О., фон Нейман Дж. Теория игр и экономическое поведение – М.: Книга по Требованию, 2012.

11. По ту сторону глобализации: потенциал Евразии. Международный форум. Кембридж, 11–13 мая 2017 года / Мат. Международного форума/ Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2017.

12. Самиев П. Начинаем новую жизнь// Эксперт. – 2004. – №42.

13. Цаголов Г.Н. Модель для России. – М.: Международные отношения, 2009.

14. Andersen J.V. Risk transfer mechanisms – converging insurance, credit and financial markets. Presentation at OECD/CIRC Technical Expert meeting on Reinsurance, 2002.

15. Barth J.R., Caprio G. Jr, Levine R. Bank regulation and supervision in 180 countries from 1999 to 2011. Journal of Financial Economic Policy, Emerald Group Publishing, vol. 5(2), 2013.

16. Belli P. How Adverse Selection Affects the Health Insurance Market. The World Bank Policy Research Working Paper Series № 2574, 2001.

17. Demirgüç-Kunt A., Kane E., Laeven L. Deposit Insurance Database, IMF Working Papers 14/118, International Monetary Fund, 2014.

18. Friedman M., Savage L.G. The Utility Analysis of Choices Involving Risk. Journal of Political Economy. Vol. LVI, № 4, 1948.

19. Gray A. When Moral Hazard is Good. Economics Senior Thesis University of Puget Sound, 2006.

20. Gropp R., Vesala J. Deposit Insurance, Moral Hazard and Market Monitoring. Working paper series № 302, 2004.

21. Hooks L.M., Robinson K.J. Deposit Insurance and Moral Hazard: Evidence from Texas Banking in the 1920s. Journal of Economic History 62(3), 2002.

22. Hooks L.M., Robinson K.J. Quantifying Moral Hazard: A Reply to Gary Richardson. Econ Journal Watch 4(3), 2007.

23. Oster E., Shoulson I., Quaid K., Dorsey E.R. Genetic Adverse Selection: Evidence from Long-Term Care Insurance and Huntington Disease. NBER Working Paper № 15326, 2009.

24. Richardson G. Deposit Insurance and Moral Hazard: Capital, Risk, Malfeasance, and Mismanagement. Econ Journal Watch 4(3), 2007.

25. Silva N. Deposit Insurance, Moral Hazard and The Risk of Runs. Central Bank of Chile Working Papers. № 474, 2008.

26. Trowbridge C.L. Insurance as a Transfer Mechanism. The Journal of Risk and Insurance, Vol. 42, № 1, 1975.

27. *Viswanathan K.S., Lemaire J., Withers K., Armstrong K., Baumritter A., Hershey J.C., Pauly M.V., Asch D.A.* Adverse Selection in Term Life Insurance Purchasing Due to the BRCA1/2 Genetic Test and Elastic Demand. *The Journal of Risk and Insurance*. Vol. 74, № 1, 2007.

28. Measuring the health-related Sustainable Development Goals in 188 countries: a baseline analysis from the Global Burden of Disease Study 2015. GBD 2015 SDG Collaborators, 2016.

29. Болезнь Хантингтона. URL: <http://www.happymozg.ru/o-mozge/bolezni-nervnoy-sistemy/bolezni-khantingtona/>

30. ГК РФ, ст. 927. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ac8aa4833507a4954fd3a6034190e50a8f69afa9/

31. ФЗ «Об организации страхового дела в РФ», ст. 4. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/3859aa86a94a64166bdaabd4d4761defodo3a7cc/

Забелина О.В.,

*доктор экономических наук, профессор,
начальник лаборатории стратегических исследований
социально-трудовых отношений Центра изучения
трудовых отношений и рынка труда ВНИИ труда
Минтруда России*

Мирзабалаева Ф.И.,

*кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры
Торгово-промышленной палаты РФ*

«Развитие человеческого капитала»

*РЭУ имени Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник
отдела рынка труда ВНИИ труда Минтруда России*

Готовность российских работников

к изменениям в сфере занятости:

ожидание бедности или трудовая мобильность?

Аннотация. Современные цифровые технологии с их возрастающими возможностями снижения издержек (в т.ч. на основе автоматизации и роботизации производства) способствуют появлению новых форм организации труда. Технологический прогресс и переход к информационному обществу изменяют спрос на профессии и навыки, требуют все более квалифицированных и мобильных работников. Авторы рассматривают готовность разновозрастных работников к изменениям в сфере занятости и пытаются определить – это вынужденная мера, способ минимизация рисков бедности или осознанная необходимость и профессиональное понимание необходимости формирования цифровых навыков, стимулирующих трудовую мобильность.

Ключевые слова: российские работники, готовность к изменениям, цифровизация занятости, риски бедности, трудовая мобильность

Zabelina O.V.,

*Doctor of Economics, Professor,
Head of laboratory of strategic researches
of social and labor relations,
Center of labor relations and labor market studies
of VNIИ Truda, the Russian Ministry of Labor*

Mirzabalaeva F.I.,

*Ph.D. in Economics, Associate Professor
of the Basic Department “Human capital development”
of the chamber of Commerce and Industry of the Russian
Federation at Plekhanov Russian University of Economics*

**The Readiness of Russian Workers
for Changes in Employment:
the Expectation of Poverty or Labor Mobility?**

Abstract. Modern digital technologies with their increasing opportunities to reduce expenses (including on the basis of automation and robotization of manufacturing) conduce to the emergence of new forms of labor organization. Technological progress and transition to an information society are changing the demand for professions and skills, requiring increasingly skilled and mobile workers. The authors consider the readiness of workers of different ages to changes in employment and try to determine if it is a forced measure or method of minimizing the risks of poverty; or a conscious need and professional understanding of the need to build digital skills that encourages labor mobility.

Keywords: Russian workers, readiness for changes, digitalization of employment, poverty risks, labor mobility

Следствием повышения производительности труда становится постепенное высвобождение работников из традиционных сфер занятости. В то же время, цифровые технологии помогают развивать навыки и повышать квалификацию, в т.ч. людям, которые раньше не имели таких возможностей в силу социальных или географических ограничений. Цифровые технологии и платформы создают новые возможности для поиска работы и трудоустройства. Однако насколько готовы российские работники к активному трудовому поведению, которое позволит избежать безработицы и бедности?

Оценке рисков бедности работающего населения посвящена статья Гафаровой Е.А., Каримова А.Г., в которой авторы анализируют данные социологического опроса проблем уровня и качества жизни работающего населения Республики Башкортостан, проведенного Институтом социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН в 2014 г. (общий объем выборки составил около 700 человек). Эконометрический анализ показал, что основными факторами риска бедности по доходам для занятого населения трудоспособного возраста являются: проживание в сельской местности; принадлежность к женскому полу; наличие образования ниже среднего профессионального; малый состав домохозяйства; низкая квалификация; занятость в организациях с государственной и муниципальной формой собственности; занятость в социально значимых видах экономической деятельности (3, с.173).

Специалист Курского государственного университета Пасовец Ю.М. предлагает при определении приоритетов политики в области снижения бедности учитывать прежде всего необходимость уменьшения риска бедности у населения, проживающего в малых городах и сельских поселениях, детей и молодежи, безработных и в целом экономически неактивного населения, низкооплачиваемых работников (5, с.157–158).

В механизме сглаживания социально-экономического неравенства важную роль играет правильное выявление рисков и определение направлений их снижения. Негативные последствия кризисов зачастую усугубляются увеличением социально-экономического неравенства; риск увеличения безработицы любого типа кроме фрикционной, обострение безработицы любого типа кроме естественного, циклической, структурной, технологической и других, приводят к увеличению бедного населения, социально-экономического неравенства, социальной напряженности (4, с. 46).

Исследователи ВНИИ труда Минтруда России обратились к исследованию рисков бедности для женщин с малолетними детьми. Предпринимаемые государством шаги по привлечению молодых мам к возвращению на рабочие места, с одной стороны, помогают сократить дефицит кадров в условиях старения населения, выбраться из бедности женщинам, получить дополнительный доход. Но с другой – при неразвитой инфраструктуре детских садов для детей до

3 лет, повышении пенсионного возраста бабушек и дедушек – реализовать возвращение к занятости весьма сложно. Женщинам приходится выбирать между бедностью и трудовой мобильностью (1; 2).

В 2018 году ВНИИ труда Минтруда России совместно с СПбГУ проведено всероссийское исследование отношения населения к новым формам занятости, в рамках которого, в частности, изучались установки работников в отношении возможной трансформации профессиональной деятельности в условиях цифровизации экономики.¹

Среди наиболее ожидаемых для работающих россиян последствий широкого внедрения компьютерных технологий в их профессиональной области лидируют повышение требований к умениям и навыкам, а также изменение трудовых функций и содержания труда. Исчезновение профессии/специальности малоожидается российским населением, при этом риски сокращения рабочих мест в результате компьютеризации оценены как более реальные во всех возрастных группах работников. Наиболее часто возможность сокращения рабочих мест в своей профессиональной области отмечается «предпенсионерами» (47,4%) и работниками 40–49 лет (45,1%).

Работники всех возрастных групп, признавшие возможность сокращения рабочих мест в своей профессиональной области в результате цифровизации, демонстрируют более высокую готовность к

¹ Научный руководитель проекта – д-р. социол. наук., доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета А.В. Мальцева; научный консультант проекта – д-р эконом. наук, профессор, начальник лаборатории стратегических исследований социально-трудовых отношений ВНИИ труда Минтруда России О.В. Забелина. Проект реализован на базе Ресурсного центра социологических и Интернет-исследований СПбГУ с использованием компьютерной системы для проведения телефонных опросов / CATI (Computer Assisted Telephone Interviewing). Целевая группа исследования – граждане РФ в возрастном диапазоне 18–59 лет, занятые трудовой деятельностью, приносящей доход. Репрезентативная выборка для всероссийского телефонного опроса «Социальные установки и диспозиции населения Российской Федерации в отношении новых форм занятости: субъективные оценки» составила 1634 человека. Ошибка выборки: 5%.

обучению. В этой ситуации население рассчитывает преимущественно на повышение своей конкурентоспособности в сегодняшней профессии/специальности на основе профессионального совершенствования, не готовясь к переходу в другую профессиональную область. Возможность получения новой профессии как действие ближайшей перспективы отмечают только примерно каждый восьмой в возрасте 50–59 лет, каждый четвертый в возрасте 40–49 лет и каждый третий в возрасте 30–39 лет. В условиях ускорения процессов цифровизации отдельных сфер российской экономики это может стать причиной безработицы и социальной напряженности.

Современные вызовы диктуют необходимость выбора между бедностью и мобильностью. Третья часть работающего населения готова к различным изменениям в своей трудовой деятельности. В равной степени допускается получение новой профессии, переход на работу в другую отрасль и смена места жительства: получение новой профессии – 30%, переход на работу в другую отрасль – 33%, смена места жительства ради работы – 36%.

При этом, мужчины в большей степени готовы к переменам, чем женщины, с разницей, достигающей 5–9% (рис. 1).

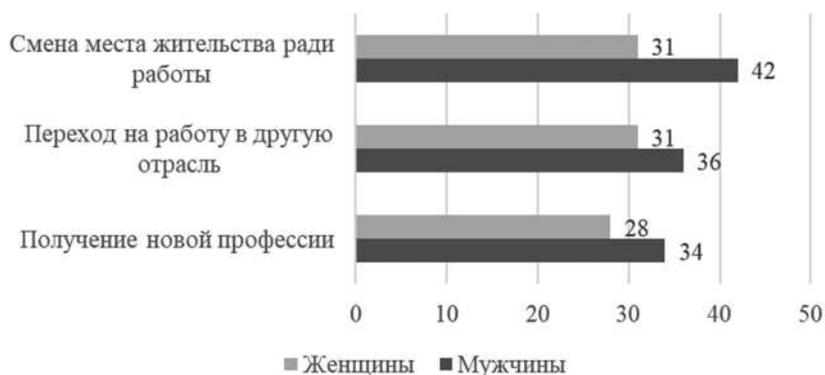

Рис. 1. Гендерный срез суммы ответов «да» и «скорее да» на вопрос о возможных изменениях в трудовой деятельности, в %

Распределение по возрастным группам показало, что с возрастом готовность к любым переменам быстро снижается, и отличия в группе молодежи и лиц 50 лет и старше превышают двукратные значения.

Среди всех возможных вариантов трудового поведения представители разных возрастов менее всего готовы к получению новой профессии. Молодежь, как и следовало ожидать, более склонна к территориальной мобильности, в то время как старшие возрастные группы – к межотраслевой (рис. 2).

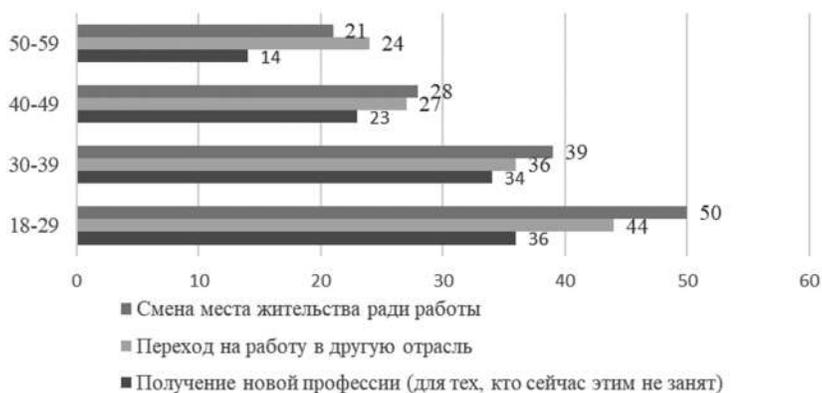

Рис. 2. Возрастная структура распределения ответов «да» и «скорее да» на вопрос о возможных изменениях в трудовой деятельности, в %

Интересным, на наш взгляд, является выявление взаимосвязи между получаемым респондентами доходом и их трудовой мобильностью: готовность к переменам нарастает по мере роста уровня актуального дохода респондентов (это готовность к получению новой профессии и смене места жительства ради работы). Готовность к переходу на работу в другую отрасль достигает пика при заработной плате 18000–28000, затем снижается (табл. 1).

Таблица 1. Сумма ответов «да» и «скорее да» на вопрос о возможных изменениях в трудовой деятельности в разрезе уровня актуального дохода респондента, в %

Доход	Получение новой профессии	Переход на работу в другую отрасль	Смена места жительства ради работы
До 18000	28	35	29
От 18000 до 28000	30	38	37

От 28000 до 40000	33	34	37
От 40000	36	33	37

Одним из важнейших мотивов трудовой мобильности является желание и осознаваемая работником возможность повысить свои доходы и обеспечить новое качество жизни.

Распределение оценок опрошенных работников от 1 (крайне трудно) до 5 (вполне осуществимо) относительно возможности добиться повышения доходов показало, что население страны в целом оценивает эту возможность как относительно реалистичную. 76% оценивает это с вероятностью средней и выше среднего (сумма оценок «3», «4» и «5»). Более половины населения (51%) считает реальным добиться повышения своих доходов. При этом мужчины оценивают свои перспективы более оптимистично. Так, 57% из них считает, что реально добиться повышения доходов, против 45% среди женщин.

Оценка вероятности добиться повышения доходов быстро снижается с возрастом. Так, в возрастной группе 18–29 лет она составляет 73%, в возрасте 30–39 лет – 54%, в возрасте 40–49 лет – 40%, в возрасте 50–59 лет – 30%. Перспективы повышения уровня своего материального благополучия чаще всего позитивно оценивают молодые мужчины (табл. 2).

Таблица 2. Распределение оценок от 1 до 5 по вопросу о реальности добиться повышения доходов в % (распределение по возрасту)

Возраст	1	2	3	4	5	Затрудняюсь ответить	Всего
18–29	3	5	16	38	35	3	100
30–39	4	6	27	30	24	9	100
40–49	12	11	32	24	16	5	100
50–59	16	13	29	19	11	12	100

Оценка вероятности добиться повышения доходов растет с ростом уровня актуальной заработной платы респондентов, отражающего уровень качества их рабочей силы и спрос на нее. Так в квартале с доходом до 18000 36% работников оценивает вероятность повышения доходов как высокую (сумма оценок «4» и «5»), с доходом 18000–28000 – уже 42% работников, с доходом 28000–40000 – 56%,

а с доходом от 40000 рублей оценивают вероятность повышения доходов как высокую 68% респондентов.

Исследование выявило зависимость трудовой мобильности работников от уровня их квалификации. Так, переход на работу в другую отрасль возможен прежде всего для лиц с основным общим и средним общим (41% и 45% соответственно). Наименее склонны к этому лица, имеющие ученую степень (14%). Смена места жительства ради работы прежде всего возможна для лиц с высшим профессиональным образованием (39%). Оценка вероятности добиться повышения доходов достигает наиболее высоких значений у лиц с высшим, несколькими высшими образованиями и ученой степенью (53%, 64% и 65% соответственно оценивают вероятность как высокую). Также высоко оценивают вероятность повышения дохода работники с основным общим образованием (64%).

Распределение оценок по профилю профессионального образования показало, что наиболее позитивно (сумма оценок «4» и «5») оценивают возможность добиться повышения доходов лица, получившие профессиональное образование в области математических и естественных наук (60%); в области искусства и культуры (66%). Меньше оптимизма у работников с таким профилем образования, как «оборона и безопасность государства, военные науки» – 31% и «здравоохранение и медицинские науки» – 38%.

Жители региональных центров высказали наибольший оптимизм в отношении возможности добиться повышения своих доходов – (56% респондентов дали оценки 4 и 5), а жители сельской местности – наименьший (35% соответствующих оценок). В региональном срезе (по федеральным округам) наиболее высокие оценки реальности повышения своих доходов поставили жители Дальневосточного ФО (60% оценок 4 и 5).

В разрезе занятий по основному месту работы респондента выделяются более высокие оценки возможности повышения доходов у руководителей (60%) и военнослужащих (61%). При этом наиболее низкие оценки – в группе квалифицированных работников сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства (37%), квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта, родственных занятий (47%), работников сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности (таблица 3).

Таблица 3. Сумма ответов «да» и «скорее да» на вопрос о реальности добиться повышения доходов в % (распределение руду занятий по основному месту работы респондента)

Занятие по основному месту работы респондента	1	2	3	4	5	Затрудняюсь ответить	Всего
Руководители	6	6	22	30	30	6	100
Специалисты высшего уровня квалификации	8	10	26	27	23	6	100
Специалисты среднего уровня квалификации	7	8	29	30	21	5	100
Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом	9	6	23	35	19	8	100
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	7	10	26	27	21	9	100
Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	9	9	34	23	14	11	100
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта, родственных занятий	9	11	24	25	22	9	100
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	12	0	33	33	17	5	100
Неквалифицированные рабочие	14	4	34	25	17	6	100
Военнослужащие	14	7	7	39	22	11	100

Отраслевое распределение предприятий/организаций основного места работы респондентов показало, что прежде всего рассчитывают на достижение повышения доходов работники следующих сфер: строительства (61%), сферы ИТ (71%), сферы культуры и искусства (61%). Самые низкие оценки реальности добиться повышения своих доходов высказали работники сфер финансов, кредита, страхования, пенсионного обеспечения (38%), образования (40%) и здравоохранения (42%) (таблица 4).

Таблица 4. Сумма ответов «да» и «скорее да» на вопрос о реальности добиться повышения доходов в % (распределение по отраслям предприятий/организаций основного места работы респондента)

Отрасль предприятия/ организации основного места работы респондента	1	2	3	4	5	Затрудняюсь ответить	Всего
Сельское и лесное хозяйство	16	8	30	28	18	0	100
Промышленность	8	9	27	29	19	8	100
Строительство	9	7	20	32	29	3	100
Транспорт и связь	4	11	23	31	19	12	100
Торговля	6	8	24	29	28	5	100
Гостиницы, рестораны и общепит	4	8	22	22	37	7	100
Госуправление	15	8	20	26	21	10	100
Финансы, кредит, страхование, пенсионное обеспечение	7	5	36	24	14	14	100
Сфера ИТ	2	4	23	44	27	0	100
ЖКХ	11	11	29	26	18	5	100
Здравоохранение	13	8	29	24	18	8	100
Образование	8	12	34	25	15	6	100
Культура и искусство	5	5	24	31	30	5	100
Сфера обслуживания	8	6	24	25	31	6	100

Итак, исследование показало, что современная ситуация требует от работников трудовой мобильности в разных формах, т.к. альтернативой мобильности становится бедность в статусе работающего или безработного. Каждый третий опрошенный российский работник высказал готовность к изменениям в своей трудовой деятельности в ближайшей перспективе. При этом в равной мере допускается получение новой профессии (30%), переход на работу в другую отрасль (33%) и смена места жительства ради работы (36%). В большей степени к переменам готовы мужчины, особенно молодые.

Работающее население страны в целом оценивает перспективы достигнуть повышения доходов (в т.ч. за счет своей трудовой мобильности) как относительно реалистичные. По сферам занятости наиболее высокие ожидания перспектив роста доходов характерны для работников сфер строительства, ИТ, культуры и искусства. В раз-

резе групп занятий на фоне достаточно высоких оценок возможности повышения доходов у руководителей и военнослужащих отмечены существенно более низкие оценки в группах квалифицированных работников сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства; квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта; работников сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности.

Важными государственными задачами становятся непрерывная профессиональная ориентация взрослого населения, формирование навыков управления трудовой карьерой и установок на профессиональную и территориальную мобильность для саморазвития и сохранения занятости, а значит – предупреждения бедности.

Литература

1. Албитова Н.В., Пашкова С.Е., Антонова Г.В. Региональный опыт содействия занятости женщин с детьми // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 2. № 12. С. 75–82.

2. Антонова Г.В., Кураева Л.Н., Мирзабалаева Ф.И. Женщины, имеющие детей, на рынке труда: проблемы содействия занятости // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 6. № 10. С. 39–47.

3. Гафарова Е.А., Каримов А.Г. Бедность в российском регионе: факторы и риски для работающего населения // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 3 (426). С. 169–179.

4. Климонова А.Н., Юрина Е.А. К вопросу о нивелировании социально-экономического неравенства как угрозы экономической безопасности // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 11. С. 41–48.

5. Пасовец Ю.М. Риски бедности населения в современных российских условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С. 143–160.

Зайцева В.Р.,

*студент-бакалавр 1-го курса
финансового менеджмента, финансовый факультет,
Российский экономический
университет им Г.В. Плеханова*

**Как социальное неравенство
влияет на экономический рост в России?**

Аннотация. Одной из значимых проблем, рассмотренных в данной статье, является проблема влияния социального неравенства на экономический рост. В работе описаны условия возникновения социального неравенства как в некоторых странах мира, так и в России. Выводы, сделанные в ходе статьи, содержат ответ на заданный вопрос, а также объясняют причины высокого коэффициента Джини в РФ и предусматривают пути решения этой проблемы, используя опыт более развитых стран.

Ключевые слова: социальное неравенство, экономический рост, коэффициент Джини, нестабильность, пути решения

Zaitseva V.R.,

*bachelor student of the 1st year of financial management,
faculty of Finance, Plekhanov Russian University of Economics*

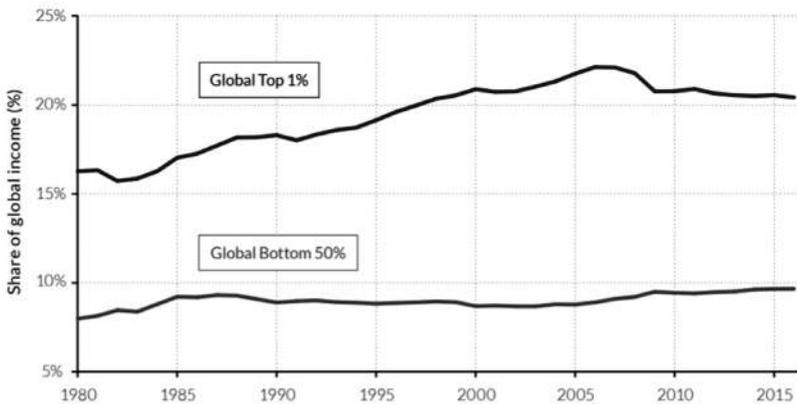
**How Social Inequality Affects Economic
Growth in Russia?**

Abstract. One of the important problems considered in this article is the problem of the impact of social inequality on economic growth. The paper describes the conditions of social inequality both in some countries of the world and in Russia. The conclusions made in the course of the article contain the answer to the question, as well as explain the reasons

for the high Gini coefficient in the Russian Federation and provide ways to solve this problem, using the experience of more developed countries.

Keywords: social inequality, economic growth, Gini coefficient, instability, way of solution

В настоящее время проблема высокого уровня социального неравенства является одной из самых значимых, так как в мире до сих пор существует достаточно сильная разница между доходами, которыми владеют 1% и 50% населения.

Source: WID.world (2017). See wii2018.wid.world for data series and notes.

In 2016, 22% of global income was received by the Top 1% against 10% for the Bottom 50%. In 1980, 16% of global income was received by the Top 1% against 8% for the Bottom 50%.

Рис. 1. The rise of the global top 1% versus the stagnation of the global bottom 50%? 1980–2016

В 2018 году по данным, опубликованным швейцарским банком Credit Suisse в ежегодном отчете, Россия стала лидером по уровню имущественного неравенства (на 1% самых богатых людей нашей страны приходится 57,1% всего богатства нации) (1). В своей статье в ходе рассуждения и привлечения дополнительных источников хотелось бы ответить на вопрос: «Социальное неравенство в целом – это хорошо или плохо? Как оно влияет на развитие экономики России?»

Для начала стоит отметить, что неравенство в различных своих проявлениях всегда существовало и будет существовать. Так, великий французский мыслитель

Ж.-Ж. Руссо еще в XVIII веке отмечал, что есть 2 вида неравенства: первое – «естественное или физическое», суть которого заключается в наличии различий между людьми, данных от рождения, таких, как возраст, здоровье, «умственные качества», и второе – «условное или политическое» неравенство, которое «устанавливается или, по меньшей мере, утверждается с согласия людей» (2). Последнее объясняет наличие привилегий у одних и отсутствие их у других, то есть более богатые люди используют или даже подчиняют себе людей с меньшим заработком.

Важно добавить, что между неравенством доходов и экономическим ростом существует некая зависимость, которую Саймон Кузнец объяснил в своей работе, опубликованной в 1955 году. В его труде указывается, что экономический рост влияет на неравенство, и это воздействие имеет форму обратной U-образной кривой. Американский экономист объяснил это тем, что в ходе экономического развития, заключающегося в трансформации аграрной экономики в индустриальную, уровень неравенства доходов сначала увеличивается, а затем снижается.

Однако в мире в целом появление и рост неравенства – это скорее не следствие экономического роста, а его причина. Так, например, в США наблюдалась тенденция положительного экономического роста особенно в 1970-е годы из-за ухудшения положения наемных работников в американских корпорациях, так как их реальные заработные платы были значительно снижены. Эта же ситуация характерна и для Китая, страны, где также присутствует положительный экономический рост, причиной которого является достаточно высокое значение социального неравенства, обусловленное широким распространением дешевой рабочей силы.

В России же условия роста социального неравенства несколько отличались от тех, которые наблюдались в мире. Так, исходя из графика можно сделать вывод, что рост социального неравенства в России пришелся в основном на 2000 год, когда российская экономика давала значительный прирост ВВП – до 8% в год. Именно в эти годы наблюдался особенно быстрый рост социального неравенства, и это говорит о том, что доходы от продажи российских ресурсов за рубеж распределялись крайне неравномерно и доставались правящему классу, а население получало очень небольшую долю от этих

доходов. То есть в России экономический рост порождает экономическое неравенство.

Рис. 2. Share of Total U.S. Income, 1913–2014.

Source: Saez E. Striking it Richer: The Evolution of Top Incomes in the United States. / Emmanuel Saez – June 2015.

Помимо данной теории Кузнецца, в настоящее время существует также 2 подхода в изучении данного вопроса (5):

1) экономический, суть которого заключается в том, что определяется влияние неравенства на экономический рост. То есть иногда наличие высокого уровня неравенства способствует повышению значений экономического роста, так как различие в доходах является неким мотиватором для бедных людей, что побуждает их преумножать свои доходы путем повышения квалификации, увеличения сбережений. Но также сильная дифференциация в доходах населения может значительно тормозить возрастающую тенденцию экономического роста, так как покупательная способность населения значительно снижается;

2) социальный, представители которого уверены, что в хорошо развитых странах уровень неравенства достигает минимального значения.

Рис. 3. ВВП (США) (1970–2015). Source: World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files, GDP (constant LCU).

Рис. 4. Сравнительная статистика показателей Коэффициента Джини и ВВП в постоянных ценах (долл. США). (3, 4)

Проанализировав данные ВВП и коэффициента Джини за 1995–2017 годы, можно сделать вывод о том, что в России экономический рост порождает экономическое неравенство.

Нельзя не отметить и существование либерального подхода, сторонники которого уверены, что чем выше уровень социального неравенства, тем выше экономический рост. Они объясняют это тем, что различия в доходах населения помогают богатым делать различные сбережения, которые позже превращаются в инвестиции, а инвестиции напрямую влияют на экономический рост, низкий же уровень неравенства не позволит сделать достаточно сбережений, которые в будущем снизят количество инвестиций, что отрицательно скажется на уровне экономического роста. Представляется, однако, что высокий уровень социального неравенства очень опасен и тормозит развитие страны. Так, на 2018 год значение коэффициента фондов в России составило 15.5 (в разах) (4). Это подчеркивает тот факт, что у 10% самых богатых людей России сконцентрировано 90% всех национальных активов. Такая большая разница привела к делению России на 2 основные части: богатые и бедные. И если проблема социального неравенства в ближайшее время не будет решена, то это может привести к весьма неблагоприятным последствиям, в частности:

1. с каждым годом количество разногласий между «богатыми» и «бедными» будет только увеличиваться, что приведет к социальным конфликтам, а именно к снижению взаимопонимания между отдельными группами населения и, как следствие, к сложности их кооперации и согласия, что негативно скажется на экономическом росте страны;

2. низкодоходные группы экономических субъектов в условиях неравного доступа к благам имеют низкие возможности инвестирования из-за отсутствия минимального уровня первоначальных вложений, что лишает их права использовать свой предпринимательский потенциал наравне с более богатыми людьми, что приводит к снижению уровня экономической активности и экономического роста (6, 7);

3. значительная дифференциация в доходах снижает политическую стабильность и в результате обуславливает низкий уровень инвестиционной активности и, следовательно, экономического роста (8).

Для того чтобы определить, как можно снизить уровень социального неравенства в России, необходимо разобрать основные причины появления социального неравенства в нашей стране.

Первая, одна из наиболее распространенных причин, – это массовая приватизация в конце 1992 года. С одной стороны, она была призвана восстановить справедливость в обществе, так как каждый смог бы заполучить часть государственного капитала, тем самым повысив свое благосостояние. Но с другой стороны, приватизация повлекла за собой рост преступности, вызванный желанием части населения присвоить максимальное количество государственных фабрик и заводов. Думается, этот факт очень точно объясняет то, что в современной России на 10% самых богатых людей приходится почти 90% всех национальных активов. Также многие крупные фирмы уплачивают процент по налогам не от полной суммы своего дохода, то есть уклоняются от несения своих обязательств.

Вторая причина – плохо развитое профсоюзное движение в России. Следствием этого является низкий уровень корпоративной социальной ответственности у администрации, а также собственников различных фирм, как больших, так и маленьких. Каждый, желая получить максимальную прибыль, часто ставит свои интересы выше интересов других работников и всей компании в целом. Это приводит к увеличению не только уровня дифференциации доходов, но и к росту коррупции в стране. Кроме того, по мнению Дж. Стиглица, одной из причин неравенства доходов является очень большая разница между заработными платами должностных лиц, занимающих руководящие должности в компании и доходами обычных работников. Именно из-за того, что в России профсоюзы не являются достаточным авторитетом, многие работники, боясь потерять работу, просто не обращаются в эти организации, тем самым, полноценно не используя все свои права.

Третья, не менее важная, причина – неэффективная фискальная политика государства, плохо развита система перераспределения доходов, используется неэффективно налоговая система.

Анализ социальной и экономической ситуации в наиболее развитых странах, особенно в странах Скандинавии, показывает наименьшее значение коэффициента Джини. В связи с этим возможно применить их опыт для решения проблемы социального неравенства в России, что благоприятно скажется на экономическом росте страны.

Во-первых, желательно ввести прогрессивную шкалу подоходного налога. Данный метод весьма распространен во многих раз-

витых странах и является достаточно «испытанным инструментом борьбы с растущим неравенством в доходах и имущественным неравенством» (9) для того, чтобы вернуть часть доходов, полученных «богатыми» от приватизации в конце 1990-х годов, и улучшить систему перераспределения доходов между населением, определить четкую направленность средств на различные затраты.

Также необходимо увеличить контроль государственных структур за реальными активами компаний, что поможет повысить уровень достоверности уплаты налогов крупных предприятий и восстановить справедливость.

Во-вторых, российскому государству необходимо провести ряд мероприятий по повышению значимости профсоюзов в нашей стране, предоставить большую государственную поддержку организациям по защите прав рабочих, использовать более современные способы решения данной проблемы. Кроме того, важно внедрить особые методы, которые смогут повысить уровень корпоративной ответственности российских работников на предприятиях. Для этого можно создать что-то похожее на Мондрагонскую кооперативную корпорацию – федерацию кооперативов работников, базирующуюся в Испании. Основным преимуществом данной системы является ценность интересов всех членов компании, их преобладание над личными интересами. Все работники являются собственниками кооператива, именно поэтому их деятельность направлена на усовершенствование и развитие их общего дела.

Власть в данной корпорации осуществляется по принципу «один человек – один голос», все представители высшего звена (менеджеры, начальники различных отделений) являются выборными, а их зарплата изначально обговаривается всеми работниками. Думается, это – отличное решение для одной из описанных выше причин социального неравенства, затронутой Дж. Стиглиц в его книге «Цена неравенства». Все это приводит к снижению неравенства и, следовательно, к повышению взаимопонимания между представителями высшего и среднего классов, что также положительно влияет на экономический рост.

В-третьих, необходимо принять особые меры по деофшоризации бизнеса, которые помогут снизить отток капитала за рубеж.

В заключение хочется отметить, что в России в настоящее время присутствует достаточно высокий уровень социального неравенства,

который отрицательно сказывается на развитии экономики нашей страны, но искоренить социальное неравенство полностью в РФ невозможно и не нужно, так как в России, как и во многих других странах существует рыночная экономика, для которой характерно такое явление, как прибавочная стоимость, порождающее социальное неравенство. Однако снижение уровня неравенства в нашей стране необходимо. Сделать это можно только с помощью вмешательства различных социальных институтов, использующих определенные методы борьбы, которые я описывала ранее. Кроме того, в XXI в. во многих странах главной силой и движущим фактором развития экономики является человеческий капитал, который необходимо развивать, ведь от этого напрямую зависит рост экономических показателей. Именно поэтому при борьбе с социальным неравенством важно учитывать не только имущественное неравенство, но и неравенство возможностей.

Литература

1. Research Institute: Global Wealth Databook 2018 Режим доступа: <https://www.credit-suisse.com/ru/ru.html>
2. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. – 704 с.
3. The World Bank. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.KD?locations=RU>
4. Федеральная служба государственной статистики (Распределение и дифференциация денежных доходов населения). Режим доступа: <http://www.gks.ru>
5. Анисимова Г.В., Воейков М.И. Политическая экономия равенства и неравенства: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016. – 47 с.: ил., табл.; 24.
6. Ferreira F. Inequality and Economic Performance. A Brief Overview to Theories of Growth and Distribution. Text for World Bank's Web Site on Inequality, Poverty, and Socio-economic Performance. Режим доступа: worldbank.org/poverty/inequal/index.htm.
7. Шараев Ю.В. Теория экономического роста / Ю.В. Шараев; Гос. ун-т. – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 254 с.; 21.

8. Сохроков Т.Х., Татуев А.А. Противоречия формирования эффективного сектора государственных услуг // Инженерный вестник Дона. 2012. № 3. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4p1y2012/t201

9. World Inequality Report 2018. Режим доступа: <https://wir2018.wid.world>

Зверева А.А.,

магистрант экономического факультета

Санкт-Петербургского Государственного университета

**Причины низкой безработицы в России
в условиях экономической рецессии**

Аннотация. В статье раскрываются особенности российского рынка труда в условиях экономического спада. Здесь описаны основные причины феномена низкой безработицы в кризисные для российской экономики времена: гибкость заработных плат, гибкость рабочего времени, отсутствие социальной защиты безработных.

Ключевые слова: рынок труда, безработица, занятость, рецессия, заработная плата

Zvereva A.A.,

master Student, Faculty of Economics,

St. Petersburg State University

**Reasons for Low Unemployment in Russia
in the Conditions of Economic Recession**

Abstract. The article presents the main features of the Russian labor market in an economic downturn. Here are the main reasons for the phenomenon of low unemployment in times of crisis for the Russian economy: wage flexibility, working time flexibility, lack of social security of the unemployed.

Keywords: labor market, unemployment, employment, recession, wages

Показатель безработицы является одним из ключевых показателей для определения общего состояния экономики, для оценки ее эффективности. Учитывая тот факт, что любая экономика развивает-

ся циклическим образом, любая страна проходит этапы спада, стагнации, оживления и подъема экономической конъюнктуры. Очень важным элементом в политике занятости является грамотное регулирование рынка труда в период экономического спада, однако государственная политика занятости далеко не всегда учитывает различные аспекты цикличности развития рынка труда.

Среди рецессий последних 30 лет в России наиболее глубоким и длительным был первый, названный системным кризисом. В этот период проявилась в наибольшей степени повторившаяся в 2008–2009 и 2014–2016 гг. основная закономерность рынка труда – очистка рынка снижением зарплат вместо роста увольнений. Поэтому обратимся к этому периоду. На рис. 1 можно видеть динамику ВВП и численности занятых в экономике за 1992–2007 гг., на основании которого можно утверждать, что занятость в России всегда оставалась достаточно устойчивой и мало чувствительной к экономическим шокам. Связь между изменениями выпуска и занятости была слабой: как бы ни падало и ни росло производство в рамках первого цикла конъюнктуры, численность занятых практически не менялась. Такую нечувствительность занятости по отношению к любым встряскам в отечественной экономике можно считать одной из самых главных особенностей российской модели труда.

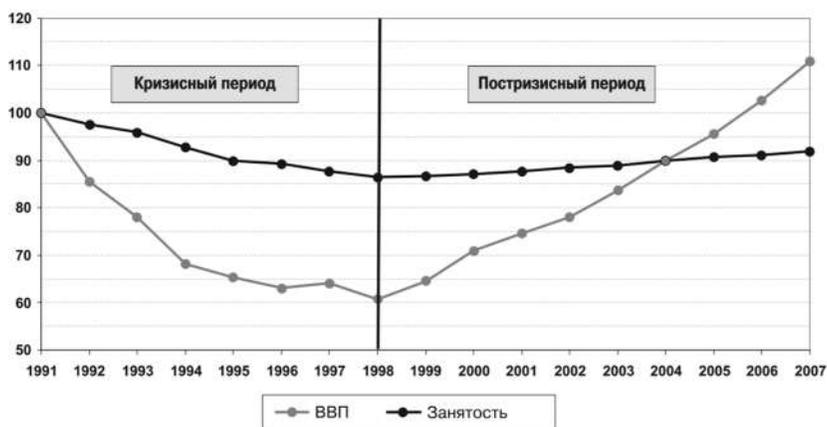

Рисунок 1. Динамика ВВП и численности занятых в российской экономике, 1991–2007 гг., % (1991 – 100%).

Источник: Росстат

Так, при стабильной занятости безработица в России также была не слишком высокой. Как видно на рис. 2, траектория динамики российской безработицы была плавной, без каких-либо резких скачков. Лишь в 1998 год была достигнута точка максимума показателя безработицы – 13,3%. И это при сокращении производства вдвое за тот же период.

Тем не менее на протяжении всего переходного периода безработица удерживалась на весьма низкой отметке, а к середине 2008 г. вообще уменьшилась более, чем вдвое – до 5,5–6%.

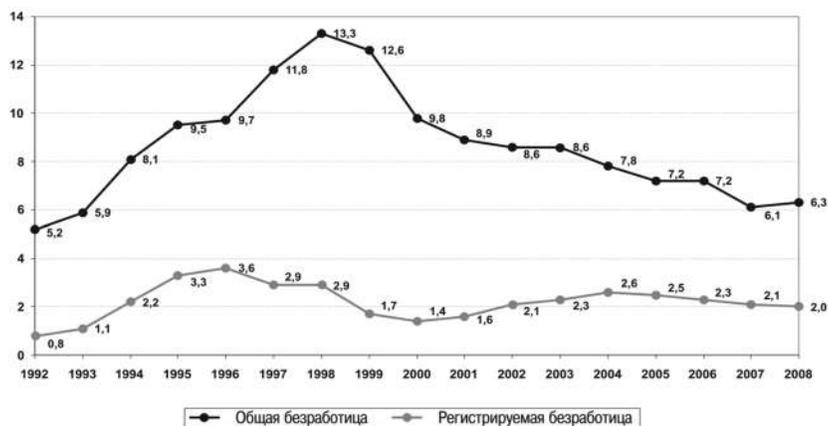

Рис. 2. Динамика уровней общей и регистрируемой безработицы в России, 1992–2008 гг. (%).

Источник: Росстат

В России показатель безработицы никогда не достигал пиковых значений, которые были характерны для многих других реформируемых экономик.

Например, во время рецессии 2008 г. Россия входила в группу стран – лидеров с наиболее благополучной ситуацией на рынке труда. (Для сравнения: в Польше, Словакии и Болгарии безработица в течение 2000-х гг. была почти 20%). Так как удавалось сохранить стабильно низкие показатели безработицы в России, несмотря на все потрясения ее экономики? Ниже будут описаны основные причины этого феномена.

Занятость – высокая, зарплаты – низкие

Доминирование ценовой адаптации над количественной – вот главная характеристика «русской модели» адаптации рынка труда к шокам различной природы, которая позволяет держать практически стабильный уровень безработицы. Иначе говоря, рынок труда России во времена кризиса сильно реагирует со стороны оплаты труда и слабо – со стороны занятости, таким образом амортизируя негативные шоки, защищая занятость и сдерживая рост безработицы.

Логично предположить, что во время рецессии число безработных должно расти. Бизнес снижает издержки в том числе и за счет сокращения персонала. Такая тенденция наблюдается в большинстве стран мира. Например, в Европе и Северной Америке безработица заметно реагирует на кризисы: предприятия сокращают персонал, а когда наступает фаза оживления, люди возвращаются на рабочие места. При этом заработные платы у тех, кто на время кризиса сохраняет работу, почти не меняется, а безработица во времена экономического спада может достигать и 15–20%. В России все иначе. Если в других странах реакция на рецессию идет через количество занятых, то в РФ – через цену труда.

По причине отсутствия обязательной индексации, в периоды высокой инфляции сокращение реальной оплаты труда достигалось посредством неповышения номинальных ставок заработной платы или их повышения в меньшей пропорции, чем рост цен. Так, темпы роста цен далеко отрывались от темпов роста реальных заработков россиян. В кризисные для России периоды реальная оплата труда уменьшалась почти втрое. В январе 1992 г. произошла так называемая либерализация цен и реальная заработная плата россиян снизилась на треть. Затем в октябре 1994 г., когда произошел феномен с «черным вторником», реальные доходы граждан упали еще на 25%. Наконец, после августовского дефолта 1998 г. Реальная зарплата в России снизилась еще на 30% (рис. 3).¹

Когда экономический рост восстановился, несмотря на по-прежнему высокий уровень инфляции, рост номинальной заработной платы в России

¹ Капелюшников Р.И. Конец российской модели рынка труда? / Р. Капелюшников. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. – 72 с.

сильно ее опережал. Соответственно, так восстановился и рост реальной заработной платы, и ее прирост ежегодно составлял до 10–20%. За все послекризисное время реальная заработная плата выросла более чем в три раза (по сравнению с уровнем 1999 г.).

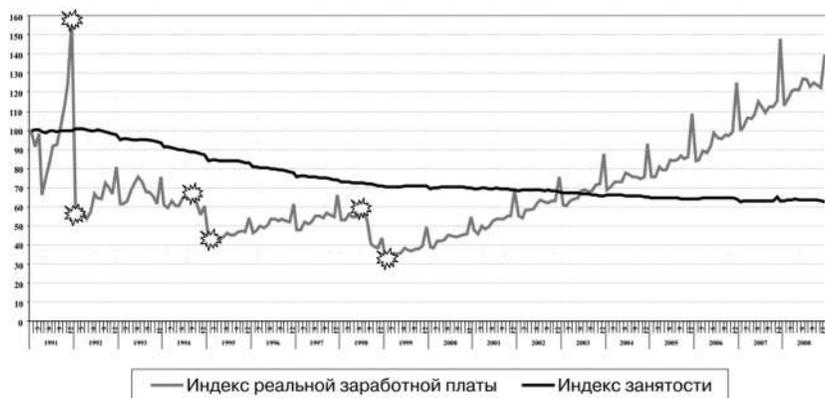

Рис. 3 Месячная динамика реальной заработной платы и численности занятых на крупных и средних предприятиях, 1991–2008 гг., % (январь 1991 г. = 100%)

Источник: Росстат

Также еще одной особенностью российского рынка труда являются задержки в выплате заработной плат как способ снижения реальной заработной платы. Например, в 1998 г. примерно 75% всех наемных работников России столкнулись с регулярными невыплатами заработной плат. В тот кризисный год задолженность по заработной плате увеличилась почти в 10 раз (рис. 4). Иными словами, в разгар кризиса рабочая сила обходилась предприятиям примерно на 20% дешевле ее полной стоимости.¹

Нужно также отметить, что значительная часть россиян получала заработную плату «в конверте». Согласно данным Росстата, например, в 2000-е гг. неофициальные выплаты составляли почти половину от официальной зарплаты (рис. 5). Резкое сокращение раз-

¹ Капелюшников Р.И. Конец российской модели рынка труда? / Р. Капелюшников. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. – 72 с.

мера зарплат «в конверте» можно осуществить в любой момент по желанию собственника предприятия, так как никаких формальных обязательств в отношении таких работников у начальства нет. Поэтому, собственно, «скрытая» оплата труда первой реагировала на любые шоки в экономике.

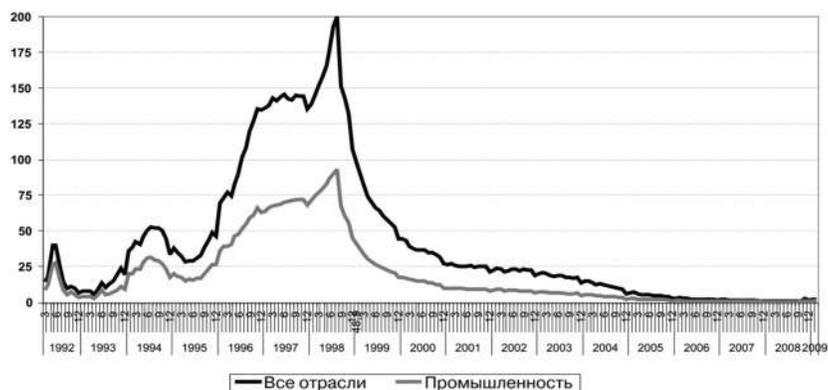

Рис. 4. Динамика реального объема задолженности по заработной плате, 1992–2009 гг., млрд руб. (потребительские цены марта 1992 г. = 100%). Источник: Росстат

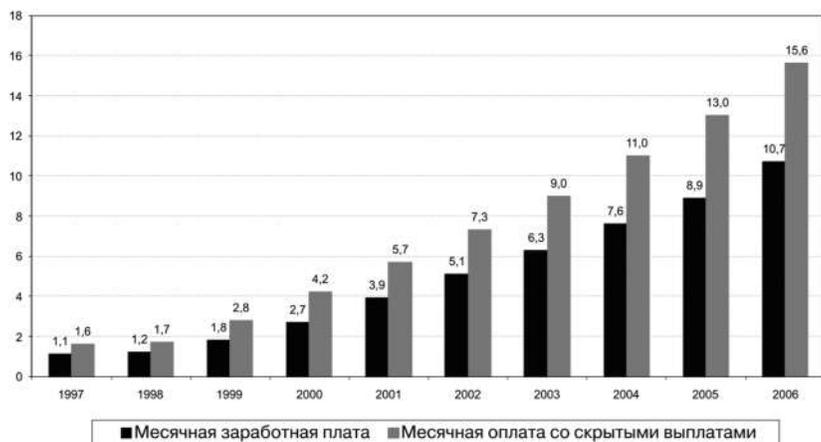

Рис. 5. Динамика официальной заработной платы и полной заработной платы с учетом неофициальных выплат, 1997–2006 гг., тыс. руб. Источник: Росстат

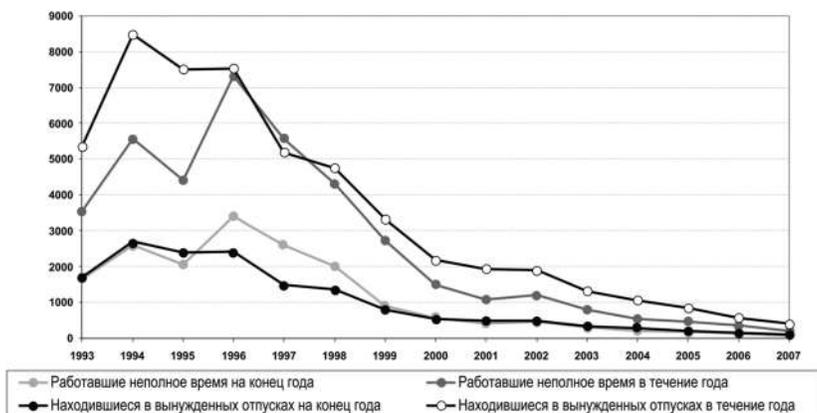
Таким образом, в нашей стране в кризис предприятия не стремились увольнять сотрудников, но были не ограничены в возможности снижать заработную плату. Поэтому такие моменты, как инфляционное обесценение реальной заработной платы, задержки заработной платы и сокращение теневых выплат способствовали удешевлению рабочей силы, что стабилизировало занятость и предотвращало повышение открытой безработицы. Так, например, из графика на рис. 3 отчетливо видно, что в то время, как реальная зарплата сильно реагировала на любые перепады в экономике страны, численность занятых практически не менялась.

Гибкость рабочего времени

В России высок уровень скрытой безработицы. Сотрудников переводят на полставки, на четверть ставки, даже 0,1 ставки. Получается, что человек официально занят и не числится безработным, но фактически им является. Еще одной тенденцией такого «сжатия рабочего времени» были вынужденные отпуска. Тут можно вспомнить середину 1990-х гг., когда в режиме неполного времени каждый год могли работать до 6–7 млн человек, а отправляться в вынужденные отпуска – до 7–8 млн человек (рис. 6). Однако сразу же после того, как российская экономика перешла в фазу роста, такие методы стали выходить из употребления у менеджмента предприятий. Так, в 2007 г. По сокращенному графику трудились лишь 0,2 млн человек, а в вынужденных отпусках побывали лишь 0,4 млн человек.¹

Высокая гибкость рабочего времени способствовала стабилизации уровня занятости: если в кризисные времена продолжительность рабочего времени быстро уменьшается, то необходимость в сокращении численности работников предприятий практически отпадает. И наоборот, в фазе подъема продолжительность рабочего времени быстро увеличивается, а потребность в привлечении дополнительной рабочей силы становится менее острой.

¹ Российская модель рынка труда: испытание кризисом [Текст] / Р.И. Капелюшников, В.Е. Гимпельсон // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2015. – № 2(26). – С. 249–254.

*Рис. 6. Динамика вынужденной неполной занятости
в российской экономике, 1993–2007 гг., тыс. чел.*

Источник: Росстат

Низкое пособие заставляет искать работу быстро

В России доля тех граждан, которые ищут работу более года, невелика. Это также является особенностью отечественного рынка труда. Большинство тех, кто теряет работу, старается найти новый источник заработка как можно быстрее. Причина этому – очень низкое пособие по безработице. Эффект такого низкого пособия заключается в том, что пребывание в рядах безработных и существование за счет пособий оказывается малопривлекательной перспективой и даже опасной перспективой, поскольку получающий мизерное пособие не имеет права параллельно подработать. Это дестимулирует приток как в регистрируемую безработицу, так и в общую. Так, например, в европейских странах соотношение пособия и средней заработной платы составляет 60–70%, а в РФ – менее 10%. Минимальное пособие по безработицы в нашей стране с 2019 г. составляет 1500 руб., что не позволяет им нормально существовать в современных условиях. Поэтому потерявшие работу обречены соглашаться на любую деятельность, приносящую доход. Таким образом, подобное поведение безусловно снижает показатель безработицы, сокращает время поиска новой работы, но негативно влияет на улучшение качества рабочих мест.

Ни дня простоя!

Не только низкое пособие по безработице является причиной стремления россиян к непрерывной занятости, но и привычка населения. Если вспомнить советское время, то тогда люди работали на одном месте по несколько десятков лет, и частая смена работодателя не приветствовалась и грозила потерей непрерывного стажа. Поэтому данные по фрикционной безработице были статичны, не было всплесков, и сотрудники работали по бессрочным договорам. Привычка трудиться без смены места занятости и без перерыва при смене этого места играет не последнюю роль в стабильности занятости в России. Если посмотреть на другие страны, то в США и Европе в то время была распространена проектная работа. Люди устраивались на один-два года, затем могли несколько месяцев находиться в поиске нового места работы, а потом опять трудоустраивались.¹

Учитывая прошлый опыт, большинство граждане России и по сей день не увольняются, пока не найдут новое место работы. Они могут испытывать большой стресс, если остаются без работы и не сразу находят новую.

Таким образом, функционирование российского рынка труда во времена системного кризиса характеризовалось довольно небольшими колебаниями в занятости и невысокой безработицей, чрезмерно гибкой заработной платой и гибким рабочим временем. Процесс адаптации к «тяжелым» для экономики временам осуществлялся преимущественно за счет изменений продолжительности рабочего времени и цены труда. Такая гибкость помогала гасить шоки без сильного ущерба для устойчивости всей системы. Но надо сказать, что, облегчая краткосрочную адаптацию, она не создавала достаточных предпосылок для эффективной реструктуризации занятости и повышения производительности и качества труда. Снижение зарплат и невозможность существовать на пособие по безработице отражалась на благосостоянии семей. Поэтому низкая безработица на российском рынке труда – это далеко не позитивный индикатор.

¹ Российская модель рынка труда: испытание кризисом [Текст] / Р.И. Капелюшников, В.Е. Гимпельсон // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2015. – № 2(26). – С. 249–254.

Литература

1. Гоффе Н. Влияние кризиса на безработицу / Н. Гоффе // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. №8. – С. 27–38.
2. Капелюшников Р.И. Конец российской модели рынка труда? / Р. Капелюшников. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. – 72 с.
3. Российская модель рынка труда: испытание кризисом [Текст] / Р.И. Капелюшников, В.Е. Гимпельсон // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2015. – № 2(26). – С. 249–254.
4. Тургель И.Д. Безработица в России: специфика и тенденции в условиях кризиса и посткризисного восстановления / Тургель И. Д. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – №5. – С. 40–53.
5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (Дата обращения: 26.04.2019)

Клименко Л.В.,

доктор социологических наук,
профессор кафедры бизнеса с сфере гостеприимства
Высшей школы бизнеса
Южного федерального университета

Ермишина А.В.,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории экономического
факультета Южного федерального университета

**Экономические аспекты
социальной сплоченности
в контексте общего Будущего**

Аннотация. Социальная сплоченность становится значимым фактором оптимистического сценария развития общего Будущего населения планеты Земля, поэтому исследование факторов ее формирующих имеет важное значение для общественного развития. Экономическая напряженность, возникающая в связи с неравномерностью экономического развития и экономическими конфликтами, напротив, создает угрозу модернизационному развитию. Опираясь на результаты анализа исследований зарубежных и российских ученых, определена роль экономических ценностей и установок в процессе социокультурной интеграции полиэтничных сообществ.

Ключевые слова: социальная сплоченность, теория модернизации, Юг России; полиэтничные регионы; экономические ценности; экономические интересы; социетальная сфера, экономическая культура

Klimenko L.V.,

Doctor of Sociology, Professor at the Department of Business,
Hospitality, Graduate School of Business,
Southern Federal University

Ermishina A.V.,

Candidate of Economics,

Associate Professor at the Department of Economics,

Economic Faculty, Southern Federal University

**Economic Aspects of Social Cohesion
in the Context of a Common Future**

Abstract. Social cohesion becomes a significant factor in the optimistic scenario for the development of a common Future for the population of the planet Earth, so the study of its formative factors is important for social development. Economic tensions arising from uneven economic development and economic conflicts, on the contrary, pose a threat to modernization development. Based on the results of the analysis of studies by foreign and Russian scientists, the role of economic values and attitudes in the process of socio-cultural integration of polyethnic communities has been determined.

Keywords: social cohesion, modernization theory, South of Russia; polyethnic regions; economic values; economic interests; societal sphere, economic culture

Существуют многочисленные свидетельства того, что жизнь и деятельность людей в обществе с достаточной степенью социальной сплоченности, под которой подразумевается в общем случае чувство единства, стойкости и ориентации на общее благо, отличается более высоким уровнем общественного благосостояния и субъективного благополучия (1). Угрозы социальной сплоченности все более беспокоят общественность в связи с развитием процессов глобализации и обострением глобальных мировых проблем. Если значительную часть истории общества могли развиваться параллельно и иметь собственное отличное от других народов Настоящее и Будущее, то сейчас становится понятно, что население планеты Земля ждет общее Будущее. В этом общем Будущем оптимистический сценарий предполагает высокую степень социальной сплоченности, сопровождающую высокий уровень социально-экономического развития.

Риски социальной сплоченности в мире имеют разные корни: если в Европе в последние годы они генерируются в связи с так называемым «кризисом беженцев», антииммигрантскими настроени-

ями и влиянием популистских политических движений, то в России главной проблемой социального единства по-прежнему остается полиэтничность и поликультурность страны.

В частности, Юг России представляет собой макрорегион с различными уровнями социально-экономического развития территорий, полиэтничной и поликультурной средой. Именно здесь соседствуют модернизированные индустриальные и культурные центры в крупнейших городах России (Ростове-на-Дону и Краснодаре) с традиционными обществами в республиках Северо-Кавказского федерального округа. Разрывы в модернизационном развитии поликультурных регионов Юга России в последние десятилетия оказываются весьма устойчивыми, сохраняя и даже увеличивая межрегиональную дистанцию. Торможение модернизации, а в ряде регионов России не просто торможение процессов модернизации, а их социокультурная дисфункциональность, превращение в псевдомодернизацию, связывается исследователями с двумя группами факторов: материальными и ценностно-институциональными (12, с. 45–55.). Роль материальных факторов в процессе социокультурной интеграции оценивается современными учеными с разных позиций: экономического детерминизма, концепции зависимого развития и отрицания влияния экономики на социокультурные процессы в обществе (8, с. 332–339).

С одной стороны, на микроуровне необходимость вступления в экономические отношения, движимая одинаправленными или разнонаправленными экономическими интересами, создает основу для интеграционных или дезинтеграционных процессов. Чем более одинаправлены экономические интересы, тем большую степень солидарности их носителей можно предполагать, вне зависимости от этнических и культурных особенностей. В классической экономической теории (начиная с Адама Смита) и марксистской политической экономии человек – прежде всего существо экономическое, Homo Economicus. Несмотря на многократную критику чистой модели, большинство экономистов все-таки признают преимущественно рациональный характер принятия решений в экономической деятельности, а значит общие экономические интересы, действительно, служат в пользу интеграции их носителей. Экономические связи способствуют образованию сети устойчивых взаимоотношений меж-

ду ранее разрозненными субъектами, выступая основой для других интеграционных процессов (правовых, политических, ценностных и др.).

Однако столкновение экономических интересов, наоборот, может порождать дезинтегративные явления и конфликты. В частности, экономическая напряженность, возникающая прежде всего в отношениях между богатыми и бедными и в отношениях между менеджерами и работниками, выделена в качестве одного из пяти факторов, препятствующих социальной сплоченности (2).

Кроме того, критики экономического детерминизма приводят многочисленные примеры того, как этнические группы предпочитают действовать в ущерб экономическим интересам ради достижения политических целей (6). Однако открытым остается вопрос, насколько декларируемые цели независимости связаны с реализацией экономических интересов тех или иных этнических групп в долгосрочном периоде, связанных с борьбой за будущий контроль ресурсов.

С другой стороны, фактором макроуровня, влияющим на развитие интеграционных процессов в обществе, является состояние и структура самой экономики. Так, на примере Малайзии, Сингапура и Зимбабве Р. Вайринен /R. Vaughan доказывает, что долгосрочная интеграция этнически разнородных обществ вполне может быть достигнута в условиях экономического роста и справедливой политики перераспределения (3). Социокультурная интеграция многонациональной страны в Советском Союзе также во многом обеспечивалась повышением благосостояния и выравниванием уровней экономического развития ее территорий. Наоборот, в условиях социально-экономических трудностей неурегулированные межэтнические противоречия обостряются, снижается ощущение связи с общероссийской общностью (7, с.17).

Еще один аспект влияния экономических отношений на процессы социокультурной интеграции возникает при изучении сообществ с разными уровнями социально-экономического развития. В обществах с разными стадиями модернизированности процессы социокультурной интеграции не стимулируются, а наоборот, тормозятся. Эта идея находит отражение в работах И. Валлерстайна и др., показывающих, что восприятие периферийной социокультурной группой сложившихся экономических условий как несправедливых и

нелегитимных оказывается главным препятствием интеграционному развитию общества (5).

Таким образом, не следует безусловно полагаться на факторы экономического интереса в решении проблем социокультурной интеграции полиэтничных обществ также, как и не следует исключать его из анализа. Е.А. Зайцева и И.А. Савченко справедливо отмечают: «Экономические связи могут быть достаточно постоянными и прочными, но тот факт, что эти связи осуществляются на надындивидуальном уровне, делает их неглубокими и, поэтому, неустойчивыми» (8, с. 332 – 339). Экономический интерес – значимый фактор социокультурной интеграции, но без взаимодействия с другими факторами, прежде всего ценностного характера, он не действует. Именно экономическая культура как совокупность ценностей, норм, стереотипов и элементов хозяйственного быта формирует предпочтения людей и воздействует на неформальные правила игры (14, с. 22–32).

Состояние и ориентация экономики на определенные ценности обуславливают уровень жизни и социальное самочувствие населения. При этом экономическая ситуация в стране в значительной мере зависит от уже имеющегося, наличного уровня ценностей населения, а также от ориентаций и приоритетов властных элит, определяющих принципы экономической политики. Каждой экономической системе соответствует особая базовая модель экономической культуры и ценностей, в каждой конкретной стране проявляется в национальных специфических формах. Нет «хороших» и «плохих» экономических культур, есть культуры функциональные или дисфункциональные относительно экономической системы (13, с. 135–148).

В соответствии с теорией модернизации в версии Р. Инглхарта и К. Вельцеля «в основе масштабных изменений в социальной, культурной и политической сферах лежит социально-экономическое развитие, ... основополагающие ценности и убеждения, характерные для членов передовых обществ, радикальным образом отличаются от ценностей и убеждений жителей менее развитых стран – и что эти ценности в процессе социально-экономического развития эволюционируют в предсказуемом направлении» (9, с. 10).

В современных развитых обществах в качестве основы экономики избрана модель рыночных отношений. Соответственно, и ценностная основа подобного типа экономических отношений связана

с формированием у основной части населения экономического сознания, основанного на монетарных неолиберальных ценностях. Поэтому от степени интериоризации населением рыночно-либеральных ценностей зависит интегративный эффект экономических отношений в обществе.

Кроме того, модернизационный вектор общественного развития сопряженный с распространением и закреплением рыночного типа экономических отношений предполагает также акцент на индивидуалистических экономических ценностях. Многие современные исследователи в рамках анализа институциональных систем указывают, что все общества условно можно дифференцировать на две базовых модели социально-экономического развития. В рамках первой модели индивидуальные цели участников социально-экономических отношений не менее, если не более важны, чем групповые, а отдельные личности не обременены сильными обязательствами действовать совместно. В обществах второго типа, напротив, групповые цели превалируют над индивидуальными, а люди проявляют изначальную заинтересованность в крепко связанных и сплоченных группах (4, с. 3–12).

Вместе с тем, в переходных обществах, где хозяйственный механизм вынужденно меняется, неизбежно происходит усиление роли национальной (этнической) культуры, исторически определяющей экономические идеалы и ценности и дающих образцы экономического поведения для всех социальных групп. Особенности экономических ценностей и норм поведения, характерные в той или иной степени для всех представителей какой-либо этнической группы, описывается определенными учеными через концепт национальной экономической ментальности. Влияние национальной экономической ментальности на хозяйственное развитие общества выражается в характере социально-экономических норм, которые, в свою очередь, формируют историческую траекторию хозяйственного развития нации. Подобные феномены либо способствуют экономической модернизации и выравниванию социально-экономического развития регионов, либо затрудняют интегративные тенденции в многосоставном обществе.

Цель нашего исследования – проследить трансформацию экономических установок молодежи поликультурного юга России и выявить динамику социетальной сферы макрорегиона.

Эмпирическая база исследования формируется результатами опросов молодых людей регионов юга России, проведённых с периодичностью в несколько лет. Прикладные социологические исследования «разведывательного типа» были реализованы среди молодежи Юга России в 2010 и в 2013 годах (10; 11). В 2019–2020 годах планируется проведение социологических опросов по доработанным опросникам для выявления динамики социетальных индикаторов и ее значения в формировании представления о будущем региона проживания, его экономической и культурной интегрированности в российское общество, а также представления о собственном будущем и будущем семьи в эпоху глобальной цифровизации.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что полиэтничные и поликультурные регионы юга России демонстрируют разную степень включенности в процессы трансформации экономических ценностей, а значит с большой вероятностью окажутся на разных ступенях экономического и общественного развития в процессе цифровизации, что создает/углубляет проблемы социальной сплоченности в России.

Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00270 «Социетальная динамика полиэтничного Юга России: ценностно-идентификационное измерение» (руководитель – Л.В. Клименко).

Литература

1. Social cohesion and well-being in Europe / Eurofound, Publications Office of the European Union, Luxembourg. Режим доступа: <http://eurofound.link/ef18035>

2. Jenson J. Defining and measuring social cohesion / J. Jenson – London: United Nations Research Institute for Social Development and Commonwealth Secretariat, 2010.

3. Vayrynen R. Towards a Theory of Ethnic Conflicts and their Resolution / R. Vayrynen – Notre Dame (Indiana): The Joan B. Kroc Institute for International Peace Studies, 1994

4. Александров Ю.И., Курдина С.Г. (2012) Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход. Социологические исследования. № 8. С. 3–12.

5. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. / И. Валлерстайн. Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкой. – СПб.: Университетская книга, 2001.

6. Горовиц Д.Л. История и культура решения конфликтов в Соединенных Штатах // Расы и народы: соврем, этн. и расовые проблемы: Ежегодник / Рос. акад. наук. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1997. – Вып. 24 – С. 55–56.

7. Дробижева Л.М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // Перспективы. Электронный журнал. – 2018. – №3(15).

8. Зайцева Е.А., Савченко И.А. Экономический интерес и социокультурная интеграция // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия. – 2010. – № 2 (1). – С. 332 – 339.

9. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с. – (Библиотека Фонда «Либеральная миссия») Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2012/02/24/1266136909/inglehart_welzel.pdf

10. Клименко Л.В. Региональная идентичность молодёжи Юга России (опыт эмпирического исследования) // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 6. – С.45–37.

11. Клименко Л.В. Экономические отношения как фактор интеграции полиэтничных регионов // Вопросы экономики, учета и финансов. – 2014. – № 3. – С. 34–46.

12. Лапин Н.И. Дистанции между модернизированностью макрорегионов и этапы интегрирующей модернизации России // Социологические исследования. – 2015. – №3. С. 45–55.

13. Морозов В.А. Экономическая культура и ценности // Креативная экономика. – 2017. – Том 11. – № 1. – С. 135–148.

14. Розмаинский И.В. Экономическая культура как фактор и барьер экономического роста // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2012. – Том 4, №4. – С. 22–32.

Лаврова З.И.,

кандидат технических наук,
доцент кафедры экономики труда, Санкт-Петербургский
государственный экономический университет

Шишкина Е.В.,

аспирант направления «Экономика»,
Санкт-Петербургский
государственный экономический университет

**Цифровизация нормирования труда
как инструмент повышения
эффективности процессов**

Аннотация. В данной статье авторами было проведено сравнение различных подходов к нормированию труда: классического подхода к проведению фотографии рабочего дня и хронометража и современного цифровизированного подхода, рассмотрены их сильные и слабые стороны. Проанализировано возможное обозримое будущее нормирования труда и пути его развития и интеграции в него такой технологии, как искусственный интеллект. Авторами рассмотрена возможность создания автоматизированной программы для проведения фотографии рабочего дня и хронометража, использование которых требовало бы присутствия специалиста только в самом начале, при настройке программы просмотра видеозаписей и идентификации отдельных трудовых операций.

Ключевые слова: нормирование труда, фотография рабочего времени, хронометраж, цифровизация труда, автоматизация, разработка программного обеспечения

Lavrova Z.I.,

Ph.D., Associate Professor, Department of Labor Economics,
St. Petersburg State University of Economics

Shishkina E.V.,

*Post-Graduate Student, Economics,
St. Petersburg State University of Economics*

**Rationing of Labor Digitalization
as a Tool to Increase Process Efficiency**

Abstract. In this article the authors compared different approaches to rationing of labor: classical approach to photography of work day and timekeeping as well as modern digital approach, examined their strengths and weaknesses. Possible prospects and ways of its development and integration of technologies like artificial intelligence in it are analyzed. The authors also considered the possibility of creating an automated program for photography of work day and timekeeping, use of which would require presence of a specialist only at the very beginning, when setting up the program for viewing video recordings and identifying individual labor operations.

Keywords: rationing of labor, photography of working hours, timekeeping, digitization of labor, automation, software development

В эпоху цифровой экономики изменения претерпевают все ее сферы. Там, где на данный момент работа выполняется человеком, уже в ближайшем будущем может быть задействована специальная программа или прошедший специальную подготовку искусственный интеллект. Так происходит и со сферой нормирования труда, хотя, на первый взгляд кажется, что интерес к ней снова начал проявляться только в последние несколько лет.

Изучение затрат рабочего времени также требует адаптации под современные реалии. Появляются новые профессии, а вместе с тем и необходимость в новых нормах труда и современных методиках анализа трудовых затрат (3).

Нормирование труда представляет собой один из разделов экономики труда, который успешно использовался в советские годы, на некоторое время был забыт, а в настоящее время снова приобретает актуальность (1). Нормирование труда – это вид деятельности, который непосредственно связан с управлением компанией, планированием внутри компании, организацией производственного процесса и рабочих мест (4). Цифровая экономика внесла существенные кор-

рективы в использование нормирования труда в современных условиях (2).

Классический подход к сбору данных при проведении нормирования труда представляет собой очную фотографию рабочего дня или очный хронометраж. Это требует от специалиста по нормированию труда постоянной концентрации внимания на работе нормируемого сотрудника, понимания трудового процесса, связанного с конкретной должностью, и, безусловно, немалых затрат времени. Помимо этого, специалист по нормированию труда, который проводит фотографию рабочего дня очно подвержен таким вредным воздействиям, как: шум, пыль, вредные испарения, инфекции и вирусы, вибрации, инфракрасное и иные виды излучений, условия окружающей среды.

Постоянное присутствие постороннего человека (или сотрудника отдела кадров компании) может, с одной стороны, повысить производительность труда, а с другой стороны, психологически негативно влиять на нормируемого сотрудника.

Говоря о росте производительности труда при проведении наблюдений за сотрудниками, необходимо не забывать о Хотторнском эффекте (8), при котором при повышении количества внимания к сотрудникам их производительность труда вырастает и остается достаточно высокой только за счет того, что к ним было проявлено внимание со стороны руководства. Благодаря этому сотрудники начинают работать более эффективно, так как чувствуют свою причастность к проводимому эксперименту и испытывают на себе позитивные изменения социально-психологического климата в коллективе.

Положительный эффект заключается в том, что постоянное наблюдение за работой может позволить усердным сотрудникам показать свою реальную загруженность, но, вместе с тем, сотрудникам, которые работают недобросовестно при проведении очной фотографии рабочего дня проще «изобразить» большую загруженность, чем они ежедневно имеют на самом деле.

В случае если специалист по нормированию труда не является штатным сотрудником, для компании это еще и дополнительные финансовые затраты. Но технологический прогресс не обошел нормирование труда стороной: примером такого развития может по

праву считаться фотография рабочего дня или хронометраж, проводимый по видеозаписи. Этот метод проведения сбора данных для анализа трудовых затрат и разработки норм позволяет существенно сократить затраты времени и снизить его стоимость, не снижая при этом качество выполнения работ.

Само проведение фотографии рабочего дня и хронометража по видеозаписи (цифровизированным методом) (6) в некоторых случаях не требует даже очного присутствия специалиста по нормированию труда, а требует только наличия оборудования для видеозаписи, видеокамер, которые снимают работу сотрудников и наличия оборудования для просмотра видео. Такое нормирование труда по видео делится на 2 типа:

- нормирование труда по видеозаписи с помощью специалиста (7).
- нормирование труда по видеозаписи цифровизированным способом, при котором специалист по нормированию труда указывает типы операций.

Нормирование труда по видеозаписи с помощью специалиста представляет собой такой способ проведения фотографии рабочего дня, при котором специалист наблюдает ускоренное видео и фиксирует все операции, происходящие на нем (6).

Нормирование труда по видеозаписи цифровизированным способом, при котором специалист по нормированию труда указывает типы операций, требует использования специально разработанной программы.

Принцип работы программы заключается в отслеживании движения в указанных пользователем фрагментах, и времени этого движения. Таким образом каждая нормируемая операция приводится в соответствие к набору отслеживаемых участков видео (для которых движение должно или не должно происходить), уникальных для каждой операции, которые отмечаются непосредственно на экране. В итоге это позволяет автоматизировать процесс проведения фотографии рабочего времени и хронометража различных трудовых процессов.

Для того, чтобы программа работала корректно, необходимо соблюдать следующие условия:

1. По видеозаписи, которая данной программой получена с видеокамеры, должно быть ясно видно, что выполняет сотрудник, фото-

графия рабочего времени которого (или хронометраж) проводится. Таким образом, она должна быть расположена перед ним, сверху или сбоку таким образом, чтобы ничто не создавало помех для съемки.

2. Необходимо, чтобы правильность выделения областей для каждой операции проверял специалист, который разбирается в производственном процессе, записанном на видео, так как он может различить начало и конец операций безошибочно.

3. Необходимо, чтобы специалист по нормированию труда был хорошо знаком с производственным процессом сотрудника, отдела, цеха или всего предприятия, чтобы у него не возникало проблем при определении операций.

В качестве примера сравнения выполнения нормирования труда различными способами использованы данные компании, которая потребовала сохранить их конфиденциальными. Данная компания является производственной компанией по обработке и добыче гранита, основана на базе горного цеха и функционирует с 1997 года. Компания добывает блоки в карьере, а также работает с гранитом различных месторождений России. Компания располагается в Ленинградской области. Штат компании составляет 66 человек. Оборудование компании расположено в помещении одного цеха, в котором находятся 10 станков.

Задачей проведения нормирования труда в данном случае было выявить резервы для повышения производительности труда, загруженность станков и сотрудников и, с помощью полученных данных, разработать нормы труда и рассчитать максимальную загруженность станков и работников.

Руководству компании требовался анализ работы каждого из станков в течение нескольких смен, так как это позволило бы проанализировать его загруженность.

На рис. 1 представлены данные по стоимости и длительности проведения работ различными методами.

Как видно из рис. 1, наиболее быстрым и экономически выгодным для компании будет полностью цифровизированный метод нормирования труда. Экономия средств составит в первом случае 27,1% в сравнении цифровизированного метода нормирования труда с нормированием труда традиционным способом, а при сравнении с методом

нормирования труда с помощью специалиста по видео – 6,8%. Экономия времени в первом случае составит 85,7%, а во втором – 83,3%.

Рис. 1. Диаграмма длительности и стоимости различных методов нормирования труда

Программа предоставляется в виде лицензии на определенный срок. В данном случае, она была предоставлена на 4 дня чтобы собрать и обработать все необходимые данные для анализа. Участие специалиста по нормированию труда задействовано только при постановке типов операций, а также при составлении итогового отчета и анализа полученных и обработанных программой данных.

Для того, чтобы программа могла обработать все видеозаписи всех смен по всем станкам компании ей потребуется около 32 часов непрерывной работы. Это достаточно утомительно, если сотрудник по нормированию труда работает из дома со своего персонального компьютера, но программа для анализа устанавливается на свободный компьютер компании, поэтому ей ничто не мешает работать ночью, даже когда в офисе никого нет, так как контроль за ее работой осуществляется удаленно.

Ниже будут рассмотрены сильные и слабые стороны данных подходов, а также комбинированного подхода, который наиболее эффективен при нормировании труда руководителей и специалистов компании (5). Комбинированный подход представляет собой соединение традиционного подхода и подхода с использованием видеозаписи с помощью специалиста. Таким образом, часть замеров выполняется очно, в качестве контрольных, а другая часть – по видеозаписи.

В таблице 1 представлены достоинства и недостатки различных подходов.

Таблица 1. Достоинства и недостатки различных подходов к нормированию труда

	Достоинства	Недостатки
Традиционный подход	<p>+ Возможность уточнять состав операции непосредственно у нормируемого сотрудника;</p> <p>+ Широко применяется, известный метод</p>	<p>– Сотрудники чувствуют «давление» наблюдающего, так как он постоянно находится рядом;</p> <p>– Сбор данных занимает много времени;</p> <p>– Наличие вредного воздействия внутри нормируемых помещений для специалиста по нормированию труда (в случае, если имеет место вредное производство, шум, пыль, вредные испарения, ультразвук, вредные излучения, отклонения от нормальных условий окружающей среды)</p>
Нормирование труда по видеозаписи с помощью специалиста	<p>+ Скорость сбора данных выше, чем при традиционном подходе;</p> <p>+ Возможность пересматривать видео и сверять операции;</p> <p>+ Отсутствие вредного воздействия внутри нормируемых помещений для специалиста по нормированию труда (в случае, если имеет место вредное производство, шум, пыль, вредные испарения, ультразвук, вредные излучения, отклонения от нормальных условий окружающей среды) (6)</p>	<p>– Необходимо наличие видеоборудования (видеокамер);</p> <p>– Специалисту по нормированию труда необходимо понимать специфику операций (7);</p> <p>– Видео может быть повреждено</p>
Комбинированный подход	<p>+ Объединяет все плюсы двух вышеописанных подходов;</p> <p>+ Позволяет точно и эффективно производить замеры у руководителей и специалистов (5)</p>	<p>– Не проверен на рабочих;</p> <p>– Для каждого нормирования труда в новой компании нужно уточнять соотношение методов (7)</p>

Цифровизированный метод нормирования труда (с помо- щью специальной программы)	+ Требует минимум времени работы специалиста (более чем на 80% быстрее, чем другие методы нормирования труда); + Не отвлекает сотрудников от работы	– Видео может быть повреждено; – Техническая составляющая: к техническим характеристикам компьютера, на который устанав- ливается программа есть опреде- ленные требования, а также есть требования к качеству получае- мого видеоматериала; – Не проверен на руководителях и специалистах
--	--	---

Таким образом, можно сделать однозначный вывод, что цифро-
визированный подход к нормированию труда является наиболее
эффективным и в экономическом смысле, и по длительности про-
ведения работ.

Литература

1. Генкин Б.М. Организация, нормирование и оплата труда на
промышленных предприятиях: учебник для вузов / Б.М. Генкин. –
М.: Норма, 2003. – 400 с.
2. Лаврова З.И. Проблемы инновационно ориентированного разви-
тия России на современном этапе / В сборнике: Проблемы социально-
экономического развития России на современном этапе: материалы
VIII Ежегодной Всероссийской научно-практической конференции //
М-во обр. и науки РФ; ФГБОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина».
– Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. – С. 146–149.
3. Лаврова З.И. Проблемы организации и нормирования труда
на предприятиях РФ // «Форсайт «Россия»: дизайн новой промышлен-
ной политики» / Сборник материалов Санкт-Петербургского между-
народного экономического конгресса (СПЭК–2015) / Под общ. ред.
С.Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2015. – С. 555–561.
4. Лаврова З.И., Шишкина Е.В. Нормирование труда руководи-
телей и специалистов компании как метод повышения эффектив-
ности использования рабочего времени / Вестник Санкт-Петербур-
гского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3:

Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. С. 43–50.

5. *Шишкина Е.В., Лаврова З.И.* Информационные технологии: искусственный интеллект VS живая рабочая сила / Цифровая экономика в социально-экономическом развитии России. 2018. С. 309–313.

6. *Шишкина Е.В., Лаврова З.И.* Использование видеоборудования при нормировании труда // Информационные технологии в экономике, бизнесе и управлении. 2018. С. 22–27.

7. *Шишкина Е.В., Лаврова З.И.* Нормирование труда сотрудников организации в современных условиях / Саяпинские чтения. 2018. С. 283–292.

8. *Adair G.* The Hawthorne effect: A reconsideration of the methodological artifact» *Journal of Appl. Psychology* 69 (2). 1984, p. 334–345.

Новикова И.В.,

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова

Стратегическое управление трудовыми ресурсами предприятия в Индустрии 4.0

Аннотация. В работе приводится обоснование необходимости стратегического управления трудовыми ресурсами предприятия в Индустрии 4.0. Автор рассматривает основы методологии стратегического управления трудовыми ресурсами предприятия и особенности стратегирования в условиях бурных трансформаций, связанных с распространением информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: стратегическое управление, трудовые ресурсы, Индустрия 4.0., методология стратегирования В.Л. Квинта

Novikova I.V.,

*Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University*

**Strategic Enterprise Resource Management
in Industry 4.0**

Abstract. The paper provides the rationale for the need for strategic management of labor resources of the enterprise in Industry 4.0. The author examines the fundamentals of the methodology of strategic management of human resources of the enterprise and features of strategizing in the conditions of rapid transformations associated with the spread of information and communication technologies.

Keywords: strategic management, labor resources, Industry 4.0., Kvint's strategizing methodology

Бурная трансформация экономики, бизнес-моделей, социально-экономических отношений, обусловленных распространением информационно-коммуникационных технологий и переходом к Индустрии 4.0., приводят к активному изменению трудовых отношений. Основными направлениями данных изменений являются:

- появления «информационного человека», для которого характерно четкое определение баланса «работа – свободное время», клиповое мышление, неотделимость от информационно-коммуникационных технологий, инновационные формы мотивации¹;
- трансформация категории «труд», отношений к труду, формы осуществления трудовой деятельности²;
- трансформация категории «занятость», появление многочисленных форм занятости населения³;
- формирования глобального рынка труда со стертыми временными и территориальными границами, т.е. работник может осуществлять свою деятельность «где угодно и когда угодно» или «всегда и везде»⁴.

¹ Новикова И.В. «Информационный человек» – основа будущих трудовых ресурсов. // Международная научная конференция «Ломоносовские чтения–2016». «Экономическая наука и развитие университетских научных школ» (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова): Сборник тезисов выступлений. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. – С. 58–59.

² Доклад I генерального директора МОТ «Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда». 104 сессия. ILC/104/DG/I. 2015. С. 11.

³ Eurofound New forms of employment, Publications Office of the European Union, Luxembourg. Irene Mandl, with Maurizio Curtarelli, Sara Riso, Oscar Vargas and Elias Gerogiannis. 2015.

⁴ Eurofound and the International Labour Office, Working anytime, anywhere: The effects on the world of work, Publications Office of the European Union, Luxembourg, and the International Labour Office, Geneva. 2017

- размывание границ между работником и работодателем, в некоторых случаях невозможно четко указать, является данный субъект работником или работодателем¹.

Отсутствие четкого видения своего будущего предприятиями, работа только в текущем периоде и использование краткосрочного планирования, приводит к снижению эффективности их деятельности и конкурентоспособности.

Активное внедрение информационных технологий требует подготовленных трудовых ресурсов, обладающих определенными навыками, в том числе информационными навыками. Но отсутствие стратегий предприятий не позволяет своевременно сформировать заказ на подготовку и переподготовку профессиональных кадров, что снижает эффективность системы образования, уменьшает отдачу от нее, и не дает развиваться производству в связи с отсутствием необходимого персонала.

Стратегическое управление трудовыми ресурсами предприятия основывается на методологии стратегического управления академика РАН В.Л. Квинта². Данная методология оправдала себя во многих странах мира, при использовании ее для построения национальных, региональных и корпоративных стратегий.

Стратегическое управление трудовыми ресурсами строится с учетом реализации интересов всех заинтересованных сторон: работника, работодателя, потребителя, государства и т.д. Согласованность интересов является существенным требованием, так как отсутствие данной согласованности приводит в лучшем случае к низкой эффективности функционирования предприятия, а в худшем – к отрицательным показателям деятельности производства и высокой вероятности банкротства. Стратегическое управление дает возможность оптимального выбора и сочетания различных форм занятости персонала, их мотивации, контроля, что позволяет предприятию сохранять определенную устойчивость в экономике, развивать долгосрочные отношения.

¹ The Future of Jobs Report. World Economic Forum. 2018.

² Квинт В.Л. Концепция стратегирования. Т. 1. – СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019.

Стратегическое управление реализуется посредством стратегического лидерства, позволяющего определить глобальные, национальные и региональные тренды, обозначить конкурентные преимущества и поставить стратегические цели. На лидера возлагаются важнейшие полномочия довести содержание концепции стратегии до каждого заинтересованного субъекта и вдохновить на неукоснительную последовательную ее реализацию. Стратегический лидер должен обладать эмоциональным интеллектом¹ и стратегическим видением и мышлением².

При стратегическом управлении трудовыми ресурсами в условиях глобального рынка труда необходимо учитывать международное (Конвенции МОТ), национальное трудовое законодательство (Трудовой кодекс, Закон о занятости и т.д.) и национальное законодательство стран, из которых планируется привлечение трудовых ресурсов. Возможность дистанционного найма работников из других регионов и стран имеет свои преимущества и угрозы, в том числе на правовом уровне, в связи с этим знание трудового законодательства снижает потенциальные риски.

Информационные технологии позволяют развивать многочисленные формы занятости. Еврофонд выделяет и анализирует следующие формы занятости, которые стремительно распространяются в мире³:

1. Совместное использование сотрудников (employee sharing).
 - 1.1. Стратегический обмен сотрудниками (strategic employee sharing).
 - 1.2. Совместное использование временно свободных сотрудников (Ad-hoc employee sharing).
2. Совместное трудоустройство (job sharing).
3. Временное управление (interim management).
4. Работа «от случая к случаю» (casual work).

¹ Эмоциональный интеллект. – М.: Альпина Паблишер, 2017.

² Kvint V. Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications. – New York, London: Routledge-Taylor & Francis, 2015.

³ Eurofound (2016), New forms of employment: Developing the potential of strategic employee sharing, Publications Office of the European Union, Luxembourg. 40 p.

- 4.1. Периодическая работа (intermittent work).
- 4.2. Работа по вызову (On-call work (zero-hours contracts)).
5. Мобильная работа, основанная на ИКТ (ICT-based mobile work).
 - 5.1. Полная мобильность (full mobility).
 - 5.2. Частичная мобильность (site mobility).
 - 5.3. Многопозиционные рабочие места (multi-location workplaces).
 - 5.4. Сетевые рабочие места (networked workplaces).
6. Ваучерная работа (voucher-based work).
7. Работники по портфолио (portfolio workers).
8. Массовая занятость (crowd employment).
9. Сотрудничество среди самозанятых работников (collaborative employment).
10. Зонтичные организации (Umbrella organisations).

Использование только традиционных форм занятости является причиной снижения конкурентоспособности предприятий. Трудовые ресурсы – это очень дорогостоящий фактор производства, который непосредственно влияет на конкурентоспособность предприятия, поэтому затраты на них должны быть оптимальны¹. Стратегический лидер должен сопоставлять эффективность использования разных форм занятости для каждого рабочего места.

Также необходимо оптимальное соотношение информационных компетенций работника и информационных компонент рабочего места².

Информационная компетентность работника – это качества работника (сформированные и изменяющиеся), позволяющие ему функционировать в экономике, использовать информационно-коммуникационные технологии в своей деятельности.

Информационные компоненты рабочих мест – социально-экономическая характеристика составляющих элементов и требований к организации и функционированию рабочего места посредством

¹ Новикова И.В. Стратегическое управление трудовыми ресурсами предприятия. // Экономика в промышленности. 2018. 11(4). С. 318–326.

² Бриньолфсон Эрик, Макафи Эндрю. Вторая эра машин. – М.: Издательство АСТ, 2017.

реализации информационной компетентности работника¹. Несответствие данных категорий снижает эффективность производства, не позволяя оптимально реализовывать человеческий потенциал и потенциал материальных активов, что в свою очередь сокращает производительность труда.

Важным элементом стратегического управления трудовыми ресурсами является мотивация. В условиях Индустрии 4.0. модели поведения человека и его интересы кардинально меняются. Работник может дистанционно искать место работы, проходить собеседования, развивать свои навыки и осуществлять трудовую деятельность. Преимущества такой свободы содержат потенциальные угрозы. Слабо мотивированный работник может не выполнять или несоответственно выполнять свои должностные обязанности, так как трудится дистанционно без непосредственного визуального контроля со стороны работодателя. Стационарный работник на своем рабочем месте, представленным предприятием, может во время рабочего времени выполнять задания другого работодателя. В связи с этим модели мотивации должны соответствовать формам занятости и видам деятельности предприятия. Стратегический лидер должен разработать комплексную систему мотивации, которая способна вдохновлять работников реализовывать стратегические цели компании, развивать стратегическое мышление и инициативность.

Те же проблемы стоят перед системой мониторинга и контроля. Традиционные показатели и методы в Индустрии 4.0. не эффективны. Стратегический лидер должен организовать систему стратегического мониторинга и контроля, которая соответствует современным трансформациям, является гибкой и инновационной.

Индустрия 4.0 стала серьезным вызовом перед подавляющим числом предприятий. Будущее, основанное на распространении информационно-коммуникационных технологий, в частности искусственного интеллекта, весьма неясно. В связи с этим стратегическое управление трудовыми ресурсами на всех уровнях от глобального, национального до корпоративного приведет к снижению данной

¹ Новикова И.В. Регулирование занятости населения на Дальнем Востоке Российской Федерации / И.В. Новикова: монография. – М.: РУСАЙНС, 2017.

неопределенности, позволит выстроить карьерные траектории работников, адаптировать систему образования и подготовки кадров, сформировать эффективное долгосрочное производство, адаптивное под происходящие текущие и будущие изменения.

Литература

1. Бриньольфсон Эрик, Макафи Эндрю. Вторая эра машин. – М.: Издательство АСТ, 2017.
2. Доклад I генерального директора МОТ «Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда». 104 сессия. 2015.
3. Квинт В.Л. Концепция стратегирования. Т. 1. – СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019.
4. Новикова И.В. «Информационный человек» – основа будущих трудовых ресурсов // Международная научная конференция «Ломоносовские чтения–2016». «Экономическая наука и развитие университетских научных школ» (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова): Сборник тезисов выступлений. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. – С. 58–59.
5. Новикова И.В. Регулирование занятости населения на Дальнем Востоке Российской Федерации. /И.В. Новикова: монография. – М.: РУСАЙНС, 2017.
6. Новикова И.В. Стратегическое управление трудовыми ресурсами предприятия. //Экономика в промышленности. – 2018. – II(4). – С. 318–326.
7. Эмоциональный интеллект. – М.: Альпина Паблишер, 2017.
8. Eurofound (2015) New forms of employment, Publications Office of the European Union, Luxembourg. Irene Mandl, with Maurizio Curtarelli, Sara Riso, Oscar Vargas and Elias Gerogiannis.
9. Eurofound (2016) New forms of employment: Developing the potential of strategic employee sharing, Publications Office of the European Union, Luxembourg. 40 p.
10. Eurofound and the International Labour Office (2017) Working anytime, anywhere: The effects on the world of work, Publications Office of the European Union, Luxembourg, and the International Labour Office, Geneva.

11. *Kvint V.* (2015) *Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications.* – New York, London: Routledge-Taylor & Francis.
12. *The Future of Jobs Report.* World Economic Forum. (2018).

Павлов Р.Н.,

*кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Центрального
экономико-математического института РАН*

**Основные факторы,
сдерживающие процесс развития
социального предпринимательства в России**

Аннотация. В работе рассматриваются основные факторы, сдерживающие процесс развития социального предпринимательства в России. На основе проведенного исследования выделено пять основных факторов, среди которых особо следует выделить фактор господства неолиберальной идеологии в экономической науке, сводящийся к отрицанию важности участия государства в экономике, и фактор трактовки социальных предприятий как независимых, самокупаемых и самодостаточных в финансовом отношении предприятий. Третий фактор – наличие ложных критериев оценки при выборе наилучших проектов фондом «Наше будущее», сводящихся к самокупаемости и оригинальности в ущерб социальной значимости проекта. Четвертый фактор – отсутствие необходимой инфраструктуры для развития социальных предприятий. И наконец, пятый фактор – отсутствие необходимой законодательной базы для государственной поддержки социальных предприятий.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, государственная поддержка, социальное развитие

Pavlov R.N.,

*Candidate of Economics, Senior researcher
of the Central Economics and Mathematics Institute
of the Russian Academy of Sciences*

The Basic Factors that Deter the Process of Development of Social Entrepreneurship in Russia

Abstract. The article considers the basic factors that deter the process of development of social entrepreneurship in Russia. Based on an analysis of different processes in the economy and social area, five factors are derived. The first factor is the opinion that the government should not intervene into the process of social entrepreneurship evolution, because it can harm its development, which is widespread in the Russian economics. The second factor is the poor definition of this phenomenon, which dominates now in the Russian economics, which emphasizes two things – self-sustainability and independence as the key peculiarities of social enterprises, which is a contradiction with a real practice. The third factor is the absence of necessary infrastructure for the development of social entrepreneurship, that is of necessary financial institutions in the form of different funds and financial intermediaries, such as the microcredit institutions and the institutions of social stock exchange. The fourth factor is the use of false criteria of choosing the best social project in the practice of the fund “Our Future” supporting social enterprises. The main criterion, which is used there, is that of self-sustainability, not that of social utility. Finally, the fifth factor is the absence of necessary legislation for the development of social entrepreneurship, which implies the aid of the government at the initial stage of development of social entrepreneurship.

Keywords: social entrepreneurship, public support, social development

Введение

В 1980-х годах в Великобритании, а позднее и в США, наблюдается ренессанс неолиберализма. Приход к власти М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейгана ознаменовал возвращение идеалов неоллиберальной политики, характеризующейся сокращением социальных расходов и политикой жесткой бюджетной экономии. Результатом этого стал довольно резкий рост уровня безработицы и бедности в этих странах, обусловленный также и ослаблением роли профсоюзного движения в обществе. В этом смысле возникновение социального предпринимательства как общественного явления следует вос-

принимать как ответную реакцию на подобную экономическую политику, поскольку в условиях необходимости выживания при сокращении бюджетных расходов требовались новые формы самоорганизации и самозанятости, адекватные существующим историческим реалиям. Однако, с другой стороны, – по мере своего развития, данное явление, по сути, сформировало и новую парадигму хозяйственной деятельности, не укладывающуюся в привычные рамки традиционного коммерческого предприятия, поскольку не ставило своей целью максимизацию прибыли, а в первую очередь, было ориентировано на решение социальных проблем, с довольно жесткими ограничениями по возможностям извлечения прибыли, в силу того, что одним из важнейших условий функционирования социального предприятия являлся принцип реинвестирования определенной доли дохода в дальнейшие социальные проекты. Основным объектом воздействия социального предпринимательства первоначально являлись именно те социальные категории, которые в наибольшей степени пострадали от политики ликвидации институтов социальной поддержки. К ним, в первую очередь, следует отнести малообеспеченные и низкоквалифицированные слои населения, которые традиционно подвергаются массовым сокращениям в период кризисов (прекариат), люди с ограниченными возможностями, социально неблагополучные категории, нуждающиеся в социальной реабилитации, такие, как бывшие заключенные, беспризорники, бездомные, трудовые мигранты, а также лица, подвергающиеся особой дискриминации по расовым, этническим признакам. Но учитывая, что в современных условиях нарастают процессы глобализации, усиливается конкуренция, обостряется социальная незащищенность и происходит безудержное обогащение крупного капитала при сокращении социальных гарантий, массовые сокращения становятся довольно типичным явлением, особенно в связи с постоянным ростом процессов слияний и поглощений компаний и оптимизацией расходов на предприятиях. В силу данных обстоятельств, социальная база данного явления начинает стремительно расширяться. Бурный рост численности подобных категорий поставил на повестку дня вопрос о необходимости развития социального предпринимательства как одного из немногочисленных, но доступных способов обеспечения занятости в условиях стремительного сокращения государственного сек-

тора в экономике. Однако, как показывает практика, для успешного развития социального предпринимательства необходимо избавляться от разного рода мифов, порожденных господством неолиберальной идеологии. Как показывает время, в России пока что ее влияние сохраняется в политических кругах, и во многом низкий уровень развития социального предпринимательства в этой стране определяется зависимостью от господства неолиберальной идеологии. Таким образом, в настоящей работе будут определены основные факторы, сдерживающие процесс развития социального предпринимательства в России, корни которых уходят в господство неолиберальной идеологии.

*Фактор представления о невмешательстве государства
в процесс развития социального предпринимательства*

Учитывая сложившуюся конъюнктуру, мы можем сделать вывод, что одним из факторов, сдерживающих развитие социального предпринимательства в России, является господство неолиберальной идеологии, выражающейся, в частности, в представлении о том, что государство не должно участвовать в процессе формирования и развития социального предпринимательства, представители неолиберального направления отводят государству роль стороннего наблюдателя, безучастного по отношению к процессу развития социальных предприятий. В действительности, если смотреть на опыт других стран, в частности, таких, как Великобритания и США, государство нередко выполняет роль своеобразного мецената, выделяя средства на развитие социального предпринимательства в различных формах – в форме грантов, полученных от государственно-частных структур и в форме государственных закупок. Так, например, в США администрация Б. Обамы предпринимала различные попытки создать систему частно-государственного партнерства для того, чтобы поддерживать развитие социального предпринимательства и импакт-инвестинга в США. Одним из важнейших направлений в этом отношении было создание Фонда социальных инноваций, который предоставлял гранты социальным предприятиям и некоммерческим организациям на конкурсной основе. При этом соотношение между частным капиталом и государственным бюджетом составляло примерно 3/1. На сегодня

нышний день фонд выдал более 175 миллионов долларов в виде грантов. Более 200 организаций получили деньги. Фонд и его инновационная финансовая модель пользуется поддержкой обеих партий в Сенате, что отразилось в факте того, что в совокупном бюджете 2014 г. был увеличен размер финансовых средств для фонда до 70 миллионов долларов, что стало наивысшим уровнем за пять лет его существования¹. При этом система выдачи гранта предполагала постепенное финансирование, в зависимости от успешности проекта, что таким образом исключало проникновение недобросовестных участников. Другой попыткой создать эффективную модель частно-государственного партнерства явилась программа, получившая название «Выплата за успех» (Pay for success). В контракте, заключаемым с инициатором социального проекта, правительство устанавливало особую измеримую цель таким образом, чтобы она относилась к конкретному социальному проекту – например, снижению уровня рецидивизма среди малолетних правонарушителей или предоставления возможности для обучения в раннем детстве для малообеспеченных групп населения и привлекало частного инвестора для того, чтобы оплачивать реализацию данного проекта. Стимулом для инвестора участвовать в данном проекте являлось обещание, что ему будет компенсирована основная сумма, которую он вложил в реализацию проекта, если цель проекта будет выполнена, и обещание получить прибыль, если цель проекта будет превышена. Однако существует риск: инвестор не получает никакого возмещения, если проект завершился безрезультатно. Что касается практики государственных закупок, то здесь наибольшая активность в этом плане проявляется в Великобритании. Согласно данным, которые приводит П. Холбрук, около 140 млрд фунтов стерлингов ежегодно задействовано в практике государственных закупок для социальных предприятий в Великобритании².

¹ *Tyson L.D., Greenblatt J. Opportunity for All and Social Innovation: Obama's Policy Agenda / Economix. Explaining the Science of Everyday Life* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economix.blogs.nytimes.com/2014/04/14/equal-opportunity-and-social-innovation-obamas-policy-agenda>

² *Holbrook P. Social Enterprise UK* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.anglia.ac.uk/%2F-%2Fmedia%2FFiles%2F3rd-sector-futures%2FTrading-aces%2FSocial-Enterprise-UK.pdf>

*Фактор утверждения неверного определения
социального предпринимательства
в экономической литературе*

В последнее время в экономической литературе появилось довольно много различных попыток свести социальное предпринимательство к традиционному бизнесу, максимизирующему прибыль и потому самокупаемому и не зависимому от внешних источников финансирования. Акцент на самодостаточность социальных предприятий характерен для неолиберальной модели социальной политики, для которой свойственен минимум государственных обязательств, распространяющихся лишь на беднейшую часть населения. В частности, в книге А. Московской, М. Аларичевой и др. делается акцент на самокупаемость социальных предприятий¹, хотя в книге приведены примеры социальных предприятий, зависимых от внешних источников финансирования. В частности, музей детской игрушки «Забавушка» в свое время получал грант от фонда Дж. Сороса. Таким образом, игнорирование таких явлений, как внешние источники финансирования приводит к поистине недопустимой оценке данного явления, сводящейся к самокупаемой деятельности вопреки имеющимся фактам. Другие примеры, опровергающие наличие самокупаемости связаны с деятельностью таких довольно хорошо известных социальных предприятий, как Venetech и АРОРО. Компания Venetech, которая первоначально называлась Arkenstone, специализировалась на производстве машин для чтения с голосовым устройством для людей с ослабленным зрением. Социальная направленность ее деятельности проявилась не только в том, что производилась продукция для особых социальных групп, но и также в снижении цены данного товара до 2,5 тысяч долларов, то есть вчетверо дешевле аналогичного товара, производимого компанией Xerox. Впоследствии данной компании удалось продать право на производство этой продукции коммерческому дистрибьютору и сосредоточиться на других проектах, но даже в этих условиях финансового благопо-

¹ Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / Отв. ред. А.А. Московская; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. ВШЭ. 2011

лучия ее трудно назвать устойчиво самокупаемой, поскольку по данным на 2017 год в структуре ее источников финансирования доля пожертвований составила 7 %, а все остальное (93%) составил заработанный доход¹. Что касается компании АРОРО, социального предприятия, специализирующегося на проведении работ по разминированию территорий, находящихся в районах боевых действий, то она имела в 2016 г. долю пожертвований и субсидий в размере 95% от совокупного объема активов, что абсолютно не говорит о ее самокупаемости². Кроме того, для того, чтобы быть самокупаемым, предприятие должно быть прибыльным, но большинство социальных предприятий являются производственными кооперативами, и порядка 90% таких кооперативов являются «неприбыльными» по закону, а 10% производственных кооперативов дано право сделать выбор: быть неприбыльными или прибыльными³. Учитывая данное обстоятельство, все разговоры о самокупаемости социальных предприятий становятся необоснованными.

Утверждение ложных критериев оценки экспертами фонда «Наше будущее»

В настоящее время происходит утверждение ложных критериев оценки социальных проектов экспертами фонда региональных социальных программ «Наше будущее». Ложность в данном случае заключается в том, что, в основном, оценка проекта формируется на базе двух критериев – самокупаемости и новизны проекта. Что это

¹ Fruchterman J. Developing Information Technology to Meet Social Needs // Innovation: Technology, Governance, Globalization. 2008. no. 3(3), Cambridge: MIT Press, pp. 83–99.

² АРОРО Annual Report 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.apopo.org/annual-reports/АРОРО_annual_report_2016.pdf

³ Рудык Э.Н. Социальное государство и социальное предприятие // Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала / Под общ. ред. А.В. Бузгалина и М.И. Воейкова. М.: Экономика, 2011.

означает на практике? Фактически это означает, что многие проекты с относительно более высокой социальной значимостью, чем проект, который имеет наибольшую вероятность быть самокупаемым, окажутся отвергнутыми, что естественно не является справедливым. Критерий новизны фактически исключает возможность участия в конкурсе повторно для участников проекта, уже получившего поддержку в определенном году, даже если его социальная значимость окажется выше тех проектов, которые обладают более высокой оригинальностью.

*Отсутствие необходимой инфраструктуры
для развития социального предпринимательства*

Четвертый фактор связан с тем, что в России отсутствует инфраструктура для развития социального предпринимательства. Значительные успехи в области развития социального предпринимательства в США и Великобритании можно объяснить наличием в этих странах системы институтов, которые являются основными финансовыми источниками социального предпринимательства. Так, например, в США довольно значительно развит рынок микрокредитования, а в Великобритании довольно хорошо развит социальный фондовый рынок, который представляет собой альтернативу традиционному фондовому рынку, поскольку предоставляет определенные льготные условия для доступа социальных предприятий к инвестициям, благодаря появившимся возможностям для эмиссии акций на регулярной основе.

Что касается микрофинансовых институтов, то здесь ситуация гораздо более сложная. Вроде бы он функционирует, но в значительной степени этот рынок теневой, то есть не регулируется законодательством. Скорее, наоборот, депутаты Государственной думы не раз инициировали запрет деятельности микрофинансовых организаций, мотивируя это тем, что зачастую микрофинансовые организации загоняют граждан в долговую кабалу, поскольку устанавливают непомерно высокие ставки по кредитам, в силу того, что у них, как правило, высок риск невозврата кредитов среди недобросовестных клиентов, и, они, таким образом, перекладывают финансовые риски

на добросовестных заемщиков. В такой форме данный рынок оказывается совершен невыгоден для социальных предпринимателей, поскольку вместо облегчения их участи создает для них массу проблем, связанных с уплатой высокой процентной ставки по кредитам.

Отсутствие законодательно утвержденных форм поддержки социального предпринимательства

К настоящему моменту в Государственной думе уже принят в первом чтении законопроект о социальном предпринимательстве в виде поправок к закону о развитии малого и среднего предпринимательства в РФ. К сожалению, в данном законопроекте отсутствуют положения о мерах государственной поддержки социального предпринимательства. Несмотря на то, что за рубежом государство нередко выступает в качестве одного из основных инвесторов социального предпринимательства, если рассматривать, например, опыт Великобритании и США, в России данный опыт полностью игнорируется, и считается, что государство должно выступать лишь в роли координатора взаимодействия между социальным предпринимательством и частным бизнесом. Последний, кстати говоря, не имеет никакой мотивации участия в этом процессе, поскольку ему не предоставляется никаких налоговых льгот в случае участия в этом взаимодействии. Одной из острейших проблем социальных предпринимателей в настоящее время является проблема, связанная с высокой арендной платой за используемые производственные помещения. Долгое время в период правления Ю.М. Лужкова в Москве действовало положение, согласно которому, лицам, занимающимся социальным предпринимательством, предоставлялись в аренду помещения по льготным ставкам. В настоящее время данное положение отменено усилиями нынешней городской администрации Москвы. Социальные предприниматели, таким образом, вынуждены платить колоссальные средства по коммерческой арендной ставке. В этих условиях упущенные возможности по государственной поддержке в законе о социальном предпринимательстве говорят о том, что в России в настоящий момент становится абсолютно невыгодным делом заниматься социальным предпринимательством, поскольку эта дея-

тельность превращается в убыточную. Для устранения данной проблемы, следует пересмотреть закон о социальном предпринимательстве и внести в него соответствующие коррективы, как с точки зрения арендной платы, так и с точки зрения налоговых льгот. Кроме того, необходимо также выделение грантов Президента РФ для наиболее достойных социальных предпринимателей и расширить возможности российского социального предпринимательства по участию в государственных закупках, опираясь на положительный опыт Великобритании. В нынешнем виде закон о социальном предпринимательстве скорее напоминает учебник, а не закон, поскольку в нем прописано определение, определены основные формы социального предпринимательства и на этом в сущности все и ограничивается. У закона, в отличие от учебника, есть определенное функциональное назначение – оказывать помощь тем социальным категориям, на которые он направлен. В нынешнем виде он такой помощи не оказывает, и это следует иметь в виду его разработчикам, которым следует пересмотреть его и сделать его максимально полезным, с точки зрения его функционального назначения.

Заключение

В результате анализа процессов развития социального предпринимательства в России и в мире выявлено пять основных факторов, которые сдерживают развитие социального предпринимательства в России. Первый фактор – распространяемое исследователями из Высшей школы экономики убеждение о том, что государство не должно вмешиваться в процесс развития социального предпринимательства, поскольку оно якобы способно только наносить вред, действуя таким образом. Второй фактор – наличие неверного определения данного явления, в котором подчеркиваются самокупаемость и независимость от внешних источников в качестве основных критериев отличия социального предпринимательства от остальных видов предприятий. На самом деле реальная практика показывает, что это не так. Третий фактор – отсутствие необходимой инфраструктуры для развития социального предпринимательства в виде уважаемых микрофинансовых организаций и социального фондового

рынка. Четвертый фактор – наличие ложных критериев оценки, применяемых экспертами фонда «Наше будущее», сводящихся к таким аспектам, как самокупаемость и оригинальность в ущерб социальной значимости. И, наконец, пятый фактор – отсутствие законодательных мер государственной поддержки социальных предприятий на ранних стадиях его формирования и развития. В совокупности, все эти факторы являются основными сдерживающими механизмами, препятствующими успешному развитию социального предпринимательства в России.

Литература

1. Рудык Э.Н. Социальное государство и социальное предприятие // Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала / Под общ. ред. А.В. Бузгалина и М.И. Воейкова. М.: Экономика, 2011.
2. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / Отв. ред. А.А. Московская; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. ВШЭ. 2011
3. АРОРО Annual Report 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.aporo.org/annual-reports/АРОРО_annual_report_2016.pdf
4. Fruchterman J. Developing Information Technology to Meet Social Needs // Innovation: Technology, Governance, Globalization. 2008. no. 3(3), Cambridge: MIT Press, pp. 83–99.
5. Holbrook P. Social Enterprise UK [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.anglia.ac.uk%2F-%2Fmedia%2FFiles%2F3rd-sector-futures%2FTrading-aces%2FSocial-Enterprise-UK.pdf>
6. Tyson L.D., Greenblatt J. Opportunity for All and Social Innovation: Obama's Policy Agenda / Economix. Explaining the Science of Everyday Life [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economix.blogs.nytimes.com/2014/04/14/equal-opportunity-and-social-innovation-obamas-policy-agenda>

Снимщикова И.В.,

*профессор, доктор экономических наук,
профессор кафедры институциональной экономики
и инвестиционного менеджмента
экономического факультета
Кубанского государственного аграрного университета
им. И.Т. Трубилина*

**Феномен бедности в России как следствие
деструкции социально-экономического развития**

Аннотация. В статье рассматривается проблема сгенерированных социально-экономических деструкций в период рыночной трансформации в России, обусловивших запуск механизма обеднения населения, раскрываются особенности формирования российского феномена бедности и специфика его проявления

Ключевые слова: феномен бедности, социально-экономические деструкции, дифференциация, уровень жизни, социальная безопасность

Snimshchikova I.V.,

*Professor, Doctor of Economics, Professor of the Department
of Institutional Economics and Investment Management,
Faculty of Economics, Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina*

**The Phenomenon of Poverty in Russia as a Consequence
of the Destruction of Socio-Economic Development**

Abstract. The article deals with the problem of the generated socio-economic destructions during the period of market transformation in Russia, which caused the launch of the mechanism of impoverishment

of the population, reveals the features of the formation of the Russian phenomenon of poverty and the specificity of its manifestation

Keywords: poverty phenomenon, socio-economic destructions, differentiation, standard of living, social security

Длительный трансформационный переход России к рыночным отношениям в сознании людей связан с расширением масштабов бедности в стране, что обусловлено ухудшением материального положения, распространением тревожных настроений и общественной напряженности. Проблема бедности формирует серьезную угрозу социальной безопасности, затрагивая не отдельного человека, а общество в целом.

Отсутствие в современных условиях явно выраженного конфликта в отношениях между высшей и низшей социальными стратами не означает, что он не способен возникнуть. Напротив, в ближайшее десятилетие эта проблема может стать одной из самых острых. Это объясняется рядом причин.

1. Характер технологического и экономического развития, начиная с 90-х годов XX в. свидетельствует о том, что высший класс постиндустриального общества обособился от всех других социальных групп и резко противопоставил себя им.

2. Увеличение численности низшего класса оказывает крайне негативное воздействие на стабильность социальной структуры российского общества в целом, и в первую очередь на «границы» среднего класса. В бывшем СССР формирование индустриального общества реализовывалось через, с одной стороны, неуклонный рост уровня жизни рабочего класса, с другой стороны, сокращение индивидуальной занятости. В результате сложился средний класс, упрочивший свои позиции в 50–60 гг. XX в. На данном этапе, напротив, происходит снижение жизненного уровня работников индустриального сектора, значительной части бюджетной и сферы услуг. Произошла «эрозия» постсоветской, достаточно однородной массы населения, с вероятной перспективой пополнить ряды низшего класса.

3. Бедность охватила слишком широкие круги общества, включая тех кто еще недавно были квалифицированными рабочими и частью среднего класса. Проблема низшего класса стала наследственной, а миграция за его пределы – все более сложной.

Формирование феномена бедности в России осуществлялось «рукотворно», а скачок в ее масштабах в 90-х г. XX в. происходил на фоне падения производства более чем в 2 раза и запуске механизма обеднения.

В-первых, практика проведенной приватизации предприятий, позволила 1–2% населения завладеть значительной частью производственных фондов, а с ними и огромными доходами с капитала. 60–65% населения страны – ничего не получило, лишившись адекватной поддержки со стороны государства, находится близко к зоне социального риска, ориентируется на стратегию самовывживания.

Во-вторых, массовый отпуск цен, в результате чего снизились все совокупные доходы граждан. Гиперинфляция обесценила как накопленные, так и текущие доходы. От такого шока многие до сих пор не пришли в себя.

В-третьих, резкое снижение общего уровня заработной платы, связанное с падением ее доли в ВВП, и сокращение в целом вдвое объема национального продукта. В развитых странах эта доля составляет 45–65%, а в России – около 26%, и только с 2006 г. ее величина составила 33,3%. У народа отняли создаваемый им не только «прибавочный», но и часть «необходимого продукта».

В-четвертых, высокая дифференциация доходов и оплаты труда. Разрыв в уровне денежных доходов 10% самых состоятельных и 10% самых бедных семей до кризиса 90-х годов составлял 4 раза, в 2000 г. – 14 раз. За 2006 г. эта разница увеличилась с 14,9 до 15,3 раза. В 2007 г. она составила 16 раз, с 2008 г. более 20 раз (3). В 2018 г. – 30 и более раз. Официально на долю 10% наиболее обеспеченных граждан приходится около 34%, а наименее обеспеченных – 2,6% национального дохода.

В-пятых, массовая безработица, которая в 90-е г. XX в. в России превышала 10%, в 2007 г. – 8%. В 2009 г. безработица достигла 12%, что составляло около 7,5 млн человек (4). По данным ФСГС за 2-й квартал 2018 г. безработица составила 4,8%, но уже к 06.03.2019 отмечен рост безработных на 0,6%, число которых составляет 802,4 тыс. чел. Для России, где основным источником доходов граждан является заработная плата за фактор «труд» – безработица превратилось в социальное бедствие.

В-шестых, неравномерность распределения инфляционного бремени между отдельными группами населения. Происходящее удо-

рожение товаров и услуг – это прежде всего товары первой необходимости, которые составляют основу потребления малообеспеченных слоев населения (продовольственные и непродовольственные товары, обязательные платные услуги, включая услуги ЖКХ, пассажирского транспорта, связи, оплата на содержание и ремонт жилья в домах государственного и муниципального жилищного фонда).

В-седьмых, вопреки задаче снижения уровня бедности, реализуемые программы Правительства РФ обусловили последовательное снижение темпов роста реальных, располагаемых доходов населения. В 2000 г. они снизились на 11,9%, в 2001 г. на 8,5%, в 2002 г. на 9,9%, в 2003 г. на 9,2%, в 2004 г. на 6,7% (8,1), в 2005 г. на 6,7% (8,1), в 2006 г. на 6,5% (8,0). В 2007 г. – на 8,0%. В ходе экономического кризиса в 2009 г. на 7% сократились реальные доходы населения. В 2015 г. реальная зарплата уменьшилась на 8,3% по сравнению с 2014 г. Реальные, располагаемые доходы населения с 2014 по 2019 г. падают пять лет. По итогам 2018 г. доходы населения находятся на уровне 2009–2010 гг. (6).

В настоящий период по уровню доходов на душу населения Россия отстает от ведущих стран Запада в 10–15 раз, а во многих важнейших сферах, таких как наука, образование, медицина – в 20–30 раз и более.

На наш взгляд, именно модель российского рыночного реформирования обеспечила создание социально-экономических деструкций.

1. Квази-рыночная оценка «стоимости» и «цены рабочей силы». Практика оценки стоимости рабочей силы на основе определяемого «директивно» МРОТ не соответствует рыночной системе хозяйствования. И тем не менее, почти три десятилетия минимальная заработная плата отстает от величины прожиточного минимума. В 2006 г. МРОТ составлял 1100 рублей, в 2007 г. – 1400 рублей, в 2009 г. – 4330 рублей, в 2017 г. – 7800 руб., в 2018 г. – 9489 руб., 2019 г. – 11130 руб.

ООН давно признала, что часовая заработная плата ниже 3 \$ является предельной. В России МРОТ в почасовом выражении в 2000-х г. был 3 руб. (0,1\$), а в 2018 г. – 51,57 руб., что составляет примерно 0,9\$, в то время как в США – 7,25\$ (и это только в 13 штатах, а в остальных выше). Это выталкивает российского человека за пороговую черту жизнедеятельности, за которой идет разрушение трудового потенциала экономики.

2. Формирование бюджета прожиточного минимума на базе модели потребления, в которой 68,0% приходится на продуктовую корзину из 30 продуктов, а стоимость минимальной потребительской корзины варьируется по регионам от 9500 рублей до 28500 рублей.

Даже на самом низком уровне материальной обеспеченности потребление семьи не может строиться в рамках такой структуры. В малообеспеченных семьях это неизбежно приводит к недопотреблению продуктов питания. И это имеет место в ситуации, когда низкооплачиваемому работнику приходится обменивать свой труд на продукцию и услуги, цены которых близки или уже сравнялись с мировыми.

3. Воспроизводство такой диспропорции в распределении доходов, которая обусловила дифференциацию и глубокую поляризацию. В докладах Всемирного банка, начиная с 1996 г. подчеркивалось, что такая ситуация может подрывать социально-политическую стабильность и снизить уровень экономического роста. Однако в России разрыв в доходах между богатейшими и беднейшими 10%-ми группами населения на всем протяжении рыночной трансформации не устраняется. При небольших колебаниях коэффициент Джини достигал 0,408, а децильный разрыв заработной платы составляет 30,5 раз, что вдвое выше общего разрыва по доходам, а коэффициент Джини был равен 0,477. Проводимые повышения МРОТ положение дел по сути не меняют.

4. Особенностью в бывшем СССР являлось традиционное отставание от стран Запада как по производительности труда, так и еще в большей мере по доле заработной платы в приросте производительности. Однако за годы рыночных реформ ничего не было сделано по ликвидации этой диспропорции, поэтому значительная часть населения была поставлена в предельные условия для своего физического выживания.

5. Структурные различия в распределении располагаемых доходов в западной и российской экономике. Доход, получаемый работником развитых стран, распределяется примерно в следующих пропорциях: налоги – 20–40%, оплата жилья – 25–30%, отчисления в негосударственные пенсионные фонды – около 5%, покупка товаров и оплата услуг – 30–40%. Пропорции в российской экономике совершенно иные, поскольку такой важный показатель, как доля рас-

ходов на покупку товаров и оплату услуг достигает более 60–65%. Получаемой заработной платы едва хватает на продовольственные товары и другие первоочередные платежи, что подтверждает процесс обеднения.

6. Диспропорция в потреблении, которая примерно соответствует структуре распределения доходов. Только 20% россиян потребляют 50% всех товаров и услуг в стоимостном выражении (согласно оценкам специалистов). Данная деструкция в потребительском спросе не может не тормозить экономический рост, и ограничивает массовое потребление.

Однако, даже при определении в России бедности на основе прожиточного минимума, как явно заниженной оценке, масштабы ее внушительны. За годы трансформации (с 1992 г.), по официальным данным доходы ниже прожиточного минимума имело 26% населения (37,5 млн), в 2003 г. – 20% населения (29 млн). Результаты обследования домашних хозяйств в 2004 г. показывают, что доля бедных существенно выше – это 32% (в городской местности 28%, а в сельской 44%). В эту категорию попали 47% хозяйств с детьми до 16 лет, в том числе 75% с тремя и более детьми (1).

В 2016 г. – ниже прожиточного минимума жило 17% (22,7 млн чел.) В 2018 г. официально называют – менее 10% (13,5 млн чел.). Однако, разные оценки специалистов по социально-экономической стратификации свидетельствуют, что доля бедных в современной России колеблется от 30 до 50% населения страны.

По стандартам, принятым в Западной Европе, критерием бедности считается доход, соответствующий 2/3 среднедушевого в стране. В России в 2018 г. среднемесячная заработная плата составляла 39331 руб. (только в Москве 68 тыс. руб.), а прожиточный минимум с 1 января 2019 г. утвержден в размере 1163 руб., это 28 % от среднедушевого в стране.

С этих позиций уже с начала 21 века доходы 80% населения России меньше, чем у самых бедных 10% в США (2).

В настоящее время – бедность, как объективная реальность, признана на государственном уровне и закреплена институционально (службы занятости, комитеты социальной защиты). Это подтверждает существование бедности как обычного явления, общепринятого для стран с рыночной экономикой.

Условно можно выделить два типа бедности: первичную и вторичную, в зависимости от наличия ресурсов и рациональности их использования (материальные ресурсы прошлого; семейные текущие доходы; социальные ресурсы).

Первичная бедность, обусловлена низкими материальными ресурсами семей (жилье, товары длительного пользования, дача, накопления), поэтому их основными факторами нужды выступают: безработица, тип семьи, социально-демографические факторы и неплатежи.

Осознаваемый минимум для таких семей определяется тремя главными показателями: доход, работа, жилье. Особое место занимает именно труд, обеспечивающий выживание.

Можно говорить и о сложившихся двух формах бедности: устойчивая и плавающая. Первая наиболее опасна и связана с тем, что бедность, как правило, воспроизводит бедность. Низкий уровень обеспеченности ведет к ухудшению здоровья, деqualификации, депрофессионализации, а, в конечном счете, – к деградации. Бедные родители воспроизводят потенциально бедных детей. Данный порочный круг бедности крайне сложно разорвать. В этом смысле красноречив показатель обучающихся в вузах: согласно оценкам Всемирного банка, в российские вузы поступают лишь 15% детей из бедных семей и почти 80% – из обеспеченных.

В современной России к традиционной категории бедных, которыми являются бездомные, безработные, бывшие заключенные, относятся и экономически активное население, работающие в «неблагополучных» отраслях экономики, бюджетники, неполные семьи, беженцы, – так называемые «новые бедные».

Драматичность ситуации усугубляется тем, что 2/3 детей оказались в группе бедных, что не принесет обществу ничего другого, кроме снижения качества будущих поколений и ослабления человеческого генофонда.

Позорный факт для страны, что 45 млн пенсионеров, то есть 1/3 российского населения оказались в группе бедных. Это обусловлено существенным снижением коэффициента замещения утраченной средней зарплаты: в 1995 г. он равнялся 51%, в 2000 г. – 37%, а в 2003 г. – 30%. В 2018 г. он варьируется от 26,97% и до 32,72% в зависимости от года и даты выхода на пенсию. Если учесть что средний возраст

пенсионеров в России 70 лет, а доля вышедших на пенсию по новой формуле мала, то среднестатистическая цифра замещения пенсий будет находиться на уровне 29–30% , а не 35–38% как уверяют «пенсионные теоретики». Предполагается, что в 2019 г. коэффициент снизится с 33,8% (2017 г.) до 32,1%. Однако, механизм измерения этого коэффициента не соответствует международной практике. К тому же исходя из нормы, установленной ВТО, он должен быть не ниже 50%.

Сложившееся отношение пенсии к прожиточному минимуму в стране составило 76,4%, что означает невозможность прожить на такую сумму.

Практически во всех рассматриваемых семьях основная расходная статья – покупка продуктов питания, что составляет от 50 до 80% семейного бюджета. А поскольку происходит постоянный рост цен на товары первой необходимости, лекарства, тарифы на услуги ЖКХ, то это заставляет их существовать на грани выживания. А ведь старшее поколение своим трудом уже обеспечили себе безбедное существование (5).

Парадоксальным является то, что падение уровня жизни людей происходило в условиях роста мировых цен на нефть, газ и другие природные ресурсы – главное богатство России. Например, расчеты показывают, что только проценты от размещения нефтяных денег в западных банках за 12 месяцев 2007 г. составили 3,3 млрд долларов, что хватило бы дополнительно доплатить по 85 долларов каждому пенсионеру (3).

Располагая огромными финансовыми запасами, сосредоточенными в золотовалютных резервах, стабилизационном фонде, правительство постоянно преследовало основную цель – изъять как можно больше средств из экономического оборота в стране под предлогом борьбы с инфляцией. Тем не менее инфляция ежегодно превышала запланированную, а из экономики изымались огромные ресурсы, которые замораживались за рубежом, финансируя западную экономику. В кризисы государство «бросалось» спасать не собственное население, а интересы олигархов и представителей влиятельных зарубежных кругов.

Резюмируя, можно сказать, что, во-первых, за период 2010–2018 гг. в целом в стране сделан значительный шаг в диверсификации про-

изводства, росте продукции машиностроения, реализации национальных проектов, осуществлен прорыв в жилищном строительстве, импортозамещении. Однако, практически нет продвижения по пути минимизации острых социально-экономических противоречий, решении задачи повышения качества жизни населения и развития человеческого потенциала.

Во-вторых, политика, проводимая по ее либерально-монетаристскому образцу, отразилась на социально-экономическом развитии, где ее очевидным провалом и сгенерированной деструкцией является современное социальное неравенство, усугубленное неуспешностью целого ряда проводимых реформ: пенсионной, налоговой, административной, ЖКХ.

В-третьих, структура потребления, определяемая уровнем физиологического выживания, это узаконенное нищенство, поскольку российский прожиточный минимум – это не граница бедности, а граница нищеты. При этом доля социальных трансфертов неадекватно мала, даже по сравнению с небольшой долей оплаты труда.

В-четвертых, бедность увеличивается как по удельному весу, так и по категориям населения, а доля среднего класса по-прежнему неоправданно низка, составляет 15–18%. Таким образом, «всеобщий закон капиталистического накопления» К. Маркса и его следствие – «абсолютное и относительное обнищание пролетариата» доказывают свою жизнеспособность на российской почве.

В-пятых, сложившаяся на государственном уровне практика игнорирования общепринятых показателей качества жизни – таких как, продолжительность жизни, качество образования и здравоохранения, уровень доходов, потребительский спрос населения, не обеспечивает эффективный экономический рост. В 2016 г. рост ВВП составил 0,6 %, в 2017 г. около 2%, в 2018 г. - 1,9%, а в 2019–2020 гг. в Минэкономразвития прогнозируют – 1,4% и 2,0% (6). Сформированные деструкции детерминировали разбалансировку внутреннего спроса, снижение темпов роста, неадекватного потребностям постиндустриального этапа развития экономики.

В-шестых, реализация стратегической цели – преодоление бедности, повышение уровня доходов и качества жизни населения, требует не на словах, а на деле обеспечивать приоритет национальных интересов страны и внедрение модели социального развития. По-

этому единственный сегодня реальный путь – это радикальное изменение характера потребления производимого в стране национального дохода (ВВП), определение оптимального соотношения в распределении национального дохода на накопление и потребление. Необходимо максимальное сокращение непроизводительного потребления, прямо не связанного с нуждами общественного производства, и увеличение доли производительного потребления. Эту оптимизацию потребления национального дохода необходимо скорректировать с составляющими государственной бюджетной и налоговой политики (4).

Литература

1. Лучкина Л. Проблемы бедности в странах ЦВЕ и в России /Журнал «Мировая экономика и международные отношения», 2005 г., №5.
2. Разрыв в доходах населения: данные мировой статистики / Журнал «Мировая экономика и международные отношения», 2005г, № 7.
3. Снимщикова И.В. Социально-экономический феномен бедности в России / Теория и практика общественного развития/Всероссийский научный журнал, №2(12), 2009 г. Краснодар.
4. Снимщикова И.В. Проблемы факторной адаптации экономического роста в современных российских условиях /Российская экономическая модель – 6: сценарии будущего: Коллективная монография / под общ. ред. д. э. н., профессора А.И. Трубилина, д. э. н., профессора В.И. Гайдука. – Краснодар: Просвещение-Юг. 2016. – 498 с. (с.233–251).
5. Снимщикова И.В. Потребительский рынок в контексте факторов экономического роста в России. С. 291–301. / Стратегия развития аграрной сферы экономики: проблемы и пути решения: Коллективная монография / А.И. Алтухов и др.; под общ. ред. д-ра экон. наук, профессора А.И. Трубилина. – Краснодар: Просвещение-Юг. 2017. – 703 с. (с. 291–301).
6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики, www.gks.ru.

Соболев Э.Н.,

*доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук*

**Динамика заработной платы
и перспективы забастовочного движения
в России**

Аннотация. В статье исследуется уровень забастовочной активности на различных этапах современной истории России и его связь с динамикой оплаты труда. Раскрываются экономические, институциональные и ценностные факторы низкой забастовочной активности. В заключение делается прогноз развития забастовочного движения на ближайшую и среднесрочную перспективу.

Ключевые слова: этапы забастовочного движения, виды забастовок, реальная заработная плата, факторы забастовочной активности, профсоюзы

Sobolev E.N.,

*doctor habilitatus in economics, leading research fellow
of the Institute of Economics of the Russian academy of sciences*

**Dynamics of Wages and Prospects
for the Strike Movement in Russia**

Abstract. The paper explores strike activity level at different stages of contemporary Russia history in its relationship with wage dynamics. Economic, institutional and value factors of low strike activity are revealed. To conclude the prospect of strike activity development in medium-run and long-run is presented.

Keywords: strike activity stages, real wages, strike types, strike activity factors, trade-unions

В течение почти трех десятилетий реформ мы могли наблюдать только три всплеска забастовочной активности.

Первый всплеск – в начале 1990-х гг. – связан со снижением реальной зарплаты в результате инфляции и «шоковой терапии». В основном рост забастовочной активности происходил в бюджетной сфере, другие сектора были захвачены забастовочным движением более умеренно.

Второй всплеск приходится на 1997–1998 гг., когда высокими темпами росла задолженность по зарплате (3).

Третий всплеск забастовок (несколько смазанный) фиксируется в 2004–2005 гг. Основной причиной забастовок были проблемы с заработной платой в связи с повышением тарифов на оплату услуг ЖКХ и удорожанием стоимости образования и услуг здравоохранения. Ведущая роль в забастовочном движении в эти годы принадлежала работникам бюджетной сферы (здравоохранение и образование), которые более всего пострадали от повышения тарифов. Отметим, что эти забастовки носили преимущественно демонстрационный характер – 1–2 дня. Поэтому хотя забастовок было много, но из-за малой их продолжительности, уровень забастовочной активности был невысокий (5).

Несмотря на эти три пика забастовочной активности, российские работники оставались в целом спокойными как во время глубокого спада 1990-х, так и во время так называемого восстановительного роста 2000-х. Даже в 1997 г., на который в России приходился максимум протестной активности, в забастовочном движении участвовало менее 1,5% работающего населения. По западным понятиям – это умеренно-низкий уровень забастовочной активности. Иными словами, глубочайший трансформационный кризис не привел к массовым трудовым конфликтам в России (1, с. 170–174; 4, с. 4–5)

По большому счету не изменилась ситуация и в последние годы. На фоне усиления нестабильности положения наемных работников наметилась лишь тенденция к незначительному оживлению забастовочного движения. Но в макроэкономическом смысле забастовочная активность по-прежнему очень низкая. По данным Росстата, в 2018 г. были зафиксированы 2 забастовки с участием 149 человек. Потери рабочего времени составили 540 человеко-дней. Для сравнения данные по другим странам: в 2017 г. в Канаде – 192 забастовки,

в Германии – 1170, в Японии – 71 (2013 г.), в Великобритании – 71, в Испании – 729. В США – 12 забастовок, но считаются только забастовки, где вовлечено свыше 500 человек. По Франции данные по потерянным дням на 1000 занятых – 131 день и только по частному сектору.

Задержки зарплаты и забастовки

В России самым мощным конфликтогенным фактором являются задержки зарплаты. 85% бастующих связывали участие в стачках именно с невыплатами зарплаты. Динамика задолженности и забастовочной активности практически повторяют друг друга.

Задержки зарплаты появились уже в первые месяцы 1992 г., но их пик пришелся на середину 1998 г. Тогда ими оказались охвачены до двух третей всех наемных работников. В реальном выражении задолженность по заработной плате увеличилась примерно в 10 раз и к концу 1998 г. составляла почти 2-х месячный фонд зарплаты (3). В этот период была зафиксирована максимальная забастовочная активность. В дальнейшем вместе с сокращением задолженности пошли на убыль и забастовки.

На 1 марта 2019 г. задолженность по зарплате составляет 2,6 млрд рублей, а численность работников, имеющих невыплаты, составляла около 42 тыс. человек. Однако в относительном выражении это незначительные величины: объем просроченной задолженности составляет менее 1% месячного фонда зарплаты работников, а процент работников, кому задолжали – 0,07% от всех работников. В перспективе некоторый рост задолженности можно ожидать, но существуют большие сомнения, что этот рост будет значительным. Безусловно, сыграло свою роль введение жестких санкций (вплоть до уголовной ответственности) за задержку выплаты зарплаты.

Конечно, оценке уровня забастовочной активности в российской экономике только на основе официальной статистики полностью доверять нельзя. Во-первых, с 2006 г. в статистику Росстата попадают только официально признанные забастовки, а «дикие» в отчетность не включаются, а во-вторых, не попадают в отчетность забастовки длительностью менее одного дня. Правда, последнее соответствует мировой статистической практике.

Таблица 1. Количество забастовок по различным источникам

Год	Росстат	Судебный департамент при Верховном суде РФ	ФНПР (НМЦ «ТК»)	Центр социально- трудовых прав
2014	2	24	27	97
2015	5	19	34	168
2016	3	56	42	158
2017	1	46	58	122
2018	2	...	59	...

Более объективную картину можно получить, анализируя судебную статистику, куда в отличие от официальной (Росстат), попадают и забастовки, которые впоследствии признаны незаконными. Близкие к данным судебной статистики дают профсоюзы, представленные Центром мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (НМЦ «ТК»). Несколько особняком стоит Центр социально-трудовых прав. Он фиксирует наибольшее количество забастовок, но при этом используют отличную от МОТ методологию, которая существенно завышает количество забастовок (см. табл. 1).

Есть проблемы и с выбором показателей забастовочного движения. Росстат фиксирует три основных показателя: число забастовок, численность бастующих и количество времени, неотработанного участниками забастовок. Но эти показатели ничего не говорят о степени распространенности забастовок в российской экономике. Более того, если на них опираться, можно получить и искаженное представление об уровне и динамике забастовочной активности. Поэтому есть смысл в качестве основного показателя внедрить уровень забастовочной активности, рассчитываемый как число потерянных из-за забастовок рабочих дней на 1000 человек, работающих по найму. Этот удельный макроэкономический показатель является, с нашей точки зрения, лучшим индикатором интенсивности забастовочного движения (7). Кстати, он дает возможность и для межстрановых сопоставлений.

Оборонительные и наступательные забастовки

Существует ли связь между уровнем забастовочной активности и динамикой оплаты труда?

Проблема взаимосвязи заработной платы и забастовочной активности относится к числу дискуссионных. Ряд исследователей исходит из старой марксистской концепции, согласно которой наибольшее число забастовок происходит во время экономического спада, когда происходит падение реальной заработной платы. Существует и противоположная позиция: протестная активность усиливается при экономическом подъеме, когда день простоя для капитала чреват потерей прибыли и работники чувствуют себя более уверенно. Наконец, имеется точка зрения, согласно которой эта связь существует, но не однозначная, а весьма сложная (9, с. 8–14). Это проявляется в том, что количество забастовок может расти как при кризисе, так и при подъеме, как при снижении заработной платы, так и при ее росте. Дело в том, что есть два принципиально разных типа забастовок – оборонительные, связанные с нарушением трудовых прав работников, и наступательные. Они различны по целям, по составу участников, по тому, какие предприятия охватывают. Оборонительные забастовки имеют целью по возможности сдержать ухудшение положения работников во время экономического спада, наступательные направлены на улучшение условий коллективных и индивидуальных контрактов при экономическом подъеме. Статистика не разграничивает эти типы забастовок.

В России наиболее распространены оборонительные забастовки, которые – особенно в 90-е годы – напоминали «полуголодные бунты отчаявшихся людей». Бастующие требовали заплатить зарплату или выдать хоть какие-то деньги в счет огромного долга, накопившегося у предприятия перед рабочими. Большинство забастовок вспыхивало стихийно. Зачастую и профсоюзы имели мало отношения к их организации.

Наступательные забастовки в нашей стране в основном происходят либо в многонациональных корпорациях типа завода Форда, либо это, как правило, квалифицированные работники (машинисты на поездах, авиадиспетчеры, водители автотранспорта). За их организацией стоят альтернативные профсоюзы. Пока этих забастовок, не очень много, они погоды не делают. Да и в целом, забастовки так и не стали формой разрешения противоречий между трудом и капиталом в России.

В России очень высокий порог терпимости в отношении оплаты труда, т.е. возможно весьма существенное снижение зарплаток без риска нарваться на забастовку или ее угрозу. Даже задолженность

по зарплате не всегда приводила к забастовкам. Забастовки или их угроза возникали только тогда, когда невыплаты в среднем достигали полугодовой задержки.

Факторы низкой забастовочной активности

Почему такой парадокс, когда проблем много, а конфликтов мало? Здесь действуют три группы факторов – экономические, институциональные и ценностные.

К экономическим факторам можно отнести сложившуюся в России трудовую модель (8). В этой модели занятость (точнее, сохранение рабочего места) ценится выше оплаты труда, а снижение заработков зачастую рассматривается теми же профсоюзами как способ сохранить занятость, не сокращать излишних работников. Хотя в последнее время возрастает эластичность и по занятости, тем не менее занятость как главный приоритет российских трудовых отношений сохраняется до сих пор.

Большая эластичность заработной платы поддерживается соответствующей сверхгибкой организацией оплаты труда. Это, прежде всего, низкая доля тарифа в зарплате. Переменная часть (премии и другие поощрительные выплаты) может колебаться в широких пределах в зависимости от экономического положения предприятий и установок менеджмента. В этом же направлении «работают» и неформальные выплаты. Работник, который получает в конверте зарплату, лоялен и бунтовать, скорее всего, не будет.

Вторая группа факторов – это институциональные факторы. К этим факторам следует отнести прежде всего жесткий характер трудового законодательства, которое устанавливает высокий разрешительный барьер для забастовок. С принятием нового Трудового кодекса запретительный характер формальных процедур усилился. Если, все делать по закону, то минимальный срок для проведения всех необходимых процедур 42 дня. В результате, по данным судебной статистики, если в 1998 г. в иске о признании забастовок незаконными было отказано в 75% случаев, то в 2005 г. только в 25%. Были годы (2010 г.), когда вообще не было официально зарегистрировано ни одной забастовки.

Второй институциональный фактор – слабые и несамостоятельные профсоюзы. Это в равной мере относится и к старым, и к альтернативным новым профсоюзам. Старые (ФНПР) находятся под сильным государственным влиянием, а новые (за редким исключением – МПРА) – малочисленны и фрагментарны. В кризис 1998 г., да и в последний кризис подобная институциональная неоформленность, аморфность служила своеобразной «подушкой безопасности» для власти и бизнеса, когда даже сверхсильные шоки гасились без особого ущерба для устойчивости системы. Никаких масштабных социальных конфликтов не возникало. Сегодня профсоюзы рассматривают в качестве защитников своих интересов менее 5% работников (7, с. 6–20).

Фактор диверсификации

Снижение роли забастовок связано с тем, что имеется более эффективный институт социальной защиты работников. Это судебная система, что в общем-то соответствует мировым трендам.

Вопреки ходячим представлениям, в России судебная система представляет собой самый эффективный механизм разрешения трудовых споров, возникающих при нарушении трудового законодательства. Сравнение данных профсоюзной статистики и данных судебной статистики, показывает, что фиксируемые профсоюзами нарушения составляют 5–15% от общего числа трудовых споров, рассматриваемых судами. Девять из десяти трудовых исков удовлетворяются. По делам о задержках в выплате зарплаты – от 97 до 99%. Недостатками судебных механизмов являются, во-первых, слабый информент, т.е. невысокий уровень исполнения судебных решений; во-вторых, суд правомочен для разрешения конфликтов, связанных с нарушением трудовых прав (те же невыплаты зарплаты), но он не приспособлен для разрешения коллективных конфликтов, прежде всего возникающих при заключении коллективных договоров.

Наконец, третью группу составляют ценностные факторы. С одной стороны, склонность к авторитаризму российской власти и бизнеса, а с другой, социальная пассивность основной массы работников. Опросы показывают, что работники в массе своей недовольны суще-

ствующим социально-экономическим положением, но не готовы активно бороться за свои права и экономические интересы.

Ряд авторов полагает, что пассивность – проявление извечной российской покорности, имманентная черта русской психологии. Но это не совсем так. В начале XX в. Россия – страна с сильным забастовочным движением, где бастовало на порядок больше, чем в развитых западных странах. В годы НЭПа в первой половине 20-х гг., по данным Института российской истории РАН, забастовочная активность в России была выше, а во второй половине лишь немного ниже по сравнению со среднеевропейскими значениями (11). Так что современная пассивность есть привычка, сформировавшаяся в советский период. Свою лепту в ее воспитании внесли и пресловутые девяностые годы, когда окончательно утратились представления об «общем благе», каждый был сам за себя, выживал в одиночку.

Из трех рассмотренных групп факторов ключевую роль играют, на наш взгляд, ценностные, прежде всего отсутствие заинтересованности или желания рядовых работников в коллективной защите своих интересов.

Изменится ли ситуация в ближайшем будущем?

В том имеются серьезные сомнения. Сегодня российское рабочее движение как самостоятельная социальная сила не сложилась (6; 12). Все вышеуказанные факторы, сдерживающие активность работников, сохранились до сих пор. Поэтому в ближайшей, да и в среднесрочной перспективе никаких объективных оснований для серьезной переоценки сил в мире труда не видно. Рабочие будут по-прежнему протестовать либо от отчаяния, либо в акциях, срежиссированных элитой (типа «директорских забастовок»). Организованные и самостоятельные формы сопротивления и протеста будут развиваться тяжело и медленно. Этот вывод базируется на анализе рабочих протестов за последнюю четверть столетия.

Это не означает, что не надо ничего делать. В практическом плане необходимо двигаться по трем, как минимум, направлениям:

– ликвидация конфликтов, связанных с нарушениями социально-трудовых прав в области оплаты труда. В этой связи следует усилить

исполняемость законов. Сдвиги в этом направлении есть, пример – снижение задолженности по заработной плате;

– создание нормальных условий для забастовок, иначе проблема будет выбрасываться во внеправовое поле, по крайней мере, следует упростить процедуру объявления забастовки. Полтора месяца – это слишком большой срок, ни в одной стране этого нет;

– развитие реального партнерства (т.е. запустить механизмы согласования интересов). Рост забастовок – это не самоцель.

В будущем наибольшую опасность для власти будут представлять не забастовки классического типа: их время уходит. На первый план станут выдвигаться гибридные протесты, соединяющие демонстрационные забастовки и митинговую активность.

Гибридные времена, гибридные социальные технологии, гибридные забастовки!

Литература

1. *Воейков М.И.* К вопросу фрустрации рабочего класса // *Альтернативы.* – 2015. – № 4. – С. 170 – 174.

2. *Кагарлицкий Б.* Вирус классовой борьбы // *Взгляд.* – 2006. – 4 сент.

3. *Капелюшников Р.И.* Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 309 с.

4. *Кацва А.М.* Социально-трудовые конфликты в современной России. – СПб.: Летний сад, 2002. – 198 с.

5. *Козина И.М.* Забастовки в современной России // *Социологические исследования.* – 2009. – № 9. – С. 13–24.

6. *Левинсон А.* Наше «мы»: Забастовочная пассивность // *Ведомости.* – 2015. – 10 ноября.

7. *Соболев Э.Н.* Динамика трудовых доходов и проблема забастовочной активности работников: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2015. – 45 с.

8. *Соболев Э.Н.* Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2017. – 50 с.

9. Соболев Э.Н. Социально-трудовые отношения в российской экономике: конфликт интересов или поиск согласия: Научный доклад. – М.: ИЭ РАН, 2007. – 49 с.

10. Соболев Э.Н., Ломоносова С.В. Оплата труда в российской экономике: динамика, факторы, направления преобразований. М.: ИЭ РАН, 2003. – 39 с.

11. Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929 гг. / Отв. ред. Ю.И.Кирьянов, В.Розенберг, А.Н.Сахаров. – М., 1998. – 360 с.

12. Cook L.G. Russian Labor: The Puzzle of Quiescence // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В четырех книгах / Отв. ред. Е. Ясин. Книга 1. – М., 2012. – С. 427–435.

Харчевников А. Т.,

кандидат технических наук,

Экономическая и философская газета

**От товарищизации «рабочей силы»
к демографизации «работника»**

Аннотация. В статье напоминает, что введённое в «Капитале» К. Марксом понятие «рабочая сила» не является товаром. На основе метатеории полилогия развивается формула-схема кругооборота капитала, снимающая обращение «рабочей силы» как товара. Предлагается, следуя генерализирующему началу полилогии, уже в рамках «Капитала» использовать двухконтурное обращение с базовыми типологическими объектами «товара» и «работник».

Ключевые слова: рабочая сила, товар, работник, полилогия, трудобмен

Kharchevnikov A. T.,

candidate of technical Sciences,

Economic and philosophical newspaper

**From the Companionship of the “Labor Force”
to Demographics “of the Employee»**

Abstract. The article reminds that the concept “labor force” introduced in “Capital” by K. Marx is not a commodity. On the basis of metatheory polylogy the formula-scheme of the circulation of capital, which removes the circulation of “labor” as a commodity, is developed. It is proposed, following the generalizing beginning of the polylogy, to use double-circuit treatment with basic typological objects of “goods” and “employee” within the framework of “Capital”.

Keywords: labor force, goods, employee, polylogy, work exchange

Ранее в ряде публикаций было показано и доказано, что введённое в «Капитале» К. Марксом понятие «рабочая сила» не является товаром. Напомним лишь самые первые, исходные основания, использованные для этого доказательства, из самой понятийной базы «Капитала», которые, в сочетании с содержательным анализом по всему тексту и многих положений этой теории, позволяют бесспорно утверждать, что сделанное К. Марксом в «Капитале» допущение, рассматривающее «рабочую силу как особый товар» (1, с. 110), в современном научном миропонимании, – ошибочно, а исторически – некорректно.

Начиная изложение своего учения «Капитал» с главы «Товар», К. Маркс пишет:

– «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар его элементарную форму [его исходную форму]. Наше исследование начинается поэтому анализом товара.

Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам способна удовлетворить какую-либо человеческую потребность» (1, с. 1).

Соответственно, классически, К. Маркса так определяет понятие «рабочая сила»:

– «Под рабочей силой, или работоспособностью, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает конкретный организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительские стоимости» (1, с. 110).

По утверждению К. Маркса этот «оригинальный товар» обладает «специфическим свойством быть источником стоимости» (1, с. 110).

Таким образом, налицо явное несоответствие, противоречие, между «товаром» – как вещь и «товаром рабочая сила» – как способность (свойство!), ибо понятие «вещь» не тождественно понятию «способность». Слова «вещь» и «способность» – не синонимы.

В результате, заложенный в «Капитале» монизм объекта такой исходной элементарной формы богатства как товар породил монизм и в других категориях этой теории, например, механизм взаимодействия – «товарообмен» (сравни: общение, трудообмен, соседство, соисполнение, соинформирование и др.) (2, с. 478).

1. Генерализация «Капитала»

Метатеория исторического восходящего развития общества по сложности А. С. Шушарина «Полилогия современного мира ...» (3) генерализирует учение К. Маркса «Капитал», то есть включает его в себя как составную часть. Метатеория «Полилогия ...» отличается от монотеории «Капитал» тем, что действительная жизнь общества рассматривается в статике как гетерогенное множество различных базовых типологических объектов, тогда как «Капитал», – только объектов одной типологии «вещь» (средства производства, товар).

Буквально в нескольких фразах о характерных особенностях всего лишь эндогенной логики (4) этой метатеории исторически восходящего развития отдельно взятого общества по сложности:

– действительная жизнь социума в статике, эндогенно, есть следующее множество базовых типологических объектов: человек, общая жизнь, работник, пространство производства, средства производства (вещь), функция (технология), информация, общественное познание и др.;

– в динамике это соответствующее множество чистых эндогенных форм (ЧЭФ) процессов воспроизводства этих базовых типологических объектов, а именно: ЧЭФ «переломная первобытность» и ЧЭФ «первобытность», ЧЭФ «рабовладение» и ЧЭФ «феодалная», ЧЭФ «экономическая, капиталистическая» и ЧЭФ «функциональная, социалистическая», ЧЭФ «информационная» и ЧЭФ «общественное познание», и др.;

– эти ЧЭФ описываются следующим составом атрибутов: механизм взаимодействия агентов производства, материально-знаковые отношения, вид собственности, негатив и др.;

– каждому базовому типологическому объекту и его ЧЭФ воспроизводственного процесса соответствует свой типологический механизм взаимодействия агентов производства, а именно, в порядке вышеприведенного перечисления объектов: социально-биологическое общение, культурно-духовное общение, трудообмен, соседство, товарообмен (рынок), соисполнение (план), соинформирование, логическое соответствие и др.;

– каждая историческая социально-воспроизводственная градация (устар. – формация) есть композиция всех ЧЭФ, но лишь одна из них до-

минирует и задает тип градации. Метатеория «Полилогия ...» в восходящем историческом развитии общества выделяет следующую последовательность социально-воспроизводственных градаций: переломная первобытность, первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм, социализм, Информационное общество, Общество знания и др.

2. Товаризация «рабочей силы»
как порождение монизма «Капитала»

В целом, как и было показано в статье «Рабочая сила – не товар» (5), а так и в последующем анализе капиталистического производства, анализе процесса накопления капитала, автор «Капитала», хотя и с использованием множества оговорок продолжает принятый им курс на товаризацию рабочей силы, ибо стал заложником монизма своего учения и сведения труда и трудовых отношений к отношениям по поводу введенного им в теорию понятия «рабочая сила».

Так, в частности, о воспроизводстве рабочей силы в связи с процессом накопления капитала К. Маркс пишет:

– «Таким образом, рабочий сам постоянно производит объективное богатство как капитал, как чуждую ему, господствующую над ним и эксплуатирующую его силу, а капиталист столь же постоянно производит рабочую силу, как субъективный источник богатства, отделенный от условий своего воплощения и осуществления («отделенный от средств ее собственного овеществления и осуществления» – ХАТ), абстрактный, связанный лишь с самим фактом физического существования рабочего («существующий лишь в самом организме рабочего» – ХАТ), – коротко говоря, производит рабочего как наемного рабочего. Это постоянное воспроизводство и увековечение наемного рабочего есть *condition sine qua non* (непременное условие – ХАТ) капиталистического производства» (1, с. 448).

Заметим, что, начав эту фразу с «производства рабочей силы», автор «Капитала», закономерно, с позиций метатеории полилогия, закончил ее «производством рабочего как наёмного рабочего», но не «товара» как «специфического товара». То есть, при тщательном анализе потребность в категории «рабочая сила» исчезает, «рабочая сила» исчезает «как товар», но остаётся сам воспроизводственный

процесс «работника» как рабочего, «наемного рабочего». Однако, оказавшись рабом своего же отождествления по схеме «товар – рабочая сила – работник (рабочий)» К. Маркс вынужден утверждать то, что неприемлемо самому рабочему, классу рабочих. Так он заключает:

– «Итак, с общественной точки зрения класса рабочих («класс рабочих» – ХАТ) – даже вне непосредственного процесса труда – является такой же принадлежностью капитала, как и мертвый рабочий инструмент («мёртвое орудие труда» – ХАТ). ... Римский раб был прикован цепями, наёмный рабочий привязан невидимыми нитями к своему собственнику. Но только этот собственник не отдельный капиталист, а класс капиталистов. («Иллюзия его независимости поддерживается тем, что индивидуальные хозяева-наниматели постоянно меняются, а также тем, что существует *fictio juris* [юридическая фикция] договора». – ХАТ)» (I, с. 450).

Здесь вызывает сомнение, что это «общественная точка зрения». Скорее это позиция капитала и капиталистов, но не класса рабочих. Да и иллюзий на этот счёт у класса рабочих нет, однако это положение в теории лишает класс рабочих, даже как «класс в себе», и тем более «класс для себя», просто любой инициативы в обеспечении какого-либо приемлемого существования. Что же касательно фикции договора, то это не иллюзия, а вполне определённый путь борьбы за свое благополучение, за благополучие. Да, успехи в этом деле и сегодня невелики, но это вполне определённое направление движения, борьбы, для класса рабочих и всех граждан каждого общества и всех обществ вместе. Поэтому согласие и принятие этого тезиса от К. Маркса есть полная капитуляция как работника, так и человека, перед лицом асимметрии общественного развития и собственно критического положения в сфере экономических, производственных отношений.

Видимо этими и подобными рефлексиями во многом и объясняется некая раздвоенность мышления в левом движении, когда возлагают на рабочий класс особые надежды в освобождении труда, но при этом просто железобетонно настаивают на тезисе, что «рабочая сила – это товар», ибо так это и понимается К. Марксом в «Капитале».

Наконец, описывая процесс накопления капитала, К. Маркс обращает внимание на такое «своеобразное» свойство рабочей силы как товара, которое «состоит в его способности доставлять труд и, следовательно, создавать стоимость». Он пишет:

– «Стоимость этого продукта включает в себе прежде всего стоимость потреблённых средств производства. Полезный труд не может потребить эти средства производства, не перенося в то же время их стоимости на продукт; но рабочая сила найдёт себе покупателя лишь в том случае, если она способна доставить полезный труд в той отрасли промышленности, где имеется ввиду её применить» (1, с. 460).

В этом появляется еще одно, ранее не упоминаемое, своеобразное свойство рабочей силы «доставлять труд», то есть, образно говоря, – рабочей силе «придельваются ноги». Таким образом, продолжается отождествление понятия «рабочая сила» с понятием «работник», которое является базовым типологическим объектом ЧЭФ «демографическая», исторически ранее доминировавшей в социально-воспроизводственной градации рабовладение. При этом за «полезным трудом», который «не может потребить эти средства производства, не перенося в то же время их стоимости на продукт», вновь возникает образ работника, а не мифической рабочей силы. Одновременно, в связи с неким «доставлением труда», складывается вполне материальное представление о процессе, скажем так, движения труда, что подкрепляется следующим, ранее упомянутым К. Марксом, тезисом:

– «... рабочий сам постоянно производит объективное богатство как капитал, как чуждую ему, господствующую над ним и эксплуатирующую его силу, а капиталист столь же постоянно производит рабочую силу, как субъективный источник богатства, отделённый от условий своего воплощения и осуществления («отделённый от средств ее собственного овеществления и осуществления» – ХАТ), абстрактный, связанный лишь с самим фактом физического существования рабочего, – коротко говоря, производит рабочего как наемного рабочего» (1, с. 448).

*3. Полилогия воспроизводства «работника»
неотъемлемая демографическая часть
производственного процесса*

Итак, вполне определенно, речь идет не просто о процессе воспроизводства рабочей силы, а о демографическом процессе воспроизводства рабочего, то есть – работника. Это самостоятельный про-

цесс, который, как пишет автор «Капитала», «отделен» от процесса «овеществления», то есть от процесса воспроизводства вещей (товара как вещи и средств производства) или собственно ЧЭФ «капиталистическая, экономическая, рыночная» как базового процесса капиталистического способа производства. Напомним, что ЧЭФ «экономическая», согласно метатеории «Полилогия современного мира ...», есть доминирующий воспроизводственный процесс социально-воспроизводственной градации капитализм. Следовательно, в учении «Капитал» в условиях монологической парадигмы восприятия общественного развития анализируется, можно сказать, два воспроизводственных процесса, которые в силу монологичности теоретического воззрения рассматриваются как единый воспроизводственный процесс.

Согласно монотеории «Капитал» (Книга вторая. Глава вторая. «Кругооборот производительного капитала») этот единый воспроизводственный процесс как обращение капитала, но с учётом того, что оплата рабочей силы происходит лишь после того, как она уже функционировала в течение срока, установленного договором о ее купле» (1, с. 116), можно представить в виде следующей формулы-схемы (рис. 1):

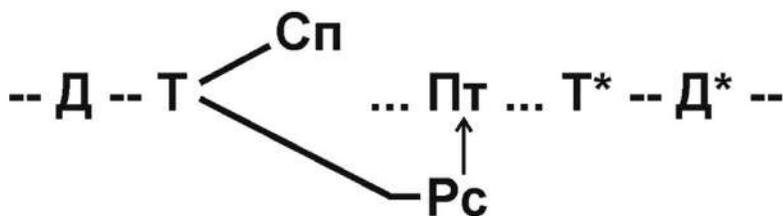

Рис. 1. Формула-схема кругооборота производительного капитала
Условные обозначения: Д – материально-знаковое отношение, деньги; Т – товар; Сп – средства производства; Рс – рабочая сила; Пт – производство товаров.

Однако, развивая тезис о дух воспроизводственных процессах на основе метатеории «Полилогия ...», нетрудно, даже только в рамках краткого представления этой теории в начале данного эссе, построить формулу-схему воспроизводственного эндогенного процесса действительной жизни отдельной взятого общества социально-воспроизводственной градации капитализм с выделением доминирующего

подпроцесса ЧЭФ «экономическая, капиталистическая» (капиталистический способ производства) и второго подпроцесса воспроизводства работников ЧЭФ «работника, рабовладельческая», в котором базовым типологическим объектом воспроизводства является «работник», который, в терминологии «Капитала», обладает свойством «рабочая сила» (рис. 2).

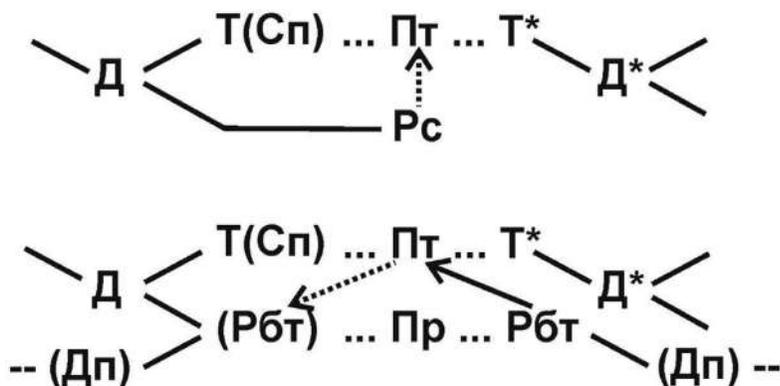

Рис. 2. Формула-схема социально-воспроизводственной градации капитализм с выделением доминирующего подпроцесса ЧЭФ «экономическая, капиталистическая» и второго подпроцесса воспроизводства работников ЧЭФ «работника, рабовладельческая». Условные обозначения: Д – материально-знаковое отношение, деньги; Т – товар; Сп – средства производства; Рс – рабочая сила; Пт – производство товаров; Дп – материально-знаковое отношение, дипломы; Рбт – работник; Пр – производство работников

Таким образом приведенных примеров достаточно, чтобы ощутить негативные последствия монизма «Капитала» в современном мировосприятии, тогда как использованные в анализе некоторые положения метатеории «Полилогия современного мира ...» позволяют адекватно реалиям действительной жизни, правда с некоторыми корректировками не только сохранить в значительной части политэкономическое наследие «Капитала» К. Маркса, но и включить его как часть в метатеорию более высокого уровня сложности, то есть генерализировать учение К. Маркса.

На рис. 3 представлена схема цикл обращения «капитала» и воспроизводства «работника» как органическое единство обращения, производства и воспроизводства действительной жизни.

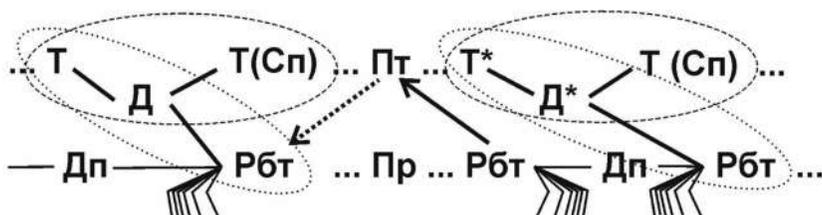

Рис. 3. Цикл обращения «капитала» и воспроизводства «работника» как органическое единство обращения, производства и воспроизводства действительной жизни

Здесь в качестве эквивалента и материально-знаковых отношений в общественном метаболическом обменном процессе выступают «деньги» (Д), которые традиционно и исторически рассматриваются лишь в качестве эквивалента в товарообменном процессе, например, как в фрагменте: – Т – Д – Т(Сп) –.

Напомним, что для «трудообмена» по схеме процесса «- Рбт – Дп – Рбт -» в качестве материально-знаковых отношений выступают «дипломы» (Дп).

Таким образом в этих фрагментах «деньги» (Д) играют как бы две роли одновременно, что связано с органическим единством и целостностью общественного метаболического обменного процесса рисунка 2. На рисунке 3, отображающим это единство после пятого этапа трансформации, первый фрагмент «- Т – Д – Т(Сп) -» выделен овалом из точечного пунктира, а второй фрагмент «- Рбт – Дп – Рбт -» – овалом из обычного штрих-пунктира.

Первая роль, – это товарное материально-знаковое отношение, которое порождается доминированием, в данном случае, товарообменных отношений, связанных с приобретением товара «средства производства» – Т(Сп). В то же время – это доминирование облакает «рабочую силу» в форму (мундир) товара. Вторая роль, – это роль эквивалента в общественном метаболическом обменном процессе с объектами различной типологии; в данном случае это объект типологии «вещь» (товар) и объект типологии «работник» Рбт.

7. Освободиться от ярма «товар»

С другой стороны, образно говоря, изъятие из политэкономии капиталистического способа производства категории «рабочая сила» позволяет освободиться от шор товаризации рабочей силы и ее толкования как экономической категории, освободив тем самым «рабочего», а более шире, – работника и трудящегося от ярма экономической эксплуатации. При этом по-новому взглянуть и понять не только сами экономические процессы, но и во многом скорректировать ряд оценок в общественном взаимодействии действительно равноправных в потенции агентов капиталистического способа производства, – работника (рабочего) и капиталиста.

Так, например, вполне обосновано следует выразить несогласие со следующим фрагментом «Капитала», в частности, по поводу «превращения законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения» (I, с. 455) К. Маркс пишет:

«Итак, если сумма стоимости, авансированная в заработной плате, не только восстанавливается в продукте, но восстанавливается в нём, приращённая прибавочной стоимостью, то причина этого – отнюдь не обман продавца, который полностью получил стоимость своего товара, а лишь потребление этого товара покупателем. ...

Следовательно, первоначальное превращение денег в капитал совершается в самом точном согласии с экономическими законами товарного производства и вытекающими из них правом собственности. Несмотря на это, в результате его оказывается:

- 1) что продукт принадлежит капиталисту, а не рабочему;
- 2) что стоимость этого продукта, кроме стоимости авансированного капитала, включает в себе ещё прибавочную стоимость, которая рабочему стоила труда, а капиталисту ничего не стоила, и тем не менее составляет правомерную собственность последнего;
- 3) что рабочий сохранил свою рабочую силу и может снова продать ее, если найдет покупателя» (I, с. 460).

И происходит это совсем не потому, что, как обосновывает К. Маркс, – «поскольку очевидно, что закон присвоения или закон частной собственности, покоящийся на производстве и обращении товаров, превращается путем собственной, внутренней, неустранимой диалектики в свою прямую противоположность» (I, с. 459), а потому,

что, скажем без преувеличения, что в стройную, акультурную теорию капиталистического способа производства, вследствие её монизма, была необоснованно включена категория «рабочей силы» в качестве «товара». Следствием этого и стала ложная оценка ряда важнейших явлений в приведенном фрагменте «Капитала».

Поэтому, только освободившись от ярма «товара», надетого на «рабочую силу», являющуюся всего лишь способностью работника, современный работник, трудящийся, обретут свободу и равноправие в производственных отношениях доминирующего капиталистического способа производства, избавятся от экономической эксплуатации и грабительской дифференциации доходов.

Рабочая сила – не товар, рабочая сила – не продается.

Литература

1. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга первая. Процесс производства капитала. М.: Государственное издательство, 1929. – 621 с.

2. *Харчевников А.Т.* Краткий курс полилогии современного мира. Путь в будущее: в схемах, рисунках и таблицах. М.: ЛЕНАНД, 2016. – 488 с.

3. *Шушарин А.С.* Полилогия современного мира (Критика запущенной социологии). В 5 тт. М.: Мысль, 2005–2006.

4. *Шушарин А.С.* Полилогия современного мира (Критика запущенной социологии). Раздел второй: Эндогенная логика. М.: Мысль, 2005.

5. http://polilog.ucoz.net/publ/rabochaja_sila_ne_tovar/1-1-0-38

Чурилова К.И.,

*студент-бакалавр 1-го курса направления экономики,
Финансового факультета*

*Российского Экономического Университета
им.Г.В.Плеханова*

**Институциональные преобразования
российского общества в 1990-х гг.
и их влияние на социально-экономическое
развитие современной России**

Аннотация. В 90-х годах 2000го столетия в нашей стране произошла кардинальная смена политического и экономического режима. Россия начала усиленный переход к рыночной экономике, формируя свои собственные формальные общественные институты на основе проводимых реформ, импортируя уже устоявшиеся из развитых стран. Вследствие множественных изменений сформировались и неформальные институты. Однако все они не способствовали плавному переходу к рыночному типу хозяйствования и дальнейшему экономическому росту.

В статье рассмотрены источники возникновения конкретных общественных институтов; проанализированы проблемы российской экономики через призму институтов, сформировавшихся под влиянием рыночных реформ 1990-х; предложены способы их решения для задания правильного вектора динамичного экономического развития.

Ключевые слова: формальные институты, неформальные институты, институт частной собственности, институт социального неравенства, институт коррупции, институт организованных преступных групп, компрадорский капитализм, экономический рост

Churilova K.I.,

*the Bachelor student of Financial Faculty, 1st year,
Plekhanov Russian University of Economics*

**Institutional Changes of the Russian Society
in 1990s and Their Influence on Social
and Economic Development of Modern Russia**

Abstract. A radical change of political and economic foundations took place in our country in the 90s of the 20th century. Russia began an intensified transfer to a market economy, forming its own formal public institutions based on ongoing reforms, importing some from developed countries. Due to multiple changes, also informal institutions were formed. However, they did not result in a smooth transition to a market type of economy and further economic raise.

The article discusses the roots of specific public institutions; analyzed the problems of the Russian economy through the prism of institutions formed under the influence of market reforms of the 1990s; proposed ways to solve them to set the right vector of dynamic economic development.

Keywords: formal institutions, informal institutions, the institution of private property, the institution of social inequality, the institution of corruption, the institution of organized criminal groups, comprador capitalism, economic growth

Как трактует нам популярное в экономической науке течение новый институционализм, «институты имеют значение». Действительно, все сферы общества, внутри и между собой, пронизаны огромным количеством взаимосвязанных институтов. Нельзя рассматривать развитие общества и выстраивать его дальнейшие стратегии, не учитывая их влияние. Однако для начала стоит уточнить, что понимается под словом «институты».

Согласно американскому экономисту Д. Норту: «Институты – это “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют человеческие взаимоотношения» (2, с. 17). В составе институтов Норт выделяет три главных компонента (2, с. 18, 56, 68):

- неформальные ограничения (традиции, обычаи);

- формальные правила (законы, судебные прецеденты, административные акты);
- механизмы принуждения, обеспечивающие соблюдение правил (суды, полиция).

По мнению ученого, неформальные институты складываются спонтанно (2, с. 152), без чьего-либо сознательного замысла, как побочный результат взаимодействия множества людей, преследующих собственные интересы. В то же время формальные институты и механизмы их защиты устанавливаются и поддерживаются сознательно, чаще всего – силой государства. Формальные правила допускают резкую одномоментную ломку (в периоды революций), тогда как неформальные меняются лишь постепенно.

В 1990-е годы в России перешел коренной институциональный перелом. Поменялся тип правления, хозяйствования, структура государственной власти. Безусловно при этом изменился и состав институтов. Рассматриваемый период относится к не самым благоприятным с точки зрения общей обстановки и настроений в стране, поэтому они явились в основном в негативном ключе. К *неформальным* относятся институт организованной преступности (который, к тому же, порой заменял многие формальные институты), институт коррупции (формировавшийся уже в период 80-х годов 20-го столетия), институт социального неравенства и другие. К *формальным* как задекларированный в официальных документах¹ же можно отнести, например, институт частной собственности, институт охраны порядка, институт государственного аппарата.

Рассмотрим некоторые из них подробнее и проанализируем влияние на дальнейшее развитие страны и российского общества в целом.

Как известно, в России с 1992 по 1998 годы правительством России проводилась «шоковая терапия». В рамках пакета реформ осуществлялась и приватизация государственной собственности как неизбежный процесс при импорте института частной собственности, переходе от плановой к рыночной экономической системе и отказа от монополизации производства. Данный процесс является типичным

¹ Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 (ред. от 24.06.1992, с изм. от 01.07.1994) «О собственности в РСФСР».

для «терапии», однако в России под действием *коррупции* в самых верхах власти, законодательной перестройки он видоизменился. Взять, к примеру, процесс проведения «залоговых аукционов» 1995 года. Хотя и аукционы проводились на конкурсной основе, из доклада Счетной палаты РФ 2004 года следует, что конкурсы носили «притворный характер»¹. Следовательно, действительно крупные во времена СССР предприятия были переданы за бесценок приближенным к правящей элите лицам и осуществляющим незаконными методами деятельность предпринимателям (мафии).

Не лучшим образом складывалась ситуация и с остальными объектами приватизации. Гражданам были предоставлены лояльные условия для ее осуществления, однако два поколения людей, живущих при нормах и порядках Советского союза, просто не смогли себя защитить от действий спекулянтов и кооператоров – субъектов накопления латентного частного капитала. То же не мог сделать и закон, так как правовая база была еще не выработана. Резюмируя, *институт частной собственности* был импортирован на институционально, законодательно и морально неподготовленную почву. Это же утверждают и К. Хофф и Дж. Стиглиц, отмечая, что возобладавшие в России идеи шоковой терапии не имели под собой теоретической базы для оценки траектории сопутствующей институциональной эволюции в сфере прав собственности (6).

В рамках экономической политики российского правительства 1990-х годов по указу президента была проведена либерализация цен², заключающаяся в ослаблении регулирования ценообразования государством. Несмотря на такой позитивный результат, как быстрое наполнение полок магазинов разнообразным товаром, негативные последствия были куда более значительные – развилась гиперинфляция, обесценились заработные платы, на фоне общего экономического спада и увеличивающегося социального расслоение произошло обнищание огромной части страны. По мнению экономиста С.Ю. Гла-

¹ <http://nationalization.ru/biblioteka/Analiz-processov-privatizacii-gosudarstvennoj-sobstvennosti-v-rossijskoj-federacii-za-period-1993-2003-gody.pdf>

² Указ Президента РСФСР от 03.12.1991 № 297 «О мерах по либерализации цен».

зевая, не сопровождавшаяся созданием сдерживающих механизмов либерализация цен привела «не к созданию механизмов рыночной конкуренции, а к установлению контроля над рынком *организованных преступных групп* (ОПГ), извлекающих сверхдоходы путем взвинчивания цен» (3). Действительно, государство не подкрепило реформы достаточным и всеобъемлющим объемом нормативных актов, в связи с чем стало фактически возможно использование ОПГ в экономической деятельности. Субъекты зарождаемого предпринимательства часто обращались к их услугам, мотивируя это «борьбой» на конкурентном рынке, расширением и диверсификацией собственного бизнеса. Явление стало таким регулярным на предпринимательской арене, что вошло в обиход легальных компаний, так как приносило большие незаконные доходы и максимизировало легальные прибыли.

В итоге криминальных деформаций хозяйственной системы возникла и стала генерироваться организованная экономическая преступность, специфически присущая только постсоветской рыночной системе. И она выросла не без помощи коррупционных связей с властью.

Явление коррупции появилось задолго до рыночных преобразований – в 1960-х годах со времен «Косыгинской» реформы. Начало положило складывание теневого сектора экономики ввиду «денежного навеса». Но концепции *институциональной коррупции* в отечественной научной литературе начали формироваться только в конце 1980-х гг. В адрес коммунистической бюрократической машины было выдвинуто обвинение в систематическом злоупотреблении чиновниками служебным положением с целью получения личных выгод. Даже несмотря на развал советской системы, явление коррупции не исчезло, а, наоборот, только усилилось. Политики-либералы и консерваторы сходятся на мнении о том, что коррупция в постсоветской России – явление системное, и масштабы ее имеют тенденцию к росту (1). В нашей стране этот институт поддерживался и поощрялся политической элитой, правящим классом, поэтому до сих пор воспринимается обществом как данность, наследие режима бюрократии.

Также под влиянием проведения «шоковой терапии», общего экономического упадка страны и коренных изменений в институциональной системе в обществе активно развивалось *социальное неравенство*. Появился маленький привилегированный слой сверхбогатого населения, которые получали выгоду из распада страны и

проведения ряда реформ – приватизации, денежной реформы Павлова и т. д. В то же время вместе с ним возник и огромный слой общества, живущих за чертой бедности¹.

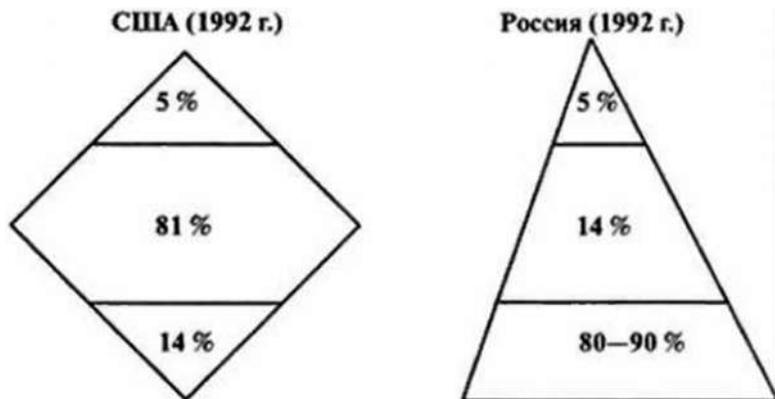

Рис. 1. Профиль стратификации США и России в 1992 г.

Почему же институты буржуазной демократии, к которой правительство Ельцина и Гайдара так стремилось, не заработали у нас? Одним из возможных объяснений может являться то, что весь капитализм, сформировавшийся в России в 90-х годах, концентрировался вокруг класса крупных собственников – олигархии, которая лоббировала свои интересы в государственных органах. Из-за четкой направленности на экспорт капитала, сырья как основного источника огромной прибыли, он оказался компрадорским, поэтому крайне заинтересован в консервации политических институтов, ведь они являются гарантом сохранения в обществе существующих производственных отношений.

Неэффективность введения рыночных экономических институтов отмечают многие экономисты-исследователи. Так, О.А. Гуляева утверждает, что неразвитость института частной собственности препятствует притоку капитала в страну, развитию высокотехнологичных

¹ Тихонова Н.Е. Средний класс в России: жизнь после смерти? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: Логос, 1999. С. 411–419.

производств, ориентированию на импортозамещение (4). А.Д. Некипелов также скептически относится к сравнению целей и результатов деятельности «шоковой терапии», которая должна была поставить экономику России на «рыночные рельсы». Он называет созданный порядок «квазирыночным мутантом», особенностями которого являются растаскивание созданного богатства, ориентация на финансовые спекуляции, «хронический» фискальный кризис (5). Академик Д.С. Львов отмечал, что «...российские реформы начались с ликвидации старой институциональной системы, которая, безусловно, не была эффективной. Однако новая система еще более далека от эффективности. В ней не работает ни один элемент эффективной институциональной системы» (6), что тоже подтверждает гипотезу о неэффективности внедрения новых институтов.

Говоря об эффективности негативных неформальных институтов таких, как коррупция, ОПГ, социальное неравенство, можно смело констатировать влияние сложившихся политических (смена власти, «августовский путч»), критика устоявшегося и привычного всем строя и т.д.) и экономических (кардинальные реформы и их провалы ставили под сомнение доверие к власти и ее значимость для общества) обстоятельств.

Резюмируя, можно обозначить актуальные проблемы экономического развития России, возникшие как последствия необдуманной политики государства 30 лет назад – господство периферийного капитализма, порождающее продолжение активного инвестирования в экспортно-сырьевое производство, недостаточное финансирование наукоемких производств и развития инновационных технологий и коррупционный характер государственных учреждений.

Безусловно решение проблем государственного масштаба требует более подробного анализа, однако в ходе этого исследования обрисовались положения, которые поспособствуют данному процессу. К примеру, так как институт коррупции относится к разряду неформальных (постепенно формировался и укоренялся в сознании людей), то допустить резкую ломку невозможно, нужен особый подход с систематическими и продолжительными действиями, направленными на «выживание» данного понятия из общественных норм. Нельзя не учесть тот факт, что государство активно разрабатывает методы борьбы с коррупцией и фиксирует их законодательно. Однако

общество нуждается в куда более эффективных способах избавления от этого «хронического» порока.

Возвращаясь к институту частной собственности, основным решением проблемы его искажения в процессе формирования в России является правовая поддержка граждан в виде нормативных актов. Эффективная и объективная деятельность правоохранительных органов поможет не только гарантировать права собственности, но и уменьшить сферу возможного воздействия организованных преступных групп.

Данные меры безусловно вызовут улучшение общего экономического состояния в стране. А улучшение экономического состояния, снятие социальной напряженности и политическая стабильность соответственно приведет к уменьшению социального неравенства, развитию среднего класса, динамического экономического роста в сторону полноценно развитого государства. Главная задача, стоящая перед политикой государства в целом – правильно задать вектор и оградить несформированную экономику от внешних эффектов, препятствующих ожидаемым результатам.

Литература

1. Введение в институциональную экономику: учеб. пособие / под ред. Д.С. Львова. М.: Экономика, 2005.
2. Глазьев С.Ю. Геноцид. – М.: ТЕРРА, 1998. – 320 с.
3. Гуляева О.А. Институт частной собственности и его влияние на экономическое развитие современной России /Стратегия развития экономики №48 (237), 2013.
4. Наумов Ю.Г. Институциональная коррупция в современной России / Труды Академии управления МВД России. 2013. № 2 (26).
5. Некипелов А.Д. Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) / Вестник Российской академии наук, 2000, 70, № 1, с. 87–89.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики – М.: Начала, 1997, 180 с.
7. Hoff K., Stiglitz J. After the big bang? Obstacles to the emergence of the rule of law in post-communist societies / American Economic Review, 2004, Vol. 94, No.3, pp. 753–763.

раздел 5
Технологические
трансформации:
будущее
государственного
управления
и планирования

Бабкина Л.Н.,

*доктор экономических наук,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления
Северо-Западного института управления РАНХиГС*

Чубинская-Надеждина С.В.,

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики
Северо-Западного института управления РАНХиГС*

**Особенности функционирования
региональных инновационных систем**

Аннотация. В статье раскрываются состав и взаимосвязи государственной системы управления инновационной деятельностью на федеральном и региональном уровнях, приводится описание показателей и признаков, определяющих специфику каждой региональной инновационной системы, рассматриваются основные методологические подходы и соответствующие им общие, особенные и частные теоретические принципы формирования и функционирования региональных инновационных систем, раскрывается сущность и возможность применения общих теоретических принципов и показателей государственной статистической отчетности для анализа инновационной позиции регионов.

Ключевые слова: регион, инновация, цель, критерий, принцип, показатель, результат, позиция, потенциал, активность

Babkina L.N.,

*postdoctoral researcher in economics, Professor
of Department of Public and Municipal Administration,
North-West Institute of Management of RANEPA*

Chubinskaya-Nadezhkina S.V.,

*Ph.D. in economics, associate Professor of Department
of Economics, North-West Institute of Management of RANEPA*

Features of Functioning in Regional Innovation Systems

Abstract. The article presents the structure and relationships of the public administration of innovative activity at the federal and regional levels, provides a description of the indicators and signs that determine the specificity of each regional innovation system, reveals the essence and the possibility of applying general theoretical principles and indicators of state statistical reporting for the analysis of innovative positions of regions.

Keywords: region, innovation, goal, criterion, principle, indicator, result, position, potential, activity

Задачи информационного и экономического взаимодействия хозяйствующих субъектов – участников инновационного процесса на какой-либо территории формулируются и реализуются в границах региональной инновационной системы (РИС), которая является относительно самостоятельным элементом единой национальной (федеральной) инновационной системы. Отсюда, региональную инновационную систему следует рассматривать как макроподсистему общей – национальной системы, интегрированную в единое инновационное пространство. В свою очередь, региональная инновационная система также состоит из трех элементов – микроподсистем – государственных, муниципальных и рыночных.

В состав каждой из этих трех подсистем на локальном уровне управления входят государственные и муниципальные, а также частные (рыночные) коммерческие и некоммерческие хозяйствующие субъекты. Региональные инновационные системы вносят свой конкретный вклад в уровень развития всей национальной (федеральной) инновационной системы. Однако каждая региональная инновационная система обладает конкретной спецификой, выраженной такими показателями как уровень развития, объемы и качество ресурсных потенциалов, степень влияния на социально-экономические процессы и их тенденции на территории региона.

На наш взгляд, региональная инновационная система должна обладать следующими признаками: степень интегрируемости в об-

щую национальную инновационную систему страны; степень соответствия приоритетам национального развития, степень согласованности с национальной (федеральной) нормативно-правовой базой; наличие единых базовых методологических подходов и теоретических принципов к формированию национальной и региональной инновационных систем и институтов инновационного развития; степень рациональности использования преимуществ конкурентной позиции региона (ключевых факторов успеха) для дальнейшего инновационного развития; степень равноправия участия всех заинтересованных сторон – органов управления регионального и муниципального уровней управления и хозяйствующих субъектов в развитии инновационных процессов на территории региона; степень соответствия внутренних стратегических целей и критериев реализации этих целей в хозяйствующих субъектах общим национальным и региональным стратегическим целям и программам инновационного развития территории; степень соответствия региональных инновационных программ приоритетам территориального развития и достижения более высокого социально-экономического уровня и качества жизни населения. Перечисленные признаки позволяют, с одной стороны, создать единое инновационное пространство на территории России, а, с другой стороны, создать внутреннюю социально и экономически ориентированную инновационную политику и планы ее реализации.

Проблемы и особенности, а также теоретические основы, включающие методологические подходы и принципы формирования региональной инновационной политики, изучаются не только зарубежными, но и отечественными исследователями (2).

Следует отметить, что формирование национальной и региональных инновационных систем строится на одних и тех же методологических подходах, к которым следует отнести системный, комплексный, нормативный, процессный, программно-целевой, ситуационный, квалиметрический. Эти подходы определяют общие принципы построения систем, такие как системность, комплексность, нормативность, непрерывность, программно-целевая ориентированность, адаптивность и количественная измеримость показателей – критериев достижения целей инновационной политики и результатов реализации планов и конкретных мероприятий.

Однако кроме общих теоретических принципов, присущих всем региональным системам, существуют особенные, которые адекватно отражают региональные проблемы и особенности социально-экономического и инновационного развития каждого конкретного региона, и создают предпосылки для более рационального и эффективного управления инновационными процессами в регионе. Заметим, что задачи формирования региональных инновационных систем осуществлялись на отдельных территориях раньше, чем была создана государственная национальная инновационная система на федеральном уровне управления. Такие системы функционировали в таких регионах как Санкт-Петербург и Республика Татарстан.

К особенным теоретическим принципам для региональных инновационных систем можно отнести пропорциональность и сбалансированность всех процессов на территории региона: политико-правовых, экономических, социально-демографических, научно-технических и, в том числе, инновационных, культурных, природоохранных; взаимосвязанность инновационных и социально-экономических процессов, происходящих в регионе с аналогичными в соседних регионах, которые входят в состав мегарегиона – федерального округа; обеспеченность всеми видами ресурсов для осуществления инновационной деятельности как количественно, так и качественно; зависимость от наличия в регионе экономических и инновационных точек роста; продуктивность различных видов прикладных научных исследований и разработок; эффективность инновационной деятельности в различных видах прикладных исследований и разработок; актуальность и своевременность поданных патентных заявок; реализуемость результатов прикладных исследований и опытно-конструкторских разработок в виде передовых производственных технологий в практической деятельности хозяйствующих субъектов – государственных, муниципальных и частных как коммерческих, так и некоммерческих; активность инновационной деятельности хозяйствующих субъектов.

И, к частным принципам каждого региона в инновационной деятельности можно отнести: пропорциональность затрат на фундаментальные исследования, прикладные исследования и разработки; пропорциональность подготовки кандидатов и докторов наук; продуктивность процессов подготовки кандидатов и докторов наук; эффективность процессов подготовки кандидатов и докторов наук; эффек-

тивность затрат на технологические инновации; пропорциональность экспорта и импорта инновационной продукции в товарной структуре внешней торговли региона.

Главные отличия региональных инновационных систем исходят из того, что региональные инновационные процессы характеризуются высокой степенью дифференциации по следующим признакам: демографическое состояние, влияющее на степень обеспеченности научными сотрудниками и трудовыми ресурсами соответствующей квалификации; состояние и степень износа основных фондов; транспортная доступность, влияющая на обеспеченность всеми видами недостающих ресурсов из других регионов; степень различия в экономической и научной специализации регионов; степень насыщенности всеми видами собственных региональных ресурсов. Отсюда, можно сделать вывод о том, что разработка актуальной инновационной политики в каждом регионе требует проведения анализа состояния инновационной среды также на основе использования общих теоретических принципов системности, комплексности, нормативности, непрерывности, программно-целевой ориентированности, адаптивности и количественной измеримости.

Так, принцип системности позволяет рассматривать регион как обособленную территорию, которая осуществляет внутренние политико-правовые, экономические, демографические, культурные, научно-технические, природопользовательские и природоохранные процессы, а также разработку и реализацию инновационной политики в условиях изменяющейся внешней среды, к которой относятся аналогичные процессы и инновационные политики других регионов и федеральная государственная инновационная политика.

Принцип комплексности отражает необходимость рассматривать стратегические направления инновационной деятельности как комплексы региональных целевых программ в различных сферах и отраслях экономики, направленных на реализацию единой цели – повысить объем производства валового регионального продукта в общем и на душу населения на основе повышения производительности общественного труда. Основным фактором роста производительности этого труда служит степень инновационного развития региона.

Принцип нормативности необходимо использовать для определения критериев достижения долгосрочных стратегических целей,

которые являются нормативными (интуитивными) прогнозами и отражают желаемые результаты региональной инновационной деятельности. Причем, следует заметить, что нормативные прогнозы могут ориентироваться на уже достигнутые количественные результаты инновационной деятельности в других регионах – лучшие, средние, ближайшие по величине.

Принцип непрерывности предполагает создание непрерывного процесса анализа текущей инновационной деятельности и корректировки целей и критериев их достижения. Такая корректировка старых и формирование новых целей и критериев должна осуществляться ежегодно после внедрения конкретных мероприятий и оценки их результатов, выявления степени отклонения фактических результатов от запланированных.

Принцип программно-целевой ориентированности предполагает формирование многоуровневой модели целевой ориентации системы управления государственными, муниципальными и частными инновационными процессами в регионе. Такая каждая региональная модель должна стать фрагментом общей национальной модели инновационной деятельности на территории России, содержать стратегические цели, планы и конкретные мероприятия и быть ориентированной на выполнение государственной инновационной политики, разработанной на федеральном уровне управления.

Принцип адаптивности служит основой для создания процессов мониторинга и прогнозирования динамики изменения факторов внешней среды федерального, мегарегионального и регионального уровней управления, которые оказывают наиболее сильное влияние на инновационную деятельность в исследуемом регионе. Такие факторы являются экзогенными неуправляемыми или управляемыми переменными, состояние и темпы увеличения или снижения, которых необходимо заранее предвидеть, и в зависимости от ожидаемых изменений корректировать старые цели и планы инновационной деятельности или формировать новые.

Принцип количественной измеримости критериев достижения стратегических целей и текущих результатов реализации конкретных мероприятий позволяет последовательно осуществлять функции учета, контроля и регулирования инновационных процессов в регионе соответствующей системой управления. Функция учета предназна-

чена для определения количественных состояний текущих инновационных процессов. Функция контроля позволяет выявить отклонения фактических количественных результатов выполнения планов и конкретных мероприятий от запланированных и стать процессом принуждения и приведения объектов инновационной деятельности в заранее запланированное состояние. А функция регулирования позволяет разработать и поддерживать с помощью контроля пропорции и реализовать принцип пропорциональности, который относится к частным принципам создания инновационной среды в конкретном регионе.

В научной литературе разработана классификация регионов по таким признакам как: степень инновационного развития; инновационный потенциал; инновационная активность (1). На наш взгляд, такое разделение необходимо для оценки состояния инновационной деятельности в регионах и формирования соответствующих политик дальнейшего инновационного развития.

Однако каждый из этих трех признаков должен быть количественно измерен на основе показателей государственной статистической отчетности Российской Федерации и выявлены тенденции изменения этих показателей (3).

Так, на наш взгляд степень инновационного развития и инновационный потенциал могут быть измерены с помощью таких трех видов удельных показателей инновационной деятельности, рассчитанных: на 1000 человек населения территории; на 1000 человек, занятых в экономике; на 1000 человек персонала, занятого научными исследованиями и разработками. Так, например, степень инновационного развития можно определить по таким удельным показателям как: внутренние затраты на научные исследования и разработки; текущие затраты на научные исследования и разработки по видам работ (фундаментальные исследования, прикладные исследования, разработки); подано патентных заявок; выдано патентов; число созданных передовых производственных технологий; число используемых передовых производственных технологий; затраты на технологические инновации; объем инновационных товаров, работ, услуг.

Инновационная активность в регионе определяется в процентах по такому показателю государственной статистической отчетности

как инновационная активность организаций и рассчитывается как отношение числа организаций, осуществлявших технологические, организационные или маркетинговые инновации, к общему числу обследованных за определенный период организаций в регионе. И наиболее сложным показателем является, на наш взгляд, инновационный потенциал, который можно рассчитать, как разность между существующей степенью инновационного развития региона и желаемой степенью в различной перспективе – долго-, средне- или краткосрочной. Такими желаемыми прогнозируемыми показателями могут быть количественные величины, достигнутые в среднем по регионам Российской Федерации, в среднем по регионам федерального округа – мегарегиону, максимальные достигнутые величины в каком-либо регионе Российской Федерации или в регионе того федерального округа, к которому принадлежит регион; достигнутые величины в том регионе, с которым наблюдаются минимальные отклонения или, как принято в стратегическом управлении, минимальный разрыв.

Министерством экономического развития Российской Федерации и Российской академией наук разработана типология разделения регионов на три группы: высокоразвитые (опорные) регионы, имеющие сложившийся инновационный потенциал; развивающиеся (формирующиеся) инновационные регионы, в которых инновационный потенциал является одним из основных факторов социально-экономического развития территории; слаборазвитые регионы, не имеющие своих специалистов, привлекающие персонал и использующие опыт других регионов. Такая типология соответствует международной, где также выделяются три типа регионов: хабы знаний; промышленные зоны; регионы с низким уровнем развития научных исследований и опытно-конструкторских разработок (4).

На наш взгляд, основным признаком такого разделения регионов служит не инновационный потенциал как таковой, а инновационная база, которой обладают регионы. К такой базе можно отнести удельные показатели, характеризующие степень инновационного развития региона, и, если провести сравнительный анализ инновационной базы регионов в одном или нескольких федеральных округах или по всем регионам России по методике ранжирования, то можно выделить регионы, составляющие эти три группы по аддитивному рангу инновационной позиции исследуемых регионов.

Литература

8. Никишина Е.С. Разработка стратегических направлений инновационного развития регионов / Е.С. Никишина, Н.М. Филимонова // Проблемы современной экономики – 2010. – № 3 (35). – С. 295–298.
9. Осеевский М.Э. Особенности экономики посткризисного периода и реализации инновационного пути развития в Санкт-Петербурге / М.Э. Осеевский // Экономика. Налоги. Право. – 2011. – № 1. – С. 60–64.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат.сб. / Росстат. – М., 2018.
11. Фундаментальные проблемы пространственного развития макрорегиона при переходе к инновационной экономике / под ред. В.В. Окрепилова. – СПб.: Наука. – 2010. – 595 с.

Войтехов М.Я.,

Талдомская администрация

особо охраняемых природных территорий

Тупик экономического прогресса.

Поиск выхода

с опорой на экологические аналогии

Аннотация. В связи с объективной невозможностью роста потребления ресурсов на глобальном уровне, модели развития общества, сложившиеся в эпоху перманентного роста потребления ресурсов, становятся неадекватны. Известно, что при исчерпании доступных ресурсов на следующей стадии развития экосистем более слабый по отношению к доминанту предыдущей стадии конкурент может занять господствующую роль, если его выносливость к бедности среды выше, чем у предыдущего доминанта. Необходим анализ, какие формы современного устройства общества возможно сохранить в условиях невозможности роста потребления ресурсов.

Ключевые слова: прогресс; ресурсы; модели развития экосистем; модели развития общества; стабильность общества

Voytehov M.,

Taldom administration of natural reserve

The impasse of economic progress.

Finding a way out based on environmental analogies

Abstract. Due to the objective impossibility of increasing the consumption of resources at the global level, the models of development of society, formed in the era of permanent consumption of resources growth, become inadequate. It is known that when the available resources are exhausted, a competitor weaker in relation to the dominant of the

previous stage of ecosystem development at the next stage can become a dominant if its tolerance to the environment poverty is higher than that of the previous dominant. It is necessary to analyze what forms of the modern society structure can be preserved in the conditions of impossibility of resources consumption growth.

Keywords: progress; resources; models of ecosystem development; models of society development; society stability

«Наука неизбежно оперирует свойствами не самой реальности, а её резко упрощенных моделей. ... От характера модели зависит, для изучения каких именно закономерностей она пригодна, и выбор модели предreshает корректный язык описания и результат исследования» (4).

В естественных науках высказывалось мнение, что не может быть построена общая модель стабильности и продуктивности экосистем, а должно быть определено ограниченное число конкретных случаев, что разные экосистемы используют разные модели (стратегии) захвата и использования ресурсов, и развитие многих экосистем происходит в направлении роста потребления доступных ресурсов и, в то же время, снижения эффективности их использования, а другие развиваются в условиях снижения доступности ресурсов путём повышения эффективности использования (2; 10). Подобные суждения справедливы и в отношении развития человеческого общества (хотя прямые аналогии не всегда уместны).

Схоластический отрыв общественных наук (в т.ч. направлений, позиционирующих себя как материалистические) от естественных наук, привёл к недоучёту в моделях устройства общества ряда общих закономерностей организации материи. Таких как баланс вещества и энергии. Прогресс экономический, социальный связан с ростом потребления ресурсов.

Многие базовые положения современной политэкономии сформировались в эпоху борьбы буржуазной и феодальной формаций, когда, согласно Манифесту коммунистической партии К. Маркса и Ф. Энгельса, «всемирный рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения. Это в свою очередь оказало воздействие на расширение промышленности, и в той же мере, в какой росли промышленность, торговля, мореплава-

ние, железные дороги, развивалась буржуазия, она увеличивала свои капиталы и оттесняла на задний план все классы, унаследованные от средневековья» (6). Рост производства, связанный с формированием мирового рынка, привел к эйфории, породил как создание теорий (моделей развития общества), объясняющих все смены общественных формаций развитием производительных сил, так и уверенность в бесконечности такого развития.

Одним из базовых положений современной политэкономии является экономический прагматизм, представляющий мир в виде склада ресурсов, которые нужно безудержно потреблять, а Человек представляется исповедующим свободу воли (произвол), считающим справедливым то, что полезно, и оценивающим меру счастья и людей по материальному богатству. В обществе утвердилось заблуждение, что противоречие между человеком и природой «преодолено в пользу человека». На самом деле противоречие не исчезло, а перешло в новую форму. Современный этап этих противоречий можно охарактеризовать как противоречие между внутренне безграничными возможностями развития производства и объективно ограниченными возможностями природной среды (4). Проблема «экологической близорукости» человечества, стремящегося господствовать над природой как слепая сила, была сформулирована ещё Ф. Энгельсом: «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых» (9, с. 495–496). Идеология непрерывного преобразования мира человеком имеет пределы – экологический кризис либо нарастание внутренней нестабильности.

Родившись в эпоху перманентного роста потребления ресурсов, капитализм выработал и соответствующие механизмы обеспечения внутренней стабильности общества (которые ещё не сложились в эпоху первоначального накопления капитала, когда родились базовые положения политэкономии). Внутренняя стабильность общества потребления обеспечивается, в частности, переводом многих противоречий внутри социума из прямых столкновений, не уступавших в жестокости борьбе за существование с косной природой, в сферу мягкого, «цивилизованного» соревнования потребительских стату-

сов, участие в котором именуется «достойным существованием», а борьба за существование – недостойным Человека «выживанием». Однако функционирование общества потребления требует не просто высокого уровня потребления ресурсов, а перманентного его роста, поскольку в таком обществе внутренние конфликты не становятся антагонистическими лишь при условии, если уровень потребления следующего поколения среднего класса достигает «среднеэлитарного» уровня потребления предыдущего поколения, иначе говоря, если следующее поколение среднего класса достигает уровня потребления, о котором мечтали их родители (Подробнее см.: (1)). Внутренняя стабильность общества потребления достигается путём дестабилизации внешней среды. В настоящее время «прогресс общества потребления», основанный на идеологии бесконечного развития производительных сил, столкнулся с внешними ограничениями, и сформировавшийся в период такого прогресса язык описания общественных процессов не соответствует современности.

«Капитал» К.Маркса описывает развитие производственного капитала в тесной его связи с торгово-спекулятивным, но не проводит достаточный анализ их различий. При жизни К. Маркса финансово-спекулятивный капитал ещё не приобрел доминирующей роли и способности влиять на глобальную экономику, как это произошло через несколько десятилетий после смерти К. Маркса – с Великой депрессии 1929 года и начала официальной отмены в 1931 году золотого стандарта. Можно считать, что именно с этой эпохи финансово-спекулятивный капитал стал самодостаточным и узаконил механизмы самовоспроизводства, минув товарную стадию. Для стадии глобализма характерно: окончательное подчинение производственного капитала финансово-спекулятивному, и насаждение ростовщического неофеодализма под лозунгом развития рыночных отношений. Среди инструментов господства глобального капитала возрастающее значение приобретают финансовые пирамиды, например, доллар США и, до недавнего времени, биткоин.

Науки, описывающие развитие человеческого общества, провозглашают смену одних форм организации другими, нередко забывая о том, что фактически появляются новые надстройки над старыми формами, а не их замена. При этом старые формы не исчезают полностью, а лишь оттесняются на задний план (нередко сохраняясь как

устойчивые криминальные структуры – например, Cosa Nostra на юге Италии осуществляет классическую феодальную эксплуатацию крестьян), но в периоды кризисов надстроек могут вновь занять доминирующее положение. Примером могут служить 90-е годы в России, когда приобрели существенное значение докапиталистические формы организации общества и экономического оборота: сбор дани феодальными (по существу) бандами и отказ от денежного оборота – бартер между промышленными предприятиями, в т.ч. крупными, выдача работникам заработка натурой. Подобные явления наблюдались и в США в период кризиса 1929–1933 годов.

Нынешняя ситуация в США после избрания президентом Д. Трампа и рост влияния консервативных сил в Европе демонстрирует обострение противоречий между производственным и финансово-спекулятивным капиталом. При этом обе стороны демонстрируют отсутствие новых подходов, отвечающих на вызовы времени.

На этом фоне следует обратить внимание на тенденции развития массового сознания. Если в период экспоненциального роста потребления ресурсов наиболее влияние приобретали массовые движения, зовущие к справедливому преобразованию общества, опирались на идеологии, относимые к прогрессивным, то в годы кризиса общества потребления всё большее влияние в борьбе за справедливость приобретают религиозные учения. Например, восходящая к теологии освобождения (родившейся «снизу» в католической Латинской Америке в середине XX века, где меньшее влияние имели идеология общества потребления, опирающаяся на экономический рост, а также протестантские конфессии, распространившиеся в Европе и Северной Америке в эпоху первоначального накопления капитала и не жёстко отвергавшие материальное обогащение, в отличие от католичества, к которому более сильны традиции аскетизма) тенденция сдвига к христианскому социализму прежде марксистских режимов Кубы и Никарагуа. Опиравшиеся на поддержку левых сил президенты Венесуэлы Уго Чавес и Эквадора Рафаэль Корреа неоднократно заявляли о своей близости к теологии освобождения и христианскому социализму. В 2008 г. президентом Парагвая от левоцентристской коалиции избран бывший епископ Фернандо Луго. У. Чавес в рождественской речи 2005 г. заявил о приверженности ряду положений теологии освобождения: «Для меня Рождество – это Христос. Христос – бунтарь,

Христос – революционер. Христос – социалист» (5). О ломке традиционных критериев левизны – правизны свидетельствует появление в Европе массовых течений, объединяющих сторонников радикальных левых и правых взглядов, например, движение PEGIDA в Германии. В России подобное объединение складывалось в форме Фронта национального спасения 1993 года, затем ряд его лозунгов перехватило руководство КПРФ. Рост исламских движений начался с Исламской революции в Иране (1978–1979), но современные массовые радикальные течения Ислама, такие как Талибан, Аль-Каида, ИГИЛ, йеменские хуситы, по ряду признаков – исламский аналог теологии освобождения, изначально контролируются и/или манипулируются наднациональными элитами.

Рост влияния религиозных учений в современных условиях можно рассматривать как объективную тенденцию, поскольку при невозможности роста потребления ресурсов они в большей мере, чем идеологии, ориентированные на прогресс (во всех его проявлениях), обеспечивают «низам» моральный комфорт.

Возвращаясь к экологическим аналогиям, стоит напомнить, что при исчерпании доступных ресурсов на следующей стадии развития экосистем более слабый по отношению к доминанту предыдущей стадии конкурент может занять господствующую роль, если его выносливость к бедности среды выше, чем у предыдущего доминанта (развитие экосистем по модели толерантности). Существует и третий вариант динамики экосистем, когда в условиях некоторого дефицита ресурсов происходит временный рост их потребления, но когда ресурсы исчерпаны, и экосистема вступает в стадию снижения продуктивности, для возобновления её развития необходим пожар, ведущий к началу нового цикла (модель импульсно-пирогенной стабильности экосистем) (Подробнее см. (2)).

Не отрицая необходимость развития технического прогресса (обеспечивающего, прежде всего, устойчивость страны от внешних угроз), не следует переоценивать возможности решения на его основе социальных проблем. В условиях исчерпания и дорожания многих необходимых для роста производства ресурсов, глобальные (наднациональные) элиты, прежде всего, опирающиеся на финансово-спекулятивный капитал, всё откровеннее используют в экономической борьбе методы, выходящие за ими же декларируемые (и признанные

международными соглашениями) рамки. В январе 2017 Президент России В.В. Путин в статье для немецкой газеты «Handelsblatt» писал, что в настоящее время протекционизм превращается в норму, а санкции становятся его скрытой формой проявления (7) (экономические санкции против России были введены при правлении президента Б. Обамы – представителя связанной с финансово-спекулятивным капиталом Демократической партии США, но затем продолжены президентом Д. Трампом, позиционирующим себя как защитник интересов производственного капитала, но находящимся под жестким давлением элит, опирающихся на финансовый капитал и контролирующих основные средства массовой информации).

На высоком уровне в мире звучат признания провала декларируемых форм организации мировой экономики. В опубликованном в январе 2017 года Папским советом докладе «Справедливость и мир», папа Римский Франциск призвал провести реформу глобальной финансовой системы и создать единый центральный банк, которому бы национальные ЦБ делегировали часть своих полномочий. Франциск считает, что существующие глобальные организации, такие как МВФ, не справились с задачей «стабилизации мировых финансов» и регулирования «кредитных рисков, которые были приняты системой». «Фактически очевидна возникающая потребность в структуре, которая бы выполняла функции центрального мирового банка, регулирующего финансовые потоки и обмен валют, как это делают национальные центробанки» (3).

Господствующие экономические и политэкономические модели служат идеологическим обоснованием господства финансовых структур на основе управления методом «пряника», но не «кнута», но возможности материального обеспечения этого метода близки к исчерпанию («пряник» из реальной награды все более превращается в морковку на прутике, которую наездник держит перед мордой осла – желанную, но недостижимую цель всеобщего материального благополучия).

На глобальном уровне надвигается обвал политических надстроек, подобный тому, что происходило в 1990-е годы на постсоветском пространстве после разрушения СССР (ООН и её структуры стремительно теряют влияние). Кризис общества потребления и связанных с ним общественных институтов выдвигает задачу анализа, какие

формы общественного устройства, сложившиеся в период роста потребления ресурсов и управления обществом лозунгами прогресса и методами «пряника», возможно сохранить в условиях невозможности роста потребления ресурсов, и как это сделать, а какие становятся анахронизмом. В противном случае массовые движения и их активисты станут объектом манипуляций как внутренних (национальных), так и внешних (наднациональных) сил. Среди тех и других сил имеются как пытающиеся сохранить отдельные элементы (рудименты) прежней системы отношений, так и имеющие неафишируемые эгоистические цели, подразумевающие смену общественных институтов (различные примеры тех и других сил и манипуляций ими активных граждан мы могли видеть в России в конце 1980-х – 1990-е годы).

Выражаясь языком экологических теорий, в условиях исчерпания ресурсов для развития системы по модели благоприятствования (объективной невозможности сохранения институтов общества потребления) выбор модели развития общества остаётся между моделью толерантности и моделью импульсно-пирогенной стабильности.

Литература

1. *Войтехов М.Я.* Груз архаичных понятий в современной политэкономической теории // Возвращение политэкономии: Второй международный политэкономический конгресс (13–14 мая 2015 г., г. Москва). Сб. материалов / Под ред. А.В. Бузгалина и М.И. Воейкова. М., 2015, т. 1. С. 364–371.

2. *Войтехов М.Я.* О роли эдификаторов как экосистемных инженеров, управляющих доступностью минерального питания при развитии разных моделей сукцессий в таежной зоне / М.Я. Войтехов / Талдомская администрация особо охраняемых природных территорий, г. Талдом Московской области. – М.: Галлея принт, 2016. – 102 с.

3. Всемирный банк Ватикана // Независимая газета, 2017, 18 января.

4. *Жерихин В.В.* 1997. Основные закономерности филогенетических процессов (на примере неморских сообществ мезозоя и кайнозоя). Автореф. дисс. в виде научного доклада ... д-ра биол. на-

ук. – М. – 80 с. / <http://earthpapers.net/osnovnye-zakonomernosti-filotsenogeneticheskikh-protsessov>

5. *Земляной С.* Теология освобождения // <https://constitutions.ru/?p=9347>

6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm>

7. Путин: протекционизм превращается в норму, а санкции становятся его скрытой формой // <https://russian.rt.com/world/news/406122-putin-protsekcionizm-sankcii>

8. Экология и экономика природопользования: Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.В. Гирусова, проф. В.Н. Лопатина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Единство, 2003. – 519 с.

9. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.20. 1961. С. 344–626.

10. Ponge J.-F., 2003. Humus forms in terrestrial ecosystems: a framework to biodiversity // *Soil Biology & Biochemistry*. V. 35. P. 935–945.

Ганичев Н.А.,

*кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН*

О двойственной природе государственных программ развития цифровой экономики в развитых и развивающихся странах

Аннотация. В статье раскрываются основные особенности национальных программ развития цифровой экономики в развитых странах и рекомендации международных институтов развития развивающимся странам в этой сфере. Демонстрируются принципиальные различия в реальных задачах, которые ставятся в рамках двух этих направлений развития цифровой экономики. В частности, показано, что в международные институты развития фактически навязывают развивающимся странам, в том числе РФ модель развития, которая позволяет использовать внутренние ресурсы таких государств для формирования в них цифровой инфраструктуры, облегчающей проникновение на их рынки программно-аппаратных решений внедряемых иностранными компаниями и не способствующих развитию собственных компетенций в области ключевых технологий определяющих будущее развитие цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика; информационно-коммуникационные технологии, ИКТ

Ganichev N.A.,

PhD in economics, senior researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (IEF RAS)

On the Fundamental Differences between Government Programs for the Development of the Digital Economy in Developed and Developing countries

Abstract. The article presents the main features of national programs for the digital economy development in developed countries and the recommendations of international development institutions in developing countries in this area. The article demonstrates the fundamental differences in the real tasks that are set within the framework of these two directions of development of the digital economy. In particular, it is shown that the international development institutions are actually imposed on developing countries, including the Russian Federation, a development model that allows them to use their internal resources to form a digital infrastructure that facilitates the penetration of software and hardware solutions introduced by foreign companies into their markets and does not contribute to the development of their own competencies in the field of key technologies that determine the future development of the digital economy.

Keywords: digital economy, information and communication technologies, ICT

В течение последних нескольких лет на уровне международных институтов развития глобальный проект развития цифровой экономики (ЦЭ) продвигается как новая парадигма ускорения экономического роста во всем мире и рассматривается как неотъемлемая часть более общего понятия «четвертая промышленная революция», также прочно вошедшего в научный и политический дискурс.

Итоговый документ Экономического форума в Давосе в 2009 г. гласит, что выход из кризиса в том, чтобы «сфокусироваться на трансформационных возможностях и таковой является углубленное развитие инфраструктуры ИКТ». Согласно документу, цифровая революция может стать основой для последующего устойчивого развития мировой экономики, так как «ИКТ уже продемонстрировало свою способность продуцировать высокие темпы роста осваиваемых ею сфер и рынков». Сейчас «ИКТ может стать платформой для решения самых сложных мировых экономических, социальных и экологических вызовов». По этой причине необходимо «способствовать повсеместному развитию ИКТ инфраструктуры таким образом, чтобы реальная мировая экономика стала частью, приложением «ИКТ-«экосистемы»» (17). Экосистема о которой идет речь фактически начала формироваться в середине 2000-х годов, когда в результате массо-

вого распространения мобильных терминалов связи и мобильного доступа в сеть интернет, произошло окончательно объединение отрасли связи, радиоэлектроники и информационных технологий, в единый инфокоммуникационный комплекс (3).

С начала 2010-х годов все больше стран начали принимают государственные программы развития цифровой экономики. При этом в развитых странах, такие программы как правило включаются в состав более широких технологически-ориентированных национальных программ развития промышленности. Так, в 2011–2016 гг. администрацией США был принят целый ряд госпрограмм по развитию отдельных аспектов «четвертой промышленной революции», такие как «Национальный стратегический план развития передовых промышленных технологий США» (6), «Стратегия инновационного развития» (15). Великобритания тоже реализует собственный план развития передовых производств (11), а также программу развития «Восемь великих технологий» (9). В ФРГ в 2012 г. была инициирована промышленная стратегия «Индустрия 4.0» (Industrie 4.0), которая впоследствии вошла как одна из составляющих в «проектов будущего» в рамках «Плана действий по реализации обновленной федеральной Стратегии в области высоких технологий» (16). В 2013 г. Франция запустила программу «Новая промышленная Франция» (13), в рамках которой реализуются проекты по 10 перспективным технологическим направлениям развития индустрий и технологий будущего.

В КНР с 2015 г. реализуются программы «Сделано в Китае–2025» (14) и «Интернет+». Кроме того, в июле 2017 г. в КНР был утвержден «Национальный план стимулирования технологических разработок в сфере искусственного интеллекта». В Японии запущен уже 5-й пятилетний план развития науки, технологий и инноваций (2016–2020). Рассмотрим ключевые аспекты некоторых из этих программных документов (1).

Анализируя основные программные документы США, необходимо отметить, что к моменту их принятия в стране уже была создана полноценная цифровая инфраструктура, и принятые стратегии были направлены на создание с опорой на нее принципиально нового экономического базиса, на основе автоматизации производства и технологий «Индустрия 4.0». Другой характерной чертой американских программных документов является то, что их целевые задачи

и приоритеты изначально выходят за рамки национальной экономики и нацелены на глобальное международное доминирование в цифровой сфере. Так в приоритетах принятой в 2015 г. американской национальной программы Digital Economy Agenda, значится «продвижение бесплатного и открытого Интернета во всем мире, поскольку Интернет лучше всего подходит для наших предприятий и работников, когда данные и услуги могут беспрепятственно проходить через границы», а также «продвижение инноваций посредством законодательного обеспечения прав на результаты интеллектуального труда» (8). В рамках той же программы предусмотрено оказание массовой помощи и поддержка предприятиям США, действующим на иностранных цифровых рынках. Например, за пределами США создаются торговые представительства, которые должны оказывать оперативную поддержку американским компаниям.

Другой важной чертой программ развития цифровых технологий в развитых странах является активное участие в них консорциумов, объединений или единичных крупных транснациональных корпораций (ТНК). Например, по инициативе ряда ведущих представителей американского частного бизнеса (прежде всего, ИКТ корпораций) – GE, AT&T, IBM, Intel и Cisco в марте 2014 г. был создан специальный Промышленный Интернет-Консорциум (Industrial Internet Consortium (ИИС)), в качестве главной миссии которого заявлено ускорение развития, промышленного внедрения и широкого распространения соединений друг с другом машин, устройств, а также интеллектуальной аналитики, т.е. промышленного «интернета вещей» (12).

Принятая в ЕС в 2015 г. программа DSM – Digital Single Market – «Единый Цифровой» Рынок (5) предусматривает работу в направлении облегчения доступа для потребителей и предприятий к «цифровым» товарам и формирование «единого» цифрового рынка ЕС, за счет устранения барьеров, которые сдерживают трансграничные операции e-commerce. Большое внимание в документе уделяется созданию единого «равного игрового поля» и благоприятной среды для цифровых сетей и контент-услуг, а также частных инвестиций в развитие ИКТ-инфраструктуры, и обеспечение равных условий для игроков рынка.

В ФРГ «Высокотехнологичная стратегия – 2020» была принята еще в 2006 г. и затем неоднократно редактировалась. Центральное

место в ее последней редакции занимает проект «Индустрия 4.0» – стратегическая инициатива по занятию ФРГ ведущей роли в сфере индустриальных информационных технологий. Эта стратегия должна позволить ФРГ остаться конкурентоспособной на мировом рынке и сохранить высокий уровень заработной платы. Развиваемые в рамках нее киберфизические системы (CPS) должны способствовать повышению производительности ресурсов, росту эффективности производства и появлению более гибких моделей организации труда. Большое внимание в рамках немецкой программы также уделяется активизации международного сотрудничества (в первую очередь, в сфере защиты и продвижения продукции немецких поставщиков индустриальных информационных технологий) и созданию новых рынков на базе Интернета (7).

В отличие от других рассмотренных программ национальные программы КНР в области развития цифровых технологий в значительной степени нацелены на развитие цифровой инфраструктуры, однако эта задача полностью обусловлена неравномерностью экономического развития страны и приоритетом развития внутреннего рынка. В марте 2015 г. премьер-министр КНР Ли Кэцян на ежегодной сессии Всекитайского собрания народных представителей анонсировал стратегию «Интернет плюс», которая ориентирована на построение к 2049 г. информационного общества (4). До 2025 г. планируется сосредоточить усилия на цифровом апгрейде национальной промышленности, финансовой сферы и торговли (от дорожной карты, проектно-конструкторских работ до ввода в эксплуатацию). Ключевым считается проект реализации «умного» производства (4). Так же приоритетными направлениями являются «Интернет вещей», интеллектуальная техника и высококласная потребительская электроника.

В 2016 г. в КНР была анонсирована ещё одна масштабная госпрограмма «Сделано в Китае 2025» (2). Она рассчитана на поэтапную реализацию: 2016–2020 гг. и 2021–2025 гг. и ориентирована на развитие «зелёных производств», построение «умных фабрик», а также поддержку «интеллектуального производства». На реализацию только первого этапа этой программы с 2016 по 2020 г. Государственный банк развития Китая выделит не менее 44 млрд долл. Главное внимание в этой программе уделено продвижению инноваций в стандартизации и качеству производства оборудования, усилению интеле-

грации между стандартизацией и технологическими инновациями, повышению совместимости между военными стандартами и гражданскими стандартами, культивированию групповых стандартов, повышению стандартизации предприятия и повышению качества инноваций, а также развитию промышленности и инновационных технологий (2).

Таким образом, программные почти всех развитых стран исходят из того, что этих странах уже завершен или подходит к своему завершению этап создания ИКТ-инфраструктуры, а следовательно, поддержка государства должна быть направлена не на прямые инвестиции в ее расширение, а на разработку и внедрение широкого спектра организационных, финансовых и технических инноваций, основанный и целенаправленный распространения таких инноваций за пределами страны.

Эти программы по сути являются вспомогательными для глобальных программ по достижению технологического лидерства всех развитых стран (The Lead Market Initiative (LMI)) принятых в начале 2010-х годов в США, ФРГ, Японии и ряд других стран ОЭСР) в рамках которой ставится задаче не просто развитие цифровой инфраструктуры, а именно переход к новой промышленной платформе на основе этих технологий, и что самое важное разработке системы стандартов и на все передовые технологий в сфере ИКТ.

Принципиально другой подход предлагается в рамках глобального проекта ЦЭ развивающимся странам, в том числе РФ. В основе подхода международных институтов развития к определению ЦЭ лежит отождествление этого понятия с понятием «информационного общества», которое изначально было «оторвано» от экономики и отражало лишь уровень развития ИКТ-инфраструктуры как таковой. Такой подход позволяет фактически навязывать развивающимся странам необходимость создания именно цифровой инфраструктуры, и реформирование законодательной базы, снимающее барьеры для международной интеграции в сфере развития новых форм организации бизнеса и производства на основе ИКТ.

На основе показателей ОЭСР, а также ряда других индикаторов Всемирный экономический форум и Всемирный банк разработали несколько индексов, отражающих развитие ЦЭ в стране. Все программы развития ЦЭ в развивающихся странах, так или иначе на-

целенные на повышение места страны в этих рейтингах. Например, по предложению Всемирного экономического форума для оценки готовности страны к цифровой экономике используется последняя версия международного индекса сетевой готовности, представленная в докладе «Глобальные информационные технологии» за 2016 г. Он измеряет, насколько хорошо экономика страны использует цифровые технологии для повышения конкурентоспособности и благосостояния, а также оценивает различные факторы, влияющие на развитие ЦЭ.

Итоговый документ саммита G-20 2015 года, сформулированный на основе рекомендаций и индексов развития ЦЭ, предложенных международными институтами, также дает весьма четкие рекомендации развивающимся странам в отношении развития ЦЭ. В первую очередь они должны делать следующее (10):

1. Заниматься ускорением создания сетевой инфраструктуры и обеспечивать сетевое взаимодействие.

2. Обеспечивать благоприятные и транспарентные нормативно-правовые и политические условия для развития международного частного бизнеса, способствовать улучшению доступа на рынки, технологическим инновациям в области ИКТ.

3. Избегать дублирования при работе над инновациями в этой области и придерживаться единых стандартов создания и использования глобальных ИКТ.

4. Поощрять трансграничные инвестиции в сфере ЦЭ.

и т.д.

Таким образом, проект развития «цифровой экономики» в мировом масштабе по сути, заранее предполагает неравномерность в технологическом развитии и его целях. С одной стороны, в развитых странах при поддержке государства и на базе консорциумов крупных ТНК создаются действительно мощные заделы по целому ряду перспективных производственных технологий, базирующихся на широком внедрении ИКТ. В первую очередь, речь идет о финансовых и организационных инновациях, использующих ИКТ инфраструктуру, а также о создании цифровых платформ, которые могут использоваться как в производственной сфере, так и в сфере услуг. При этом интеллектуальная собственность на эти инновации защищается системой международной стандартизации, не позволяющей эффективно использовать аналогичные по своим функциям несертифициро-

ванные программно-аппаратные решения. Перед развивающимися странами международные институты развития ставят совершенно другую задачу – направление государственных ресурсов на создание в стране ИКТ-среды и распространение ее на все сферы жизни общества, госуправление и производство и снятие барьеров для развития на этой инфраструктуре уже внедренных, запатентованных и опробованных в развитых странах вторичных цифровых инноваций. Иначе говоря, данная задача имплицитно предполагают еще более углубленное встраивание развивающейся страны в мировую экономику и подчинение ее развития движению международного капитала.

Литература

1. Ганичев Н.А. Особенности госпрограмм развития «цифровой экономики» для развитых и развивающихся стран / Н.А. Ганичев, И.А. Никулин // Стратегическое планирование и развитие предприятий». Секция 5. Материалы Девятнадцатого всероссийского симпозиума / ЦЭМИ. – Москва: Из-во. ЦЭМИ, 2018 г. – С. 736–736.
2. Государственный совет Китайской Народной Республики [http:// english.gov.cn](http://english.gov.cn)
3. Казанцев, С.Ю. Условия и потенциал развития российского инфокоммуникационного комплекса / С.Ю. Казанцев, И.Э. Фролов // Проблемы прогнозирования. – 2006. – № 4. – С. 80–98.
4. Шульцева В. Цифровая экономика Китая: ассимиляция! Сопротивление бесполезно! / В.Шульцева //Первая миля. – 2015. – № 4 (49). – С.90–94.
5. A Digital Single Market Strategy for Europe – Analysis and Evidence, posted.05.2015.
6. A National Strategic Plan for Advanced Manufacturing. – Executive Office of the President, US National Science and Technology Council, 2012.
7. Chancen und Herausforderungen der vierten industriellen Revolution. – PwC, 2014.
8. Davidson A.B. The Commerce Department’s Digital Economy Agenda / A.B. Davidson – Department of Commerce USA. – May 2016. – 5 p.
9. Eight Great Technologies. – UK Department for Business, Innovation & Skills, 2012.

10. G20 Leaders' Communiqué (2015). [Электронный ресурс]: Antalya Summit, 2015–11. – Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2015/151116-communication.pdf>
11. Growth Review Framework for Advanced Manufacturing. – UK Department for Business, Innovation & Skills, 2010.
12. Industrial Interne Consortium [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.iiconsortium.org/>
13. La Nouvelle France Industrielle. – Ministère de l'Économie et des Finances, 2015.
14. Made in China 2025. – The State Council of China, 2015.
15. Strategy for American Innovation. – US National Economic Council, US Office of Science and Technology Policy, 2015.
16. The New High-Tech Strategy. Innovations for Germany. – Federal Ministry of Education and Research of Germany (BMBF), 2014.
17. World Economic Forum (2009). ICT for Economic Growth: A Dynamic Ecosystem Driving the Global Recovery. Annual Meeting Report [Электронный ресурс]: World Economic Forum Publishing – Режим доступа: http://www.mclellancreative.com/files/WEF_Thought_Leadership_White_Paper ICTEcGrw.pdf

Джабборов Д.Б.,

*кандидат экономических наук, научный сотрудник
Института экономики РАН, доцент
Финансового университета при Правительстве РФ*

**Монополизация рынков транснациональными
корпорациями и политика государства**

Аннотация. Монополизация мирового рынка транснациональными компаниями приводит к тому, что компании в развивающихся странах и странах с переходной экономикой не могут конкурировать с ТНК. Посредством неэквивалентного обмена, навязанного странами ядра периферии и полу-периферии, осуществляется эксплуатация природных и трудовых ресурсов отстающих стран передовыми. Для того, чтобы иметь возможность конкурировать развивающимся странам необходимо проводить активную государственную политику в социально-экономической сфере, поддерживая производство, образование и науку и снижая неравенство.

Ключевые слова: монополизация, государство, государственная политика, ТНК, производство

Dzhabborov D.B.,

*PhD in Economics, Researcher, Institute of economics,
Russian academy of science, associate professor
at Financial University
under the Government of the Russian Federation*

**Market Monopolization
by Multinational Corporations and State Policy**

Abstract. The monopolization of the world market by multinational companies leads to the fact that companies in developing countries

and countries with economies in transition cannot compete with MNCs. Through the non-equivalent exchange imposed by the countries of the core to the periphery and the semi-periphery, the exploitation of the natural and labor resources of the lagging countries of the advanced ones is carried out. In order to be able to compete, developing countries need to pursue an active state policy in the socio-economic sphere, supporting production, education and science and reducing inequality.

Keywords: monopolization, state, state policy, MNC, production

Капиталистическая экономика за время своего существования достигла колоссальных успехов в сфере производства. Менее, чем за первые сто лет своего доминирующего положения в мире, то есть за XIX в она «создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые» (7, с. 429). На протяжении XX века экономический рост также продолжался, но при этом он сопровождался и крупными экономическими потрясениями, такими как Великая Депрессия.

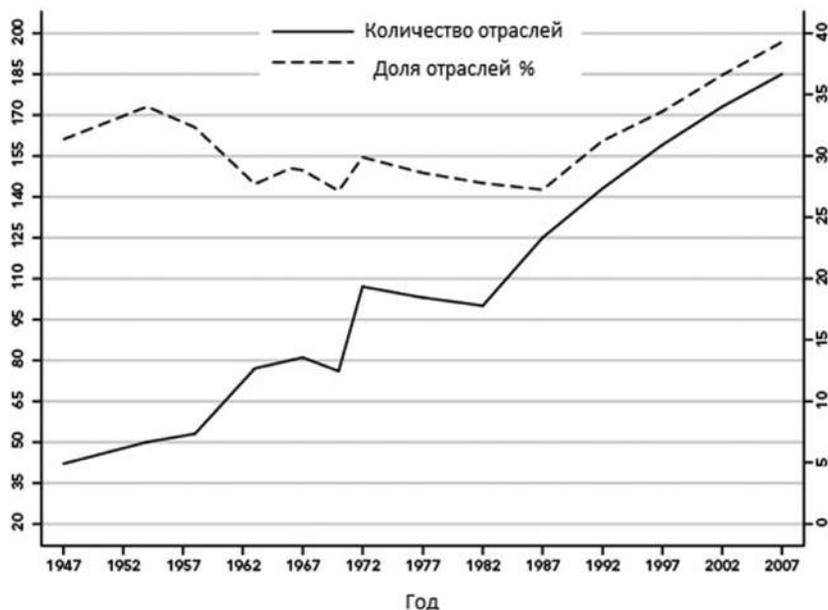
Капитализму пришлось подстраиваться под новые условия, в том числе путем увеличения роли государства, для преодоления кризисных явлений.

В XIX в экономический рост в промышленно передовых странах осуществлялся по той причине, что капиталисты в конкурентной борьбе друг с другом инвестировали прибавочную стоимость, изъятую у своих рабочих в развитие средств производства. Кто инвестировал больше, имел возможность в перспективе изымать еще больше прибавочной стоимости с каждого рабочего, что давало больше средств для последующих инвестиций, а это в свою очередь приводило к монополизации рынков. Примером тому могут служить данные по Соединенным Штатам, где концентрация производства в 1% крупнейших предприятиях с 1904 по 1909 гг. выросла с 38% до 43.8% от всего производства. (3, с. 311). При этом, в рамках олигополистической структуры, предприятиям все еще необходимо инвестировать средства в развитие технологий, для конкуренции с крупными конкурирующими компаниями.

Монополизация экономик разных стран продолжалась и в течение XX века. Так, количество отраслей обрабатывающей промышленности, где 4 компании контролируют 50% отрасли увеличилась с 42 в 1947 г.

до 185 в 2007. А доля таких отраслей выросла с 27% в 1987 г. до почти 40% в 2006.

График 1. Количество и доля отраслей (%) обрабатывающей промышленности США, где крупнейшие 4 компании производят 50% от их отрасли. 1947–2007

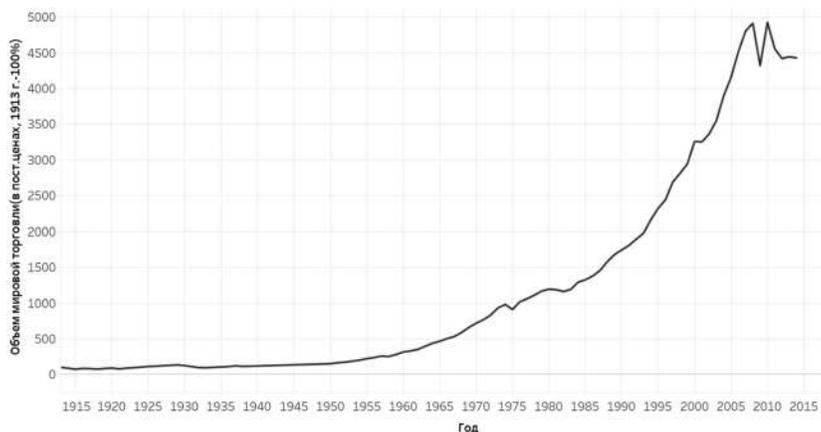

Источник: John Bellamy Foster, Robert W. McChesney and R. Jamil Jonna, «Monopoly and Competition in Twenty-First Century Capitalism», <https://monthlyreview.org/2011/04/01/monopoly-and-competition-in-twenty-first-century-capitalism/>

Сильный рост уровня монополизации экономики Соединенных Штатов произошел за последние 40 лет, когда «доля активов крупнейших корпораций США в обрабатывающей промышленности увеличилась с 49% до 89%» (2, с. 44).

Но устоявшееся положение на рынках внутри стран до середины 20 века не приводила к монополизации в мире в целом, по причине того, что мировая торговля еще не была сильно развита.

График 2. Объем мировой торговли
(в пост. ценах, 1913 г. – 100%) 1800–2014 гг.

Данные (здесь и ниже): Our world in data. <https://ourworldindata.org/trade-and-globalization>

Бурный рост мировой торговли пришелся на вторую половину XX века и был разбит на два этапа, которые можно наблюдать на графике №3. С 1948 года по 1980 доля экспорта от ВВП в мире выросла с 7.5% до 16.6%, а к 2008 году этот показатель уже составлял 26.2%.

График 3. Доля экспорта в ВВП (для мира в целом, %) 1913–2014 гг.

Развитие мировой торговли привело к тому, что монополизация с уровня национальных экономик вышла на мировой.

Транснациональные корпорации развитых стран имеют значительное преимущество перед национальными компаниями из развивающихся стран или стран с переходной экономикой, в связи с чем ТНК без особых проблем захватывали рынки целых государств.

Одним из последних примеров такого разделения рынков стала территория бывшего СССР, на которую после его развала устремились крупнейшие корпорации со всего мира. Уничтожение социально-экономических связей привело к серьезному технологическому отставанию, а вместе с тем и к деградации экономики в целом: «Более правильно было бы сравнивать экономику бывшего СССР не с экономикой США, а со всей мировой экономикой, поскольку развитые страны обеспечивают технологическую однородность своих экономик именно за счет того, что перемещают низкие технологии и связанные с ними компенсационные эффекты в страны с более низким уровнем развития.» (8, с. 12).

Мир разделяется, по сути, на две группы: страны с развитыми крупными ТНК и страны без крупных компаний, способных конкурировать на мировом уровне. Причем разрыв между этими группами стран, как правило не сокращается. Капитализм представляется как всемирное устройство, при котором можно выделить:

а) страны «мирового ядра», имеющие технологическое превосходство и обеспечивающие своим гражданам наиболее высокий уровень жизни;

б) страны «полупериферии», пытающиеся «догнать» страны «ядра»...

в) страны «периферии», служащие источником ресурсов разного рода – от минеральных и нефтегазовых до курортно-рекреационных». (6, с. 99).

Развитые страны посредством ТНК при торговле пользуются неэквивалентным обменом и, по сути, эксплуатируют остальные народы: «В этом случае страны ядра получают больший выигрыш от международного обмена, чем страны полу периферии, а последние имеют сравнительно большие доходы, чем страны периферии.» (6, с. 100). Такой неэквивалентный обмен по сути является продолжением колониализма, в который втянуты уже все страны мира.

Причем материальное производство товаров широкого потребления, сырья и т.д. осуществляется в первую очередь в странах периферии и полу-периферии, а результатами этого производства пользуются в развитых странах. Взамен развивающиеся страны получают навязанные услуги, в том числе финансовые, или относительно устаревшие технологии по высоким ценам. Из стран, обладающих полезными ископаемыми, производится экспорт ресурсов в развитие страны, где они перерабатываются и по увеличенной цене завозятся в меньшем объеме назад.

В государствах, где присутствует большое количество трудовых ресурсов, происходит производство товаров, которые потребляются в первую очередь в развитых странах. А страны, в которых нет ни того, ни другого, находятся на крайне низком уровне развития и уровень жизни там соответствующий.

Россия входит в список стран, которые обладают значительным количеством минеральных ресурсов. Добыча и продажа полезных ископаемых занимает значительную долю в ВВП а в мировом хозяйстве наша экономика почти на 2/3 представлена именно этим, в связи с чем практически 60% ее экспорта занимают минеральные продукты (13).

Компании в странах периферии и полу-периферии самостоятельно ничего не могут этому противопоставить без серьезной поддержки и правильной политики государства.

Примеры компаний из отстающих стран, которые смогли навязать конкуренции устоявшимся ТНК есть. К примеру, в Китае очень развит сегмент производства мобильных телефонов и китайские компании, такие как Huawei занимают значительную долю рынка смартфонов. Но их появление и развитие во многом опиралось на поддержку Китайского правительства.

Российские компании чаще всего могут оказывать конкуренцию иностранным только в сфере добычи и продажи природных ресурсов, по причине того, что Россия этими ресурсами обладает в большей степени, чем соседние страны. В других сферах, даже тех, в которых у России было преимущество после развала СССР, например в сфере освоения космоса, наша страна свои позиции теряет (11).

Во многом потому, что ТНК стран ядра намного сильнее и крупнее компаний периферии, развитые страны навязывают всему осталь-

ному миру свободный рынок с минимальными пошлинами и барьерами, для того чтобы не было преград для захвата чужих рынков.

Но помимо рынков для сбыта продукции страны вне ядра используются как дешевые трудовые или природные ресурсы. В связи с чем произведенная продукция потребляется во многом вне мест его производства. Де-факто происходит эксплуатация всеми странами ядра всех стран периферии и полу-периферии.

В таких условиях необходима правильная государственная политика для возможности конкуренции с крупными мировыми ТНК.

Для стран с большим запасом природных ресурсов, таких как Российская Федерация, она должна заключаться в полном контроле общества над ними. Необходимо, чтобы полезные ископаемые в первую очередь приносили пользу и выгоду для народа, а не для частных владельцев или топ-менеджеров предприятий, осуществляющих добычу и экспорт природных ресурсов за границу. Либерализация экономики, начавшаяся в 1980-х гг. привела к «феномену рыночной власти инсайдеров, особому (в данном случае имеется в виду с точки зрения источников и величины дохода) классу топ-менеджеров. Таким образом, к прежнему «противопоставлению» капиталист – наемный работник добавилась группа верхних слоев в иерархии персонала фирм». (4, с. 93).

Полученные от средства от экспорта природных ресурсов должны способствовать развитию образования, науки и человеческого потенциала в целом: «общедоступное образование, здравоохранение, другие общественные блага, развивающие человеческие качества, сглаживают исходное неравенство в доступе к средствам развития человеческого потенциала» (1, с. 17).

Кроме того, необходима очень серьезная поддержка отечественных компаний, государственных или частных для того, чтобы они могли конкурировать с заграничными ТНК. При этом крайне важно не просто помогать финансово, но и стимулировать модернизировать средства производства, создавать высокотехнологичные рабочие места. Это позволит увеличить производительность труда, уровень которой в России сейчас на очень низком уровне, по причине отсутствия инвестиций в развитие технологий на предприятиях (в России производительность труда составляет 24 долл. в час, тогда как в Ирландии 85 долл. в час, а в среднем по ОЭСР 48.2 долл. в час) (10).

Кроме того, это позволит остановить «утечку мозгов» сгладить неравенство в обществе, которое достигает очень высоких показателей, а также даст толчок к развитию образования, одной из проблем которого является отсутствие высокооплачиваемых, качественных рабочих мест. Государство не должно ограничиваться лишь ролью наблюдателя или «ночного сторожа», оно должно принимать активное участие в экономической деятельности и брать на себя, как минимум, роль плеймейкера (5, с. 110), то есть организатора экономического пространства, а скорее даже активного участника всех социально-экономических процессов, для увеличения благосостояния всего общества в целом, а не отдельных его представителей.

Литература

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Система производственных отношений и социально-экономическое неравенство: диалектика взаимосвязи / Вопросы политической экономии. – 2018. – № 1. – С. 10–34.
2. Комолов О.О. Норма прибыли в контексте нестабильности мировой экономики // Вестник Института экономики РАН. – 2017. – № 3. С. 44.
3. Ленин В. Империализм как высшая стадия капитализма / В.И. Ленин / ПСС, М.: Издательство политической литературы, 1969, 643 с.
4. Маслов Г.А. Техничко-экономические предпосылки неравенства и книга Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» // Проблемы современной экономики. – 2016. – № 2 (58). С. 93.
5. На пути к новой экономической теории государства / Под ред. А.Я. Рубинштейна. – М.: ИЭ РАН, 2018. – 110 с.
6. Ореховский П. Неэквивалентный обмен и свойства пространства в экономической теории // Вопросы экономики. – 2010. – № 8. – С. 90–111.
7. Собрание сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса, 2-е издание, т. 4, с. 429.
8. Яременко Ю.В. и др. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. – 1997.
9. John Bellamy Foster, Robert W. McChesney and R. Jamil Jonna. Monopoly and Competition in Twenty-First Century Capitalism <https://>

monthlyreview.org/2011/04/01/monopoly-and-competition-in-twenty-first-century-capitalism/

10. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), https://stats.oecd.org/index.aspx?DataSetCode=PDB_LV, <https://data.oecd.org/lprdy/gdp-per-hour-worked.htm>

11. Росбизнесконсалтинг, https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/02/2018/5a7b1b5a9a7947a1973ea3b8

12. Our world in data. <https://ourworldindata.org/trade-and-globalization>

13. The observatory of economic complexity. <https://atlas.media.mit.edu/ru/profile/country/rus/>

14. Trade and Globalization(<https://ourworldindata.org/trade-and-globalization>)

Доржиева В.В.,

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики РАН

Стратегическое планирование как инструмент обеспечения научно-технологического развития: региональный и отраслевой аспекты

Аннотация. В статье рассмотрены особенности формирования модели государственного стратегического планирования в РФ, предусматривающей логическую последовательность разработки и взаимосвязи документов стратегического планирования научно-технологического развития с учетом отраслевого и регионального аспектов государственной политики. Проведен анализ действующей архитектуры документов стратегического планирования, регламентирующих государственную политику в научно-технологической сфере, позволивший сделать вывод о необходимости реализации системного подхода к формированию и реализации государственной политики на отраслевом и региональном уровнях.

Ключевые слова: стратегическое планирование, модель стратегического планирования, региональный и отраслевой аспекты научно-технологического развития

Dorzhiyeva V.V.,

PhD in Economics, Associate Professor, senior researcher of the Center for innovative economy and industrial policy Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Strategic Planning as a Tool to Ensure Scientific and Technological Development: Regional and Sectoral Aspects

Abstract. The article describes the features of the formation of the model of state strategic planning in the Russian Federation, providing a logical sequence of development and interrelation of strategic planning documents of scientific and technological development, taking into account the sectoral and regional aspects of state policy. The analysis of the current architecture of strategic planning documents regulating the state policy in the scientific and technological sphere, which allowed to draw a conclusion about the need to implement a systematic approach to the formation and implementation of state policy at the sectoral and regional levels.

Keywords: strategic planning, strategic planning model, regional and sectoral aspects of scientific and technological development

В современных условиях динамично развивающегося научно-технологического прогресса роль технологического фактора в обеспечении устойчивого развития и конкурентоспособности национальной экономики становится определяющей и усиливает необходимость реализации системного подхода к формированию социально-экономической политики на отраслевом и региональном уровнях, инструментом которого должно стать стратегическое планирование. В свою очередь стратегическое планирование является необходимым условием реализации нового этапа научно-технологического развития и обеспечения научно-технологического прорыва (2, С.46; 7, С.4).

Содержательно научно-технологическое развитие как сфера деятельности охватывает несколько взаимосвязанных процессов.

Во-первых, научные исследования в области расширения и накопления фундаментальных знаний о природе и обществе, формирующих основу для развития системы общего и специального образования, а также научный задел для возникновения новых технологий в различных сферах производства.

Во-вторых, научные исследования и конструкторские разработки прикладного характера (НИОКР), направленные на создание новых или улучшение существующих технологических процессов и оборудования для их реализации. Результатом такой реализации являются технологические инновации (нововведения) как в виде продуктов с новыми свойствами для рынка потребительских товаров, так и в виде новых технологий, и оборудования производственного назначения для выпуска новой продукции либо повышения эффек-

тивности (снижения затрат различных факторов производства) существующих производственных процессов (6, С.157–158).

Государственное стратегическое планирование в России регламентируется Федеральным законом № 172 ФЗ от 28.06.2014 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее по тексту – ФЗ № 172)¹, формирующим правовую основу для разработки, построения и функционирования комплексной системы государственного долгосрочного планирования в области социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности РФ, обеспечивает правовое закрепление системы стратегического планирования как совокупности процессов по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию и определяет четкий перечень для каждого из них на федеральном уровне, уровне субъектов РФ и муниципальных образований, набор документов соответствующего уровня управления, общие требования к ним, полномочия и ответственность участников процесса.

Прописанные в ФЗ №172 документы государственного стратегического планирования можно классифицировать:

- 1) по уровню государственного управления: федеральному, макрорегионам, субъектам Российской Федерации (региональный) и муниципальным образованиям;
- 2) по каждой процедуре стратегирования: целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию;
- 3) по периоду разработки на долгосрочные и среднесрочные документы.

Кроме этого, в составе федеральных документов стратегического планирования можно выделить документы, разрабатываемые по отраслевому и территориальному принципу (рис. 1).

Модель государственного стратегического планирования, предлагаемая ФЗ №172, представлена на рис. 2. Она предусматривает логическую последовательность разработки и взаимосвязи документов стратегического планирования на федеральном уровне в рамках цепочки «Прогноз – Стратегия – Программа – План – Проект». Без

¹ Федеральный закон «О стратегическом планировании в РФ» от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/regulation/>

условно, смещение ракурса государственного стратегического планирования в сторону его централизации на федеральный уровень, на наш взгляд, актуально в современных условиях.

Рис. 1. Классификация документов государственного стратегического планирования, разрабатываемых на федеральном уровне, в соответствии с ФЗ №172

По мнению ряда экономистов, данная модель далека от совершенства и, по сути, не удалось реализовать системный подход при формировании документов стратегического планирования (1, С. 35–39; 3, С. 39–42; 5).

Особенно наглядно это проявилось в действующей архитектуре документов стратегического планирования в сфере научно-технологического развития (рис. 3).

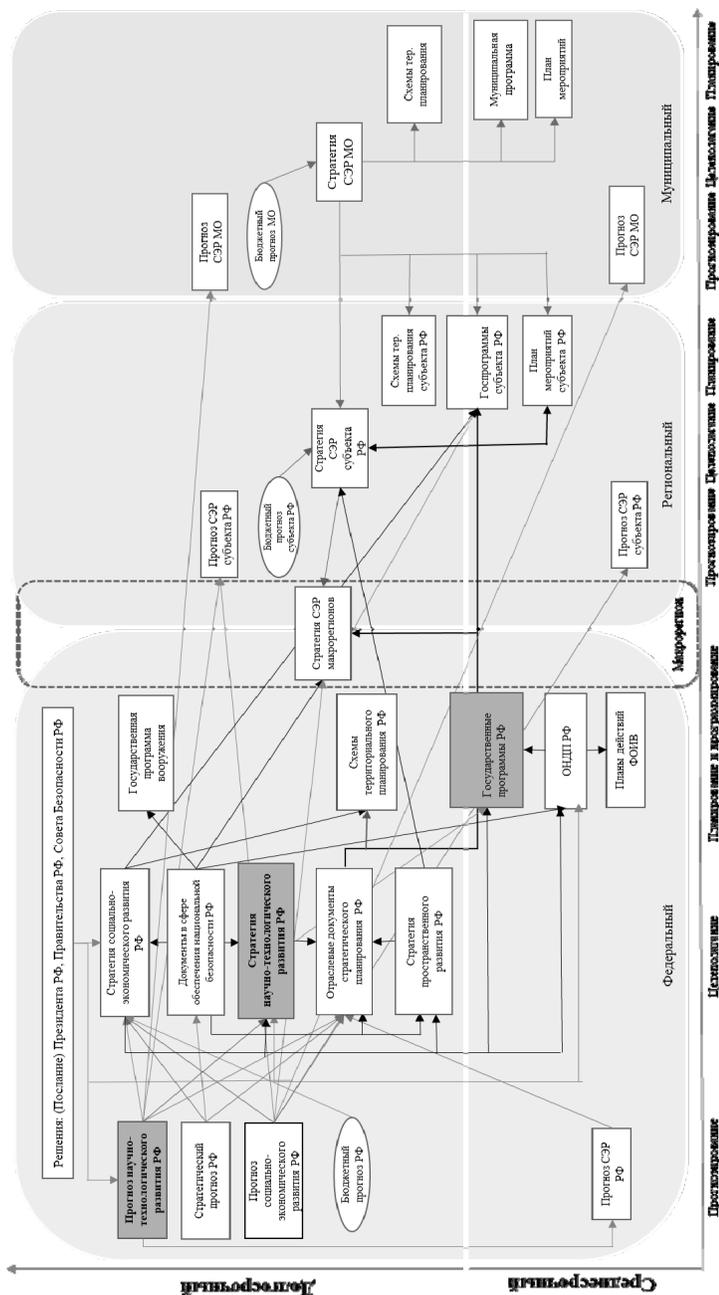

Рис. 2. Модель государственного стратегического планирования в РФ

Источник: интерпретировано автором по (ФЗ №172¹, 4, 5).

Во-первых, в ФЗ №172 в составе системы документов стратегического планирования в контексте научно-технологического развития отмечаются только Прогноз научно-технологического развития РФ, Стратегия научно-технологического развития РФ, Перечень критических технологий и Государственные программы. Тогда как в реальной практике действующих документов стратегического планирования, регулирующих сферу научно-технологического развития, значительно больше, чем регламентировано в ФЗ №172. Дополнительно к ним, например, можно отнести: Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ², Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ³, Стратегию инновационного развития РФ⁴, а также целый ряд отраслевых стратегий и планов их реализации.

Во-вторых, Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года⁵ разрабатывался до введения

¹ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/regulation/>; Постановление Правительства РФ от 29 октября 2015 г. № 1162 «Об утверждении Правил разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации отраслевых документов стратегического планирования РФ по вопросам, находящимся в ведении Правительства Российской Федерации».

² Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 №1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

³ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года Разработан Минэкономразвития РФ в 2013 г. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06

⁴ Распоряжение от 8 декабря 2011 года №2227-р «О Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» / Режим доступа: <http://government.ru/docs/9282/>

⁵ Прогноз научно-технологического развития РФ на период до 2030 года, 2013. №ДМ-П8-5 (официально опубликован не был) / Режим доступа: <http://government.ru/news/9800/>

в действие ФЗ № 172, который был утвержден 28 июня 2014 г., а в рамках логики ФЗ № 172 были введены в действие Стратегия научно-технологического развития РФ на период до 2030 года (2016 г.)¹, Государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (2019 г.)², ряд дорожных карт Национальной технологической инициативы (2016–2018 гг.), Национальный проект «Наука» (2018 г.).

В-третьих, Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, в которой сформулированы основные приоритеты институциональных (т.е. организационных) преобразований для научной и инновационной сферы, была разработана при отсутствии актуального базового документа стратегического планирования – Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации. И только после принятия Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации активизировалась работа над актуализацией и/или разработкой Прогноза научно-технологического развития Российской Федерации (2018 г.), отраслевых и региональных стратегий и программ.

Таким образом, на федеральном уровне была нарушена временная и логическая последовательность разработки документов стратегического планирования в рамках цепочки «Прогноз – Стратегия – Программа – План – Проект» в сфере научно-технологического развития. При этом, все принятые документы стратегического планирования слабо решают актуальные задачи научно-технологического прорыва.

Региональный аспект научно-технологического развития в документах стратегического планирования обозначается через формирование инфраструктуры в целях обеспечения благоприятной среды для научно-технической и инновационной деятельности.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. №642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

² Постановление от 29 марта 2019 года №377 «О Государственной программе Российской Федерации “Научно-технологическое развитие Российской Федерации”» / Режим доступа: <http://government.ru/news/36310/>

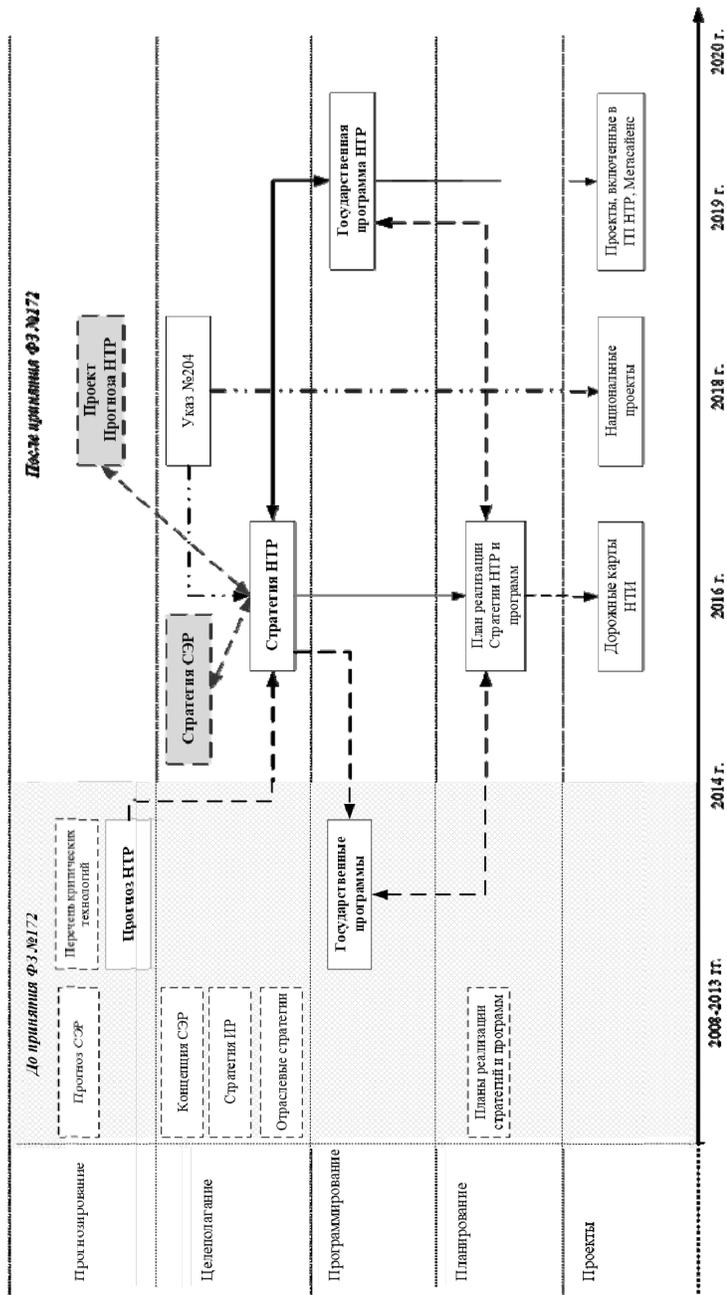

Рис. 3. Действующая архитектура документов государственного стратегического планирования научно-технологического развития. Источник: разработано автором

Отраслевой аспект научно-технологического развития в документах стратегического планирования во многом определяется сложившейся спецификой размещения промышленного потенциала и моделью территориальной организации национального хозяйства, где центрами концентрации научно-технологического потенциала являются наиболее инфраструктурно обустроенные промышленные регионы с достаточно плотным населением и повышенными образовательным и культурными потенциалами. Именно в этих регионах, происходит трансформация технологической структуры экономики, смена технологических укладов, модернизация производства и потребления, но при этом не все они могут и должны стать локомотивами научно-технологического развития.

Безусловно, что для каждого региона существует свой индивидуальный технологический вектор развития, учитывающий ресурсные и структурные возможности. Если рассматривать направления дальнейшего развития территориальной организации научно-технологического комплекса страны через призму ускорения экономического роста, то можно выделить ряд подходов, направленных на обеспечение роста ВРП:

1. В регионах с высокой долей обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей в ВРП ее дальнейшее наращивание будет связано с ростом эффективности функционирования существующего производственного потенциала на основе его масштабной технологической модернизации и дальнейшей диверсификации сложившейся промышленной структуры. Такая модернизация и диверсификация могут осуществляться за счет внедрения новых технологий (из перечней наилучших доступных технологий или НТИ – национальной технологической инициативы) на действующих производствах и расширения номенклатуры выпускаемой продукции на основе технологической общности, а также диверсификации в рамках конверсии производств оборонного профиля, которая так же может осуществляться на основе технологической близости выпускаемой продукции оборонного и гражданского назначения.

2. В регионах с невысокой долей обрабатывающих отраслей в ВРП наращивание масштабов хозяйственной деятельности может осуществляться на основе диверсификации производственной структуры по различным направлениям повышения эффективности ис-

пользования потенциала территории: от углубления степени переработки имеющихся сырьевых и сельскохозяйственных ресурсов до создания новых высокотехнологичных производств в контексте НТИ. И в первом, и во втором вариантах выбор сценариев развития при формировании документов СП зависит от двух факторов: ресурсного потенциала региона (включая качество трудовых ресурсов и условий их воспроизводства) и масштабов потенциального рынка для намечаемых к выпуску новых видов продукции и услуг.

Необходимость содержательной увязки регионального и отраслевого аспектов социально-экономического развития страны в контексте научно-технологического развития диктует и соответствующие требования к организации работ над документами стратегического планирования. Технология их разработки должна быть согласована во времени таким образом, чтобы отраслевые документы стратегического планирования (стратегии и программы) учитывали общеэкономическую стратегию, а региональные стратегии и программы опирались не только на общеэкономическую стратегию, но и на отраслевые документы стратегического планирования.

В принятой Стратегии пространственного развития Российской Федерации обозначено, что научно-технологический аспект должен содержать «обоснование предложений по формированию инновационных территориальных кластеров, территорий опережающего социально-экономического развития, особых экономических зон, промышленных кластеров и индустриальных парков в соответствии с приоритетами пространственного развития макрорегиона и конкурентными преимуществами каждого субъекта РФ, входящего в состав макрорегиона». В таком ресурсном контексте Стратегия пространственного развития Российской Федерации пересекается со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, где в качестве целеполагания определена поддержка отдельных территорий (регионов) с высокой концентрацией исследований, разработок, инновационной инфраструктуры и производства. При этом, очевидно, что содержательные основные тренды научного и технологического развития формируются не на региональном уровне, а на национальном и наднациональном уровнях, формируя содержательную канву, в которую регионы должны вписываться в соответствии с имеющимся у них научно-технологическим и производ-

ственным потенциалом в условиях, когда такой потенциал концентрируется крайне неравномерно по территории страны.

Реализация Стратегии пространственного развития РФ, как и отраслевых документов стратегического планирования, должны осуществляться, прежде всего, через реализацию соответствующих инвестиционных, научно-технических и организационно-управленческих проектов, нацеленных на развитие производственного и технологического потенциала, расширение масштабов и качества услуг социальной сферы, рост эффективности использования производственного и природного потенциала.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Принятый ФЗ-№ 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», формирует определенную концептуальную основу для обеспечения устойчивого научно-технологического развития страны;

2. Основная организационно-методическая проблема обеспечения эффективности отмеченных документов стратегического планирования научно-технологического развития заключается в обеспечении их функциональной взаимосвязанности как в контексте логики (последовательности) разработки прогнозов, стратегий и программ, так и уровней стратегического планирования – от федерального до регионального;

3. Основная функция регионального среза научно-технологического развития заключается в повышении эффективности ресурсного и инфраструктурного его обеспечения на основе комплексирования имеющихся в регионах интеллектуальных и технологических ресурсов и в интересах реализации основных направлений научно-технологического развития, формирующихся на национальном уровне.

Литература

1. Бухвальд Е.М. Совершенствование нормативно-правовой базы обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации / Е.М. Бухвальд // Экономическое возрождение. – 2018. – №3(57). – С. 34–45.

2. *Ленчук Е.Б.* Новые возможности и риски в осуществлении научно-технологического развития России / Е.Б. Ленчук // *Экономическое возрождение России*. – 2019. – № 1(59). – С. 46–52.

3. *Ленчук Е.Б., Филатов В.И.* Стратегическое планирование – путь к устойчивому развитию экономики России / Е.Б. Ленчук, В.И. Филатов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2018. – Т. 11. – №4. – С. 35–47. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.2

4. О гармонизации документов государственного стратегического планирования: препринт WP8/2015/01 / А.В. Клименко [и др.]. – М.: Изд.дом Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2015. – 48 с.

5. Стратегическое планирование в Российской Федерации: состояние методического обеспечения. Аналитический доклад (по результатам мониторинга реализации Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»): препринт WP8/2016/02 / А. В. Клименко [и др.]. – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2016. – 60 с.

6. *Филатов В.И., Доржиева В.В.* Стратегическое планирование как инструмент обеспечения устойчивого научно-технологического и промышленного развития регионов / В.И. Филатов, В.В. Доржиева // *Федерализм*. – 2018. – №4 (92). – С. 153–168.

7. *Яковец Ю.В.* Стратегия научно-технологического прорыва России. Аналитические материалы. Вып. 7. / Ю.В. Яковец, К.К. Колин – М.: Изд-во «Стратегические приоритеты», 2015. – 40 с.

Дроздов Б.В.,

доктор технических наук,

генеральный директор

НИИ информационно-аналитических технологий

**Направления трансформации
органов управленческой сферы
на этапе новой технологической революции**

Аннотация. Рассматривается проблема развития и совершенствования организационно-управленческой сферы на этапе новой научно-технологической революции. Обсуждение этой проблемы идет на примере управления развитием хозяйства большого города. Рассматриваются следующие аспекты управления: организационно-структурный, функциональный, информационно-технологический и методологический.

Ключевые слова: Организационное управление, научно-технологическая революция, информация, технологии, методология, организационное проектирование

Drozhdov B.V.,

D.T Sc., General Director,

Institute of information-analytical technology

**Direction Transformation of Management Sphere
on New Technological Revolution Stage**

Abstract. Problem of development and perfection of managements on new technological revolution stage are discussed. Object of examine – big city economy. Next aspect are discussed: structural, functional, information-technological and methodological. Digital information technology for mass serve are examined.

Keywords: Managements, science-technology revolution, informational technology, methodology, organization project

Современная научно-технологическая революция, происходящая во всех сферах человеческой мысли и деятельности, приводит к трансформации не только производственно-технической сферы, но и сферы организационного управления на различных уровнях и направлениях. Общепринятым является представление о том, что передний фронт новой технологической революции проходит в информационной области, т.е. в области сбора, передачи, хранения, обработки и представления информации. Революционным шагом в этой области считается всеобщий переход к цифровым методам обработки информации, который обозначается одним обобщенным термином – «цифровизация». Отсюда возникло понятие цифровой экономики, которое связывается с представлением о переходе к новому технологическому укладу. Обозначим это направление научно-технологической революции (НТР) переходом к цифровым информационным технологиям (ЦИТ). Широкое внедрение ЦИТ в оргуправленческую сферу существенным образом изменило характер и способы выполнения человеческой деятельности в данной сфере. Изменяется организационная структура, функциональное содержание и технология управленческой деятельности. В первую очередь это затронуло сферу массового обслуживания населения (банковские операции, оформления и выдача документов, регистрация учета физических и юридических лиц, имущества и правовых актов и т.д. и т.п.). Создание и функционирование общегосударственных, региональных и общегородских баз и банков данных потребовало серьезной трансформации всей информационной сферы. Были упорядочены, структурированы и унифицированы составы и содержание основных видов документов и собираемых данных, регламентированы процедуры формирования и актуализации данных, согласованы порядки взаимодействия основных хранилищ данных.

Развитие и широкое внедрение ЦИТ в деятельность органов управления (на государственном, региональном и городском уровне) породило явление в экономике и в сфере управления, которое определяется термином цифровая трансформация. Такая трансформация затрагивает все аспекты (срезы) организационно-управленческой

деятельности – информационную, организационно-структурную, организационно-технологическую, кадровую и правовую. В области трансформации организационных структур видимым итогом цифровой трансформации явилось создание в массовом порядке так называемых ситуационных центров (СЦ), операционных центров, центров обработки данных (ЦОД), многофункциональных центров (МФЦ), центров государственных услуг и др.. В этих центрах концентрируются такие технические средства ЦИТ, как ЦОД, электронные (плазменные) видеозэкраны отображения информации, средства сбора, приема, обработки и представления данных. На служебных территориях, где размещаются подразделения СЦ и ЦОД, как правило, располагаются и специальные информационно-технологические службы (IT-подразделения), службы и подразделения информационной безопасности. Такие центры создаются не только в интересах оперативно-диспетчерской деятельности, но и для территориальной концентрации всех основных направлений организационно-управленческой деятельности. Например, планируется создание таких СЦ в учреждениях высшего образования России (МГУ, МВТУ им. Баумана и др.). Все эти новые организационно-технические образования (СЦ, ЦОД) становятся явными, внешне осязаемыми проявлениями обозначенной выше цифровой трансформации оргуправленческой сферы. В связи с широким внедрением ЦИТ возникают и новые проблемы, новые угрозы. Они связаны с необходимостью обеспечения информационной безопасности, соблюдения конфиденциальности данных, их достоверности, функциональной доступности, независимости от внешних воздействий.

Следует отметить, что современная научно-технологическая революция происходит не только в сфере информационного обеспечения, но и в более широкой и всеобъемлющей сфере человеческого мышления. Появляются новые представления, концепции и теории мышления и деятельности. Среди подобных концепций и методологий управления можно выделить системный анализ в его различных формах и направлениях, программно-целевое управление, проблемно-ориентированная методология, концептуальный анализ, методология организационного проектирования, концептуальное проектирование организаций и другие^{1,2,3,4,5}. Возникновение всех этих методов и средств принято адресовать к Западно-Евро-

пейским и Американским научным школам⁵. Однако, следует отметить также большой вклад отечественных ученых и научными школ в развитие этих методов¹. Практическое применение этих методов и средств в реальную практику управления может и должно привести к радикальному изменению (трансформации) таких видов деятельности, которые ранее считались только сферой человеческой интуиции, опыта и природного таланта. Это области исследования, разработки, проектирования, конструирования и организационного формообразования (организационного проектирования). Радикальная трансформация этих видов деятельности должно привести к появлению новых видов индустрий – Индустрии исследования и разработок (Индустрии–4) и индустрии организационного формообразования (Индустрии–5).

Сфера организационного управления обладает особой спецификой и представляет серьезные сложности для внедрения передовых достижений современной научно-технологической революции.

Первая особенность этой сферы, вызывающая большие сложности для быстрого внедрения достижений НТР, – это ее консерватизм, связанный с приверженностью к многолетним устоявшимся традициям, обычаям и привычкам, часто имеющим сословные и природно-исторические корни.

Вторая особенность этой сферы состоит в определенной закрытости, непубличности ее деятельности. В этой ситуации так называемому инноватору (разработчику ЦИТ) часто трудно бывает понять

¹ *Беляев И.П., Капустян В.М.* Системный анализ: прикладной аспект. – М., 1999, С. 396; *Никаноров С.П.* Концептуальное проектирование организаций как средство решения проблем управляемости // Сб. «Проблемы автоматизации управления строительством. Проектирование организаций». Труды ЦНИПИИАСС, Госстрой СССР, выпуск 17. – М., 1977; *Дроздов Б.В.* Введение в проектирование организационных технологий. М., 2005. С. 135; *Беляев И.П., Капустян В.М.* Процессы и концепты. – М., 1997. С. 396; *Оптнер С.Л.* Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. М., 1970. С. 216; *Егоров Б.В., Никаноров С.П. и др.* Основные элементы автоматизированной системы проектирования систем организационного управления // В сборнике трудов ЦНИПИИАСС, выпуск 17.

реальные проблемы органов управления и выработать наиболее эффективный способ внедрения новых научно-технологических достижений в работу организаций.

Третья особенность этой сферы состоит в наличии определенных психологических и психо-интеллектуальных барьеров между представителями сферы управления, облеченными властью и влиянием, и носителями инновационных идей (работниками научно-технической сферы, научными сотрудниками).

Научно-технологическая трансформация оргуправленческой сферы, тем не менее, является в современных условиях объективной необходимостью. Во-первых, такую необходимость диктуют условия и требования широкого внедрения ЦИТ во всех сферах ОУД. Во-вторых, растущие сложности задач управления масштабными объектами и процессами жизнеобеспечения требуют внедрения современных достижений нового этапа научно-технической революции.

Возникающие потребности автоматизировать (т.е. сделать более эффективной) управление современными комплексами жизнеобеспечения в реальности не могут быть удовлетворены исторически сложившимися методами и средствами организации и управления. Практическое применение перечисленных выше современных достижений науки организационного управления на практике приводят к глубинным, принципиальным направлениям трансформации организационно-управленческой сферы. Это направление можно определить как организационно-технологическая трансформация. Изменения в этой области во внешнем проявлении не оказываются особенно заметными, но в содержательном смысле оказываются весьма принципиальными.

Первое направление такой трансформации определим как концептуальное. Практика встраивания цифровых технологий в оргуправленческую деятельность показала, что сама эта деятельность зачастую недостаточно структурирована и не полностью охватывает сферу управления. Чтобы создаваемая информационная система была эффективной (нужной, полезной, востребованной), нужно эта система охватывала все функциональное пространство деятельности организации. А если организационно-управленческое пространство оказывается неструктурированным, то бессмысленным оказывается работа по информатизации (неважно при этом каком представлении

данных – цифровом или аналоговом). Возникает потребность проработки нормативных представлений о функционально полном пространстве управления. Для этого следует определить морфологию самих функций и процессов управления. Методология функциональной концептуализации, построения полного функционального пространства основана на последовательном применении к пространству управления совокупности концептуальных схем (Кс)¹. Среди списка Кс, используемых для функциональной структуризации пространства организационной деятельности, выделены следующие концептуальные схемы:

- Кс решения проблем (циклов деловой активности) (Кс1),
- Кс конструирования (универсальная схема процессов конструирования) (Кс2),
- Кс универсальной структуры производственного процесса, применяемой для систем, относящихся к классу производственных (Кс3),
- Кс процессов сбора, передачи, хранения, обработки и представления данных (Кс4).

Применяемая методология оперирует формализованной процедурой функциональной декомпозиции, включающей технологию последовательного применения концептуальных схем. Эта процедура позволяет порождать функциональные структуры на регулярной основе. В результате появляется возможность формализовать построение функциональной структуры и далее создавать в этой структурированной среде организационные и информационные технологии³.

Применение этих схем позволяет строить полную функциональную структуру управления, отражающую на формализованном языке нормативную функциональную структуру управления. Сопоставление нормативной функциональной структуры с реально действующей (дескриптивной) позволяет выявить наличие так называемых

¹ *Никаноров С.П.* Концептуальное проектирование организаций как средство решения проблем управляемости // Сб. Проблемы автоматизации управления строительством. Проектирование организаций. Труды ЦНИПИИАСС, Госстрой СССР, выпуск 17. – М., 1977; *Дроздов Б.В.* Введение в проектирование организационных технологий. – М., 2005. С. 135; *Беляев И.П., Капустян В.М.* Процессы и концепты. – М., 1997. С. 396.

«функциональных» пустот («функциональных дыр»). Эти пустоты оказываются не покрытыми структурированной (явной, обозначенной и официализированной) деятельностью. Здесь фактическая организационная деятельность проводится по «законам» стихийного складывания (т.е. без зафиксированных законов).

Методологическим результатом трансформации на этом этапе является разработка приемов концептуального проектирования функционального пространства управленческой деятельности. Функциональная структура этого пространства определяет собой морфологию организационных процессов. В России разработан формальный аппарат построения этого функционального пространства – морфология организационных процессов¹. В основу этого аппарата положены первичные концептуальные схемы (Кс) деятельности. Каждая Кс «разрезает», вычленяет в функциональном пространстве деятельности определенный набор по-своему взаимосвязанных функций.

Вторым направлением вышеназванной трансформации является технологизация оргуправленческой деятельности. Это обязательный для выполнения этап после концептуализации, прохождение которого позволяет далее проводить работу по последующей формализации, алгоритмизации и программированию. Без выполнения указанной последовательности работ невозможна названная выше цифровая трансформация. Процесс технологизации относится как к ранее существовавшим, так и дополнительно выявленным функциям. Конечная цель технологизация – автоматизация выявленных на предыдущих этапах задач, процедур и операций.

На этом этапе все организационно-управленческое пространство представляется в виде совокупности взаимосвязанных процессов, комплексов задач, задач, процедур и операций. Центральным звеном

¹ *Никаноров С.П.* Концептуальное проектирование организаций как средство решения проблем управляемости // Сб. Проблемы автоматизации управления строительством. Проектирование организаций. Труды ЦНИПИИАСС, Госстрой СССР, выпуск 17. – М., 1977; *Дроздов Б.В.* Введение в проектирование организационных технологий. – М., 2005. С. 135; *Беляев И.П., Капустян В.М.* Процессы и концепты. – М., 1997. С. 396.

(концептом) такого представления является процесс (процессная схема системного анализа)¹.

Этап технологизации является необходимым и определяющим на дальнейшем пути к созданию и внедрению ЦИТ. На этом пути следует выполнить еще все работы по формализации, алгоритмизации и программированию, Только после прохождения всех этих этапов начинается так называемая цифровая трансформация.

Для реализации на практике всех обозначенных этапов успешно могут быть использованы графические средства языка ФОРПОСТ². Уже на начальном и важнейшем этапе концептуализации из состава содержательных и графических средств этого языка применялись т.н. концептуальной схемы, относящиеся к разряду звеньев когнитивной графики. В результате процесс концептуализации преобразовывался в схематизацию. Средствами когнитивной графики формировались определенные графические образы, которые в определенном смысле приводили к трансформации стиля, методов и технологий организационных решений. Практика применения методологии системного анализа и ее графической версии ФОРПОСТ показала, что наиболее действенными являются два вида Кс (когнитивных графических образов) – процессная и системная. Процессная Кс оперирует понятиями Процесс, Вход, Выход, Обратная связь и Ограничения. Системная Кс оперирует понятиями Система, Подсистема, Элементы, Связи, Цель, Задача.

Следующее направление трансформации можно определить как инструментализация организационных технологий. Здесь все структурированное пространство фиксируется, описывается и представляется с помощью средств когнитивной графики. Такие средства представляют собой эффективный, удобный и понятный язык описания проектных решений в области организационного управления. Этот язык многократно совершенствовался, развивался, получил несколько разных версий. Основное назначение языка – описание дескриптивных и нормативных (прескриптивных) моделей операционных потоков (МОП). В основе построения языка – базовые процессные схемы системного анализа. Язык получил несколько разных названий, – процессный язык

¹ Дроздов Б.В. Введение в проектирование организационных технологий. – М., 2005.

² Беляев И.П., Капустян В.М. Процессы и концепты. – М., 1997.

системного анализа, язык ПОСТ-нотаций, язык ФОРПОСТ. Существо и формы языка подробно описаны в научно-технической литературе¹.

Такие языки на практике многократно применялись для описания сквозных организационно-технологических потоков в комплексах строительства, транспорта, жилищного хозяйства и соблюдения законности. В частности, с помощью этих языков был описан строительный конвейер города Москвы, конвейер комплектной поставки строительных деталей и конструкций, конвейер формирования титульных списков строек, процедура установления личности в органах внутренних дел и другие. Данный язык ФОРПОСТ также может быть рекомендован участникам крупных проектов для облегчения взаимного понимания в процессе проблемно-аналитической работы. Выступая в виде своеобразного метаязыка, он позволяет мобилизовать скрытые резервы мозга для людей самых разных специальностей и практического опыта. Этот язык ФОРПОСТ специально так сконструирован, чтобы превратить сложный алгоритм (план, рецепт, сложный процесс, наставление или описание технологий) в простой графический образ – ФОРПОСТ-диаграмму, которая обеспечивает понимание и взаимопонимание по принципу «Взглянул – и мгновенно все понял»!

При разработке организационных технологий были сформулированы следующие принципы проектирования организационных технологий (ОТ)²:

- принцип непрерывности потоков,
- принцип проектной обеспеченности,
- принцип достаточной согласованности,
- принцип рационального распараллеливания работ,
- принцип организационной мобилизованности.

Здесь одним из основных результатов организационно-технологической трансформации было обеспечение мобилизационной готовности персонала органов управления к работе в нештатных и чрезвычайных ситуациях.

Следующее направление трансформации заключается в широком внедрении активных методов моделирования, освоения и актуализации

¹ Там же.

² Дроздов Б.В. Введение в проектирование организационных технологий. – М., 2005.

зации таких технологий. Именно таким способом можно добиться мобилизационной готовности персонала органа управления и актуализации применяемых технологий организационной деятельности. Этими методами являются оперативно-штабные учения. В науке методы активного моделирования получили названия имитационных, деловых, организационно-деятельностных игр¹. С их помощью происходит реальное освоение персоналом новых технологий оргуправленческой деятельности (регламентов, оперативных планов, процедур). Указанные активные методы облегчают практическое освоение новых технологий, повышается мобилизационная готовность персонала к действиям в особых и чрезвычайных ситуациях. Эти же методы могут использоваться руководством органов управления для аттестации управленческого персонала.

Еще одно направление трансформации оргуправленческой сферы определяется как гетерорхическая трансформация². Гетерорхические представления противопоставляются общеизвестным иерархическим представлениям. Они выстраиваются не в пространстве иерархической подчиненности, а в рефлексивном пространстве. Это пространство проектного порождения, где между выделяемыми слоями устанавливаются отношения проектировщик – спроектированное им пространство деятельности. Геометрически (графически) эти отношения представляются не многоуровневым ветвящимся графом, а так называемой многослойной «матрешкой», где выделяются один наружный и несколько внутренних слоев³.

Перевод взгляда исследователя с наружного на ближайший к наружному внутренний слой определяется как рефлексивная воз-

¹ Дроздов Б.В. Об иерархических и гетерорхических представлениях при построении систем управления городом // В сб. «Проблемы совершенствования и автоматизации управления городом». – М., 1983. С. 22-28; Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М., 1995. С. 759; Анисимов О.С. Методология и технологические формы мышления. – М., 2009.

² Дроздов Б.В. Введение в проектирование организационных технологий. – М., 2005.

³ Дроздов Б.В. Введение в проектирование организационных технологий. – М., 2005.

гонка (рефлексивный ход). Такой ход ориентирует исследователя и управленца на целостный анализ всего организационно-управленческого процесса. Первоначально реально выполненные действия организационно-управленческой системы должно быть зафиксированы в объективной форме, чтобы потом действия системы можно было анализировать, изучать, исследовать и пытаться целенаправленно перестроить (модернизировать, совершенствовать). Такая гетерорхическая трансформация ориентирует руководящий состав органа управления на периодическую модернизацию деятельности органа управления. В конечном итоге такая модернизация (совершенствование, развитие) управления становится осознанной и регулируемой.

Литература

1. *Анисимов О.С.* Методология и технологические формы мышления. – М., 2009.
2. *Беляев И.П., Капустян В.М.* Системный анализ: прикладной аспект. – М., 1999. – С. 396.
3. *Беляев И.П., Капустян В.М.* Процессы и концепты. – М., 1997. – С. 396.
4. *Дроздов Б.В.* Введение в проектирование организационных технологий. – М., 2005. С.135
5. Об иерархических и гетерорхических представлениях при построении систем управления городом. В сб. «Проблемы совершенствования и автоматизации управления городом». –М., 1983. С. 22–28.
6. *Егоров Б.В., Никаноров С.П. и др.* Основные элементы автоматизированной системы проектирования систем организационного управления // Сборник трудов ЦНИПИАСС, выпуск 17.
7. *Никаноров С.П.* Концептуальное проектирование организаций как средство решения проблем управляемости // Сб. Проблемы автоматизации управления строительством. Проектирование организаций. Труды ЦНИПИАСС, Госстрой СССР, выпуск 17., – М., 1977.
7. *Оптнер С.Л.* Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. – М., 1970, С. 216.
8. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – М., 1995. С. 759.

Куц Л.И.,

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий отделом экономико-правовых исследований
ГУ «Институт экономических исследований»*

**Правовое обеспечение
долгосрочного государственного
прогнозирования и планирования
экономического и социального развития
Донецкой Народной Республики**

Аннотация. В статье раскрываются вопросы формирования законодательства ДНР о прогнозировании и планировании социально-экономического развития путем анализа действующего законодательства ДНР и научной литературы, где освещены недостатки законодательства Российской Федерации о стратегическом планировании, а также обоснованы предложения о целесообразности недопущения таких недостатков при разработке проекта закона ДНР о стратегическом планировании.

Ключевые слова: стратегическое планирование, прогнозирование, планирование, программирование, экономическое развитие, программы и др.

Kushch L.I.,

*Candidate of Juridical Sciences,
head of the Economic and Legal Research Department
SI "Economic Research Institute"*

**Legal Support of Long-term State
Forecasting and Planning of Economic
and Social Development
of the Donetsk People's Republic**

Abstract. The article reveals the formation of the DPR legislation on forecasting and planning social and economic development by analyzing the current DPR legislation and scientific literature, which highlights the shortcomings of the strategic planning legislation of the Russian Federation, and substantiates the proposals for the advisability of avoiding such deficiencies in drafting the DPR strategic planning draft law.

Keywords: strategic planning, forecasting, planning, programming, economic development, programmes etc.

Система государственного регулирования экономического и социального развития любого государства включает разработку прогнозных и программных документов, различающихся по длительности планируемых периодов, объектам и уровню планирования, утверждающих их органам, содержанию и юридическому значению. Не является в этом случае исключением и Донецкая Народная Республика (ДНР), для которой вопрос формирования новой системы планирования является актуальным, поскольку долгосрочное прогнозирование и планирование является одним из основных функциональных видов деятельности, с помощью которого государство реализует свою организаторскую функцию, направленную на обеспечение социально-ориентированной экономики.

Однако сейчас, когда Республика находится в состоянии военного конфликта с Украиной, осуществление рассматриваемого прогнозирования и планирования – лишь перспективное направление деятельности государства. Это обусловлено тем, что в период военного времени основной задачей для Республики является, прежде всего, незамедлительное восстановление, развитие экономики и социальной сферы, что возможно путем разработки и реализации краткосрочных программ. А поэтому Министерством экономического развития ДНР, при участии профильных министерств и ведомств, инициирован процесс разработки, утверждения и реализации программных документов социально-экономического развития городов и районов ДНР на 2019 год. При этом, как справедливо указывает Министр А.В. Половян, если в 2017 году в поле внимания государственной политики были меры быстрого ситуативного реагирования, то уже в настоящее время экономическая политика существенно изменилась. В нынешних экономических преобразованиях особое значение имеют процессы те-

кущего анализа, прогнозирования и планирования, позволяющие достигнуть, закрепить и поддержать заданные темпы роста¹.

Следовательно, вопрос формирования системы долгосрочного прогнозирования и планирования экономического и социального развития ДНР как стратегического планирования является весьма актуальным для молодой Республики, поскольку, не имея перспективных прогнозов, планов и программ развития, нельзя составлять обоснованные бюджеты на государственном и местном уровнях. К тому же успешное формирование такой системы возможно только на основе правового обеспечения, способного в полной мере урегулировать отношения в сфере прогнозирования и планирования. Все это лишь подтверждает необходимость разработки специального законодательства, содержащего нормы о долгосрочном прогнозировании, которое является исходным пунктом и базой для разработки всех остальных документов стратегического планирования.

Актуальные вопросы стратегического планирования были предметом исследования многих экономистов и юристов, которые в своих работах обосновывали наличие проблем в этой сфере отношений, имеющих как экономическое, так и юридическое содержание. Вместе с тем продолжающийся процесс формирования законодательства ДНР о стратегическом планировании обуславливают необходимость дополнительного исследования вопроса правового обеспечения долгосрочного прогнозирования и планирования социально-экономического развития.

В настоящее время действующее законодательство ДНР, регулирующее рассматриваемые отношения, представлено незначительным перечнем нормативных правовых актов. Основным нормативным актом, регулирующим отношения в сфере планирования экономического и социального развития ДНР, является Закон ДНР «О республиканских программах» от 02.10.2015 г № 80-ІНС², в котором

¹ Профильным министерством инициирована разработка Республиканских программ социально-экономического развития [Электронный ресурс]. Официальный сайт ДНР // smdnr.ru

² Закон о республиканских программах. Принят Постановлением Народного Совета ДНР. № 80-ІНС от 02.10.2015 (с изменениями, внесенными Законом от 10.03.2017 № 160-ІНС). Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-respublikanskikh-programmah/> (дата обращения: 19.01.2018).

определены правовые, экономические и организационные основы разработки, утверждения и реализации программных документов социально-экономического развития ДНР, развития отдельных отраслей экономики и т.д. Безусловно, если учитывать историю развития аналогичного законодательства Российской Федерации, то следует указать, что этот Закон является временным нормативным правовым актом, действие которого будет прекращено после принятия закона о стратегическом планировании в ДНР, проект которого в настоящее время разрабатывается профильным комитетом Народного Совета ДНР. Однако, по мнению С.Н. Гриневской, этот проект предусматривает создание лишь некоторых элементов системы стратегического планирования и требует серьезной доработки с участием представителей научных организаций, прежде всего – юристов¹.

При этом следует обратить внимание, что в процессе разработки соответствующих нормативных правовых актов ДНР с целью сближения с РФ, за основу берется ее законодательство о стратегическом планировании. Вместе с тем разработчики этих актов не учитывают недостатки последнего, которые были выявлены в процессе его применения. А поэтому путем анализа действующих нормативных правовых актов ДНР и РФ, регулирующих отношения в сфере прогнозирования и планирования, необходимо указать на имеющиеся в этих актах пробелы и недостатки, с целью недопущения их при разработке перспективного законодательства ДНР о стратегическом планировании.

В Законе ДНР «О республиканских программах» достаточно подробно определены: внебюджетные источники финансирования программ; виды республиканских программ (программы социально-экономического развития (в условиях военного времени – программы восстановления и развития экономики и социальной сферы) и отраслевые программы); содержание, цель и основные условия разработки программ; их участники; сроки и основные стадии разработки и реализации республиканских программ; полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления и др.

¹ Гриневская С.Н. Модели стратегического планирования на территориях с неопределенным государственным статусом // Вестник КемГУ: Политические, социологические и экономические науки. – 2018. – № 1. – С. 76.

Однако, несмотря на детальное изложение положений о программных документах в Законе ДНР «О республиканских программах» имеются недостатки, негативно влияющие на развитие этих отношений в Республике, а именно:

– отсутствует порядок проведения государственной экспертизы проекта республиканской программы, а также порядок проведения конкурсного отбора ее исполнителей, необходимость наличия которых предусмотрена п.п. 4 и 6 ч. 1 ст. 5 Закона, что, по сути, исключает возможность организации процесса разработки и реализации республиканских программ;

– отсутствуют методики проведения оценки ежегодных отчетов о результатах реализации республиканских программ, проведение которой предусмотрено п. 8 ч. 1 ст. 5 Закона. К тому же такая оценка является одной из основных стадий реализации республиканских программ, свидетельствующих про их результативности;

– бессистемно используются понятия «органы государственной власти», «государственные заказчики», а органы местного самоуправления вовсе включены в состав органов государственной власти (статья 11 Закона), несмотря на то, что согласно ч. 2 ст. 2 Конституции ДНР это разные органы¹;

– не определены случаи, когда решение о внесении изменений в отраслевые республиканские программы принимается Главой ДНР, а когда Правительством ДНР, так как в Законе используется только союз «или», что не вносит ясности в эту процедуру и требует дополнительных уточнений (ч. 2 ст. 12 Закона);

– определен неограниченный перечень оснований досрочного прекращения реализации республиканской программы (ч. 2 ст. 12 Закона). Такой подход является вряд ли является целесообразным, поскольку в этом случае допускается возможность злоупотреблений со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления, которые путем издания подзаконных актов могут под любым предлогом досрочно прекратить реализацию любой програм-

¹ Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 № 1-1 (по состоянию на 11.09.2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/>

мы. И это притом, что уже были израсходованы средства республиканского или местного бюджета, а цель программы так и не была достигнута.

Кроме того, требуют уточнений и другие нормы рассматриваемого Закона, однако учитывая ограниченные рамки статьи, было возможным остановиться только на вышеуказанных недостатках, как основных, требующих устранения с целью недопущения их повторения в перспективном законодательстве ДНР о стратегическом планировании.

В Российской Федерации отношения в сфере долгосрочного прогнозирования и планирования регулируются Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ (далее – Закон № 172-ФЗ)¹, который направлен на правовое закрепление системы государственного стратегического планирования, основными элементами которой являются механизм государственного прогнозирования, программно-целевого и территориального планирования и мониторинга реализации документов государственного стратегического планирования. Кроме того, в этом Законе определены полномочия участников системы государственного стратегического планирования и иерархия соответствующих документов.

Вместе с тем еще на стадии принятия Закона № 172-ФЗ были выявлены определенные недостатки, на наличие которых указывали другие авторы. Так, по мнению академика С.Ю. Глазьева, в составе документов стратегического планирования должен быть индикативный план социально-экономического развития на трехлетний период, устанавливающий намечаемые показатели развития и систему мер по их достижению². Эту позицию поддерживал также В.К. Сенчагов, полагающий, что без разработки общенационального плана

¹ Федеральный закон от 28 июня 2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – Российская газета. Федеральный выпуск. №6418(146). 2014. 3 июля.

² Глазьев С.Ю. Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики (предложения на 2013 год) // Российский экономический журнал. – 2013. – № 3. – С. 8.

развития страны невозможно обеспечить взаимосвязь целей и ресурсов. Мнение о возможности решить эту задачу в рамках разработки долгосрочных государственных и целевых федеральных программ не подтвердилось практикой, поскольку в них выявились значительные дисбалансы¹.

Ряд недостатков Закона № 172-ФЗ были выявлены уже в процессе его применения. Так, основные риски реализации норм этого Закона З.А. Кучкаров усматривает в том, что в нем отсутствует около 70% определений понятий, применяемых в Законе, а также процедуры выработки и согласования стратегических целей и механизм учета международных обязательств Российской Федерации в этих отношениях и др.² С точки зрения других авторов, в Законе № 172-ФЗ не достает необходимой методологической проработки ряда его основополагающих положений. Это касается определения требований к содержанию документов стратегического планирования в области национальной безопасности, порядка их разработки, экспертизы и контроля реализации, а также определения содержания стратегического прогноза Российской Федерации, его корректировки и утверждения³.

Некоторые ученые вполне справедливо утверждают, что становление такой уникальной и сложной системы стратегического планирования сопряжено с рядом вновь возникших проблем, которые нужно достаточно оперативно и качественно решать. К таким проблемам они относят отсутствие единства в составе базовых инструментов стратегического планирования, используемых на федеральном и региональном уровнях государственного управления. По их мнению, суть проблемы заключается в том, что в установленном Законом № 172-ФЗ

¹ Сенчагов В.К. О формировании новой парадигмы бюджетной политики // Вопросы экономики. – 2013. – № 7. – С. 156.

² Победин А.А. Развитие стратегического планирования в России: новые перспективы и новые технологии (по итогам XIV общероссийского форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России») <https://cyberleninka.ru/article/v/razvitiestrategicheskogo-planirovaniya-v-rossii-novye-perspektivy-i-novye-tehnologii-po-itogam-xiv-obscherossiyskogo-foruma>

³ О новой системе стратегического планирования в России [Электронный ресурс]. <http://www.politforums.net>

инвариантном составе инструментов стратегического планирования развития субъектов Российской Федерации, отсутствует стратегия пространственного развития региона и прогноз его научно-технологического развития. А поэтому прогнозируемыми последствиями такого планирования могут быть, во-первых, неполнота учета на уровне субъекта Российской Федерации результатов стратегических программных разработок, вмененных в компетенцию федерального центра, и, во-вторых, ограниченность спектра планируемых параметров социально-экономической системы такого этого субъекта¹.

Кроме того, другими авторами обосновывается наличие существенного разрыва между стратегическим и бюджетным планированием, что, в результате затрудняет достижение целей, сформулированных в ключевых стратегических документах. Преодоление этих недостатков, с точки зрения этих авторов, возможно следующими способами:

– во-первых, необходимо значительно упростить эту систему посредством радикального сокращения числа входящих в нее документов, что снизит угрозу противоречий между стратегическим и бюджетным планированием;

– во-вторых, устранить разрыв между стратегическим и бюджетным планированием, путем включения в стратегию социально-экономического развития оценки средств, необходимых для достижения ее целей, прогноза наличия таких средств и приоритета их распределения в случаях недостаточности².

К проблемным вопросам в сфере стратегического планирования, по мнению В.Е. Зайцев и А.Г. Бреусовой, относятся также вопросы оценки государственных программ. Они считают, что решение этих проблем возможно путем:

– интеграции, унификации и последующей кодификации нормативной правовой базы в части применяемых инструментов бюджет-

¹ Рисин И.Е. Стратегическое планирование региональное развитие: современная практика, направления совершенствования: монография / И.Е. Рисин. – Москва: Русайнс, 2018. – С. 56.

² Золотарева А., Соколов И. Проблемы и пути совершенствования системы стратегического планирования в России / Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 5. С. 8.

тирования, ориентированного на результат, в целях установления единых стандартов и подходов к оценке новых «рамочных» пилотных государственных программ и их структурных элементов¹;

– подготовки нормативной правовой и технической документации по организации комплексной оценки государственных программ. Такая оценка должна проводиться, начиная с нижнего уровня, в разрезе отдельных элементов и создания базы данных стоимости результатов – как непосредственных, так и конечных, что будет являться первым шагом на пути формирования полноценной системы оценки эффективности территориальных программ².

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что при формировании законодательства ДНР о стратегическом планировании, прежде всего, следует максимально учитывать недостатки аналогичного российского законодательства, выявленные в процессе его применения и обоснованные авторами в многочисленных научных работах, поскольку его «слепое» копирование впоследствии будет негативно влиять на развитие долгосрочного государственного прогнозирования и планирования экономического и социального развития Республики.

Литература

1. Бреусова А.Г. Оценка эффективности государственных программ // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 2. С. 128–136.

2. Глазьев С.Ю. Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики (предложения на 2013 год) // Российский экономический журнал. 2013. № 3. С. 3–37.

¹ Зайцев В.Е. Оценка государственных программ Российской Федерации: новые вызовы / Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 67. С. 131.

² Бреусова А.Г. Оценка эффективности государственных программ / Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 2. С. 128.

3. *Гринеvская С.Н.* Модели стратегического планирования на территориях с неопределенным государственным статусом // Вестник КемГУ: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 74–79.

4. *Зайцев В.Е.* Оценка государственных программ Российской Федерации: новые вызовы // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 67. С. 115–135.

5. Закон о республиканских программах. Принят Постановлением Народного Совета ДНР. № 80-ИНС от 2.10.2015 (с изменениями, внесенными Законом от 10.03.2017 № 160-ИНС). Режим доступа: <http://dnrsovetsu.ru/zakon-dnr-o-respublikanskih-programmah> (дата обращения 19.01.2019).

6. *Золотарева А., Соколов И.* Проблемы и пути совершенствования системы стратегического планирования в России // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 5. С. 8–23.

7. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г. № 1–1 (по состоянию на 11.09.2015 г.). Режим доступа: <http://dnrsovetsu.ru/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> (дата обращения: 24.01.2019).

8. О новой системе стратегического планирования в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politforums.net>

9. *Победин А.А.* Развитие стратегического планирования в России: новые перспективы и новые технологии (по итогам XIV общероссийского форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России»). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/razvitiestrategicheskogo-planirovaniya-v-rossii-novye-perspektivy-i-novye-tehnologii-po-itogam-xiv-obscherossiyskogo-foruma>

10. Профильным министерством инициирована разработка Республиканских программ социально-экономического развития. Официальный сайт ДНР. Режим доступа: [// smdnr.ru](http://smdnr.ru)

11. *Рисин И.Е.* Стратегическое планирование региональное развитие: современная практика, направления совершенствования: монография / И.Е. Рисин. – М., 2018. 85 с.

12. *Сенчагов В.К.* О формировании новой парадигмы бюджетной политики // Вопросы экономики. 2013. № 7. С. 152–158.

13. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – Российская газета. Федеральный выпуск. № 6418(146). 2014. 3 июля.

Ленков Д.А.,

*студент-специалист 1-го курса,
факультет «Экономики и права», Российский
экономический университет им Г.В. Плеханова*

**Влияние монополизации рынка
на экономическое развитие государства
(на примере электроэнергетической отрасли)**

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции монополизации в современном мире и двойственное влияние данного процесса на экономическое развитие государства. Анализ проведен на примере компании ПАО «Россети», являющейся естественной монополией на рынке поставки электроэнергии, уставным капиталом которой по большей части владеет государство.

Ключевые слова: государственная и частная монополия, экономическое развитие, двойственность, рынок электроэнергии

Lenkov D.A.,

*specialist student of "Economics and law" faculty, 1st year,
Plekhanov Russian University of Economics*

**The Impact of Market Monopolization
on the Economic Development of the State
(on the Example of the Electricity Industry)**

Abstract. The article considers the trends of monopolization in the modern world and the dual influence of this process on the economic development of the state. The analysis is carried out on the example of the company PJSC «ROSSETI», which is a natural monopoly in the electricity supply market, the authorized capital of which is largely owned by the state.

Keywords: state and private monopoly, economic development, duality, electricity market

Экономическое развитие выступает одним из базовых процессов формирования благосостояния страны. Оно определяется такими факторами, как уровень и качество жизни населения, коренные преобразования в хозяйственной системе, динамика изменения ВВП, цифровизация и модернизация экономики и др.

В современном мире наблюдаются всё большие тенденции к монополизации рынков. Направления развития экономики зачастую определяются отдельными корпорациями, которые устанавливают свои правила игры. Стоит отметить, что классические частные монополии в теории оказывают двойственное влияние и на отдельные отрасли рынка, и на состояние экономики в целом, включая как положительные факторы, так и отрицательные.

Из главных минусов монополизации можно выделить искусственное завышение цены, не обоснованное увеличением издержек производства. Такая процедура может нести особо губительное влияние в том случае, когда монополист – производитель жизненно необходимого блага. К примеру, завышение цен ПАО «Газпром» на газ на 15% приводит к сокращению ВВП на 0,18% (или 100 млрд рублей) (2). Такое последствие объясняется тем, что потребитель тратит большую сумму денег на оплату услуг по поставке газа, вследствие чего может купить меньшее количество иных экономических благ.

Помимо этого, фирма – монополист, по мнению многих экономистов менее заинтересована во внедрении инноваций в свое производство, так как она уже получает экономическую прибыль (1). Принято считать, что монополии тормозят НТП, хотя практика показывает, что именно они и внедряют на рынок инновации, так как обладают средствами для проведения масштабных НИОКР и возможностями для дальнейшего продвижения продукта. На рис. 1 можно увидеть прямо пропорциональную зависимость между размером компании и ее инновационной деятельностью. Несмотря на то, что монополией может быть и мелкая фирма на каком – либо местном рынке, в большинстве случаев такая рыночная структура представлена довольно крупным предприятием, поэтому мы можем делать соответствующие выводы. В любом случае, вопрос корреляции монополии

и НТП требует большего исследования и анализа, так как разные фирмы ведут себя по-разному в отношении внедрения инноваций.

Зависимость инновационной активности от размера компании

Рис. 1. Источник: *The National Science Foundation (USA 2012)*

Среди прочего особое место в негативных тенденциях монополизации можно выделить увеличение угрозы экономической безопасности государства. Главная ее суть заключается в формировании нелегитимных центров власти на основе монопольного контроля, а также в ослаблении стабильности и устойчивости национальной экономики в целом.

Что же можно отнести к положительным сторонам влияния монополии на рынок? Во-первых, это снижение издержек на производство единицы продукции (положительный эффект от масштаба), позволяющее уменьшить цену и поднять тем самым спрос на товар, делая его более доступным для каждого потребителя (3). Даже в случае завышения цены на продукцию, ее стоимость будет ниже стоимости аналогичного изделия, произведенного небольшой фирмой, потратившей для этого значительные силы и капиталовложения.

Во-вторых, расширяя свое производство, монополии создают большое число рабочих мест, что может снизить уровень безработицы на некоторый процент. Надо сказать, работа на крупном предприятии более стабильна и может давать некие гарантии и уверенность «в завтрашнем дне». Ведь не зря отдельным плюсом можно

выделить устойчивость фирм – монополистов во время кризиса и экономических шоков.

Помимо этого, наращивая свои объемы производства, монополии стимулируют другие отрасли экономики к сотрудничеству, что благополучно влияет на развитие последних.

Любая конкурентная борьба, рано или поздно, приводит к возникновению монополий в силу технологического, инновационного преимущества компании. «Монополия – это бизнес в конце своего путешествия», писал американский экономист Генри Ллойд. Но бывает и другая ситуация на рынке: когда развитие конкуренции попросту невыгодно. Такая ситуация приводит к возникновению естественных монополий. Однако, следует отметить, что для анализа влияния монополизации на экономическое развитие не столь важно, какой монополия является, искусственной или естественной, так как это лишь предпосылки для формирования рыночной структуры такого типа. Гораздо важнее, в чьей собственности находится монополия, и в чьих интересах осуществляется управление. Так, частичная или полная национализация может нивелировать описанные в теоретических предпосылках риски для экономики, связанные с монополизацией отдельными лицами рынка и способна расширить положительные тенденции этого процесса. Безусловно, государство не является «панацеей от всех болезней», но при таких условиях происходит меньшее паразитирование на проблемах общества, чем при частном владении монополий. Рассмотрим функционирующую под контролем государства естественную монополию на рынке электроэнергетики ПАО «Россети» и какое влияние она оказывает на экономическое развитие. Но перед этим необходимо дать краткую характеристику электроэнергетической отрасли государства.

Электроэнергетическая отрасль занимает особое место в современном мире и склонна к постоянному развитию. Преимущественно это связано с тем, что сама по себе электроэнергия выступает в роли альтернативного вида топлива и, по некоторым прогнозам, совсем скоро придет на замену традиционному. Также от выработки и качественной поставки электроэнергии зависит функционирование, наверное, всех производств в мире. Именно поэтому электроэнергетическая отрасль относится к регулируемому государством видом деятельности в отношении которой осуществляется регулирование

цен (тарифов). По данным Министерства экономического развития Российской Федерации доля электроэнергетики в ВВП России составляет 2,8% на 2018 г. и имеет тенденцию к росту.

ПАО «Россети» является одним из крупнейших операторов энергетических сетей в мире. На «Рисунке 2» мы можем видеть, как изменялась доля рынка электросетей: с 2010 по 2017 гг. она выросла до 70% (расчеты проводились на основе соотношения количества общего потребления электроэнергии в России и объемом переданной энергии ПАО «Россети») (5). Также стоит отметить, что её уставным капиталом на 88,04% владеет государство, поэтому, прежде всего, «Россети» реализует спланированную политику страны, при этом обеспечивая доходом своих акционеров (4).

Рис. 2. Источник: годовые отчеты ПАО «Россети» с 2010 по 2017 гг. (5)

Равным образом, растет и прибыль компании, увеличивая возможности для ее развития. Бесспорно, прирост прибыли важен, но еще важнее то, на что эта прибыль тратится.

На рис. 3 мы видим, что в сумме 66% затрат приходится на новое строительство и расширение электросетевых объектов и на реконструкцию и техническое перевооружение электросетевых объектов. Это говорит нам о том, что большая часть средств тратится на увеличение зоны поставки электроэнергии. За 4 года (с 2013 по 2017 гг.) количество подстанций увеличилось на 6,1% и составило 502 тыс., а протяженность линий электропередач возросла на 7,8% (5). Все это

делает поставку электроэнергии еще более доступной для потребителей всех уголков России.

Структура затрат по видам деятельности, млрд рублей

Рис. 3. Источник: годовой отчет ПАО «Россети» за 2017 год. (5)

Но здесь уместно сказать и о том, что износ оборудования ПАО «Россети» на 2017 г. составил в среднем 70–75%. Остается загадкой, как в такой ситуации возможно модернизироваться и осуществлять техническое перевооружение, если большая часть объектов исчерпывает свой срок эксплуатации. Но если бы деятельность ПАО «Россети» осуществлялась преимущественно в интересах акционеров, то эксплуатация оборудования была бы еще выше, как и его последующий износ. При таком состоянии техники основная функция установок выполняется, но не позволяет совершенствоваться, двигаться «в ногу со временем», создавая риски для долгосрочного устойчивого развития.

Что касается рабочих мест, то их число возросло с 2010 г. на 21% (с 187,1 тыс. до 220 тыс.), что вполне логично, так как компания по мере роста нуждается в большем количестве рабочей силы (5).

Одним из важнейших вопросов является установление цен на услуги. В связи с тем, что электроэнергия является жизненно необходимым благом, то в долгосрочном периоде эластичность спроса по цене на такой товар для населения является довольно низкой (6).

То есть, даже в случае завышения тарифа на электроэнергию объемы потребления сильно не изменятся. Именно этим и могут злоупотреблять частные монополисты, не беря во внимание возникающие в таком случае социально-экономические проблемы.

Так, при распределении тарифов на электроэнергию особую роль играет такое понятие, как «перекрестное субсидирование», смысл которого заключается в том, что крупные, энергоемкие предприятия доплачивают за электроэнергию, используемую более мелкими потребителями, то есть, населением, малым и средним бизнесом. И, несмотря на то, что на данный момент тариф для населения в среднем в 2 раза выше, чем для упомянутых энергоемких потребителей, он мог бы быть еще более неблагоприятным. Такой пример ценовой дискриминации третьего рода, первопричиной которого являются «Россети», обоснован, прежде всего, не экономически, а социальной политикой государственного регулирования. Это инструмент, который действует на пользу общества, перераспределяя нагрузку с рядовых потребителей на крупные предприятия. Стоит отметить, что перекрестное субсидирование в 2017 году по оценкам Минэнерго составило 368 млрд рублей. Но каковы же последствия такого тарифного регулирования для промышленных секторов экономики России? По данным энергетического центра бизнес школы СКОЛКОВО, в 2011 году при объеме перекрестного субсидирования в размере 264 млрд рублей, потеря роста промышленного производства составила 3,6% (при общем росте в 4,7%) (7). Все это происходит из-за слишком больших затрат крупных предприятий на электроэнергию. Опираясь на результаты исследований 2011 года, несложно представить, какие отрицательные последствия несет перекрестное субсидирование в 2017 году, выросшее за 6 лет на 39%.

Из этого следует, что, выигрывая в одних показателях (установлении благоприятной цены для населения), происходит проигрыш в других (потеря в росте промышленного производства и, как следствие, в росте ВВП). Но находясь в руках государства, ПАО «Россети» обеспечивают социальную защиту населения, в чем состоит одна из главных ценностей монополии такого типа.

Таким образом, мы делаем вывод, что монополии оказывают двойственное влияние на экономическое развитие государства. На примере ПАО «Россети» можно сказать, что именно подконтрольная

государству монополия развивает положительные стороны монополизации и старается ликвидировать негативные аспекты. Монополизация – это объективная тенденция современного мира, с которой нужно научиться правильно взаимодействовать, не нарушая интересов частных лиц и населения, и решающую роль в этом вопросе играет государство.

Литература

1. Arrow K. Economic welfare and the allocation of resources for invention in The Rate and Direction of Inventive Activity: economic and social factors / K. Arrow. – Princeton, 1962, – P.609–625

2. Шастико А., Голованова С., Курдин А., Новиков В., Авдашева С. Последствия слабой конкуренции: количественные оценки и выводы для политики // Экономическая политика. – 2013. – № 1. – С. 125–145.

3. Кумскова Н.Х. Экономическая теория. Учебное пособие для экономических специальностей /Отв. ред. акад. МАН ВШ и МЭАЭ, проф. Н.Х. Кумскова; Кыргызско-Российский Славянский университет. – Бишкек, 1999г. – 716 с. 1999

4. Выступление Егора Прохорова на РИФ 2019: (Электронный ресурс). URL: https://www.mrsk-sk.ru/press_center/holding_news/detail.php?ID=2854761

5. Годовые отчеты ПАО «Россети»: (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.rosseti.ru/investors/info/year/>

6. Мишура А.В. Долгосрочная эластичность спроса на электроэнергию со стороны производственных потребителей в России // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dolgosrochnaya-elasticnost-sprosa-na-elektroenergiyu-so-storony-proizvodstvennyh-potrebiteley-v-rossii>

7. Ряпин И. Перекрестное субсидирование в электроэнергетике: итог пятнадцатилетней борьбы (Электронный ресурс): доклад «Сколково» – Режим доступа: https://holding-energy.ru/docs/subsidirovanie/perekresnoe_subsidirovanie.pdf

Минина М.В.,

*кандидат технических наук,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления СЗИУ РАНХиГС*

**Информационные модели управления
государством в ретроспективе
технологических укладов
циркумполярных стран**

Аннотация. В статье раскрываются вопросы смены технологических укладов, наступлению цифровой революции и ее последствий для экономик трех государств – США, Китая и России. Также исследуется парадигма цифровизации применительно к циркумполярным регионам, политическим и социально-экономическим условиям. Рассматривается информационная модель управления государством в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: Цифровая революция, технологический уклад, Арктика, информационные технологии, модель управления, цифровая экономика

Minina M.V.,

T.Sc.D. associate professor of SZIU RANEPА

**Information Models of State Management
in the Retrospective of the Technological Ways
of Circumpolar Countries**

Abstract. The article is devoted to issues of change of technological ways, the onset of the digital revolution and its consequences for the economies of three states-the USA, China and Russia. The paradigm of digitization in relation to circumpolar regions, political and socio-

economic conditions is also investigated. The information model of state management in the digital economy is considered.

Keywords: Digital revolution, technology, Arctic, information technology, management model, digital economy

Мы находимся в шестом технологическом укладе по одной теории и на пороге четвертой технологической революции по другой, и уже становимся свидетелями ошеломляющих успехов в науке и технологиях. Появление 3-D принтеров, био- и нанотехнологий, искусственного интеллекта, роботизированной техники, развитие нейролингвистики, квантовой физики и фотоники меняет не только физически мир вокруг нас, но и вносит коррективы в наше сознание и мироощущение. Относится ли все сказанное к циркумполярным странам? Да, но в разной степени, поскольку уровень технологического прогресса в этих странах разнится. Циркумполярные страны, а их восемь, можно разделить на 3 группы: локомотивы (США, Канада, Норвегия), середнячки (Финляндия, Швеция, Дания), отстающие (Исландия и Россия). Деление весьма условно, но и оно может измениться не в пользу России, поскольку экономический рост Исландии устойчиво превышает наш. Но для выборки и сравнения информационных моделей управления государством в эпоху цифровой революции, интереснее сравнить между собой Соединённые штаты Америки, Россию и страну неарктическую, но претендующую ею стать – Китай.

Все, чем сегодня располагает человечество, получено в дар от окружающей среды. В ходе эволюции оно прошло через несколько этапов своего развития, переход к которым требовал изучения и осмысления накопленного опыта и понимания законов природы.

На начальном этапе своего развития человек должен был решить проблему выживания в окружающей, порой недружелюбной, среде. Собственных физических возможностей, очевидно, для этого было явно недостаточно. И здесь на помощь пришли интеллектуальные способности, которые позволили разработать и освоить простейшие технологии получения энергии, продовольствия, изготовления оружия, одежды, жилища и т. д.

На следующем этапе человек приступил к освоению территорий. Этот процесс шел неразрывно с созданием транспортных и информационных технологий, обеспечивающих как перемещение челове-

ка в пространстве, так и обмен информацией, потребности в которой постоянно увеличивались. Конечным этапом этого периода можно определить формирование государств в определенных территориях. Однако процессы освоения территорий, их юридического оформления, закрепления сопровождались активными военными действиями, что также требовало постоянного совершенствования вооружений, а, следовательно, и создания новых технологий.

Кроме технологической составляющей познание законов природы и общества формировало на каждом этапе определенную культуру. И уже исходя из этих базовых институтов формировался определенный экономический уклад, обеспечивающий развитие человечества. Таким образом, на каждом этапе своего развития существовал по крайней мере один приоритет, который и определял вектор деятельности человека. В зависимости от этапа развития это были: выживание, освоение территорий, технологическое развитие, экономическое развитие¹. И только в конце 20 века стали обсуждаться вопросы устойчивого развития и качества жизни человечества. Для циркумполярных стран во многом это вопрос не теоретических изысканий, а выживания.

Итак, шестой технологический уклад предъявляет новые требования к управлению государством и обеспечению его безопасности. Современная модель государственного управления большинства стран мира формировалась во второй половине 20 века, в послевоенном индустриальном обществе, которое основывалось на единстве потребностей людей в базовом медицинском обслуживании, образовании, жилье, социальном обеспечении и коммунальных услугах. В капиталистическом и социалистическом обществах существовали различия и лежали в плоскости вертикали государственного управления. Пример Советского Союза – иерархическая вертикаль системы управления – министерства, осуществляющие руководство конкретной сферой деятельности, ведомства, производства, социальная сфера, подчиненная государственному плану.

Государственный аппарат, построенный по строго иерархическому принципу, не может быть в полной мере эффективным в условиях рыночной экономики, когда множество горизонтальных связей

¹ Иванов В.В. На пороге глобальной гуманитарно-технологической революции. Москва 2017

внутри экономики децентрализует управление. Этот принцип характерен для западных стран, в первую очередь США. В условиях перехода и России и Китая на рыночные отношения, с некоторыми поправками на национальную специфику, дает возможность посмотреть в сравнении информационные модели управления этими странами. Более того, учитывая переход к цифровой экономике и информатизации общества, возникает необходимость переосмысления роли и структуры системы государственного управления, как это было при смене технологических укладов на протяжении развития человечества.

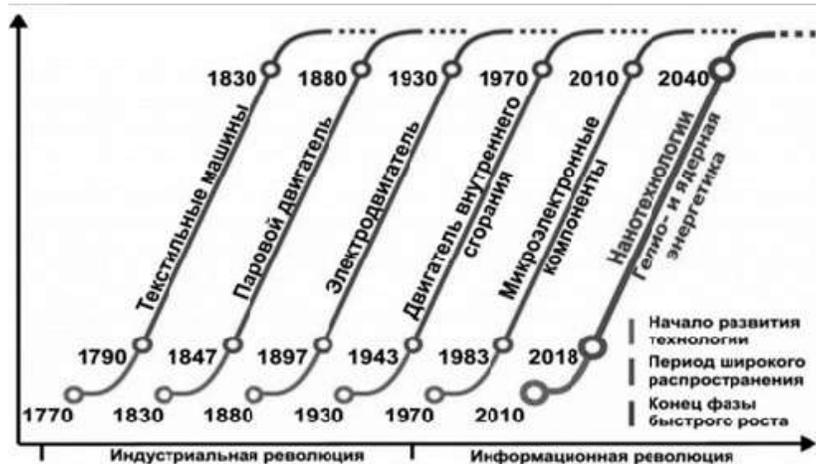

Рис. 1. Схема технологических укладов в ходе современного экономического развития с указанием их ключевых технологий преобразования энергии в работу¹

Термин «цифровая экономика» (digital economy), предложенный в 1995 году американским ученым Негропonte, дает определение деятельности, связанной с цифровыми компьютерными технологиями. США, как ведущая экономика мира, в эпоху цифровой революции, центр стратегирования переносит в область виртуальной экономики. Китай, как крупнейший представитель азиатско-тихооке-

¹ Ссылка на статью: Глазьев С.Ю. Информационно-цифровая революция // Управленческое консультирование. СЗИУ РАНХиГС 2018. № 6 (114).

анского региона, придает большое значение цифровой экономике. В России тоже декларируется цифровая экономика и информационное общество. Всемирный банк развития в докладе по итогам 2016 года в разделе «Цифровые дивиденды» приводит следующие позитивные возможности цифровой экономики: рост производительности труда, снижение затрат производства, повышение конкурентоспособности компаний, и как следствие – отраслей производства, создание новых рабочих мест и преодоление социального неравенства, а также уменьшение количества бедных в мире. При этом существуют и риски цифровизации. Вот лишь некоторые из названных в докладе: риск «киберугроз», связанный с проблемой защиты персональных данных, «цифровое рабство», а именно использование данных о миллионах людей для управления ими, рост безработицы на рынке труда вследствие вытеснения традиционных профессий и даже полное исчезновение многих из них в связи с возрастанием роботизации процессов¹. Немаловажен и так называемый «цифровой разрыв», когда определенные слои населения не смогут получать равный доступ к образованию, цифровым услугам и продуктам, а в итоге будет возникать колоссальный разрыв в благосостоянии, причем этот сценарий возможен как внутри одного государства, так и между разными странами. И тут встает геополитический вопрос выживания целых народов или этносов.

Информационная модель управления государством – это, в первую очередь, информатизация всех управленческих процессов в органах государственной власти всех уровней, ведомственных взаимоотношений, а также создание устойчивых связей в цифровом пространстве с населением, производственным сектором и гражданским обществом в целом.

Информационное общество формирует граждан нового типа. Упрощая взаимодействие с государственными органами и доступ к информации для населения, интернет-технологии способствуют большей открытости и прозрачности. Облегчается также доступ к разнообразным сведениям – законопроектам, материалам заседаний в

¹ <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf>

комитетах и документам по бюджету. Граждане могут эффективнее следить за действиями своих выборных представителей, создавать группы влияния и высказывать свои мнения в режиме реального времени. Население хочет не просто узнавать о том, что делает правительство и как оно работает, но и принимать более непосредственное участие в реальном процессе управления.

Новая модель государственного управления в информационном обществе подразумевает проведение согласованной работы над тем, чтобы информатизация охватывала всех граждан. Иными словами, все граждане должны быть равноправными членами информационного общества, иметь равные возможности доступа к средствам информатизации и телекоммуникации.¹

США – один из лидеров в сфере цифровой экономики, одно из направлений развития – приоритет торговли в Интернете. Департамент торговли США инвестирует ресурсы для упрощения ведения торговых транзакций бизнесом в интернете. В 2016 году в США был создан Консультационный совет по цифровой экономике (Digital Economy Board of Advisors). Повестка действий для цифровой экономики звучит следующим образом:

- свободный и открытый интернет во всем мире, отсутствие границ для товаров и услуг;
- доверие и безопасность, конфиденциальность в сети для процветания электронной торговли;
- равный доступ и профессиональные навыки для всех слоев населения;
- продвижение новых технологий и инноваций посредством утверждения интеллектуальных правил и интеллектуальной собственности.²

США – это мировой центр наукоемкого производства, где трудится более половины самых широко цитируемых ученых мира, более

¹ Косовец А.А. Информационные технологии и информационная безопасность в системе государственного управления // Прикладная информатика. №3 (33), 2011

² <https://www.ntia.doc.gov/press-release/2016/digital-economy-board-issues-recommendations-encourage-economic-growth-and> Национальное управление по телекоммуникации и информации США

четырёх миллионов программистов. Доля грантов на НИОКР, ориентированных на формирование основного капитала американских компаний, самая высокая в мире. Стимулом для создания инновационных продуктов и услуг, обновления технологий и модернизации отраслей в США выступает также конкурентная среда¹.

Наиболее прибыльные компании США больше не принадлежат к традиционным промышленным производителям (General Electric, General Motors, Chevron и др.), они являются частью инновационных технологических IT-компаний и секторов, которые владеют интеллектуальной собственностью и зарабатывают на исследованиях и разработках, на брендах, программном обеспечении и алгоритмах. Сегодня инновационные технологичные компании набирают капитал вдвое активнее, чем 10 лет назад, поскольку новые продукты и услуги создаются и проникают в нашу жизнь с небывалой прежде скоростью. Глобальные IT-компании (Google, Apple, Amazon, Facebook, IBM, Microsoft, Fujitsu, Intel) растут опережающими темпами. Начало 21 века сформировало новую структуру бизнеса: IT-компании представляют собой экономку знаний. В повестке дня американской цифровой экономики стоит задача разработки национальной стратегии развития индустриального интернета, призванная обеспечить равные условия работы бизнеса. В том числе малых и средних предприятий. Особенно это важно для арктического региона США- штата Аляска.

Основа экономики штата-сырьевые отрасли. Активно развиваются направления аутсорсинга – сфера обслуживания крупного бизнеса – базовых отраслей малыми и средними предприятиями, в которых занято около 90% экономически активного населения. Активно развивается сфера обслуживания в туристическом секторе. За год Аляску посещает более 700 тысяч туристов. Внедрение информационных технологий упрощает многие процессы, сокращает время проведения транзакций, делает доступными товары и услуги, что немаловажно для отдаленного штата страны.

¹ Солиев Р. Важнейшие тенденции информационно-коммуникационных технологий в развитии современной глобальной экономики // Экономика и управление: научно-практический журнал, № 1 (135), 2017

Но основной источник доходов Аляски – перераспределение доходов добывающих отраслей штата. Отчисления в федеральный и региональный бюджеты, а также на нужды коренного населения составляют 40–50%, что значительно выше, чем в России. При этом доля внутренних источников непрерывно растет по сравнению с федеральными дотациями. Бремя помощи перераспределяется с федеральной казны на частные фирмы, но суть взаимоотношений государства и бизнеса такова: «мы платим высокие налоги, вы сохраняете нам ряд привилегий, осуществляете специальные программы и трансферты, особенно в части создания и развития инфраструктуры, что очень важно в условиях севера»¹.

Что касается Китая, то сейчас это государство занимает лидирующие позиции в списке самых передовых стран, стабильных и экономически, и политически. Это фактически вторая экономика мира.

Огромная страна с самым большим населением в мире уверенно вошла в шестой технологический уклад и демонстрирует не только быстрый экономический рост экономики в целом, но и рост количества IT-компаний, конкурирующих с американским и европейскими гигантами.

Наличие быстрой, качественной и доступной интернет связи, позволяет использовать интернет пространство для оплаты покупок, заказа еды, общения с государственными службами и ведомствами, получения массы разнообразных услуг населением. Практически современный китаец имеет только смартфон и использует его как средство коммуникации в самом широком смысле – от звонков до оплаты всех товаров, услуг и электронной коммерции.

В ходе 23-го форума Китайской цифровой экономики были утверждены «десять глобальных тенденций развития цифровой экономики». Научно-исследовательская группа провела углубленный анализ основных стратегий цифровой экономики во всем мире, опросила типичные предприятия, которые имеют перспективы в этой области, систематизировали последние взгляды ведущих ученых в стране и за рубежом, а также опубликовали результаты авторитетных аналитических центров и известных стратегических консалтинговых компаний.

¹ *Минина М.В. Социально-экономические проблемы формирования арктического социума России // Материал семинара Арктика: вектор развития и диалога. СПб, 2015*

Таблица 1. Основные стратегии цифровой экономики Китая

- 1 Цифровые знания и информация становятся значимыми факторами для производства
- 2 Необходимое взаимодействие с реальной экономикой для выполнения стратегических задач
- 3 Особая платформа, где может быть совместное использование информации, что приведет к новым особенностям экономического развития, новым тенденциям
- 4 Глобальная инновационная система, ориентированная на открытую синергию
- 5 Инфраструктура ускоряет цифровую, сетевую, интеллектуальную модернизацию
- 6 Основная компетенция страны и региона распространяется на информационное пространство
- 7 Цифровые навыки и грамотность повышают способность потребителей модернизировать свои потребности
- 8 Уровень социального обеспечения эффективно улучшается с помощью цифровых средств
- 9 Цифровой город синхронизируется с реальным городом, чтобы начать планирование, строительство и управление
- 10 Степень оцифровки системы социального управления продолжает расти

В докладе о работе правительства в 2018 году премьер-министр Ли Кэцян выступил с докладом о цифровой экономике и предложил провести углубленную кампанию «интернет+», которая включает в себя регулирование и содействие широкому использованию больших данных, вычислений и интернет операций. Цифровые технологии вносят новые правила ведения бизнеса, а это в свою очередь, отражается на потребителях и предпринимателях страны. Китай поощряет свое население заниматься предпринимательством и инновациями, чтобы с одной стороны занять население, а с другой-оживить замедляющуюся экономику.

При этом существует проблема ориентации государственной машины Китая на тотальный контроль всех финансовых операций, совершаемых как частными лицами, так и корпорациями. В этом ряду такая инициатива властей как внедрение Системы социального кредита- социальных рейтинговых оценок, которые должен получать каждый китайский гражданин. Власти интересуют поведение подданных во всех сферах его жизнедеятельности. В зависимости от

получаемых оценок гражданин будет иметь поощрения или, наоборот, наказания. На каждого гражданина будет заведено электронное досье. И значительная часть информации будет поступать в эти досье из сектора цифровой экономики. Эксперты полагают, что в Китае в течение ближайшего десятилетия может быть создан единый государственно-корпоративный «электронный колпак», под которым окажется полтора миллиарда человек¹.

Россия обладает прочной базой и широкими перспективами развития цифровой экономики.

В последние годы России достигла больших успехов в области информационно-компьютерных технологий и опережает большинство стран мира по ряду показателей в области. По данным индекса готовности к сетевому обществу Всемирного экономического форума (ВЭФ) за 2016 год Россия заняла 2-е место в мире по уровню доступности услуг сотовой связи и 10-е место в мире по уровню доступности услуг широкополосного доступа в Интернет. По уровню доступности цен на услуги связи Россия также опередила целый ряд крупных развитых стран мира. С 2017 года правительство России реализует программу цифровой экономики, главная задача которой является создание и развитие цифровой среды, что облегчит решение проблем конкурентоспособности и национальной безопасности². Информационная модель управления в России на сегодняшний день выглядит вполне конкурентно и, действительно, в этой части информатизации государство многого достигло. Функционируют сервисы Электронное правительство, электронный документооборот, работают «единые окна» в специализированных монофункциональных центрах страны, создается программа «умный город», внедряются цифровые технологии в здравоохранении, образовании, культуре. Предполагается, что все регионы получат доступ к интернету, а города будут покрываться сетью 5G.

¹ <http://www.vsesovetnik.ru/archives/22055>. Всесоветник [Электронный ресурс]. Катасонов В.И. О цифровой экономике Китая

² Чжан Дуньян. Современное состояние цифровой экономики в Китае и перспективы сотрудничества между Китаем и Россией в данной области // Власть. 2017 (09), с. 40.

Но весь этот функционал и инновации хорошо работает на плотно заселенных и урбанизированных территориях. Российская Арктика в этой части очень отличается от Аляски, и в политическом и экономическом и социальном плане¹. Практически противоположные модели управления существуют в этих похожих климатически и географически регионах мира. Аборигенному населению российской Арктики можно только мечтать о модели государственно-общественного партнерства, существующего в американской Арктике. И последствия шестого технологического уклада там работают на население. Что же касается российской Арктики, региона крайне важного для государства, местом концентрации геополитических и экономических интересов, с одной стороны, и ее просторов, где в некоторых районах отсутствует телефонная и радиосвязь, не говоря о доступе к интернету, с другой стороны, размышления о технологическом прогрессе и четвертой цифровой революции приводят к мысли, что коренные народы Севера, как носители циркумполярной цивилизации, возможно, и не нуждаются в благах технического прогресса? Поскольку прогресс оборачивается для них экологической, культурологической, а в итоге этнической катастрофой? Исчезают пастбища для выпаса оленей, в реках и на шельфе морей исчезает рыба, государство препятствует свободному рыболовству и охоте, нефти и газодобывающие корпорации наступают на земли родовых общин, оправдывая эти процессы необходимостью увеличения добычи природных ресурсов. И спасет ли коренное население Арктики в этих условиях смартфон или планшет в руках оленевода?

Литература

1. Глазьев С.Ю. Информационно- цифровая революция // Управленческое консультирование. СЗИУ РАНХиГС 2018. № 6 (114), с. 70.
2. Иванов В.В. На пороге глобальной гуманитарно-технологической революции. Москва 2017.

¹ Щитинский В.А., Минина М.В. Проблемы управления социально-экономическим развитием Арктической зоны российской Федерации // Управленческое консультирование. СЗИУ РАНХиГС 2018. № 6 (114), с. 77.

3. Катасонов В.И. О цифровой экономике Китая. <http://www.vsesovetnik.ru/archives/22055>. Всесоветник [Электронный ресурс]. (дата обращения: 14.02.2019)

4. Косовец А.А. Информационные технологии и информационная безопасность в системе государственного управления // Прикладная информатика. №3 (33), 2011

5. Минина М.В. Социально-экономические проблемы формирования арктического социума России // Материал семинара Арктика: вектор развития и диалога. СПб, 2015

6. Ревенко Н.С. Цифровая экономика США в эпоху информационной глобализации: актуальные тенденции // Canada Journal (USA) / 2017. – №8. – С. 78–100

7. Скорина А.Р. Динамика цифрового прогресса. Тенденции развития цифровой экономики в Китае // Научный форум: Экономика и менеджмент: сб. ст. по материалам XXII междуна. Науч.-практ. конф. – №10(22). – М., Изд. «МНЦО», 2018. – С. 15–20.

8. Солиев Р. Важнейшие тенденции информационно-коммуникационных технологий в развитии современной глобальной экономики // Экономика и управление: научно-практический журнал, № 1 (135), 2017

9. Чжан Дуньян. Современное состояние цифровой экономики в Китае и перспективы сотрудничества между Китаем и Россией в данной области // Власть. 2017 (09), с. 40.

10. Щитинский В.А., Минина М.В. Проблемы управления социально-экономическим развитием Арктической зоны российской Федерации // Управленческое консультирование. СЗИУ РАНХиГС 2018. № 6 (114), с.77

11. Tyson L., Manyika J. Putting Profits in Perspective [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/profits-competition-digital-economy-by-laura-tyson-and-jamesmanyika-2016-05?barrier=true>

12. <https://www.ntia.doc.gov/press-release/2016/digital-economy-board-issues-recommendations-encourage-economic-growth-and> Национальное управление по телекоммуникации и информации США

13. <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf>

Половян А.В.,

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела финансово-экономических исследований Института экономических исследований

Синицына К.И.,

младший научный сотрудник отдела финансово-экономических исследований Института экономических исследований

**Цифровое планирование развития экономики
Донецкой Народной Республики**

Аннотация. В статье предложена цифровая экосистема GEeS на основе технологии блокчейн и умных контрактов, что предполагает представление электронного правительства как целостной цифровой экосистемы, объединяющей деятельность различных сфер государства и позволяющей реализовать стратегическое планирование экономики. Определено место цифрового планирования развития экономики в электронном правительстве ДНР на основе информационно-аналитической системы, что позволит осуществлять автоматический расчет показателей, прогнозирование спроса на рынке в средне- и долгосрочной перспективе на ресурсы, моделирование состояния экономики, имитацию деятельности предприятий, виртуальное представление и др. в режиме реального времени.

Ключевые слова: планирование, цифровое планирование экономики, цифровая экосистема, электронное правительство, цифровая экономика, блокчейн

Polovyan A.V.,

Doctor of Economic Sc., Assoc. Prof., leading research associate of the Department of Financial and Economic Research at the SI "Economic Research Institute"

Sinitsyna K.I.,

junior research associate of the Department of Financial and Economic Research at the SI "Economic Research Institute"

**Digital Planning of Economic Development
of the Donetsk People's Republic**

Abstract. In the article, the GEeS digital ecosystem based on blockchain and smart contract technologies has been proposed, which allow the electronic government to act as an integral digital ecosystem that unites the activities of all spheres of the state: institutions of power, economy, finance and social sphere, with a view to realizing the strategic planning of the economy, instead of acting as an online service for providing services to citizens or as a mechanism for automating the government activities. The place of the digital planning of economic development in the electronic government of the DPR based on the data analytics platform is determined, which allow to automatically calculate indicators, to forecast the medium and long-term demand for resources, to simulate the state of the economy, operation of the economic entities, to virtually represent etc. in real-time mode.

Keywords: planning, digital economic planning, digital ecosystem, digital government, digital economy, blockchain, model

Необходимым условием для обеспечения реализации эффективной экономической политики государства, постоянства темпов экономического роста и изменений его качества является эффективная реализация такой важной функции как планирование. Практика планирования экономики в развитых странах свидетельствует о положительных тенденциях в ее использовании для решения социально-экономических проблем государства.

Вопросы, связанные с методами и подходами к планированию экономики, рассмотрены рядом ученых. Р. Акофф прорабатывал проблематику планирования и управления экономической системой в аспекте проектирования, оценки, отбора и реализации изменений, которые происходят во внешней среде и оказывают влияние (2). Взгляды Дж. Гэлбрейта на планирование экономики сводились к представлению планирования как инструментария для нивелирования провалов рынка (6). А.Г. Гранберг (5, с. 245) и В.В. Леонтьев (7) уделяли внимание в

своих трудах аспекту построения экономико-математических моделей, позволяющих осуществлять планирование на разных уровнях (микро-, мезо-, макро-). Однако многие теоретические положения ученых не нашли своего отображения на практике в силу трудоемкости и чрезмерно великих временных затрат на проведение расчетов.

Переход к цифровой экономике и появление мощных вычислительных машин, новых средств связи, высокоскоростного интернета создают условия для совершенствования существующих форм и подходов к планированию, которые ранее утратили свою актуальность в силу опережающих развитие научно-технического прогресса гипотез и положений ученых прошлого столетия. Современные мировые тенденции и достижения в области информационно-коммуникационных технологий обуславливают становление нового типа экономики – цифрового, в котором традиционные подходы к планированию значительно трансформируются и приобретают цифровой вид. Эти тенденции активно учитываются при проведении государственной политики в сфере применения передовых достижений информационно-коммуникационных технологий и обуславливают активную работу по вопросам цифровизации экономики. В частности, политику, направленную на переход к цифровой экономике и стимулирование производительности, реализуют Германия, США, Великобритания, Франция, КНР, Российская Федерация (9), Южная Корея и другие страны.

Стоит отметить, что многие отечественные и зарубежные авторы исследуют цифровую экономику как явление и применяют различные подходы к интерпретации ее сущности. Участники Сретенского клуба им. С.П. Курдюмова считают, что цифровая экономика – это экономика, существующая в условиях слияния реального и виртуального миров. Данное слияние позволяет совершенствовать все «жизненно необходимые» действия в реальном мире через виртуальный (3, с. 4). Е.Н. Ведута в своем исследовании рассматривает цифровую экономику как экономическую киберсистему (4). Такой подход позволит запустить локомотив нового полицентричного мира, который изменит вектор глобализации в направлении роста качества жизни. Отличительный подход от представленных ранее двух у G. Laudeman, который считает главной целью цифровой экономики – оцифровку процессов и продукции, а также степень развития и внедрения цифровых технологий. Он отмечает, что цифровое раз-

вите можно достичь благодаря трем шагам – автоматизации, совершенствованию и инновациям (1).

Таким образом, становится актуальным пересмотр подходов к планированию в части его цифровизации, поэтому целью работы является разработка практических рекомендаций по совершенствованию государственного планирования развития экономики Донецкой Народной Республики (ДНР) на основе применения передовых цифровых технологий.

Проведенные исследования показывают, что цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, в которой одними из ключевых факторов производства выступают данные в цифровом виде, большие массивы информации и результаты их анализа, что по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяет существенно повысить эффективность принимаемых управленческих решений, различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

Исходя из подходов к определению цифровой экономики можно отметить, что цифровое планирование экономики представляет собой элемент государственного регулирования – планирование, которое реализуется с помощью высокотехнологичной электронной платформы, обеспечивающей процесс оптимального распределения ресурсов для достижения поставленных целей, а также деятельность, связанную с постановкой целей (задач) и действий в будущем, на основе обработки больших массивов данных и математического моделирования, осуществляемого суперкомпьютерами в режиме реального времени. Следовательно, цифровое планирование выступает как некий мультипликатор, который, наложенный на реальную экономику, приводит к повышению эффективности использования уже существующих факторов производства и придает дополнительный импульс экономическому росту.

Стоит выделить три ключевых фактора, которые обуславливают возможность осуществления цифрового планирования экономики: big data обеспечивает применение информационных средств сбора, обработки, анализа и хранения огромных массивов информации; компьютерные мощности позволяют использовать распределительные системы вычисления, сверхскоростные работы алгоритмов, грид-системы и т.д.; математическое моделирование позволяет обеспе-

чить точность проводимых расчетов, возможность более качественного прогнозирования развития экономики, имитацию состояния экономики под влиянием различных факторов или при выборе сценария развития экономики и т.д.

Цифровое планирование позволяет наблюдать состояние каждого элемента экономики в режиме реального времени. Важным элементом данного подхода выступает искусственный интеллект, который значительно ускоряет построение производственных функций для отдельных процессов и повышает точность оценки ее основных параметров.

Становление и развитие цифровой экономики требует совершенствования инструментов ее регулирования, так как меняется форма взаимодействия с информацией и ускорение степени ее обработки, что позволяет значительно повысить скорость принятия управленческих решений. Одним из таких инструментов управления цифровой экономикой является электронное правительство. Место цифрового планирования развития экономики в электронном правительстве ДНР представлено на рис. 1.

Направление взаимодействия в рамках «государство для государства» (8, с. 42–43), кроме прочего, включает в себя цифровое планирование экономики, которое может быть представлено следующими элементами: динамическим балансом, прогнозами, концепциями, стратегиями развития, планами и др.

Органы первого уровня совместно с органами второго уровня принятия решений определяют направления развития государства и отраслей, затем разрабатывают план по достижению поставленных целей и мероприятия по реализации данного плана. Результатом цифрового планирования развития экономики являются плановые показатели развития экономики и отдельных отраслей, основанные на прогнозах и сценариях возможного развития. Частные и государственные предприятия, предоставляя информацию о своей деятельности через электронное правительство, пополняют информационно-аналитическую систему данными, которые в последствии и служат основой для расчетов, моделирования и прогнозирования развития экономики. В подсистеме цифрового планирования экономики ЕИАСР осуществляет автоматический расчет показателей, прогнозирование спроса на материальные, финансовые, трудовые и природные ресурсы, моделирование состояния экономики и др.

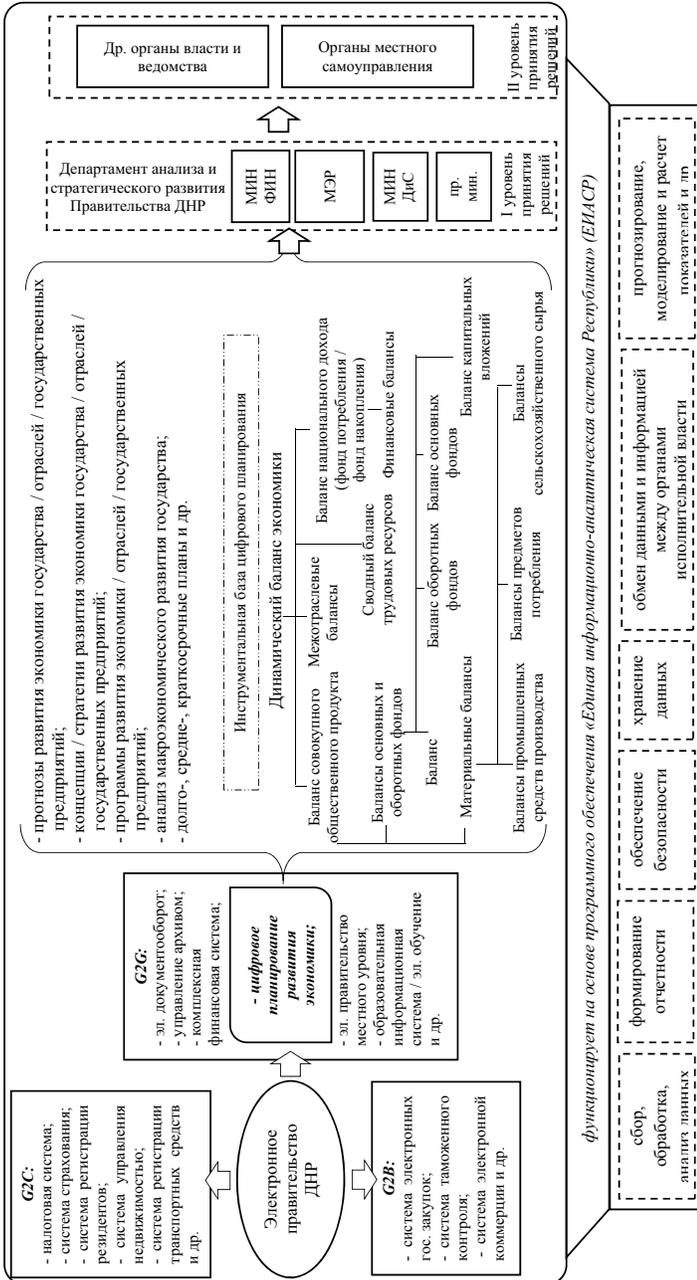

Рис. 1. Место цифрового планирования развития экономики в системе электронного правительства ДНР

Для расширения возможностей функционирования электронного правительства, предлагается использовать цифровую экосистему GEeS (Government Electronic eco-Service). Благодаря чему электронное правительство будет выступать не как онлайн сервис оказания услуг гражданам или механизм автоматизации деятельности правительства, а как целостная цифровая экосистема, объединяющая деятельность всех сфер государства: институтов власти, экономики, финансов и социальной сферы с целью повышения государственного управления и реализации стратегического планирования экономики.

GEeS состоит из глобальных реестров и программных средств для построения приложений и платформ с целью осуществления стратегического планирования, реализации показателей планов, выполнения задач, финансирования программ и пр. на базе смарт-контрактов. Основу GEeS составляют реестры объектов (И), участвующих в правовых, финансовых и экономических отношениях при реализации стратегического планирования экономики (рис. 2).

Для предотвращения несанкционированного доступа или внесения ложных условий выполнения смарт-контракта по стратегическому планированию используется механизм подписания контракта. Смарт-контракты с подписью не могут быть выполнены без обязательного подтверждения пользователем. В описание контракта обязательно входит указание на права его изменения. В случае наступления форс-мажорных обстоятельств в стране, которые не позволяют выполнить условия контракта на определенном этапе стратегического планирования развития экономики, правом изменения условия обладает Глава государства с последующей публичной оглаской данного действия. Вся история изменений и запуска контрактов сохраняется в блокчейне.

Следовательно, GEeS, соединив в одной блокчейн-платформе финансовую систему, ЕИАСР, структуру реестров, механизмы смарт-контрактов и смарт-законов, предоставляет полноценный инструмент для управления стратегическим планированием развития экономики государства.

Преимущества использования GEeS заключаются в следующем: использование технологии блокчейн, исключающей внесение изменений в совершенные транзакции; хранение копий блокчейна; поддержка многоуровневой системы управления правами доступа к ресурсам

с помощью смарт-законов, содержащей механизм исключительных прав; защита от несанкционированного запуска контрактов с помощью специальной подписи; сохранение интерфейсов в блокчейне.

Оценка эффективности цифрового планирования развития экономики свидетельствует о целесообразности применения такого инструмента (10, с. 175).

Рис. 2. Пример смарт-контракта для реализации стратегического планирования развития экономики

Выводы. Проведенное исследование показало, что цифровое планирование экономики является не самоцелью, а цифровым типом планирования, с помощью которого можно на качественно новом уровне управлять реальными экономическими процессами, оптимизировать процесс принятия решений в экономике на основе искусственного интеллекта. Создание цифрового планирования позволит стимулировать экономический рост и отраслевую модерни-

зацию экономики, повысить конкурентоспособность страны и не допустить проявления коррупционных схем в управлении, перейти к новому технологическому укладу, что обеспечит повышение уровня благосостояния граждан ДНР.

Литература

1. *Laudeman G. Digital Economy Planning* / G. Laudeman [Электронный ресурс]: The Northwest Georgia Regional Commission. – Режим доступа: http://www.nwgrc.org/wp-content/uploads/Laudeman_Digital_Economy_Planning_wp.pdf.

2. *Акофф Р. Планирование будущего корпорации* / Р. Акофф [Электронный ресурс]: Аналитический портал «Гуманитарные технологии». – Режим доступа: http://gtmarket.ru/files/book/Russell_Ackoff_Creating_the_Corporate_Future.pdf.

3. Введение в «Цифровую» экономику» / под общ. ред. А.В. Кешелава. – М.: ВНИИГеосистем, 2017. – 28 с.

4. *Ведута Е.Н. Цифровая экономика как инструмент глобализации* / Е.Н. Ведута [Электронный ресурс]: Автономная некоммерческая организация содействия развитию международных связей в рамках группы БРИКС «Международный Альянс Стратегических Проектов БРИКС». – Режим доступа: <http://iabrics.org/page1449476.html>.

5. Гранберг А.Г. Система моделей в народнохозяйственном планировании социалистических стран: теоретико-методологические основы и опыт построения / А.Г. Гранберг. – Новосибирск: Наука, 1990. – 320 с.

6. *Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество* / Дж. К. Гэлбрейт [Электронный ресурс]: Аналитический портал «Гуманитарные технологии». – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5021>.

7. *Леонтьев В.В. Общеэкономические проблемы межотраслевого анализа* / В.В. Леонтьев [Электронный ресурс]: LiveLib – социальная сеть для читателей книг. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/author/156290/top-vasilij-leontev>.

8. *Наг Йеон Ли. Применение электронного правительства* / Йеон Ли Наг // Серия модулей Академии ИКТ для лидеров государствен-

ного управления. – Кыргызская Республика: Национальный центр информационных технологий. –121 с.

9. Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года [Электронный ресурс]: Клуб субъектов инновационного и технологического развития России Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. – Режим доступа: <http://innclub.info/wp-content/uploads/2017/05/strategy.pdf>.

10. *Сеницына К.И.* Цифровое планирование экономики Донецкой Народной Республики / К.И. Сеницына // Экономика Донбасса: проблемы настоящего и возможности будущего: сб. науч. ст. и тез. финалистов I Республиканского конкурса научных работ / Совет Министров ДНР. – М.: Научное обозрение, 2018. – С. 169–180.

11. *Харченко О.И.* Блокчейн и электронное правительство / О.И. Харченко [Электронный ресурс]: Журнал «Современные технологии управления». – Режим доступа: <https://sovman.ru/article/8501/>.

Рассади́на А.К.,

*кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник экономического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

**Государственная стратегия развития
цифровой экономики. Южнокорейский опыт**

Аннотация. Совершение Россией технологического прорыва на основе развития цифровизации предполагает наличие индустриальной базы, способной адекватно воспринимать цифровые технологии. В этом контексте опыт Республики Корея по государственному регулированию развития информационно-коммуникационных технологий, как основы цифровой экономики, и выработке оптимального баланса сотрудничества между государством и бизнесом в управлении этой сферой, является весьма полезным и представляет практический интерес.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, государственная стратегия, высокотехнологичные конвергентные отрасли

Rassadina A.K.,

*Ph.D., Senior Researcher in Lomonosov Moscow State
University, Faculty of Economics*

**State Strategy in the Development of Digital Economy.
South Korean Experience**

Abstract. Russia's technological breakthrough on the basis of digital technologies demands the adequate industrial basis, capable to implement them. In this context the South Korean experience in state regulation of ICT development – the cornerstone of digital economy – and

achievement of optimal balance in cooperation between State and business in ICT administration, seems to be of practical interest and benefit.

Keywords: digital economy, information and communication technologies, state strategy, convergent high technological industries

В настоящее время Республика Корея является одним из лидеров в развитии информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Опыт Кореи иллюстрирует значение грамотной стратегии государства по продвижению развития современных информационно-коммуникационных технологий как основы цифровой экономики. Он также демонстрирует роль факторов, связанных с развитием ИКТ, в экономическом росте. В данной статье мы постараемся проанализировать роль государства в развитии этого сегмента цифровизации, являющегося основой национальной экономики Южной Кореи.

Сектор ИКТ Кореи, включает несколько сегментов – правительство, научное сообщество, небольшие начинающие компании, стартапы, крупные корпорации т.п. Его удельный вес в ВВП страны составляет 10,4%, что превосходит аналогичный показатель США, Японии, Германии и других развитых стран. (2, с. 85).

Информационно-коммуникационные технологии являются главным фактором увеличения доли добавленной стоимости в товарах и услугах Кореи, объем которой составляет 10,4% и является самой высокой среди стран-членов ОЭСР (6).

Сектор ИКТ является главным драйвером инновационной активности. Корея является лидером по доле сектора ИКТ в общих расходах на развитие и исследования среди стран ОЭСР: 49 % – в сегменте производства товаров ИКТ (3) и 8% – в производстве услуг в данной сфере (4). Среди всех стран ОЭСР она обладает наибольшим числом патентов в сфере ИКТ – 32% от общего количества патентов в этом сегменте среди стран ОЭСР (3).

Основными факторами, способствующими развитию сферы ИКТ в Республике Корея, являются:

- успешное лидерство правительства в управлении отраслью цифровых технологий;
- активное инвестирование в соответствующую инфраструктуру;
- прямая поддержка сферы цифровых технологий со стороны государства и бизнеса;

- формирование структуры отрасли на конкурентной основе;
- согласованные методы управления сферой ИКТ между государством и бизнесом.

Южная Корея обладает необходимыми условиями для того, чтобы занимать лидирующие позиции в развитии цифровых технологий: высокий уровень образования населения, открытую экономику, либерализованный сектор ИКТ, а также весьма успешную историю применения превентивной государственной промышленной политики.

Последнее обстоятельство имеет колоссальное значение. Сегодняшние достижения в технологической сфере Кореи были бы невозможны без существования мощной индустриальной базы экономики, основы которой были заложены в 60–90-е гг. прошлого века. Именно грамотная государственная промышленная политика этого периода с планированием в качестве ее основного инструмента, акцентированная на развитии новых высоко технологичных отраслей и производств, позволила стране занять достойное место ряду наиболее технологически развитых государств мира. И именно эта политика позволила совершить радикальный скачок от страны с одним из наиболее низких уровней доходов на душу населения в 50-х годах прошлого века к позиции одного из мировых лидеров в развитии цифровых технологий во втором десятилетии XXI века. С 1980-х гг., с принятием государственного Плана развития электрической отрасли, роль цифрового сегмента в экономике страны стала аналогичной роли легкой промышленности в 60-х годах и тяжелой промышленности – в 70-х. Экономическая политика государства по развитию ИКТ была целенаправленной и состояла в стимулировании экспорта продуктов ИКТ путем субсидирования соответствующих отраслей и проектов, прямого масштабного государственного финансирования программ R&D и фундаментальных исследований для этой сферы. В результате только за период с 2007 по 2011 годов производство в сфере ИКТ Кореи увеличивалось на 8,8% в год. Аналогичный показатель на мировом рынке за тот же период составлял 3,6% (5). Принципиально важно то, развитие отрасли ИКТ в Корею продвигалось государством с точки зрения промышленно – технологического развития национальной экономики и, прежде всего, развития индустриального производства на высоком технологическом уровне.

Процентное соотношению доли экспорта продуктов и услуг ИКТ Кореи к мировому экспорту в настоящее время составляет 7,6 %%. По этому показателю она находится на 4-м месте в мире после Китая (32,3%%), США (9,7%%) и Сингапура (7,6%). При этом Сингапур превосходит Южную Корею только по экспорту услуг ИКТ (1,3%% и 0,7%% соответственно). Для сравнения, в России процентное соотношение доли экспорта продуктов ИКТ к общемировому составляет 0,1%% (7).

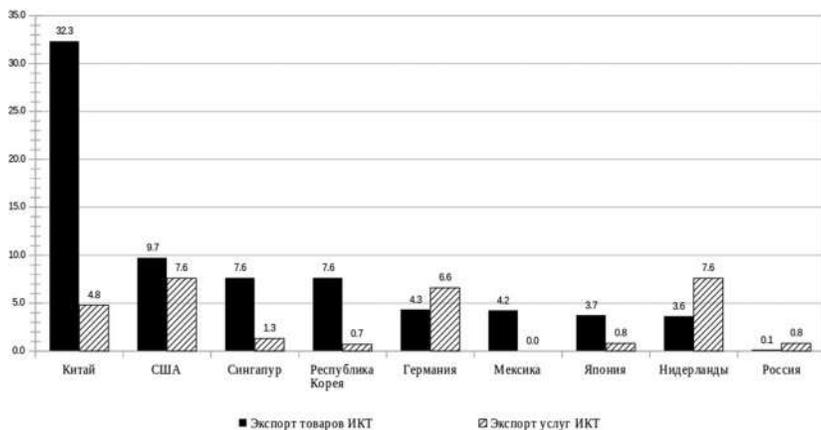

Рисунок 1. Экспорт товаров и услуг ИКТ по странам в 2016г. (% от общемирового экспорта товаров/услуг)

Источник: Цифровая экономика: краткий статистический сборник., 2018, с.91.

Первые позиции в структуре экспорта занимают: полупроводники, дисплеи с плоским экраном, беспроводные коммуникационные устройства, компьютеры. Все эти продукты занимают большой объем мирового рынка: полупроводниковая продукция Кореи обеспечивала в 2011 году 51,3%% мирового рынка, а производство плоских дисплеев – 53,3%% (5).

Ориентация на экспорт высокотехнологичных продуктов с высокой долей добавленной стоимости лежала в основе промышленной политики корейского государства и в период осуществления модернизационных реформ 60–90-х годов прошлого века. С помощью при-

менения различных методов планирования, дифференцированных, в том числе интервенционистских и протекционистских, мер государство стимулировало производство высокотехнологичных продуктов с высокой долей добавленной стоимости, изначально носящих высокий экспортный потенциал. Беря на себя риски по развитию новых высокотехнологичных отраслей, правительство способствовало росту технологической составляющей корейской экономики, которая обеспечила стране международную конкурентоспособность. Сегодняшняя политика, направленная на стимулирование экспорта современных продуктов и услуг на основе цифровых технологий, является продолжением политики государства второй половины прошлого века по стимулированию экспорта высокотехнологичной продукции.

Корея является одним из мировых лидеров в производстве цифровых промышленных роботов, составляющих одну из весомых статей экспорта страны. Среди десяти наиболее развитых стран ОЭСР, занимающихся производством современных промышленных операционных роботов, Корея занимает третье место после Японии и США, превосходя Германию (7). Что же касается промышленного применения роботов внутри страны, то в 2015 году Республика Корея имела наибольшую интенсивность использования роботов в обрабатывающих отраслях промышленности в мире – 531 многоцелевых промышленных роботов всех типов на 10 тысяч занятых (7).

Радикальный поворот государственной политики в направлении развития информационно-коммуникационных технологий произошел в 1994 году с созданием Министерства информации и коммуникаций. Именно это министерство проводило политику государства на уровне различных правительственных и неправительственных учреждений и институтов, результатом которой явилось создание детально разработанного Плана по развитию инфраструктуры сферы ИКТ. В 1999 году был принят «Акт поддержки развития инфраструктуры национальных информационных технологий» в качестве основного закона, включающего 3 этапа Генерального плана стимулирования развития отрасли ИКТ. В 2000 году корейское правительство разработало диверсифицированную программу по развитию этой сферы, включающую, в частности, 31 дорожную карту – по созданию электронного правительства, по разработке «10 дви-

жущих сил для следующих поколений» и «839 стратегий» (для сферы услуг, инфраструктуры и отраслей промышленности), стимулирующих развитие ИКТ. Данная программа предусматривала интенсивное инвестирование в этот сегмент. В 2008 году корейское правительство провело децентрализацию органа, контролирующего развитие отрасли ИКТ, создав 4 соответствующие структуры. В результате были созданы 4 правительственные агентства – Национальное министерство государственного управления и безопасности в сфере информатизации, Министерство экономики знаний для реализации промышленной политики (КМКЕ), Министерство по цифровому контенту в сфере культуры, спорта и туризма, Корейский комитет по коммуникациям, призванный обеспечивать сотрудничество коммуникационных технологий и СМИ в реализации национальной политики в сфере ИКТ.

Основными направлениями государственной политики Республики Корея по развитию ИКТ к началу второго десятилетия XXI века являются следующие:

- Сохраняется лидирующая роль правительства в развитии цифровых технологий. В 90-х гг. прошлого столетия правительство контролировало и координировало развитие ИКТ через Министерство информации и коммуникаций. Основываясь на созданной в 90-х годах системе, в последующие периоды администрация фокусировалась на долгосрочной стратегии по развитию ИКТ. В частности, начальным этапом одного из 11 приоритетов в развитии информационно-коммуникационных технологий в конце 90-х – начале 2000-х гг. было осуществление проекта по созданию электронного правительства. В этот же период продолжалось строительство инфраструктуры ИКТ на основе 31 дорожной карты и ее распространение на промышленный сегмент. Правительство играло главную роль в организации процесса R&D в контексте развития ИКТ, который в значительной мере основывался на государственном финансировании и работе научно-исследовательских институтов, также финансировавшихся государством.

- Построение информационного общества остается приоритетом государственной экономической политики Кореи. Крупномасштабные вложения в цифровой сегмент дали стране возможность догнать развитые государства, первые начавшие развивать цифровую эко-

номику. С этим связана всесторонняя поддержка правительством сферы ИКТ. Так, в первом десятилетии XXI века полный объем инвестиций в национальную сферу информатизации составил 28,8 млрд долл. – по 2,9 млрд ежегодно. После 1995 года, когда был осуществлен переход к внутрисетевой работе государственных агентств, инфраструктура ИКТ распространилась на сферы образования и бизнеса. Был создан технополис, аналогичный американской Кремниевой долине – Dae-duk Technopark – основной задачей которого является стимулирование сотрудничества в инновационной сфере различных акторов, включая национальные научные лаборатории, университеты, предприятия бизнеса. Это привело к достижению страной мирового лидерства в распространении высокоскоростного интернета, результатом чего впоследствии стало, в частности, развитие интернет-коммерции, коммуникаций, сферы развлечений и т.д.

- Сохраняется приоритетная роль государства в создании промышленной структуры, ориентированной на экспорт. Этот подход применяется и к развитию цифровых технологий. В этих обстоятельствах государство обеспечило рост отрасли ИКТ в 14% в 2010 году, что составило 9% ВВП страны. Экспортная прибыль в сфере ИКТ рассматривается как основной национальный фактор роста экономики.

- В настоящее время государственная политика Кореи в сфере ИКТ связана с переносом акцента на стимулирование развития конкуренции в данной отрасли. В частности, приватизация государственных предприятий, таких как Корейская телеком (КТ) стимулировала рыночную конкуренцию в этой сфере. Отмена государственного контроля вхождения в телекоммуникационный бизнес дала положительные результаты в плане противодействия созданию монополии и олигополии на рынке телекоммуникаций. Стратегия государства по развитию ИКТ перешла от прямого контроля со стороны правительства и его структур к разнообразным видам поддержки.

- Важное значение для развития отрасли имеют государственные меры, направленные на тесную кооперацию ИКТ с другими отраслями экономики (конвергентность). Начиная с 2005 года, политика правительства была направлена на создание широких возможностей для кооперации ИКТ с разработкой новых технологий в смежных отраслях промышленности. Для решения этих вопросов был разра-

ботан ряд стратегий: в 2005 году – «Стратегия по развитию конвергентных технологий», в 2008 году – «Стратегия новых ИКТ», в 2009 году – «Стратегия ИКТ Кореи», в 2010 году – «Стратегия распространения ИКТ и конвергенции с другими технологиями и отраслями». Новые стратегии продвигали конвергенцию ИКТ и крупнейших отраслей промышленности – автомобильной, кораблестроительной, строительной и текстильной.

В настоящее время государственная политика по развитию сферы ИКТ Кореи фокусируется на разработке стратегических перспектив развития данной отрасли в направлении стимулирования разработок новых платформ для программного обеспечения и базовых технологий, а также сохранения высококвалифицированных специалистов, работающих в данном сегменте – по этим направлениям развития конкурентоспособность страны является недостаточной. В Южной Корее считают, что в будущем на первом плане будут стоять создание потенциала высокотехнологичных конвергентных отраслей, поддержка крупных и мелких компаний, производящих программное обеспечение, продолжающееся фокусирование на развитии национального сегмента ИКТ в качестве основного драйвера экономического развития.

Внедрение цифровых технологий практически во все сферы жизни сопряжено с возникновением огромного количества рисков, с этим связанных. Выполняя функцию своего рода навигатора в развитии цифровой трансформации, правительство Кореи принимает активное участие в выработке мер, в значительной степени минимизирующих возникновение различного рода злоупотреблений, связанных с развитием цифровизации. К числу таких мер, относится, в частности, обеспечение налоговых льгот компаниям, которые инвестируют в продукты, связанные с цифровой безопасностью. По данным за 2016 год, 90%% предприятий корейского бизнеса используют продукты информационной безопасности и 41%% применяют услуги информационной безопасности. Причем динамика говорит о все большем их применении: в предыдущем году эти цифры составляли соответственно 4 и 16%%. Как результат, доля предприятий, испытывавших проблемы с цифровой безопасностью в Корее, является наименьшей среди стран ОЭСР – 4%% (6). В наибольшей степени в помощи государства нуждается малый и средний бизнес.

Выводы

Характерной особенностью развития информационно-коммуникационных технологий в Южной Корее остается выраженная роль государства. При этом динамика изменения государственного участия в развитии сферы ИКТ в целом аналогична динамике роли государства в период проведения радикальных модернизационно-технологических реформ второй половины XX века. На первом этапе промышленно-технологических преобразований роль государства была преобладающей, однако по мере решения основных проблем технологической трансформации степень государственного регулирования сокращалась, а роль частного сектора и социально-институциональных элементов возрастали. Государственная политика в сфере ИКТ в настоящее время состоит в переносе акцента с прямого государственного вмешательства в развитие сферы ИКТ на предоставление разнообразных видов поддержки, большее развитие конкуренции и усиление влияния частного бизнеса в решении вопросов, связанных с цифровизацией. При этом важнейшим фактором, способствующим успешному развитию сферы цифровых технологий в Корее, является выработка правильного баланса сотрудничества по управлению данной сферой между правительством и частным бизнесом.

В последние годы Республика Корея, как и большинство развитых стран, ищет новые подходы к развитию цифровых технологий: переходит на принципиально новый уровень технологического развития, связанный с использованием искусственного интеллекта, новыми цифровыми способами обработки информации, 3D печатью, внедрению 5G связи и т.д. Применение принципиально новых технологий способствует созданию новых продуктов, апгрейду «традиционных» отраслей, повышению эффективности управленческих решений, появлению новых возможностей в различных сферах деятельности, в том числе здравоохранении, образовании, защите окружающей среды, секторе развлечений и т.д. Основной стратегической целью государства сегодня является создание потенциала высокотехнологичных конвергентных отраслей, а также поддержка крупных и мелких компаний, производящих программное обеспечение. Национальный сегмент ИКТ остается основным драйвером экономического развития Кореи.

Одной из причин технологического отставания нашей страны является слабая заинтересованность частного бизнеса в цифровой модернизации. Причем, если по развитию цифровизации сегмента государственных услуг, который финансируется преимущественно государством, наша страна находится на достаточно хорошем уровне, то по использованию новейших цифровых технологий в промышленности мы катастрофически отстаем от передовых стран. Это связано с длительной де-индустриализацией и так и не состоявшейся пока технологической модернизацией российской промышленности. Для решения задачи перехода на новый конкурентный уровень развития нашей стране необходимо совершить реальный прорыв в технологической трансформации. В этих условиях планомерное государственное регулирование развития сферы цифровых технологий с учетом создания промышленной базы, способной адекватно их воспринимать, является необходимым фактором совершения такого прорыва. Широкое внедрение цифровых технологий должно обеспечить «выход индустриального производства на качественно новый технологический уровень», который «будет определять лицо экономики будущего» (1, с. 7). В контексте решения данной задачи, опыт Южной Кореи по продвижению государством развития высокотехнологичных отраслей, основанных на передовых цифровых технологиях, является весьма полезным и представляет практический интерес.

Литература

1. Бодрунов С. К новому индустриальному обществу второго поколения: образование и развитие личности. / Бодрунов С. // Экономическое возрождение России. – 2017. – №4 (54) – С. 5–11.
2. Цифровая экономика: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова [и др.]. – Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 96 с.
3. Growth of the ICT manufacturing industries / OECD Publishing, Paris. 2017 // <http://dx.doi.org/10.1787/888933584830>
4. Growth of the ICT services industries / OECD Publishing, Paris. 2017 // <http://dx.doi.org/10.1787/888933584849>

5. OECD Bilateral Trade Database by Industry and End-use category (BTDIxE) // <http://oe.cd/btd>, (accessed in July 2017)
6. OECD Structural Analysis Statistics (database), ISIC Rev.4, <http://oe.cd/stan> (accessed July 2017).
7. World Robotics Report 2016 / IFR Press Releases, Frankfurt, 29 September 2016 <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/world-robotics-report-2016>

Скоков Р.Ю.,

доктор экономических наук,

доцент кафедры менеджмента Волгоградского ГАУ

**Рынки аддитивных товаров
в условиях цифровизации экономики:
состав, структура, регулирование¹**

Аннотация. В статье показано как эволюционируют рынки аддитивных товаров в условиях цифровизации. Раскрывается, как государственные информационные системы влияют на социально-экономические показатели состояния и функционирования рынка алкогольной продукции. Развитие информационных технологий обеспечило государство новыми инструментами регулирования, применение которых может позволить улучшить социально-экономические индикаторы состояния рынков аддитивных товаров. Однако, появились и новые аддитивные товары, вызывающие информационную аддикцию, требующие развития инструментария государственного и общественного регулирования их предложения и спроса.

Ключевые слова: цифровизация, государственные информационные системы, аддитивные товары, информационные аддитивные товары, информационные наркотики

Skokov R.Y.,

Doctor of economic sciences,

associate Professor of the department "Management",

faculty of Economics, Volgograd State Agricultural University

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-410-340006, p_a.

Markets of Addictive Goods under the Conditions of the Digitalization of the Economy: Composition, Structure, Regulation

Abstract. The article shows how the markets for addictive goods evolve under digitalization conditions. It reveals how state information systems affect the socio-economic indicators of the state as far as of the functioning of the alcohol market. The development of informational technologies has provided the state with new regulatory tools, the use of which may allow improving the socio-economic indicators of the state of markets of addictive goods. However, new addictive goods have appeared, causing informational addiction, requiring the development of state and public regulation tools for their supply and demand.

Keywords: digitalization, state information systems, addictive goods, addictive information goods, informational drugs

По исследованиям ВЦИОМ (5) 67% взрослого населения страны потребляют алкогольные напитки, 29% – табачные изделия. Функционирование рынков аддиктивных товаров сопровождается широким спектром эффектов для государства, общества, бизнеса, потребителей. В 2017 г. в российский бюджет поступило акцизов с табачных изделий 573 млрд руб. (10), с крепкой алкогольной продукции – 193 млрд руб. (2), с пива – 150,16 млрд руб. акцизов (2). С другой стороны, смертность от причин, связанных с употреблением алкоголя, – 49,1 тыс. чел. В 2017 г. по данным Росстата (13), наркотиков 90 тыс. чел. по оценкам ФСКН (14), курением 330–400 тыс. чел. по оценкам экспертов (7).

Число преступлений, совершенных лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения 378 тыс. в 2017г. Удельный вес преступлений в состоянии опьянения в общем их количестве увеличился с 10% в 2008–2012гг. до 19% в 2013–2017 гг. Уровень загрузки легальных производственных мощностей, например, по алкогольной продукции менее 30%, а доля теневого сектора 70%. Доля нелегальных сигарет в 2018 г. достигла 8,4% от общего объема российского табачного рынка против 4,5% за аналогичный период 2017 г. (16).

Исходя из критерия функциональной связи с аддикцией, введена в отечественную экономическую теорию разновидность рынков аддиктивных товаров, основными потребительскими критериями принад-

лежности к которым являются: способность вызывать и развивать патологическую зависимость психоактивным веществом и/или поведенческим паттерном; повышенный риск физиологических нарушений; исключаемость из потребления; изменение психоэмоционального фона принятия решений, формирование мотивации к уходу от реальности. Основными рынками аддитивных товаров являются: алкогольная и спиртосодержащая продукция, табачные изделия, электронные сигареты, энергетические напитки, наркотики, азартные игры.

Исходно понятие аддитивный (от лат. «addicere» – присуждать, приговорить) несет в своем содержании элементы вменности, обреченности и зависимости. Понятие аддикции применялось в римском праве и обозначало институцию обязательства, которая связывала функциональными отношениями экономических субъектов (должника с кредитором, участников раздела собственности и пр.), что приводило к последствиям аддикции (например, обращение должника в раба кредитора) (12, с.24). «Addicere liberum corpus in servitutem» означает «приговаривать свободного человека к рабству за долги», «addictus» – тот, кто связан долгами (6, с. 12).

При описании рынков аддитивных товаров необходимы соединение неоклассического подхода с институциональным, синтез экономического знания с социологией, психологией, аддиктологией, наркологией. Разрозненные экономические описания и решения нормативно-прикладных задач в отдельных сферах обращения аддитивных товаров систематизированы в единую экономическую теорию (рис. 1).

На смену кейнсианской уверенности в целенаправленных запретах и государственного регулирования рынков аддитивных товаров и противоположному ультралиберальному взгляду их легализации и дерегулирования приходит умеренный неинституциональный подход госрегулирования. С XXVII в. по настоящее время менялись объектная структура, цели и инструментарий государственного регулирования рынков аддитивных товаров в зарубежной и отечественной экономической теории. Зафиксировано отставание отечественных экономических исследований от зарубежных: в инструментарии и целях государственного регулирования; в объектной структуре.

С цифровизацией экономические отношения, сохраняя свою природу, приобретают новые формы – рациональные, иррациональные, превращенные (11). Предмет политической экономии эволюционирует.

<p>У. Петти (1662), Б. Мандевилл (1705), И. Посошков (1724)</p> <p>I период – критика меркантилизма, начало классической школы (XVII–XVIII вв.)</p>	<p>Н. Мордвинов (1819)</p> <p>II период – классическая политэкономия 20-е гг. XIX в.</p>	<p>Ж. Дюпои (1844), А. Маршалл (1890), В. Дмитриев (1911), А. Пигу (1920),</p> <p>III период – неоклассическая теория (вторая половина XIX в. – середина XX в.)</p>	<p>Д. Менделеев (1894), С. Витте (1900)</p> <p>IV период – национальные экономические школы Германии (40-е гг. XIX в. – первая половина XX в.)</p>
<p>В. Ленин (1899)</p> <p>V период – марксистская политическая экономия (40-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в.)</p>	<p>С. Роттенберг (1968), Дж. Кох и С. Групп (1971), А. Калвер (1973), М. Мур (1973), С. Литлчайлд и Дж. Уайзман (1984), Г. Баммер (1993), Дж. Батлер и А. Нил (1994)</p> <p>VI период – кейнсианская парадигма экономической теории наркотиков (с 60-х гг. XX в.)</p>	<p>М. и Р. Фридмен (1984), Ф. Нери и Дж. Болдри (1993), Л. Граля (2008)</p> <p>VII период – неолиберальная парадигма экономической теории наркотиков (с 80-х г. XX в.).</p>	
<p>Р. Поллак (1970), Х. Райдер и Дж. Хил (1973), Дж. Стиглер и Г. Беккер (1977), М. Бойер (1978), Дж. Бьюкенен (1980), Г. Уинстон (1980), Ф. Спинуайн (1981), Дж. Полич (1984), Л. Йаннакоун (1984), Р. Бордли (1986), Г. Беккер и К. Мэрфи (1988), Р. Майклз (1988), Т. Бартолд и Х. Хокман (1988), А. Дитон (1989), А. Вагстафф и А. Мейнард (1989), В. Вискузи (1990), Дж. Акерлоф (1991), Ф. Чалупка (1991), Д. Гиерингер (1993), А. Принц (1994), П. Кук и М. Мур (1995), Ф. Чалупка, Дж. Таурас, М. Гроссман (1997), С. Сурханович, Р. Голдфарб, Т. Леонард (1999), Дж. Грубер и Б. Кёзеге (2001), Б. Балтаги и Дж. Гриффин (2002), Л. Андерсон и М. Баск (2003), И. Паласиос-Уэрта (2003), К. Ванген (2004), Вэнь-Чун Чанг (2004), Г. Кларк и С. Данилкина (2006), Ф. Отаке (2006), Б. Гордон и Б. Сун (2007), Д. Ваймер, А. Виннинг и Р. Томас (2007), Р. Ванг (2007), Д. Эванс (2013), А. Лаффер (2014) и др.</p>		<p>Л. Тимофеев (2001), Ю. Латов (2001), К. Оглобин (2003), С. Арженовский (2006), Ю. Андриенко и А. Немцов (2006), М. Рыжкова (2007), М. Левин и А. Фенько (2008), Л. Засимова и О. Лукиных (2009), М. Пономарева (2009), К. Филиппов (2010), В. Ким, С. Рошин (2011), С. Ермаков (2012) и др.</p>	
<p>VIII период – неоинституциональная парадигма экономической теории аддиктивных товаров (с 70-х гг. XX в.)</p>			

рис. 1.

Одним из критериев отнесения алкоголя и наркотиков к аддиктивным товарам является их способность реализовывать потребность ухода от реальности. Они настолько изменяют, искажают реальность, что их потребление становится образом жизни, самой жизнью. Информационная революция привела к появлению широкого спектра потенциально аддиктивных товаров: видео и цифровые игры, социаль-

ные сети и др. В. Иванов определил цифровую экономику, как «виртуальную среду, дополняющую нашу реальность» (15). В.Иноземцев утверждает, что новые технологии сами перестраивают психологию человека, на основе чего преодолеваются и экономические мотивы поведения, и эксплуатация, и стоимостные отношения (1, с.23). Аддиктивные информационные товары не только стали дополнять и расширять реальность, а стали средствами реализации различных форм аддиктивного поведения.

Игровые зависимости в 2018 г. включены ВОЗ в 11 издание Международной классификации болезней. Игровое расстройство определяется как модель поведения при игре в цифровые или видео игры, отличающаяся нарушением контроля за игрой, отведением игре все большего приоритета до такой степени, что ей отдается предпочтение перед другими интересами и повседневными занятиями (3). Такое расстройство может быть диагностировано в том случае, если модель поведения влечет за собой нарушения в личной, семейной, социальной и иных областях и наблюдается в течение не менее 12 месяцев.

Социальные сети, как алкоголь и наркотики, изменяют реальность. Жизнь людей через призму соцсетей кажется красивее, лучше. Алкоголь и наркотики вызывают и развивают патологическую зависимость психоактивным веществом, а социальные сети поведенческим паттерном. Информационные зависимости также могут приводить к физиологическим нарушениям, отрицательным социальным и экономическим эффектам, которые еще только предстоит оценить. На современном этапе общество и государство в поиске инструментов регулирования информационных зависимостей (рынков цифровых или информационных наркотиков). Пока наукой не разработаны специальные инструменты регулирования информационных зависимостей можно их заимствовать из опыта регулирования алкогольной, табачной, наркотической и игровой зависимостей. В экономической науке не сложилась позиция в отношении регулирования рынков аддиктивных товаров. Например, Л. фон Мизес считает неоспоримым полезный эффект от государственного регулирования оборота наркотиков, однако, запрещение алкоголя и никотина сравнивает с плохой идеологией, зло от которой гораздо губительнее как для индивида, так и для общества в целом, чем наркотики (9, с.687).

Информационная революция предоставила обществу и государству новые методы и инструменты регулирования товарных рынков. Внедрение информационных технологий в регулирование алкогольных рынков активно началось в 2006 г. На современном этапе на практике применяются следующие информационные инструменты:

- ЕГАИС (единая государственная автоматизированная информационная система учета объема производства и оборота продукции);
- формирование и ведение государственного реестра выданных лицензий на производство и оборот продукции, лицензий, действие которых приостановлено, и аннулированных лицензий;

- прием деклараций об объемах производства, оборота, использования этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, спиртосодержащей непивной продукции с содержанием этилового спирта более 25 процентов объема готовой продукции;

- обработка и хранение информации, содержащейся в уведомлениях о начале оборота на территории России алкогольной продукции;

- прием и обработка данных о перемещении автотранспортных средств, перевозящих этиловый спирт и спиртосодержащую продукцию на территории России, в том числе данных о текущем местоположении, пройденном маршруте, времени и местах стоянок;

- автоматизированная информационная система формирования и ведения электронных паспортов организаций.

В перспективе планируется внедрить:

- выявление нелегального производства алкоголя с помощью лазера и теплового зондирования с радиусом действия до 1,5 км;

- контроль производства и оборота алкогольной продукции с помощью фотосъемки из космоса.

Данные меры направлены на регулирование предложения алкогольной продукции, снижение теневой деятельности. Информационные инструменты государственного регулирования оказали значительное влияние на функционирование легальных субъектов предложения: их количество на рынке, объем продаж, структуру товарного портфеля, ценовую политику, маркетинг и т.д. Как они повлияли на социально-экономические показатели функционирования алкогольного рынка в определенной степени можно судить по данным таблицы 1.

Таблица 1. Индикаторы социально-экономического состояния
и развития рынка алкогольной продукции России

Показатели	В среднем 2002– 2006 гг.	В среднем 2012– 2016 гг.	2012– 2016 гг. в % к 2002– 2006 гг.
С позиции бизнеса			
Уровень рентабельности проданной алкогольной продукции, %	12	17	136
Удельный вес прибыльных крупных и средних предприятий и организаций, %	49	69	139
Уровень использования среднегодовой производственной мощности организаций по выпуску водки, %	32	26	83
Выявлено правонарушений в результате проверок по выявлению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции, единиц	299 712	115 239	38
С позиции потребителя			
Установлено надлежащее качество отечественной водки и ЛВИ от количества отобранных образцов, %	92	97	105
С позиции государства			
Регистрируемая розничная продажа крепкой алкогольной продукции, млн дкл	216	130	60
Легальная деятельность (исходя из уплаченных акцизов), млн дкл	94	81	87
Число преступлений, совершенных лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, единиц	311 228	370 067	119
Число умерших от случайных отравлений алкоголем, тыс. чел	41	15	36
Умершие от причин, связанных с употреблением алкоголя, чел	97 280	56 149	58
Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами в РФ, взятого под наблюдение в отчетном году с впервые установленным диагнозом, чел.:			
всего, тыс.	214	109	51
на 100 тыс. населения	149	75	50

Численность больных алкоголизмом и алкогольными психозами в РФ, состоящих на учете в медицинских учреждениях:

всего, тыс.	2 192	1 653	75
на 100 тыс. населения	1 533	1 139	74

С позиции бизнеса отмечается положительная динамика следующих показателей: рентабельность производства алкогольной продукции увеличилась с 12 % в среднем в 2002–2006 гг. до 17 % в 2012–2016 гг.; удельный вес прибыльных организаций увеличился с 49 % до 69 %; количество правонарушений в сфере легальности производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции сократилось с 299 712 ед. до 115 239 ед. Уровень загрузки производственных мощностей по выпуску водки сократился с 32 % в среднем в 2002–2006 гг. до 26 % в 2012–2016 гг.

Качество отечественной водки и ликероводочных изделий (ЛВИ) улучшилось на 5% с 92% в среднем в 2002–2006гг. до 97% в 2012–2016 гг.

Регистрируемая розничная продажа крепкой алкогольной продукции сократилась на 40% с 216 млн дкл в среднем за год в 2002–2006 гг. до 130 млн дкл в 2012–2016 гг. Данная тенденция заслуживает положительной оценки, поскольку сокращение уровня потребления алкогольной продукции является основным индикатором достижения результатов «Концепции государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 г.». Однако в сфере учета емкости рынка алкогольной продукции велико влияние институциональных ловушек (оценочно-прогнозной и мониторинговой). Снижение розничных продаж крепкой алкогольной продукции во многом произошло из-за ужесточения сопоставления данных, предоставляемых производителями, оптовиками и розничными субъектами в отчетах: на первом этапе включение в ЕГАИС производства алкогольной продукции (2006 г.); на втором этапе – сплошной статистический учет розничных продаж (2007 г.), на третьем – единый порядок декларирования розничной продажи по всей территории РФ (2012 г.), на четвертом – включение в ЕГАИС оптового и розничного звена (2015–2016 гг.). Сближение декларируемых всеми участниками производства и обращения объемов происходит путем вытеснения «освобожденной от акцизов» алкогольной

продукции в неучтенный розничный сектор изделий домашней выработки, медицинских, пищевых и непищевых спиртосодержащих жидкостей «двойного назначения», учет потребления которых для удовлетворения деструктивных потребностей не ведется.

Легальная деятельность, определенная исходя из уплаченных акцизов, сократилась на 13 % соответственно с 94 млн дкл до 81 млн дкл, что негативно с точки зрения доходов бюджета.

На фоне сокращения потребления промышленно произведенной алкогольной продукции отмечено улучшение социальных показателей, поскольку уменьшились: смертность от случайных отравлений алкоголем на 64% и от причин, связанных с употреблением алкоголя на 42%; заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами, взятого под наблюдение с впервые установленным диагнозом в 2 раза; численность больных алкоголизмом и алкогольными психозами, состоящих на учете в медицинских учреждениях на 25 %. Однако, число преступлений, совершенных лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения увеличилось на 19 %.

Г. Греф считает цифровизацию единственным способом борьбы с коррупцией (4). Но, цифровые технологии могут и препятствовать социально-экономическому развитию. Создание государственными органами в целях безопасности, защиты интересов, сохранения власти, проведения независимой политики закрытых систем может оборачиваться ростом бюрократических барьеров и коррупции. Декларирование и ЕГАИС стали инструментами не только учета и борьбы с теневым рынком, но и реаллокации конкурентных преимуществ субъектов рынка, перераспределения прав собственности, ухода от налогообложения (8). Государственная монополия на информацию и ее учет требует отдельных исследований.

Применяемые на современном этапе инструменты государственного регулирования товарных рынков с использованием информационных технологий направлены на регулирование предложения. В тоже время, необходимо разрабатывать и реализовывать на практике инструменты регулирования ориентированные на спрос.

Таким образом, цифровизация обеспечила государство новыми инструментами регулирования, применение которых может позволить улучшить социально-экономические индикаторы состояния рынков аддитивных товаров. Однако, появились и новые аддитив-

ные товары, вызывающие информационную аддикцию, требующие модернизации инструментария государственного и общественного регулирования их предложения и спроса.

Литература

1. Бодрунов С.Д. Ноономика / С.Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018 – 432 с.

2. В 2017 году поступления в бюджет РФ от акцизов на вино выросли на 52,5% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alcoexpert.ru/itnews/37136-v-2017-godu-postupleniya-v-byudzheth-rf-ot-akcizov-na-vino-vyrosli-na-525.html>

3. ВОЗ включила зависимость от видеоигр в перечень болезней и расстройств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/5299966>

4. Греф считает цифровизацию единственным способом борьбы с коррупцией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3854957?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

5. Здоровый образ жизни: мониторинг [Электронный ресурс]: пресс-выпуск №3968. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9713>

6. Козлов В.В. Стратегия и тактика помощи личности с игровой зависимостью [Электронный ресурс] / В.В. Козлов // Человеческий фактор. 2009. № 1 (17). С. 12. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.zi-kozlov.ru/collections/scp-1-09.pdf>.

7. Коротав А.В., Халтурина Д.А., Малков А.С., Божевольнов Ю.В. Кобзева, С.В., Зинькина Ю.В. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cliodynamics.ru/download/3_3No8Glava6.pdf.

8. Международный розыск – за что Путин ищет экс-главу Росалкоголя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pasm.ru/archive/219575/>

9. Л. фон Мизес. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории; пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. – Москва; Челябинск: Социум, 2018. – 878 с.

10. Минздрав предложил проиндексировать акцизы на алкоголь и табак [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.alt.ru/external_news/60796/

11. Пороховский А.А. Эволюция предмета и метода политической экономии на заре цифровизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://istina.msu.ru/profile/Porokhovsky_Anatoly/

12. Руководство по аддиктологии [Электронный ресурс] / под ред. проф. В.Д. Менделевича. – СПб.: Речь, 2007. – 768 с. С. 24. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.klex2.ru/b15>.

13. Смертность населения по причинам смерти в 2017 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

14. Смертность от наркотиков в России снизилась в полтора раза за 12 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/432966>

15. Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html>

16. Эксперты: доля нелегальных сигарет в России достигла 8,4% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/5807711>

Фирсов Е.И.,

магистр экономики,

аспирант Южного федерального университета

**Государственные закупки: гармонизация
правил и цифровая трансформация**

Аннотация. В связи с цифровизацией общая и основная глобальная тенденция заключается в сокращении или устранении препятствий на пути обмена товарами и услугами и расширении либерализации движения капитала. Под электронными закупками понимается использование электронных коммуникаций организациями государственного сектора при покупке материалов и услуг или проведении общественных работ. Расширение использования электронных закупок может привести к значительной экономии средств для государственной экономики. Эти сбережения позволили бы максимально повысить эффективность государственных расходов в нынешних условиях бюджетных ограничений. Электронные закупки могут также обеспечить новый источник экономического роста и создания рабочих мест, в том числе путем облегчения доступа к договорам о государственных закупках со стороны малых и средних предприятий.

Ключевые слова: цифровизация, государственные закупки, прокьюремент, бюджетирование, государство

Firsov E.I.,

master of Economics,

graduate student Southern Federal University

State Procurement:

Harmonization of Rules and Digital Transformation

Abstract. In connection with digitalization, the overall and main global trend is to reduce or eliminate barriers to the exchange of

goods and services and to expand the liberalization of capital movements. Electronic procurement is the use of electronic communications by public sector organizations when purchasing materials and services or carrying out public works. Expanding the use of e-procurement can lead to significant savings for the state economy. These savings would maximize the effectiveness of government spending in the current budget constraints. E-procurement can also provide a new source of economic growth and job creation, including by facilitating access to government procurement contracts by small and medium-sized enterprises.

Keywords: digitalization, government procurement, procurement, budgeting, state

В соответствии с директивами Европейского Союза (ЕС) о государственных закупках, Соглашением Всемирной торговой организации (ВТО) о государственных закупках и «Рекомендацией Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по государственным закупкам» основные принципы государственных закупок являются, в принципе, общими для большинства стран мира: прозрачность, пропорциональность, равное обращение, недискриминация. В соответствии с правилами и рекомендациями ЕС, ВТО и ОЭСР посредством цифровой трансформации можно обеспечить простые, справедливые и эффективные процедуры закупок и высокую конкуренцию на квазирынке публичных закупок государства, а также открыть доступ к государственным контрактам для новых участников – малых и средних предприятий (2, с.30), обеспечивая устойчивость спроса на их продукцию.

Чтобы обеспечить открытые, справедливые и прозрачные условия конкуренции на рынках государственных закупок, особенно международном, правила и нормы должны быть одинаковыми для всех стран мира. Очевидно, такие международные обязательства способствуют расширению мировой торговли на многосторонней, недискриминационной основе. ЕС, ВТО и ОЭСР стимулируют унификацию, приведение национальных систем государственных закупок в соответствии с согласованными на международном уровне общими торговыми правилами и нормами (институтами).

Данные меры способствуют стратегическому и целостному использованию механизмов государственных закупок, во-первых, для

развития международной торговли и конкуренции, а во-вторых, в целях устойчивого развития национальных и мировой экономики. Данные мероприятия являются эталоном для модернизации систем закупок и может применяться на всех уровнях государственных и государственных предприятий, включая весь цикл закупок с элементами стратегического управления, такими как бюджетирование, финансовое управление и дополнительные формы предоставления услуг. Одним из важных принципов является то, что государственные закупки – это ключевая экономическая деятельность правительств, которая особенно уязвима для плохого управления, мошенничества и коррупции.

В связи с цифровизацией общая и основная глобальная тенденция заключается в сокращении или устранении препятствий на пути обмена товарами и услугами и расширении либерализации движения капитала. Под электронными закупками понимается использование электронных коммуникаций организациями государственного сектора при покупке материалов и услуг или проведении общественных работ. Расширение использования электронных закупок может привести к значительной экономии средств для государственной экономики. Эти сбережения позволили бы максимально повысить эффективность государственных расходов в нынешних условиях бюджетных ограничений. Электронные закупки могут также обеспечить новый источник экономического роста и создания рабочих мест, в том числе путем облегчения доступа к договорам о государственных закупках со стороны малых и средних предприятий.

По мере развертывания технологического возрождения лидеры государственного сектора внедряют цифровые технологии в государство и заново изобретают возможности государственного сектора – функция закупок не является исключением. Давние операции по закупкам в государственном секторе, сосредоточенные на тщательных процессах и минимизации рисков, прежде всего, устарели и все более не реагируют на сбои в цифровых технологиях. Признавая огромную важность государственных закупок и их устаревших и унаследованных операций – цифровое внедрение может открыть значительную ценность для государственных закупок.

В качестве первого шага к повышению гибкости органы государственного сектора могут принять модульный подход к закупкам.

Сосредоточив внимание на небольших пакетах требований вместо того, чтобы пытаться ускорить крупномасштабные проекты цифрового преобразования, время цикла может быть сокращено. Использование конкурентного стиля «спекания» с командами из разных подрядчиков при сохранении относительно небольших результатов может создать дополнительную гибкость, в то время как интерфейсы закупок могут быть открыты для расширения сотрудничества между поставщиками. Упрощение процессов закупок может также способствовать более гибким отношениям с поставщиками. Органы государственного сектора должны стремиться использовать свои сети шире, чем те, которые уже знакомы с процессами отбора заявок, сокращать время, затрачиваемое на выбор поставщиков, и учитывать более короткие периоды контрактов. В сочетании с подходом «мало и много» разделение крупных контрактов на более мелкие части может также способствовать цифровой трансформации государственных закупок. Несмотря на то, что в прошлом крупные контракты были предпочтительными, их обоснование стало менее четким в эпоху цифровых технологий. Традиционно считалось, что крупные контракты обеспечивают экономию за счет масштаба, в то же время предлагая надежных поставщиков и позволяя переносить риски, связанные со сложными техническими задачами. Однако более низкие затраты на технологии поставили под сомнение эту точку зрения, поскольку экономия от эффекта масштаба теперь меньше, чем экономия, достигнутая путем отслеживания падения цен. И хотя считается, что контракты с крупными поставщиками создают более глубокие отношения, они могут не обеспечить доступ к новым инновациям.

Будучи связанными с унаследованными контрактами (19 процентов), поведение поставщиков (13 процентов) и обременительные условия (13 процентов) также были определены лидерами государственного сектора в качестве основных барьеров для цифровой трансформации (5, с.12). Но внедрение более открытых стандартов в процессы закупок может облегчить их опасения по поводу того, что они будут привязаны к соглашениям с поставщиками. В настоящее время органам государственного сектора может быть трудно извлекать данные или обмениваться ими между различными службами и ИТ-системами, в то время как некоторые пытаются даже получить доступ к своим данным, не обращаясь к поставщикам. Организации

могут решить эти проблемы, убедившись, что открытые стандарты данных и открытые интерфейсы являются одними из главных приоритетов закупок. Этот подход может также обеспечить обслуживание на будущее – обеспечение того, чтобы государственный сектор мог получить доступ к наилучшим доступным инновациям.

В настоящее время органам государственного сектора может быть трудно извлекать данные или обмениваться ими между различными службами и ИТ-системами, в то время как некоторые пытаются даже получить доступ к своим данным, не обращая к поставщикам. Организации могут решить эти проблемы, убедившись, что открытые стандарты данных и открытые интерфейсы являются одними из главных приоритетов закупок. Этот подход может также обеспечить обслуживание на будущее – обеспечение того, чтобы государственный сектор мог получить доступ к наилучшим доступным инновациям. Хотя смягчение правил, принятие подхода «мало и много», разрыв крупных контрактов и установление приоритетов стандартов, открытых данных, могут все сдвинуть закупки вперед в цифровую эпоху, они должны идти рука об руку с развитием талантов в сфере закупок. В этой связи можно было бы внедрить новые механизмы и процессы, чтобы помочь сотрудникам, занимающимся закупками, заключать более гибкие контракты. Также могут быть созданы группы, специализирующиеся на выборе цифрового поставщика и управлении жизненным циклом закупок.

Цифровая трансформация закупок также затронула государственный сектор на всех уровнях государственного управления. Многие страны, такие как Колумбия, Эквадор и Перу, продвигаются в направлении большей административной децентрализации, и местные власти прокладывают путь для разработки и реализации более эффективной политики (1, с.56). Принятие прорывных технологий в сфере закупок может помочь местным органам власти стимулировать экономический рост и поддержать процесс их модернизации. Субнациональные правительства должны стремиться разработать комплексную стратегию для реализации:

- использование данных;
- цифровые процессы и инструменты;
- новый институциональный потенциал для использования цифровой революции.

Большое или маленькое, государственное или местное будущее государственных закупок влечет за собой глубокую трансформацию функции закупок. По мере того, как оно становится все более цифровым и автоматизированным, сотрудники по закупкам будут продолжать уходить от рутинных и административных задач. По мере развития этого процесса им необходимо будет адаптироваться и сосредоточиться на стратегическом мышлении и развитии технических навыков. Это прекрасная возможность закрепить стратегическую роль закупок.

Динамичный, сложный и разрушительный контекст, в котором работает новый этап цифровизации, потребует новых способов мониторинга процессов. Блокчейн становится отличным союзником в борьбе с коррупцией и в обеспечении целостности и прозрачности транзакций государственных закупок. Когда данные могут перемещаться свободно и прозрачно, обработка также может быть выполнена. Такие приложения, как смарт-контракты, способные выполнять код в распределенной сети, позволяют оптимизировать процессы закупок (4, с. 33).

Искусственный интеллект – еще один важным инструмент мониторинга, особенно при поиске аномалий в наборах данных. Технологии искусственного интеллекта закупок могут искать расхождения между стоимостью и ценой, необычные объемы или частоты заказов, а также целый ряд других шаблонов, которые помогут подрядным организациям обнаруживать потенциальное мошенничество или ошибки и прогнозировать модели закупок. Развитие обсерваторий закупок на основе искусственного интеллекта становится все более распространенным. Более того, такие технологии, как беспилотники, планшеты и интеллектуальные камеры, используются для удаленного мониторинга состояния работ и улучшения надзора за проектами.

Управление данными также является ключевым компонентом цифровизации. Методы машинного обучения наряду со статистическими алгоритмами облегчают агрегацию, обработку и анализ больших объемов данных из разнородных источников. Полученный анализ может быть полезен для понимания текущих и будущих отношений и тенденций. Прогнозная аналитика может использоваться для оптимизации расходов и выявления тенденций затрат, рисков и возможностей.

Россия также не отстает от общемировой революции процесса цифровизации. В России уже разрабатывается проект государствен-

ной программы «Цифровая экономика РФ», Правительству даны поручения о проработке вопросов внедрения блокчейна для избавления от бюрократии, Центробанк РФ разрабатывает проект национальной криптовалюты, а Госдума работает над законопроектом о регулировании этой сферы. Все это, в свою очередь, качественно меняет правовое регулирование отдельных сфер, предопределяет кардинальные изменения в инфраструктуре информационных технологий, системе государственного регулирования, в том числе в сфере публичных закупок для государственных и муниципальных нужд. В Российской Федерации к вопросам осуществления и регулирования государственных и муниципальных закупок приковано огромное внимание.

Система государственных закупок является очень важной частью ИТ инфраструктуры экономики государственного сектора. Она включает в себя единую информационную систему в сфере закупок, государственную интегрированную информационную систему управления общественными финансами «Электронный бюджет», а также электронные торговые площадки (ЭТП) – один из существеннейших ее институтов.

Однако Россия стоит только в начале пути развития новых институтов, включающие цифровизацию. Применение новейших технологий, их апробирование, индуцирует постановку вопросов о проблемных ситуациях внедрения элементов цифровизации в систему государственных и муниципальных закупок, в частности:

- отсутствие законодательной базы;
- формирование новых информационных систем, взамен существующих баз данных, единых информационных систем;
- отсутствие консенсуса и регламентов развития;
- конфиденциальность информации (и объем информации, который будет доступен всем участникам системы);
- защита данных и информации;
- противоречие с требованиями законодательства об обработке персональных данных и осуществления транзакций только на территории РФ;
- отсутствие, либо децентрализованная роль регулятора.

Путь к цифровой границе полон проблем и возможностей. Правительства и отдельные лица должны быть готовы ориентироваться на цифровую трансформацию закупок, изменять свои бизнес-модели

и формировать дальновидный, творческий и инновационный склад ума. Наше личное путешествие в качестве должностных лиц, занимающихся закупками, также эволюционировало вместе с цифровым преобразованием из клерикальной роли в стратегическую, и теперь нам предлагается возможность быть разрушителями. В будущем государственные закупки будут интенсивно оцифровываться и автоматизироваться, что потребует нового поколения сотрудников по закупкам, характеризующихся аналитическим и креативным мышлением. Мы должны адаптироваться, чтобы процветать в эту все более сложную и динамичную эпоху.

Литература

1. *Bing X.* 2009. Development and Future Plan of Chinese e-Procurement. Presentation made at the 3rd Global Conference on e-GP. Washington, DC, 9–11 November.
2. *Chia.* 2009. The Singapore E-Government Procurement Experience. Presentation made at the 3rd Global Conference on e-GP. Washington, DC, 9–11 November.
3. Ibero American Conference of Ministers of the Federal Administration and Reform of the State. 2011. Ibero-American Social Electronic Identification Framework. Approved by the XIII Ibero American Conference of Ministers of the Federal Administration and Reform of the State. Asunción, Paraguay. 30 June–1 July.
4. *Kang S.* 2009. Innovating Public Procurement through KONEPS. Presentation made at the 3rd Global Conference on e-GP. Washington DC. 9–11 November.
5. *Schapper P.R., J. Veiga Malta and D. Gilbert.* 2006. An Analytical Framework for the Management and Reform of Public Procurement. Journal of Public Procurement.

Черкасская Н.В.,

*кандидат юридических наук, доцент, ученый секретарь
Института экономических исследований*

**Проблемы правового обеспечения
осуществления публичных закупок
в условиях цифровизации**

Аннотация. В статье раскрываются направления развития перспективного законодательства Донецкой Народной Республики в сфере публичных закупок в условиях цифровизации предложенных в Концепция проекта Закона Донецкой Народной Республики «Кодекс публичных закупок Донецкой Народной Республики». Акцентируется внимание на сферах возможного применения цифровых технологий для государственного управления процессом осуществления публичных закупок, (в том числе при осуществлении контроля), а также обеспечения прав субъектов участвующих в процедурах публичных закупок. Кроме этого, определены проблемы правового обеспечения осуществления публичных закупок в связи с использованием цифровых технологий, которые являются актуальными в условиях становления Республики.

Ключевые слова: публичные закупки, проблемы правового регулирования, цифровые технологии

Cherkasskaya N. V.,

*Candidate of Juridical Sciences, Assoc. Professor,
academic secretary of the Economic Research Institute*

**Issues of Public Procurement Legal Support under
Digitalization**

Abstract. The article describes the directions for the development of the projected legislation of the Donetsk People's Republic in the

field of public procurement under the conditions of digitalization proposed in the Concept of the draft Law of the Donetsk People's Republic "Public Procurement Code of the Donetsk People's Republic". The special emphasis has been put on the areas of possible application of digital technologies for the state management of the public procurement process (including oversight), as well as ensuring the rights of the subjects involved in public procurement procedures. Moreover, the issues of the public procurement legal support, emerging in connection with the use of digital technologies, which are relevant in the conditions of the formation of the Republic, have been identified.

Keywords: public procurement, legal regulation issues, digital technologies

Общественные отношения в сфере публичных закупок являются одними из значимых в экономике Донецкой Народной Республики, что обусловлено высоким уровнем участия органов власти государственных (муниципальных) образований, а также государственных (муниципальных) предприятий, учреждений, организаций в закупке товаров, работ и услуг для обеспечения общественных (публичных) нужд и деятельности указанных органов и субъектов.

В связи с чем коллективом авторов Государственного учреждения «Институт экономических исследований» рамках выполнения научной работы на тему: «Совершенствование экономико-правового механизма материально-технического обеспечения государственных и муниципальных органов на основе цифровых технологий» была подготовлена Концепция проекта Закона Донецкой Народной Республики «Кодекс публичных закупок Донецкой Народной Республики»¹² (далее – проект КПЗ) и начата работа над текстом названного кодекса.

¹ Ашурков О.А., Куц Л.И., Черкасская Н.В. Концепция проекта закона Донецкой Народной Республики «Кодекс публичных закупок Донецкой Народной Республики» // Вестник Института Экономических Исследований. 2018. № 3 (11). С. 168–177.

² Ашурков О.А., Куц Л.И., Черкасская Н.В. Концепция проекта закона Донецкой Народной Республики «Кодекс публичных закупок Донецкой Народной Республики» // Вестник Института Экономических Исследований. 2018. № 4 (12). С 216–227.

Несмотря на сложность социально-экономического и политического положения Донецкой Народной Республики формирование перспективного законодательства в частности КПЗ осуществляется с учетом сложившихся мировых тенденций, заключающихся в максимальном использовании цифровых технологий при государственном управлении процессом осуществления публичных закупок.

В связи с чем, авторами Концепции КПЗ предложено максимальное использование цифровых технологий которые направлены на всеобъемлющую систематизацию информации в сфере публичных закупок, упрощение процедур осуществления публичных закупок, обеспечение открытости и доступности, а также обеспечения (сопровождения) и автоматизации процессов: управления, осуществления закупок, контроля и досудебной правовой защиты в процедурах публичных закупок

Для этого предлагается создание *Государственной электронной информационной системы в сфере публичных закупок* (далее – ГЭИС), которая будет агрегировать цифровую информацию «являться цифровым банком» о всех публичных закупках в Донецкой Народной Республике.

К средствам (инструментариям) названной ГЭИС предлагается отнести:

а) торговую электронную площадку – в рамках которой предлагается осуществление большей части предусматриваемых способов (методов) осуществления закупки, в последующем может использоваться как площадка товарной биржи;

б) функционал, позволяющий осуществление коммуникацию и документооборот между субъектами публичных закупок, с целью исключения их личного контакта (кроме случаев, определенных законодательством, когда допускается соответствующий контактов), а также для обеспечения контроля соблюдения законодательства;

в) размещение и ведение официального электронного журнала в сфере публичных закупок, выступающего единым общегосударственным источником обнародования информации в сфере публичных закупок;

г) инструментарий, обеспечивающий применение гибких способов (методов) осуществления закупки (без осуществления процедур закупок) (интернет-магазины и интернет каталоги), в которых будут

размещаются предложения приоритетных поставщиков, предложения оптовых поставщиков, акционные предложения поставщиков, предложения официальных торговых представительств, предложения потенциальных участников для неконкурентных способов закупки);

д) систему электронного формирования публичных договоров (контрактов), заключаемых по результатам проведенных публичных торгов, получившие в научной литературе название «смарт контракты»¹² направленных на упрощение процедуры заключения договоров (контрактов) в сфере публичных закупок, унификацию требований к их содержанию порядку их заключения, изменения, прекращения и расторжения;

е) электронную систему формирования специальных государственных реестров в сфере публичных закупок, содержащих официальную оперативную информацию:

– о зарегистрированных потенциальных участниках публичных закупок;

– о квалифицированных потенциальных участниках публичных закупок;

– о поставщиках продукции для государственных (муниципальных) органов;

– об участниках, аккредитованных на электронной торговой площадке;

– о национальных и зарубежных (международных) производителях (поставщиках, исполнителях) в сфере публичных закупок;

– о недобросовестных участниках публичных закупок;

– о недобросовестных исполнителях договоров (контрактов) о публичных закупках;

– о недобросовестных налогоплательщиках;

– о закупках, осуществленных неконкурентным способом или без применения процедур публичных закупок;

¹ Родионова О.М. Гражданско-правовая природа последствий заключения смарт-контрактов // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №6 С. 183–185.

² Савельев А.И. «Умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–59.

– о договорах (контрактах) публичной закупки, заключенных заказчиками;

– о национальных (отечественных) производителей (поставщиков, исполнителей) в сфере публичных закупок;

ж) функционал для электронного отбора потенциальных участников для неконкурентной процедуры публичной закупки;

з) функционал для осуществления досудебной правовой защиты в удаленном доступе (кроме случаев, связанных с защитой государственной тайны) с использованием электронных информационных технологий в рамках ГЭИС.

Однако возможность применения названных средств Государственной электронной информационной системы в сфере публичных закупок, в современных условиях требует решение ряда правовых вопросов, первоочередными из которых являются следующие.

Во-первых, устранение правовых пробелов, связанных с особенностями применения законодательства на территории Донецкой Народной Республики. Поскольку действующее украинское законодательство не предусматривает возможность реализации предложенной перспективной законодательства в части использования цифровых технологий, подготовленных в Республике, а вносить изменения в такое законодательство не позволяют полномочия действующих органов власти. При этом подготовка основополагающих законодательных актов в Республике (гражданского, земельного, административного кодексов, законодательства об интеллектуальной собственности, информации и др.) осуществляется крайне медленно. Поэтому даже при наличии подготовленного текста проекта КПЗ не позволит его принять так как в последующем потребуются согласование его норм с нормами будущего гражданского и других кодексов.

Во-вторых, ускорение правовой интеграции с российским законодательством.

В-третьих, разработка ряда отсутствующих нормативных правовых актов, детально регламентирующих использование цифровых технологий в сфере государственного управления публичными закупками, а также содержащие эффективные механизмы правового регулирования отношений складывающихся при помощи цифровых технологий. Соответствующие нормативные правовые акты должны содержать положения о:

– интеллектуальной собственности;

- возможности применения цифровых технологий и использования цифровых данных для установления фактов, имеющих юридическое значение;

- порядке идентификации субъектов выступающих участниками отношений в цифровой среде и об условиях обеспечения их доступа к ГЭИС;

- подтверждении наличия юридических фактов, позволяющих установить возникновение, изменение и прекращение правоотношений в сфере публичных закупок,

- полномочиях и функциях органов государственной власти, выступающих субъектами предоставления информации для Государственной электронной информационной системы в сфере публичных закупок;

- порядке перемещения электронной информации от уполномоченных органов и потенциальных субъектов, для размещения информации в Государственной электронной информационной системе в сфере публичных закупок;

- обеспечении электронной досудебной правовой защиты в сфере публичных закупок.

- наличии гарантий защиты государственных (муниципальных) интересов;

- требованиях к информационной безопасности в сфере цифровых технологий и пр.

В-четвертых, также является целесообразным подготовка нормативных правовых актов направленных на формирование органов государственной власти осуществляющих: регистрацию прав интеллектуальной собственности и осуществляющих обеспечение информационной безопасности в Республике.

Решение указанных правовых проблем в перспективе позволит применить норма КПЗ, а также обеспечить оперативное управление государственными закупками, сократить общее количество затрат на документальное сопровождение публичных закупок и подготовку специалистов в такой сфере, предупредить возможные коррупционные риски, а также обеспечить прозрачность и контролируемость процессов публичной закупки.

Однако Республика, в указанном направлении, находится еще в начале пути, несмотря на беспрецедентную поддержку, оказываемую

представителями российского научного сообщества, экспертами и специалистами, но это не мешает нам думать о будущем, анализировать и использовать опыт тех, кто намного впереди нас и надеяться, что наступит день, когда Донбасс сможет без ограничений реализовывать свой экономический, интеллектуальный и культурный потенциал.

Литература

1. *Ашурков О.А., Куц Л.И., Черкасская Н.В.* Концепция проекта закона Донецкой Народной Республики «Кодекс публичных закупок Донецкой Народной Республики» // Вестник Института Экономических Исследований. 2018. № 3 (11). С 168–177.

2. *Ашурков О.А., Куц Л.И., Черкасская Н.В.* Концепция проекта закона Донецкой Народной Республики «Кодекс публичных закупок Донецкой Народной Республики» // Вестник Института Экономических Исследований. 2018. № 4 (12). С 216–227.

3. *Родионова О.М.* Гражданско-правовая природа последствий заключения смарт-контрактов // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №6 С. 183–185.

4. *Савельев А.И.* «Умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–59.

Шаулова Т.В.,

*кандидат социологических наук, доцент кафедры
государственного и муниципального управления
факультета государственного
и муниципального управления СЗИУ РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации*

**Цифровизация и эффективность
государственного управления**

Аннотация. В статье рассматривается развитие цифровых технологий и эволюция моделей правительства как параллельные процессы. В условиях снижения темпов экономического роста государства возлагают надежды на цифровизацию. Анализ ситуации, позволяет сделать вывод: цифровизация не может гарантировать «автоматического» повышения эффективности государственного управления, также как экономике не может гарантировать экономического роста. Технократические механизмы не способны решить проблемы государственного управления.

Ключевые слова: технологическая революция, информатизация, цифровые технологии, цифровизация, электронное правительство, цифровое государство, цифровая экономика, эффективность, государственное управление

Shaulova T.V.,

*candidate of Sociological Sciences, Associate Professor
of the Department of State and Municipal Administration
of the Faculty of State and Municipal Administration
of the North-West Institute of Management of the RANEPA
under the President of the Russian Federation*

Digitalization and Public Administration Efficiency

Abstract. The article deals with the development of digital technologies and the evolution of government models as parallel processes. In the context of the decline in economic growth, the States impose a reliable digitalization. Analysis of the situation leads to the conclusion: digitalization cannot guarantee “automatic” increase of the efficiency of public administration, as well as the economy cannot guarantee economic growth. Technocratic mechanisms cannot solve the fundamental problems of the Russian state.

Keywords: technological revolution, computerization, digital technology, digitalization, growth drivers, e-government, digital government, digital economy, efficiency, governance

С вызовами и рисками, связанными с развитием технологий, сталкиваются все государства: одни не способны выработать «адекватную реакцию», что приводит к ослаблению конкурентоспособности, потере эффективности и снижению управляемости. Другие, «опознав» скрытые «окна возможностей» технологического контекста, извлекают широкий спектр преимуществ в рамках проводимых государственных политик¹, выступая не только «двигателем» технологического развития государства, но и «задавая» рамки новых подходов к управлению всеми сферами жизнедеятельности общества. Пример последнего – внедрение цифровых технологий третьей промышленной (компьютеризация, автоматизация) в государственное управление (далее – ГУ), что позволило не только оптимизировать административные функции, структуры, процедуры, но и перейти к созданию и внедрению модели «электронного правительства».

Что касается Российской Федерации, то она демонстрирует способность государственных институтов адаптироваться к новым технологическим реалиям. С целью повышения эффективности ГУ, с учетом опыта мероприятий по повышению эффективности ГУ в зарубежных странах, были приняты федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002 – 2010 гг.)» и государственная программа «Информационное общество (2011–2020 гг.)». К сегодняшнему дню

¹ Марш П. Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства / пер. с англ. М.; 2015. 420 с.

уже создана инфраструктура электронного правительства с базовыми государственными информационными ресурсами, Единым порталом госуслуг, МФЦ, системой межведомственного электронного взаимодействия, единой информационной системой государственных и муниципальных закупок и пр.

Таким образом, ситуация, когда посредником между государством и его контрагентами выступает «цифровая технология» как новая форма взаимодействия, перестала и для нас быть абстракцией, став реальностью.

Глобальная интернетизация, появление и распространение новых цифровых технологий (облачных вычислений, мобильных, Интернета вещей, big data, бизнес-аналитики и машинного обучения), глубокая цифровая трансформация в потребительском поведении и опыте стали основой нового тренда в зарубежной практике ГУ – перехода от электронного правительства к цифровому. Кроме разнообразия и качества электронных госуслуг; прозрачности и подотчетности; цифровых коммуникаций разных уровней (G2C, G2B, G2G, C2B, B2B), цифровое правительство, «создаваемое и действующее так, чтобы использовать преимущества цифровых данных при оптимизации, трансформации и создании государственных услуг», предполагает не только их полный перевод в цифровой формат, «когда административные процессы опираются преимущественно на данные, а не на документы»¹, но и возможность использования новых цифровых технологий для целей ГУ: анализа, определения, планирования, мониторинга и оценки государственных решений и политик.

Официально начало «перехода» к цифровому правительству в отечественной практике ГУ связывают с принятием «Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы»², в которой «с целью обеспечения условий для формирования в Российской

¹ Цифровое правительство 2020: перспективы для России. Доклад Всемирного Банка. Апрель 2016. с.7. // <http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS.pdf>

² Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/#review>

Федерации общества знаний» предполагается за счет развития электронного правительства и перехода к цифровому обеспечить повышение эффективности ГУ, взаимодействия гражданского общества и бизнеса с государственными органами и пр. Следующим шаг – принятие национальной программы «Цифровая экономика РФ (2018 – 2024 гг.)»,¹ направленной на «повышение благосостояния и качества жизни граждан нашей страны путем повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий, повышения степени информированности и цифровой грамотности, улучшения доступности и качества государственных услуг для граждан, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами»².

Если исходить из того, что процессы информатизации и цифровизации взаимосвязаны, то несмотря на относительно короткий временной период «официальной» цифровизации (с 2017 года), уже возможно оценить их «вклад» в достижении эффективности ГУ.

Чтобы внести определенность в «манящий и чарующий мир цифровизации», воспользуемся рекомендацией Декарта: «Определяйте слова и Вы освободите мир от половины недоразумений». В связи с этим под цифровизацией (цифровой трансформацией) в широком смысле будем понимать социально-экономическую трансформацию, являющуюся следствием массового внедрения и усвоения цифровых технологий (технологий создания, обработки, обмена и передачи информации).³

Поскольку понятие эффективности напрямую связано с оценкой функционирования и изменения системы, а критерии позитивности изменений многообразны, то и понимание эффективности неоднозначно. В связи с этим будем исходить из того, что оценка должна

¹ Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

² Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы // <https://bazanpa.ru/>

³ *Кац Рауль*. Преобразующее экономическое воздействие цифровых технологий // The Transformative Economic Impact of Digital Technology, http://unctad.org/meetings/en/Presentation/ecn16_2015p09_Katz_en.pdf

предполагать как оценку эффективности организации и функционирования системы ГУ, в том числе и процессов «цифровизации», так и эффективности управления, что предполагает фиксацию конечного результата управления – повышение «качества жизни» управляемых объектов. В сложившихся обстоятельствах, как нам представляется, целесообразно уделить внимание не констатации достижений цифровизации, многие из которых очевидны, а ее проблемам, не позволяющим повысить эффективность ГУ.

1. *Узость сферы применения цифровых технологий.* Применение цифровых технологий (прежде всего, продвинутой аналитики и больших данных, облачных технологий, интеграционных технологических платформ) в условиях высоких рисков принятия неэффективных политических / управленческих решений при усложнении структуры внутренней среды системы ГУ, изменения взаимоотношений с внешней средой, не просто целесообразно, а необходимо.

Особенностью же отечественных преобразований является то, что цифровизация рассматривается, прежде всего, с точки зрения трансформации процессов оказания государственных услуг¹; при этом возможности ее использования для целей собственно ГУ (сбора и анализа больших данных, определения, планирования, мониторинга и оценки решений), а также реализации иных видов государственных функций, не только не учитываются, но, с учетом качества принимаемых решений, и не используются. И это несмотря на формализацию в ГУ таких инструментов как оценка регулирующего и фактического воздействия, управления по результатам и пр.

2. *Технологии социального манипулирования.* «Говоря» о преимуществах и возможностях цифровизации ГУ, акцент смещается на предоставление госуслуг в электронной форме, при этом замещается рост благосостояния людей (который все-таки определяется через понятия, связанные с материальными благами) их доступом к электронным госуслугам. Увеличение количества электронных услуг и пользователей государственными электронными услугами происходит на фоне снижения практически всех параметров «качества жизни». Например,

¹ Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа (кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. – М. 2018. С. 13.

если брать реальные доходы населения, то данные за 2013 – (+)4,0%, 2014 – (-)0,7%, 2015 – (-)3,2%, 2016 – (-)5,8%, 2017 – (-)1,2%, 2018 – (-)0,2%¹ достаточно информативны – управление неэффективно.

3. Один из доводов в пользу цифровизации – *снижение издержек и экономия бюджета на бумажный документооборот и административный аппарат*. Наиболее адекватный критерии для оценивания цифровизации в данном случае будут критерий эффективность-по затратам, а также критерий затраты – выгоды.

В частности, общий объем «официальных» ИТ-бюджетов федеральных ведомств в 2018 году составил 122,215 млрд рублей.

На реализацию НП «Цифровая экономика»² общие расходы за период 2018–2024 гг. составят 1,634 трлн руб., где 1099,6 млрд руб. из федерального бюджета, 535,3 млрд руб. из внебюджетных источников; альтернативные источники: 45,5 млрд руб. – предоставление универсальных услуг связи; 157,3 млрд руб. – расходы при дополнительном финансировании. Внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников в доле ВВП: в 2019 году – 2,2%, в 2021 – 3,0%, 2024 – 5,1%.

Необходимо обратить внимание и на то, что в госпрограммах имеет место быть значительное число основных мероприятий, формально не предусматривающих какого-либо бюджетного финансирования, что не соответствует действительности.

Таким образом, цифровизация – процесс очень дорогостоящий для федерального бюджета. В данном случае расходы бюджетов на цифровые технологии естественны. Как естественен и контроль за расходованием выделяемых средств.

Но и получение немассовых электронных государственных услуг для потребителей также не является бесплатным, с одной стороны. С другой, на избыточность расходов правительство может отреагировать 3 способами: сокращая расходы, увеличивая госдолг или увеличивая налоговое бремя. Выбор третьей альтернативы стало нашей национальной традицией.

¹ Доходы населения <https://b1.vestifinance.ru/c/375110.b.jpg>; http://www.gks.ru/bgd/free/B19_00/IssWWW.exe/Stg/dko1/5-o.doc

² Национальные проекты: ключевые цели и ожидания // <http://government.ru/news/35675/>

Что касается затрат на административный аппарат, то данные, представленные федеральной службой государственной статистики, свидетельствуют об увеличении численности работников в федеральных государственных органах (в тыс. чел): 2012 – 813,3; 2014 – 1454,32; 2015 – 1434,1; 2016 – 1409,7; 2017 – 1438,4.¹ В данном случае рост численности государственных служащих федеральных органов – не подкрепление расчетов численности планами по оптимизации объема полномочий органов власти, а также технологий их исполнения.

4. *Не публичные финансовые издержки.* Во-первых, бюджеты на информатизацию (ИТ-бюджеты) значительного числа федеральных государственных органов, официально не публичны.

Во-вторых, анализ данных официальных АИС позволяет, наряду с официальными ИТ- бюджетами, выделять и теневые – «дельта – бюджеты». Это – расходы бюджета на ИТ, которые производятся, минуя контрольные механизмы Положения о координации² (согласование в Минсвязи (ныне Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ), контроля в Министерстве финансов и в Федеральном казначействе).

Из 122,215 млрд рублей ИТ-бюджетов федеральных ведомств на 2018 год, суммарный объем «дельта – бюджетов» почти 20,4 млрд руб. (порядка 17% суммарного официального ИТ-бюджета федерального органа исполнительной власти).³

«Дельта-бюджеты» – не секрет ни для регуляторов информатизации, ни для Счетной палаты, ни для ФАС, ни для Генеральной прокуратуры. Это – норма.⁴ Причины их наличия разные: закупки за счет средств подведомственных бюджетных учреждений отнесение

¹ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/gosudar/chisl_vetv.xls

² Положение о координации мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности государственных органов (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 мая 2010 года № 365; с изменениями на 25.09.2018 г.).

³ ИТ-бюджеты федеральных госорганов 2018. Исследование TAdviser // <http://www.tadviser.ru/index.php/>

⁴ Государство не знает, сколько тратит на ИТ. Доказываем на цифрах // <https://habr.com/ru/users/PPR/>

ряда закупок не к основному ИТ-ориентированному бюджетному коду ВР 242 «Закупка товаров, работ, услуг в сфере ИКТ», а к коду ВР 241 «НИОКР»; закупки в рамках гособоронзаказа и пр.

Определить (если есть) коррупционную составляющую сложно, но «пробелы цифровизации» использования ЕИС государственных и муниципальных закупок, при практическом отсутствии контроля за расходованием бюджетов проектов и программ, могут привести к увеличению коррупционной составляющей в дельта-бюджетах.

5. *Не возобновляемые издержки объектов регуляторного воздействия в ходе обмена информацией с государством* как результат отсутствия единой современной информационной среды, необходимой для принятия эффективных управленческих решений и прогнозирования будущего состояния социально-экономической сферы; низкой эффективности использования и применения собираемой статистики в ГУ.

Проявление данного феномена многообразно. Например, из всех государственных программ, размещенных в открытом доступе, из тысяч показателей в сотнях статистических форм, заполняемых «хозяйствующими субъектами», используется лишь менее 1%. Также чрезвычайно низкая результативность публикаций статистических данных свойственна и для Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) – примерно 2% от всех собираемых данных.

Если оставить без внимания вопрос о расходах на поддержание этих систем (а это порядка 70% бюджета), и сконцентрироваться на трудозатратах «хозяйствующих субъектов», то «средние трудозатраты одной бюджетной организации на ежегодный сбор 17 общих форм отчетности составляют около 650 человеко-часов в год. При условии внедрения в организации программы «ИС: Предприятие», в которой 13 общих форм могут формироваться автоматически, средние трудозатраты существенно сокращаются... (последнее примечание актуализирует другую проблему – проблему «неподготовленности» учреждений к выполнению обязательных требований).

Издержки всех государственных и муниципальных организаций бюджетной сферы на предоставление в Росстат данных по 17 формам отчетности составляют 34,75 млрд руб. ежегодно при условии неавтоматизированного сбора показателей.

Имеют место и колоссальные издержки на сбор общей информации практически по тем же показателям, которые все учреждения предоставляют своим «учредителям», размещая информацию в открытом доступе, в том числе и на официальном сайте для информации о государственных / муниципальных учреждениях – www.bus.gov.ru.¹

Мы обратили внимание на явные проблемы информатизации, автоматизации, цифровизации, электронного правительства. За «скобками» остались такие, как отсутствие действенного механизма участия общественности в коммуникациях с «государством», полукрытость информационных систем для внешнего контроля, манипуляции данными и с данными, «предвзятость» цифровых технологий, несовершенство «экосистемы» и архитектуры электронного правительства, плохая интеграция информационных систем. и пр.

Сложившаяся ситуация позволяет делать вывод о том, что:

1. *одной из целей цифровизации, по нашему мнению, выступает возможность повысить управляемость через усиление контроля политического уровня над административным, административного – над объектами регуляторного воздействия. В данном случае – это тоже одно из проявлений эффективности ГУ.*

Внимание к количественным показателям – *возможность повысить позиции в международных рейтингах индикаторов цифровой экономики (Индекс развития ИКТ (ICT Development Index), Индекс развития электронного правительства (E-Government Development Index), Глобальном индексе конкурентоспособности (Global Competitiveness Index); Глобальном инновационном индексе (Global Innovation Index), Индекс драйверов производства (Drivers of Production Index), Международном индексе цифровой экономики и общества (International Digital Economy and Society Index, I-DESI) и пр.)* . Это также показатели качества и эффективности управления.

2. *Новые цифровые технологии в нашем случае не помогают решению социально – экономических проблем как проблем ГУ (не потому, что не могут, а потому, что их не используют в прогнозном,*

¹ Дмитриева Н.Е., Плаксин С.М., Синятуллина Л.Х. Оценка издержек организаций на сбор статистической отчетности, или сколько стоит показатель // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 2. С. 78–80.

стратегическом управлении). Более того, внедрение новых технологий может повлечь за собой появление новых проблем.

3. Говоря о цифровизации ГУ, все-таки акцент необходимо делать не на цифровизации, а на ГУ. В связи с этим, логика «ввода» в отечественную «повестку дня» вопросов цифровизации – это логика «чуда», при этом *«всплеск» техно оптимизма – свидетельство не столько перспектив цифровизации, сколько серьезных проблем государственного управления.*

Вызов сложен, а из сложных положений нет простых выходов. Но, чтобы выйти из него, в первую очередь необходимо не только признать нетипичность ситуации, но и дать оценку тому, почему мы в ней оказались.

Литература

1. Бюджеты на информатизацию 2016 // portal.eskigov.ru
2. Государство не знает, сколько тратит на ИТ. Доказываем на цифрах // <https://habr.com/ru/users/PPR/>
3. *Дмитриева Н.Е., Плаксин С.М., Синятуллина Л.Х.* Оценка издержек организаций на сбор статистической отчетности, или сколько стоит показатель // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 2. С. 73 –91.
4. ИТ-бюджеты федеральных госорганов 2018. Исследование TAdviser // <http://www.tadviser.ru/index.php/>
5. *Кац Пауль.* The Transformative Economic Impact of Digital Technology // http://unctad.org/meetings/en/Presentation/ecn162015p09_Katz_en.pdf
6. *Марш П.* Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства / пер. с англ. М.; 2015. 420 с.
7. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7Mo.pdf>
8. Национальные проекты: ключевые цели и ожидания // <http://government.ru/news/35675/>

9. Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа (кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация / Под ред. М. 2018. 53 с.

10. Положение о координации мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности государственных органов (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 мая 2010 года № 365; с изменениями на 25.09.2018 г.) // <https://base.garant.ru/198333/>

11. Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы // <https://bazanpa.ru/>

12. Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/#review>

13. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>

14. Цифровое правительство 2020: перспективы для России. Доклад Всемирного Банка. Апрель 2016 <http://www.iis.ru/docs/Digital-GovernmentRussia2020RUS.pdf>

раздел 6

Глобализация:
социально-
экономические
дисконтенты

Айвазов А.Э.,

*директор Центра международных исследований
экономических циклов Дж. Арриги и Н. Кондратьева
ОГУ имени И.С. Тургенева*

**Эволюции мировой валютной системы:
проблемы и перспективы¹**

Аннотация. В статье раскрывается эволюция денег и мировых валютных систем в соответствии со сменой Мировозьяственных укладов и мировых центров накопления капитала.

Ключевые слова: фидуциарные деньги, фиатные деньги, электронные деньги, криптовалюты, золотой стандарт, плавающие курсы

Ajvazov A.E.,

*Director of G.Arrighi & N.Kondratiev Center
for International Studies of Economic Cycles
Orel State University named after I.S.Turgenev*

**Evolution of the World Monetary System:
Challenges and Prospects**

Abstract. The article reveals the evolution of money and world currency systems in accordance with the change of world Economic structures and world centers of accumulation of capital.

Keywords: fiduciary money, Fiat money, electronic money, cryptocurrencies, gold standard, floating rates

Зарождение мировой валютной системы началось в период перехода с Сельскохозяйственной к Индустриальной цивилизационной вол-

¹ Статья подготовлена на основе исследований в рамках подержанного РФФИ научного проекта № 18-10-00500 А

не (теория трех волн в развитии человеческой цивилизации Э. Тоффлера).

Описывая современные ему деньги, Адам Смит (3, с. 21) предметом тщательного анализа сделал золото и серебро, т.к. на фазе торгового капитализма (1500–1800 гг.) окончательно сформировалась система биметаллизма. Открытие золотых и серебряных рудников существенно влияло на соотношение цен на эти металлы, вызывая вымывание из обращения то серебра, то золота в соответствии с законом Грешэма. Поэтому система биметаллизма была недостаточной в качестве основы зарождающейся мировой валютной системы и не отвечала интересам развивающейся капиталистической экономики.

С развитием торгового капитализма появились банки, выпускавшие бумажные деньги – банкноты (фидуциарные деньги). В Европейских странах бумажные деньги стали использоваться в XVII в., но государства заметили, что фидуциарные деньги постоянно обесцениваются. В XVIII–XIX вв. в Европе стали законодательно устанавливать золотое содержание бумажных денег, и они превратились из фидуциарных, не обеспеченных материальными ценностями и основанных исключительно на доверии (от латинского *fiducia* – доверие) в фиатные (от латинского *fiat* – декрет, указание), золотое обеспечение которых устанавливалось государствами.

Промышленная революция XVIII–XIX вв. привела к переходу от Сельскохозяйственной цивилизационной волны к Индустриальной. Великобритания первой осуществила Промышленную революцию, овладев ТУ I и ТУ II (теория технологических укладов С.Ю. Глазьева). Произошел переход с Голландского СЦНК (теория системных циклов накопления капитала Дж. Арриги) к Британскому, лидером которого стала Великобритания. В рамках Голландского СЦНК (торговая фаза капитализма) расчеты велись в золоте и серебре и лишь частично использовались фиатные деньги. Резкое увеличение объема обрабатываемой товарной массы потребовало новой денежной системы. Центр финансовых расчетов в Лондоне сформировал финансовую основу своего мирового господства (центра накопления капитала). Великобритания перешла в 1816 г. на «золотой стандарт», с 1821 г. британская денежная единица – фунт стерлингов начала свободно конвертироваться в золото.

«Золотой стандарт» – это система валютных отношений, когда каждая страна выражала стоимость своей валюты в определенном весовом количестве золота, а ЦБ и правительства покупали и продавали золото по фиксированной цене, определяемой золотым содержанием своей валюты. США перешли на систему «Золотого стандарта» с 1837 г., Германия – с 1875 г., Франция – с 1878 г., Россия – с 1897 г. Юридически эта валютная система была оформлена на Парижской конференции 1867г.

В рамках Парижской валютно-финансовой системы котировка каждой валюты была привязана к золоту и обменные курсы были фиксированными до начала Первой мировой войны. Перемещение золота между странами в условиях золотого стандарта балансировало платежные балансы стран. «Золотой стандарт» стал, по нашему мнению, одним из основополагающих институтов Колониального МХУ (теория мирохозяйственных укладов С.Ю. Глазьева) в рамках Британского СЦНК.

При переходе от фазы материальной экспансии Британского СЦНК к фазе финансовой экспансии в конце XIXв. Великобритания удерживала лидерство в мировой экономике, опираясь на систему «золотого стандарта» и британский фунт стерлингов «такой же хороший, как золото». Этот переход привел к утрате Великобританией позиций в производстве. В процессе освоения III ТУ в конце XIX – начале XXвв. жесткую конкуренцию ей составили Германия, США и Россия. Для подрыва мощи конкурентов Великобритания стравлила Россию и Германию в Первой мировой войне. Ей также удалось поставить США под свой финансовый контроль при помощи создания в декабре 1913 г. Федеральной Резервной Системы США, состоящей из 12 частных банков, находящихся под контролем британского капитала.

В результате первой мировой войны экономическая мощь России и Германии были подорваны, рухнули наиболее слабые колониальные империи Британского СЦНК: Германская, Российская, Австро-Венгерская и Османская. Но и сама Великобритания превратилась из основного инвестора США в их главного должника. Попытка во второй половине 1920-х гг. вернуться к системе золотого стандарта привела к кризису британской экономики и отказу Британии от золотого стандарта. Отказ от размена банкнот на золото привел к изъятию золота и серебряной монеты из обращения.

Война истощила экономические ресурсы, вызвала инфляционные процессы, привела к увеличению оборота бумажных денег в экономике. Цены на товары и услуги возросли многократно, а добыча золота для обеспечения фиатных денег практически не увеличилась.

Послевоенное соотношение официальных золотых запасов стран обусловило архитектуру Генуэзской (1922 г.) мировой валютной системы. В ее основе лежали те же идеи, что и в Парижской: золото – основа мировых денег, сохранялся золотой паритет, но вместо золотомонетного стандарта возник золотодевизный стандарт, который базировался на фиатных валютах ведущих стран, в первую очередь США и Великобритании.

В период между двумя мировыми войнами на фоне глобального экономического кризиса и Великой депрессии происходило формирование Американского СЦНК, развязывались валютные войны с потоками «горячих денег», валютными блоками и стремительными девальвациями.

В США бумажные купюры стали окончательно основным платежным средством в 1933 г. По указу Франклина Д. Рузвельта гражданам за хранение более 100 долларов золотом грозил штраф в 10 тыс. долларов или 10 лет тюрьмы. Доллар США был значительно обесценен (до этого одна тройская унция золота равнялась 24 бумажным долларам, а с 1933 г. она стала стоить 35 долларов).

В результате Великой Депрессии фиатные валюты стали господствующей формой денежного обращения.

Период смены мировых лидеров (уходящая Великобритания и восходящие США) привел к широкому использованию двух национальных валют в международных расчетах. Значительные золотые резервы позволили Великобритании и США в середине 1930-х гг. возглавить стерлинговый и долларový блоки, что делало фиатные по сути доллар и фунт стерлингов мировыми резервными валютами.

Отказ от золотого стандарта во время валютных войн 1930-х гг. был предопределен его неспособностью стимулировать занятость в условиях кризиса. Дж. М. Кейнс писал: «Интересно отметить, что как раз то свойство, благодаря которому золото традиционно считалось особенно удобным для выполнения функции стандарта ценности, а именно неэластичность его предложения, оказалось лежащим в основе всех затруднений» (1, с.226).

К концу Второй мировой войны Великобритания окончательно утратила роль мирового лидера и из крупнейшего мирового кредитора превратилась в должника с нестабильной валютой. Только доллар США стал «таким же хорошим, как золото» (5). В 1947г. 70% золотых резервов мира были у США. Америка стала крупнейшим индустриальным производителем и крупнейшим кредитором воюющих стран. Поэтому новая Бреттон-Вудская мировая валютно-финансовая система (1944г.) базировалась на «долларовом стандарте», как основополагающем институте Имперского МХУ в рамках Американского СЦНК. Финансирование США программ помощи в соответствии с Планом Маршалла и слабость основных европейских валют привели к зарождению рынка евродолларов.

За 1948–1950 гг. США потратили более 15 млрд долларов на прорыв блокады Западного Берлина, помощь европейским странам и Турции (6). Шестнадцать европейских стран получили 13,6 млрд долларов США, что эквивалентно 88 млрд долларов в ценах 1997 г. (7). Корейская война и использование Плана Маршалла для восстановления Японии, а позднее и война во Вьетнаме привели к бурному развитию рынка доллара на востоке Азии. В послевоенное десятилетие из 8,5 млрд долларов роста мировой ликвидности на товарных и финансовых рынках 7 млрд обеспечивал дефицит платежного баланса США (8). Активная экспансия доллара США обеспечила ему особую роль в мировой финансовой системе, окончательно сформировав Американский СЦНК.

Долларовый стандарт Бреттон-Вудской системы базировался на паритете в 35 долларов США за тройскую унцию золота и фиксированных к доллару курсах остальных валют. Это был расцвет фиатных денег.

К началу 1970-х гг. европейский и японский экспорт стали более конкурентоспособными, и доля США в мировом производстве сократилась. Интенсивные потоки американских зарубежных инвестиций привели к общему дефициту платежного баланса США. Существование только одной валюты в качестве мировых денег породило фундаментальную проблему всей мировой валютной системы: с одной стороны, дефицит платежного баланса США позволяет обеспечить ликвидностью мировую экономику, с другой – он же становится потенциальным источником нестабильности, подрывая доверие к доллару, как мировой резервной валюте.

Р.Триффин предложил создать новые резервные единицы для поддержания необходимой ликвидности, отказавшись от монополии доллара (9). Подобную идею банкора предлагал еще Дж. М. Кейнс в 1944 г. в Бреттон-Вудсе (спустя десятилетия она была реализована в виде СДР – Специальных Прав Заимствования, эмитируемых МВФ). Но в Бреттон-Вудсе главной задачей США было не формирование устойчивой мировой валютно-финансовой системы, а установление господства в мировой экономике, для чего и был введен «долларовый стандарт».

ЦБ Западной Европы согласились сотрудничать с Нью-Йоркским Федеральным резервным банком для сглаживания колебаний цены золота. Это соглашение («Золотой пул») имело целью недопущение «ненужных и тревожных колебаний цен на золото на свободном рынке» (10), позволило на время ограничить спекулятивные атаки на доллар. «Золотой пул» просуществовал до 1968 г. и был заменен двухуровневой моделью рынка золота (свободное ценообразование для частных сделок и официальный курс для операций ЦБ) вплоть до развала Бреттон-Вудской системы в 1973 г.

Официальные золотые резервы США в 1960-х гг. уже не могли обеспечить весь объем обращающихся за пределами США долларов. В Европе дефицит долларов сменился избытком, что вызвало желание обменять доллары на золото. Первым это сделал президент Франции де Голль, отправив корабли с бумажными долларами в США для обмена на золото. За Францией последовали другие страны. Попытки сохранить Бреттон-Вудскую валютную систему продолжались до 15 августа 1971 г., пока президент США Р.Никсон не объявил о «временной» приостановке обмена доллара на золото. Это был конец фиатных денег.

В 1976 г. на смену Бреттон-Вудской системе была принята Ямайская валютно-финансовая система. В ее рамках курсы валют устанавливаются не государством, а рынком, для неё характерно постоянное колебание обменных курсов, которые получили название плавающих. Вторая поправка в Статьи соглашения МВФ, принятая в апреле 1978 г., отменила официальную цену золота, и как следствие, использование золота в качестве основы валютных курсов. Официальная демонетизация золота, т.е. превращение фиатных денег в фидуциарные – отличительная черта ныне существующей валютной системы.

Ямайская валютно-финансовая система, как и Генуэзская, носит переходный характер, т.к. существует в рамках Американского СЦНК только в фазе не материальной, а финансовой экспансии. Фаза финансовой экспансии любого СЦНК в соответствии с теорией Дж. Арриги отражает стадию заката, когда господство страны-лидера ослабевает, и завершается мощным финансовым кризисом.

1970–1980 гг. в экономической науке называются периодом стагнации. С одной стороны, происходил объективный процесс стагнация экономики, порожденный понижательной волной Кондратьевского цикла, обусловленной формированием V ТУ. С другой – стагнация сопровождалась резким ростом инфляции, вызванной не столько «нефтяным эмбарго» 1973г., сколько отказом от золотого обеспечения доллара. С 1971 и до начала 1980-х гг. цены на золото и нефть выросли в 18–20 раз, а относительно товаров массового спроса – в 5–8 раз, т.к. фиатные деньги превратились в фидуциарные, а доверие к доллару было подорвано.

И только после резкого подъема ФРС учетной ставки до 18,5% на рубеже 1970–1980-х гг. процесс обесценения доллара прекратился. Это спасло доллар от катастрофы свободного падения, угрожавшей его роли глобальной резервной валюты.

В 1979–1985 гг. доллар вырос до абсолютного максимума. Но сильный доллар сделал американскую продукцию дорогой и снизил конкурентоспособность США. В 1980-х гг. экспансию Японии и Германии США удалось подавить Соглашением в отеле «Плаза» в 1985 г., «убедив» руководителей ЦБ и министров финансов крупнейших стран принять согласованные меры по регулированию на мировых рынках «свободно плавающих» валют. В результате марка и иена за 2 последующих года подорожали относительно доллара практически в 2 раза, и следующие два десятилетия стали самыми успешными для американской экономики.

После кризиса 2008 г. резко возросла экспансия со стороны объединенной Европы, Китая, Индии и других стран. Центр мировой экономики стал перемещаться из Атлантики на Азиатский континент, где формируется новый Азиатский СЦНК с Китаем, Индией, Японией и странами Юго-Восточной Азии. Новые лидеры мировой экономики неизбежно сформируют новую адекватную их потребностям валютно-финансовую систему, базирующуюся на системе фидуциарных денег.

Очевидно, что мировая валютная система уже никогда не сможет вернуться к золотому обеспечению мировых валют, т.к. сумма официальных золотых резервов всех стран мира эквивалентна лишь 1,7% МВП за 2017 г., а объемы только деривативов и других финансовых инструментов в десятки раз превышают МВП.

В основе Ямайской валютной системы лежит доллар США, хотя его доля в международных расчетах постепенно сокращается. Вплоть до начала 1990-х гг. доля долларовых активов в общем объеме мировых зарубежных активов стабильно превышала 50%, а на конец первого квартала 2018 г. (данные Банка международных расчетов) только 48,27% (11).

Развитие финансовых рынков способно повлиять на структуру резервных активов мировой валютной системы. По данным Банка Англии, в настоящий момент по всему миру заключено 160 двусторонних своп-линий между ЦБ (12). Валютный своп превратился в средство продвижения национальных валют в качестве инструмента расчетов на мировом рынке. И это не случайно, т.к. господство доллара постепенно уходит в прошлое, а новая валютно-финансовая система пока еще не сформировалась.

Народный банк Китая в течение нескольких лет осуществлял «дипломатию валютных свопов». В итоге им создана сеть из 100 активных линий свопа с участием более 40 стран с лимитом, превышающим 1 триллион долларов США. С 1 октября 2016г. китайский юань вошел в корзину валют, определяющую стоимость СДР. По сути, это официальное признание юаня новой резервной валютой.

Развитие информационных технологий, с одной стороны, значительно упростило международные расчеты, но, с другой стороны, привело к появлению Flash Crash – внезапных обвалов на биржах. Несмотря на создание механизмов предотвращения Flash Crash, мгновенные биржевые обвалы периодически происходят. Так, 5 февраля 2018 г. за считанные минуты индекс Dow Jones упал на 1600 пунктов (13).

Тем не менее, финансовые инновации при условии государственного и международного регулирования способны повысить эффективность мировой валютной системы. Электронные деньги и виртуальные валюты, отражающие суть современных фидуциарных денег – одна из наиболее востребованных инноваций, способных изменить мировые финансы.

На основании определений FATF и классификации М. Беха и Р. Гаррата криптовалюты можно охарактеризовать как электронные средства обмена, не являющиеся чьими-либо обязательствами, оборот которых происходит без посредников (peer-to-peer). Но по сути современные доллары по обеспеченности материальными ценностями и гарантированности не отличаются от Bitcoin, Ethereum и других криптовалют.

Директор-распорядитель МВФ Кристин Лагард особое внимание уделяет анонимности операций с криптовалютой, опасаясь, что они станут основой механизма отмывания «грязных денег». В подтверждение он приводит историю ликвидации в июле 2017 г. AlphaBay, крупнейшего нелегального онлайн-рынка. За два года незаконной деятельности через AlphaBay прошло виртуальных валют на сумму более 1 млрд долларов США. Тем не менее, руководитель МВФ придерживается взвешенной позиции: «...неблагоразумно отвергать криптоактивы; нам следует приветствовать их потенциал, но при этом признавать и их риски» (14).

Криптовалюты – это чисто фидуциарные деньги, которым принадлежит будущее. Их ценность поддерживается исключительно ожиданиями того, что они и дальше будут пользоваться спросом и использоваться в расчетах. В отличие от фиатных денег в случае кризиса котировки криптовалют становятся непредсказуемыми, но криптовалюты имеют несколько потенциальных преимуществ перед фиатными деньгами, в частности, более высокую скорость осуществления платежей, в том числе трансграничных.

Академик С.Ю. Глазьев считает, что формирующийся в XXI в. в рамках Азиатского СЦНК Интегральный МХУ предъявит новые требования и к мировой денежной системе, в которой криптовалюты будут играть важнейшую роль.

В условиях Интегрального МХУ применение цифровых технологий в финансовом секторе позволяет обеспечить надежный контроль за обращением денег, превратить деньги из фетиша в инструмент обеспечения развития экономики.

Новые цифровые деньги не только сочетают преимущества нынешних безналичных (удобство обращения и накопления) и наличных (нумерация) денег, но и имеют принципиально отличительные свойства, которые и делают их новым типом денег.

По нашему глубокому убеждению, новая финансовая система, отвечающая требованиям формирующегося в рамках Азиатского СЦНК Интегрального МХУ, будет окончательно сформирована в ближайшие десятилетия.

Литература

1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007.- 960 с.
2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Шедевры мировой экономической мысли. Т.1, – Петрозаводск, Петроком, 1993. – 320 с.
3. Статистический сборник за 1913–1917 гг. Труды Центрального Статистического Управления. Том VII. Вып.2 – Москва 1922. – 307 с.
4. https://www.imf.org/external/np/exr/center/mm/eng/mm_dr_01.htm
5. https://www.imf.org/external/np/exr/center/mm/eng/mm_dr_04.htm
6. https://www.imf.org/external/np/exr/center/mm/eng/mm_dr_03.htm
7. https://www.imf.org/external/np/exr/center/mm/eng/mm_dr_05.htm
8. https://www.imf.org/external/np/exr/center/mm/eng/mm_sc_03.htm
9. <https://www.gold.org/what-we-do/official-institutions/central-bank-gold-agreements/historic-gold-agreements>
10. <http://stats.bis.org/statx/srs/table/ar?m=S>
11. <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/working-paper/2018/central-bank-swap-lines.pdf?la=en&hash=37459215724CDC67F2FA1FB54B28E756D42E8906>
12. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-02-05/dow-s-15-minute-plunge-had-elements-of-a-flash-crash-isi-says>
13. <http://www.imf.org/external/russian/np/blog/2018/031318r.pdf>

Анисимова Г.В.,

*кандидат экономических наук,
доцент, ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН*

**Российское государство
в условиях глобального неравенства**

Аннотация. В статье показано, что результатом либеральных постсоветских реформ явилось избыточное неравенство населения по уровню благосостояния, происходящее на фоне катастрофического снижения жизненного уровня огромной части населения России. Действующие в России правовые и экономические механизмы в сфере регулирования доходов не решая задачу борьбы с неравенством и бедностью, воспроизводят их в расширенном масштабе, что является угрозой социальной стабильности общества и устойчивого экономического развития.

Ключевые слова: неравенство доходов, бедность, государственная политика

Anisimova G.V.,

*Candidate of Economics, Associated Professor,
Leading Researcher, Institute of Economics, RAS*

The Russian State in the Conditions of Global Inequality

Abstract. The article shows that the result of liberal post-Soviet reforms was excessive inequality of the population in terms of well-being, taking place against the background of a catastrophic decline in the living standards of a huge part of the population of Russia. The existing legal and economic mechanisms in Russia in the sphere of income regulation do not solve the problem of combating inequality and poverty; reproduce

them on an extended scale, which is a threat to social stability and sustainable economic development.

Keywords: income inequality, poverty, public policy

Вопросы социально-экономического неравенства и его пределов сегодня привлекают все большее внимание исследователей многих стран мира. Действительно, проблема неравенства сказывается не только на торможении экономического роста, но является потенциальным источником социальных конфликтов. Этой проблемой занимаются представители многих социальных наук. Особое значение в исследовании вопросов неравенства имеет политическая экономия. Сегодня проблема неравенства для политической экономии стала центральной как в свое время проблема классов и классового противостояния в распределении богатства занимала аналогичное место в классической политической экономии.

Джозеф Стиглиц (Нобелевский лауреат по экономике) в своей книге «Цена неравенства» прямо пишет: «Неравенство есть причины и следствие провалов политической системы, и именно оно ведет к росту нестабильности нашей экономической системы»¹. И в другом месте: «Рынки сами по себе, даже тогда, когда они стабильны, зачастую приводят к высоким показателям неравенства, что на выходе означает несправедливость»². Фундаментальным противоречием капитализма назвал неравенство и Т. Пикетти в переведенной на русский язык книге «Капитал в XXI веке»: «Неравенство... означает, что рекапитализация имущества, накопленного в прошлом, протекает быстрее, чем растут производство и зарплаты. Это неравенство отражает фундаментальное логическое противоречие»³. Таким образом, проблема неравенства в настоящее время заняла, пожалуй, первое место в мировой экономической теории.

Как показывают современные научные исследования, рост неравенства в последние десятилетия происходит во многих странах,

¹ *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. С. 36.

² Там же. С. 38.

³ *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 585.

независимо от уровней их экономического развития и, несмотря на некоторое сокращение масштабов крайней нищеты. Небольшая группа мировой элиты концентрирует в своих руках все больший объем глобального богатства.

Впечатляют данные масштабного исследования (2016 г.) швейцарской финансовой компании Credit Suisse. Распределение мирового богатства является крайне неравномерным (см. рис. 1). Всего лишь менее одного процента (0,7%) взрослого населения мира (33 миллиона человек), имеет душевое богатство свыше 1 миллиона долл. Эти миллионеры в совокупности владеют почти половиной всего мирового богатства (45,6%) в общей сложности – 116,6 трлн. долл. При этом люди, имеющие душевое богатство менее 10000 долл., составляют 73% взрослого населения мира (3,5 миллиарда человек). Их совокупное богатство составляет всего лишь 6,1 трлн. долл. (или 2,4% от всего мирового богатства). Две наиболее богатые группы населения, составляя всего менее 10% взрослого населения планеты (8,2%) владеют почти 90% мирового богатства (86,2%).

№ сектора пирамиды (уровень доходов)	Душевое богатство (долл.)	Мировое богатство (долл.)	Доля мирового богатства
I	> 1 млн	116,6 трлн	45,6%
II	от 0,1 до 1 млн	103,9 трлн	40,6%
III	от 10000 до 100000	29,1 трлн	11,4%
IV	< 10000	6,1 трлн	2,4%

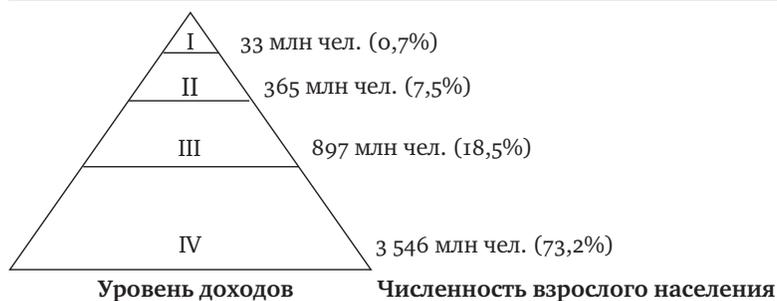

Рис. 1. Пирамида распределения мирового богатства (2016 г.)¹

¹ Global Wealth Report. Switzerland: Credit Suisse AG, 2016. P. 24.

Согласно данным ежегодного отчета Global Wealth Report среди крупных стран именно Россия лидирует по неравенству распределения богатства. На долю самых богатых 1% россиян приходится 74,5% всех личных активов в России. Кроме того, за период 2012–2016 гг. наблюдается весьма негативная тенденция роста концентрации богатства у наиболее обеспеченного 1% населения России – доля состояния этой части населения увеличилась почти на 4%. Россия также занимает верхнюю строчку и по доле богатства самых состоятельных 5% населения (это 84,8% всего богатства страны), и самых состоятельных 10% населения (89,0%)¹.

Динамика коэффициента Джини, который характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения, за период 1992–2018 гг. в России вырос с 0,289 до 0,411. Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), характеризующий степень социального расслоения и являясь наиболее выразительным показателем, позволяет наиболее четко оценить состояние доходов групп населения, находящихся на краях распределения – бедных и богатых. Учитывая, что за период 1992–2018 гг. значение коэффициента фондов выросло почти в два раза и к 2019 г. доходы наиболее обеспеченного населения превысили доходы наименее обеспеченного в 15,5 раз², то следует сделать вывод о переходе дифференциации доходов в крайние, особо опасные формы социально-экономического неравенства, несущие угрозу социальной стабильности общества. Неравенство в российском обществе следует рассматривать как избыточное, которое снижая внутренний спрос на товары массового потребления, является тормозом экономического роста³.

¹ Global Wealth Databook. Switzerland: Credit Suisse AG, 2012. P. 150; Global Wealth Databook. Switzerland: Credit Suisse AG, 2016. P. 148.

² Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России, 2002. С. 130; Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (Обновлено 30.04.2019).

³ См. подробнее: *Войков М.И., Анисимова Г.В.* Политическая экономия неравенства. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 198–205.

В современной России вопреки заботе о социальном благополучии граждан, о которой говорят руководители государства, начиная с 2013 г. происходит увеличение численности бедных. Если в 2013 г. в России насчитывалось 15,5 миллионов человек с доходами ниже прожиточного минимума, то в 2018 г. численность граждан России, живущих за чертой бедности, выросла до 18,9 миллионов, составив 12,9% от общей численности населения¹. Это официальные данные российской статистики, согласно которым к бедным относят лиц с доходами ниже прожиточного минимума.

По данным ВЦИОМ более 80% россиян считают бедными тех, кому едва хватает средств на еду или одежду.

Таблица 1. Распределение опрошенных по оценке материального положения (один ответ, % от всех опрошенных, среднемесячные значения)

	март 2012	март 2013	март 2014	март 2015	март 2016	март 2017
Мы едва сводим концы с концами.	5	4	3	7	9	6
Денег не хватает даже на продукты						
На продукты денег хватает, но покупка одежды уже затруднительна	24	21	17	25	33	29
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка холодильника, телевизора, мебели для нас – проблема	48	53	57	42	39	39
Можем купить холодильник, телевизор, мебель, но на большее денег нет	20	20	21	23	14	18

Источник: ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3349. 12.04.2017 // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116154>

Согласно данным социологического опроса численность бедных в марте 2017 г. составила 35%: в том числе 6% респондентов отметили, что для них затруднительна даже покупка продуктов, 29% – что им

¹ Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (Обновлено 30.04.2019).

едва хватает денег на одежду (таблица 1). Количество бедных в России за 2014–2017 гг. выросло почти вдвое. Так, если в 2014 г. доля тех, кто заявлял, что им не хватает даже на еду или хватает только на нее, составляла в сумме 20%, то в 2017 г., этот показатель вырос до 35%.

Реальные масштабы бедности в стране можно показать на основе оценок калорийности питания различных доходных групп населения. Энергетическая ценность продуктов питания в среднем на одного человека в сутки должна составлять для трудоспособного населения 2487 ккал¹, что соответствует нормам физиологической потребности в пищевых веществах и энергии для работников очень легкой и легкой физической активности. Оценка энергетической ценности питания по доходным группам населения показывает, что энергетическая ценность продуктов питания тридцати процентов населения ниже этой минимально допустимой нормы. Т.е. фактически бедными являются не 15% (что вытекает из данных Росстата), а 30% населения, т.е. в два раза больше (см. рис. 2).

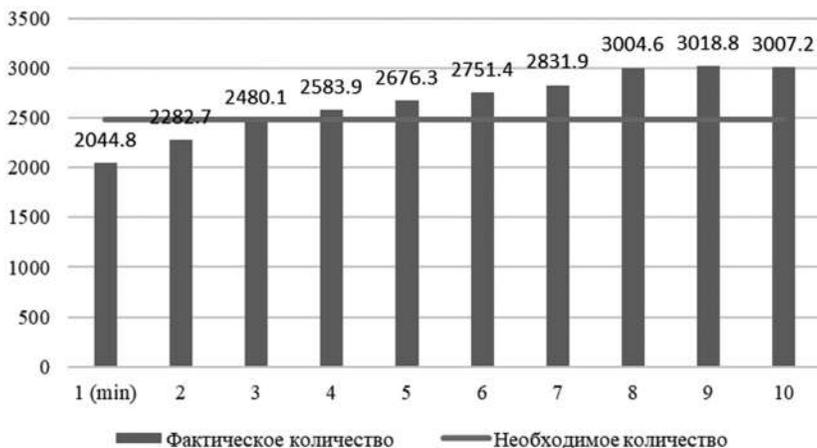

Рис. 2. Соотношение величины необходимого и фактически получаемого количества калорий по 10 процентным (дециль-

¹ Пояснительная записка к Проекту Федерального закона «О потребительской корзине в целом по РФ» (принят в первом чтении 28 сентября 2012 г.). URL: // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=36092#o>

ным) группам населения в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов (в среднем за сутки на потребителя, ккал)¹

Таким образом, в реальности слой бедности (особенно если его сравнивать с западными странами) значительно больше, чем показывают данные официальной статистики, и распространяется он на значительную часть так называемого среднего класса российского населения, который за последние годы имеет тенденцию к сжатию.

Использование средних статистических величин скрывает за собой удручающую картину обеднения большей части российского населения. Как свидетельствуют официальные данные, наблюдается положительная тенденция увеличения среднедушевых денежных доходов населения. За период 2011–2016 гг. их величина выросла примерно на 10 тыс. руб. (табл. 2). Но это в среднем.

Таблица 2. Динамика доходов населения

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	20780	23221	25928	27767	30467	30744
Реальные денежные доходы населения в процентах к:						
2011	100	105,8	110,9	110,4	105,8	99,9
2012		100	104,8	104,3	100,0	94,5
2013			100	99,5	95,4	90,1
2014				100	95,9	90,5
2015					100	94,4
Реальные располагаемые денежные доходы населения в процентах к:						
2011	100	104,6	108,8	108,1	104,6	98,6
2012		100	104,0	103,3	100,0	94,2
2013			100	99,3	96,2	90,6

¹ Состав пищевых веществ и энергетическая ценность суточного рациона по 10-процентным группам населения // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#

2014				100	96,8	91,2
2015				100	94,2	
Медианное значение среднедушевого денежного дохода населения (в месяц), руб.	15435	17131	19152	20594	22713	22948
Модальное значение среднедушевого денежного дохода населения (в месяц), руб.	8466	9323	10449	11328	12624	12786
Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения; рублей в месяц)	5688	6510	7306	8050	9701	9828

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 91; Россия в цифрах. М.: Росстат, 2012, с. 136; 2017, с. 130.

Величина среднедушевых доходов рассчитывается как среднее значение между сверхдоходами миллиардеров и нищенскими доходами бедняков. Поэтому показательной является не средняя величина доходов, а модальное – значение дохода, наиболее часто встречающееся в распределении населения по величине среднедушевых денежных доходов. Оно более, чем в два раза меньше средней величины. Т.е. основная часть населения имеет доходы, совсем незначительно превышающие весьма низкую величину прожиточного минимума.

Кроме того, хотя среднедушевые денежные доходы населения выросли – это доходы номинальные, т.е. измеренные в текущих ценах. Сравнить же имеет смысл только реальные показатели, вычисленные в неизменных ценах определенного года, принятого за базу отсчета. За общей позитивной динамикой роста средних доходов, скрывается негативная тенденция сокращения их реальной величины, начиная с 2014 г., когда реальные среднедушевые доходы упали на 0,5%, составив 99,5% от уровня 2013 г. Далее эта тенденция усилилась: в 2015 г. реальные доходы упали почти на 4% (показатель составил 95,9%), а в 2016 г. более, чем на 5% (94,4% по сравнению с 2015 г.).

Трудящийся класс сегодня не имеет нормальной, достойной этого названия зарплаты. У большинства работников (почти 70%) заработная плата не достигает среднероссийского значения. Начиная с 2013 г. наблюдается падение роста реальных заработных плат, а в

2015 г. – даже их сокращение (табл. 3). Кроме того, при анализе реального уровня заработной платы необходимо учитывать существенное падение курса национальной валюты, которое сказывается на росте цен не только импортных, но и многих отечественных товаров. В пересчете на доллары зарплаты не выросли, а сократились и к 2018 г. еще не достигали уровня 2010 г. Среднемесячная начисленная заработная плата в 2017 г. в долларовом эквиваленте составляла всего 71% по сравнению с 2013 г.

Таблица 3. Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций

Годы	Реальная начисленная заработная плата, в процентах к предыдущему году	Среднемесячная начисленная заработная плата в ценах соответствующего года	
		руб.	долл. США (исходя из среднегодового официального курса доллара)
2010	105,2	20952	690
2011	102,8	23369	796
2012	108,4	26629	857
2013	104,8	29792	936
2014	101,2	32495	856
2015	91,0	33981	560
2016	100,8	36746	549
2017	102,9	39144	671

Источники: Реальная среднемесячная начисленная заработная плата работников по субъектам Российской Федерации за 2000–2017 гг. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (Обновлено 21.03.2019); Россия в цифрах. М., 2018. С. 125.

Главный недостаток в области заработной платы сегодня, то, что она во многом утратила свою экономическую природу – быть стимулом в трудовых отношениях, отражать результаты труда. В реальной экономике встречаются факты, когда на отстающих, убыточных предприятиях заработка более высокие, чем на платежеспособных; в одном и том же населенном пункте аналогичные предприятия или одни и те же профессии получают за одинаковую по содержанию и

интенсивности работу резко различную заработную плату. Величина оплаты труда зачастую не зависит от состояния производства на предприятии, в отрасли, в регионе¹. Все происходит хаотично, бессистемно, в часто искаженных теневых формах.

Указанные противоречия могут быть разрешены посредством перехода на новые принципы и условия оплаты труда, основанные на принципиально новом подходе к работнику как стабильному и долговременному фактору развития предприятия. Эта перспективная стратегия менеджмента в области оплаты труда определяется как инвестиционная, характеризуемая следующими основными чертами: гарантированность основной части зарплаты; выбор устойчивых систем оплаты труда, в которых величина заработков зависит как от важнейших характеристик работников (образование, квалификация, опыт работы), так и от результативности их работы на предприятии; установление более высоких заработков (так называемой «эффективной заработной платы») как способ привлечения и удержания работников, стимулирование повышения квалификационного уровня рабочей силы на предприятии; постоянный и устойчивый характер надтарифных стимулирующих выплат; предоставление социальных выплат и льгот, выходящих за сферу прямой оплаты труда.

Литература

1. *Анисимова Г.В.* Дифференциация уровней инновационного развития регионов / Г.В. Анисимова // Регионы России: Стратегия и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – 646 с..

2. *Воейков М.И., Анисимова Г.В.* Политическая экономия неравенства / М.И. Воейков, Г.В. Анисимова. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 272 с.

¹ См. подробнее: *Анисимова Г.В.* Дифференциация уровней инновационного развития регионов // Регионы России: Стратегия и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 188-192.

3. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3349. 12.04.2017 [Электронный ресурс]: URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116154> (дата обращения 10.03.2019).

4. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.

5. Пояснительная записка к Проекту Федерального закона «О потребительской корзине в целом по РФ» (принят в первом чтении 28 сентября 2012 г.) [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=36092#0>

6. Распределение общего объёма денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения [Электронный ресурс]: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (Обновлено 30.04.2019).

7. Реальная среднемесячная начисленная заработная плата работников по субъектам Российской Федерации за 2000–2017 гг. [Электронный ресурс]: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (Обновлено 21.03.2019).

8. Россия в цифрах. 2012. – М.: Росстат, 2012. – 573 с.

9. Россия в цифрах. 2017. – М.: Росстат, 2017. – 511 с.

10. Россия в цифрах. 2018. – М.: Росстат, 2018. – 552 с.

11. Состав пищевых веществ и энергетическая ценность суточного рациона по 10-ти процентным группам населения [Электронный ресурс]: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#

12. Социальное положение и уровень жизни населения России / Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2002. – 453 с.

13. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017. – М.: Росстат, 2017. – 332 с.

14. *Стиглиц Д. Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Дж. Стиглиц. – М.: Эксмо, 2015. – 510 с.

15. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода [Электронный ресурс]: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (Обновлено 30.04.2019).

16. Global Wealth Databook. 2012. – Switzerland: Credit Suisse AG. 2012. – 160 p.

17. Global Wealth Databook 2016. – Switzerland: Credit Suisse AG. 2016. – 158 p.

18. Global Wealth Report 2016. – Switzerland: Credit Suisse Research Institute. 2016. – 64 p.

Борисенко Н.А.,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономической теории экономического факультета
Кыргызско-Российского Славянского университета*

**Цифровая промышленность: возможности
сотрудничества и технологического прорыва
стран ЕАЭС**

Аннотация. В статье представлены основные направления в развитии промышленного сотрудничества стран ЕАЭС в условиях цифровой трансформации, обоснован кластерный и субконтрактный подход, а также обозначена необходимость формирования новых форм сотрудничества инновационного характера для обеспечения технологического прорыва в условиях цифровой трансформации промышленности.

Ключевые слова: Цифровая промышленность, Цифровое производство, Цифровой Центр субконтрактации

Borisenko N.A.,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of the Department of Economic Theory, Faculty of Economics,
Kyrgyz-Russian Slavic University*

**Digital Industry: Opportunities for Cooperation
and Technological Breakthrough of the EAEU Countries**

Abstract. The article presents the main directions in the development of industrial cooperation of the EAEU countries in the conditions of digital transformation, substantiated the cluster and subcontracting approach, and also outlined the need to create innovative forms of cooperation to ensure a technological breakthrough in the digital industry.

Keywords: Digital industry, Digital production, Digital Subcontracting Center

*Цифровая промышленность:
сущность, мировой и российский опыт*

Под *цифровой промышленностью* мы будем понимать внедрение в производственный процесс конвергентных гибридных и аддитивных технологий, которые выводят индустриальный способ производства на качественно новую ступень, объединяя машинные и немашинные принципы воздействия на природу для создания товаров, удовлетворяющих человеческие потребности с наименьшими издержками. Внедрение цифровых технологий обеспечивает рост производительности труда, повышение эффективности производственного процесса, углубление интеграции и кооперации в условиях глобальных изменений.

В качестве лидеров цифровизации в промышленности следует выделить страны ЕС. Инициатива Германского правительства «Промышленность 4.0» возникла в ответ на необходимость в горизонтальной и вертикальной интеграциях в промышленности, с обеспечением эффективного использования информации и данных, что позволит сделать разработку непрерывным процессом, идущим вдоль всей цепочки добавленной стоимости.

Отметим также, что большинство американских компаний обычно не рассматривают цифровые технологии как средство роста. На самом деле, «68% указали на то, что инвестиции в цифровые технологии в основном направлены на эффективность процессов и снижение затрат и только 25% упомянули, что инвестиции направлены на помощь в установлении связей с заказчиками. Так что акцент сделан на более высокую операционную эффективность, а не на рост продаж, создание новых каналов продаж или разработку новых продуктов и услуг»¹.

Цифровое производство – интегрированная компьютерная система, включающая в себя средства численного моделирования, трехмер-

¹ Сивараман Р. Что такое «цифровизация» предприятия? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ua.automation.com/content/chto-takoe-cifrovizacija-predpriyatija>

ной (3D) визуализации, инженерного анализа и совместной работы, предназначенные для разработки конструкции изделий и технологических процессов их изготовления¹. Цифровое производство позволяет осуществлять имитационное моделирование производственных процессов, направленное на повторное использование существующих знаний и оптимизацию технологии до начала выпуска изделия. Кроме того, цифровое производство позволяет получать обратную связь от реальных технологических операций и встраивать ее в процесс конструирования изделия, благодаря чему предприятия уже на этапе разработки могут решать производственно-технологические задачи.

Одним из ярких примеров реальных результатов применения цифровых технологий является технология Cat Connect от Caterpillar. Система отслеживает состояние оборудования и позволяет снизить эксплуатационные расходы, контролировать ход работ, обеспечивать безопасность на площадке. Данные о применении этой технологии представлены на рис. 1.²

Анализ роботизации в ПАО «КамАЗ» показал³, что:

- 60–70% роста показателя ЕВИТДА было достигнуто за счет повышения производительности и гибкости;
- 15–20% – за счет повышения качества и уменьшения брака;
- 10–15% – благодаря экономии фонда оплаты труда.

В целях максимального расширения возможностей, связанных с цифровыми инновациями, Всемирный экономический форум выступил с инициативой цифровой трансформации. В рамках инициативы была проведена оценка воздействия цифровизации на 13 отраслей и по шести межотраслевым темам. Эта работа привела нас к

¹ Экспертное мнение. Что такое цифровое производство? [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.up-pro.ru/library/information_systems/production/digital-expert1.html

² Бельзер М. Цифровизация промышленности: модный тренд или необходимое условие для сохранения конкурентоспособности? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://promdevelop.ru/tsifrovizatsiya-promyshlennosti-modnyj-trend-ili-neobhodimoe-uslovie-dlya-sohraneniya-konkurentosposobnosti/>

³ Там же.

непосредственному контакту с более чем 400 руководителями, политиками и экспертами, которые помогли раскрыть некоторые ключевые темы для обеспечения того, чтобы ценность цифровизации была захвачена как бизнесом, так и обществом.

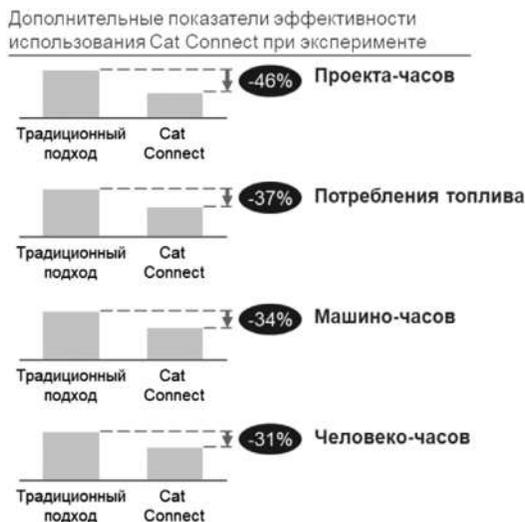

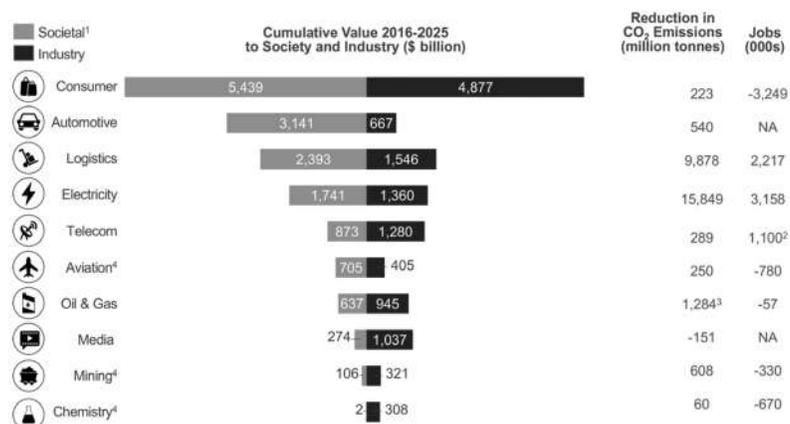
Рис. 1. Выгоды от применения технологии Cat Connect

На сегодняшний день эта работа подтвердила, что цифровизация имеет огромный потенциал: по нашим оценкам, в течение следующего десятилетия она может принести бизнесу и обществу около 100 триллионов долларов. Существуют барьеры на пути его реализации – например, неадекватная нормативно – правовая база, инфраструктурные пробелы, отсутствие доверия общественности к новым технологиям, но, если заинтересованные стороны правильно стимулируются, большая часть этой ценности должна достаться обществу.

Значение цифровизации в отраслях, проанализированных в рамках Инициативы по цифровой трансформации, представлено на рис. 2¹.

¹ Introducing the Digital Transformation Initiative. World Economic Forum. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://reports.weforum.org/digital-transformation/introducing-the-digital-transformation-initiative/>

Данный рисунок отражает, как изменится накопленная стоимость с 2016 года до 2025 года в силу изменений, происходящих в условиях цифровых преобразований в различных отраслях.

(1) Total societal value at stake includes impact on customers, society and the environment; the impact on external industries has not been considered; (2) Excludes the Extending Connectivity digital initiative; (3) Reduction in emissions for Oil and Gas refers to reduction in CO₂e emissions (4) Aviation refers to Aviation, Travel and Tourism Industry, Mining refers to Mining and Metals Industry, Chemistry refers to Chemistry & Advanced Materials Industry. Source: World Economic Forum/Accenture analysis

Рис. 2. Цифровая повестка и программы цифровизации государств-членов ЕАЭС

Решением Евразийского межправительственного совета на уровне глав правительств от 8 сентября 2015 г. № 9 «Об основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза» определено создание условий для цифровой трансформации промышленности в государствах-членах и формирования единого цифрового пространства промышленности.

В связи с чем государствами-членами ЕАЭС была утверждена Цифровая повестка и разработаны программы цифровизации на национальных уровнях и приняты к реализации. Нельзя не отметить разный уровень степени цифровизации экономик и реализацию проектов в разных секторах, однако отрицать необходимость совместных проектов в области промышленного сотрудничества нет причин.

В части промышленной трансформации РФ следует отметить создание Государственной информационной системы промышленно-

сти (ГИСП)¹, которая предусмотрена Федеральным законом «О промышленной политике». ГИСП представляет сервисы для всех субъектов промышленной деятельности, от органов власти Российской Федерации до отдельных предприятий и индивидуальных предпринимателей. Основой ГИСП являются база данных промышленных и научных организаций, классификатор промышленной продукции услуг в промышленности, а также каталог промышленных товаров и услуг в промышленности. Ключевым сервисом ГИСП является B2B-площадка для поиска заказов на поставку промышленных товаров и услуг и их размещение на выполнение. Другой системой, созданной по заказу Минпромторга России, является Геоинформационная система индустриальных парков, технопарков, кластеров (ГИСИП)², которая представляет информацию обо всех объектах индустриально-инновационной инфраструктуры, размещенных на территории, и о их резидентах. Также функционирует аналогичная система для кластеров, которая называется Российской кластерной обсерваторией³.

Особенности формирования единого цифрового пространства ЕАЭС

Однако для более эффективного сотрудничества необходимо применить кластерный подход не только на национальном, но и на наднациональном уровнях. В рамках национального уровня можно выделить сформировавшиеся кластеры, промышленные комплексы и узлы на региональном уровне на основе которых можно сформировать интеграционные промышленные узлы и комплексы в виде контрактных и субконтрактных моделей внутри региона, а затем уже осуществлять поиск связей для межгосударственного сотрудниче-

¹ На материалах сайта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://gisp.gov.ru/>

² На материалах сайта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gisip.ru/>

³ На материалах сайта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://map.cluster.hse.ru/>

ства. Данное взаимодействие представлено европейской моделью субконтрактного сотрудничества¹ через сочетание вертикальных (предметно-ориентированных) и горизонтальных (технологически-ориентированных) секторов рынка, адаптированной к ЕАЭС.

В качестве Контрактора предлагаем рассматривать головное представительство соответствующего производства, СК 1 – субконтрактор первого уровня располагается на национальном уровне, а СК 2 – субконтракторы второго уровня (малые, средние и крупные предприятия, НИИ и ИКТ компании), располагающиеся в регионах государства-члена ЕАЭС. Механизм взаимодействия будет обеспечиваться с формированием базы данных предприятий соответствующего уровня, производящих высококачественную продукцию, отвечающую техническим регламентам интеграционного объединения через Цифровую технологическую платформу соответствующей направленности. Такого рода структура будет представлять собой межгосударственный инновационно-промышленный кластер, позволяющий организовать взаимодействие не только бизнес-структур между собой, но и разработчиков в виде исследовательских институтов.

В государствах-членах Союза создано более 1150 различных объектов индустриально-инновационной инфраструктуры в сфере промышленности и инноваций, в том числе 50 свободных экономических зон, 100 индустриальных парков, 100 различных кластеров и зон развития, 200 технопарков, 300 бизнес-инкубаторов, 400 центров развития науки и инноваций².

Формирование единого цифрового пространства промышленности в первую очередь направлено на развитие и углубление сотрудничества между странами в области промышленной кооперации в научно-технической, конструкторской, технологической и инновационно-индустриальной областях, а также с целью реиндустриализации и модернизации имеющегося производственного потенци-

¹ Разработано автором на материалах отчета «Анализ мирового опыта развития и создания сетей промышленной кооперации и субконтрактации» // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/

² На материалах сайта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://strategy2050.kz>

ала в промышленности и создании новой инфраструктуры, отвечающей современным инновационным веяниям.

Большие возможности открываются перед государствами-членами ЕАЭС в области автомобилестроения на основе внедрения технологии «цифровых двойников», производства деталей и запасных частей, как в легковом, так и грузовом сегменте, расширения объемов производства сельскохозяйственной техники благодаря реализации проекта цифровой технологической платформы.

В качестве приоритетных задач промышленного сотрудничества следует рассмотреть создание союзных инновационно-промышленных кластеров в области основных обозначенных областей для кооперации, НИР в информационно-коммуникационных и компьютерных технологиях, технологиях больших данных, суперкомпьютерных технологиях, т.к. в этих направлениях можно увидеть потенциал во всех пяти государствах-членах ЕАЭС; когнитивные технологии, технологии искусственного интеллекта, робототехника, цифровое проектирование и моделирование – это те области, где также все страны могут реализовать свои возможности и для этого открывают возможности сетевые университеты и прочие образовательные технологии на едином цифровом образовательном пространстве. Расширение научно-исследовательских работ в области интернет-технологий в промышленности, транспортных технологий; космических технологий, энергоэффективности и энергосбережении, новых источников энергии; технологий безопасности и других направлений совместных разработок позволят обеспечить технологический прорыв ЕАЭС в целом и быть более конкурентоспособным в рамках глобальных цифровых изменений в преддверии Четвертой промышленной революции.

Литература

1. Бельзер М. Цифровизация промышленности: модный тренд или необходимое условие для сохранения конкурентоспособности? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://promdevelop.ru/tsifrovizatsiya-promyshlennosti-modnyj-trend-ili-neobhodimoe-uslovie-dlya-sohraneniya-konkurentosposobnosti/>

2. Материалы сайта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://map.cluster.hse.ru/>
3. Материалы сайта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://strategy2050.kz>
4. Материалы сайта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://gispr.gov.ru/>
5. Материалы сайта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gisip.ru/>
6. Отчет «Анализ мирового опыта развития и создания сетей промышленной кооперации и субконтрактации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/
7. Сивараман Р. Что такое «цифровизация» предприятия? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ua.automation.com/content/chto-takoe-cifrovizacija-predpriyatija>
8. Экспертное мнение. Что такое цифровое производство? [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.up-pro.ru/library/information_systems/production/digital-expert1.html
9. Introducing the Digital Transformation Initiative. World Economic Forum. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://reports.weforum.org/digital-transformation/introducing-the-digital-transformation-initiative/>

Елецкий Н.Д.,

*доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Международный менеджмент»
Южного университета*

**Влияние геоэкономических и геополитических
противоречий на развитие международных
транспортных коридоров**

Аннотация. Тенденции и механизмы переформатирования современного мироустройства обусловлены объективными закономерностями и противоречиями глобализации. Эти противоречия имеют геоэкономические и геополитические аспекты, проявляющиеся в основных формах международных взаимодействий. Международные транспортные коридоры относятся к числу важнейших проявлений и инструментов современных процессов интернационализации экономических отношений. Перспективы дальнейшего развития международных транспортных коридоров обусловлены совершенствованием механизмов управления межгосударственными инфраструктурными комплексами. Интернационализация международного экономического управления отражает как координацию интересов отдельных стран, так и конкурентные противоречия между ними.

Ключевые слова: экономическая глобализация, глобальные противоречия, геоэкономика, геополитика, международные транспортные коридоры, международная инфраструктура

Eletsky N.D.,

*Doctor of Economic Sciences, Professor,
the Head of International Management Department,
Southern University*

Impact of Geo-Economic and Geopolitical Contradictions on the Development of International Transport Corridors

Abstract. Trends and mechanisms of reformatting the modern world order are caused by objective laws and contradictions of globalization. These contradictions have geo-economic and geopolitical aspects, which are manifested in the main forms of international cooperation. International transport corridors are among the most important manifestations and tools of modern processes of internationalization of economic relations. The prospects for further development of international transport corridors are due to the improvement of management mechanisms of interstate infrastructure complexes. The internationalization of international economic governance reflects both the coordination of the interests of individual countries and the competitive contradictions between them.

Keywords: economic globalization, global contradictions, geo-Economics, geopolitics, international transport corridors, international infrastructure

Современный этап глобализации характеризуется, с одной стороны, кризисом предшествующей модели однополярного американоцентричного глобализма, а, с другой, – дальнейшим углублением процессов интегрирования общепланетарных социальных взаимодействий, отражающих объективные тенденции перехода мировой цивилизации в новое качественное состояние. К числу ключевых факторов неоглобализации, развивающейся на объективной материальной базе неэкономике, наряду с новыми формами общепланетарного разделения и кооперации труда, глобальными цепочками создания стоимости, информационными потоками и финансовыми взаимодействиями, относится формирование международных транспортных коридоров (МТК) и зон межгосударственного экономического сотрудничества вдоль их маршрутов.

Отражая объективные закономерности глобальной экономической гравитации, МТК способствуют снижению издержек пространственных коммуникаций и, тем самым, трансформации географического пространства в экономическое с сопутствующим эффектом «сжатия» и структурирования пространства (13, с. 305–320; 11, с. 475–487). Однако сегодня

проявление этих эффектов испытывает ощутимое деформирующее воздействие геоэкономических и геополитических противоречий.

В Евразии эти противоречия наиболее явно и остро проявляются по векторам гравитации, связывающим два главных экономических полюса континента – Китай и Западную Европу. Идет процесс формирования системы МТК, в рамках которой структурируется взаимодействие коммуникационно-транспортных потоков, объединенных концепцией «Нового шёлкового пути» (НШП); формулировка названия концепции, из соображений политкорректности и смягчения негативных политико-исторических ассоциаций, после ребрендинга в 2013 г. была изменена на «Один пояс-Один путь». Международное экономическое пространство, формирующееся в системе маршрутов МТК НШП, трактуется инициаторами этого проекта как глобальный проект, который в перспективе должен обеспечить сотрудничество и эффективное совместное развитие сотен стран с населением порядка 4,5 млрд человек. Объем торговли Китая со странами по маршруту НШП уже исчисляется триллионами долларов и растёт опережающими темпами; так, если за 2018 г. общий прирост товарооборота КНР составил 9,7% (в том числе, с США – 5,7%), то со странами ареала НШП – 13,3% (в том числе – с Россией на 27,1%), что дало основание руководителю таможенной службы Китая заявить: «Торговое сотрудничество со странами вдоль «Пояса и пути» стало новой движущей силой развития внешней торговли нашей страны» (3).

Впечатляющие свидетельства глобальной значимости проекта НШП были продемонстрированы в ходе II Международного Форума «Пояс и путь», состоявшегося в Пекине в апреле 2019 г. (8). В то же время, объектом обсуждения на Форуме стали выявившиеся проблемы и противоречия. Значительная часть обусловлена несопоставимостью экономического потенциала Китая и других участников проекта НШП, что является объективной основой асимметричности «силовых линий» экономической гравитации во взаимоотношениях – основное количество партнёров «по фактической покупательской способности и масштабу собственной экономики уступает Красному дракону на порядки. Практически как кошка слону» (4). В качестве преобладающей конкретной формы этой асимметричности выступает, с одной стороны, способность и готовность Китая к предоставлению кредитов, а, с другой, – сложность (а во многих случаях – да-

же невозможность) для реципиентов обслуживать долги даже при максимально льготных условиях кредитования.

Типичным примером такого противоречия является ситуация, возникшая в экономических взаимоотношениях Китая и Пакистана. Для интенсификации экономического сотрудничества (подкрепленного многими десятилетиями геополитических союзнических отношений) было принято решение о формировании Китайско-Пакистанского экономического коридора в качестве подпроекта в рамках концепции НШП, в связи с чем китайская сторона предоставила льготные кредиты на сумму свыше 62 млрд долл. В ходе реализации взаимно согласованных проектов была осуществлена современная реконструкция глубоководного порта Гвадар на берегу Индийского океана, построены железнодорожные и автомобильные магистрали протяженностью более 3 тысяч километров, сооружены многочисленные инфраструктурные объекты – мосты, электростанции, водоочистные сооружения, метро в г. Лахор, созданы предприятия транспортного машиностроения, появились банковские, страховые и иные финансовые учреждения, обслуживающие деловые операции по формированию экономического коридора и т.д. Но все эти успешные результаты оказались в определённой степени девальвированы негативными сопутствующими экономическими эффектами – резко вырос дефицит внешней торговли и внешний долг Пакистана (причём две трети каждого из этих показателей приходится на Китай); выявились многочисленные проблемы, обусловленные невозможностью своевременного обслуживания кредитов. В результате пакистанское правительство в счёт частичного погашения долгов передало порт Гвадар в аренду китайской коммерческой фирме на срок свыше четырех десятилетий с правом присвоения этой фирмой более 90% доходов порта и 85% доходов созданной вокруг порта СЭЗ. Пакистан повысил некоторые налоги на китайские фирмы и пошлины на китайский импорт; в ответ представители внешнеэкономических ведомств КНР заявили о намерениях переноса ряда производств из Пакистана в Индию и Камбоджу. Возникшие трения стали приобретать политический оттенок и нашли отражения в выступлениях официальных лиц; «власти Исламабада видят, как золото инвестора превращается в черепки... китайские инвестиции из инструмента развития неизбежно превратятся в кандалы колонизации» (4).

Для прочих, менее крупных и влиятельных стран, последствия попадания в орбиту геоэкономического и геополитического влияния «Красного дракона» могут быть ещё более негативными. Так, неспособность Шри-Ланки обеспечивать своевременные платежи по кредитам привела к передаче порта Хамбантота, построенного Китаем, в аренду фирмам этой же страны на 99 лет с правом полного присвоения доходов, причём данное соглашение позволит возместить лишь 1,1 млрд долл. из общей суммы долга в 48,3 млрд долл. Негативные явления разного рода ощутимо проявили себя и в экономических взаимоотношениях Китая с такими странами, как Мьянма, Малайзия, Таиланд, Индонезия, Мальдивы, Киргизия, Казахстан, Кения и др.

Последнее обстоятельство имеет немаловажное значение с точки зрения проблемы необходимости, целесообразности, форм и перспектив включения России в систему НШП. Официальная российская установка на равноправное «сопряжение» далеко не всегда находит адекватный отклик. В китайском варианте форматирования геоэкономической системы роль России оценивается уже на терминологическом уровне: вместо Транссиба – «Континентальный мост Азия-Европа»; вместо Северного морского пути – «Ледяной шелковый путь», а также «в подчас жестких до ультимативности условиях на переговорах или самоуверенности нового поколения предпринимателей и чиновников, выросших в период «головокружения от успехов» в последние пару десятилетий «мирного возвышения»» (10).

В контексте глобальных противоречий вполне объяснимо и негативное отношение США к проектам и действиям Китая. Совершенно очевидно, что концепция НШП – это не просто инфраструктурный транспортный проект, но и, прежде всего, – один из важнейших инструментов реформирования всей системы современного миропорядка, предполагающий переход роли мирового гегемона от США к Китаю. Объективной материальной основой для смены глобального лидерства служит не только выход КНР на первое место в мире по показателям величины валового продукта, промышленного производства (53% мирового объема), внешнеторгового оборота, но и тот факт, что Китай является главным торговым партнёром для 124 стран мира, в то время как США – лишь для 56 (12). В этих условиях многочисленные попытки США акцентировать внимание на фактах

частичного расхождения интересов в рамках МТК, в том числе в системе НШП, оказываются малоэффективны (7; 14).

Наряду с США, попытки педалирования противоречий между участниками евразийских МТК предпринимаются и Европейским Союзом. Наиболее активны эти попытки применительно к противопоставлению маршрутов Транссиба и МТК «ТРАСЕКА», в очевидных целях нанести ущерб интересам России и консолидировать против неё среднеазиатские и закавказские страны. В то же время, объяснимо стремление стран этих регионов обеспечить максимизацию своих выгод посредством «многовекторности» и лавирования между интересами крупных держав. Так, Казахстан, получая ежегодно до полутора миллиардов долларов транзитных доходов за эксплуатацию железнодорожного маршрута из Китая в Россию и далее в Западную Европу, активно развивает, вместе с тем транскаспийские линии в рамках маршрута «ТРАСЕКА», в обход России. Используя китайские кредиты на сумму 27 млрд долл., Казахстан реализует около 60 крупных инфраструктурных проектов. Не чуждается, как известно, «многополярной дипломатии» и Белоруссия, «Беларусь готова стать флагманом китайских интересов в регионе» (10).

Находящаяся на перекрестке европейских торговых путей Белоруссия, вместе с тем, является участницей «Соглашения о международном транспортном коридоре «Север-Юг»». Функционирование и перспективы этого МТК испытывают ощутимое воздействие геополитических и геоэкономических противоречий. Интересы Китая объективно ориентированы на превращение МТК «Север-Юг» в один из элементов, дополняющих структуру НШП. Этим, в частности, продиктовано решение о выделении 17 млрд долл. для финансирования проекта «Арктический коридор» – строительства железной дороги от незамерзающего норвежского порта Киркенес до Хельсинки, и далее – стокилометрового тоннеля от Хельсинки до Таллина, в том числе – семидесяти километров тоннеля под Финским заливом (6). Данный маршрут – в обход России и Северного морского пути – будучи реализован, ощутимо ослабит значимость российского участка в системе МТК «Север-Юг», да и в целом геоэкономическую весомость этого транспортного маршрута.

Последовательным противником превращения МТК «Север-Юг» всего лишь в один из дополнительных элементов китаецентричной

коммуникационно-транспортной системы является Индия. Эта страна добивается, чтобы МТК «Север-Юг» стал не просто одной из «перемычек» между разными линиями маршрутов НШП, а превратился в основную меридиональную ось экономической системы евроазиатского континента. По мере того, как Индия наращивает собственную экономическую мощь (демонстрируя в настоящее время более высокие темпы развития, чем Китай), вопрос о перспективах МТК «Север-Юг» приобретает всё большую геополитическую значимость. Сегодня этот вопрос соотносится не только с транспортными и экономическими проблемами континента, но и, при всей их важности, становится одним из проявлений ещё более важного общецивилизационного вопроса о формирующейся модели неоглобализации. Воспроизведет ли новая глобализационная модель матрицу однополярного гегемонизма, сменив лишь государство-лидера, или же реализуется во многополярном формате – такова альтернатива, просматривающаяся за различиями в трактовках роли МТК «Север-Юг». Такова же причина активной поддержки Индией развития этого международного маршрута, несмотря на то, что ни одна из стран-участниц «Соглашения...» не входит даже в первую десятку индийских внешне-торговых партнёров. Представитель МИД Индии, объясняя негативное отношение руководства этой страны к инициативе «Один пояс – один путь», заявил: «Известно, почему мы выступаем против этого проекта. Мы считаем, что такие инициативы должны воплощаться на основе международно признанных норм, при эффективном руководстве, в условиях верховенства закона, открытости и прозрачности» (1). Индия стремится также, подобно Китаю, финансировать инфраструктурные проекты в странах маршрута МТК «Север-Юг», – хотя и в пределах более ограниченных финансовых возможностей. Так, Ирану предоставлено 0,5 млрд долл. на развитие порта Чабахар и железнодорожных магистралей на юге страны; в декабре 2018 г. под операционный контроль Индии передан порт Шахид-Бешехти (2).

Проявляются, хотя и в меньших масштабах, геоэкономические противоречия, обусловленные элементами конкурентного противостояния МТК «Север-Юг» и маршрутов через Южный Кавказ и Анатолию. Неоднозначна позиция Турции в отношении перспектив развития МТК «Север-Юг» – «В существенном проигрыше окажется, скорее всего, Турция: по многим экспертным оценкам сокращение

спроса на транзитный маршрут через Босфор и Дарданеллы вследствие создания упомянутого коридора сократит ежегодные транзитные доходы Анкары как минимум на 15%» (1). Конкурентность международных транспортных маршрутов актуализировалась, в частности, в связи с завершением строительства железнодорожной линии «Баку–Тбилиси–Карс». «Несмотря на все заявления о перспективах БТК, у проекта есть потенциальные конкуренты... Первым соперником БТК может стать транспортный коридор «Север- Юг»» (5).

Показательно, что фактически существующие и проектируемые евразийские МТК во многом являются взаимодополняющими, сочетая широтные и меридиональные, морские и сухопутные, моно- и мультимодальные транспортные коммуникации и могли бы со временем сформироваться в единую экономически эффективную трансконтинентальную транспортную систему. В частности, российская «Стратегия развития российских морских портов в Каспийском бассейне, железнодорожных и автомобильных подходов к ним в период до 2030 года» к числу перспективных задач относит «сопряжение развития транспортного и транзитного потенциала России, в том числе Каспийского региона, с китайской инициативой «Один пояс – один путь»» (9). Но успешное решение этой задачи требует преодоления негативных проявлений геоэкономических и геополитических противоречий, попыток США и, в определённой степени, – ЕС усилить педалировать проблему частичного текущего расхождения интересов стран-участниц разных МТК, провоцировать и обострять различия подходов Китая и России, Китая и Индии, России и стран Средней Азии и Ближнего Востока. Ключевое же значение для эффективной интеграции России в систему международных транспортных коммуникаций имеет динамичное развитие экономики современного типа, ее количественных и качественных параметров, способности выступать в качестве конкурентоспособного партнера ведущих акторов глобальных экономических взаимодействий.

Литература

1. Балиев А. Международный транспортный «коридор партнерства»: из Индии через Иран и Кавказ – в Россию и Европу [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: <http://vpoanalytics.com/2018/01/31/mezhdu-narodnyj-transportnyj-koridor-partnyorstva-iz-indii-cherez-iran-i-kavkaz-v-rossiyu-i-evropu/>

2. *Беляков И.* Грузы пойдут кратчайшим маршрутом. Международный коридор «Север – Юг» важен для всего региона / *И. Беляков* // Российская газета. – 2019. – 25 янв. – № 7774 (16). – С.2.

3. Внешняя торговля Китая побил исторический рекорд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trud.ru/article/14-01-2019/1371151_vneshnjaja_torgovlja_kitaja_pobila_istoricheskij_rekord.html.

4. *Запольскис А.* Проект «Пояса и пути» Китая серьезно забуксовал в Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/economy/2552759.html>.

5. *Засядько Н.* Кавказское окно в Европу: 8 фактов о железнодорожной магистрали Баку-Тбилиси-Карс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cfts.org.ua/articles/kavkazskoe_okno_v_evropu_8_faktov_o_zh_d_magistrali_baku_tbilisi_kars_1302.

6. *Пак Р.* Китай станет одним из инвесторов «Арктического коридора» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riafan.ru/1160910-kitai-stanet-odnim-iz-investorov-arkticheskogo-koridora>.

7. *Ремчуков К.* Нет, это не торговая война. Это схватка за вершину мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2018-10-15/1_7332_war.html.

8. Речь Си Цзиньпина на брифинге для журналистов на полях 2-го Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/news/china/88356.htm>.

9. «Стратегия развития российских морских портов в Каспийском бассейне, железнодорожных и автомобильных подходов к ним в период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/zACqKSgh6AdU2bWZahEb92qpLifBzJlr.pdf>.

10. *Таверовский Ю.* Китайский пазл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://me-forum.ru/media/news/9889/>

11. *Тинберген Я.* Предложения по поводу международной экономической политики / *Я. Тинберген* // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика /под ред. А. П. Киреева. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – С.475–487.

12. China is the World's № 1 Trade Partner (for 124 countries) [Web Resource]. – Accessed at: <https://defenceforumindia.com/forum/threads/china-is-the-worlds-1-trade-partner-for-124-countries.76283/>

13. *Isard W.* Location Theory and Trade Theory: Short-Run Analysis / *W. Isard* // Quarterly Journal of Economics. - 1954. – № 2. (Vol. 68). – P. 305–320.

14. *McCabe P.* The Folly of Investing in China's 'One Belt, One Road' [Web Resource]. – Accessed at: <https://www.wsj.com/articles/the-folly-of-investing-in-chinas-one-belt-one-road-1493052330>.

Кисаров И.В.,

*аспирант кафедры экономической теории
Тверского государственного университета*

Глобализация и кредитно-денежная политика

Аннотация. В статье раскрывается понятие глобализации, её особенности в финансовой сфере. Показано влияние «цифровой» глобализации на денежно-кредитное регулирование, мировую и национальную экономику. Раскрыт смысл кредитно-денежной политики в условиях цифрового этапа глобализации, охарактеризованы её особенности и возможности совершенствования в России.

Ключевые слова: цифровая глобализация, кредитно-денежная политика, финансовый рынок, императивы цифровой глобализации, экономико-теоретическая парадигма, валютный курс, реальный сектор, инфляция

Kisarov I. V.,

post-graduate student

of the Department of economic theory of Tver state University

Globalization and Monetary policy

Abstract. The article reveals the concept of globalization, its features in the financial sphere. The influence of “digital” globalization on monetary regulation, world and national economy is shown. The meaning of monetary policy in the conditions of the digital stage of globalization is revealed, its features and possibilities of improvement in Russia are characterized.

Keywords: digital globalization, monetary policy, financial market, imperatives of digital globalization, economic-theoretical paradigm, exchange rate, real sector, inflation

В течение последних нескольких десятилетий произошло ускорение глобализационных процессов, они стали определяющими в развитии мировой экономики и национальных хозяйств. Обретая новое качество, эти процессы теперь охватывают все уровни мировой хозяйственной системы, проникают в сферы, подконтрольные национальным регуляторам, требуют переоценки и коррекции действующих ныне механизмов макроэкономического регулирования.

Существует множество трактовок глобализации. Так, ряд отечественных авторов считает, что глобализация – качественно новый этап развития мировой экономики, который характеризуется экономической, социальной, политической, культурной взаимосвязанностью национальных государств под влиянием международного переливания капитала, рабочей силы, товаров и услуг, опосредованного новыми информационными и коммуникационными технологиями (4, с. 23).

Некоторые зарубежные, в частности, японские экономисты сопоставляют глобализацию с интернационализацией, трактуя интернационализацию как ситуацию, когда происходит рост объемов внешнеэкономических сделок в мировом масштабе, а глобализацию – как процесс, при котором экономика каждой страны встраивается в единую мировую финансовую систему. Часть авторов, анализируя финансовые аспекты глобализации, выделяет не единый, а интегрированный финансовый рынок (используя термин «финансовая интеграция» фактически как синоним финансовой глобализации). Рынок был бы полностью интегрированным, в их интерпретации, если бы экономические агенты сталкивались с единым набором правил, имели бы к нему равный доступ и рассматривались на нем как равные (2, с. 5). Этого, по мнению автора, не предполагает характер современных рынков, подавляющей частью олигополистических, с явным преобладанием недобросовестной конкуренции и спекулятивно-игровых процессов, требующих вмешательства властных структур для обеспечения конструктивной работы рыночных механизмов.

В общем контексте, учитывая изложенные позиции, термин «глобализация» означает процесс, при котором каждая национальная экономика (включая ее финансовый рынок) движется к созданию единого мирового рынка в результате ускорения информационного обмена и как следствие, значительного увеличения потоков капитала,

опосредуемых мировыми финансовыми рынками. При этом происходит повышение чувствительности процессов, протекающих внутри стран, к внешним факторам, обусловленным интенсивным международным взаимодействием, перемещением ресурсов и продуктов.

В этой связи теряют эффективность базовые концептуальные парадигмы, сформировавшиеся к концу прошлого века и не отвечающие изменившимся запросам практики. Это обуславливает поиск новых, адаптированных к формирующейся единой мировой финансовой системе, путей регулирования экономических отношений и процессов. Потребовали, в частности, уточнения, с учетом фактора глобализации финансов, представления о денежно-кредитной политике. Если до сих пор монетарная политика была построена на представлении об автономии экономики страны, ограниченности ее финансовых ресурсов, и что еще важнее – определенной управляемости денежного предложения, то в условиях «цифровой» глобализации мировой финансовой системы должны быть разработаны варианты регулирования, пригодные для совершенно иных, противоположных условий.

Если предположить, что за «финансовой» глобализацией следует практически полная мобильность капитала, то, в соответствии с принятым в экономической литературе представлением (в частности, известной моделью Манделла–Флеминга), монетарные власти сталкиваются с выбором: проводить независимую денежно-кредитную политику – тогда они должны отказаться от регулирования валютного курса, либо поддерживать режим фиксированного валютного курса ценой отказа от независимой кредитно-денежной политики. Это положение сформулировано также в форме так называемой «невозможной троицы» («impossible trinity»): в экономике не могут одновременно присутствовать фиксированный валютный курс, свободная мобильность капитала и денежно-кредитная политика, направленная на внутренние цели государства (2, с. 8). По мнению автора, применительно к России это требует уточнения.

К настоящему времени у нас завершён переход к плавающему валютному курсу при кредитно-денежной политике, направленной на внутренние цели, в частности, на снижение инфляции. В рамках указанной модели это должно привести к снижению мобильности капитала, драйвером чего должна служить двухуровневая банковская

система с её базовым, нижним уровнем – множеством коммерческих банков, независимых от государства и центрального банка. Но эта мобильность возросла негативным образом – в виде оттока капитала, который был усилен фактором антироссийских санкций со стороны западных стран, допущенным Банком России снижением курса рубля, за которым последовало повышение в стране уровня процентных ставок, кардинальное ухудшение положения заёмщиков, снижение инвестиционной и общей экономической активности. Модель Манделла-Флеминга, таким образом, сыграла против России. В этой связи следует подчеркнуть одну особенность присущую развитию финансовых отношений в условиях современной, «цифровой» глобализации. Всё большую роль в этих отношениях играют финансовые рынки, прежде всего, в сравнении с традиционным банковским финансированием. Одновременно на самих этих рынках значительно выросла роль институциональных посредников – банков, фондов, инвестиционных и дилинговых компаний и др. Когда традиционные меры, которые западные регуляторы применили во время последнего мирового экономического и финансового кризиса, не дали ожидаемого результата, власти стали применять нетрадиционные инструменты, направленные на «замещение» работы финансовых рынков. Наиболее активно в этом направлении действовали правительства и центральные банки стран с англо-саксонским типом финансовой системы (Правительства США и Великобритании, Федеральная резервная система США, Банк Англии), позднее к ним присоединились власти ЕС, в частности, Европейский центральный банк с программой покупки покрытых (обеспеченных) облигаций (3, с. 13). Реально это был выход за рамки указанной теоретической модели, который привел к восстановлению положительной экономической динамики в большинстве стран и на мировом уровне.

Денежно-кредитная политика Банка России, заметим, нацелена на поддержку узкого круга системообразующих банков. Организуя взаимодействие страны с мировой финансовой системой, он должен учитывать интересы не только российской экономики, но и мировых финансовых кругов, которые часто расходятся с интересами субъектов отечественного хозяйства. В столь противоречивых условиях им не допущено ошибок катастрофического масштаба, но и не обеспечено пока требуемого динамичного экономического роста. В опреде-

ленной мере последнее можно связать с недостатком теоретических разработок, адекватных сложности задач, решаемых отечественным мегарегулятором.

Большинство концепций, представляющих альтернативу неоклассическим подходам к монетарной политике в условиях глобализации, делают акцент на новых явлениях, связанных с развитием национальных и мировых финансовых рынков в их взаимосвязи. Новым концепциям не хватает аргументированности и опыта практической реализации, но они необходимы для включения в теоретический анализ стремительно развивающихся процессов, таких, к примеру, как переход ликвидности в цифровое состояние и распространение криптовалют.

По мнению автора, можно сформулировать положения, которые должны учитываться в кредитно-денежной политике Банка России в связи с требованиями, выдвигаемыми цифровой глобализацией. Часть этих требований является уточнением того, как теперь следует понимать *конкурентоспособность*, и какие механизмы должны применяться для её достижения, в частности:

- ее критерии определяются условиями мирового рынка – по результатам соперничества ТНК, использования ими *рентных факторов*: природных (продуктивности, местоположения) и особенно *интеллектуальных* (технических, организационных, социальных инноваций и достижений);

- особенно важными стали *факторы*, основывающиеся на использовании *информации*, ее точность и скорость (своевременность) получения, качество её обработки (с использованием передовых научных теорий и технологий) и навыки применения в сфере финансовых игр – на глобальных биржевых площадках;

- с учетом возросших скоростей (сжатия времени) возросла роль эффекта масштаба и соответственно – масштабов (контуров) *международной интеграции*, так что неспособность страны (государства) создать единое экономическое (рыночное) пространство с другими становится фатальной для её корпораций;

- на современном этапе глобализации разворачивается стремительный *переход ликвидности и связанных с ней отношений в цифровое состояние*, за которым существующие формы ликвидности и ссудного капитала (такие как *деньги и кредит*) могут *утратить смысл*.

Концептуальные представления для успешного выполнения мегарегулятором возложенных на него функций должны быть в таких условиях значительно шире и глубже составляющих современный экономико-теоретический мейнстрим неоклассических, кейнсианских и монетаристских воззрений.

Можно предположить, что *трансформация экономико-теоретической парадигмы* применительно к кредитно-денежной политике будет кардинальной – с выходом базовых теорий на гораздо более широкий круг обобщений и одновременно на более точное, реалистичное моделирование происходящих процессов, так что применяемые теоретические положения станут частными случаями более широких позиций – либо будут отвергнуты, как несостоятельные.

Что касается ближайших лет, то остро необходимым является развитие системного экономико-теоретического анализа внутренних хозяйственных процессов и институтов с учетом особенностей влияния на них глобальной среды, позволяющее определять и оперативно корректировать целевые ориентиры денежно-кредитной политики в соответствии со стратегическими целями и тактическими задачами Российского государства.

Пока что Банк России, в силу поставленных перед ним задач и применяемых инструментов, видит свою роль в продолжении достаточно жесткой кредитно-денежной политики, не находит оснований для ее смягчения, полагая, что ему не под силу снять основные, структурные ограничения, мешающие экономическому росту (1, с. 9). Коррекции этой позиции, возможно, способствовала бы *новая модель ограниченно открытой экономики*, более близкая к реальной российской, нежели используемая ныне.

Такая модель могла бы быть построена на том, что рост современной экономики определяется поведением инвесторов, требует *снижения уровня процентных ставок (в целях наращивания капитализации инвестиций)*, следовательно, снижения темпов инфляции – и перехода в перспективе к дефляционному варианту развития экономики. На будущее, таким образом, просматривается вытеснение кредита, как базовой формы инвестирования, которой он давно уже не является, более эффективными в социально-экономическом плане формами финансирования проектов. Условием реализации этой переходной модели выступает обеспечение *стабильности курса*

рубля (реализации его настоящей силы, определяемой высоким активом торгового баланса и достаточными золотовалютными резервами) в качестве ключевой задачи, которую должен решать Банк России в соответствии с Конституцией РФ, в интересах благосостояния народа и укрепления государства.

Литература

1. *Абрамова М.А., Дубова С.Е., Звонова Е.А., Ларионова И.В., Масленников В.В.* Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2018 г. и период 2019 и 2020 гг.: мнение экспертов Финансового университета / М.А. Абрамова, С.Е. Дубова, Е.А. Звонова, И.В. Ларионова, В.В. Масленников // Экономика. Налоги. Право. - 2018. – № 1. - С. 6–19.

2. *Головнин М.Ю.* Теоретические основы денежно-кредитной политики в условиях глобализации / М.Ю. Головнин. – Москва: Институт экономики РАН, 2008. – 48 с.

3. *Головнин М.Ю.* Денежно-кредитная политика России в условиях глобализации / М.Ю. Головнин. – Москва: Институт экономики РАН, 2012. – 44 с.

4. *Панасенкова Т.В.* Глобализация мировой экономики как закономерность мирового развития / Т.В. Панасенкова // Вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2012. – № 1. – С. 22–30.

Коптева Л.А.,

доктор экономических наук,

профессор кафедры управления

Санкт-Петербургского им. В.В. Бобкова

филиала Российской таможенной академии

**Этапы цифровой трансформации организаций –
участников внешнеэкономической деятельности**

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее эффективные этапы цифровой трансформации бизнес-модели организаций-участников внешнеэкономической деятельности, сектора цифровой трансформации, проблемы и их решения, с которыми сталкиваются российские организации, движущиеся по пути цифровизации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, бизнес-модели, участники внешнеэкономической деятельности, компетенции

Kopteva L.A.,

Doctor of Economics, Professor, Department of Management,

St. Petersburg them. V.V. Bobkov branch

of the Russian Customs Academy

**Stages of Digital Transformation of Organizations
Participating in Foreign Economic Activity**

Abstract. The article discusses the most effective stages of digital transformation of the business model of organizations participating in foreign economic activity, the sector of digital transformation, problems and their solutions faced by Russian organizations moving along the digitalization path.

Keywords: digital transformation, business models, participants of foreign economic activity, competence

Цифровая трансформация – это процесс, происходящий с организацией – участником внешнеэкономической деятельности (ВЭД) во время качественного изменения ее бизнес-модели с целью получения долгосрочного устойчивого конкурентного преимущества. Основным условием проведения такой трансформации является наличие вызова, или внешнего события, при отсутствии реакции на которое организация не может сохранить конкурентоспособность в долгосрочной перспективе.

Трансформация бизнес-модели, а также сопутствующие изменения способов принятия решений, методов коммуникаций, бизнес-процессов, технологий сбора и анализа данных (в том числе с использованием искусственного интеллекта и глубокого машинного обучения) является необходимым фактором успеха и залогом успешного продолжения устойчивого развития.

Наиболее эффективные этапы цифровой трансформации организаций-участников ВЭД представлены на рис. 1.

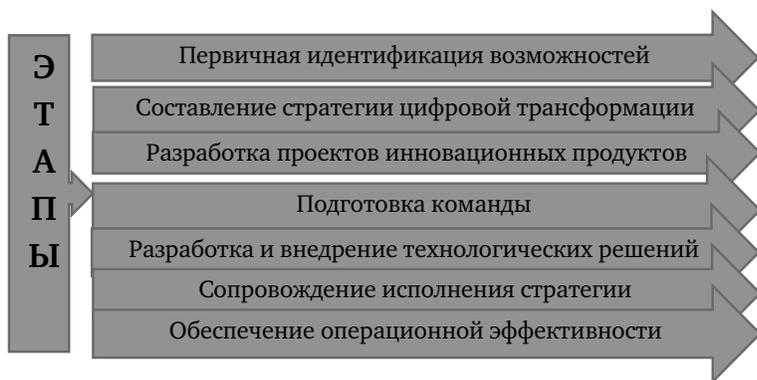

Рис. 1. Этапы цифровой трансформации

Допустим, в данном моменте у организации все хорошо – есть положительный денежный поток и нет кассовых разрывов. Однако, зарплаты у сотрудников растут, налоги увеличиваются, конкуренция усиливается. Результат – маржа снижается, и бизнес приносит больше проблем и тревог, чем радости, как, например, пять лет назад. Жизненный цикл приносящей доход бизнес-модели быстро сокращается – если сто лет назад жизненный цикл мог измеряться десятилетиями, десять

лет назад он составлял уже два-три года, то сегодня жизненный цикл успешной бизнес-модели составляет несколько месяцев.

Зоны фокуса цифровой трансформации организаций-участников ВЭД включают (рис. 2):

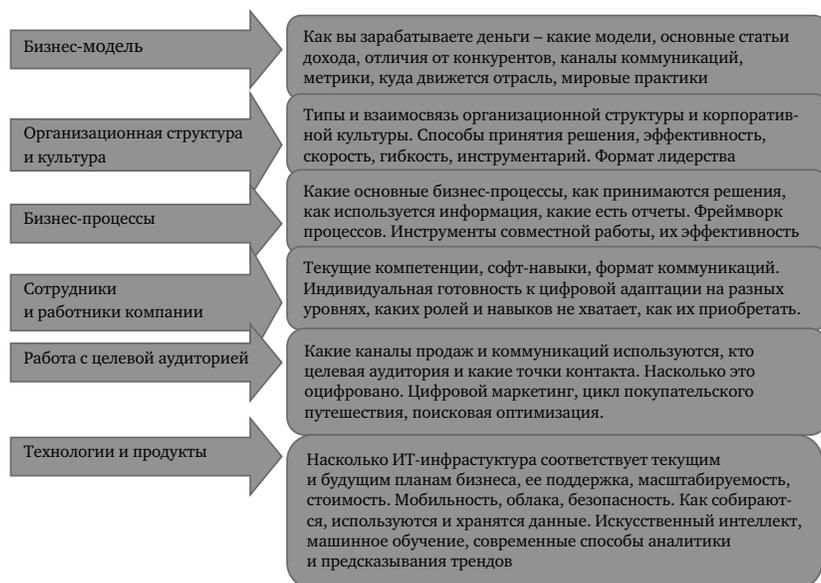

Рис. 2. Зоны фокуса цифровой трансформации организаций – участников ВЭД

Залог успеха сегодня заключается в быстром запуске новых продуктов и услуг по принципиально новым бизнес-моделям, подразумевающим таргетированный подход и максимальное удобство пользователей. То есть, текущая бизнес-модель организаций-участников ВЭД быстро устаревает и ее надо постоянно менять. Если этого не делать, через некоторое время организация потеряет конкурентное преимущество и попадет в разряд «выживающих», в лучшем случае. Единственный шанс для такой организации продолжить успешно зарабатывать деньги, это осуществить квантовый скачок на следующий уровень своего развития.

Для этого необходимо:

1. Разработка цели.

Большая цель в данной формулировке, это не про занятие доминирующего положения на рынке или получение определенной выручки или прибыли. Большая цель это про качественное изменение бизнес-модели и подтягивание всех обслуживающих бизнес-процессов под эту новую бизнес-модель. Качественное изменение бизнес-моделей организаций-участников ВЭД или их частей возможно в следующих случаях:

- переход от продажи товаров в ритейле к доставке товаров на дом по модели подписки (пример – товары для регулярного использования, например, бритвенные станки, памперсы, продукты питания);
- переход из оффлайновых услуг в онлайн (пример – онлайн-образование);
- переход от рекламы массовому сегменту к использованию искусственного интеллекта для таргетирования сообщений конкретным пользователям с максимально подходящим профилем (так продаются авиабилеты, онлайн-курсы, автомобили и все остальные товары и услуги);
- переход от услуг, теряющих стоимость, к более сложным и более доходным услугам, которые так или иначе привязывают потребителя к базовым услугам (например, услуги облачных вычислений в дополнение к базовым телекоммуникационным услугам, или разнообразные ритейл-услуги в дополнение к банковским услугам).

Для достижения большой цели потребуются качественные изменения всех бизнес-процессов организаций-участников ВЭД, но в первую очередь – изменение способа мышления всех сотрудников организации.

Чтобы понять какие конкретные шаги нужно сделать для изменения организаций-участников ВЭД, требуемые для достижения большой цели, необходимо провести аудит готовности к большой цели.

2. Аудит готовности цели.

Аудит включает в себя:

- анализ текущей бизнес-модели. Какие продукты и услуги, на какие целевые аудитории заточены, какие каналы продаж, какая аналитика. Структура доходов и расходов;
- анализ организационной структуры. Какой тип структуры, как принимаются решения, какие механизмы используются и их эффективность;

– анализ корпоративной культуры. Как работают сотрудники, какой процесс найма и удержания, какая мотивация и показатели эффективности, какие показатели реально измеряется и как это используется, какие вербальные и невербальные сигналы есть от руководства и коллег, как происходит взаимодействие;

– анализ бизнес-процессов. Как организованы основные процессы, какое время проходит с момента принятия решения до его реализации (time to market) и почему, какие инструменты используются, какая методика контроля исполнения поручений, задач и функций;

– анализ компетенций и навыков сотрудников. Анализ готовности сотрудников к работе в новой парадигме движения к большой цели;

– анализ информационных технологий. Какая есть инфраструктура, какие продукты внедрены и как используются, как осуществляется поддержка, какая стоимость владения. Какие данные есть, как они собираются, хранятся и используются;

– анализ работы с потребителями услуг. Как организованы маркетинг и развитие бизнеса, какие данные собираются, какие инструменты используются, какой пользовательский опыт у потребителей услуг.

В результате такого аудита получается «паутина» с текущим состоянием организации-участника ВЭД по различным шкалам. Эта паутина требуется для составления стратегии достижения большой цели.

3. Стратегия достижения цели.

На этом этапе принимается экспертное мнение относительно того, какой организация должна быть, чтобы успешно достигнуть цель. Эти решения отражаются на той же паутине из предыдущего пункта. Главной задачей является составление списка проектов для движения по пути к цели. Основной риск на данном этапе – составить правильный список проектов. Каждый из проектов должен быть реализуем в разумном промежутке времени, и являться необходимым и достаточным условием для получения прогресса при движении к цели. Второй задачей является правильная приоритезация проектов организаций-участников ВЭД. Этот пункт важен не только для качественного исполнения портфеля проектов, где одни проекты не могут и не должны стартовать пока не закончатся предыдущие, но также и для получения «быстрых побед», чтобы у всех участвующих сторон было четкое понимание и ощущение движения в правильную сторону.

4. Исполнение стратегии достижения цели.

Это проектный менеджмент по исполнению портфеля проектов, перечисленных в стратегии. Правильные проекты должны быть исполнены правильно – по нужным методикам, в рамках сроков и бюджетов, с учетом рисков, угроз и возможностей. Один важный нюанс: в процессе исполнения проектов необходимо помнить, что мы тут храм строим, а не просто кирпичи носим.

В процессе движения к большой цели уже были внедрены все необходимые изменения по всем шкалам паутины, настроены сбор, аналитика и использование всех необходимых данных, внедрено машинное обучение и искусственный интеллект для оптимизации всего, что только можно оптимизировать, и есть полный набор цифровых метрик, собираемых и анализируемых в режиме реального времени, позволяющих принимать лучшие управленческие решения, т.е. произошла цифровая трансформация.

Ниже рассмотрим проблемы и их решения, с которыми сталкиваются российские организации-участники ВЭД, находящиеся на пути цифровой трансформации.

Большинство крупных организаций имеют цикл финансового планирования длительностью в один год. Несмотря на то, что некоторые из таких организаций имеют двух- или трехлетние стратегии развития, таких сроков все равно недостаточно, чтобы преодолеть весь путь трансформации организации.

Таким образом, определены проблемы на пути к цифровой трансформации организаций-участников ВЭД (рис. 3):

1. Очевидно, что видение руководителя организации, находящейся в трансформационном переходе, должно распространяться намного дальше, чем ближайший финансовый год, а также он должен быть уверен в том, что останется руководителем этой организации в ближайшие годы, вне зависимости от внешних факторов, например, политической обстановки.

2. Вторая проблема цифровой трансформации в российских предприятиях заключается в подмене понятий между цифровизацией и трансформацией. Цифровая трансформация заключается именно в цифровизации, то есть во внедрении информационных технологий, автоматизации процессов с помощью ИТ-инструментов и так далее. Подмена понятий состоит в том, что цифровая трансформация – это

в первую очередь трансформация управления, и только во вторую – внедрение соответствующих ИТ-инструментов. Многие руководители компаний в период трансформации фокусируются в первую очередь на внедрении технологий, и только потом проверяют, нужны ли какие-либо изменения в самой организации. Зачастую результат таких трансформаций бывает нулевым.

Рис. 3. Проблемы цифровой трансформации организаций – участников ВЭД

Даже при успешном решении двух вышеназванных проблем цифровой трансформации, то есть у нее есть стратегия развития, включающая трансформацию бизнес-модели, корпоративной культуры, внедрение инноваций и соответствующих ИТ-инструментов, существует еще третья проблема:

3. В России наблюдается тренд в росте и популяризации академической подготовке экспертов для цифровой экосистемы, на этих программах готовят лидеров цифровых трансформаций для коммерческих и государственных организаций.

4. Но, существует еще одна проблема: для того, чтобы какая-либо идея получила широкое распространение, необходима поддержка этой идеи не менее чем четырех процентов населения. В России, которые понимают и применяют базовые принципы цифровой и организационной трансформации, которые должны разделять ценности новой культуры, поддерживать экосистему своими интеллектуальными и эмоциональными вкладами, и всецело поддерживать жизнь по новым правилам не наберется недостаточно. Найти, обучить, и обеспечить применение знаний таким количеством людей – невероятно сложная задача. Но финансовый сектор уже к этому идет. Государственный сектор начинает туда смотреть. «Путь в тысячу шагов начинается с первого шага», говорит древняя китайская поговорка. Поэтому рано или поздно российские организации будут успешно преодолевать эти проблемы цифровой трансформации.

Внедрение гибкой методологии управления, изменение организационной структуры с иерархичной на матричную, изменение бизнес-модели на модель, идущую вслед за пользователями, внедрение культуры где сотрудники могут сами себя оценивать, внедрение алгоритмов искусственного интеллекта для заблаговременного отслеживания трендов и учета их в бизнесе, и, наконец, сквозной сбор данных, анализ и отображение их для принятия более качественных и обоснованных управленческих решений и является цифровой трансформацией. Одним из обязательных атрибутов такой системы являются инструменты для совместной работы, которыми пользуются все вовлеченные сотрудники (разнообразные системы совместной работы над проектами, дизайнами, разработками, системы планирования и исполнения спринтов, корпоративные мессенджеры). В результате подобной трансформации бизнес становится гибким и живым организмом, способным очень оперативно и адекватно реагировать на любые внешние изменения ситуации, с более высоким уровнем рентабельности чем в среднем по рынку.

Таким образом, становится очевидно, что высокая зрелость инновационных технологий в организациях-участниках ВЭД являет-

ся необходимым, но недостаточным условием для осуществления трансформации в гибкую организацию, так как вопросы культуры, структуры, процессов и практик являются первоочередными для совершения коммерческого и технологического прорыва.

Немцов Ю.И.,

*аспирант Московского финансово-юридического
университета МФЮА*

**Экономические санкции
как элемент гибридной войны**

Аннотация. Экономическая война как альтернатива вооруженному столкновению применяется государствами с античных времен. Экономические санкции, как часть экономической войны, всегда являются частью более масштабной стратегии, которую на так давно стали обозначать понятием “гибридная война”. Гибридная война предполагает комплексное воздействие на оппонента посредством применения дипломатических, экономических, кибернетических, информационно-пропагандистских и иных инструментов, которые заменяют вооруженное столкновение. Сегодня Российская Федерация находится в условиях беспрецедентного и все нарастающего экономического давления извне. Чтобы ему противостоять необходимо понимать природу и содержание гибридной войны Запада против России.

Ключевые слова: Глобализация, гибридная война, экономические санкции, экономическая война, финансовая дипломатия

Nemtsov Yu. I.,

Moscow Finance and Law University MFUA, PhD Student

Economic Sanctions as a Component of Hybrid War

Abstract. Since Ancient times methods of economic constraint are used by the states as an alternative to the conventional warfare. Economic sanctions are always part of a bigger strategy known as ‘Hybrid War’. Hybrid War means a complex warfare comprising diplomatic, economic,

cyber, propaganda as well as other means that normally substitute the conventional military actions. Today Russia faces unprecedented and constantly mounting outer economic pressure. To counter economic warfare we need to comprehend the nature and essence of hybrid war launched by the West against Russia.

Keywords: globalization, hybrid war, economic sanctions, economic war, financial diplomacy

Глобализация мировой экономики означает не только синхронизацию всех экономических и общественных процессов в масштабе всей планеты, одна из основных ее производных – жесткая взаимозависимость и тотальная уязвимость экономик развивающихся стран от экономических и финансовых центров, которые устанавливают правила и контролируют их исполнение. Неизбежное следствие и обратная сторона мировой интеграции – экономическая война, которая чаще всего проявляется через торговые войны и экономические санкции.

С глобализацией мира и его цифровизацией театр военных действий окончательно сместился в сферу экономики. Совершенно небезосновательно более столетия назад В.И. Ленин утверждал, что «*политика есть самое концентрированное выражение экономики*»¹ – экономика ставит перед политиками задачи, для достижения которых они прибегают к самому широкому набору инструментов.

По мнению историков, первым зафиксированным случаем применения экономических санкций как альтернативы вооруженному конфликту явилось решение афинского главы Перикла, который вынес на обсуждение общественности вопрос: можно ли давать противнику обогащаться за свой счет, и в 434 г. до н.э. городу Мегары, входившему во враждебный Спартанский союз, была запрещена торговля на территории Афинского союза². С того времени экономические санкции как инструмент давления на оппонента применяется

¹ Ленин В.И. Полное собрание соч., 5 изд., т. 42, с. 278

² См. напр. Арский Ф. Перикл. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1971, С. 185 и Zarate J. Treasury's War. The Unleashing of a New Era of Financial Warfare. PublicAffairs. New York. 2013. P.3

регулярно, постепенно превращаясь в наиболее действенный механизм понуждения неугодных политиков и государств.

США применяют санкции с 1807 г. – во время англо-американской войны был принят Закон об эмбарго (*Embargo Act*), наложивший запрет на торговлю с Великобританией и Францией в ответ на захват американских кораблей и вербовку моряков¹. И хотя эти меры не принесли должного результата и через полтора года закон был отозван, он послужил прологом к созданию методов экономической войны как бескровной альтернативы борьбы с противником².

В 1912 году президент США В.Тафт объявил т.н. стратегию «штыка и доллара» по отношению к странам Латинской Америки и Китая. Суть стратегии проистекает из ее названия – где не справляются пушки, в бой вступают финансисты, привязывающие национальные экономики к универсальной валюте. Где не справлялся доллар, запускаются механизмы, которые сегодня называются гибридной войной. *«Доллары будут сражаться вместо солдат, доллары будут разить гораздо эффективнее, чем снаряды»*. Такая политика была названа дипломатией доллара (*dollar diplomacy*³). Следующий Президент США В. Вильсон предложил в 1919 г. Лиге Наций использовать экономические санкции в качестве метода сохранения мира. *Примените эти мирные, тихие и смертельные средства, и не будет необходимости применять силу*⁴.

В 2014 г. заместитель Госсекретаря США по вопросам борьбы с терроризмом и финансовой разведке Д. Коэн отметил: *«...сравните*

¹ Zarate J. Treasury's War. The Unleashing of a New Era of Financial Warfare. PublicAffairs. New York. 2013. P.3

² Rosenberg E. a.o. The New Tools of Economic Warfare. Effects and Effectiveness of Contemporary U.S. Financial Sanctions. Center for a New American Security. 152 15th Street, NW S. 950 Washington, DC 20005 P.5

³ Dollar Diplomacy, United States Foreign Policy. Encyclopedia Britannica URL: <https://www.britannica.com/event/Dollar-Diplomacy>

⁴ Joy Gordon. "Economic Sanctions, Just War Doctrine, and the 'Fearful Spectacle of the Civilian Dead,'" Cross Currents, vol. 49, No. 3 (Fall, 1999), www.crosscurrents.org/gordon.htm, <https://www.worldfinance.com/special-reports/the-impact-of-economic-sanctions>

провал закона Джефферсона и нынешние усилия по использованию санкций как инструмента давления на Иран для отказа от ядерного оружия. Совместно с нашими партнерами по всему миру мы наложили самые эффективные финансовые и экономические санкции в истории»¹.

Сегодня американский доллар стал мировой расчетной валютой – в нем осуществляется до 85% мировой торговли и 100% расчетов за энергоносители. Доллар все чаще вытесняет штык – воевать все опаснее, а неугодные США государства сами обрекли себя на полную зависимость от американской финансовой системы. Помимо национальной экономики есть и частные капиталы местной элиты, обращенные ею в иностранные валюты. Что не выведено в офшоры (где российский капитал составляет до 1,3 трлн долларов²), то вложено в разнообразные активы по всему миру.

Понуждение к повиновению через экономику занимает в гибридной войне сегодня центральное место. Автор книги «Парадокс санкций: государственное управление экономикой и международные отношения» (*The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations*) Д.Дрезнер (*Daniel D. Drezner*) указывает, что целью экономических санкций является изменение поведения объекта их применения³. Экономическое принуждение, говорит он, в виде действия (или угрозы их применения) одного государства по нарушению экономических взаимосвязей с другим государством до тех пор, пока последнее не исполнит его условия – все более эффективное средство

¹ “Remarks of Under Secretary for Terrorism And Financial Intelligence David S. Cohen at The Practicing Law Institute’s ‘Coping With U.S. Export Controls And Sanctions’ Seminar, ‘The Evolution Of U.S. Financial Power,’” U.S. Department of the Treasury, press release, December 12, 2014, <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/j19716.aspx>.

² См. напр., *Надыкто О.* Исследование выявило отток из России в офшоры \$1,3 трлн // Газета РБК. <https://www.rbc.ru/economics/09/05/2016/572fc4839a79479bd682e3eb> 09.05.2016

³ «Отключение от системы SWIFT было бы для России сродни взрыву атомной бомбы», Газета «Коммерсант» № 11 21.01.2019 // kommersant.ru/daily/118026

государственной политики¹. Британский аналитический центр по вопросам безопасности и обороны *RUSI (Royal United Services Institute)* также приходит к выводу, что финансовые санкции стали принципиально новым компонентом гибридной войны, который наряду с широким набором военных, дипломатических, медийных и кибер-возможностей позволяет координировать *трансатлантическую* политику в отношении России и наращивать политико-экономический инструментарий западных стран².

При проведении экономической войны применяемое оружие также является экономическим. В Стратегии национальной безопасности США за 2017 г. указано: «*Экономические инструменты – включая санкции, борьбу с отмыванием и коррупцией, меры по принуждению – могут являться важной составляющей еще более масштабной стратегии, направленной на сдерживание, принуждение и ограничение деятельности противника*»³. Примечательно, что перечисленные меры экономического воздействия на «противника» названы «инструментами экономической дипломатии» (*tools of economic diplomacy*) или «финансовой дипломатией» (*financial diplomacy*).

Суть экономических санкций сводится к ограничению доходов другого государства (или группы государств) экономическими и финансовыми мерами. Они позволяют подорвать экономическую систему, что в приводит, в том числе, к падению уровня жизни его населения и снижению благосостояния элиты. Речь идет не только о перекрытии каналов поступления доходов от обмена на внешнем рынке и ограничении доступа к мировым финансовым рынкам, но и реализации долгосрочных программ по сдерживанию роста национальной экономики и истощению промышленного потенциала

¹ *Drezner D.W. The Hidden Hand of Economic Coercion*, P.3 www.cambridge.org/core/journals/international-organization/article/hidden-hand-of-economic-coercion/8FC3784FB239F12566D5C32A2700326A

² *P.Harrel, T.Keatinge et al. The Future Transatlantic Sanctions on Russia*. RUSI. June 2017. P.1

³ *National Security Strategy of the United States of America*, December 2017, P. 34 www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf

путем блокирования доступа к современным технологиям и стратегическим товарам.

Экономические санкции не могут существовать в отрыве от остальных компонентов гибридной войны – в мире, основанном на принципах взаимного уважения и общечеловеческих ценностях, сложно оправдать проведение одним цивилизованным государством действий, значительно осложняющих жизнь населения другого цивилизованного государства. Для этого необходимо создать не только формальный повод, оправдывающий в глазах мировой общественности отход от норм морали и права, но и убедить население самой страны, что падение уровня жизни есть результат пагубной политики его собственного руководства.

Нивелирование вопросов этики и морали, неизбежно возникающих при применении экономических санкций, представляет собой весьма сложную задачу. Как отмечает профессор Фейрфилдского университета (США) Дж. Гордон (*Joy Gordon*), автор книги «Пересмотр умных санкций» (*Smart Sanctions Revisited*), экономическая война «лишает целые города и государства экономических ресурсов». Он считает, что санкции являются современным вариантом «осадной войны» – при осаде победа достигается не путем уничтожения вражеской армии, а через «наводняющую ужас» картину гибели гражданского населения. При этом потери среди гражданских лиц в такой войне являются не просто косвенным ущербом, а напротив – если не основной целью осадной стратегии, то по крайней мере ее прогнозируемым результатом¹.

В 1996 г. будущий Госсекретарь США Мадлен Олбрайт на вопрос корреспондента американского телеканала CBS, стоили ли санкции против Саддама Хусейна жизни полумиллиона иракских детей, ответила кратко: «Это был сложный выбор. Но он того стоил»².

На пороге вооруженного вторжения стоит сегодня богатая нефтью Венесуэла, чему предшествовали долгие годы экономического и психологического давления на ее руководство и население. В рас-

¹ *Gordon Joy. A Peaceful, Silent, Deadly Remedy: The. Ethics of Economic Sanctions, Ethics and International Affairs, Vol. 13, No. 1, pp. 123–142.*

² www.youtube.com/watch?v=FbIXrCP9qr4

чете на голодные бунты, которые смели бы президента Чавеса, а потом Мадуро, американцы планомерно подтачивают ее экономику. В современном мире, где экономические связи подобны кровеносным сосудам, чем выше зависимость страны от внешних рынков, тем уязвимее ее экономика – прекращение подачи крови в любой орган неизбежно ведет к его атрофии. Американские санкции только против венесуэльской нефтяной компании PDVSA лишат ее экономику 11 млрд долларов в год.

В 2014 году гибридная война против Российской Федерации вышла на принципиально новый уровень – в связи с присоединением Крыма введены санкции в отношении ряда российских чиновников и государственных деятелей, российским банкам закрыт доступ на западные рынки капитала, ряд отраслей ограничен в доступе на внешние рынки.

Ранее санкционные механизмы были отработаны через точечное воздействие на отдельных российских граждан (например, В.Бута) и т.н. «Закон Магницкого»¹, что имело скорее политические, а не экономические последствия, но позволило американцам обкатать весь технологический цикл подготовки, осуществления и поддержки санкций – создание предлога, формирование общественного мнения, взаимодействие со странами-партнерами, изучение последствий для своей и мировой экономики, консультации с бизнесом, на котором может отразиться изменение баланса сил на мировом рынке, прогнозирование реакции мирового сообщества и самого государства – объекта нападения.

От точечных санкций в отношении отдельных российских персоналий западная коалиция перешла к широкомасштабному наступлению на экономическом фронте при поддержке дипломатических и политических сил. В качестве предлога был использован тезис об

¹ Закон Магницкого (Russia and Moldova Jackson-Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012) – закон, который отменяет поправку Джексона-Вэника и вводит персональные санкции в отношении лиц, которые причастны: 1) к смерти С. Магницкого; 2) к нарушению прав человека, включая свободу слова, вероисповедания и пр.; 3) к преступным действиям и коррупции, совершаемым чиновниками

«аннексии» Крыма и «агрессии» на юго-востоке Украины. Еще ранее были созданы мифологемы о враждебном характере российского государства, его хищнических интересах, клептократии и коррупции, вмешательстве в демократические выборы в США, разгуле «русской мафии» и т.д. Образ врага в лице России был обновлен – вспомним бессчетное количество художественных фильмов, произведений и компьютерных игр, где злодей очень часто говорит с русским акцентом.

В качестве объекта нападения выбраны стратегические отрасли (финансы, энергетика, металлургия) и лица, близкие, по мнению американцев, к руководству России. В апреле 2018 г. Минфин США представил список российских предпринимателей, должностных лиц, предприятий и организаций, способствующих «враждебной» деятельности Российской Федерации, в который вошли как бизнесмены, так и государственные деятели – В. Вексельберг, О. Дерипаска, В. Богданов, С. Керимов, И. Ротенберг, К. Шамалов, А. Дюмин, В. Колокольцев и другие¹. Близость к главе государства В.В. Путину совсем не случайно стала основным критерием отбора лиц в санкционные списки. Напротив, в этой осадной войне против России ставка сделана не на «сопутствующий ущерб» среди рядовых граждан, которые демонстрируют высокую лояльность лидеру государства, а на его ближайшее окружение. Так или иначе оно способно вынудить первое лицо принять решение, выгодное американским генералам экономической войны.

По данным Минфина США после оглашения упомянутого списка состояние 27 самых состоятельных российских граждан за один день уменьшилось на 16 млрд долларов, московские биржи откатились на минимальные показатели за 4 года, состояние В.Вексельберга сократилось на 3 млрд долларов, ряд государств заморозил его активы, Группа «Ренова» была вынуждена выйти из предприятий в Швейцарии и Италии. Стоимость акций попавшего под санкции второго в мире производителя алюминия компании EN+ (Русал) упала на Лондонской бирже с 12 до 5,40 долларов, а состояние ее владельца О. Дерипаски снизилось вдвое. Впоследствии ему пришлось полностью передать

¹ Treasury Designates Russian Oligarchs, Officials, and Entities in Reponse to Worldwide Malign Activity. US Department of the Treasury. 06.04.2018 // home.treasury.gov/news/press-releases/smo338

контроль за «Русалом» представителям США, что фактически означает переход российской стратегической отрасли в руки американцев.

В полной мере заработала «экономическая дипломатия» – послы США в европейских странах напрямую обращаются к крупнейшим компаниям-партнерам российского проекта «Северный поток – 2» с угрозами применения санкций в их отношении. От имени правительства США они настоятельно рекомендуют *«рассмотреть опасность, которую российский газовый проект представляет для европейской энергетической безопасности, а также репутационные издержки и ассоциируемый с этим риск санкций»*¹.

Цели антироссийских санкций отражены в Стратегии национальной безопасности США 2015 г. *«...Мы мобилизовали и сейчас консолидируем общемировые усилия, чтобы заставить Россию платить за ее агрессию... Мы будем и далее заставлять Россию платить высокую цену с помощью санкций и других мер, противостоять правду ее лживой пропаганде. Мы остановим агрессию России, будем пристально следить за ее новыми возможностями и помогать нашим союзникам и партнерам противостоять ее насилию»*².

В 1997 г. американский политик З.Бэжинский в своей книге «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» определил внешнеполитические ориентиры США: *«Окончательная цель американской политики должна быть доброй и высокой: создать действительно готовое к сотрудничеству мировое сообщество в соответствии с долговременными тенденциями и фундаментальными интересами человечества. Однако в то же время жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии и, следовательно, бросающий вызов Америке»*³.

¹ см. напр. Janene Pieters on November 8, 2018. Dutch Companies Involved In Nord Stream 2 May Face Sanctions, Us Ambassador Says <https://nltimes.nl/2018/11/08/dutch-companies-involved-nord-stream-2-may-face-sanctions-us-ambassador-says>

² US National Security Strategy 2015 P.2, P.25 <https://obamawhitehouse.archives.gov>

³ Бэжинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., Астрель, 2013, С. 704.

В гибридной войне против России, где роль тяжелой артиллерии играют экономические санкции, удары наносятся по стратегическим отраслям российской экономики и одновременно по ее финансово-промышленной элите, которая поставлена перед выбором – капитал или гибель. Гибель, конечно, в переносном смысле – 1,3 триллиона долларов в офшорах и столько же по всему миру.

Литература

1. *Арский Ф.* Перикл. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1971, С. 185
2. *Бжежинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., Астрель, 2013, С.704
3. *Ленин В.И.* //ПСС. 5 изд., Т. 42, С. 278
4. *Надыкто О.* Исследование выявило отток из России в офшоры \$1,3 трлн [Электронный ресурс]: Газета РБК, 09.05.2016 – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/09/05/2016/572fc4839a79479bd682e3eb>
5. *Щелкунов Г.* Отключение от системы SWIFT было бы для России сродни взрыву атомной бомбы [Электронный ресурс]: Газета «Коммерсантъ» № 11, 22.01.2019 – Режим доступа: [//kommersant.ru/daily/118026](http://kommersant.ru/daily/118026)
7. CBS Interview with M. Albright [Электронный ресурс]: youtube.com – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=FbIXiCP9qr4>
8. *Drezner D.W.* The Hidden Hand of Economic Coercion, P3, [Электронный ресурс]: Cambridge University Press – Режим доступа: www.cambridge.org/core/journals/
9. *Gordon Joy.* A Peaceful, Silent, Deadly Remedy: The Ethics of Economic Sanctions, Ethics and International Affairs, Vol. 13, No. 1, pp. 123–142.
10. *Gordon Joy.* Economic Sanctions, Just War Doctrine, and the ‘Fearful Spectacle of the Civilian Dead’, Cross Currents, vol. 49, No. 3 (Fall, 1999), [Электронный ресурс]: CrossCurrents magazine – Режим доступа: www.crosscurrents.org/gordon.htm
11. *Harrel P., Keatinge T. et al.* “Remarks of Under Secretary for Terrorism And Financial Intelligence David S. Cohen at The Practicing Law

Institute's 'Coping With U.S. Export Controls And Sanctions' Seminar, 'The Evolution Of U.S. Financial Power,' [Электронный ресурс]: U.S. Department of the Treasury, press release, December 12, 2014, – Режим доступа: <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/jl9716.aspx>.

12. National Security Strategy of the United States of America, December 2017, P. 34 [Электронный ресурс]: The White House – Режим доступа: www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf

13. Pieters J. on November 8, 2018. Dutch Companies Involved In Nord Stream 2 May Face Sanctions, Us Ambassador Says [Электронный ресурс]: газета NL Times – Режим доступа: <https://nltimes.nl/2018/11/08/dutch-companies-involved-nord-stream-2-may-face-sanctions-us-ambassador-says>

14. Rosenberg E. a.o. The New Tools of Economic Warfare. Effects and Effectiveness of Contemporary U.S. Financial Sanctions. Center for a New American Security. 152 15th Street, NW S. 950 Washington, DC 20005 P.5

15. The Future Transatlantic Sanctions on Russia. [Электронный ресурс]: The Royal United Services Institute. June 2017. P.1 – Режим доступа: <https://rusi.org/publication/other-publications/future-transatlantic-sanctions-russia>

16. The Тройка Laundromat, 04.03.2019 [Электронный ресурс]: OCCRP – Режим доступа: www.occrp.org/en/troikalaundromat/

17. Treasury Designates Russian Oligarchs, Officials, and Entities in Reapponse to Worldwide Malign Activity. 06.04.2018 [Электронный ресурс]: US Department of the Treasury. – Режим доступа: [//home.treasury.gov/news/press-releases/sm0338](http://home.treasury.gov/news/press-releases/sm0338)

18. US National Security Strategy 2015 P.2, P.25 [Электронный ресурс]: The White House – Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/02/06/fact-sheet-2015-national-security-strategy>

19. Zarate J. Treasury's War. The Unleashing of a New Era of Financial Warfare. PublicAffairs. New York. 2013. P.5

Новикова Н.В.,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории
Института экономики и управления
Тверского государственного университета

Козлова Т.М.,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета
Института экономики и управления
Тверского государственного университета

**Стратегии диверсификации деятельности ТНК
в регионах в условиях санкционного режима**

Аннотация. В статье раскрываются основные виды стратегий диверсификации деятельности ТНК в мировой практике. Приводятся практические примеры реализации стратегий по различным регионам России. Авторы отмечают, что виды стратегий различаются по формам в отдельных регионах. Существуют определенные объективные причины, обуславливающие данные экономические процессы в регионах страны.

Ключевые слова: ресурсы, санкции, ТНК, диверсификация, стратегия, инвестиционный режим, стратегические партнерства, слияния, поглощения

Novikova N.V.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economic Theory,
Institute of Economics and Management, Tver State University

Kozlova T.M.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

*Associate Professor of the Accounting Department,
Institute of Economics and Management, Tver State University*

**Strategies for Diversification of TNC Activities
in the Regions under the Sanction Regime**

Abstract. The article describes the main types of strategies for diversifying the activities of foreign TNCs in the world. Practical examples of strategies implementation in various regions of Russia are given. The authors note that the types of strategies differ in forms in individual regions. The activities of TNCs is an important factor in regional economic development.

Keywords: resources, sanctions, TNC, diversification, strategy, investment regime, strategic partnerships, mergers, acquisitions

Современное мировое хозяйство функционирует в условиях неопротекционизма и «санкционного режима». Для установления мирового господства и борьбы за ресурсы страны используются разные способы и формы. Правительства отдельных государств вынуждены осуществлять достаточно жесткие меры для государственного регулирования национальной экономики. Несомненно, что такой экономической политики придерживаются и региональные органы власти. На сегодня для успешного экономического развития и национальной, и региональной экономики очень важно развитие не добывающей, а обрабатывающей промышленности и сферы услуг для перехода на четвертый технологический уклад.

В связи с этим, должно осуществляться перераспределение ресурсов на развитие промышленности, как важной составляющей диверсификационной стратегии развития региона. Важно отметить, что в условиях санкционного режима диверсификационные стратегии развития региона предполагают реализацию мер политики в области экспортной или импортной ориентации. В любом случае нужны дополнительные ресурсы, источники диверсификационной деятельности, иначе говоря, инвестиционные ресурсы для реализации стратегии.

В качестве таких источников можно рассматривать ресурсы иностранных государств и (или) собственные ресурсы региона и (или) страны. В настоящее время, большинство стран активно развивают такую форму международных экономических отношений как между-

народное движение капитала. Именно прямые иностранные инвестиции играют особую роль в развитии реального сектора экономики страны и отдельных ее регионов. Однако на сегодня современная экономическая ситуация в регионах характеризуется очень жесткой конкурентной борьбой за финансовые ресурсы между регионами. И отдельные регионы получают такие ресурсы в разных объемах.

Следует учесть, что значительными ресурсами в странах и регионах обладают ТНК. В настоящее время не все региональные власти используют меры диверсификационной политики для привлечения прямых иностранных инвестиций, используя более полный спектр источников финансирования и инструментов. В связи с этим, ТНК самостоятельно выбирают стратегию дальнейшего своего функционирования на региональном рынке.

Очевидно, что важнейшими конкурентными преимуществами ТНК являются не только дополнительные возможности роста эффективности и повышения конкурентоспособности путем доступа к ресурсам иностранных государств и регионов, но и возможность максимально использовать в своих интересах налоговые, инвестиционные и другие льготы, предоставляемые странами, в том числе отдельными регионами для иностранных инвесторов.

Для выбора стратегии диверсификации ТНК в условиях санкций надо понимать стадии и их формы транснационализации.

Отдельные авторы выделяют три стадии транснационализации – экспорт, совместную предпринимательскую деятельность и прямое инвестирование (2, с. 18).

Однако мы предполагаем, что при каждой стадии могут быть и определенные формы. Так, экспортная деятельность может приобретать такие формы проникновения прямых иностранных инвестиций как:

- создание филиалов (дочерние компании, ассоциированные компании, др.);
- стратегические партнерства;
- слияния и поглощения.

Осуществляя экспортную деятельность в любой из перечисленных форм, при выборе регионов для размещения ТНК учитываются такие характеристики, как оценка емкости рынка, наличие ресурсов, близость к потребителям; развитость инфраструктуры; наличие офис-

ных, складских и производственных площадей; наличие рабочей силы и квалификация специалистов; расходы на содержание офисов, складов, производственных помещений, уровень доходов населения, бюрократические препятствия; условия для осуществления инвестиций; наличие налоговых преференций.

Несмотря на стремление Правительства РФ расширить и стимулировать возможности иностранного инвестирования, их приток существенно уменьшился с введением экономических санкций. Кроме того, в России были введены некоторые ограничительные меры относительно иностранного инвестирования для защиты внутреннего рынка. Девальвация рубля осенью 2015 г. отразилась на всех импортерах. В результате, многие компании в 2016 г. уменьшили численность персонала, сократили маркетинговые бюджеты, отложили запуск новых продуктов.

В условиях санкций такая форма проникновения на рынок как создание филиалов, дочерних компаний, как правило, не действует, поскольку некоторые иностранные компании уходят с рынка и закрывают свои представительства. Так, в 2015 г. «Opel» и «Chevrolet» решили прекратить производство в России (3). В частности, на заводе «Автотор» в Калининграде в январе-феврале 2015 г. были собраны последние автомобили General Motors, а в начале марта 2015 г. их производство в России было полностью остановлено. Кроме того, остановлена также сборка автомобилей на мощностях предприятий в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде.

Падение реальных доходов населения привело к формированию защитной модели расходования средств семейных бюджетов. В результате – снизился спрос на товары и услуги функционирующих на российском потребительском рынке ТНК, особенно со стороны потребителей с низкими и средними доходами. В условиях экономического кризиса для них важнее всего сохранить постоянных потребителей товаров, так как потеря основной их части может вынудить их уйти с российского рынка.

Однако в сложившихся условиях многие ТНК приняли решение закрепиться в России, что вызвало необходимость корректировать стратегию их деятельности с учетом проблем российского рынка.

Например, эмбарго на импорт продуктов питания из Европы и реализация стратегии импортозамещения может привести к более

активному использованию такой формы международного сотрудничества, как рост прямых инвестиций в российскую экономику. Некоторые иностранные компании, например, Valio, «Тетрапак» и др., лишившиеся возможности ввоза своей продукции и оказавшиеся на грани разорения, меняют свою стратегию и активно начинают открывать новые производства в России (7, с.144).

После введения антисанкций все иностранные компании, поставляющие продукцию на молочных рынок, должны были переключиться с традиционного способа ведения бизнеса на использование местных производственных ресурсов. Так, например, с октября 2014 г. компания Valio начала производить питьевое молоко уже из российского сырья, расширило собственное производство на заводе в Ершово, запустило линию плавленых сыров Viola, приступило к производству сливочного масла Viola из российского молока. В 2015 г. заключило новый контракт с Ehrman и начало производство йогурта, творога и творожных муссов (4–6).

Таким образом, импорт товаров будет заменен инвестициями в российскую экономику, но при этом рабочие места и налоги останутся в России.

Весьма примечательной на фоне санкций выглядит стратегия дальнейшей экспансии корпорации «McDonald's» на российский рынок, которая намерена расширять свое присутствие в регионах за Уралом (7, с. 145).

Шведский ритейлер товаров для дома IKEA по-прежнему намерена обеспечивать самое выгодное предложение на российском рынке товаров. В 2016 г. открыло мебельную фабрику под Великим Новгородом. Однако компания серьезно пересматривает стратегию развития в России. До сих пор стратегия компании базировалась на одном формате – это большие оффлайн-магазины, а сейчас происходит попытка встраивания в нее других каналов, – это онлайн и другие форматы, более удобные для совершения покупок, такие как пункты выдачи товара, приобретенного онлайн», рассматривается возможность открытия новых торговых точек площадью до 900 кв. м., работающих по франшизе (8, 9).

Все это демонстрирует существование на российском рынке такой формы проникновения ТНК как создание стратегических партнерств. То есть становится выгодно создавать совместные предприятия, ко-

торые предусматривают возможности использования отечественного сырья, дешевой местной рабочей силы. При этом западные компании, как правило, вносят свой вклад в создание предприятий в виде технологий и основных производственных фондов, осуществляя при этом и одну из разновидностей встречной торговли- поставки оборудования в рамках промышленного сотрудничества.

Иначе говоря, в условиях санкций происходит смена развития формы международных экономических отношений: торговля товарами заменяется на форму международного движения капитала.

Налицо трансформация форм международных экономических отношений, осуществляется переход от одной формы к другой. Меняются и сами формы внешнеэкономических операций: с экспорта на встречную торговлю как составляющую часть промышленного сотрудничества государств.

Стратегические партнерства предполагают создание совместных предприятий. При этом осуществляется переход в новую форму и стадию развития ТНК, меняются и сами формы организации торговли.

По данным исследования KPMG, можно сделать вывод, что происходит повышение участия иностранного капитала в сделках на рынке слияний и поглощений в России. Так, например, в 2017 г. покупка иностранными компаниями российских активов составляет по количеству сделок – 20,3 % (в 2013 г. – 18,9%), по сумме сделок – 33,7 % (в 2013 г. 15,9%), хотя основная часть сделок на рынке слияний и поглощений представляют собой внутренние сделки (1). И это общемировая тенденция, количество сделок сокращается, а сумма – растет.

Что же происходит в регионах и как реализуются стратегии диверсификации?

Реализация диверсификационной стратегии ТНК в отдельных регионах может тормозиться. В таких регионах недостаточно развита инвестиционная активность, в том числе по причинам:

1. в регионе могут отсутствовать специалисты из числа управленцев, знающих особенности развития региона, его уникальность и особенности местоположения;
2. недостаточно развито сотрудничество в области внешнеэкономической деятельности, то есть внешние связи региона;
3. нежелание власти что- то менять в регионе;

4. отсутствие собственных региональных ресурсов, то есть его дотационность и др.

Разработка и осуществление программ инвестиционного развития регионов страны с учетом планов ТНК может являться одним из важных условий их экономического развития. Усиление конкурентной борьбы за привлечение иностранных инвестиций в регионы требует повышения их инвестиционной привлекательности, в частности, создание более благоприятного налогового климата за счет использования региональных возможностей.

Литература

1. KPMG. Рынок слияний и поглощений в России 2017 году [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <http://ru.investinrussia.com/data/file/ru-ru-ma-survey-2017.pdf>

2. Капустина Л.М., Коровина Е.И. Реализация стратегии транснационализации международной компании на российском рынке дорожно-строительной техники // Управленец. – № 6(52). – 2014. – С. 18–23.

3. Мировой автопром бежит из РФ: за Opel и Chevrolet из России уходит SsangYoung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusmonitor.com/mirovoj-avtoprom-bezhit-iz-rf-za-opel-i-chevrolet-iz-rossii-ukhodit-ssangyoung.html>

4. Valio будет производить йогурты и творог на российском заводе Ehrmann [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/spb_sz/20/01/2015/5592ae2b9a794719538d3e12

5. Valio начинает производство новых продуктов в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.valio.ru/press/news/valio_nachinaet_proizvodstvo_novykh_produktov_v_rossii/

6. Valio не идет на компромисс в вопросах качества молочной продукции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svkk.ru/novosti/valio-ne-idjot-na-kompromiss/>

7. Сейфуллаева М.Э. Маркетинговые стратегии современных ТНК: монография. – М.: Научный консультант. – 2016. – 200 с.

8. ИКЕА открыла под Великим Новгородом мебельную фабрику с «космическими скоростями» производства [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <https://vnnews.ru/business/50134-ikea-otkryla-pod-velikim-novgorodom-mebelnyu-fabriku.html>

9. IKEA пересматривает стратегию развития в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.radidomapro.ru/ryedktzij/proyzvodstvo-materialov/stroymateriali/ikea-peresmatrivaet-strategiiu-razvitiia-v-rossii-64859.php>

Сорокина Н.Ю.,

*кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры национальной
и региональной экономики,
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова*

**Государственная поддержка
старопромышленных регионов:
приложение парадигмы «мир-системного
анализа» к региональному развитию**

Аннотация. В статье представлен подход к исследованию старопромышленных регионов с привлечением базовых положений концепции «мир-системного анализа». Обосновано, что структура экономики России является пространственно-иерархической: среди российских регионов могут быть выделены регионы «ядра», регионы «полупериферии» и регионы «периферии». Аргументировано, что нахождение территории в группе старопромышленных является источником угроз ее устойчивому социально-экономическому развитию и требует разработки специальных программ государственной поддержки, учитывающих специфику полупериферийного положения данного типа регионов в национальной экономике.

Ключевые слова: старопромышленный регион, концепция «мир-системного анализа», государственная поддержка, технологический уклад

Sorokina N. Yu.,

*PhD, Assistant Professor
of the Department for National and Regional Economy
of the Plekhanov Russian University of Economics*

**State Support of the Old Industrial Regions:
the Application of the Paradigm
of the “World-System Analysis” to Regional Development**

Abstract. The article presents an approach to the study of old industrial regions with the involvement of the basic provisions of the concept of “world-system analysis”. It has been substantiated that the structure of the Russian economy is spatially hierarchical: among the Russian regions, the “core” regions, the “semi-periphery” regions and the “periphery” regions can be distinguished. It is argued that finding a territory in the group of old industrial ones is a source of threats to its sustainable socio-economic development and requires the development of special state support programs that take into account the specificity of the semi-peripheral position of this type of regions in the national economy.

Keywords: old industrial region, the concept of “world-system analysis”, government support, technological structure

Политика реиндустриализации, направленная на возвращение реальному сектору экономики России ведущей роли в национальном и региональном развитии, актуализировала интерес к проблемам старопромышленных регионов – территорий, на которых сконцентрированы высокоспециализированные отрасли промышленности, связанные с «уходящими» технологическими укладами (6).

В современной экономике позитивная социально-экономическая динамика старопромышленных регионов становится невозможной без государственной поддержки их развития, поскольку устойчивое развитие территории данного типа все чаще начинает определяться не столько внутренними, сколько внешними факторами, в частности, ее местом в системе национального и международного разделения труда. При таком подходе рассмотрение перспектив развития старопромышленных регионов целесообразно осуществлять с опорой на ключевые постулаты парадигмы «мир-системного анализа», а именно, путем ее приложения к объяснению закономерностей и механизмов регионального развития.

Парадигма «мир-системного анализа», разработанная американским социологом и экономистом И. Валлерстайном (1), утверждает, что сложившаяся к настоящему времени «мир-система», основанная

на принципе международного разделения труда, имеет трехуровневую внутреннюю структуру: развитое «ядро», в котором сконцентрированы высокотехнологичные средства производства и высококачественный человеческий капитал; слабо развитая «периферия» – страны с выраженной сырьевой специализацией и низким качеством человеческого капитала; занимающая промежуточное положение «полупериферия», представленная индустриальными странами, специализирующимися на поставках на мировой рынок промышленных и непромышленных товаров и услуг, но заимствующими технологии у стран «ядра».

В качестве гипотезы выдвинем предположение, что структура национальной экономики России является пространственно-иерархической, то есть среди российских регионов могут быть выделены, с определенной долей условности, регионы «ядра», регионы «полупериферии» и регионы «периферии».

По мнению классиков «мир-системного анализа», принципиальные различия между пространственно-иерархическими структурами заключаются в уровнях их инновационно-технологического развития и качестве человеческого капитала. Поэтому в основу исследования нами были положены следующие признаки:

– качество человеческого потенциала территории, оцененное с использованием показателя «индекс развития человека», характеризующего ключевые аспекты жизнедеятельности населения региона, такие как долголетие, достигнутое на основе здорового образа жизни, образовательная подготовка как фактор конкурентоспособности на рынке труда и достойный уровень жизни как функция доходов (2);

– уровень инновационного потенциала региона, для оценки которого использован статистически наблюдаемый показатель «количество патентов на сто тысяч человек населения», поскольку в мировой практике патентная статистика является одним из ключевых показателей прогрессивности технологического развития стран и регионов (7).

Структура регионов России, определенная на основании указанных выше признаков, представлена на рис. 1, где по оси абсцисс помещен показатель «индекс развития человека», по оси ординат – показатель «количество патентов на сто тысяч человек населения». Локализация точек на графике эмпирически подтверждает предпо-

Расположенные в левом нижнем квадранте рисунка регионы могут быть отнесены к «периферии». Они весьма многочисленны по составу и разнородны по структуре: по нашим оценкам, к ней может быть отнесен 41 российский регион. Их общими признаками являются слабо диверсифицированная структура региональной экономики, высокая ориентация на один, преобладающий вид деятельности, в качестве которого часто выступает добыча сырья и полезных ископаемых. Низкий уровень человеческого потенциала ограничивает возможности перехода к новым, более современным технологическим укладам.

Рисунок показывает, что 33 российских региона формируют «полупериферию». Следует отметить, роль «полупериферии» в «мир-системе» и в национальной экономике существенно различается. Так, в мир-системе она, по мнению Валлерстайна, служит неким амортизатором, способствуя снижению уровня поляризации системы, в силу чего ее функции носят «гораздо большей мере политический, чем экономический характер» (1, с. 43). При переходе к иерархической системе территории – на национальный и субнациональный уровни – экономические функции «полупериферии» расширяются, что сопровождается усилением ее роли в социально-экономических процессах. По нашему мнению, полупериферийное положение может быть обусловлено двумя факторами:

– слабостью инновационного потенциала территории при довольно высоком качестве человеческого потенциала (полупериферия первого типа): регионам не удастся создать условия для его полноценной реализации в региональной экономике, что создает угрозы устойчивому социально-экономическому развитию территории в стратегической перспективе;

– снижением человеческого потенциала вследствие естественной и миграционной убыли населения (полупериферия второго типа), что создает угрозу сползания территории к иерархическому уровню «периферия» при довольно высоких показателях инновационности, примером может служить Ульяновская область (4).

Сопоставление полученных нами результатов с результатами других исследователей проблем старопромышленных территорий (5) позволяет утверждать, что в составе регионов полупериферии существенную долю занимают старопромышленные регионы. Так

все старопромышленные регионы Уральского федерального округа (Свердловская, Тюменская и Челябинская области) могут быть отнесены к полупериферии первого типа, поскольку находятся в правом нижнем квадранте рисунка. Среди старопромышленных регионов Центрального федерального округа – два региона (Белгородская и Липецкая области) могут быть отнесены к полупериферии первого типа и один регион (Ивановская область) – к полупериферии второго типа. Даже в условиях политики реиндустриализации нахождение территории в группе старопромышленных является источником угроз устойчивому социально-экономическому развитию региона и требует разработки специальных программ государственной поддержки, учитывающих специфику их полупериферийного положения в национальной экономике.

Предложенный подход позволяет обосновать направления государственной поддержки старопромышленных регионов, обеспечивающие их устойчивое социально-экономическое развитие, что будет способствовать формированию результативной государственной региональной политики, учитывающей особенности специализации территорий в интересах развития национальной экономики России.

Выводы

1. Структура национальной экономики России – пространственно-иерархическая, что позволяет осуществлять ее исследование с привлечением методологических положений парадигмы «мир-системного анализа».

2. Формирование пространственно-иерархической структуры российских регионов носит системный характер, а их современная позиция в иерархии определяется не только эффективностью внутрирегиональных воспроизводственных процессов, но и является результатом событий, имевших место в исторической временной перспективе на национальном и международном уровне.

3. Среди регионов полупериферии значительную часть составляют старопромышленные регионы, что позволяет утверждать, что нахождение территории в группе старопромышленных является источником угроз ее устойчивому социально-экономическому разви-

тию. Данное заключение подтверждает: в современных условиях позитивная социально-экономическая динамика старопромышленных регионов становится невозможной без государственной поддержки их развития.

4. Именно на региональном уровне наиболее убедительно подтверждается вывод И. Валлерстайна и его единомышленников о взаимообусловленности развития, поэтому исследование социально-экономических проблем регионов следует осуществлять в контексте их места в пространственно-иерархической структуре регионов России.

Литература

1. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит. наук Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. – 416 с.

2. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. 172 с.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) (Электронный ресурс). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

4. Проблемы эффективности государственного управления. Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования: монография / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова, А.В. Попов, А.М. Панов, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева, Е.А. Чекмарева; под общ. ред. А.А. Шабуневой. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2013. – 184 с.

5. *Смирнова Т.Г., Лукин Е.В.* Проблемы восстановительного роста обрабатывающей промышленности экспортоориентированного региона // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 4. – С. 162–173.

6. Сорокина Н.Ю., Латов Ю.В. Эволюция старопромышленных регионов в экономике России // Journal of Economic Regulation. 2018. Т. 9. № 1. С. 6–22.

7. The Global Competitiveness Report 2017–2018 (Электронный ресурс). – Режим доступа: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/>

Шемякина Н.В.,

*кандидат экономических наук, доцент,
и.о. директора*

Института экономических исследований

Похилько В.И.,

ведущий экономист

Института экономических исследований

**Теоретико-методологические основы
перспектив инновационного развития
промышленности
непризнанных территорий**

Аннотация. В статье проанализирован рейтинг инновационных экономик мира (Bloomberg Innovation Index), индекс глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index 4.0), охарактеризованы признаки цифровизации. Приведены основные способы трансформации экономической деятельности с помощью цифровых технологий. Представлена характеристика индексов сетевой готовности (Networked Readiness Index), выявлены проблемы при переходе на цифровые технологии. Проанализирована структура источников финансирования НИОКР по странам (National Science Board). Выявлены общие составляющие цифровой экономики в развитых странах, такие как, существенные объемы инвестиций в цифровую инфраструктуру, а также благоприятные условия для внедрения инноваций, поскольку в инновационной деятельности эффективное применение цифровых решений невозможно без устойчивой динамики технологического развития государства. Рассмотрены сдерживающие факторы, препятствующие развитию промышленности, на основе которых сформулированы основные направления инновационного развития экономики Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: цифровизация, инновации, государство, развитие, технологии, рейтинг, экономика, промышленность, производство

Shemiakina N.V.,

*candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Acting Director at the SI “Economic Research Institute”*

Pokhylko V.I.,

lead economist at the SI “Economic Research Institute”

**Theoretical and Methodological Basis
for the Prospects of Industrial Innovative Development
of Unrecognized Territories**

Abstract. The article analyzes the ranking of the world’s innovative economies (Bloomberg Innovation Index) and the Global Competitiveness Index 4.0 and describes the features of digitalization. The main ways of transforming economic activity with the help of digital technologies have been presented; the Networked Readiness Index has been characterized, and the issues related to the transition to digital technologies have been rendered. The structure of the R&D financing sources by countries (National Science Board) has been analyzed. The paper highlights the common components of the digital economy in developed countries, such as significant digital infrastructure investment, as well as favorable conditions for the innovation introduction, since the effective application of digital solutions in innovation is impossible without the steady dynamics of state technological development, and considers the factors, which deterrent the industrial development and on the basis of which the directions for innovative economic development have been formulated.

Keywords: digitalization, innovations, country, development, technologies, ranking, economy, industry, production.

Неоспоримость инновационного фактора как основы экономического развития и преобразований для любого государства, стремящегося занять свою нишу в мирохозяйственном разделении труда, определяет принципиальность внедрения наукоемких и ресурсосберегающих технологий. Генератором инноваций в экономике является промышленность, поскольку именно промышленность стиму-

лирует научно-технический прогресс и является драйвером роста в экономике. В мировой практике доминирующие позиции приобретает концепция новой индустриализации, направленная на достижение высокого уровня устойчивости промышленного производства и его конкурентоспособности. Промышленное производство является одним из основных источников оплаты труда работников, доходов предпринимателей, налоговых и валютных поступлений государства. Кроме того, значение промышленности для экономического развития проявляется через предоставление наибольшего мультипликативного эффекта на экономику.

Общепринятым сегодня является определение инновационной экономики, как экономики, основанной на потоке инноваций, технологическом прогрессе. Определенный мейнстрим научных исследований связан с вопросом использования цифровых технологий как мощного стратегического фактора – драйвера промышленного развития и формирования на этой основе так называемой «цифровой промышленности».

Переход к цифровой экономике является одним из основных факторов роста ВВП. Развитие цифровой экономики в странах способствует усилению конкуренции, повышению производительности и квалификации трудовых ресурсов, снижению цен, облегчению доступа к информации и созданию ряда других преимуществ для потребителей и компаний¹.

Обеспечить конкурентоспособность предприятия в современных условиях возможно только основываясь на инновациях. Инновационная деятельность – неотъемлемая часть современного предприятия. Проблемам инновационной деятельности посвящен ряд научных работ, среди которых выделим работы С.Ю. Глазьева², Б. Титова³,

¹ *Grillia L., Mazzucato M., Meolic M., Scellatode G. Sowing the seeds of the future: Policies for financing tomorrow's innovations // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 127, February 2018. P. 1–7. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii>*

² *Глазьев С.Ю. Информационно-цифровая революция / С.Ю. Глазьев // Датчики и системы. – 2018. – №1. – С. 4–17.*

³ *Титов Б., Широков А. Стратегия роста для России / Б. Титов // Вопросы экономики. – 2017. – №12. – С. 24–39.*

В. Тамбовцева¹, D. Rodrik², L. Li³. Однако данные исследования в основном направлены не на долгосрочное, а на краткосрочное решение проблем развития, что в свою очередь обусловлено спецификой четвертой промышленной революции и производством высокотехнологичной продукции.

Согласно экспертным заключениям одного из крупнейших информационных агентств Bloomberg Innovation Index, Южная Корея занимает первое место в рейтинге инновационных экономик мира уже шестой год подряд (рис. 1). Второе место занимает Германия, которая поднялась на 2 позиции относительно предыдущего периода. Тройку лидеров замыкает Финляндия, поднявшаяся на 4 позиции относительно предыдущего года за счет эффективности высшего образования. В рейтинге принимало участие 60 государств.

Следует отметить стремительный взлет Израиля (с 10 на 5 позицию) благодаря патентной активности, в то время как Швеция опустилась на 5 позиций относительно предыдущего периода (со 2 места на 7) вследствие падения этой активности.

Украина потеряла 7 позиций относительно прошлого года (с 46 на 53 место) за счет снижения продуктивности и интенсивности исследований и разработок.

Сингапур и Япония опустились на 3 позиции в рейтинге из-за снижения степени концентрации исследований.

Россия опустилась в рейтинге с 25 на 27 место вследствие снижения патентной активности.

В современных условиях конкурентоспособность организаций, определяется высокой степенью эффективной инновационной деятельности. Авторы доклада The Global Competitiveness Index 4.0, под

¹ Тамбовцев В. Нуждается ли промышленная политика в теоретических оправданиях? / В. Тамбовцев // Вопросы экономики. – 2017. – №5. – С.29–44.

² Rodrik D. (2018). New Technologies, Global Value Chains, and the Developing Economies. Pathways for Prosperity Commission Background Paper Series; no. 1. Oxford. United Kingdom. P. 27.

³ Li L. (2018). China's manufacturing locus in 2025: With a comparison of "Made-in-China 2025" and "Industry 4.0". Technological Forecasting and Social Change. Vol. 135. P. 66–74.

конкурентоспособностью понимают способность страны поддерживать высокие доходы, сохранять баланс социально-экономических условий и поддерживать удовлетворенность жизнью граждан.

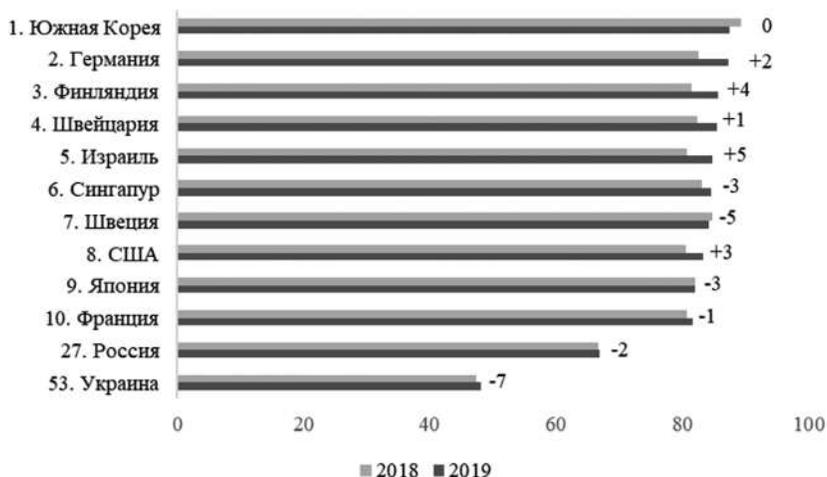

Рис. 1. Рейтинги инновационных экономик мира и их изменения за 2018–2019 гг.¹

В 2018 году США возглавили рейтинг глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index 4.0) (рис.2). На втором месте Сингапур, на третьем Германия.

Лидерство в рейтинге объясняется тем, что США превосходит другие экономики мира по размеру рынка, стабильности и инновационной экосистеме (включая предпринимательскую культуру, ее открытость и гибкость).

Цифровые инновации стимулируют развитие цифровой экономики и общества, дают возможность применения разработок во многих областях и приводят к трансформации экономики. Цифровые технологии проникают во все аспекты нашей жизни, такой процесс

¹ Составлено авторами по данным информационного агентства Bloomberg / These Are the World's Most Innovative Countries. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-22/germany-nearly-catches-korea-as-innovation-champ-u-s-rebounds>

получил название цифровизация. Цифровизацию можно измерить с помощью следующих признаков¹:

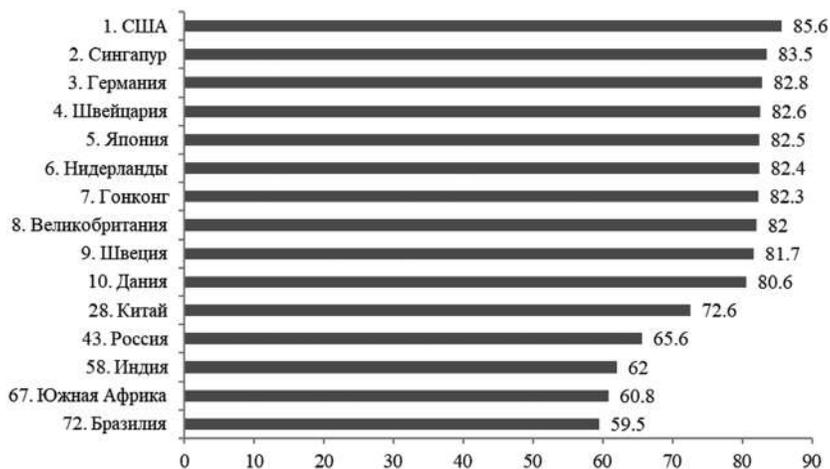

Рис. 2. Рейтинг глобальной конкурентоспособности²

- повсеместность – степень, в которой потребители и предприятия имеют универсальный доступ к цифровым услугам и приложениям;
- доступность – степень, в которой цифровые услуги оцениваются в диапазоне, который делает их доступными как можно для большего числа людей;
- надежность – качество доступных цифровых услуг;
- скорость – степень доступности цифровых услуг в режиме реального времени;
- удобство использования – простота использования цифровых услуг и способность местных экосистем стимулировать внедрение этих услуг;
- умение – способность пользователей включать цифровые услуги в свою жизнь и бизнес.

¹ Katz R.L., Koutroumpis P. Measuring Digitization: A Growth and Welfare Multiplier // Technovation. 2013. Vol. 33 (10–11). P. 314–319.

² Составлено авторами по данным The Global Competitiveness Report. URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2018/>

С помощью цифровых технологий возможны основные способы трансформации экономической деятельности, предложенные Х.Р. Вэрианом¹ (рис. 3).

Рис. 3. Трансформации экономической деятельности с помощью цифровых технологий

Разработанный Всемирным экономическим форумом индекс сетевой готовности (Networked Readiness Index) считается одним из главных показателей места страны в цифровом мире. Он измеряет, насколько хорошо экономика использует информационно-коммуникационные технологии для повышения конкурентоспособности и благосостояния. На рис.4 представлена первая двадцатка стран.

Следует отметить, что в рейтинге участвовало 139 государств. В первом месте находится Сингапур. Его высокий рейтинг в значительной степени является результатом твердой приверженности правительства цифровой повестке дня. Страна использует цифровые технологии для обеспечения доступа к правительственным услугам, а также для обеспечения связи между школами. Второе место занимает Финляндия. Она имеет очень хороший доступ к новейшим технологиям, а также к венчурному капиталу. На четвертом месте – Норвегия, для которой характерна благоприятная деловая и инновационная среда, которая привела к созданию одного из самых гибких и оцифрованных секторов бизнеса в мире.

¹ Varian H. Intelligent Technology // Finance and Development. 2016. Vol. 53 (3). P. 6–9.

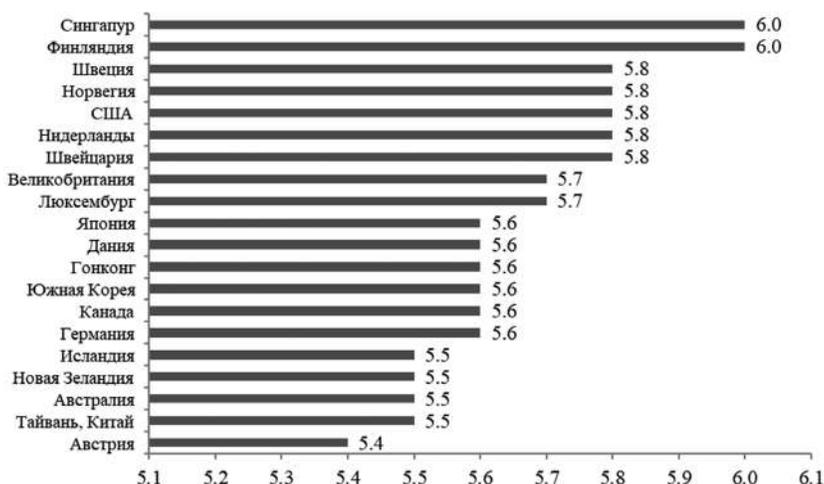

Рис. 4. Ведущие страны в соответствии с индексом сетевой готовности¹

Вследствие прозрачности условий ведения бизнеса и эффективности государственных услуг, применение цифровых технологий помогает улучшить деловой и инвестиционный климат. Однако несмотря на положительные трансформации в сфере цифровизации, существует ряд нерешенных проблем (рис. 5).

Рис. 5. Проблемы при переходе на цифровые технологии

¹ Составлено авторами по данным Global Information Technology Report. URL: <http://reports.weforum.org/global-information-technology-report-2016/networked-readiness-index/>

Национальные инновационные системы отличаются друг от друга многообразием методов, форм и источников финансового обеспечения инновационной деятельности. В развитых странах финансирование идет как из государственных, так и из частных фондов (табл. 1).

Таблица 1. Структура источников финансирования НИОКР в странах мира¹

Страна	ВВП (ППС \$млрд)	Затраты на НИОКР по источникам финансирования, %			
		Бизнес	Государство	Иностранные инвесторы	Прочие
США	496,6	62,4	25,5	5,0	7,1
Китай	408,8	74,7	21,3	0,7	3,3
Япония	170,0	78,0	15,4	0,5	6,1
Германия	114,8	65,6	27,9	6,1	0,4
Южная Корея	74,1	74,5	23,7	0,8	1,0
Франция	60,8	55,7	34,6	7,7	2,0
Великобритания	46,3	48,4	28,0	17,6	6,0

В финансировании НИОКР доля бизнеса занимает более 70% в таких странах как Японии (78%), Южная Корея (74,1%), в то время как доля государственных затрат финансирования НИОКР не превышает 35%. Активное финансирование инновационной деятельности со стороны бизнеса достигнуто благодаря эффективной государственной политике и благоприятному инвестиционному климату.

Отличительной особенностью развития инновационного процесса во многих развивающихся странах является слабая активность предпринимателей и централизованное государственное финансирование исследований и разработок. Наряду с развитыми и развивающимися странами существуют и развиваются непризнанные государства, к которым относится Донецкая Народная Республика (ДНР).

Экономика Донецкой Народной Республики функционирует в непростых условиях, которые вызваны геополитическими факторами: отложенным политическим статусом территории, продолжающимися военными действиями, экономической изолированностью.

¹ National Science Board. 2018. Arlington, VA: National Science Foundation Science and Engineering Indicators 2018 (NSB-2018-1). P. 4/46–47.

Базовым сектором экономики в Республике является промышленность, поэтому качество её дальнейшего развития будет зависеть от государственной поддержки высокотехнологичного производства и инновационного развития государства в целом.

Несмотря на сложную экономическую ситуацию, в Республике наблюдается экономический рост показателей по сравнению со значительным падением в 2017 году, однако все экономические показатели не достигли довоенного уровня. В сложившихся условиях промышленные предприятия пытаются наращивать обороты, искать новые рынки сбыта, наращивать объем реализации промышленной продукции (рис. 6).

Рис. 6. Объем реализованной продукции за 2016–2018 гг. по отраслям^{1, 2, 3}

¹ Итоги работы в 2016 году [Электронный ресурс]: Министерство промышленности и торговли ДНР. – Режим доступа: <http://mptdnr.ru/documents/87-otchet-ob-itogah-raboty-v-2016-godu.html>

² Итоги работы в 2017 году [Электронный ресурс]: Министерство промышленности и торговли ДНР. – Режим доступа: <http://mptdnr.ru/documents/127-otchet-ob-itogah-raboty-v-2017-godu.html>

³ Доклад Э. Арматова об итогах работы Министерства промышленности и торговли за 2018 г. [Электронный ресурс]: Народный Совет ДНР. – Режим доступа: <https://dnrsovnet.su/doklad-eduarda-armatova-ob-itogah-raboty-ministerstva-promyshlennosti-i-torgovli-za-2018-god/>

Существующая в Донецкой Народной Республике экономическая система характеризуется использованием устаревших технологий и низким уровнем инновационности. Остро стоит задача изменения сложившихся тенденций в развитии и наращивании промышленного потенциала на основе выбора новых приоритетов развития экономики в условиях цифровизации. Для этого необходимо «заглянуть» в будущее мировой экономики, сформировать сценарии возможного будущего развития инновационной модели экономики Республики и разработать предложения для их реализации.

Развитию промышленного производства Республики препятствует ряд факторов (рис. 7).

Рис. 7. Препятствия развитию
промышленного производства ДНР

Инновационное развитие экономики ДНР в условиях цифровизации возможно только на основе инноваций, поскольку применение цифровых технологий может улучшить деловой и инвестиционный климат и позволит обеспечить производство высокотехнологичной конкурентоспособной продукции (рис. 8).

8. Таким образом, перспективы инновационного развития экономики ДНР в условиях цифровизации должны быть заданы вектором стимулирующей политики государства. Применение цифровых технологий улучшит деловой и инвестиционный климат, что позволит обеспечить производство высокотехнологичной конкурентоспособной продукции. Новые технологии будут влиять на развитие бизнеса и государственного управления, рост качества жизни. Увеличение финансирования научно-исследовательских разработок, подготовка

кадров в сфере высоких технологий позволит повысить конкурентоспособность не только отдельных предприятий, но и экономики ДНР в целом, что обеспечит устойчивый экономический рост за счет внедрения достижений науки и перехода на качественно новый, инновационный этап развития.

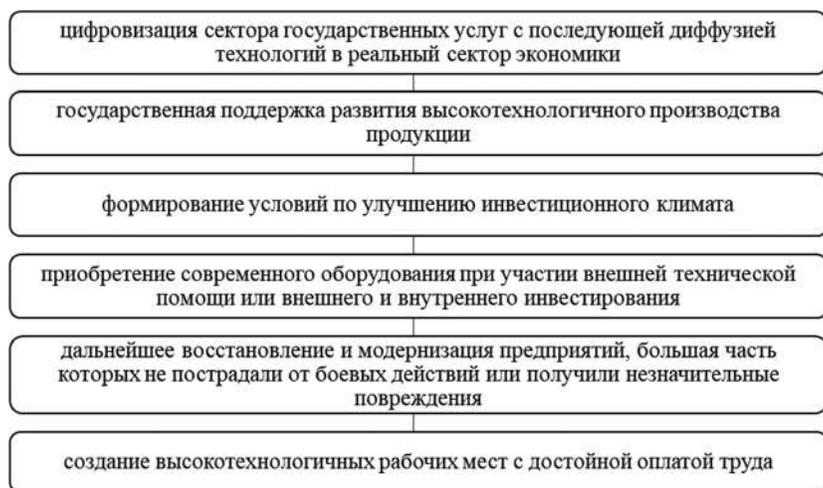

Рисунок 8. Направления инновационного развития экономики ДНР

Литература

1. Глазьев С.Ю. Информационно-цифровая революция / С.Ю. Глазьев // Датчики и системы. – 2018. – №1. – С. 4–17.
2. Доклад Э. Арматова об итогах работы Министерства промышленности и торговли за 2018 г. [Электронный ресурс]: Народный Совет ДНР. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/doklad-eduarda-armatova-ob-itogah-raboty-ministerstva-promyshlennosti-i-torgovli-za-2018-god/>
3. Итоги работы в 2016 г. [Электронный ресурс]: Министерство промышленности и торговли ДНР. – Режим доступа: <http://mptdnr.ru/documents/87-otchet-ob-itogah-raboty-v-2016-godu.html>

4. Итоги работы в 2017 г. [Электронный ресурс]: Министерство промышленности и торговли ДНР. – Режим доступа: <http://mptdnr.ru/documents/127-otchet-ob-itogah-raboty-v-2017-godu.html>

5. Тамбовцев В. Нуждается ли промышленная политика в теоретических оправданиях? / В. Тамбовцев // Вопросы экономики. – 2017. – №5. – С.29–44.

6. Титов Б., Широв А. Стратегия роста для России / Б. Титов // Вопросы экономики. – 2017. – №12. – С.24–39.

7. Global Information Technology Report. URL: <http://reports.weforum.org/global-information-technology-report-2016/networked-readiness-index/>

8. Grillia L., Mazzucato M., Meolic M., Scellatode G. Sowing the seeds of the future: Policies for financing tomorrow's innovations // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 127, February 2018. P. 1–7. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii>

9. Katz R.L., Koutroumpis P. Measuring Digitization: A Growth and Welfare Multiplier // Technovation. 2013. Vol. 33 (10–11). P. 314–319.

10. Li L. (2018). China's manufacturing locus in 2025: With a comparison of "Made-in-China 2025" and "Industry 4.0". Technological Forecasting and Social Change. Vol. 135. P. 66–74.

11. National Science Board. 2018. Arlington, VA: National Science Foundation Science and Engineering Indicators 2018 (NSB-2018-1). P. 4 /46–47.

12. Rodrik D. (2018). New Technologies, Global Value Chains, and the Developing Economies. Pathways for Prosperity Commission Background Paper Series; no.1. Oxford. United Kingdom. P. 27.

13. The Global Competitiveness Report. URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2018/>

14. These Are the World's Most Innovative Countries. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-22/germany-nearly-catches-korea-as-innovation-champ-u-s-rebounds>

15. Varian H. Intelligent Technology // Finance and Development. 2016. Vol. 53 (3). P. 6–9.

**Форсайт «Россия»: будущее технологий,
экономики и человека**

Том 2

Сборник докладов

Санкт-Петербургского

Международного Экономического Конгресса (СПЭК–2019)

Подписано в печать 16.12.2019.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1

Печать офсетная. Печ. л. 53,75.

Тираж 1000 экз. Заказ